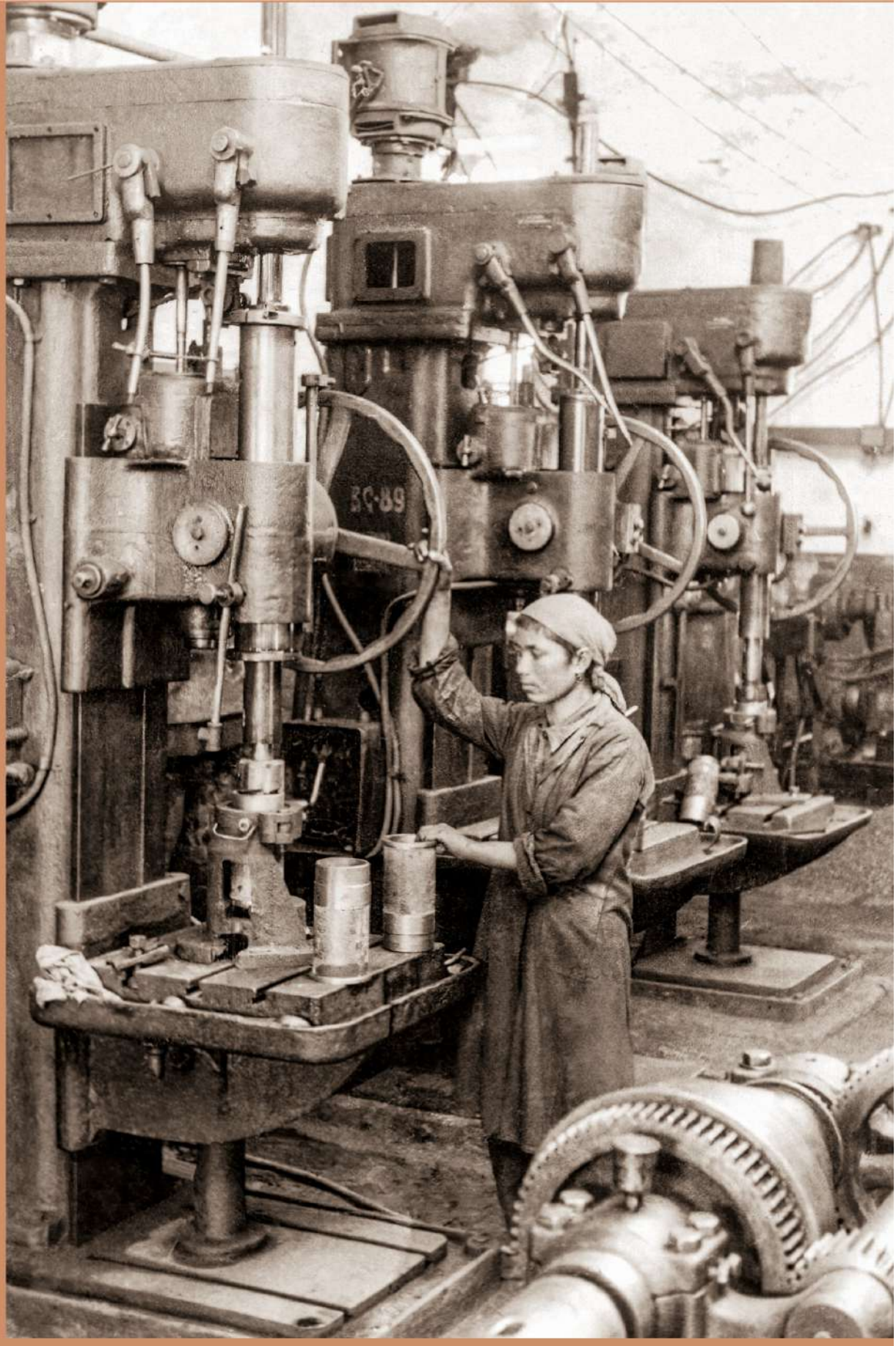

Труд во имя Победы

трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии
в годы Великой Отечественной войны

1943
Южно-Уральский
государственный
университет
Национальный
исследовательский
университет

Южно-Уральский государственный университет

Национальный исследовательский университет

При поддержке:

Полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе

Губернатора Челябинской области

Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации

Генерального консульства Кыргызской Республики в г. Екатеринбурге

Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Екатеринбурге

Посольства Туркменистана в Российской Федерации

Генерального консульства Республики Узбекистан в г. Екатеринбурге

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет

Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны

Сборник научных статей

Челябинск
2021

УДК 94(470.55)«1941/45»: 94(575)«1941/45»
ББК 63.3(235.5)622 + 63.3(54)
Т 78

Редакционный совет:

А. Л. Шестаков, доктор технических наук, ректор Южно-Уральского государственного университета (Россия) — председатель редакционного совета;
Г. Д. Джунушалиева, доктор исторических наук, заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Кыргызского экономического университета (Кыргызстан);
В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Россия);
М. Овлякулиев, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общественных наук Туркменского государственного института финансов (Туркменистан);
И. М. Саидов, доктор исторических наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан);
С. Ж. Сапанов, доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института «Истории, археологии и этнографии Прикаспийского региона имени Х. Б. Табылдиева», Атырауский университет им. Х. Досмухамедова (Казахстан);
Н. К. Убайдулло, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан).

Редакционная коллегия:

Н. А. Антипин, кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета;
И. В. Сибиряков, доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета.

Т 78 **Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны** : сб. науч. ст. / редкол.: Н. А. Антипин, И. В. Сибиряков. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. — 573 с. ; ил.

ISBN 978-5-696-05193-2

Сборник научных статей посвящен периоду Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Победа в этой войне была достигнута благодаря объединению усилий фронта и тыла. Регионы СССР, располагавшиеся в глубоком тылу, стали базой по выпуску вооружения, снаряжения и продовольствия для Красной армии, они приняли и разместили эвакуированные из западных областей страны производство и население. Этим и другим аспектам экономики военного времени посвящены статьи историков России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

УДК 94(470.55)«1941/45»:94(575)«1941/45»
ББК 63.3(235.5)622 + 63.3(54)

Фотография на обложке: Многостаночница завода «Красный двигатель» М. Махмудова за работой. Самарканд, 1943 г.

Фонд поддержки гражданских инициатив Южного Урала

ISBN 978-5-696-05193-2

© Издательский центр ЮУрГУ, 2021

Содержание

Предисловие..... 11

Часть I. Тыл — фронту 15
С. А. Абраров, Р. Э. Халикова, Н. А. Ваисова. Вклад тружеников тыла — уроженцев Урала и трудящихся Узбекистана — в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне..... 16
Ф. Г. Кулуева, Р. Э. Халикова. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны 32
Н. Р. Ниязмухаммедов, П. Х. Дурдыклычев. Вклад трудящихся Туркменистана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов 39
А. К. Рахимбекова, И. С. Искаков. Вклад Казахстана в Победу 46
К. К. Абдрахманова. Караганда в годы Великой Отечественной войны 52
Е. А. Калинина. Трудовой подвиг жителей Западно-Казахстанской области, в том числе эвакуированных, в победу в Великой Отечественной войне 60
С. Ж. Сапанов, К. С. Жумабаева, М. С. Сапанова. Гурьевская область в годы Великой Отечественной войны: эвакуационная зона 69

Часть II. Промышленность Урала и Центральной Азии в годы войны.... 75
В. В. Менщиков, О. А. Филимонова. Особенности промышленного развития Кургана в годы Великой Отечественной войны..... 76
О. С. Павлова. Размещение и ввод в строй эвакуированных промышленных предприятий на территории Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны..... 85
А. М. Емельянов. Ленинградский авиаприборный завод в эвакуации (по документам Молотовского горкома ВКП(б)) 95
Х. Б. Бабаджанов. Ташкентская железная дорога в 1941–1945 годах 104
Н. Б. Хотамов. Промышленность Таджикистана в годы Великой Отечественной войны..... 108
А. З. Акрамов. Специфика перестройки промышленного производства Таджикистана в условиях Великой Отечественной войны..... 117
А. Т. Жанакеева. О перестройке промышленности Кыргызстана на военный лад в период Великой Отечественной войны..... 124

Г. Д. Джунушалиева. Перевод горнорудной промышленности
на военный лад 130
Н. А. Алымкулов. Хайдарканский ртутно-сурьмяной комбинат
(комбинат № 5) в годы великих испытаний 146

**Часть III. Сельское хозяйство Урала
и Центральной Азии в годы войны** 153
К. Ю. Кладова, М. В. Усольцева. «Каждому работать за двоих!»:
сельская тыловая повседневность жителей Мокроусовского района
Курганской области в годы Великой Отечественной войны 154
Л. М. Завьялова. Вклад жителей Ханты-Мансийского национального
округа в развитие рыбной промышленности
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 164
*В. П. Мотревич, Ш. В. Исуфов.*Совхозы советских республик
Центральной Азии в начале Великой Отечественной войны 172
И. М. Саидов. Сельское хозяйство Узбекистана
в годы Великой Отечественной войны 182
М. Овлякулиев, А. Атаев. Трудовые подвиги тружеников сельского
хозяйства Туркменистана в годы Великой Отечественной войны 198
Н. С. Эшимбекова. Социально-экономические изменения в сельском
хозяйстве Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны 205
Н. А. Алымкулов, С. А. Арзыгулова. Развитие свекловодства
во Фрунзенской области в годы Великой Отечественной войны
1941–1945 гг. 215
Н. Б. Хотамов. Сельское хозяйство Таджикистана
в годы Великой Отечественной войны 226

Часть IV. Трудовые ресурсы 233
Ю. Г. Белоногов. Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 26 июня 1940 года как правовой фактор регулирования
мобильности рабочей силы в период Великой Отечественной войны
(на материалах Пермского края) 234
Н. А. Антипин. Эвакуация населения в Челябинскую область
в годы Великой Отечественной войны: социально-демографические
характеристики вынужденной миграции 244
И. В. Сибиряков. Интеллектуальная миграция как фактор Победы:
некоторые особенности подготовки инженерных кадров
в вузах Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 259
И. В. Рудометова. Кадровая ситуация на предприятиях легкой
и пищевой промышленности Челябинской области в период
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 269
А. В. Буданов. Карабашский медеплавильный завод в 1941–1945 годах:
кадровый потенциал и антикризисное управление 278

Н. Н. Ивлев. Деятельность финансово-экономических техникумов Наркомата финансов СССР на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 296
В. Д. Павленко. Трудовые батальоны Казахстана и Средней Азии на промышленных предприятиях и стройках Урала в 1941–1945 годах... 303
Т. А. Алимбаев. Вклад молодежи Казахстана в экономику победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 312
С. И. Иноятов, К. К. Ражабов. Вклад трудовой армии Узбекистана в производство вооружения на промышленных предприятиях Урала 318
М. Ш. Нурсаидова. Трудовая мобилизация на Урал в 1942–1944 годах (на примере Узбекской ССР)..... 324
Д. С. Аннаоразов. Вклад трудмобилизованных из Туркменистана в достижении победы в Великой Отечественной войне 329
Т. И. Старусева. Трудовой героизм как важный фактор в годы Великой Отечественной войны (на примере Киргизии) 340

Часть V. Военная повседневность тыла 349
Н. П. Палецких. Кассы общественной взаимопомощи колхозников на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны 350
С. А. Кусков. Решение топливной проблемы эвакогоспиталями в период Второй мировой войны (по материалам Челябинской области)..... 363
В. Ю. Сарабеев. «Всеми силами изобразительного языка на борьбу с врагом»: Союз советских художников Молотовской области в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Пермского края) 385
С. Н. Уваров. Состояние и проблемы здравоохранения Удмуртии накануне и в начальный период Великой Отечественной войны 393
А. В. Волков. Война и праздник: проведение государственных праздников в годы Великой Отечественной войны в Кургане (по материалам газеты «Красный Курган»)..... 401
А. А. Карпухина. Сбор денежных средств для нужд фронта, отправка вагонов с подарками и помощь освобожденным районам трудящимися и молодежью Кустанайской области 410
У. А. Акрамова. Общественная жизнь узбекистанцев в годы Великой Отечественной войны (по материалам Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана) 416
Г. Р. Асатова. Во имя победы: физкультурные и спортивные организации Узбекистана в годы войны 1941–1945 гг. 419
Т. Т. Сырдыбаев, А. Ы. Ырысбеков Особенности мобилизационной деятельности в довоенный и военный периоды в Киргизстане..... 429
А. К. Бекбоева, Н. У. Курбанова. Социальная защита семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на примере Кыргызстана) 435

Г. Амирбек кызы. Значение открытия филиала Академии наук СССР в Киргизии 443
Р. Абулхаев. Наука Таджикистана в годы Великой Отечественной войны 448
А. М. Гафуров. Эвакогоспитали Таджикистана на службе фронту 456
Р. Я. Шарифов. Забота таджикистанцев об эвакуированных в годы Великой Отечественной войны 462
Б. Т. Кабилова. Таджикистан в судьбе и творчестве эвакуированных музыкальных и театральных коллективов в годы Великой Отечественной войны 468
С. Х. Акрамова. Таджикское кино накануне и в период Великой Отечественной войны 477
М. С. Имомзода, З. А. Сайфуллаева. В шаге от фронта: таджикская советская литература в тылу 483
Ш. В. Исуфов. Вклад тружеников Кулябской области в Фонд обороны в годы Великой Отечественной войны 491

Часть VI. Историография и источниковедение Великой Отечественной войны 495
Т. В. Вербицкая. Документы об эвакуации в годы Великой Отечественной войны как основа политики памяти (на примере материалов Государственного архива Свердловской области) 496
А. В. Герасимова. Партийные документы о работе промышленных предприятий в Тюменском крае в годы Великой Отечественной войны 502
В. Н. Мамяченков. Воспоминания В. Н. Новикова о работе Наркомата вооружения СССР в годы Великой Отечественной войны: взгляд «красного директора» 507
Б. Д. Шмыров. Образы трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 годах (по результатам научных исследований) 521
Н. К. Убайдулло. К вопросу о периодизации историографии Таджикистана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 528
З. М. Сулейманова Трудовой подвиг народа Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (по кино- и фотодокументам Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана) 539

Сведения об авторах 543

Список сокращений 549

Summary 554

Уважаемые друзья!

Книга, которую вы держите в руках, не просто сборник научных трудов. Она еще и дань памяти трудовому подвигу наших земляков-уральцев, жителей других регионов страны в военные годы.

Каждая из статей, вошедших в сборник, раскрывает одну из граней этого исторического свершения. Сухие на первый взгляд цифры и факты действительно впечатляют.

Эвакуация на Урал, в Сибирь и Центральную Азию сотен промышленных предприятий стало беспрецедентным по срокам и масштабам перемещением производительных сил. Его изучение имеет не только историческую, но и практическую ценность. Организация огромного объема перевозок, формирование инфраструктуры и налаживание кооперационных связей заслуживает внимательного изучения и представляет несомненный интерес.

Не менее важен предвоенный и военный опыт территориального планирования и пространственного развития страны. Формирование в 30-е годы прошлого века на Урале второй угольно-металлургической базы стало уникальным, одним из первых в мире примером формирования территориально-производственного комплекса. Это стратегическое решение позволило компенсировать потери производства, вызванные оккупацией, буквально за несколько месяцев наладить работу эвакуированных предприятий.

Предлагаемая вашему вниманию книга выполняет еще одну миссию. Она способствует утверждению исторической правды, противодействует попыткам принизить роль отечественной экономики в достижении победы над врагом. При всей важности помощи от союзников не она позволила нам закончить войну в Берлине. Это сделали наши отцы и деды — у станков и на передовой, в тылу и на фронте.

Наш долг — сохранить память об их подвиге и передать ее грядущим поколениям.

В. В. Якушев,
полномочный представитель
Президента Российской Федерации
в Уральском федеральном округе

Уважаемые друзья!

Великая Отечественная война была и остается крупнейшим событием XX века. Из года в год мы все отчетливее понимаем, через какие суровые испытания прошло военное поколение, насколько весомым оказалось единение фронта и тыла.

Победа складывалась из череды ежедневных подвигов — воинских и трудовых. Но для жителей Урала и Центральной Азии самоотверженный труд в военные будни не был чем-то геройским. Люди просто делали то, чем могли помочь ушедшим на фронт отцам, мужьям, сыновьям и братьям. Из тыла на передовую шли эшелоны с боевой техникой, снарядами, одеждой, продуктами и лекарствами. Сменами по 12–16 часов люди стояли у станков, трудились в поле, на заводских стройках и в конструкторских бюро.

В 2020 году двадцать российских городов, в том числе Челябинск и Магнитогорск, получили почетные звания «Город трудовой доблести». Искренне рад, что и на Урале, и в республиках Центральной Азии берегут память о тружениках тыла, о нашем общем вкладе в победу над фашизмом. Именно этим единством мы должны гордиться и всегда помнить о нем.

А. Л. Текслер,
губернатор Челябинской области

Уважаемые читатели!

Историческая память — одна из важнейших ценностей общества, основа духовной и культурной преемственности поколений. Ее важно сохранять, чтобы такое страшное событие, как Великая Отечественная война, никогда больше не повторилось. Трудно переоценить вклад народов Советского Союза в Великую Победу, героизм фронтовиков и работников тыла. В глубоком тылу размещались эвакуированные заводы, создавались техника, оружие и снаряжение.

В международный сборник «Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны» вошли научные труды ученых Урала, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Одноименная научная конференция — своеобразная презентация этого издания. Ученые исследуют все аспекты экономики военного времени.

Хочу сказать спасибо авторам сборника за кропотливую и очень важную для гражданско-патриотического воспитания молодежи работу. Издание научных трудов, увековечивающих подвиги наших предков в военный период, стало традицией. Южно-Уральский государственный университет будет продолжать эту работу, объединяющую ученых России и Азии.

Поздравляю вас с Днем Великой Победы, дорогие друзья! Благодаря исторической памяти, правде о роли советских солдат и тружеников тыла в победе над «коричневой чумой» XX века мы можем уверенно двигаться вперед, развивая науку.

А. Л. Шестаков,
ректор Южно-Уральского государственного университета,
доктор технических наук, профессор

Предисловие

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была достигнута благодаря объединению усилий фронта и тыла. Регионы СССР, располагавшиеся в глубоком тылу, стали базой по выпуску вооружения, снаряжения и продовольствия для Красной Армии, они приняли и разместили эвакуированное из западных областей производство и население. Этим и другим аспектам экономики военного времени посвящен международный научный сборник «Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны», в который вошли материалы одноименной Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня начала Великой Отечественной войны.

Издание призвано подчеркнуть важность изучения истории войны и обращения к ее опыту в современных условиях, представить вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в Победу; объединить историков России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в изучении общего прошлого наших стран. В подготовке издания приняли участие более 70 исследователей из Уральского федерального округа и государств Центральной Азии. Это историки, преподаватели высших учебных заведений, сотрудники академических институтов, архивисты, аспиранты и магистранты.

Первая часть сборника посвящена разнообразным аспектам вклада тыловых регионов СССР в достижение победы в войне. Авторы этой части обзорно представили функционирование основных институтов военной экономики, эвакуацию и размещение промышленных предприятий, организацию производства и поставок продукции сельского хозяйства для нужд фронта, работу органов власти, кадровую политику и мобилизацию на трудовой фронт, а также участие в восстановлении освобожденных от врага западных территорий страны. При этом исследуются не только процессы, проходившие в рамках масштабных регионов, таких как Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, но и процессы, которые проходили на локальном уровне, на отдельных территориях, таких как — Караганда, Западно-Казахстанская или Гурьевская области — в годы войны.

В статьях приводятся многочисленные примеры трудового героизма населения Советского Союза. Авторы постарались в особой количественной форме представить вклад тех или иных регионов в достижение общей Победы. Например, в 1941–1942 гг. в Казахстан было перебазировано 220 заводов и фабрик, цехов и артелей, в основном из Украины, Белоруссии,

Молдавии, Москвы и Ленинграда, в том числе 54 завода и фабрики легкой промышленности. Туркменистан был одним из важных поставщиков нефти в действующую армию. Только за полтора года войны для Вооруженных Сил было отгружено 39 497 цистерн нефтепродуктов. Нефтепродукты отправлялись также предприятиям танковой промышленности, цветной и черной металлургии, станкостроения и др.

Далее на страницах сборника исследуются отдельные аспекты военной экономики и повседневной жизни тыловых регионов СССР в годы Великой Отечественной войны. Победа в войне стала возможна благодаря объединению усилий на всех участках. Регионы СССР, располагавшиеся в глубоком тылу, стали базой по выпуску вооружения, снаряжения и продовольствия для Красной Армии, они приняли и разместили эвакуированное из западных областей производство и население. Вторая и третья части сборника освещают тему работы промышленности и сельского хозяйства регионов Урала и республик Центральной Азии в годы войны.

Одним из условий перехода советской экономики на военные рельсы стала эвакуация предприятий на восток. Переброска крупных оборонных производств позволила в короткие сроки восстановить и значительно приумножить, «собрать в кулак» военно-промышленный ресурс страны. Поменяли место расположения 2593 промышленных предприятия, из них к осени 1942 г. на Урале было размещено 788 предприятий. На основе прибывших в Казахстан заводов и цехов в республике были созданы машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли. Эвакуация производства и квалифицированных кадров дала мощный толчок развитию экономического потенциала регионов Урала и республик Центральной Азии. Урал стал лидером по производству металла, танков, самоходных артиллерийских установок, «катюш», снарядов; Узбекистан давал фронту самолеты, авиамоторы, авиабомбы; Казахстан — черновую медь, свинцовую руду, цветной прокат, минно-тральное вооружение, торпеды, мины, артснаряды; Таджикистан — хлопок, шелк, мясо и зерно; Кыргызстан — уголь и продукцию сельского хозяйства.

Эвакуация и модернизация промышленного производства способствовали развитию тыловых регионов. Например, к началу Великой Отечественной войны Курган являлся небольшим городом Челябинской области с неразвитым промышленным производством. В начале войны в город были эвакуированы промышленные предприятия, ставшие основой промышленного потенциала Кургана в будущем. Удельный вес оборонной продукции в общем количестве товарного выпуска предприятий Кургана вырос с 2,9 % в 1941 г. до 85,1 % в 1944 г. В результате в 1943 г. была образована Курганская область. В начале войны в Таджикистан было эвакуировано около 30 промышленных предприятий, они дали толчок развитию местной промышленности: хлопчатобумажной, швейной, кожевенно-обувной, консервной, маслобойной, плодоовощной.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны в связи с оккупацией территорий ряда союзных республик и областей РСФСР повысилось значение совхозов в регионах Урала и республиках Центральной Азии. Показатели валовой продукции сельского хозяйства СССР накануне Великой Отечественной войны в стоимостном выражении свидетельствуют, что в

1940 г. на долю советских республик Центральной Азии (Казахская, Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская ССР) приходилось 10,4 % общесоюзного аграрного производства. В совхозной системе основными производителями зерна в Центральной Азии являлись советские хозяйства Казахстана. В 1941 г. на их долю приходилось свыше 80 % валового сбора зерна совхозами республик Центральной Азии. Показателен вклад Узбекистана, который за годы войны сдал государству 4 млн 148 тыс. т хлопка-сырца, 82 млн пудов зерна, 54 067 т шелковых коконов, 195 тыс. т шалы, 57 444 т фруктов и винограда, 36 тыс. т сушеных фруктов, 159 300 т мяса, 22 300 т шерсти и много другой продукции.

Особое внимание в сборнике уделено вопросам использования трудовых ресурсов республик Центральной Азии в промышленности Урала в 1942–1945 гг. Согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны от 14 октября 1942 г. с территории Среднеазиатского военного округа на трудовой фронт было мобилизовано 350 тыс. человек: из Узбекской ССР — 150 тыс., из Казахской ССР — 100 тыс., из Туркменской ССР — 40 тыс., из Киргизской ССР — 30 тыс., из Таджикской ССР — 30 тыс. человек. Трудмобилизованные участвовали в строительстве Челябинского металлургического завода, работали на Магнитогорском металлургическом комбинате, Кировском заводе (Челябинск), на угольных шахтах Южного Урала, на стройках и предприятиях Среднего Урала, внеся свой вклад в выпуск оборонной продукции.

Несмотря на пережитые трудности и лишения, голод, холод и болезни, пребывание трудмобилизованных на Урале имело для них большое мировоззренческое значение. Бывшие сельчане, никогда не выходившие из своих культурно-бытовых пространств, впервые оказались в незнакомом и непривычном жизненном пространстве. Они впервые увидели крупные промышленные города, гигантские стройки, промышленные предприятия и шахты. Многие из трудмобилизованных освоили сложные рабочие профессии, стали стахановцами и ударниками труда. По окончании войны часть их продолжили свою трудовую деятельность уже на заводах и фабриках в республиках Центральной Азии.

Важным источником трудовых ресурсов стало население, эвакуированное из западных регионов СССР. Только в Челябинской области было размещено более 350 тыс. человек. Эвакуация повлияла также на повышение уровня кадрового потенциала региона. В годы войны на Южный Урал были эвакуированы инженеры, конструкторы, научные сотрудники, руководители, квалифицированные рабочие, педагоги, деятели культуры. Не все они вернулись обратно после войны, оставшиеся обогатили производство, науку, образование и культуру Южного Урала своими знаниями и опытом. Эвакуация населения, промышленных предприятий и отдельных производств способствовала включенности региона в глобально-исторический контекст и формированию трансграничных связей Челябинской области с западными регионами СССР, например с Москвой, Ленинградом, Харьковом, другими крупными городами и производственными центрами. Эти связи выразились не только в форме экономической кооперации, научных контактов, но и в неформальных отношениях реэвакуированных специалистов с Челябинской областью, по крайней мере, среди тех, кто лично пережил эвакуацию.

Война изменила устоявшийся уклад жизни многих миллионов людей, потребовала от населения тыловых регионов предельной сконцентрированности на труде что было сделать особенно сложно в условиях снижения уровня жизни, сокращения снабжения продуктами питания и товарами массового потребления. В пятой части сборника освещены различные аспекты повседневной жизни населения в годы войны, в первую очередь сюжеты, связанные с развитием здравоохранения и снабжения населения необходимыми товарами и продуктами. Регионы Урала и Центральной Азии приняли активное участие в формировании и обеспечении деятельности эвакуационных госпиталей. Неотъемлемой частью повседневной жизни были религия, культура и образование. Период войны ознаменовался особым духовным подъемом, который охватил самые разные группы населения СССР. Представленные в сборнике исследования убедительно показывают, что в развитии культуры Урала и республик Центральной Азии в годы войны произошел очевидный и масштабный рост. Во многом он объясняется наличием здесь солидного научно-образовательного и культурного потенциала, созданного в довоенный период, а также эвакуацией в тыловые регионы большого количества учреждений науки, образования и культуры из западных районов СССР.

Завершает сборник шестая часть, посвященная широкому кругу проблем, связанных с развитием историографии и источниковедения истории Великой Отечественной войны, различным аспектам сохранения исторической памяти о войне. Часть статей этого раздела подготовлена сотрудниками архивов России и Узбекистана, они представляют новые документы по истории войны и обращают внимание исследователей на новые исторические источники, вводимые в научный оборот.

Редакционная коллегия

Часть I

Тыл — фронту

С. А. Абраров, Р. Э. Халикова, Н. А. Ваисова

Вклад тружеников тыла — уроженцев Урала и трудящихся Узбекистана — в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне

Отражен вклад тружеников тыла — уроженцев Урала и трудящихся Узбекистана — в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне. Описаны зародившиеся в годы войны формы трудового творчества: движения двухсотников и трехсотников, создание фронтовых бригад, движение за строгую экономию и целесообразное использование местных ресурсов и др. Раскрывается такая форма работы партийных и советских органов по укреплению связи тыла с фронтом, как переписка тыловиков с бойцами Красной армии. Показан также вклад ученых Узбекистана в обеспечение фронта и страны всем необходимым, освещены вопросы подготовки научных и преподавательских кадров; приведены факты, характеризующие творческое содружество и сотворчество представителей творческой интеллигенции разных народов Союза ССР.

Ключевые слова: *тыл, война, труд, Узбекистан, трудящиеся*.

Человечество за свою многовековую историю пережило много больших и малых войн. Однако самой масштабной и кровопролитной была Вторая мировая война, составной частью которой явилась Великая Отечественная война народов Союза ССР против германского фашизма. В этой войне, унесшей почти 27 миллионов жизней нашей тогда общей страны, решался вопрос, сохранит ли мир прогрессивную стезю своего развития или на значительную часть его, если не на весь мир, распространится мракобесие, которое олицетворял собой фашизм, несший смерть и порабощение многим странам и народам. Народы Союза ССР с честью выдержали это суровейшее испытание и внесли решающий вклад в победу над злейшим врагом человечества — фашизмом.

Победа ковалась не только на фронтах, где героически сражались с врагом миллионы наших соотечественников, но и в тылу, где самоотверженно трудились миллионы людей, среди которых было очень много женщин, подростков, людей пожилого возраста. Война еще раз показала, насколько важна слаженная и эффективная работа тыла в деле обеспечения фронта всем необходимым для достижения победы над врагом.

Несмотря на то, что уже минуло более семи десятилетий со дня окончания войны, обращение историков к военной тематике остается по-прежнему актуальным. Это продиктовано и благородным стремлением сохранить память о тех героических и трагических днях — увековечить ее, и важностью не допустить фальсификаций в трактовке событий той великой войны, что мы, к сожалению, наблюдаем в странах Запада и ряде других государств — республиках бывшего Союза ССР. В условиях обострившейся идеологической борьбы в современном мире важно сохранить правду о войне, доводить ее до сознания широких масс людей, тем самым воздавая должное нашим отцам и дедам, матерям и бабушкам — всем тем, кто своими деяниями, будь то на фронте или в тылу, внес свой посильный вклад в Победу.

В данной статье предпринята попытка обобщить вклад тружеников тыла, коротко и сжато — уроженцев Урала и более широко и пространно — трудящихся Узбекистана, в общую Победу.

Все годы войны Урал занимал особое место в военной экономике страны, и, думается, не будет преувеличением сказать, что он был ее стержнем. Уже в четвертом квартале 1941 г. он давал народному хозяйству 62 % производившегося в стране чугуна и около 50 % стали, более половины проката и меди, весь алюминий, магний, никель, кобальт, около 30 % цинка и основную массу химикатов. Здесь появились заводы по производству энергетического оборудования, радиотелефонной аппаратуры, подшипников, кабеля, радиотехнических изделий. Промышленность Урала стала давать до 40 % всей военной продукции, в том числе 60 % средних и 100 % тяжелых танков[1].

Большой вклад в дело обеспечения фронта боеприпасами, боевой техникой и другой продукцией внесла Челябинская область. Южный Урал принял множество эшелонов с оборудованием эвакуированных предприятий и учреждений. С начала войны сюда было перевезено свыше 300 промышленных предприятий, построено 35 новых заводов.

За годы войны только на Челябинском тракторном заводе было произведено 18 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, что составляет пятую часть всех выпущенных в стране. Неслучайно Челябинск получил второе неофициальное имя — Танкоград. На Южном Урале производились не только танки, но и другое грозное оружие, наводившее ужас на врага, — ракетные артиллерийские установки БМ-13, более известные как «катюши»[2]. Были увеличены мощности Магнитогорского металлургического комбината, Чусовского, Златоустовского и других металлургических заводов. В короткие сроки построены крупные заводы: Челябинский и Чебаркульский металлургические, Богословский алюминиевый, Миасский автомобильный; вступили в строй 10 доменных, 28 мартеновских, 9 электродуговых печей, 2 бессемеровских конвертора, более 100 шахт и угольных бассейнов. На Урале изготавливались почти все виды военной продукции[3]. В целом же нужно подчеркнуть, что Уральский регион сыграл огромную роль в деле обеспечения фронта всем необходимым на протяжении всех военных лет.

Нападение фашистской Германии на СССР всколыхнуло все народы огромной страны. Осознание смертельной опасности, нависшей над всеми людьми и каждой из республик, входивших в состав Советского Союза,

привело к невиданному сплочению граждан. Вместе со всем советским народом поднялись на борьбу и узбекистанцы. Уже в первые дни войны по республике прокатилась волна патриотических митингов, участники которых выражали свое возмущение вероломным нападением врага и выражали готовность отдать все свои силы на разгром фашистских захватчиков.

Так, 23 июня состоялся многотысячный общегородской митинг в Ташкенте. Собравшиеся на нем представители партийных и советских органов, рабочие и служащие различных предприятий и учреждений, преподаватели, студенты говорили о готовности грудью защитить свое Отечество, в тылу и на фронте ковать победу над врагом. Все участники митинга как один заявили: «Не топтать фашистскому зверю советскую землю!»[4] Большой общенародный митинг прошел на площади Регистан в Самарканде. В нем участвовало более 100 тыс. жителей города и окрестных кишлаков. Выступивший на митинге известный писатель Садриддин Айни, выражая мысли и чувства всех собравшихся, сказал: «Гнев советского народа могуч и грозен! Каждый советский патриот должен быть красноармейцем на своем трудовом посту! Мы дадим надлежащий отпор тем, кому пришла в голову безумная мысль поживиться за счет социалистического общества. Мы должны беречь колхозы и заводы, станки и инструменты, как боец бережет винтовку. Мы все должны помнить, что каждый лишний килограмм зерна или хлопка, каждый новый станок, пулемет, танк, самолет укрепляет нашу мощь, обеспечивает быстрейшую победу над врагом»[5]. Многолюдные митинги состоялись 23 и 24 июня в Бухаре, Андижане, Намангане, Фергане и других городах республики. Их участники объявляли себя мобилизованными на борьбу с немецкими захватчиками, многие подавали заявления об отправке на фронт.

Рабочий класс республики, охваченный патриотическим подъемом, заявлял о своей готовности встать на защиту Родины. Рабочие с первых же дней войны включились в борьбу за выполнение и перевыполнение планов, повышение производительности труда, за высокое качество выпускаемой продукции, давали обязательства в чрезвычайной обстановке работать по-военному. Патриотический порыв порождал те или иные формы трудового творчества. Так, например, конкретным выражением творческой инициативы трудящихся явились развернувшиеся движения двухсотников, трехсотников, проходившие под лозунгом: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт!» Широкое распространение движение двухсотников получило и в Узбекистане. На самаркандском заводе «Колхозник» его возглавил токарь Завозин. Он ежедневно выполнял плановые задания на 400–500 %, а в отдельные дни — на 700–800 %. За короткий срок на заводе стало 60 двухсотников[6]. Комсомолка фабрики «Красная заря» А. Кондратьева, работая на двух, а потом и на трех машинах, добилась выполнения плана на 200 % и заслужила звание двухсотницы. Ее примеру последовали работницы Стульникова, Монова и другие, выполнявшие план на 220–240 %[7]. На заводе «Ташсельмаш» слесари Хусаинов, Ирашин, штамповщики Максудова, Разумова, Ризаева, токари Икрамов, Юсупов и другие ежедневно выполняли свыше двух норм. К декабрю 1941 г. число рабочих, выполнявших до двух норм, по республике выросло вдвое, а количество двухсотников — более чем в пять раз[8].

В грозные месяцы 1941 г. в стране развернулось предоктябрьское соревнование за лучшую помощь фронту. По примеру комсомольцев предприятий Москвы, Ленинграда, Урала в Узбекистане начали создаваться комсомольско-молодежные бригады. Первые такие коллективы были организованы на предприятии «Ташсельмаш» в октябре 1941 г., а к началу 1942 г. их насчитывалось по республике уже 1230[9]. Рабочий класс трудился в тылу так же самоотверженно, как советские воины сражались на фронте. Стремление работать по-фронтовому нашло свое выражение в создании фронтовых бригад. Это почетное звание присваивалось тем комсомольско-молодежным коллективам, которые выполняли производственные планы не менее чем на 150 % в течение двух месяцев подряд. По почину московских комсомольцев инициаторами создания в Узбекистане фронтовых бригад выступили комсомольцы Ташкента. В короткий срок это движение получило широкий размах по всей республике.

С движением фронтовых бригад было тесно связано движение за строжайшую экономию, широкое и целесообразное использование местных ресурсов, так как это создавало дополнительные возможности для увеличения производства, необходимого фронту.

В результате самоотверженного труда рабочих во второй половине 1942 г. в число передовых предприятий вышли десятки заводов, в том числе Ташкентский паровозоремонтный, абразивный заводы, Маргиланский шелковый комбинат, эвакуированный харьковский завод «Электростанок» и другие предприятия. Коллектив Чирчикского электрохимкомбината в октябре 1942 г. был удостоен третьей премии ВЦСПС и Наркомата химической промышленности СССР, а также получил Красное знамя ЦК КП(б)Уз и СНК УзССР[10].

Благодаря героическому труду трудящихся Узбекистана в 1942 г. значительно увеличился выпуск вооружения и снаряжения, были проведены большие работы по созданию новых промышленных предприятий. В 1942 г. промышленность Узбекистана давала 75 % всей валовой продукции республики. Валовая продукция машиностроения и металлообработки увеличилась в Узбекистане в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в 5,1 раза[11]. Только промышленность Ташкента в 1942 г. возросла более чем в 16 раз, а с учетом оборонной промышленности — в 30 раз. В целом выпуск валовой продукции в Узбекистане в 1942 г. увеличился в два раза. Узбекистан дал фронту 386 самолетов, 3543 тыс. автоматов, 5140 тыс. различных мин, 31 700 снарядов, 149 400 парашютов, 35 700 т авиабомб и много другой оборонной продукции[12].

Как известно, 1943-й стал годом коренного перелома не только на фронте, но и в тылу. К этому времени уже сложилось единое военное хозяйство страны, снабжавшее армию всем необходимым. Успехи, достигнутые промышленностью за предшествующие военные годы, положили начало достижению материально-технического перевеса над врагом. Однако еще предстояла длительная вооруженная борьба, поэтому перед промышленностью вставали новые сложные задачи. В решение этих задач свой достойный вклад вносили и трудящиеся Узбекистана.

Самоотверженно трудился коллектив Чирчикского электрохимического комбината. В июле 1943 г. комбинат был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В честь этого события коллектив предприятия дал сверх

плана 300 тыс. т удобрений, за шесть месяцев сэкономил 7 млн кВт·ч электроэнергии и выпустил 800 т оборонной продукции сверх плана[13]. Самаркандский завод «Красный двигатель» в первом квартале 1943 г. выпустил запчастей для тракторов на сумму 2 млн 823 тыс. руб., а в целом в 1943 г. план по производству запчастей был выполнен заводом более чем на 120 %[14].

Большая работа велась по строительству новых ГЭС: всего за первые два года войны в Узбекистане было пущено в эксплуатацию шесть новых крупных ГЭС общей мощностью 96 тыс. кВт·ч и одна ТЭЦ; выработка электроэнергии увеличилась в 3,3 раза[15].

С осени 1942 г. развернулось сооружение первой очереди металлургического завода в Бекабаде. В феврале 1943 г. на его строительство выехали 600 инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих. Всего же в его создании приняли участие свыше 5000 человек. На строительстве велась широкая политико-массовая работа: сюда были направлены агитаторы, кинопередвижки, организован выпуск многотиражной газеты «За металл»; 45 бригад металлургического завода соревновались за получение переходящего Красного знамени строительства[16]. Многие прибывшие на строительство металлургического завода, в большинстве своем вчерашние колхозники, овладевали сложными строительными профессиями. Они становились квалифицированными каменщиками, плотниками, бетонщиками и т. д. Одновременно готовились рабочие кадры для будущего завода. С этой целью сотни узбекских юношей были отправлены на заводы Урала и Сибири для обучения мартеновскому и прокатному делу. Оттуда они вернулись квалифицированными специалистами. В их числе были Хафиз Ганиев, Маннан Мирзаматов, Гайбулло Камбаров, Ф. Рузибаев и др.

К концу 1943 г. в сроки, установленные ГКО, были построены и сданы в эксплуатацию кузнечный, котельный, ремонтно-механический, электроремонтный и компрессорный цехи. В марте 1944 г. пущена в эксплуатацию мартеновская печь и осуществлена первая плавка стали, ознаменовавшая рождение Узбекского металлургического завода. С этого времени промышленность Узбекистана обрела собственную металлургическую базу.

Для обеспечения Бекабадского завода квалифицированными кадрами в ноябре — декабре 1944 г. в промышленные центры страны были командированы для обучения 1192 человека. Одновременно была расширена подготовка кадров на самом заводе. В 1945 г. в цехах завода было подготовлено 154 рабочих, более половины из них составляли лица местных национальностей. Всего за год были подготовлены 738 рабочих, из них 418 — для основного производства[17].

В дальнейшем развитии промышленности Узбекистана важную роль играло расширение топливной базы. На руднике «Ангренуголь» развернулось строительство новых шахт и карьеров по добыче угля открытым способом. Для его быстрейшего освоения необходимо было прежде всего построить железнодорожные и шоссейные магистрали, соединяющие месторождение с промышленными центрами республики. По решению ЦК партии их сооружение велось методом народных строек. Этот метод был впервые применен в области железнодорожного строительства. В течение 40 дней были сооружены автогужевая и железная дороги протяженностью

120 км, соединившие Ангренский бассейн с Ташкентом. На призыв комсомольцев Ташкента принять активное участие в строительстве Ангренского рудника откликнулись сотни юношей и девушек. Под руководством опытных шахтеров они овладели различными горняцкими специальностями, сто юношей были отправлены в центральные районы страны для приобретения специальности экскаваторщика.

Одновременно с Ангренским угольным бассейном в годы войны шло освоение Шаргуньского угольного бассейна в Сурхандарьинской области. В результате добычи угля в республике возросла с 29,5 тыс. т в 1942 г. до 109,6 тыс. т в 1945 г.[18] Дальнейшее развитие получила и нефтедобывающая промышленность Узбекистана. К концу 1943 г. в эксплуатацию вступил новый нефтепромысел «Южный Аламышик», а в феврале 1944 г. на нем была получена первая нефть, к концу 1944 г. подготовлены еще две новые скважины. В целом по республике добыча нефти увеличилась с 119 т в 1940 г. до 478 тыс. т в 1945 г., то есть почти в четыре раза[19].

Успехи металлургической, энергетической, топливной и машиностроительной промышленности создавали основу для дальнейшего расширения военного производства.

В годы войны рабочий класс внедрил новую форму своего участия в организации производства — общественный смотр организации труда. В 1943–1945 гг. такие смотры получили широкое распространение на промышленных предприятиях республики. Они позволяли вскрывать большие резервы дальнейшего развития производства, повышения производительности труда, высвобождения и рационального использования денежных средств и оборудования. На одном только заводе «Ташсельмаш» за время смотра поступило 299 рационализаторских предложений, позволивших уплотнить рабочий день, сократить простои, механизировать трудоемкие работы[20].

На промышленных предприятиях Узбекистана с 1944 г. стал широко применяться поточный метод производства, впервые внедренный в 1943 г. московскими промышленными предприятиями. В результате широкой пропаганды партийными и комсомольскими организациями поточного метода производства в 1944 г. почти все крупные промышленные предприятия Узбекистана перешли на этот прогрессивный метод работы. Особенно большие успехи при этом были достигнуты на заводе «Таштекстильмаш», Ташкентском авиационном заводе им. Чкалова, Чирчикском электрохимкомбинате, на заводах «Электрокабель», «Ташсельмаш» и др. Все они значительно перевыполнили в 1944 г. планы выпуска валовой продукции[21]. Его использование дало возможность увеличить производительность труда на выработке отдельных изделий на 20–30 %, поднять выполнение плана на 12–33 %[22].

Одним из важных резервов повышения производительности, увеличения выпуска и улучшения качества продукции для фронта явилось повышение производственно-технической квалификации кадров. Если в предвоенном 1940 г. в промышленности Узбекистана было занято 121 тыс. человек, то в 1943 г. — 187 тыс., а в 1944 г. — 197,7 тыс.[23]

Огромная работа была проведена в годы войны в промышленности: построены новые предприятия и расширились производственные площади

старых заводов и фабрик, увеличилась численность рабочего класса и повысилась его квалификация, внедрялись новые формы организации труда, повышающие его производительность — все это не проходило без большой организующей роли Коммунистической партии Узбекистана и правительства республики. Во многом благодаря их заботе только в 1944 г. на 20 предприятиях Ташкента было подготовлено 30 тыс. рабочих разных профессий, среди них 5 тыс. рабочих-узбеков. В Ферганской области было обучено 3159 рабочих, в том числе 1138 узбеков, в Наманганской — 3525, из них более 50 % составляли лица местных национальностей[24].

В целом же Узбекистан в годы войны стал одним из важных арсеналов Рабоче-крестьянской Красной Армии и дал фронту 2090 самолетов, 17 342 авиамотора, 2 318 000 авиабомб, 1 млн мин, снарядов и других боеприпасов. Предприятия легкой промышленности и артели промкооперации выпустили продукции на 443,3 млн руб.[25]

Таким образом, труженики промышленности республики своим самоотверженным трудом внесли достойный вклад в дело разгрома врага.

Одним из важных направлений работы партийных и советских органов Узбекистана в годы войны явилась деятельность по укреплению связи тыла с фронтом. Одной из ее форм стала переписка трудящихся республики с фронтовиками. Письма бойцов с фронта и ответы на них трудящихся укрепляли морально-политическое единство общества, звали на трудовые и ратные подвиги; в них ярко проявлялось нерушимое единство фронта и тыла. В своих письмах рабочие, колхозники и представители интеллигенции, партийные и государственные работники заверяли воинов героической Красной армии, что отдадут все свои силы самоотверженному труду в тылу, чтобы обеспечить разгром врага. В ответных письмах фронтовики тепло благодарили трудящихся за заботу и героический труд и клялись наносить еще более сокрушительные удары по фашистским захватчикам.

В период ожесточенных боев на советско-германском фронте осенью 1941 г. бойцы одной из воинских частей Западного фронта писали женщинам Ташкента: «Дорогие женщины г. Ташкента, матери и жены, великие труженицы социалистического отечества! Получив ваши подарки, мы, красноармейцы, командиры и политработники, приносим вам большое красноармейское спасибо за проявленную о нас материнскую заботу. Ваши подарки подтверждают связь Рабоче-крестьянской Красной Армии и всего великого советского народа. Дорогие женщины! Гитлеровские бандиты и головорезы хотят поработить советский народ, превратить нашу цветущую Родину в колонию и свободолюбивую советскую женщину сделать рабыней германского фашизма. Но этому не бывать. Советский народ никогда не был и не будет рабом германского фашизма. Всем матерям, сестрам и женам мы, воины Красной армии, клянемся, что будем отважно и мужественно сражаться на поле боя против фашистских орд и не пощадим своей жизни для полного уничтожения людоедов. Вас, друзья, призываем к самоотверженной работе в тылу. Ведь от работы тыла зависит успех боя. Единым фронтом с вами враг будет уничтожен, победа будет за нами»[26]. Это обращение нашло горячий отклик у женщин-тружениц. Тысячи патриоток Узбекистана пошли к станкам на фабрики и заводы, многие выехали на постоянную работу в колхозы.

В суровые дни 1942 г., когда над страной нависла большая опасность, узбекский народ в своем письме к воинам-землякам требовал от них проявления стойкости и мужества в борьбе за достижение победы. «Будьте храбры, как львы, дорогие наши сыновья, — говорилось в письме, — железной воинской дисциплиной укрепляйте свои ряды. Трусов, дезертиров мы проклянем, для них не будет места в нашем солнечном Узбекистане, никогда не простит их мать-Родина»[27]. Такие письма укрепляли боевой дух фронтовиков-узбекистанцев, воодушевляли их на ратные подвиги.

В письме воинов-узбеков всем колхозникам и колхозницам Самаркандской области от 18 января 1942 г. говорилось: «Дорогие товарищи, будучи в Красной армии, мы узнали, что несут нам гитлеровские изверги. Мы знаем, что где ступила их подлая нога, там кровь, там смерть, мученья, слезы жен и детей, братьев и сестер. Вперед! Только вперед! Ни шагу назад! Вот наш лозунг»[28]. Эти слова подтверждались делом.

Неоднократно к молодежи обращался видный партийный и государственный деятель того времени Юлдаш Ахунбабаев, проявлявший большую заботу и внимание к жизни и делам комсомольцев и молодежи. В своем письме к юношам и девушкам он писал: «Напрягая колоссальные усилия, советский народ решительно борется против врага как на фронте, так и в тылу, твердо решив покончить с коричневой чумой и освободить от нее человечество, и эту свою задачу он выполняет с честью. Гитлер обещал своим солдатам советскую землю. Миллионы гитлеровских молодчиков уже получили землю и находятся в могиле. Такая участь ждет всех озверелых бандитов. Советский народ не жалеет земли, чтобы засыпать горящие жадностью глаза поганых гитлеровцев. Трудящиеся нашей Родины с уверенностью заявляют, что в этой войне фашизм будет похоронен, и делают все для его ускорения»[29]. Подобного рода обращения к молодежи от имени партийных и государственных деятелей имели большое политическое и воспитательное значение. В ответ на такие призывы работники тыла удваивали свои трудовые свершения и стремились к защите Родины с оружием в руках.

С каждым годом переписка трудящихся с фронтовиками становилась все более оживленной. Вот, например, волнующее письмо сержанта-фронтовика украинца Жижоры узбекской колхознице из колхоза «Уйгур» Андижанской области Халдаровой Инобат: «Уважаемая Инобат! Разрешите передать вам свой гвардейский фронтовой привет. Я узнал о Вас из журнала “Красноармеец” за август 1944 г. № 15. Прочитав о вашей самоотверженной работе, решил написать вам письмо. Я Вас не знаю, Вы меня тоже. Но у нас одна цель, одно желание, одно дело — разгромить как можно скорее нашего общего врага. Вы своим самоотверженным трудом, а мы оружием защищаем нашу Родину от фашизма. Мы воюем здесь плечом к плечу — русский, узбек, украинец, казах, представители всех народов многонациональной страны. Я восхищен вашими достижениями в труде. Спасибо Вам за то, что снабжаете нас всем необходимым для разгрома врага»[30].

27 августа 1944 г. трудящиеся Узбекистана получили письмо от воинов-земляков — бойцов и командиров 1-го Украинского фронта. Воины-узбекистанцы горячо призывали трудящихся республики еще больше усилить помощь фронту. Письмо это широко обсуждалось на всех предприятиях,

повсеместно принимались новые социалистические обязательства, проникнутые единым стремлением — полностью обеспечить потребности фронта для окончательного разгрома врага. Так, коллектив Узбекского металлургического завода с честью выполнил обязательство, взятое в ответ на письмо воинов-узбекистанцев. Печь бесперебойно выдавала две плавки за сутки против полутора, обычно выдававшихся в предшествующие месяцы[31]. Предприятия шелковой промышленности выработали сверх производственной программы тысячи метров тканей[32]. Консервная промышленность дала сверх плана около 300 тыс. банок фруктовых и овощных консервов[33].

При самом активном участии рабочей молодежи многие промышленные предприятия Узбекистана занимали первые места во Всесоюзном соревновании. Например, с июля 1943 г. до конца 1945 г. Ташкентский авиационный завод занимал первое место во Всесоюзном соревновании и бессменно держал Красное знамя ГКО СССР[34]. Молодежь промышленных предприятий Узбекистана, как и по всей стране, широко и активно включалось во всенародное социалистическое соревнование, ставшее особенно массовым на завершающем этапе войны.

Если переписка тружеников тыла с фронтовиками была одной из важных форм укрепления связи тыла с фронтом, то другой ее действенной формой стали посещения фронтовых частей делегациями из союзных республик. За годы войны на фронт несколько раз приезжали делегации из Узбекистана с письмами и подарками, собранными трудящимися. Так, в феврале 1942 г. ко дню 24-й годовщины Красной Армии трудящиеся Самаркандской области отправили первый железнодорожный эшелон, состоящий из 25 вагонов, с подарками для воинов сражающихся на фронте частей[35]. Сопровождали эшелон лучшие представители трудящихся Самарканда. Среди них — знатный новатор завода «Колхозник» Завозин, ученый и поэт Вахид Абдуллаев, секретарь Самаркандского райкома ЛКСМУз Буранов, преподавательница школы № 6 Мухамедова, знатный машинист Самаркандского депо Нигматов и др. Подарки были доставлены бойцам и командирам Западного фронта, на котором сражались многие уроженцы Узбекистана[36].

Сбор подарков для воинов-фронтовиков проходил по всем областям Узбекистана. На 1 февраля 1942 г. в республике было собрано 3 тыс. ц зерна, 2 тыс. ц мяса, 18,5 тыс. овчин[37] и других вещей. 14 февраля 1942 г. из Узбекистана был отправлен второй эшелон с подарками для бойцов Красной Армии[38]. На 1 мая 1943 г. на фронт было отправлено 600 вагонов различных подарков. Кроме того, было послано 32 519 полушубков, 21 060 меховых курток, 258 т шерсти, из которой изготовлено много теплых вещей[39]. 10 мая 1942 г. учащиеся ташкентской школы № 145 им. Пушкина обратились ко всем учащимся Узбекистана с призывом развернуть сбор подарков и денежных средств для детей героического Ленинграда и Ленинградской области. В августе 1942 г. молодежная делегация Узбекистана отбыла в Ленинград с эшелоном подарков[40]. Сбор подарков героическим ленинградцам проходил по всем городам и кишлакам республики. В письме, опубликованном в газете «Правда Востока», ленинградцы горячо благодарили узбекских братьев за подарки и клялись умножить удары по врагу[41].

Еще одной формой укрепления связей тыла с фронтом, помимо вышеназванных, было шефство союзных республик над воинскими частями. Тру-

дящиеся Узбекистана находились в постоянном контакте с подшефными соединениями и боевыми кораблями, вели с ними переписку и систематически посылали подарки. В годы войны Узбекистан шефствовал над 12-й стрелковой краснознаменной ордена Суворова Минской дивизией, над 5-й Орловской краснознаменной ордена Ленина, Суворова и Кутузова дивизией, над 162-й стрелковой Среднеазиатской Новгород-Северской краснознаменной дивизией, над линкором Балтфлота «Марат», боевыми кораблями «Ташкент» и «Самарканд» и др.[42] Моряки линкора «Марат» писали в ЦК КП(б)Уз и СНК Узбекистана: «Мы от всей души благодарим вас и в вашем лице весь узбекский народ за теплую заботу, она поднимает в нас чувство гордости за свой тыл, вливает новую энергию и вдохновляет нас на новые боевые подвиги, на беспощадное истребление всех немецких оккупантов»[43].

Нередко и в Узбекистан из подшефных воинских частей приезжали лучшие их представители. Встречи воинов с трудящимися олицетворяли собой единство армии и народа. Например, в январе 1943 г. Узбекистан посетила делегация воинов с Западного фронта. Бойцы и командиры — узбеки, отличившиеся в боях с фашистами, приехали в столицу Узбекистана Ташкент. В числе делегатов были: старшина Махмуд Ильмурадов, бывший колхозник Акдарьинского района, знатный снайпер, истребивший 107 фашистов; автоматчик Сайфутдин Саттаров из Янгиюльского района, в одиночку отбивший атаку роты немцев; старшина Бабакул Азбалов из Вабкентского района, уничтоживший 56 захватчиков и награжденный медалью «За отвагу» и др. Эта делегация во главе с майором Малла Абдуллаевым привезла ответное письмо от бойцов-узбеков с Западного фронта узбекскому народу, в котором они давали клятву вместе с воинами других национальностей разгромить немецких захватчиков, изгнать их с советской земли[44].

Таким образом, письма трудящихся фронтовикам, а также воинов сражающейся армии работникам тыла, посещение фронта делегациями от республики с подарками, шефство над некоторыми фронтовыми частями и соединениями явились важными формами связи фронта и тыла. Они позволяли как бойцам на фронте, так и трудящимся тыла ощущать себя единым народом, цель у которого одна — разгромить ненавистного врага и вернуться к мирной спокойной жизни.

Высокий духовный подъем в годы войны, смыслом и содержанием которого было стремление обеспечить страну и фронт всем необходимым, проявлялся не только у рабочих заводов и фабрик, тружеников колхозов и совхозов; самоотверженно трудилась и интеллигенция Узбекистана.

Уже в первые дни войны видные ученые республики — Т. Н. Кары-Ниязов, В. И. Романовский, И. А. Райкова, Т. З. Захидов, Т. А. Сарымсаков, Ш. Т. Талипов и др. — выступили в печати с заявлением о своей готовности выполнить любое задание партии и правительства. «Мы, научные работники Узбекистанского филиала АН СССР и Среднеазиатского государственного университета, — писали они, — возмущенные неслыханно наглым посягательством кровожадных фашистских агрессоров на священные границы нашей Родины, на честь и свободу советского народа, выражаем свою полную готовность отдать все наши знания, наши силы и, если понадобится, нашу жизнь для победы над обнаглевшим врагом… Просим партию

и правительство использовать каждого из нас на том участке, где он может быть наиболее пригоден для обороны»[45].

Ученые Узбекистана принимали непосредственное участие в решении больших военно-хозяйственных задач в области промышленности и сельского хозяйства. Узбекские математики, механики и астрономы обогатили своими исследованиями многие области математики и теоретической механики, сумели решить ряд важных научных проблем, связанных с повышением качества советской авиации, боеприпасов, военной техники. Серьезных результатов добились ученые-химики, в особенности специалисты по химии растений. Были разработаны предложения по использованию в народном хозяйстве отходов хлопка, выработаны новые методы получения этилового спирта, уксусной кислоты и угольных брикетов из продуктов сухой переработки камыша. Хорошие результаты были достигнуты в области производства медикаментов. На химфаке Среднеазиатского государственного университета было налажено производство наркозного эфира, хлористого кальция, кофеина, стрептоцида, никотиновой кислоты и т. д. На базе этого факультета в Ташкенте был создан фармацевтический завод. Ученые, работавшие в области сельского хозяйства, продолжали исследования по выведению новых сортов хлопчатника, пшеницы, сахарной свеклы и других культур.

В годы войны важное оборонное значение приобрело шелководство. Проведенные учеными республики исследования дали ценные результаты в теории и практике шелководства. Были испытаны и переданы в производство ценные высокоурожайные сорта шелковицы, выведен ряд новых сортов с высокой урожайностью листа, испытаны и внедрены в производство наиболее ценные гибриды тутового шелкопряда; проделана большая работа по изучению заболеваний тутового шелкопряда и шелковицы, разработаны методы борьбы с этими заболеваниями.

Огромную роль в дальнейшем развитии науки и подготовке научных кадров в Узбекистане сыграла эвакуация многих научных учреждений АН СССР, НИИ и вузов из центральных районов страны. Еще осенью 1941 г. в Ташкент был эвакуирован ряд головных институтов АН СССР (востоковедения, истории, мировой литературы, истории материальной культуры и др.). В Ташкент прибыли такие крупные ученые страны, как академики В. С. Струве, Б. Д. Греков, члены-корреспонденты АН СССР Е. Э. Бертельс, В. Ф. Шишмарев, А. Ю. Якубовский, С. В. Бахрушин, профессор А. К. Боровков.

Коллективы эвакуированных научных учреждений вели не только научно-исследовательскую, но и разностороннюю политическую и пропагандистскую работу, выступали с лекциями перед партийно-советским активом, трудящимися республики, активно содействовали подготовке кадров ученых местных национальностей. Несмотря на трудности военного времени, большое внимание уделялось вопросам подготовки научных и преподавательских кадров, особенно высшей квалификации. Компартия Узбекистана и правительство республики всемерно содействовали организации при Среднеазиатском государственном университете докторантуры и расширению приема в аспирантуру.

Крупнейшей кузницей научных кадров, центром научной мысли республики стал созданный в 1940 г. Узбекский филиал АН СССР. С началом

войны УзФАН пополнился за счет ученых, эвакуированных из центра. При содействии крупных ученых Москвы, Ленинграда и других городов значительно расширилась проблематика научных исследований, выросли кадры квалифицированных специалистов местных национальностей. Все это поставило на повестку дня вопрос о создании в республике собственной Академии наук. 27 сентября 1943 г. правительство СССР приняло постановление о создании Академии наук Узбекской ССР. Этот исторический акт был подготовлен всем предшествующим ходом развития науки в республике. Торжественное открытие Академии наук УзССР состоялось 4 ноября 1943 г. Президентом был избран один из видных ученых республики Т. Н. Кары-Ниязов[46]. Открытие академии заложило прочный фундамент для дальнейшего развития науки в республике.

Война остро поставила проблему подготовки специалистов, руководителей различных отраслей народного хозяйства, а их, как известно, готовят высшие и средние специальные учебные заведения. Широко использовалась также система различных курсов по переподготовке и повышению квалификации кадров. Среднеазиатский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана) из года в год увеличивал подготовку кадров — физиков, математиков, химиков, биологов, географов, историков, филологов и других специалистов. Ташкентский медицинский институт готовил кадры врачей, сельскохозяйственные институты Самарканда и Ташкента — агрономов, ветврачей и т. д. В большом количестве готовил инженерные кадры различного профиля Среднеазиатский индустриальный институт (ныне Ташкентский государственный технический университет).

Работники высшей школы не только решали задачи подготовки специалистов, но и вели большую научно-исследовательскую работу. Усилия исследователей были направлены на решение проблем, имеющих народнохозяйственное и оборонное значение. Так, научный коллектив САГУ освоил выработку остродефицитных лекарственных препаратов, сотрудники САИИ разработали проекты предприятий и цехов для тяжелой промышленности, ими были выявлены новые запасы стратегического сырья. Многочисленные коллективы других вузов также разрабатывали важные оборонные и народнохозяйственные темы[47].

За годы войны работники высшей и средней специальной школы подготовили более 20 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием; около 450 ученых получили ученую степень доктора и кандидата наук; в ряду известных советских ученых появились и такие талантливые представители узбекского народа, как А. С. Садыков, И. М. Муминов, Т. Н. Кары-Ниязов, Х. М. Абдуллаев, Т. З. Захидов, Т. А. Сарымсаков, Я. Г. Гулямов и др.

Свой весомый вклад в дело достижения победы внесла и творческая интеллигенция Узбекистана. 10 апреля 1942 г. ЦК КП(б)Уз провел совещание с писателями и поэтами республики, в котором также приняли участие А. Толстой, Н. Погодин, Б. Лавренев, К. Чуковский, И. Уткин, Б. Горбатов, Л. Пеньковский, В. Луговской, С. Сомова, Х. Алимджан, Айбек, Г. Гулям и другие представители творческой интеллигенции[48]. Состоялся большой разговор о действенной помощи творческих работников Узбекистана фронту. Произведения узбекских поэтов и писателей поддерживали патриотический

дух людей в годы войны. Большой вклад в советскую поэзию внесли народные певцы и сказители Узбекистана Ислам Шаир, Курбан-ата Исмаилов, Фазыл Шаир и др. Фронтовые поездки вдохновили Айбека на создание цикла патриотических произведений, посвященных боевым подвигам воинов-узбеков. Эти произведения неоднократно печатались во фронтовых газетах. Его романы «Священная кровь» и «Навои» стали существенным вкладом в литературу народов Союза ССР.

Творческое содружество и сотворчество писателей разных народов способствовало обогащению и дальнейшему поступательному развитию как узбекской литературы, так и литературы других народов. Как известно, в годы войны в Ташкенте находилось около 200 выдающихся писателей и поэтов из России, Украины, Белоруссии и некоторых других республик, решением союзного правительства эвакуированных в тыл. В тесном сотрудничестве были созданы «Ташкентский альманах», альманахи «Мы победим», «Дар» и «Литературный Ташкент». В них были включены произведения А. Толстого, А. Ахматовой, Я. Коласа, Н. Погодина, К. Чуковского и других мастеров художественного слова. Героический подвиг ленинградцев нашел отражение в совместном сборнике русских и узбекских писателей «Родной Ленинград». Следует также отметить произведения «Самоотверженность» А. Толстого, «Узбеки» И. Эренбурга, «Черная кровь Ферганы» Е. Дороша и другие, основной темой которых явился подвиг на фронтах Отечественной войны воинов-узбеков.

Большим событием в творческой жизни народов Союза ССР явилась декада узбекской литературы в Москве в 1944 г. — в дни 20-летнего юбилея УзССР. Общественность столицы, литературные работники других республик имели возможность познакомиться с творчеством писателей, поэтов, драматургов Узбекистана. Здесь же были обсуждены важные вопросы дальнейшего развития узбекской литературы.

В годы войны напряженно трудились, выполняя свой патриотический и гражданский долг, и художники, музыканты, кинематографисты. Еще в ноябре 1941 г. ЦК КП(б)Уз провел совещание с художественными руководителями и директорами театров, ведущими артистами республики, композиторами, на котором были намечены конкретные меры по организации шефских концертов на фронтах, в госпиталях, военных частях, на предприятиях[49]. Патриотический подъем деятелей культуры нашел свое отражение в создании музыкальных произведений на гражданские темы. Над созданием произведений, отражающих героику военных лет, работали композиторы Узбекистана Т. Садыков, М. Ашрафи, Д. Закиров, Т. Джалилов, Н. Хасанов, М. Бурханов. Были созданы патриотические музыкальные драмы «Курбан Умаров» (Т. Джалилов), «Давроната» (Т. Садыков, А. Козловский), «Меч Узбекистана» (Т. Садыков, М. Бурханов и др.), «Месть» (Б. Надеждин, Ю. Раджаби) и другие произведения музыкального искусства.

Высокий уровень духа патриотизма, охвативший огромную страну в годы войны, вызвал творческий подъем и у деятелей изобразительного искусства. Художники Узбекистана создали полотна, ярко отображающие героизм защитников Родины, самоотверженный труд в тылу: «Проводы в Красную армию», «Поздравление с наградой» Л. Абдуллаева; «Кавалерийская атака», «За Родину» О. Татевосяна; «Шефы в госпиталях», «Налет пар-

тизан на фашистский штаб» М. Аринина; «Узбекистан — фронту» Ч. Ахмарова и др. За годы войны художники республики организовали 39 выставок, создали свыше 5000 художественно-политических плакатов[50]. Многие художники ушли на фронт, став в ряды защитников Родины: Герой Советского Союза С. Абдуллаев, Н. Герасимов, И. Кочетков, Б. Хамдами, С. Мальт и многие другие.

В августе 1944 г. открылась выставка «Узбекистан в Отечественной войне», ставшая творческим отчетом художников республики за годы войны. В полотнах художников В. Уфимцева А. Волкова, У. Тансыкбаева и М. Набиева, Н. Карахана и А. Подковырова, Л. Абдуллаева и других тесно переплеталась тема фронта и тыла. Если в предвоенный период Союз художников Узбекистана насчитывал около 100 членов, то к декабрю 1944 г. их было более 250, причем около 80 художников сражались на фронтах[51].

В годы войны выросла и роль киноискусства. На Ташкентской студии художественных фильмов трудилась группа выдающихся деятелей советской кинематографии. Благодаря совместным усилиям мастеров киноискусства и коллектива Ташкентской киностудии были созданы такие кинокартины, как «Сухэ-Батор», «Александр Пархоменко», «Два бойца», «Насреддин в Бухаре» и др. Советские кинематографисты раскрывали в своих картинах человеконенавистническую сущность фашизма, показывали патриотизм и гуманизм, мужество и героизм советских солдат и офицеров, а также тружеников тыла, их веру в победу.

В целом же, нужно подчеркнуть, что грандиозная идеологическая работа партии по патриотическому и интернациональному воспитанию народа, проводимая в годы войны, достойно дополнялась деяниями творческой интеллигенции, вносившей серьезный вклад в достижение победы над врагом.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что напряженная и самоотверженная работа миллионов трудящихся-тыловиков на протяжении всех лет Великой Отечественной войны во многом способствовала ее победоносному завершению. Свой достойный вклад в Великую Победу внесли и трудящиеся Узбекистана, работавшие у станков и на колхозных полях, на стройках и в совхозах, в учебных классах и научных лабораториях. Осознание грозной опасности, которую нес фашизм, привело к тесному сплочению людей разных национальностей как на фронте, так и в тылу. Цель была одна — выстоять во что бы то ни стало и разгромить врага.

Стремление сделать все возможное для фронта, для победы рождало у работников тыла трудовой героизм и подвижничество, самоотверженность и стойкость. Несмотря на тяжелые условия военного времени, нехватку продуктов, суровую трудовую дисциплину, введенную на всех предприятиях и во всех учреждениях, люди оставались людьми в самом высоком смысле этого слова. Их поведение характеризуется такими чертами, как честность, порядочность, гуманизм и интернационализм, которые проявлялись в повседневной жизни на всем протяжении войны.

В прошлом году торжественно отмечалось 75-летие победы наших народов в Великой Отечественной войне. Очередной раз было воздано должное героическому поколению наших отцов и дедов, выстоявших под натиском коварного и беспощадного врага и ценой огромных жертв сумевших

остановить, а затем и разгромить его. Священный долг ныне живущего и всех последующих поколений — вечно помнить о тех героических и трагических годах, всегда свято чтить память великого поколения фронтовиков и тружеников тыла, которые своим ратным и трудовым подвигом обеспечили победу над злейшим врагом человечества — фашизмом, что резко расширило потенциал прогрессивных сил во всем мире и способствовало усилению гуманистической тенденции в развитии человечества.

Примечания

[1] История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 6 т. Т. 4. М. : Воениздат, 1975. С. 156.

[2] Урал в годы Великой Отечественной войны. URL: muzeum.kyshtum org.1015/oz/yuzhyi_ural-v-vojny (дата обращения: 09.01.2021).

[3] Урал в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: Narod.ru/ural/vov_uz.htm.

[4] Правда Востока. 1941. 24 июня.

[5] Там же. 25 июня.

[6] НАУз. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 1141. Л. 503.

[7] Там же. Д. 1138. Л. 221.

[8] Там же. Л. 164.

[9] История рабочего класса Узбекистана : в 4 т. Т. 2 Ташкент : Наука, 1965. С. 41.

[10] Яншина А. Ф. Рабочий класс Узбекистана в годы Великой Отечественной войны // Обществ. науки в Узбекистане. 1970. № 5. С. 9.

[11] Правда Востока. 1942. 3 дек.

[12] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. 2. М. : Воениздат, 1961. С. 513.

[13] Ефимов В. И. Патриотический подвиг трудящихся Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент : ФАН, 1972. С. 41.

[14] Правда Востока. 1943. 17 июня.

[15] Ефимов В. И. Указ. соч. С. 45.

[16] История рабочего класса Узбекистана. Т. 2. С. 59.

[17] Правда Востока. 1943. 22 мая.

[18] История рабочего класса Узбекистана. Т. 2. С. 99.

[19] Ульмасбаев Ш. Н. Промышленное развитие Советского Узбекистана. Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1958. С. 182.

[20] Промышленность СССР : стат. сб. М. : Статиздат, 1957. С. 155.

[21] Джураев Т. Д. Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент : Узбекистан, 1964. С. 92.

[22] Правда Востока. 1944. 9 янв.

[23] Джураев Т. Д. Указ. соч. С. 92.

[24] Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент : ФАН, 1975. С. 85.

[25] История рабочего класса Узбекистана. Т. 2. С. 95.

[26] Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент : Узбекистан, 1964. С. 445.

[27] Письма с фронта. Ташкент : Узбекистан, 1965. С. 14.

[28] Правда Востока. 1942. 2 марта.

[29] Ленин. путь. 1943. 5 дек.

[30] Правда Востока. 1942. 9 авг.

[31] Там же. 1944. 13 сент.

[32] Там же.

[33] Там же. 10 сент.

[34] Там же. 1945. 21 апр.

[35] Письма с фронта. С. 81.

[36] Ленин. путь. 1942. 15 февр.

[37] Там же. 14 февр.
[38] Правда Востока. 1942. 12 июля.
[39] Там же. 1943. 2 марта.
[40] Там же. 1 мая.
[41] Гулямов Х. Коммунисты Узбекистана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Ташкент : Госиздат УзССР, 1952. С. 87.
[42] Правда Востока. 1942. 1 нояб.
[43] Казакова А. С. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны // Обществ. науки в Узбекистане. 1963. № 6. С. 8.
[44] Гулямов Х. Указ. соч. С. 87.
[45] Правда Востока. 1943. 28 янв.
[46] Там же. 1941. 28 июня.
[47] Торжество ленинских идей культурной революции в Узбекистане. Ташкент : Узбекистан, 1970. С. 248.
[48] Там же. С. 249.
[49] Правда Востока. 1942. 12 апр.
[50] Торжество ленинских идей культурной революции в Узбекистане. С. 273.
[51] Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент : Изд-во Узбекской ССР, 1975. С. 139.

Ф. Г. Кулуева, Р. Э. Халикова

Узбекистан в годы Великой Отечественной войны

Показано, как в суровые годы войны Узбекистан превратился в надежный тыл по обеспечению фронта военной техникой и боеприпасами, продовольствием, одеждой, лекарствами. Как благодаря самоотверженному труду многонационального народа предприятия республики начали выпускать продукцию военного назначения. Как с прифронтовых территорий в Узбекистан были перебазированы и в короткое время пущены в эксплуатацию заводы. Отмечается, что в республику были эвакуированы люди с тех территорий, где полыхала война. Узбекский народ дал им кров, окружил любовью и заботой, проявив присущий ему высокий гуманизм. Народ Узбекистана трудился с единой целью: «Все для фронта! Все для победы!»

Ключевые слова: *Узбекистан, многонациональный народ, самоотверженный труд, гуманизм, надежный тыл.*

Президент Республики Узбекистан выступая на праздновании 75-летия Великой Победы, отметил: «Дружба, братство многонационального народа Узбекистана, закаленные в суровые годы войны, явилось прочным фундаментом всех наших достижений. Эта сплоченность и единство были нашем главным богатством, и мы обязаны беречь и сохранять его как самую великую ценность»[1].

Развязывая войну, фашисты рассчитывали на непрочность нашего тыла, полагая, что после первого же серьезного удара начнется разлад между народами и страна распадется на части. Но гитлеровцы жестоко просчитались — все народы нашей страны как один встали на защиту Родины. Многонациональная семья народов превратилась в единый нерушимый боевой лагерь. Тыл страны оказался в годы Великой Отечественной войны намного прочнее, чем тыл фашистской Германии. Это было обусловлено преимуществами справедливого, освободительного характера войны, которую вел наш народ.

Узбекистан превратился в надежный тыл по обеспечению фронта. Народ трудился с единой целью: «Все для фронта! Все для победы!» Летом — осенью 1941 г. на выпуск оборонной продукции были переведены многие заводы и фабрики. Среди них Ташсельмаш, паровозоремонтные, была введена вторая очередь Чирчикского электрохимкомбината, Кокандского тукосмесительного и др. На обслуживание нужд фронта работала текстильная и швейная промышленность.

Особое внимание уделялось размещению и быстрейшему вводу в действие эвакуированных предприятий, которые должны были наладить производство таких видов вооружения, как самолеты, танки, бронепоезда, а также резко увеличить выпуск минометов, гранат, противотанковых мин, авиационных бомб, артиллерийских снарядов. Так, с прифронтовых территорий в Узбекистан было перебазировано и в короткое время пущено в эксплуатацию 151 предприятие: из Подмосковья — самолетостроительный завод им. В. П. Чкалова, из Ленинграда — завод текстильных машин, из Днепропетровска — карборундовый завод, «Ростсельмаш», московские «Подъемник» и «Электростанок», Сталинградский химкомбинат и др. Всего вместе с уже имевшимися в республике насчитывалось 300 предприятий[2].

Для эвакуированных предприятий было выделено 400 тыс. кв. м имевшихся площадей, построено около 200 тыс. кв. м новых площадок, предоставлены стройматериалы и транспортные средства. Общий объем капиталовложений, связанных с восстановлением эвакуированных предприятий, составил по республике 450 млн руб.[3]

Благодаря самоотверженному труду рабочих, инженеров и техников эвакуированные предприятия в кратчайший срок были введены в эксплуатацию. Так, в ноябре 1941г. авиационный завод им. Чкалова из Подмосковья был полностью, вплоть до кабелей, размонтирован. В Ташкент отправились 17 эшелонов с оборудованием и неполным составом рабочих. Один эшелон по дороге фашисты разбомбили, остальные прибыли в Узбекистан. Руководство республики разместило предприятие, и началась его сборка. Уже 1 января 1942 г. на фронт ушли первые самолеты. Весь коллектив авиазавода не уходил с рабочих мест, пока ежедневно на фронт не уходило по два самолета.

Сумской завод им. Фрунзе, эвакуированный в Чирчик (ныне Чирчикхиммаш), был смонтирован в течение месяца и уже в октябре 1941 г. начал давать продукцию для нужд фронта. Крупный завод «Электрокабель» был восстановлен и сдан в эксплуатацию в течение пяти месяцев. Столь же быстро было налажено производство продукции для фронта на таких крупных предприятиях, как заводы «Красный двигатель», фабрика им. Володарского.

Энергетическая база Узбекистана не была рассчитана на такие мощности. Поэтому в 1942 г. по решению центрального правительства в республике началось строительство пяти новых гидроэлектростанций. Самой мощной из них была Фархадская ГЭС. Она была объявлена народной стройкой. Это означало, что около 70 тыс. рабочих, колхозников и других жителей республики трудились на строительстве, а в это время их товарищи у станков и на колхозных полях выполняли свою и их нормы.

В годы войны в Узбекистан были эвакуированы 1,5 млн человек, в том числе свыше 250 тыс. детей. В октябре 1941 г. в Ташкенте и других городах республики были созданы детские эвакопункты. Помимо того при крупных промышленных организациях и в колхозах создавались детские дома и интернаты. По призыву общественности тысячи патриотов усыновили детей-сирот. Следует сказать о гуманном и благородном поступке семьи Бахри Акрамовой и Шаахмеда Шамахмудова, которые в годы войны усыновили и воспитали 15 детей-сирот разных национальностей. Тринадцать детей

приняла семья инвалида войны Х. Самадова из Каттакургана, десять детей взяла колхозница из Самарканда Ф. Касымова[4].

Узбекистанцы активно участвовали во всенародном движении за создание Фонда обороны, вносили в него свой однодневный или двухдневный заработок, сдавали драгоценности, облигации займов и наличные деньги. Повсеместно проводились субботники, воскресники, заработанные средства перечислялись в Фонд обороны. За 1942–1945 гг. в этот фонд трудящимися добровольно было внесено более 650 млн руб. деньгами и облигациями государственного займа, более чем на 22 млн руб. ценных вещей, около 55 кг драгоценных металлов. На эти средства были построены и отправлены на фронт бронепоезда «Узбекистан», «Красновосточник», «Комсомол Узбекистана», авиаэскадрилья, танковые колонны и другая военная техника.

С первых дней войны в республике получило размах женское движение — шефство над военными госпиталями. В Узбекистане было размещено более 130 военных госпиталей, над которыми шефствовали 750 предприятий, учреждений, колхозов, совхозов. Значительная часть раненых была возвращена в строй. Развернулось и массовое патриотическое движение женщин-домохозяек, учащихся старших классов, студентов, кадровых рабочих-пенсионеров, которые становились к станку, сменяя своих мужей, отцов, сыновей, ушедших на фронт. Это поколение состояло главным образом из подростков и женщин. В этих условиях в предельно сжатые сроки необходимо было развернуть обучение нового поколения рабочего класса. С этой целью были использованы испытанные методы подготовки кадров: индивидуально-групповое обучение, стахановские школы, техникумы, краткосрочные курсы. К новичкам прикреплялись опытные рабочие, инженеры, техники (в том числе эвакуированные из западных районов страны). В начальный период войны по всем этим каналам в республике было подготовлено 105,7 тыс. рабочих массовых квалификаций. Кроме того, за тот же период через системы государственных трудовых резервов было подготовлено 30 тыс. рабочих[5].

В результате самоотверженного труда все промышленные предприятия, в том числе эвакуированные, целиком переключались на выполнение заказов фронта. Фронту нужно было топливо, поэтому в годы войны ускоренными темпами стала развиваться топливная промышленность. Значительную помощь узбекским шахтерам оказала большая группа шахтеров из Донбасса, прибывшая в 1942 г. Большое внимание уделялось добыче нефти, столь необходимой для фронта. В тяжелые годы войны в Узбекистане был создан полный комплекс отраслей и предприятий нефтяной промышленности. Были приняты меры по увеличению добычи угля. Открывались новые и широко использовались старые месторождения: Ангренское, Шагунское, Кызилкийское и др. Фронту нужен был черный металл, поэтому осенью 1942 г. началось строительство металлургического завода в Бекабаде. Сооружение завода стало делом всех трудящихся республики. Промышленные предприятия выделяли заводу необходимых специалистов, а колхозы и совхозы — рабочую силу. Оборудование же для завода поставляли Российская Федерация и Казахстан. В марте 1944 г. была пущена мартеновская печь металлургического завода. Варить сталь на новый завод приехали специалисты с Белорецкого, Добрянского, Гурьевского, Макеевского заводов.

В то же время на Урале и в Сибири обучались этому делу у старых русских мастеров-сталеваров первые узбекские металлурги. Только на Челябинском металлургическом заводе проходили обучение 400 человек из Узбекистана, ставших подлинными мастерами своего дела. В годы войны в республике началось создание промышленности цветных металлов на основе разведанных запасов вольфрама, молибдена, меди и др. В эксплуатацию было введено Алмалыкское месторождение меди.

Ташкентский авиационный завод им. Чкалова во второй половине 1943 г. должен был увеличить производство самолетов для фронта, однако не имел в достаточном количестве необходимых материалов, не хватало и производственных площадей. Для того чтобы выполнить государственное задание, был осуществлен целый ряд организационно-технических мероприятий. Разработан оперативный график работы всех цехов и подразделений завода. Среди юношей и девушек объявлен набор на рабочие специальности. На завод пришли и подростки, которые под руководством опытных наставников показывали чудеса трудового героизма. Один из них — Усман Нурутдинов, гибщик крыла самолета. Благодаря рационализаторскому предложению, которое разработал его наставник, он в 1943 г. увеличил норму дневной выработки не на сотни, а на тысячи процентов.

Благодаря героическому самоотверженному труду рабочих, организаторской работе руководства Узбекистан в годы войны дал фронту 2090 самолетов, 17 342 авиамотора, 2318 тыс. авиабомб, миллионы мин, снарядов, гранат. Предприятия легкой промышленности и артели промкооперации для нужд фронта изготовили обуви и различных деталей боеприпасов на 443,4 млн руб., 330 тыс. парашютов, более 100 тыс. км различных проводов. Выросли молодые промышленные города: Чирчик, Ангрен, Бекабад, Янгиюль. Продукция отраслей увеличилась: угольной — в два раза, химической — в 7,5 раза, нефтяной — в три раза. Значительно увеличились кадры рабочего класса, в том числе из числа лиц местных национальностей.

Мощный подъем промышленности и вся обстановка войны повысили требования к транспорту. Так, силами железнодорожников были сформированы и оборудованы пять бронепоездов, 14 военно-санитарных поездов, четыре банно-прачечных поезда, а также 40 спецформирований[6].

Итак, Узбекистан стал одним из основных промышленных районов и составной частью военно-промышленной базы на востоке страны.

В годы войны была проделана огромная работа и по преодолению трудностей, связанных с перестройкой сельского хозяйства. Эти трудности заключались в резком уменьшении численности сельского населения в связи с уходом в армию мужчин, в том числе механизаторов. В первые месяцы войны в ряды Красной армии было призвано около 30 % колхозников Узбекистана. Многие тысячи трудоспособных мобилизованы на тыловые работы — в промышленность и строительство. Как и в городе, место ушедших на фронт заняли женщины и подростки. В связи с потребностями фронта резко снизилась техническая вооруженность сельского хозяйства. Была прекращена поставка в МТС и совхозы новых тракторов, сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним, уменьшились поставки горючего и минеральных удобрений. Наоборот, из совхозов, МТС и колхозов для нужд Красной Армии была взята часть тракторов, автомобилей и лошадей. Уже

в 1941 г. были приняты срочные меры по ужесточению режима работы во всех звеньях сельского хозяйства. В колхозах в 1,5 раза по сравнению с предвоенным периодом был увеличен обязательный минимум трудодней, который устанавливался и для подростков начиная с 12 лет. Колхозники и члены их семей, не выработавшие установленного минимума, предавались суду. Колхозники и рабочие совхозов добровольно брали повышенные обязательства, стремясь досрочно завершить уборку урожая. С другой стороны, потребность в продуктах питания намного возросла, особенно в связи с прибытием в республику большого числа эвакуированных.

Важное место в организаторской работе занимали вопросы обеспечения сельского хозяйства кадрами. Для решения этой проблемы были организованы краткосрочные курсы и школы по подготовке и переподготовке руководящих работников и механизаторов. Однако полностью сельское хозяйство обеспечено кадрами и рабочей силой не было. Как и в промышленности, эта нехватка покрывалась за счет патриотического труда колхозников и рабочих совхозов, которые объявили себя мобилизованными на трудовой фронт и в большинстве своем выполняли по полторы и даже по три нормы. Колхозное крестьянство Узбекистана, как и всей страны, в условиях войны показало свою беззаветную преданность Отечеству. Преодолевая трудности, идя на многие жертвы, оно вносило свой вклад в укрепление военной экономики, подготовку предстоящей победы над врагом.

23 июня 1941 г. колхозники и рабочие совхоза Янгиюльского района Ташкентской области через республиканские газеты призвали всех тружеников сельского хозяйства встать на военную вахту до полного разгрома врага, развернуть широкое движение и борьбу за выполнение двух или трех норм[7]. Этот патриотический почин был поддержан во всех районах Узбекистана. Выполняя взятые на себя обязательства, сельские труженики Янгиюльского района перестроили свою работу соответственно требованиям военного времени. Подавляющее большинство колхозников и колхозниц намного перекрывали установленные нормы. А когда в 1943 г. было принято правительственное постановление об оказании помощи освобожденным от фашистских захватчиков районам, в сторону Харькова, Ставропольского и Краснодарского краев потянулись эшелоны с продовольствием, сельскохозяйственной техникой, которой узбекские земледельцы щедро поделились с пострадавшими от оккупации согражданами.

В трудные военные годы было и всенародное движение за развертывание ирригационного строительства в целях расширения посевных площадей и обеспечения водой поливных земель. Колхозники при помощи горожан в 1942 г. соорудили Северный Ташкентский, Сох-Шахимарданский, Верхне-Учкурганский каналы и успешно завершили строительство канала Дюшабинка — Каратал, а также Касанского водохранилища. Одной из крупных строек военного времени был Северный Ташкентский канал, сооружение которого позволило оросить 15 тыс. га земли в Ташкентском, Янгиюльском и Чиназском районах. Строительство его было завершено в рекордно короткий срок — за два месяца.

Решительные меры были приняты для расширения посевов сельскохозяйственных культур и совершенствования структуры посевных площадей. Преодолевая огромные трудности, вызванные войной, колхозное

крестьянство Узбекистана делало все, чтобы дать стране больше хлопка, зерна, мяса. Эшелоны с продовольствием отправлялись на фронт, на промышленный Урал и в другие районы страны. Были значительно расширены площади под картофель, овощные и бахчевые культуры, что позволило снизить остроту продовольственного снабжения городов и крупных промышленных центров республики. Громадные усилия вложили труженики сельского хозяйства и в освоение новой для Узбекистана культуры — сахарной свеклы.

В соответствии с задачами военного времени была изменена и мирная направленность научных работ. В Узбекистан были перебазированы 22 научно-исследовательских института, 16 высших учебных заведений, две библиотеки. Они размещались на площадках и экспериментальных базах родственных организаций. Эвакуированные ученые работали в тесном контакте с учеными Узбекистана. Их совместные усилия были направлены на то, чтобы достижения науки послужили нуждам фронта. Несмотря на трудности военного времени, Узбекистан стал подлинной кузницей подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, медицины. В 1943 г. в республике работали 41 высшее учебное заведение, в том числе 12 эвакуированных, и 52 средних специальных учебных заведения. За годы войны в них было подготовлено более 20 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, что позволило обеспечить промышленность и сельское хозяйство кадрами высшей квалификации.

В годы войны в произведениях, созданных поэтами, писателями, композиторами, художниками Узбекистана, преобладала патриотическая тематика. В творческом содружестве с русскими, украинскими, белорусскими писателями были созданы альманах «Мы победим» и антология «Поэты Узбекистана — фронту».

Великая победа нашего народа над фашистской Германией и милитаристской Японией была вполне закономерной. Она явилась результатом экономического, политического и идеологического превосходства над насилием, дружбы, непобедимости и сплоченности многонационального народа, который спас все человечество от фашистского порабощения.

Итак, подводя итог сказанному, следует сказать, что победа над фашистской Германией была одержана прежде всего благодаря подвигу, трудовому и ратному, всего советского народа. Узбекистанцы внесли в этот подвиг свой достойный вклад.

Сегодня в Узбекистане проявляется должное уважение к ветеранам Великой Отечественной войны и свято чтится память о погибших. Из Узбекистана было мобилизовано на фронт около 1 млн 951 тыс. человек. Это значит, что в борьбу против фашизма с оружием в руках вступил каждый третий узбекистанец, около 0,5 млн из них не вернулись домой. То, что в течение стольких лет вне нашего внимания оставались имена и судьбы около 451 тыс. наших соотечественников, участвовавших в ожесточенных боях, конечно, нельзя признать справедливым. Прежде считалось, что в боях погибли 396 тыс. наших граждан, ушедших на войну, а на самом деле — свыше 538 тыс. 9 мая Указом Президента от 3 марта 1999 г. объявлен Днем памяти и почестей. Почитаются и ветераны труда, внесшие свой вклад

в избавление человечества от фашистской чумы. Их трудовой подвиг является в наши дни примером для юных узбекистанцев.

В честь 75-й годовщины Великой Победы в Ташкенте построен грандиозный мемориальный комплекс, поистине уникальный по своему архитектурному замыслу, духовному содержанию и историческому значению. Его создание стало еще одним ярким подтверждением глубокого уважения и преклонения всех соотечественников перед мужеством и героизмом нашего народа. Безусловно, следует рассказать о каждом объекте парка.

На возвышенности, символизирующей отвоеванную высоту на поле боя, установлен величественный памятник «Вечный подвиг», посвященный таким легендарным полководцам, как генерал Сабир Рахимов, и немеркнущей памяти обо всех отважных воинах-узбекистанцах.

На основе самых передовых музейных и информационных технологий создан Музей славы. Здесь представлены тысячи исторических экспонатов, которые свидетельствуют о мужестве нашего народа, внесшего огромный вклад в Великую Победу. В самом центре Парка Победы сегодня возвышается величественный памятник «Ода стойкости», посвященный Матери-родине, всем матерям Узбекистана. Этот монумент станет для всех, особенно для молодежи, символом таких вечных ценностей, как семья, любовь и верность.

При создании монумента за основу были взяты не абстрактные художественные образы, а реальные исторические события из судьбы Зульфии Закировой из пос. Ханабад Зангиатинского района Ташкентской области. Великий подвиг этой женщины и ее семьи восхищает любого человека. После смерти мужа Холмата-ака Зульфия одна воспитывала пятерых сыновей и дочь. В годы войны героически погибли все ее отважные сыновья: Исокджон, Ахмаджон, Махамаджон, Вахобджон, Юсуфджон. Не каждый способен устоять под такими жестокими ударами судьбы. Но простая узбекская женщина, обладающая несгибаемой волей и силой духа, смогла выстоять перед лицом немыслимой беды. Овдовели четыре невестки Зульфии Закировой, осиротели ее пятеро внуков. До последнего вздоха она терпеливо переносила все выпавшие на ее долю испытания, жила лишь памятью о своих сыновьях-героях, заботами и радостями невесток и внуков, родной страны. А добрые и любящие невестки Зульфии, следуя ее примеру и поддерживая во всем, остались верными своим супругам и семье.

Мемориальный комплекс в Парке Победы, воспевающий высокие человеческие качества, является священным местом притяжения и духовно-нравственного воспитания наших соотечественников.

Примечания

[1] Выступление Президента Республики Узбекистан на торжественной церемонии, посвященной 75-летию Великой Победы. URL: http://old.uza.uz/ru.

[2] Там же.

[3] Очерки истории Компартии Узбекистана. Ташкент : Узбекистан, 1974. С. 427.

[4] Выступление Президента Республики Узбекистан…

[5] Очерки истории Компартии Узбекистана. С. 430.

[6] Там же. С. 443.

[7] Кизил Узбекистан. 1941. 23 июля.

Н. Р. Ниязмухаммедов, П. Х. Дурдыклычев

Вклад трудящихся Туркменистана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

В статье рассматриваются различные аспекты участия Туркменистана в Великой Отечественной войне: выпуск промышленной продукции для нужд фронта, поставки продукции сельского хозяйства, организация транспортных перевозок, прием эвакуированного населения, сбор пожертвований и помощь освобожденным районам СССР.

Ключевые слова: *военная промышленность, вооружение и боеприпасы, горючее, транспорт, сельское хозяйство, культура и искусство, помощь фронту и освобожденным районам.*

Как известно, Туркменистан являлся одной из союзных республик бывшего СССР. Находясь в братском единстве со всеми бывшими советскими республиками, он внес свой весомый вклад в победу над фашизмом. До начала войны Туркменистан был одним из малочисленных по количеству жителей республик Советского Союза. В то время население республики едва достигало миллионной отметки. Пережив страшные и тяжелейшие 1920–1930-е гг. и в то же время добившись немалых успехов в общественно-политическом, экономическом и культурном развитии, Туркменистан, как и другие братские республики, мобилизовал все силы и средства на разгром врага.

В суровые годы войны Туркменистан, как и другие республики, поставлял в действующую армию вооружение, боеприпасы, горючее, снаряжение, обмундирование и продовольствие. Необходимо отметить, что уже в первые дни войны предприятия Туркменистана были перепрофилированы на выпуск военной продукции. Ряд крупных предприятий республики, в том числе ашхабадские заводы «Красный металлист», «Красный молот», перешли на производство гранат, мин и других видов боеприпасов. С конца 1941 г. боеприпасы стали производить тепловозное депо Ашхабада и Кизыл-Арватский паровозовагоноремонтный завод и др. К этой стратегический важной работе подключились и предприятия, эвакуированные из западных районов СССР.

Уже в конце 1941 — начале 1942 г. в республику начали прибывать эвакуированные предприятия из Украины: металлокомбинат и фабрика

приводных ремней из Ворошиловграда, оборудование судоремонтных заводов из Одессы, Ростова и Таганрога, фабрика искусственного меха из Завидова, учебные мастерские из Мелитополя, Киевский термосный завод и др. В Туркменистан поступало также демонтированное оборудование многих предприятий из западных областей России и Украины. Все эти грузы переправлялись через Каспийское море в Красноводский морской порт. Поступавшие грузы по Ашхабадской железной дороге перевозились в глубокий тыл страны.

В годы Великой Отечественной войны предприятия легкой, текстильной и местной промышленности Туркменистана также переключились на выпуск военного снаряжения, обмундирования и других видов оборонной продукции. За годы войны предприятиями Туркменистана было освоено производство более 70 видов промышленной продукции, имеющей стратегическое значение, в том числе весьма важных видов боеприпасов и снаряжения для фронта[1].

В годы Великой Отечественной войны возросло значение туркменской нефти. Благодаря огромной организаторской работе местных органов власти добыча нефти в Туркменистане в 1945 г. составила 107 % к уровню 1940 г., а объем бурения нефти в 1945 г. по сравнению с предвоенным 1940 г. возрос в четыре раза. Выработка бензина за это время увеличилась в шесть раз[2]. В 1944–1945 гг. наладился вывоз нефти. Этому способствовало сооружение Красноводского нефтеперерабатывающего завода, построенного в 1943 г. на базе демонтированного оборудования Туапсинского завода.

Туркменистан был одним из важных поставщиков нефти в действующую армию. Только за полтора годы войны для Вооруженных Сил было отгружено 39 497 цистерн нефтепродуктов. В 1943–1945 гг. количество отгруженного горючего составило 491 302 т. По решению ГКО нефтепродукты отправлялись также предприятиям танковой промышленности, цветной и черной металлургии, станкостроения и др.[3]

К большой чести тружеников тыла, их целеустремленность и, самое главное, вера в победу над врагом давали примеры того, что большая часть предприятий нефтяной, химической, мясомолочной и рыбной промышленности, Ашхабадская железная дорога, Красноводский морской порт, Амударьинское речное пароходство в дни войны работали больше и лучше, чем в мирное время.

Особое место в работе тыла уделялось вопросам своевременной и бесперебойной доставки военной продукции в действующую армию. В Туркменистане основная тяжесть по снабжению фронта и тыла легла на плечи работников Ашхабадской железной дороги и Красноводского морского порта. В обеспечение фронта всем необходимым особое стратегическое значение имела работа Красноводского порта. За большой вклад в победе над врагом этот порт образно называли «подносчиком патронов» для Кавказского и Сталинградского фронтов[4].

Во втором полугодии 1942 г. работа транспорта Туркменской республики значительно осложнилась. Временная оккупация немецкими войсками Ростова и части Северного Кавказа превратила Ашхабадскую железную дорогу в основную магистраль, которая связывала Закавказье через Каспийское море с центром страны. Из дороги глубокого тыла Ашхабадская

железная дорога стала одной из прифронтовых. Необходимо было наладить бесперебойную переброску на Сталинградский и Северо-Кавказский фронты войск, а также военной техники, боеприпасов и других материалов. Только за 1942 г. около 10 тыс. вагонов было отведено под воинские эшелоны и грузы Наркомата обороны. Особенно напряженными были осень и зима 1942 г., когда количество вагонов под воинскими эшелонами в течение одного месяца достигало 11–12 тыс.[5] В это же время Красноводский морской порт также превратился в важнейший погрузочно-перевалочный узел на берегу Каспия.

Как известно, в годы войны США и Англия активно помогали Советскому Союзу вооружением, боеприпасами, снаряжением, медикаментами и продовольствием по линии ленд-лиза. Американская помощь оказывалась через Персидский залив. Поступившие американские грузы через всю территорию Ирана доставлялись тремя маршрутами, один из которых проходил через Иранский приграничный поселок Баджгиран, в Ашхабад. Отсюда грузы отправлялись по Ашхабадской железной дорогой и через Красноводский морской порт на фронт.

Война явилась серьезным испытанием и для сельского хозяйства Туркменистана. В аулах республики уменьшилось мужское население. Так, уже в 1942 г. по сравнению с 1940 г. количество трудоспособных лиц в колхозах республики снизилось на 48,8 тыс. человек. Сокращение трудоспособных граждан на селе продолжалось во все последующие годы войны. Людские ресурсы сельского хозяйства Туркменистана сокращались за счет призыва сельских жителей в ряды Красной Армии и мобилизации их для работы в промышленности, на транспорте и в строительстве. За все годы войны на работу только в промышленность было мобилизовано свыше 34,5 тыс. человек, в основном колхозников[6].

В годы войны резко ухудшилось материально-техническое обеспечение сельскохозяйственного производства. В колхозах и совхозах остро не хватало техники, сельхозинвентаря и рабочих рук. Повысился удельный вес зерновых культур, так как в республику перестал поступать хлеб из других регионов СССР. Несмотря на увеличение посевной площади, резко сократилась урожайность сельскохозяйственных культур, особенно зерновых и хлопка. В результате чего в 1942–1943 гг., в самые трудные годы для сельского хозяйства страны, снизились посевные площади и урожайность хлопка. По республике средняя урожайность хлопка в 1939 г. составила 16,5 ц/га, а в 1942 г. — 8,7, в 1943 г. — 4,4 ц/га[7]. Вследствие этого в некоторых областях Туркменистана производство хлопка сократилось четыре-пять раз. Но несмотря на невероятные трудности в годы войны, туркменские сельские труженики сдали государству более 600 тыс. т хлопка-сырца и 5,5 млн ц зерна[8].

Туркменский народ оказывал посильную помощь фронту. В первые годы Великой Отечественной войны в республике развернулось движение по оказанию разнообразной помощи раненым фронтовикам. В годы войны в республике размещалось 38 военных госпиталей, в том числе 9 — местного формирования и 29 — эвакуированных из других мест, которые приняли 43,5 тыс. раненых и больных бойцов и командиров. Над госпиталями, в которых лечились и поправляли свое здоровье тысячи солдат и офицеров,

шефствовали более 150 предприятий, учреждений, колхозов и совхозов Туркменистана. Кроме того, в Туркменистане находились, по данным на октябрь 1941 г., Харьковское военно-медицинское училище, которому был передан инвентарь Ашхабадского автодорожного техникума, и, по данным на март 1945 г., 3-е Харьковское танковое училище[9].

Население республики оказывало всемерную помощь не только фронту, но и гражданскому населению, эвакуированному из прифронтовых зон. Так, в годы Великой Отечественной войны туркменская земля стала второй родиной для более 32 тыс. граждан, эвакуированных из западных областей СССР[10].

Туркменистан всемерно и активно помогал освобожденным от фашистской оккупации жителям Сталинградской, Курской, Орловской, Воронежской, Ростовской, Смоленской, Ленинградской областей России, Харьковской и Ворошиловградской областей Украины. В годы Великой Отечественной войны из Туркменистана на фронт и жителям освобожденных районов СССР было отправлено около 300 вагонов (шесть эшелонов) подарков и различной материальной помощи[11]. За годы войны население республики отправило на фронт около 2 млн теплых вещей[12].

Представляя весь тот ужас и великие муки, которые выпали на долю жителей временно занятых оккупантами территорий, а также зная, какие материальные разрушения и тотальное уничтожение нес с собой оккупационный режим, народ Туркменистана оказал посильную помощь населению освобожденных районов, в том числе Сталинградской области. В освобожденную от оккупантов Сталинградскую область в начале 1943 г. из Туркменистана прибыла специальная делегация с целью вручения собранных средств от туркменского народа. В воспоминаниях Ф. А. Гришаенкова, являвшегося в годы войны первым секретарем Сталинградского обкома комсомола, а после войны также работавшего секретарем ЦК компартии Туркменистана, было отмечено, что по поводу приезда туркменской делегации на ст. Сталинград-1 состоялся большой многолюдный митинг. Делегация привезла собой 66 вагонов с оборудованием, инвентарем и подарками для населения[13].

В конце 1943 г. в Сталинградскую область из Туркменской республики было отправлено 952 плуга, 1022 бороны, огородных семян на 200 га, 15 вагонов ваты, 5 вагонов оконного стекла, вагон аптекарской посуды, 3 тыс. комплектов постельных принадлежностей, 900 полушубков, 500 пар валенок, 3 тыс. термосов, 5 тыс. ламповых стекол, оборудование для двух столовых (каждая на 500 человек), полное оборудование для двух средних школ (каждая на 400 учащихся), оборудование для четырех детских садов (каждый на 75 детей), оборудование для трех больниц на 200 коек, районная типография, телефонная станция, почтовая контора связи, большое количество железнодорожного оборудования и др. Так, например, к концу 1944 г. в порядке помощи освобожденным районам Сталинграда были отправлены 4 тыс. книг, звуковой киноаппарат и радиоузел на 100 Вт[14].

Туркменский народ оказал теплое гостеприимство коллективу Киевской киностудии художественных фильмов, прибывшей в Ашхабад в октябре 1941 г. Среди прибывших были известные мастера киноискусств Украины: А. Довженко, М. Донской, М. Бернес, Н. Ужвий, А. Хвыля, И. Савчен-

ко, В. Браун, В. Монастырский и др. В начале 1942 г. Киевская киностудия в содружестве с туркменскими кинематографистами создала три киноновеллы, вошедшие в «Боевой киносборник № 9». В том же году Киевская, Ашхабадская и Ташкентская киностудии совместными усилиями выпустили картины «Александр Пархоменко», «Как закалялась сталь», «Партизаны в степях Украины». В 1943 г. на экраны вышла лента «Радуга». Все эти фильмы получили широкую известность. Отмечая заслуги украинских кинематографистов, Президиум Верховного Совета Туркменистана 4 ноября 1943 г. присвоил почетное звание заслуженного деятеля искусств республики режиссеру М. С. Донскому, а 16 человек были награждены почетными грамотами. Летом 1944 г. Киевская киностудия художественных фильмов была реэвакуирована на родину[15].

В годы войны в Туркменистане работали три театра из Украины — Константиновский русский драматический театр им. А. С. Пушкина с Донбасса, Александровский музыкально-драматический театр им. М. Л. Кропивницкого из Кировоградской области, Украинский музыкально-драматический театр им. Н. А. Щорса, — которые в трудных условиях военного времени сумели сохранить основной костяк творческих кадров, восстановить прежний и подготовить новый репертуар, провести большую работу по культурному обслуживанию местного населения.

Братский прием был оказан эвакуированным в Туркменистан украинским писателям и поэтам Н. П. Бажану, Ю. П. Дольд-Михайлику, Я. И. Шпорту, А. Ф. Турчинской и др. Писатели, поэты, литературоведы, переводчики из Украины создали немало замечательных художественных произведений в Туркменистане[16].

Эвакуированные в Ашхабад известные украинские композиторы А. Ф. Зноско-Боровский, Ю. С. Мейтус, А. Я. Штогаренко оказали большую помощь в развитии музыкального искусства Туркменистана. Так, вместе с туркменским композитором В. Мухатовым А. Ф. Зноско-Боровский создал один из первых национальных туркменских балетов «Ак Памык» («Белый пушок»). Ю. С. Мейтус написал первую туркменскую симфонию. В соавторстве с ним были написаны оперы «Лейли и Меджнун» Д. Овезова, «Абадан» А. Кулиева.

В годы войны в Туркменистане трудились эвакуированные сюда украинские художники Г. Сокиринский, Т. Нелингер, Р. Ф. Мельничук и др. В составе делегации туркменского народа Р. Ф. Мельничук в 1942 г. совершил поездку на Западный фронт[17].

В годы Великой Отечественной войны в Туркменистан были эвакуированы также несколько вузов из Украины и России. В начале войны в Туркменистан были эвакуированы Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Сочинский бальнеологический институт, одесские государственный университет и педагогический институт, Харьковский гидрометеорологический институт и Мелитопольский институт инженеров-механиков сельского хозяйства. Прибытие в Туркменистан крупных российских и украинских вузов и научных сил, их почти трехлетнее пребывание в республике способствовали развитию и совершенствованию высшего образования в республике, развертыванию научно-исследовательской работы, подготовке научно-педагогических кадров. Под началом российских

и украинских ученых многие туркменские специалисты защитили кандидатские и докторские диссертации.

В годы войны труженики тыла в своем стремлении приблизить час победы отличились не только самоотверженным трудом, но своими финансовыми вкладами. В Фонд обороны страны население передавало накопленные долгими годами личные денежные средства, ценные вещи. Особый размах патриотическое движение приобрело в 1941–1942 гг., когда решалась судьба страны. Так, на личные сбережения жителя Байрамалийского района Юсупа Кула был построен боевой самолет, а на деньги Садап Ниязовой из Ашхабадского района была изготовлена пушка и передана ее брату Г. Халмурадову, который стал командиром этого орудия. На личные сбережения Лаллык Хана был построен танк, который прошел большой боевой путь, встретив победу в Берлине[18]. Таких примеров личного самопожертвования, когда население перечисляло или сдавало в Фонд обороны страны свои последние сбережения, не перечесть.

В каждой туркменской семье хранились драгоценные и ювелирные изделия, передаваемые из поколения в поколение, от матерей к дочерям. Примечательно то, что эти семейные реликвии без малейшего сожаления сдавались в Фонд обороны. За годы войны только один Туркменистан передал в Фонд обороны золотые и серебряные ювелирные изделия и украшения в объеме 7392 кг, что, в общем, составило 75 % сданных в Фонд обороны ценностей по всему Советскому Союзу[19]. Если исходить из того, что в то время 1,5–5-граммовое позолоченное обручальное кольцо можно было обменять на 30–50 кг олова или 1 г позолоченного серебра — на 10 кг олова, то можно себе представить, какой большой вклад внесли в Фонд обороны жители Туркменистана[20].

В годы Великой Отечественной войны население республики сдало в Фонд обороны 170 млн руб. наличными деньгами. За такое количество денег в то время, можно было построить семь авиаэскадрилий, пять танковых колонн и приобрести много другое. Кроме того, жители республики сдали в Фонд обороны 110 млн руб. в виде займа и государственными облигациями, подписались на государственные займы и купили лотерейные билеты на 1 млрд 70,6 млн руб.[21] Часть этих денежных средств была использована на строительство авиационных и танковых колонн. Жители Туркменистана много средств внесли и на строительство боевых самолетов «Колхозник Туркменистана», имени 20-летия Советского Туркменистана, «Пищевик Туркмении», «Текстильщик Туркменистана», «Ташаузский колхозник», эскадрильи санитарных самолетов «Красный Полумесяц Туркменистана». В марте 1943 г. туркменская делегация под руководством председателя СНК Туркменской ССР А. Худайбергенова в торжественной обстановке передала представителям 237-го и 955-го истребительных авиаполков 64 боевых самолета Ил-2[22].

Как показывают данные, в годы Великой Отечественной войны жители Советского Туркменистана, находясь в братском единстве со всеми народами СССР, в условиях неимоверных трудностей и лишений самоотверженно трудились, обеспечивая фронт всем необходимым, внесли весомый вклад в Великую Победу.

Примечания

[1] История Туркменской ССР : в 6 т. Т. 2. Ашхабад, 1957. С. 83.
[2] Базарова Р. А. Советский Туркменистан — фронту. Ашхабад, 1978. С. 89.
[3] Там же. С. 90.
[4] Туркменистан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : сб. док. Ашхабад, 1962. С. 101.
[5] Базарова Р. А. Указ. соч. С. 70.
[6] История Туркменской ССР. Т. 2. С. 98.
[7] Там же. С. 73.
[8] Türkmen arhiwi (Туркменский архив). № 2006–2007–2008. С. 115.
[9] Там же. № 2003–2004–2005. С. 99.
[10] Халилов С. Рабочий класс Туркменистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад, 1986. С. 80.
[11] Türkmen arhiwi. № 2003–2004–2005. С. 91.
[12] Там же. № 2006–2007–2008. С. 119.
[13] Туркменистан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. С. 377 ; Гришаенков Ф. А. Дружба, скрепленная кровью. Ашхабад, 1977. С. 112.
[14] Халилов С. Указ. соч. С. 90–91.
[15] Türkmen arhiwi. № 2003–2004–2005. С. 101 ; № 2006–2007–2008. С. 125.
[16] Там же. № 2003–2004–2005. С. 101–102.
[17] Там же. С. 102.
[18] Базарова Р. А. Указ. соч. С. 264.
[19] История Советского Туркменистана : в 2 т. Т. 2. Ашхабад, 1978. С. 126.
[20] Türkmen arhiwi. № 2003–2004–2005. С. 90.
[21] История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана : в 2 кн. Кн. 2. Ашхабад, 1980. С. 594–595.
[22] Türkmen arhiwi. № 2003–2004–2005. С. 92.

А. К. Рахимбекова, И. С. Искаков

Вклад Казахстана в Победу

Статья посвящена превращению Казахстана в арсенал фронта в годы Великой Отечественной войны. Авторы акцентируют внимание на перестройке экономики на военный лад, раскрывая вклад Казахстана в Победу. Освещается проблема эвакуации крупных промышленных предприятий и миллионов людей.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, перестройка экономики, арсенал фронта, эвакуация, депортация*.

В преддверии юбилейных дат на книжной полке на первый план выдвигаются книги, посвященные этим датам и событиям. Прошлый, ушедший в историю 2020 г. был ознаменован 75-летием Великой Победы; в текущем году исполнится 80 лет с начала Великой Отечественной войны. И как много уже написано о войне и людях войны, о страшном испытании и невосполнимых потерях, в том числе мемуарной литературы. К примеру, «Короткий рассказ о длинной жизни: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1944 гг.». Автор книги Иосиф Грайфер — бывший узник Минского гетто[1]. Воспоминания представляют одну из трагических страниц Великой Отечественной войны — историю Холокоста в Беларуси, историю борьбы и выживания. Другая книга — «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси», написанная узницей этого концлагеря А. В. Борисовой. Книга была подарена автором с надписью: «Моя память, моя боль о страшной трагедии человечества XX столетия. Да, это было, да — это не должно повториться нигде и никогда! Бывшая узница концлагеря Аушвиц (Освенцим) Борисова Александра Васильевна (Сивакова). Лагерный № 77409. Минск 05.07.2012 г.»[2]. Это о войне в Белоруссии.

На территории Казахстана не шли боевые действия, не рвались бомбы и снаряды, не было гетто. Однако над небом Казахстана осенью 1942 г. появились немецко-фашистские бомбардировщики, совершавшие налеты на ст. Сайхан, Шунгай, Жаныбек. Осенью 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР военное положение было введено в бассейне Каспийского моря, а в некоторых районах Актюбинской области возводились оборонительные сооружения. Уральская область была объявлена прифронтовой, ближайшим к Казахстану был Сталинградский фронт.

Как и по всей стране, в Казахстане в сжатые сроки была проведена военная мобилизация населения: сформированы 12 стрелковых и 4 кавале-

рийских дивизии, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов. Воинский путь казахстанских соединений начался в грозное время под Москвой в 1941 г. и завершился весной 1945 г. в Берлине. За ратные подвиги высокого звания Героя Советского Союза были удостоены 497 казахстанцев. Среди них Маншук Маметова и Алия Молдагулова. Гордо звучат имена дважды Героев Советского Союза из Казахстана Талгата Бигельдинова, Сергея Луганского, Леонида Беды, Ивана Павлова.

Но, как утверждают военные теоретики, исход войны определяет не только армия, но и ее обеспеченность вооружением, снабжение продовольствием, состояние тыла. В соответствии с решениями правительства Казахстан должен был с первых дней войны переориентировать свою экономику на обеспечение нужд фронта. По сути, это означало освоить и расширить производство оборонной продукции и стратегического сырья, развернуть промышленное строительство, осуществить перераспределение трудовых и материальных ресурсов, принять и в кратчайшие сроки ввести в действие предприятия, перемещаемые из прифронтовой полосы. В соответствии с военно-хозяйственным планом в республике осуществлялся переход экономики на военный лад, Казахстан в годы Великой Отечественной войны превратился в мощный арсенал фронта, поставляя стратегические ресурсы для оборонной промышленности. Уже в первые месяцы войны началась конверсия промышленности Казахстана и в полной мере была задействована его сырьевая база, компенсировавшая утраченные природоресурсные источники на оккупированных врагом территориях. Казахстан стал давать 85 % союзного производства свинца. Это означало, что из каждых десяти пуль, выпущенных по врагу, девять пуль были отлиты из казахстанского свинца. Приведем другие цифры, свидетельствующие о вкладе в Победу: 70 % добычи полиметаллических руд, 60 % — молибдена, 50 % — медной руды[3].

С началом войны на фронтовую вахту встали металлурги Балхаша и медеплавильщики Джезказгана. На всю мощь работала «третья всесоюзная кочегарка» — так называли Карагандинский угольный бассейн. Ускоренными темпами шло строительство новых промыслов и шахт в Караганде, рудников, обогатительных фабрик. К примеру, за рекордный срок — 38 дней — был построен Карсакпайский медеплавильный завод. Оборудование ряда эвакуированных предприятий использовалось для завершения строящихся промышленных комплексов. К примеру, Актюбинский ферросплавный завод получил оборудование Запорожского ферросплавного завода, авторемонтный завод в Алма-Ате стал базой для цехов Луганского завода тяжелого машиностроения, а новостройки пищевой промышленности Южного Казахстана получили оборудование 14 сахарных заводов Украины. Работали по-военному, металлурги в июле 1941 г. перевыполнили месячные задания, нефтяники организовали дополнительные бригады по добыче и бурению нефти.

Исход войны во многом определялся тем, как быстро удастся наладить «военную экономику», что потребовало эвакуации промышленных предприятий на восток, в том числе в Казахстан. Масштабы ее были беспрецедентны в мировой истории. Более 200 предприятий были размещены в Казахстане[4].

Проблема эвакуации крупных промышленных предприятий и миллионов людей на восток стала наиболее сложной и в моральном, и в материальном плане. Подобной практики еще не знала мировая история. Не была она предусмотрена и специальным мобилизационным планом, составленным на случай войны. Поэтому решение о ее начале вызвало у многих руководителей предприятий состояние, близкое к шоку. Казалась невероятной сама возможность перемещения промышленных гигантов за тысячи километров, да еще в тот период, когда в их продукции остро нуждался фронт. К тому же многими людьми эвакуация воспринималась как запланированное бегство. Но недолгое смятение было преодолено в условиях военного времени работой, которая направлялась и координировалась уже 24 июня 1941 г. специальным Советом по эвакуации. В 1941–1942 гг. в Казахстан было перебазировано 220 заводов и фабрик, цехов и артелей, в основном из Украины, Белоруссии, Молдавии, Москвы и Ленинграда, в том числе 54 завода и фабрики легкой промышленности. Основными районами размещения эвакуированных предприятий были Алма-Ата, Уральск, Петропавловск, Чимкент, Семипалатинск, Караганда и Актюбинск[5]. Эвакуация осуществлялась двумя потоками: в конце 1941 — начале 1942 г. и осенью 1942 г.

Не менее сложной задачей было размещение и монтаж оборудования и пуск эвакуированных заводов. Производственные площади для размещения никто заранее не готовил и не мог готовить. Первоначально под заводы отводились мало-мальски сносные помещения, однако впоследствии стали занимать холодные сараи, крытые площадки, которые не отвечали элементарным требованиям производства. Порой теснили служебные учреждения и учебные заведения. При размещении эвакуированных предприятий требовалась сверхсрочная выдача фронту военной продукции. Сложности вызывало и обустройство рабочих и их семей. Население возрастало за счет прибывших из прифронтовых областей. В связи с этим обострилась скученность, жилищная и бытовая неустроенность людей. «…Они приехали сюда в поисках мест размещения своих заводов, эвакуированных из прифронтовой зоны. На них невозможно было смотреть без чувства глубокого сострадания. Снявшиеся с родных мест в спешке, за четыре-пять дней демонтажа оборудования предприятий, рабочие, инженерно-технические работники с котомкой личных вещей поехали куда-то на восток. Без средств, без продовольствия, они даже не знали, где тот разъезд или полустанок, который будет их новой малой родиной»[6]. Казахстанцы принимали их с душевной теплотой. Эвакуированных нередко размещали у себя местные жители, делясь с ними не только кровом, но и последним куском хлеба; по-братски теснились сами, не отказывая прибывшим в приюте. В иных местах вокруг вновь возведенных заводов возникали кварталы из наспех построенных времянок и даже землянок, официально именуемых «жилыми помещениями упрощенного типа». Люди стали жить хуже, трудиться в тяжелейших условиях, напряженно работая на Победу.

Фронт требовал не только первоклассной боевой техники, боеприпасов и продовольствия, но и обмундирования, снаряжения. Трогательную заботу о советских Вооруженных Силах проявили жители Казахстана. Отказывая себе в самом необходимом, казахстанцы добровольно сдавали для фрон-

та теплые вещи, посылали продовольствие и подарки бойцам. Самые широкие массы населения участвовали в сборе средств на вооружение армии. Помимо этого организовывали субботники, воскресники, ударные вахты, сбор металлолома, шефство над госпиталями.

Продовольственное обеспечение армии и населения также переместилось в восточные регионы, в том числе в Казахстан. Труженики полей и ферм трудились, не зная усталости. В 1941 г. республика сдала государству 100,7 млн пудов хлеба, в основном за счет колхозов. Это имело большое значение в условиях, когда враг оккупировал наиболее богатые зерновые районы. Перевыполнялись плановые задания по сдаче хлопка-сырца, сахарной свеклы, табака. Сельские труженики демонстрировали трудовой героизм. Так, по всей стране гремела трудовая слава звеньевого колхоза «Курбан» (Актюбинская область) Шыганака Берсиева, установившего мировой рекорд по выращиванию проса — 201 ц/га. Знатный полевод Уильского района (Актюбинская область) Ш. Берсиев вывел новый засухоустойчивый высокоурожайный сорт проса, наиболее приспособленный к местным почвенно-климатическим условиям. В 1942 г. он собрал с гектара по 175, а в 1943 г. — по 201 ц. Такого урожая не знала мировая практика, он сделал четыре мировых рекорда. Высокие урожаи риса получали мастера своего дела И. Жахаев и Ким Ман Сан из колхоза «Авангард» Шилийского района (Кызылординская область). Известен трудовой подвиг звеньевой сельхозартели III Интернационала Каскеленского района М. Мухамедиевой, собравшей 600 ц/га сахарной свеклы. Широко известны трудовые подвиги бригадиров тракторных бригад П. А. Ангелиной, Н. Я. Кудлая, комбайнеров Р. И. Нежибекского, В. П. Кривич и многих других.

По производству животноводческой продукции и сырья Казахстан занял ведущее место среди тыловых районов. «В суровое время советская страна и Красная армия не испытывали серьезной нехватки в продовольствии», — писала газета «Правда» 12 мая 1942 г.

Следует отметить, что ценой огромного напряжения приходилось выполнять задания, так как животноводческая отрасль Казахстана была разрушена в годы «великого перелома». Сегодня продолжается переосмысление этого периода в истории, порожденного общественно-политическими трансформациями. Происходит смещение в оценке истории коллективизации, вызвавшей массовый голод в Казахстане в 1931–1933 гг. Казахстанские историки единодушны в негативной оценке силового характера коллективизации, которая обернулась трагедией для казахов, невосполнимыми физическими и этнокультурными потерями. Казахи заплатили очень высокую цену за трагический опыт модернизации. Однако, несмотря на все обиды, причиненные советской властью, казахи с самого первого трагического периода Великой Отечественной войны стали одними из лучших солдат Красной Армии и внесли неоценимый вклад в Победу. Из Казахстана на поля сражений ушли 1 млн 366 тыс. человек, каждый пятый казахстанец ушел на фронт, 601 тыс. из них не вернулись.

Помощь фронту усилилась особенно в 1942 и 1943 гг. Это стало возможным благодаря максимальной концентрации трудовых ресурсов на важнейших объектах промышленности, ускоренному вводу в действие десятков новых крупных предприятий оборонной промышленности, что подняло

военно-промышленный потенциал Казахстана. В январе 1943 г. досрочно завершено строительство первенца черной металлургии республики — Актюбинского завода ферросплавов. Химический комбинат развернул работу по производству буры, борной и фосфорной кислоты, соды и других химических соединений, нужных для военной промышленности и сельского хозяйства.

Под особым контролем Государственного комитета обороны осуществлялось строительство горнохимического комбината «Каратау» (май 1943). Для ускорения его сооружения правительством республики в ноябре было мобилизовано 3 тыс. человек. В том же году в Караганде были сданы в эксплуатацию шесть шахт, добыча угля увеличена по сравнению с 1942 г. на 35,6 %. За трудовые успехи 200 передовиков производства награждены орденами и медалями. Соревнование получило широкий размах среди рабочих на нефтяных промыслах, где трудились 3548 передовиков производства, выполнявших ежедневно по две-три нормы. Наращивал свой производственный потенциал Алмаатинский завод тяжелого машиностроения, на котором за первый год объем выпуска продукций увеличился в 2,2 раза.

На предприятиях Рудного Алтая и Центрального Казахстана были введены в действие новые мощности по добыче и обогащению свинцовой и вольфрамовой руд, позволившие Казахстану стать основной базой по их добыче. Росла также добыча марганца, хромитовых руд. Все это имело чрезвычайно важное значение для производства качественной стали, выпуска совершенных образцов новой боевой техники.

Швейные и обувные фабрики и артели промкооперации освоили и поставляли фронту более 50 видов обмундирования, обуви и различного боевого снаряжения. Продукция, изготовленная казахстанскими предприятиями, позволила обеспечить потребность сотен дивизий.

Казахстанцы пережили все невзгоды и трудности как физического, так и морального характера, выпавшие на долю депортированных народов — корейцев, немцев Поволжья, чеченцев, балкар, карачаевцев, курдов, западных украинцев и др. Человеческое сочувствие и поддержка местного населения помогли выстоять и вынести все испытания судьбы. Несмотря на моральные и физические трудности, переселенцы ощущали поддержку и сочувствие местного населения. Депортированные люди нашли на казахской земле вторую родину. В Северном Казахстане вырос Герольд Бельгер (1934–2015), ставший впоследствии известным писателем. В своих сборниках рассказов и повестей «За шестью перевалами», «Каменный брод» он отразил жизнь немцев, депортированных в Казахстан[7].

Война испытывала людей на крепость духа не только на полях сражений, но и в тылу врага. В суровых военных условиях в кратчайшие сроки был осуществлен переход экономики на военный лад, составной частью которого стала эвакуация промышленных предприятий из прифронтовой полосы в Казахстан. Эвакуированные заводы и фабрики в неимоверно трудных условиях начали производить продукцию, так необходимую фронту.

В строй вводились новые промышленные предприятия, использовавшие оборудование эвакуированных заводов и фабрик. С прибытием эвакуированных предприятий значительно увеличилась численность инженерно-технической интеллигенции.

Это был поистине трудовой подвиг сильных, стойких и мужественных людей. Думается, что не жажда героизма звала людей на трудовые подвиги, а глубинные чувства патриотизма. Потому так важно знать и ценить трудовой героизм, а значит, уметь преданно любить свою Родину, свое Отечество и гордиться этим.

Примечания

[1] Грайфер И. Короткий рассказ о длинной жизни: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1944 гг. / под ред. К. Козака. Минск, 2012. 108 с.

[2] Лагерь смерти Освенцим. Живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. Минск, 2009. 380 с.

[3] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М. : Воениздат, 1970. 632 с. ; Книга памяти Казахстана / П. Кураст, С. Белан, Н. Едигенов. Алма-Ата, 1995. 480 с.

[4] Козыбаев М. К. История и современность. Алматы : Гылым, 1991. С. 49.

[5] Абдурахманов Н. А. Современная история Казахстана : учеб. пособие. Караганда : Акнур, 2017. С. 96.

[6] Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы : Казахстан, 1993. С. 257.

[7] Бельгер Г. За шестью перевалами : повести и рассказы. Алма-Ата : Жазушы, 1977. 187 с.

К. К. Абдрахманова

Караганда в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена изучению роли г. Караганды и Карагандинской области в победе в Великой Отечественной войне. Автор, анализируя развитие промышленных объектов и эвакогоспиталей, резкий рост численности населения, попыталась провести комплексный анализ становления Караганды как тыловой базы. Автор приходит к выводу, что Караганда стала мощным арсеналом фронта, бесперебойно снабжая его углем, продовольствием, одеждой, денежными средствами. Повседневная жизнь в тылу в годы войны позволяет раскрыть новые страницы истории, а также показать героизм и жертвенность советских людей.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, тыл, Караганда, Карагандинский угольный бассейн, эвакогоспитали, промышленная эвакуация*.

Великая Отечественная война остается самым важным историческим событием в памяти нашего народа. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В первые последующие месяцы были потеряны ключевые экономические районы Советского Союза: Украина, Прибалтика, Белоруссия, часть западных регионов РСФСР. В результате оккупации противником значительной части СССР страна лишилась территорий, где до войны производилось до 60–70 % стали, проката, алюминия, угля и др. Все это привело к необходимости срочно решать проблему восполнения военной промышленности. В этих условиях возросла роль восточных регионов, в том числе Казахстана. За годы войны Казахстан превратился в надежный тыл Красной (Советской) армии. В номере газеты «Правда» от 25 октября 1942 г. было отмечено: «На Казахстан была возложена задача обеспечить работу электростанций, промышленных предприятий, транспорта не только внутри республики, но и Южного Урала, ряда западных районов РСФСР и Поволжья»[1].

Роль Караганды в достижении Победы немалая. Под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» именно в годы войны Караганда превратилась в мощную тыловую базу. В первые дни войны по городу прошли массовые митинги, где все как один были готовы встать на защиту Родины. Приведем некоторые отрывки из выступлений и заявлений.

Из протокола общего собрания жителей села Долинского Карагандинской области от 26 июня 1941 г.: «Мы, все женщины с. Долинки, включим-

ся как одна в укрепление трудовой и государственной дисциплины и поможем нашему хозяйству как можно лучше собрать урожай. Все как один запишемся в кружки по изучению санитарного дела в обороне нашей страны, и ни в коем случае нам не должны в этом мешать наши дети, так как все возможности к обучению в кружках нам будут предоставлены: санотдел выделил 10 преподавателей-врачей и также будет организована специальная комната, с тем чтобы каждая мать, состоящая в одном из санитарных кружков, смогла бы спокойно оставить своего ребенка. Все как один мы выступим, если это потребуется от нас, на защиту нашей Родины, разобьем Гитлера на его же земле, и нашего вершка земли ему не видать как своих ушей»[2].

С первых дней войны в стране началась эвакуация промышленных объектов с оккупированных территорий. К декабрю 1941 г. в Казахстан прибыло 59 (или 30 %) промышленных предприятий из 197 запланированных к эвакуации в республику. В Караганду к этому времени был эвакуирован Ворошиловградский завод им. А. Пархоменко, который разместился на территории мастерских комбината «Карагандауголь»[3]. Кольчугинский завод обработки цветных металлов им. С. Орджоникидзе был эвакуирован в г. Балхаш. Долгое время считалось, что эти промышленные объекты работали над изготовлением горно-шахтного оборудования, однако рассекреченные материалы ГАКО показали, что предприятия предприняли попытку выпускать боеприпасы. Из отрывка письма главного инженера завода о производстве боеприпасов на заводе им. Пархоменко, адресованное секретарю ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметову, следовало, что с 1 февраля 1942 г. должно было начаться производство мин М-37, М-120, химических авиационных бомб ХАБ-200 и химических припасов[4]. Также из отчетных документов следовало, что первоначально производство боеприпасов шло с перебоями. Это было связано с тем, что завод не мог освоить высококачественное литье, необходимое для изготовления корпусов изделий. Для правильного литья заводу не хватало чушкового чугуна, ферромарганца, ферросилиция и кокса[5]. Несмотря на все трудности, заводу все-таки удалось запустить производство, и уже к 19 февраля было выпущено 276 мин, а впоследствии выпускалось по 30–40 штук в день[6].

К концу 1941 г. в Карагандинскую область поступило оборудование Киевской ТЭЦ, использованное на строительстве КарГРЭС. Весной 1942 г. в Караганде в гараже треста «Карагандауголь» была размещена Артемовская обувная фабрика (на базе которой впоследствии будет создана Карагандинская обувная фабрика)[7]. В марте 1943 г. в помещениях магазина № 1 облторга расположилась кондитерская фабрика из Астрахани (позднее — Карагандинская кондитерская фабрика)[8]. В Балхаш были эвакуированы рыбоконсервные цеха Мариупольского и Керченского заводов, которые положили начало развитию рыбной промышленности в регионе.

Параллельно с переброской промышленных объектов осуществлялась эвакуация людей. В ноябре 1941 г. при Совете по эвакуации было образовано Управление по эвакуации населения. С января 1942 г. по 1945 г. вместо управления был создан и функционировал отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Численность населения Караганды в указанный период резко возросла: если в 1940 г. в городе

насчитывалось 172 475 жителей, то в 1941 г. — 190 862, в 1942 г. — 202 946, в 1943 г. — 219 824, в 1944 г. — 219 590, в 1945 г. — 222 880[9]. То есть за 1940–1945 гг. население города увеличилось на 30 % (за счет миграционного сальдо).

К 1 сентября 1941 г. в Карагандинскую область из РСФСР, Украины и Белоруссии было эвакуировано 448 человек, в январе 1942 г. — 22 617. Из них 6882 человека были направлены на промышленные предприятия, 10 944 — в областные и районные центры. В декабре 1942 г. в Караганду прибыли 14 800 рабочих, 5245 квалифицированных горняков из Донбасса[10]. За первое полугодие 1943 г. в распоряжение комбината «Карагандауголь» прибыли 109 65 человек из Донбасса и Подмосковья. А осенью 1943 г. из разных областей Казахстана в Караганду приехали еще 7000 мобилизованных рабочих[11].

Кроме того, в Карагандинскую область были эвакуированы более 800 воспитанников детских домов: в Компанейский детский дом прибыли дети из трех украинских учреждений, остальные были размещены в детских домах Осакаровского и Каркаралинского районов, а учащиеся Харьковской школы-интерната для глухонемых детей прибыли в Сталинский район Караганды[12].

Эвакуированные в Карагандинскую область граждане наравне с местными жителями работали на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, в учреждениях культуры, искусства, в учебных заведениях, других отраслях народного хозяйства, своим трудом приближая день Победы[13].

За годы войны Карагандинская область превратилась в один из крупнейших экономических районов страны, дававший четвертую часть всей продукции тяжелой промышленности.

Большую помощь по улучшению технологии производства угля оказала АН СССР. Выездной редакцией газеты «Правда» была развернута среди горняков агитационно-массовая работа. По призыву правительства Казахстана в республике развернулось патриотическое движение по оказанию шефской помощи горнякам Караганды. Из Донбасса в Караганду было эвакуировано свыше 10 тыс. квалифицированных рабочих и специалистов. Начальником шахты № 31 стал А. Г. Стаханов, организатор знаменитого стахановского движения. Кадровые рабочие, руководящие, научные кадры, прибывшие из Москвы, Ленинграда, оказали большую помощь в перестройке Карагандинского угольного бассейна в условиях военного времени. Перевыполнение нормы, помощь фронту были главными стимулами для многих шахтеров. Одним из таких являлся Тусуп Кузембаев, который в 1941–1945 гг. руководил коллективом шахты № 44-45 треста «Сталинуголь». Он регулярно перерабатывал норму на 104–105 %. Добыл для фонда Победы около 3 тыс. т угля. Стал Героем Социалистического Труда.

В годы войны Караганда обеспечивала промышленность и транспорт страны углем. Только с декабря 1941 г. по сентябрь 1943 г. трестом «Карагандашахтстрой» было заложено 12 новых шахт. К концу войны в Караганде функционировало более 39 шахт. За четыре года войны в Карагандинском угольном бассейне было добыто более 46 млн т угля[14].

Страна получала из Караганды не только уголь. Для обороны здесь добывались медь, вольфрам, молибден. Большую роль сыграл Балхашский

горно-металлургический комбинат. Из каждых 100 т молибдена, добывавшегося в военные годы в СССР, 60 т давали горняки балхашского рудника «Восточный Коунрад». Карсакпайский медеплавильный завод в годы войны кроме металла выпускал 82-мм мины: только за семь месяцев 1942 г. заводом было изготовлено более 34 тыс. корпусов мин. В Жезказгане производилось 60 % марганцевой руды. Была введена в строй Карагандинская ГРЭС мощностью 25 тыс. кВт. В цветной металлургии за годы войны было введено в действие 25 новых рудников, шахт и 11 обогатительных фабрик[15]. Была создана новая отрасль промышленности — черная металлургия, ставшая основой для развития машиностроения и строительства.

В Караганде строились предприятия химической и металлургической промышленности. Открылись два стекольных завода, завод по выпуску фарфоровых изделий, кирпичный и цементный заводы, деревообрабатывающий комбинат.

Эти несомненные успехи экономики республики давались с огромным трудом. Большая часть трудоспособных мужчин была призвана в действующую армию. Удельный вес женщин в промышленности составлял в цветной металлургии — 40–43 %, в угольной промышленности — более 50 %, в промышленной кооперации — 70–75 %, в легкой и пищевой промышленности — 80–90 %. Удельный вес подростков и молодежи допризывного возраста в промышленности достигал 35–40 % среди всех рабочих Казахстана[16]. Была ужесточена трудовая дисциплина, удлинен рабочий день, ограничена текучесть кадров. Вводились обязательные сверхурочные — до 11 часов при шестидневной рабочей неделе, отпуска отменялись.

На территории Карагандинской области с 1930-х гг. функционировал Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг), который тоже внес свой вклад в Победу. Политические заключенные в Карлаге производили ручные гранаты, авиационные осколочные бомбы АО-2,5 и АО-10, фугасные авиабомбы ФАБ-500[17]. В Карлаге действовали 17 кустарных кирпичных заводов, выпускавших 2,5 млн штук кирпича для местных нужд стоимостью 609 тыс. руб. Кирпичное производство лагерей в годы войны и послевоенный период ежегодно выпускало по 3,5 млн штук кирпича для местных нужд. Стекольный завод в Карлаге занимался производством ламповых стекол, стекол к фонарям. В 1941 г. завод изготовил 52 800 кв. м оконного стекла, 105 600 штук лампового стекла и 39 600 стекол к фонарям «летучая мышь». В 1944 г. начал действовать сахарный завод, который ежегодно производил около 400 т сахарного песка[18]. В целом промышленные предприятия Карлага (швейная и прядильно-вязальная фабрики, стекольный и фарфоровый заводы, пимокатное и мыловаренное производства, ремонтно-механический и кирпичный заводы) выпустили продукции на 156 млн руб. В Карлаге действовали 20 электростанций общей мощностью 698 кВт[19].

Проводилась массовая работа по организации трудовой армии. Из-за нехватки мужских рук широко стал применяться женский и подростковый труд. Женщины, овладев мужскими профессиями стали забойщицами, мотористками, слесарями и т. д. В тяжелых отраслях промышленности их удельных вес порой превышал 50–60 %.

Население Карагандинской области с сентября 1941 г принимало активное участие в сборе теплых вещей для фронта. Так, в докладной записке

о работе Балхашской городской комиссии по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии говорится: «…на 16 сентября на склад городской комиссии поступило: 81 полушубок, 193 пары валенок, 92 шапки, 165 ватных брюк, 140 фуфаек, 19 шинелей, 13 шерстяных джемперов, 52 пары варежек, 9 пар теплых перчаток, 32 теплые рубашки, 10 пар шерстяных носок и другое». Хорошую организованность и пример высокой сознательности показал коллектив работников пожарной команды медеплавильного завода. Они сдали 50 полушубков, 50 фуфаек, 75 ватных брюк, 50 валенок, 50 шапок, 100 варежек и рукавиц[20]. Всего за 2,5 года в Караганде было собрано 37 тыс. полушубков, курток, шарфов, 24 тыс. валенок, 10 543 единицы постельного белья и около 100 тыс. шапок, варежек, носков[21]. Для бойцов Ленинградского фронта и города Ленинграда было собрано и отправлено 20 вагонов с продовольствием, в 1944 г. отправлено еще 10 вагонов с продовольствием и подарками. Всего в 1942–1943 гг. на фронт ушли 94 вагона с подарками, собранными трудящимися Карагандинской области.

Население области активно принимало участие в сборе денежных средств. К примеру, в отчете заведующего облздравотделом П. Поспелова говорилось, что в декабре 1942 г. работники здравоохранения собрали средства для строительства танковой колонны «Медицинский работник Казахстана»: «Всего по области собрано 18 000 рублей. Медицинские работники города Караганды отчислили свои трудовые сбережения в сумме 605 565 руб. Кроме того, медицинские работники Караганды отгрузили 1704 тонны угля в фонд постройки танковой колонны “Шахтер Караганды”. Лучшие показатели в проведении этих мероприятий дали медицинские работники города Караганды, Осакаровского и Тельманского районов»[22].

Трудящиеся области внесли в Фонд обороны 52 млн руб. На собранные им средства были построены танковые колонны «Шахтер Караганды», «Комсомолец Караганды», «Железнодорожник Караганды», подводная лодка «Комсомолец Казахстана», авиазвено самолетов «Женщина Караганды», самолет «Нуркен Абдиров»[23].

Таким образом, Караганда стала мощным арсеналом фронта, бесперебойно снабжала его углем, продовольствием, одеждой, денежными средствами.

В конце 1941 г. Карагандинским облздравотделом было развернуто шесть госпиталей для размещения раненых, прибывающих из западных районов. Под эвакогоспитали были отданы здания фельдшерско-акушерской школы, учительского института, бывшие здания горкома партии, комбинатов «Карагандауголь», «Шахтострой», клуба железнодорожной ст. Сортировка. Эвакогоспиталь № 3970/3971 размещался с 1941 по 1944 гг. в здании бывшего учительского института; эвакогоспиталь № 3972 занимал в 1941–1942 гг. здание 1-й городской клинической больницы; эвакогоспиталь № 1776 находился в терапевтическом корпусе областной клинической больницы; эвакогоспиталь № 3414 (1942–1943) помещался в здании Дворца культуры железнодорожников, эвакогоспиталь № 3973 (1942–1943) — в Балхашском больничном городке, пос. Долинка[24]. В эвакогоспиталях работали высококвалифицированные врачи Карагандинской области. Хотелось бы отметить Петра Моисеевича Поспелова, который прибыл в Караганду еще в 1933 г. В годы Великой Отечественной войны он возглавлял группу эвако-

госпиталей Карагандинской области, был заведующим облздравом. Семейная чета Алалыкиных, хирург и военный врач Герман Никанорович и терапевт Ядвига Фридриховна (в девичестве Поспелова), работали в эвакогоспиталях и спасли немало жизней. В их память названы улицы в Караганде — Поспелова и Алалыкина.

Работать медработникам приходилось в тяжелых условиях: порой не хватало элементарных бинтов, ваты, гипса, пенициллина и других лекарств. И тогда на выручку приходили знания и смекалка — делились своими воспоминаниями врачи. Бинты вымачивали в специальных дезинфицирующих растворах, вату заменяла обычная полынь. Помогали и школьники младшего звена: ученики 3–4-х классов после занятий шли в степь собирать лекарственные травы.

Условия жизни в тылу были очень сложными. Это можно проследить по архивным документам и воспоминаниям очевидцев тех событий. К примеру, А. Ф. Любченко, работавшая мотористкой в тресте «Казметаллстрой», вспоминала о тяжелом материальном положении: отсутствии денег, еды, одежды. «Страшно было ходить одной по базару, так как было очень много воров, которые тут как тут были рядом, когда видели человека с деньгами. Во всем чувствовалась нехватка, но мы не жаловались»[25]. Из интервью З. Ахметовой: «Помню, как все люди города, в основном дети и женщины, собирали угольные породы около шахты. Мы тоже часто ходили. Брали с собой маленькие сани и укладывали туда уголь. Нас никто не ругал, наверное, работники шахты понимали, что нам тоже надо было как-то жить, чтоб не замерзнуть. Собирали уголь и в бураны, и в морозы. Руки так замерзали, что мы их не чувствовали. Лишний уголь мы продавали: одни санки угля за 2–3 рубля»[26]. О том времени вспоминала и З. А. Мелешенко, которая жила в Копай-городе (Караганда): «…питание было ужасным. В основном приходилось есть траву. Радовались, если на столе появлялась пшеница, картошка. Какие-то виды продуктов выдавали по карточкам. Сахар увидели только после войны»[27].

Большие трудности испытывали люди и в тыловом производстве. Во время работы в годы войны нарушались правила техники безопасности, поскольку считалось, что в тылу, как на фронте, потери неизбежны. Согласно Постановлению НКТ СССР от 14 августа 1932 г., для женщин старше 18 лет устанавливались следующие нормы переноски тяжестей: ручная переноска по ровной поверхности — 20 кг на человека, на одноколесной тачке — 50 кг, на трех- или четырехручных тележках — 100 кг, на вагонетках по рельсам — 600 кг. Безусловно, никакие нормы техники безопасности в военные годы не учитывались. Например, по воспоминаниям Антонины Егоровны Петровой, «в шахту спускались с грузом пешком: лопата, кайло, лампа, глина и запалы (всего по 40 килограмм)»[28]. 26 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР режим рабочего времени был ужесточен: «Предоставить директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли право устанавливать с разрешения Совнаркома СССР как для всех рабочих и служащих предприятий, так и для отдельных цехов, участков и групп рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день. Лица, не достигшие 16 лет, могут быть привлечены к обязательным сверхурочным

работам продолжительностью не более 2 часов в день. Не могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам беременные женщины, начиная с шестого месяца беременности, а также женщины, кормящие грудью, — в течение шести месяцев кормления…»[29] Люди на производстве трудились более 12 часов в сутки. Так, Александра Игнатьевна Олейник вспоминала: «…специальность наша была такова: крепильщиком, бурильщиком, навалоотбойщиком и каталем, нагружали и по 24 тонны, работали по 12–14 часов, иногда и без выходных»[30]. Произошел переход на семидневную рабочую неделю, был введен запрет на самовольный уход из учреждений и с предприятий, усилилась ответственность за выпуск недоброкачественной продукции.

Кроме того, рабочих снабжали некачественной спецодеждой: малескиновые костюмы (летние), рукавицы, брезентовые ботинки на деревянной подошве, которые через 15 дней приходили в негодность. Рабочие из-за отсутствия обуви обертывали ноги тряпками, выданные им одеяла разрезали и пускали на портянки, обматывали голову и в таком виде шли на работу. Зимой отмечались случаи обморожения[31]. Отсутствие одежды порождало невыходы на работу в течение определенного срока, что подтверждается архивными документами. Например, в феврале 1943 г. на шахте № 31 Караганды из прибывших в декабре рабочих вследствие отсутствия одежды не работали 74 человека. На шахте № 18 по этой же причине не работали 70 человек, на шахте № 18-бис — 80, на шахте им. Горького — 48 и т. д.[32]

Таким образом, архивные данные, воспоминания ветеранов свидетельствуют, что уровень жизни, продовольственное и промышленное обеспечение в военные годы резко ухудшилось. Однако эти проблемы не стали фактором социальной напряженности. Огромный патриотизм советских людей, жертвенность, готовность выдержать все трудности ради Победы перевешивали негативные последствия повседневности военного времени. И это помогло им превратить Караганду в годы Великой Отечественной войны в мощный арсенал фронта, бесперебойно снабжать армию углем, продовольствием, одеждой, денежными средствами. Карагандинцы, как и весь советский народ, с огромным мужеством и честью выдержали все испытания военного времени.

Примечания

[1] Задачи Караганды в дни войны. Правда. 1942. 25 окт.

[2] Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. и др. Женщины Казахстана и Великая Отечественная война: 1941–1945 : сб. док. и материалов. Караганда, 2020. С. 188.

[3] ГАКО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 284. Л. 29.

[4] Там же. Л. 28.

[5] Там же. Л. 29.

[6] Там же.

[7] Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 494.

[8] Там же. Д. 700. Л. 117.

[9] Козина В. В. Население Центрального Казахстана (40-е годы — конец XX века) : в 2 кн. Кн. 2. Алматы : Оркениет, 2001. С. 39.

[10] Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 : сб. док. и материалов : в 2 т. Т. 1. Алма-Ата, 1964. С. 17.

[11] Оразов К. Мобилизация трудовых ресурсов Казахстана для обеспечения промышленности кадрами в 1941–1945 гг. // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. Обществ. науки. Алма-Ата, 1964. С. 68–69.

[12] ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 549. Л. 13.

[13] Эвакуация в Казахстане. Из истории эвакуации населения западных районов СССР в Казахстан. 1941–1942. Алматы, 2008. С. 28.

[14] Город славы трудовой. Очерки истории Караганды. 1934–2014 годы. Караганда : Изд-во КарГУ, 2014. С. 92.

[15] Сактаганова З. Г., Турсынова Ж. Ж., Смагулова А. Ж. Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : монография. Караганда : Изд-во КарГУ, 2016. С. 112.

[16] Там же. С. 122.

[17] Дильманов С. Производственные достижения Карлага в годы Великой Отечественной войны // Поиск. Сер. Гуманит. науки. 2000. № 3. С. 69.

[18] Шаймуханов Д. А., Шаймуханова С. Д. Карлаг. Караганда, 1997. С. 112.

[19] Дильманов С. Указ. соч. С. 73.

[20] ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 598. Л. 162.

[21] Там же. Л. 167–169.

[22] Там же. Ф. 664. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 1 об.

[23] Там же. Ф. 341. Оп. 3. Д. 41. Л. 158.

[24] Город славы трудовой… С. 94.

[25] Темиртауский государственный архив. Ф. 73. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–5.

[26] Интервью с З. Ахметовой (1941 г. р.) записано К. К. Абдрахмановой в Караганде 26 июня 2018 г.

[27] Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. и др. Женщины Казахстана в годы Великой Отечественной войны : воспоминания и интервью : сб. материалов. Караганда, 2020. С. 284–286.

[28] Сактаганова З. Г., Турсынова Ж. Ж., Смагулова А. Ж. Указ. соч. С. 181.

[29] Указ Президиума Верховного Совета СССР о режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время. URL: http://his95.narod.ru/doc06/3.htm (дата обращения: 05.07.2018).

[30] Сактаганова З. Г., Турсынова Ж. Ж., Смагулова А. Ж. Указ. соч. С. 182.

[31] ГАКО. Ф. 205. Оп. 7а. Д. 47. Л. 7.

[32] Там же.

Е. А. Калинина

Трудовой подвиг жителей Западно-Казахстанской области, в том числе эвакуированных, в победу в Великой Отечественной войне

Вся страна, как только началась кровопролитная Великая Отечественная война, отдавала не только лишнее, но и самой себе необходимое — фронту. Победы на фронтах обеспечивались не только героизмом солдат, тактикой и стратегией военачальников, но и трудовым подвигом людей тыла. Перевыполнение производственных норм происходило настолько часто, что стало нормой и обыденностью. Некоторых из стахановцев награждали позже правительственными наградами, для остальных высшей наградой стал разгром фашистских войск и капитуляция Германии.

Ключевые слова: *Фонд обороны, сбор теплых вещей, высокий урожай, количество трудодней, стоимость трудодней, сверхплановые нормы, колхозница*.

В простых и бедных аулах практически каждый колхозник стремился пополнить Фонд обороны и внести свой вклад в сбор теплых вещей для фронта. Всего в 1941 г. в состав Западно-Казахстанской области Республики Казахстан входили 15 районов и город областного значения Уральск. В каждом районе насчитывалось от 9 до 16 сельских или аульных округов. В каждом из них имелись колхозы, совхозы и МТС. Поэтому на примере одного аулсовета, применив простую математику, нетрудно понять объемы помощи от целой области. Так, жители Уильского аулсовета Тайпакского района Западно-Казахстанской области, узнав о сборе теплых вещей для фронта, собрали осенью 1941 г. 220 вещей разного вида, 6,5 ц шерсти. «…В колхозах аула нет ни одного человека, не принявшего участие в сборе вещей. Одновременно с этим непременно растет сбор сбережений в Фонд обороны. По состоянию на 20/X-41 г. собрано по аулу в Фонд обороны 74 голов скота, облигациями 23 200 руб., хлеба 32 цент[нера], проведено субботников 3 раза, где заработано 3744 руб., которые полностью перечислены в Фонд обороны. Наряду с этим здесь хорошо обстоит дело с выполнением производственных планов. Этот совет объединяет три колхоза: “Путь к коммунизму”, “Джаскайрат”, “Камыскуль”. Госплан развития животноводства в этих колхозах выполнен по всем видам скота на 102 %. План

по сенокошению в колхозах этого аула выполнен на 154,4 % и 60 % потребности уже подвезено к базам. План поднятия зяби в 220 га выполнен полностью в течение 10 дней. Хлебоуборка, несмотря на то что площадь убранного в этом году урожая вдвое больше, чем прошлого года (397 га в 1941 году — 150 га в 1940 г.), закончена на 5 дней раньше, чем в прошлом году… К числу подтянувшихся советов в связи с новой обстановкой можно считать Джамбульский совет (председатель Койчубаев), Базартюбинский совет (председатель Кабаков), Коздигаринский совет (председатель Джанахметов), Красноярский совет (председатель Тулеугалиев)»[1]. «…Все три колхоза этого аула план развития животноводства перевыполнили по всем видам скота… Подготовлены помещения к зимовке скота. План сдачи государству с/х продуктов выполнен по аулсовету досрочно по всем видам заготовок»[2].

Наряду с этим депутаты райсоветов, как и простые труженики, стали выполнять двойные нормы. «Депутат райсовета тов. Кулданбаева Ахмандай (колхозница), она работает в колхозе рядовой колхозницей, имеет на 1/X — 357 т[рудо]дней, активно участвуя на производстве колхоза, она выполняет свою норму в 2–3 раза, между тем по своему желанию выполняет самую трудную работу в колхозе. Также депутат райсовета Тажбаев Басар — косячник Каракулеводческого совхоза, награжденного главным комитетом Всесоюзной СХВ медалью в 1939 году, он свое достижение в выращивании хороших лошадей закрепляет на деле в дни Отечественной войны, выполняя взятые на себя обязательства, сдал для Красной армии 28 лошадей, сейчас в его косяке имеется 400 лошадей все они в отличном состоянии. Тов. Тажбаев систематически ведет агитационную работу среди рабочих своей фермы, в результате на ферме, где он работает, большой производственный подъем рабочих. Ферма уже образцово подготовилась к зимовке скота, заготовила лучшего качества грубых кормов, значительно перевыполнила государственное задание по поставке с/х продуктов и т. д. Образцы высокой производительности труда показал депутат аульного совета тов. Каражанов (звеновой), его звено на 20 дней раньше намеченного плана убрало с закрепленный за ним площади урожай без малейшей потери, собрал 150 % выше плана урожая. Звеновой колхоза “Талап” тов. Есенгужин от прикрепленной звену 80 га проса (багарного посева) собрал с каждого га по 13 центнеров, а из отдельных участков до 40 центнеров. Знатный звеновой колхоза “Путь к коммунизму” тов. Ниязалиев прошлогоднее достижение в области получения высокого урожая сумел закрепить и в текущем году он намного увеличил урожайность хлебов. В этом году звено тов. Ниязалиева собрало от 30 до 50 ц проса с га. Звеновая колхоза им. Сталина депутат Калмыковского совета Абрамичева от прикрепленной к звену площади проса собрала от 30 до 44 центнеров с га. Старший чабан колхоза им. Максима Горького Бейнеуов в этом году показал блестящие результаты в своей работе, он получил и без единого сохранил от 100 овцематок 168 ягнят. Намного перевыполнил [план] настрига шерсти. Старший чабан колхоза “Коммунизма” Нургужин получил и сохранил от 100 овцематок 131 гол[ов] ягнят. Таких энтузиастов поднятия производительности труда в дни грядущих боев с германским фашизмом в районе насчитываются сотни»[3].

В Приуральном районе области на сессии Приурального райсовета депутатов трудящихся 31 октября 1941 г. были озвучены результаты невиданного подъема труда колхозного крестьянства:

Если в прошлом 1940 году за 25 рабочих дней по району было убрано зерна 33 680 га и намолочено 246 832 центн[ера], то за это же время в нынешнем году, в дни Великой Отечественной войны, колхозы нашего района произвели уборку хлеба с площади 48 944 га, намолочено 384 717 центнер[ов], а такие колхозы, как «Маяк коллективизации», им. Сталина, им. Чкалова Павловского с[ель]совета, 1 Мая Балабановского с[ель]совета, им. Ворошилова Чувашинского с[ель]с[овета] — уборку урожая закончили раньше, чем другие колхозы района.

В нынешнем году колхозы нашего района собрали невиданно высокие урожаи, особенно проса. По колхозам Рубежинского с[ель]с[овета], Галицинского, Балабановского с[ель]совета — урожаи проса с площади 3569 га составляют 16,5 центн[ера] с гектара, а по колхозам Чувашинского, Павловского, Солодовниковского, Трекинского с[ель]советов с площади 3772 га средний урожай по 18,6 центн[ера] с га. Отдельные колхозы нашего района, как, например, колхоз им. Буденного, с 414 га проса получил средний урожай с гектара 25 центн[еров], колхоз им. Володарского — председатель тов. Малышев — с площади 364 га средний урожай получил по 22 центн[ера] с га и т. д.

Сотни колхозников наших колхозов в борьбе за высокий урожай показали образец правильного понимания своего долга перед Родиной в дни Великой Отечественной войны. Звенья Зоршиковой Елизаветы — колхоз им. Буденного, и Лемешко Марфы получили на закрепленных за ними участках проса по 29 центн[еров] с гектара. В колхозе им. Володарского звенья Кормуновой и Конновой на своих участках получили урожай проса по 30 центн[еров] с гектара. Звено Маркела Федоровича Ботова в колхозе им. К. Маркса собрало урожай проса по 27 центн[еров] с га и т. д.

Исключительно трудовой героизм проявляют наши колхозники в эти грозные дни на колхозном производстве. Комбайнер Январцевской МТС тов. Кравко за время уборки хлеба на своем комбайне «Сталинец» систематически перевыполнял норму до 150 %, комбайнер тов. Кузнецов по уборке хлеба в колхозе «Красный хуторок» за 25 рабочих дней убрал 500 га, подготовил за это время себе смену. Комбайнер Чувашинской МТС тов. Яковенко Иван на сцепе двух «Сталинцев» за время уборки хлебов убрал 1650 га и сэкономил 800 килограммов горючего. В колхозе им. Молотова на место ушедшего на фронт бригадира тракторной бригады тов. Архипова встала его жена Анна, тов. Архипова умело руководит бригадой, кроме того, работает на тракторе и выполняет нормы на 200 и больше процентов. За 7 месяцев доярка Агафия Тарасенко от 10 коров местной породы надоила вместо 11 008 литров по плану 12 510 литров молока и сохранила всех 10 телят. Значительно перевыполнила план надоя молока доярка Мария Макаренко. Хорошо нажировал свой скот пастух Максим Федорович Лавриненко. Образцы производительности этих людей говорят о подлинном патриотизме наших колхозников.

Колхозы нашего района прекрасно осознали, что в условиях военной обстановки особое значение приобретает выполнение обязательств перед своим родным государством, в результате чего колхозы района

в нынешнем году обязательные поставки хлеба на 20.X выполнили на 116 %, так как в прошлом году на это же число обязательных поставок было выполнено только на 97 %, а колхозы им. Чкалова, председатель Бабушкин, «Спартак», председатель Кутищев, «День Парижской коммуны», председ[атель] Антонец, им. Володарского, предс[едатель] Малышев, и друг[ие] рассчитались досрочно с государством не только по обязательным поставкам, но и по натуроплате.

Неплохо справился район в нынешнем году по выполнению плана по озимому севу. Вместо 9000 га по плану посеяно 9300 га, или на 300 га больше, а такие колхозы, как «Трудовик», председатель Трофимов, засеял 410 га вместо 300 га по плану, «Факел», председатель Гончаренко, 500 га вместо 220, им. Ленина, председатель Феклистов, 277 га вместо 270 га, «Красный хуторок», председатель Макаренко, им. Молотова, председатель Пискунов, 389 га вместо 320 га. Перевыполнение плана по посеву озимых имеют и ряд других колхозов…

Мы имеем положительные стороны работы в военное время и в МТС, где тракторные работы, за исключением Январцевской МТС, в нынешнем году выполнены больше, чем в прошлом году[4].

Причем в документах имеются красноречивые свидетельства трудового подвига женщин, которые смогли заменить мужей, сыновей, ушедших на фронт, умело руководили и работали, перевыполняя мужские производственные нормы даже на тяжелых и квалифицированных работах. Таких женщин, помимо Анны Архиповой из колхоза им. Молотова Приурального района, было немало.

В с. Александровка (Теректинский район) депутат сельского совета т. Гармаш Е. заменила ушедшего на фронт секретаря сельского совета. Потом ей пришлось принять дела и от председателя сельсовета. Внимательная, полная энергии т. Гармаш с честью оправдывает большое доверие колхозников. Колхозница Кулданбаева Ахмендей на 1 октября выработала 357 трудодней, перевыполняя норму в 2–3 раза. Таких колхозниц можно насчитать десятками в каждом селе, в каждом колхозе… 65-летний старик Давлет Кулниязов в период летних и осенних работ подвозил воду тракторной бригаде, ухаживал за лошадьми и волами, сейчас обслуживает поголовье молодняка. К 1 ноября Кулниязов заработал 210 трудодней. С еще большей энергией работает 68-летний Галиев Таукен. В период сенокоса он стоговал сено, возил воду в полеводческую бригаду, ухаживал за живым тяглом, выполнял другие работы. В этом году он уже заработал более 400 трудодней.

Характерным является то, что все осенние сельскохозяйственные работы в текущем году, несмотря на увеличение площади посевов и на редкость обильного урожая, проведены в более сжатые сроки, чем в прошлом году. Показательным является рост количества трудодней в колхозах после начала войны. Например, в колхозе им. Коминтерна Джамбейтинского района в июне выработано 4572 трудодня (100 %), в июле 6720 (147 %), а в августе уже 7297 (159 %) трудодней. Народу в колхозах стало меньше, а количество выработанных трудодней увеличилось. Такой поступательный рост количества вложенного в колхозное производство труда наблюдается во всех колхозах области[5].

В расчет стоит принимать и то, что кроме ухода на войну мужчин призывного возраста в колхозах изъяли для фронта часть автомобилей, тягловой силы, тракторов.

Отдавая последние деньги в Фонд обороны, перечисляя в него часть трудодней, собирая теплые вещи на фронт и перевыполняя производственные нормы, колхозники отдавали и свой личный домашний скот. И даже в своих обещаниях били рекорды.

> ...Общее собрание колхозников с/х артели им. Коминтерна Джамбейтинского района обратилось с письмом ко всем колхозникам с призывом сдать из своего личного хозяйства в Фонд обороны по одному барану. 75 членов этого колхоза сдали в фонд обороны 82 жирных барана. На общем собрании членов колхоза «Красный Октябрь» Каменского района доярка тов. Черноярова М. В. в ответ на речь товарища Сталина взяла на себя ряд обязательств производственного характера и еще заявила: «И еще обязуюсь вырастить поросенка в 6 пудов и сдать его в Фонд обороны страны». Примеру тов. Чернояровой последовали все колхозники, взяв на себя обязательство передать в Фонд обороны по поросенку или овце[6].

Уже осенью 1941 г. 40 % председателей исполкомов сельских советов, ушедших на фронт, заменили женщины. В докладной записке руководства Приурального района исполкому Западно-Казахстанского облсовета депутатов трудящихся от 20 ноября 1941 г. говорится:

> ...В Фонд обороны к настоящему времени внесено: деньгами 60 тыс. руб., облигациями 120 тыс. руб., отчислено хлебопродуктов 224 700 пудов. Собрано теплых вещей по району: полушубков 18, валенок 850 пар, фуфаек-свитеров — 125, шаровар ватных 50, кальсон 250, рубашек 323, варежек 1350, носков 1150 пар, теплых шапок 380, овчин 570, шерсти 3431 кг, одеял 27, простыней 23. В связи с выбытием ряда председателей исполкомов в ряды РККА обновился их состав, причем до 40 % председателей — женщины. Большинство председателей исполкомов с[ель]советов неплохо справляются со своей работой. Например, пред[седатель] исполкома Балабановского с[ель]с[овета] тов. Храпачова недавно работает председателем с[ель]совета, но по совету выполнены планы по хлебопоставке, мобилизации средств, неплохо выполняются друг[ие] виды заготовок, колхозы этого с[ель]совета закончили уборку хлеба. Такие же показатели имеют исполкомы Павловского, Чувашинского — эти с[ель]советы неплохо подготовились к учебному году[7].

В докладной записке от 12 октября 1941 г., адресованной председателю исполкома областного Совета депутатов трудящихся тов. Кустамбаеву, указано, что трудящиеся Бурлинского района «внесли в Фонд обороны 51 830 рублей деньгами и 105 545 рублей возвратом облигаций. Колхозники и колхозы выделили в Фонд обороны 19 476 пудов хлеба, 34 фондовых коней, 18 голов крупного рогатого скота, 11 100 литров молока, 504 кг масла, 2885 шт. яиц»[8]. Кроме того, отдельные колхозы приняли на себя дополнительные обязательства — чаще всего повысить нормы выработки и производительности труда, продлить рабочий день колхозника.

Так, например, на общем собрании колхоза «Свободный труд» Березовского совета, председателем которого являлся Гавришов, было решено: «1. Повысить норму выработки, производительность труда против довоенного времени в целом по колхозу до 18 часов. 2. Продлить рабочий день колхозника до 18 часов. 3. Увеличить посев озимых против плана на 15 %. 4. Выделить в Фонд обороны 3000 пудов хлеба, 15 центнеров мяса и отчислить стоимость 10 трудодней каждого колхозника».

Колхоз им. Ленина принял на себя обязательство: «1. Досрочно и качественно закончить хлебоуборку 2. Добиться перевыполнения норм выработки всеми колхозниками 3. Отчислить в Фонд обороны урожай от 10 гектаров посевов, 10 овец, 40 кг масла, 100 кг шерсти».

Колхоз им. Куйбышева решил отдать в Фонд обороны 25 лошадей, годных для РККА, и одну автомашину, отказавшись от получения их стоимости.

Таких примеров очень много. Трудящиеся района собрали 1591 теплую вещь, в том числе 336 валенок, 73 фуфайки, 59 теплых шароваров, 18 полушубков, 220 шапок. В ответ на нападение фашистских захватчиков трудящиеся ответили огромным производственным подъемом, стахановской и ударной работой в колхозах, МТС, совхозах. Из 117 депутатов аульно-сельских советов 84 человека (80 %) участвовали непосредственно в производстве, причем 28 из них владели ведущими профессиями, то есть были трактористами, комбайнерами, механиками[9].

В Данилякольском аулсовете Бурлинского района работа совета была распределена между депутатами путем закрепления за каждым из них отраслевого участка работы. Из семи депутатов аулсовета шестеро работали на производстве, являя пример для других, а потому и в организации работы совета чувствовались четкость и подтянутость.

> Так, депутат Кажаубаев Кангерей руководил поставкой хлеба государству, выполнив ее ранее установленного срока. Депутаты Нурмагамбетова Рахима и Шабакова Кырымзы — доярки, перевыполняют установленные нормы на 200–250 %, Утегенова Абиба (зам[еститель] председателя аулсовета) также перевыполняла нормы, работая с самого начала сенокоса на скирдовании сена. Чукеев Елеусын — санитар фермы, принимал деятельное участие в косьбе и заготовке сена, добросовестно выполняя в то же время свою основную работу на ферме; Жумагулов Хангерей — нач[альник] колхозной охраны.
>
> Работая организованно, правильно используя депутатов и привлеченный актив, аулсовет добился положительных результатов в своей работе. Данилякольский аулсовет первым в районе закончил хлебоуборку, убрав 1330 га к 27 августа. План развития животноводства по аулу выполнен по всем видам скота: по крупному рогатому скоту — на 104 %, по овцам и козам — на 120 %, по лошадям — на 101 %, верблюдам — на 100 %. Скот полностью обеспечен кормами и помещением с учетом прибывающего скота из прифронтовой полосы[10].

Согласно указанию ЦК КП(б)К № 3571/10 от 26 декабря 1943 г. и соответствующему постановлению бюро Западно-Казахстанского обкома КП(б)К «О представлении особо отличившихся работников местной и кооперативной промышленности к правительственной награде», в декабре 1943 г. к правительственным наградам за досрочное выполнение годовых планов выпуска продукции были представлены 12 человек: Фаина Леонтьевна Шуганова,

вальщик артели им. Кирова, выпустившая в 1943 г. 150 % плановой продукции; Анна Николаевна Уланова, бригадир шубного цеха артели «Красный кожевник» (бригада под ее руководством выполнила производственные нормы в этот трудный год на 175 %). В списке награжденных были и Кирилл Андреевич Андрющенко, заведующий пошивочным цехом артели «Утильхимпром», выполнивший план на 200 %; Евсалия Матвеевна Архиреева, начальник прядильного цеха артели 8 Марта, цех которой выполнил годовую норму на 120 %. Представленные к награде — работники промкооперации. Также в числе награжденных были рабочие и руководящие работники Коопинсоюза: Зайнуш Джагопаров, председатель Джаныбекской артели инвалидов «12 лет Октября», которая план 1943 г. выполнила в сентябре, а сверхплановой продукции дала на 50 тыс. руб.; Александра Васильевна Курноскина, швея артели им. Зои Космодемьянской, выполнившая годовой план на 225 % без брака; Николай Семенович Белкин, бригадир жестяного цеха артели «Объединение» (его бригада прославилась использованием отходов и расширением ассортимента выпускаемой продукции, в 1943 г. задания выполняла на 150–250 %). Также к вручению правительственной награды был рекомендован облместпромом Александр Ефимович Афонин, с 1942 по ноябрь 1943 г. работавший директором Уральского горпромкомбината, который годовой план выполнил к 11 октября 1943 г. Рабочие комбината смогли снизить себестоимость своей продукции, освоить ряд новых производств. Самого А. Е. Афонина выдвинули на должность начальника облместпрома. В списке значились и Прокофий Григорьевич Холоденков, машинист мельницы № 2 Уральского горпищекомбината, выполнивший годовой план на 250 %, и Борис Иосифович Бадат, мастер слесарно-жестяного цеха Теректинского райпромкомбината, цех которого выполнил план на 200–230 %, а также освоил выпуск ряда новых изделий; Николай Семенович Королев, мастер овчинного цеха Уральского горпромкомбината, цех которого выполнил задание на 200 %. Последним в списке значится Яков Моисеевич Кузнецов, начальник облместпрома, благодаря которому плановое задание предприятия за восемь месяцев 1943 г. было выполнено на 102,4 %. Позже его выдвинули на должность председателя исполкома Уральского горсовета депутатов трудящихся. Большинство переставленных к награде — беспартийные[11].

По итогам работы предприятий в 1943 г. к правительственной награде 26 февраля 1944 г. были представлены 33 работника мясомолочной промышленности и торговой системы. В списке значились местные жители и эвакуированные граждане: Адыхан Закирович Садыков, уполномоченный Урдинского района системы маслопрома, обеспечивший выполнение плана 1943 г. по всей молочной продукции в неизменных ценах на 182 %; директор Чингирлауского маслозавода Тасемепов Жусуп, обеспечивший выполнение плана в неизменных ценах по заводу на 128,1 %; Тлеген Серкбаев, кольцевик, который годовой план 1943 г. выполнил к 1 августа; Бисенкул Есингалиев, уполномоченный Тайпакского района системы маслопрома, обеспечивший выполнение годового плана в неизменных ценах на 181,1 %. Также в списке представленных к правительственной награде значится Владимир Алексеевич Перов, выходец из Вологодской области, работавший мастером на Уральском городском молочном заводе с января 1942 г. и выполнивший план на 152,1 %. В документе упоминается, что завод в 1943 г.

план заготовок выполнил на 52,6 %, но ранее выполнял производственный план долгое время. Есть в списке и Аркадий Иосифович Лукацевич, выходец из Черниговской области, занимавший должность директора мебельной фабрики в Полтавской области, а здесь работавший с лета 1942 г. директором Бурлинского маслозавода. Годовой план благодаря его умелому руководству был выполнен на 153,3 %.

Еще девять человек из указанного списка — это сотрудники Уральского мясокомбината: Борис Матвеевич Чапурин (с 1933 г. работал кузнецом на мясокомбинате, во время войны постоянно производственные нормы выполнял на 300 % и более, внес ряд ценных практических предложений по улучшению использования металла, что принесло предприятию значительную экономию); молодой сотрудник Карим Бекмухамбетов (в 1941 г. в 16-летнем возрасте приступил к работе в качестве шкуросъемщика, выполнял производственные нормы на 130–150 %); Мендыш Кенжисов (мездрильщик шкур, работал на предприятии с 1938 г., стахановец); Нина Михайловна Аблаева (шкуросъемщица, работала с 1941 г., выполняла производственные нормы на 150–180 %); Хаким Хайрушевич Джумашев (токарь, выполнял задания на 200–250 %; в характеристике, приложенной к документу о представлении его к правительственной награде сказано, что он работает на мясокомбинате за двух человек, со временем не считается и является партгрупоргом цеха); Жамига Ахметкалиева (паяльщица жестянобаночного цеха с 1939 г., постоянно выполняла производственные нормы на 120–125 %); Нашим Манапов (кишечник, за войну подготовил до десяти своих преемников, выполнял нормы на 150–185 %); Шакаш Ажигалиева (резчик порций для консервов, выполняла нормы на 130–135 %); Мария Кирилловна Бочкарева (освоила три профессии, выполняла нормы и задания на 120–130 %, подготовила в 1943 г. пять преемниц).

В списке указаны и Василий Моисеевич Дубинский из Житомира, которому доверили должность управляющего облконторой «Заготскот»; Ефим Васильевич Бандюков из Куйбышевской области, управляющий Джаныбекской конторы «Заготскот»; Насибула Биханов, директор заготконторы райпотребсоюза Урдинского района; Сапура Жунисова, председатель Чулак-Анкатинского аулсовета Джамбейтинского района.

Остальные 14 человек в списке — работники системы облторга: Ксения Николаевна Соколова (буфетчица), Хая Адамовна Чижовкина из Витебской области (повар), Харитина Ивановна Семенютина из Екатеринославской губернии УССР (продавец), Анастасия Яковлевна Любимова из Днепропетровской области УССР (заведующая магазином № 1), Сергей Георгиевич Пахомов из Московской области (директор магазина № 9), Екатерина Львовна Заикина из Чкаловской области (заведующая магазином), Шафката Мустаева (председатель Азгирского сельпо Урдинского района), Варвара Грабенко (заготовитель Лубенского сельпо Чингирлауского района), Елизавета Александровна Каткова из Московской области (главный бухгалтер Джаныбекского райпо), Анастасия Александровна Кожанова (председатель Бударинского сельпо Чапаевского района), Иосиф Шейхович Школьник из Житомирской области (председатель Чувашинского сельпо Приурального района), Илья Спиридонович Асманов (старший товаровед облпотребсоюза), Аджар Сердалиева (продавец Каракульскго сельпо Тайпакского

района), Анна Тихомолова (продавец Бударинского сельпо Чапаевского района)[12].

Постоянно работать в таком напряжении, в котором работали колхозники в 1941 г., очень трудно, но люди делали подчас невозможное. Отсутствие тягловой силы и дефицит горюче-смазочных материалов восполнялись ручным трудом, но и при таком раскладе хороший урожай зависел от природных и погодных явлений. И если в 1942 и 1943 гг. урожаи не всегда получались высокие, то в 1944 г. повышения урожайности добились за счет увеличения посевных участков и поливного земледелия. В решении VII сессии Западно-Казахстанского облсовета депутатов трудящихся от 10–13 декабря 1944 г. на тему «О состоянии и дальнейших задачах орошаемого земледелия в Западно-Казахстанской области» приводятся, помимо минусов и недостатков в полеводстве (недостаточное использование машин в поливном земледелии), и положительные моменты — увеличение урожайности на поливных участках: «…ряд колхозов из года в год, расширяя поливные участки, добился сравнительно неплохих урожаев картофеля, овощей, проса. В 1944 году звеньевая Воробьева (колхоз "Красный Урал" Приурального района) получила урожай капусты до 400 центнеров, картофеля до 150 цен[тнеров], овощей до 260 цен[тнеров] с гектара. Колхоз "Завет Ильича" того же района получил урожай проса до 40 центнеров с гектара и целый ряд других колхозов»[13].

Помощь фронту была фантастической. Причем школьники также вносили свою лепту. В архивных делах имеется письмо заместителя заведующей облоно Сундетовой, адресованное сотрудникам отдела образования Чапаевского района: «Организуйте обсуждение на ученических собраниях со взятием конкретных обязательств письма школьников и пионеров Денгизского района, собравших 160 тысяч рублей на постройку танковой колонны имени пионеров и школьников Казахстана…»[14]. Денгизский район Гурьевской области сейчас именуется Курмангазинским (Атырауской области), находится на границе с Астраханской областью.

Примечания

[1] Докладные записки о перестройке работ Советов на военный лад за 1941 г. // ГАЗКОРК. Ф. 850. Оп. 1. Д. 1210. С. 80–81.

[2] Там же. С. 129.

[3] Там же. С. 83–84.

[4] Там же. С. 98–100.

[5] Там же. С. 130.

[6] Там же. С. 132.

[7] Там же. С. 136–137.

[8] Там же. С. 111.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 129.

[11] Списки работников, рекомендуемых к правительственной награде и эвакуированных за 1944 г. // ГАЗКОРК. Ф. П-37. Оп. 13. Д. 156. С. 42–43.

[12] Там же. С. 70–88.

[13] Решения сессии облисполкома за 1940–1945 гг. // ГАЗКОРК. Ф. 850. Оп. 11. Д. 1. С. 37.

[14] Переписка с областным отделом народного образования по кадрам об открытии школы для эвакуированного завода, о трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны // ГАЗКОРК. Ф. 835. Оп. 1. Д. 24. С. 5.

С. Ж. Сапанов, К. С. Жумабаева, М. С. Сапанова

Гурьевская область в годы Великой Отечественной войны: эвакуационная зона

Рассматриваются вопросы участия казахстанцев в приближении Победы и вклада казахстанцев (атыраусцев) в Победу и трудовые ресурсы Атырау в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *труженики тыла, Атырау, эвакуация, трудовые ресурсы, промышленность*.

Согласно плану «Барбаросса» фашистская Германия должна была немедленно занять земли до Урала, прежде чем полностью захватить Советский Союз. Архивные данные свидетельствуют о том, что враг уделял особое внимание Казахстану, в том числе Атырауской земле, богатой нефтью, рыбой, рудами. В тех же сведениях говорится о том, что Гитлер намеревался создать «Волго-Уральское» государство. Поэтому Президиумом Верховного Совета СССР 2 августе 1942 г. в Гурьевской области было обявлено военное положение.

Из Казахстана в годы Великой Отечественной войны на фронт ушло свыше миллиона человек, это около 25 % всего населения республики. О стойкости и героизме выходцев из Казахстана свидетельствуют статистические данные: более 500 человек стали Героями Советского Союза, четверо были удостоены этой высокой награды дважды, десятки тысяч были награждены боевыми орденами и медалями. Есть и печальная статистика: около 400 тыс. человек погибли, защищая свою Родину от ненавистного врага. За годы войны в Казахстан были вывезены и вновь построены 460 заводов, фабрик, рудников, шахт и других предприятий, которые выпускали продукцию для фронта. Казахстан того времени по праву считался арсеналом Красной (Советской) армии, где ковалась будущая победа.

В приближении Победы большой вклад казахстанцев, в том числе и атыраусцев. Атырау приобрел стратегическое значение в годы войны благодаря показателям добычи нефти, рыбной промышленности, изобилию предприятий и рабочей силы.

В связи с объявлением военного положения на побережье Каспийского моря ЦК КП(б) Казахстана постановляет:

1. Утвердить решение Гурьевского обкома КП(б) Казахстана об организации в области комитета обороны в составе т. Бекжанова —

секретаря обкома партии (председатель комитета) и членов: Иргалиева — председателя облсовета депутатов трудящихся, Гончарова — начальника областного управления НКВД, Голосова — облвоенкома и начальника гарнизона города Гурьева.

2. В целях выполнения имеющегося задания на призыв военнообязанных в Красную армию при отсутствии в области необходимого количества незабронированного контингента разрешить Гурьевскому комитету обороны призвать в ряды Красной армии годных к строевой службе 1100 человек отмобилизованных рабочих рыбной промышленности, речных ловцов, охраны запретных зон, рабочих рыбзаводов и подсобных предприятий, не затрагивая морской лов, с заменой призванных невоеннообязанными, женщинами из рыболовецких колхозов.

3. Просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее постановление.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцов[1].

Таким образом, город Гурьев с первых дней войны приобрел особое значение. С одной стороны, Гурьев связывал Казахстан с прифронтовыми районами и с фронтом, с другой — через Гурьев в Казахстан транспортировались эвакуированные из прифронтовой полосы промышленные предприятия и население. Через Гурьев переправлялась на Урал и в Сибирь бакинская нефть. По водному пути через Гурьев на фронт направлялись боеприпасы, продовольствие, воинские части. 7 июля 1941 г. в Гурьеве был создан эвакуационный пункт. До 20 ноября 1941 г. через него прошли 35 520 человек.

В июле в горвоенкомате были организованы прием и рассмотрение заявлений молодежи, изъявившей желание добровольно вступить в ряды Красной Армии, не дожидаясь всеобщего призыва. В Гурьевский горком комсомола поступили заявления от 23 девушек. 20 июля создан городской фонд обороны, который до конца войны ежедневно пополнялся за счет личных сбережений трудящихся.

В энциклопедии «Атырау» говорится, что в годы войны в Гурьеве были организованы три госпиталя на 1100 коек для раненых, во время Сталинградской битвы здесь лечились 2200 бойцов, а затем они снова ушли на фронт. За годы войны в поликлиниках города пролечились 9300 раненых бойцов и командиров.

И несмотря на то что линия фронта оставалась сравнительно далеко, на территорию области все же падали вражеские бомбы, забрасывались диверсионные группы, а в госпиталях погибали от ран и болезней бойцы Красной армии. Например, в 1942–1944 гг. в Гурьеве работали госпитали № 2967 (в Доме пионеров), 4116 (в Доме отдыха нефтяников), 4038 (в школе им. Куйбышева), 3941 (на консервном комбинате), 1383 (в нефтяном техникуме). Всего на лечении находились 9318 человек, 93 из них умерли от тяжелых ран.

Приведем лишь один архивный документ — докладную записку прокурору Казахской Республики П. В. Баранову

Докладная записка прокурору Казахской Республики тов. Баранову о размещении и устройстве эвакуированного населения по Гурьевской области по состоянию на 13 ноября 1941 г.

1) Эвакопункт в г. Гурьеве создан 10 июля текущего года. Для приема до устройства и отправки эвакуированных первоначально было выделено здание Дома культуры, затем в связи с наплывом дополнительно было выделено еще три помещения: школы им. Кирова, здание пром[ышленного] банка и рем[есленной] школы.

По неполным данным, до 9/XI с. г. транзитом по железной дороге из г. Гурьева в разные города Средней Азии отправлено 7582 чел.

Неполному учету эвакопункта предшествовало то положение, что часть эвакуированных после регистрации на пункте на свои средства без ведома эвакопункта самостоятельно выехали на основе транзитных документов.

2) Помимо отправленных транзитом за период создания эвакопункта и до 9 ноября из числа прибывших эвакуированного населения по городу и районам нашей области размещено 2522 чел., о чем было Вам донесено телеграфно 10/XI с. г.

На 9 ноября на эвакопункте оставались не размещенными 3430 чел., за время с 9 по 13/XI из 3430 чел. размещено 2903 чел., из них 500 чел. 12/XI отправлено по железной дороге в г. Ташкент на основе имеющихся направлений, а остальные размещены на территории области. Таким образом, 13/XI на эвакопункте осталось 527 чел. Последние размещаются на территории г. Гурьева.

В связи с размещением в течении последних 4 дней 2903 чел. здание школы им. Кирова, пром[ышленного] банка и рем[есленной] школы от эвакуированных освобождены и под эвакуированных осталось одно здание — Дом культуры, но нужно отметить, что освобождение этих помещений ни в коем случае нельзя считать постоянным, ибо днями ожидается несколько тысяч человек, а 585 чел. уже вновь поступило 14/XI-41 г.

3) Размещенное в районы эвакуированное население в поселках и колхозах в первую очередь обеспечивается хлебом и квартирами, а затем работой. Однако уже имеет место самовольный выезд этого населения с места размещения и устройства в г. Гурьеве.

Те требования, которые предъявляют основанием к выезду или уходу, по имеющимся на первый случай у нас данным, далеко не содержат обоснований. Вот факт: 12 и 13 ноября с. г. моим заместителем тов. Байбусыновым и членом исполкома облсовета д[епутатов] т[рудящихся] тов. Нестеровым был сделан выезд в три поселка Баксайского района, граничащие с г. Гурьевым, — Кандауров, Редут и Сорочинка — на предмет проверки положения эвакуированных. Эта проверка показала следующее обстоятельство: 23/X-41 г. в колхозах этих поселков было размещено:

1) пос. Редут, к/з «Вперед» — 67 чел.

2) пос. Кандауров, к/з им. Сталина — 54 чел.

3) Сорочинка, к/з «Путь к социализму» — 58 чел.

Всему этому населению поселковые советы д[епутатов] трудящихся и правления колхозов предоставили квартиры, топливо, ежедневно выдается хлеб на трудоспособных от 800 г до 1 кг и на нетрудоспособных членов семьи от 400 до 500 грамм и предоставлена работа в колхозах —

подвозка и скирдование сена, молотьба хлеба, строительство и ремонт коровников на фермах и т. д.

4) При размещении и отправке эвакуированных одно из узких мест — это железная дорога. Как Вам известно, Управление дороги Кандагач — Гурьев находится в гор. Чкалове. Местные станционные руководители, в том числе начальник 2-го отделения ж. д., находящийся на ст. Макат нашей области, распоряжаться вагонами и формировать состав не имеют права без ведома управления дороги. Также не имеют возможности утеплять вагоны-теплушки, и только по этим причинам с 2/XI по 13/XI на Гурьевском эвакопункте находились 450 чел. учащихся Ростовской рем[есленной] школы, следовавшие со специальным направлением в гор. Ташкент. Управлению дороги, как обкомом, облисполкомом, а также руководителями этого эшелона давался ряд телеграмм о выделении 12 вагонов до гор. Ташкента, и только через 11 дней были представлены означенные вагоны. А 486 чел. учащихся Харьковской школы № 30 находятся на эвакопункте в ожидании вагонов.

12/XI с. г. 500 чел. эвакуированных в сторону Ташкента отправлены в неутепленных вагонах, отправка, возможно, будет и в дальнейшем, но в связи с наступлением холодов считаю преступлением в необорудованных вагонах отправлять людей.

6) По вопросу размещения и устройства эвакуированного населения возбуждено одно дело по обвинению капитана парохода «Халтурин» гр. Сусарева. Обстоятельство дела: 7/XI с. г. из эвакопункта г. Гурьева в Испульский район пос. Кулагино было отправлено на этом пароходе 800 чел. эвакуированных, капитан парохода Сусарев, дойдя до пос. Яманка, центра Баксайского района, т. е. не дойдя до места назначения 75 км, высадил эвакуированных и следовать дальше отказался. Вследствие чего 800 чел., подлежащих размещению в Испульском районе, размещено в Баксайском р-не. Ведение следствия по делу Сусарева поручено прокурору участка Волго-Каспийского бассейна. Результат окончания дела будет сообщен дополнительно, других возбужденных дел этой категории нет.

7) Вопросом размещения и устройства эвакуированных занимаюсь лично сам и мой заместитель тов. Байбусынов.

Последующие докладные записки будут представляться в указанные сроки.

Прокурор по Гурьевской области Б. Тапалов[2]

А в последнем ответе из архива Минобороны России написано, что в Гурьеве в годы войны было не пять, а десять госпиталей. К сожалению, до сих пор неизвестно, где именно они находятся.

10 июня 1941 г. газета «Правда» писала: «…у нас больше не может быть мирных предприятий. Каждый завод, каждая фабрика должны работать, чтобы удовлетворить потребности войны». Таким образом, в кратчайшие сроки вся жизнь Атырауской области была адаптирована к войне и оперативно реорганизована. Атырауские рыбаки ловили морские кораллы не только на Урале, но и с марта 1942 г. — в регионе Северного Ледовитого океана, примыкающем к р. Лене, и перевозили их в бухту Тексси.

Серьезную помощь якутскому государственному рыбному тресту оказали рыбаки, которые терпели лютые морозы Севера. Среди граждан, ока-

завших помощь якутам, были Дамбулык Максот Мырзагалиев, Данай Омаров, Хакимгали Сидаков, Измухан Аймуханов, Кульшиман Бектлеуов, Кажым Нурмуханов, Галым Кушкимбаев, Ықсан Есмагамбетов, Магзом Ибрашев, Ауман Жупкалиев, Кубай Демесинов из Курмангазинского района — всего 19 человек[3].

Одним из памятных событий военных лет стало шефство над освобожденными городами, районами. Под такую опеку атыраусцы взяли город Почеп Орловской области.

15 декабря 1943 г. атыраусцы направили в Почепский район 600 тыс. руб., 700 голов крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, около 5 тыс. предметов домашнего обихода и обмундирования.

Сегодня в Центральном музее Почепа целая стена посвящена дружественной помощи атыраусцев. Среди пожелтевших документов сохранилось письмо атыраусцев в Почепский исполком: «…Атырауские нефтяники, рыбаки, колхозники не жалели помощи дружбы»[4].

В Великую Отечественную войну Казахстан вступил как составная часть СССР, располагая значительным количеством населения, довольно развитыми производственными мощностями и огромными природными ресурсами. Хотя за два десятилетия мирного развития осуществить намечавшийся скачок из эпохи феодализма и патриархальщины в лучезарный социализм не удалось, сделано было немало. Социализм в короткий срок дал людям реальные плоды: ликвидацию безработицы и классовой эксплуатации, колониального и национального гнета, почти поголовной неграмотности населения и рабского бесправия женщины. Это, безусловно, укрепляло национальное сознание народов и их взаимоотношения. Но в то же время в прямо противоположном направлении действовали негативные моменты тех десятилетий. Голод и террор, унесшие почти половину казахской нации, начало превращения Великой степи в зону расселения репрессированных народов ослабляли их единство, сдерживали развитие экономики и культуры, а значит, и обороноспособность республики и страны.

Летом 1942 г. железнодорожная связь Баку и Грозного с действующей армией была парализована. Под угрозой находились и низовья Волги. В этих труднейших условиях кавказские нефтепродукты пришлось доставлять фронту долгим обходным путем: из Баку в Красноводск — по морю, далее из Красноводска через Ашхабад, Ташкент, Уральск в Сталинград — по железной дороге. Положение усугубилось еще и тем, что для массовых перевозок нефтепродуктов Ашхабадская железнодорожная линия обладала малой пропускной способностью. Запас нефтепродуктов в действующей армии на юге оказался крайне незначительным. Госкомитет обороны требовал организовать максимально быструю доставку нефтепродуктов через Каспийское море. Было принято более оптимальное решение доставки горючего к фронтовым базам — из Баку до Гурьева по морю, а далее — по железной дороге и нефтепроводу Гурьев — Орск. В августе 1942 г. поток бакинских нефтепродуктов двинулся на фронт через Гурьев, который стал важным узлом коммуникации южных фронтов. Среди ряда экстренных мер было и решение о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Гурьеве (ныне Атырау). Для сооружения завода и постройки нефтепроводов остров Большой Пешной — Гурьев — Орск по решению ГКО была

направлена строительная организация Наркомата нефтепрома СССР. На базе слияния Азнефтестроя с Эмбанефтестроем был организован крупный трест «Казнефтестрой».

Завершение строительства железной дороги Макат — Косчаглы, второй очереди машиностроительного завода им. Петровского, нефтепроводов, рост мощностей на электростанциях Доссор, Кульсары, Гурьев значительно укрепили материально-техническую базу нефтяной промышленности республики. В итоге нефтяники Казахстана за годы войны добыли 4317,2 тыс. т «жидкого золота»[5], значительно удовлетворив потребности фронта и тыла.

Укреплению единства фронта и тыла, дружбы народов содействовали переписка населения восточных районов со всеми защитниками, а также меры по оказанию помощи семьям воинов, забота о раненых и инвалидах, многогранная бескорыстная помощь районов глубокого тыла населению освобождаемых районов. Республика шефствовала над некоторыми районами Ленинградской и Московской областей, над городами и селами Орловщины. Только в 1943 г. из своих небогатых ресурсов Казахстан отправил в Краснодарский и Ставропольский края и восточные области Украины 2700 тракторов, 123 комбайна, 880 сеялок и 2500 плугов, скот, продукты питания и одежду. Все это доставили на место и остались восстанавливать хозяйство 295 комбайнеров, 636 бригадиров тракторных бригад, 115 механизаторов, 115 агрономов, 65 директоров МТС[6].

Помощь тыла фронту не только улучшала условия жизни бойцов, но и поднимала их боевой дух, готовность сделать все возможное и невозможное для разгрома врага.

Примечания

[1] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 1. Д. 5. Л. 408.

[2] Государственный архив Атырауской области. Ф. 753. Оп. 1. Д. 58. Л. 128–132.

[3] Там же. Ф. 727. Оп. 2. Д. 68. Л. 118–119.

[4] Табылдиев Х. Б. Атырау обылысы отты жылдарда (1941–1945 жж.). Атырау : «Атырау-ақпарат» ЖШС баспаханасы, 224 — бет.

[5] Центральный Государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1137. Оп. 14. Д. 145. Л. 40.

[6] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 43. Д. 24. Л. 202–203.

Часть II

Промышленность Урала и Центральной Азии в годы войны

В. В. Менщиков, О. А. Филимонова

Особенности промышленного развития Кургана в годы Великой Отечественной войны

К началу Великой Отечественной войны Курган являлся небольшим городом Челябинской области с неразвитым промышленным производством. В начале войны в город были эвакуированы промышленные предприятия, ставшие основой промышленного потенциала Кургана в будущем. В 1943 г. создана Курганская область. Важнейшую роль в развитии военного производства сыграли трудовой героизм и энтузиазм работников предприятий и различные формы социалистического соревнования. Уже в 1944 г. началось постепенное возвращение к мирному производству.

Ключевые слова: *Курган, эвакуация, промышленное производство, социалистическое соревнование, историческая память*.

Все дальше отстоят от нашего времени события Великой Отечественной войны, почти не осталось непосредственных участников боевых событий. Однако война — это не только сражения и военные действия, это трудовой героизм тружеников тыла огромной страны. Модный сегодня концепт исторической памяти весьма актуален с точки зрения сохранения воспоминаний о войне в самых разных аспектах. Но нельзя забывать о том, что историческая память общества включает в себя не только научные представления, но и иные, порой антинаучные или паранаучные. Тем более что известный специалист в области изучения различных форм коллективной памяти А. Ассман отмечает, что «понятие коллективной памяти, введенное французским социологом Морисом Хальбваксом в 1920-е годы, было изначально воспринято настороженно; оно и по сей день вызывает сомнения и недоразумения»[1]. А причина этого, скорее всего, также по мнению исследовательницы, «то, что в политизированные 1960-е и 1970-е годы именовалось “мифами” и “идеологиями”, подпадает с начала 1990-х годов под категорию коллективной памяти»[2]. Поэтому мы считаем в высшей степени актуальным призыв французского исследователя Пьера Нора к историкам-профессионалам активно участвовать в формировании исторической памяти общества о наиболее значимых исторических событиях страны. Это дает хоть какую-то гарантию формирования адекватной исторической памяти. Поэтому столь важно проведение крупных научных форумов, приуроченных к важ-

ным историческим датам, таким как 80-летие со дня начала Великой Отечественной войны. Эти мероприятия, как нам представляется, позволяют историкам на основе добротной источниковой базы создавать адекватное исторической реальности историческое знание.

К началу Великой Отечественной войны Курган был городом областного подчинения в составе Челябинской области. Здесь проживали 76,9 тыс. человек. Накануне Великой Отечественной войны в Кургане работали предприятия легкой и пищевой промышленности. Машиностроением и металлообработкой занималось единственное предприятие — Курганский машиностроительный завод (КМЗ), который вырабатывал различное оборудование для пищевой промышленности и сельского хозяйства[3].

Период Великой Отечественной войны стал для города во многом определяющим в его, прежде всего, индустриальном развитии. С первых дней войны в Кургане начался перевод народного хозяйства на военные рельсы. Коллектив КМЗ выступил с обращением ко всем рабочим, служащим и интеллигенции города считать воскресенье 29 июня рабочим днем, днем обороны страны и высокой производительности труда, стахановских рекордов, а заработок за этот день передать в Фонд обороны[4]. Предприятия пищевой промышленности Кургана с самого начала войны стали крупными поставщиками продуктов питания и сырья для военной промышленности. Мясокомбинат и другие пищевые предприятия увеличили выпуск продукции, необходимой для снабжения Красной армии. Маслозаводы приступили к выполнению задания по производству казеина для авиационной промышленности. На нужды фронта стали работать предприятия местной промышленности и промысловой кооперации. Курганская промартель «Кошмокат» начала выпускать армейские валенки, артель «Новость» получила задание на изготовление армейских полушубков, обмундирования и белья. Уже в сентябре 1941 г. артельщики сообщили о досрочном выполнении годовой программы, тем самым на десятки тысяч рублей выдав продукции сверх плана[5]. На базе оборудования Курганской музыкальной фабрики было организовано производство лыж для Красной армии. Коллектив Курганского мясокомбината принял решение считать рабочим днем не только воскресенье 29 июня, но и последующие выходные дни. Уже с первых месяцев войны курганцы начали трудиться со значительным перевыполнением производственных заданий[6].

Первостепенное значение в условиях военного времени приобрел транспорт. От его работы зависели не только бесперебойное снабжение фронта и необходимая перегруппировка войск, но и развитие военной промышленности. Для успешного решения этих задач требовалось немедленно перестроить работу железнодорожного транспорта. Находясь на стыке двух дорог — Омской и Южно-Уральской, — Курганское отделение имело большое значение. От его работы зависели своевременная приемка и продвижение поездов, идущих на запад и восток. Малейшая неорганизованность могла отразиться на работе Омской и Южно-Уральской железных дорог, замедлить доставку на фронт войск, боеприпасов, вооружения и продовольствия. С 24 июня отделение перешло на новый график движения поездов, по которому в первую очередь перевозились воинские грузы; увеличивался вес составов, скорость движения и т. д. Перестройка работы Курганского

отделения проходила в трудных условиях: с началом войны резко ухудшилось материально-техническое обеспечение транспорта, значительная часть кадровых железнодорожников ушла на фронт, а на место мужчин пришли женщины и молодежь, которых необходимо было в сжатые сроки обучить. Кадровые рабочие разных подразделений Курганского отделения с первых дней войны включились в стахановское движение «Все для фронта! Все для победы!» и постоянно перевыполняли плановые нормы. Так, кузнецы вагонного участка Широносов и Ермолаев, соревнуясь между собой, выполнили за одну смену семидневное задание каждый. В этот день выполнил задание на 500 % электросварщик Артеев и более трех норм дали рабочие Федоров, Шапилов и Демьянов[7]. И о таких примерах трудовых подвигов курганских железнодорожников газета «Красный Курган» сообщала регулярно.

Еще до войны передовые машинисты депо ст. Курган активно поддержали движение по вождению тяжеловесных поездов, которое широко распространилось на железных дорогах страны. С первых дней войны вождение тяжеловесов приобрело еще большее значение, так как ускорялось продвижение поездов, увеличивалось количество перевезенных грузов при сокращении количества паровозовыдач и паровозных бригад, а также при большой экономии топлива[8]. Всего за 1941–1942 гг. в Курганском отделении было проведено 3727 тяжеловесных поездов, что сэкономило 1883 паровозовыдачи и большое количество угля. С самого начала войны, увеличивая количество проведенных поездов-тяжеловесов, передовые машинисты Курганского отделения ЮУЖД начали активно внедрять кольцевую езду. К концу первого года войны она вошла в систему и стала единственным методом вождения транзитных составов курганскими машинистами[9].

Курганцы вместе с гражданами всей страны активно включились во всенародное движение по оказанию государству финансовой и другой помощи (приобретали облигации госзайма, вносили наличные деньги в Фонд обороны и на вооружение Красной Армии, активно сдавали теплые вещи и собирали подарки для воинов Красной армии). Для восполнения дефицита кадров в связи с уходом на фронт квалифицированных рабочих на предприятиях Кургана была проведена большая работа по привлечению на производство домохозяек и молодежи. В первый год войны только в Кургане на заводы и фабрики пришло работать около трех тысяч женщин. Большинство из них быстро освоили различные специальности и не только выполняли, но и перевыполняли нормы выработки[10]. Многие успешно овладевали мужскими профессиями. На заводах женщины успешно освоили профессии сварщика, формовщика, токаря и др. Так, Соня Половина в 1941 г. впервые пришла на завод «Уралсельмаш». Она стала учиться на сверловщицу. Сначала работала на одном, затем на двух, четырех и в конце концов освоила работу на шести станках одновременно, выполняя производственный план на 300–400 %. Она была награждена значком «Отличник социалистического соревнования Наркомата минометного вооружения», медалью «За трудовую доблесть»[11].

Большую роль в промышленном развитии восточных регионов страны сыграла эвакуация. Некогда исключительно аграрные регионы превращались в промышленные. В первый год войны из находящихся под угрозой

оккупации районов на Урал были эвакуированы предприятия оборонного комплекса, металлургии и химической промышленности. В Курган прибыли Гомельский завод сельского машиностроения им. Кагановича, Черкасский машиностроительный завод им. Сталина, Московский терпиниоловый завод, Одесская трикотажная фабрика и ряд других. В результате количество предприятий здесь удвоилось, а число рабочих на них выросло в четыре раза — с 2008 до 8038 человек[12].

Оборудование эвакуированных заводов устанавливалось в первую очередь на производственных площадках действовавших предприятий. Но так как их было очень мало и размеры их были невелики, то бóльшую часть станков и агрегатов приходилось монтировать в складах, клубах, торговых зданиях и т. д. Одновременно решался вопрос о строительстве временных помещений. Прибывшее в конце июля оборудование Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения размещалось и монтировалось в цехах и подсобных помещениях КМЗ, а также в близлежащих складах, принадлежавших другим предприятиям. Объединенное предприятие — КМЗ и Гомсельмаш — стало в первый же год войны крупнейшим в Южном Зауралье и получило новое название — «завод № 707» (позднее — Уралсельмаш, затем Кургансельмаш)[13]. В здании Народного дома было смонтировано оборудование Кременчугского машиностроительного завода, который стал заводом № 761 (позднее — Дормаш). Было демонтировано оборудование музыкальной фабрики и все ее помещения, а также недостроенный корпус в 800 кв. м переданы заводу «Продмаш», эвакуированному из Черкасс. Новому заводу был присвоен номер 709 (в послевоенные годы — завод деревообрабатывающих станков). В цехах ликероводочного завода разместились склады-мастерские, которые производили оборонную продукцию (завод № 138). В помещениях Курганского пивоваренного завода обосновались московские заводы сложных эфиров и терпинеоловый. Объединенный завод стал называться «синтетическим» и до августа 1944 г. выпускал оборонную продукцию[14]. В складских помещениях разместился Харьковский металлоштамповочный завод, который стал заводом № 603 (механическим). Здание городской типографии и редакции газеты «Красный Курган», а также некоторые склады Сельхозснаба были переданы Одесской трикотажной фабрике им. Крупской[15].

Следует отметить, что в отличие от крупных промышленных городов организация промышленного производства в Кургане была сопряжена (ввиду неразвитости инфраструктуры, слабыми материально-техническими возможностями) с огромными трудностями. С одной стороны, с отсутствием достаточного количества транспорта. В Кургане, например, имелось только 300 автомашин, многие из которых не работали из-за отсутствия ремонта, резины. В этих условиях приходилось использовать гужевой транспорт, который был неэффективен при решении производственных задач на крупном промышленном производстве. С другой стороны, ощущался недостаток помещений, годных для производства. Остро стоял вопрос о строительстве новых производственных площадей, но при этом не хватало строительных материалов, особенно кирпича, извести, оконного стекла, гвоздей и др. Предприятия вынуждены были сами изготавливать кирпичи и шлакоблоки (и это помимо необходимости выполнения производственных планов).

В городе не было водопровода. Его строительство началось лишь в 1943 г. Но одной из главных трудностей в развитии производства был недостаток электроэнергии[16]. Лишь к началу 1943 г. мощность Курганской ТЭЦ достигла 6500 кВт[17]. Невзирая на все эти проблемы, предприятия, вновь созданные титаническими усилиями трудящихся, начали выпуск военной продукции.

Решающее значение в дальнейшем развитии военного производства имело социалистическое соревнование. Центральное место в соревновании отводилось движению двух- и трехсотников, то есть тех, кто добивался перевыполнения норм в два, три и более раз[18]. На заводе № 603 славился высокой выработкой электросварщик Данильченко, который систематически выполнял задание на 400 %. Секретарь первичной партийной организации завода № 603 Я. Парасон, рассказывая о трудовом героизме рабочих, о выполнении социалистических обязательств, принятых коллективом на 1942 г., привел убедительные цифры: продукции в ноябре выпущено в четыре раза больше, чем в августе, а себестоимость ее по сравнению с августом снизилась на 160 %[19].

Среди производственных бригад Кургана широко развернулось движение за право называться фронтовыми. Всеми своими делами фронтовые бригады как бы устанавливали незримую связь с фронтом. Стремились работать так, чтобы фронт всего имел в достатке и знал, что тыл не подведет своих боевых товарищей. Примеров трудового героизма фронтовых бригад Кургана не счесть, недаром работающих в них называли гвардейцами тыла[20]. Больше всего таких бригад работало на заводах № 707, 709, 603. На областном совещании партийно-хозяйственного актива по итогам работы промышленности в 1943 г. всеобщее одобрение получила комсомольская фронтовая бригада Ф. Мельникова (завод № 707). Годовое задание она выполнила на 224 %. Только за декабрь бригада сэкономила 520 кВт·ч электроэнергии, 25 резцов, 12 сверл и 10 метчиков. За счет внедрения рационализаторских предложений бригада высвободила и передала в другой цех трех рабочих[21]. В ноябре и декабре 1943 г. бригада дважды награждалась переходящим Красным знаменем обкома ВЛКСМ. По итогам работы за 1943 г. обком комсомола присвоил ей звание «Лучшая фронтовая комсомольско-молодежная бригада». По ней равнялись и другие 47 бригад завода № 707[22].

В депо ст. Курган зародилась новая форма соревнования и организации труда — создание воинских подразделений[23]. Первой объявила себя воинским подразделением комсомольско-молодежная бригада механического цеха паровозного депо (бригадир В. Павлов). В бригаде была железная трудовая дисциплина, каждый рабочий выполнял задание четко, как боевой приказ командира, давал продукции в два-три раза больше установленной нормы. А передовые люди бригады токари П. Марьевич, П. Литвинов, П. Кузнецов, К. Гайтанов. Ф. Мыскин и другие выполняли нормы на 300–500 %[24]. На вагонном участке ст. Курган более ста рабочих выполняли производственные задания на 200–700 %. До семи норм выполняли М. Алексеев, А. Пономарев, Е. Патраков, Е. Широносов и др.[25]

Весной 1943 г. среди железнодорожников с новой силой развернулось движение машинистов-тяжеловесников, явившееся одним из важнейших резервов улучшения работы транспорта во время войны. Тон этому патрио-

тическому движению, как и в первый период войны, по-прежнему задавали машинисты депо ст. Курган: И. П. Блинов, А В. Занков, К. А. Лопатин. А. М. Утюмов, А. А. Коршик, Н. Н. Иванов, А. П. Куприянов, И. Т. Морозов, П. Л. Коломиец и др. Причем А. М. Утюмов первым в своем отделении освоил вождение тяжеловесных поездов на тощих углях и был инициатором соревнования за увеличение среднесуточного пробега и повышение участковой скорости, а И. П. Блинов — без набора воды на промежуточных станциях[26]. Тяжеловесными поездами машинисты Курганского отделения только в 1943 г. перевезли более 4 млн т грузов, сэкономили около 10 тыс. т топлива, сократили оборот паровозов и вагонов[27]. Героический труд железнодорожники был высоко оценен государством. За особые заслуги в существенном увеличении перевозок для фронта и народного хозяйства в трудных условиях Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР 5 ноября 1943 г. присвоил звание Героя Социалистического Труда 127 лучшим железнодорожникам страны, в том числе машинисту депо ст. Курган Ивану Петровичу Блинову. Паровоз, который водил в годы войны И. П. Блинов, сегодня установлен в Кургане в качестве памятника на привокзальной площади, являясь одной из достопримечательностей города.

Большое внимание на предприятиях города уделялось рационализации и изобретательству. Бюро Курганского горкома партии обсудило этот вопрос 30 июня 1942 г. В постановлении было отмечено, что на заводе «Уралсельмаш» освоено безобработочное (кокильное) литье корпусов снаряда, что дало большую экономию чугуна и кокса[28]. Несколько позднее секретарь первичной партийной организации литейного цеха завода «Уралсельмаш» А. Кеслер обобщил результаты внедрения рационализаторских предложений и реконструкции цеха, а также использования местных материалов. За девять месяцев 1942 г. литейный цех сэкономил 90 вагонов чугуна, более сотни тонн стержневой массы и 300 тыс. руб. А выпуск продукции в литейном цехе увеличился почти в четыре с половиной раза[29]. В целом на заводах Кургана системы Наркомата минометных вооружений экономия благодаря реализации рационализаторских предложений составила около 2 млн руб.[30]

6 февраля 1943 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Курганской области в составе РСФСР», согласно которому Курган получил статус областного центра. Это существенно изменило историческую судьбу города. Став областным центром, Курган по-настоящему превратился в город, хотя зримо это стало заметно только в послевоенный период. Однако такой важный элемент городской инфраструктуры, как водопровод, стал строиться именно в 1943 г.

Внедрение в производство передового опыта, рационализаторских предложений и изобретений, а также действенное социалистическое соревнование обеспечивали увеличение выпуска продукции, в первую очередь оборонной, снижение ее себестоимости. На городском совещании стахановцев, созванном Курганским горкомом в апреле 1943 г., подводились предварительные итоги предмайского социалистического соревнования. Участники совещания от имени всех своих товарищей по работе единодушно приняли обязательство: дать в 1943 г. продукции для фронта в два раза больше, чем в 1942 г. Это обязательство стахановцы, все рабочие города

выполнили с честью. Выпуск военной продукции заводы Кургана в 1943 г. увеличили в два раза. В целом план по городу был выполнен на 101,5 %, себестоимость продукции снижена на 25 %. И в этом немалая заслуга простых тружеников. Когда на заводе № 709 произошла авария на 70-тонном прессе и это угрожало продолжительной остановкой трех цехов, токарь цеха № 12 Власов (стахановец, выполняющий свою норму в среднем на 350–400 %) предложил оригинальный способ сварки лопнувшего вала и в течение пяти суток буквально не выходил из цеха, пока не закончил ремонт. Если бы эту работу заказали на стороне, она продолжалась бы не менее 12 дней[31]. И таких примеров предостаточно. Отличились в 1943 г. 19 предприятий, давших сверх плана боевой продукции в фонд Верховного Главнокомандующего на 20 млн руб.[32] Первые места в соревновании, по итогам 1943 г., заняли заводы № 707, 761, 709, мясокомбинат, трикотажная фабрика им. Крупской[33]. Консервный завод Курганского мясокомбината получил премию за апрель 1943 г. в размере 15 тыс. руб. по итогам Всесоюзного социалистического соревнования работников системы мясной и молочной промышленности СССР[34].

Удельный вес оборонной продукции в общем количестве товарного выпуска предприятий Кургана вырос с 2,9 % в 1941 г. до 85,1 % в 1944 г. Производство мин в 1944 г. увеличилось в сравнении с 1941 г. в 11 раз, а всего за годы войны было выпущено 13 млн мин. Выпуск боеприпасов для артиллерии увеличился в 1944 г. по сравнению с 1942 г. в девять раз. Всего выпущено 20,7 млн единиц разных видов боеприпасов[35].

Большую победу во Всесоюзном социалистическом соревновании одержал коллектив депо ст. Курган, завоевав в 1944 г. первенство среди сети дорог, за что был удостоен Красного знамени ГКО[36]. Эту великую награду коллектив депо удержал до конца войны. За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны Красное знамя ГКО было оставлено коллективу депо на вечное хранение — как символ трудовой доблести деповцев в годы суровых военных испытаний. Всего за годы войны ордена и медали за образцовое выполнение заданий правительства и военного командования по перевозкам получили более 30 лучших железнодорожников Курганского отделения. Среди награжденных — машинисты депо ст. Курган А. В. Зенков, И. Т. Морозов. П. Л. Коломиец, бригадир механического цеха этого же депо В Я. Павлов, мастер чугунолитейного цеха Курганского вагонного участка В. Г. Улитин, бригадир Курганской дистанции пути А. Я. Баранов, секретари узлового партийного и комсомольского комитетов ст. Курган В. В. Коркин, А. И. Мазилова, начальник Курганской дистанции пути А. С. Колесник и др. Около двухсот человек награждены значками «Почетный железнодорожник», «Ударник сталинского призыва».

Коренной перелом в войне, освобождение оккупированных врагом территорий и в целом приближение Победы заставляло руководство всех уровней задумываться о постепенном переходе на мирные рельсы развития. В 1944 и 1945 гг. происходили структурные изменения в характере производства. Склад № 138 НКО и синтетический завод во втором полугодии 1944 г. были реэвакуированы из Кургана. Началась постепенная перестройка предприятий Кургана на увеличение выпуска мирной продукции, менялась номенклатура изделий[37]. К концу войны с ряда предприятий стали

снимать военные заказы и заменять их на производство ширпотреба и запасных частей для сельскохозяйственной техники. Коллективы заводов № 707, 709, 761, откликнувшись на обращение тружеников автозавода им. Сталина, включились в соцсоревнование в честь победы Советского Союза над фашистской Германией и взяли повышенные обязательства по выпуску мирной продукции[38].

Рабочие, инженерно-технические работники и служащие промышленных предприятий Кургана своим самоотверженным трудом внесли достойный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. Трудовой подвиг курганцев в годы Великой Отечественной войны высоко оценен государством. Многие передовые рабочие и инженерно-технические работники оборонных предприятий награждены орденами и медалями. Многие трудящиеся Кургана от имени Президиума Верховного Совета СССР награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[39].

Несмотря на начавшуюся еще в самом конце войны конверсию в производственной сфере, большинство промышленных предприятий остались в Кургане и стали основой промышленного производства в послевоенное мирное время. На базе эвакуированных предприятий были созданы заводы, хорошо известные курганцам практически до настоящего времени: Кургансельмаш, завод дорожной спецтехники, Дормаш и др. Хотя на долю поколения 1940-х гг. выпали тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, эти годы были определяющими в превращении Кургана в важный региональный административный и промышленный центр Урала и Западной Сибири.

Примечания

[1] Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение. 2014. С. 26.

[2] Там же. С. 27.

[3] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 122. Л. 1–3.

[4] Там же. Ф. 3876. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

[5] Чернышев П. Досрочно выполнили годовое задание // Крас. Курган. 1941. 11 сент.

[6] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 132. Л. 2, 97–98 ; Строк Л. Двухсотники // Крас. Курган. 1941. 20 сент.

[7] Каменская Л. Рекордная производительность // Крас. Курган. 1941. 20 сент.

[8] Строк Л. Рекордные рейсы машинистов // Крас. Курган. 1941. 17 дек.

[9] Платонова Л. Колонна имени Сталина на Сталинской вахте // Крас. Курган. 1942. 25 дек.

[10] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 245. Л. 3–5, 116–117.

[11] Там же. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 175. Л. 28–29.

[12] Там же. Ф. 10. Оп. 16. Д. 122. Л. 16–19.

[13] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 145. Л. 14–15.

[14] ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

[15] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 145. Л. 28–29.

[16] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 37. Л. 2–4.

[17] Там же. Оп. 26. Д. 15. Л. 3–5.

[18] Там же. Оп. 16. Д. 244. Л. 9 ; Шилов Л. Завод работает ритмично // Крас. Курган. 1942. 18 дек.

[19] Парасон Я. Сила соревнования // Крас. Курган. 1942. 13 дек.

[20] Никитин Ф. В цехе орденоносца // Крас. Курган. 1942. 1 мая.

[21] ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 142. Л. 33–35.
[22] ГАКО. Ф. 434. Оп. 4. Д. 3. Л. 7.
[23] Широносов Е. Ради победы // Крас. Курган. 1941. 13 дек.
[24] Павлов В. Я. В честь славной годовщины // Крас. Курган. 1942. 23 февр.
[25] Саломатов П. Семисотники и восьмисотники // Крас. Курган. 1941. 31 июля.
[26] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 74. Л. 20 об. — 22 ; Д. 104. Л. 12 — 12 об. ; Ф. 166. Оп. 2. Д. 343. Л. 2.
[27] Там же. Ф. 10. Оп. 5. Д. 7. Л. 3 — 3 об.
[28] Яковлев О. За формовкой деталей // Крас. Курган. 1942. 18 дек.
[29] Кеслер А. Литейщики-победители // Крас. Курган. 1942. 10 нояб.
[30] ГАСПИКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 273. Л. 1 об.
[31] Там же. Л. 48.
[32] Дерябин С. Состояние и задачи партийно-организационной работы // Крас. Курган. 1944. 6 февр.
[33] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 7. Л. 3 ; Оп. 26. Д. 15. Л. 11–13.
[34] ГАКО. Ф. 520. Оп. 2. Д. 36. Л. 92–98.
[35] ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 26. Д. 15. Л. 55.
[36] Там же. Ф. 166. Оп. 2. Д. 343. Л. 3.
[37] Там же. Д. 150. Л. 45–50.
[38] Там же. Оп. 3. Д. 255. Л. 117–119 ; Д. 258. Л. 93 — 93 об., 159.
[39] ГАКО. Ф-1541. Оп. 2. Д. 79. Л. 27–30.

О. С. Павлова

Размещение и ввод в строй эвакуированных промышленных предприятий на территории Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны

Рассмотрены вопросы, связанные с размещением и введением в строй промышленных предприятий, эвакуированных в Башкирскую АССР из западных прифронтовых территорий в годы Великой Отечественной войны, вопросы их размещения и введения в строй, отраслевая специфика, которая определялась задачами военного времени и потребностями оборонной промышленности. На основании изучения материалов статистики, делопроизводства, источников личного происхождения была изучена деятельность предприятий, эвакуированных в Уфу, Стерлитамак, Бирск, Белорецк, Благовещенск.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, эвакуация, Башкирская АССР, промышленность, производство*.

Великая Отечественная война в большинстве воспоминаний о тыловой жизни отождествляется с тяжелыми условиями жизни, глубокими переживаниями и потерями, самоотверженным трудом во имя Победы. Также имеют место воспоминания, свидетельствующие об открытии десятков новых производств, притоке свежих сил и специалистов. Именно вследствие переброски в глубокий тыл из западных и центральных районов страны многочисленных заводов и фабрик в ряде регионов страны была создана мощная многоотраслевая индустрия, которую в мирное время за столь короткие сроки поднять было бы невозможно. Так, Башкирская АССР за годы войны полностью изменила свой облик и стала одним из крупных промышленных районов восточной части страны. Эвакуация на территорию Башкирской АССР крупных промышленных предприятий из западных районов страны была обусловлена тем, что республика, с одной стороны, находилась в глубоком тылу, вне досягаемости налетов фашистской авиации, с другой стороны — ближе к фронту и промышленному центру, по сравнению с Сибирью, Казахстаном и Средней Азией.

Несмотря на чрезвычайные трудности, перемещение производительных сил в тыловые районы страны в 1941 г. прошло слаженно, в соответствии с намеченными сроками[1]. Советом по эвакуации был выработан

твердый порядок планирования и организации эвакуационных перевозок. Наркоматы заблаговременно представляли в Совет по эвакуации заявки по каждому предприятию, подлежавшему перебазированию в тыл. В них указывались требуемое количество и тип вагонов (крытых, полуплатформ, цистерн, полувагонов и т. п.)[2]. Проекты постановлений по эвакуации вместе с короткими записками посылались на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО СССР[3]. Затем выносились согласованные решения по каждому крупному промышленному объекту, который следовало эвакуировать[4].

Географическое положение Башкирской АССР, наличие промышленной базы, ресурсов рабочей силы, природных богатств — все это обеспечивало предпосылки для развертывания производства оборонной продукции[5].

Перебазирование на восток промышленных предприятий, материальных ценностей и населения в начале Великой Отечественной войны по своим масштабам не имеет прецедентов в мировой истории. В кратчайшие сроки на тысячи километров были переброшены целые отрасли индустрии. Перебазирование промышленности в столь грандиозных масштабах и в столь сжатые сроки стало возможным, в том числе и благодаря тому, что в годы предвоенных пятилеток на востоке страны была создана вторая крупная индустриальная база СССР[6]. Ярче всего эти изменения проявились в экономике Уфы, куда было переведено большинство крупных производств. Индустриальное развитие столицы БАССР началось в середине 1930-х гг. с постройки на г. Непейцевской близ дер. Черниковка Центральной электрической станции. В предвоенные годы открылась спичечная фабрика, вступил в строй Черниковский лесопильный завод, дали первую продукцию фанерная фабрика и дубильно-экстрактовый завод. Так завершилось создание Уфимского промышленного комбината[7].

В 1941–1942 гг. в Башкирской АССР было размещено оборудование более 170 эвакуированных промышленных предприятий, отдельных цехов и установок[8]. БАССР относилась к числу республик и областей, для которых постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 августа 1941 г. был одобрен военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г., представлявший конкретную программу комплексного развития оборонной промышленности в восточных районах страны[9]. Заводы и фабрики (некоторые вместе с рабочими и инженерно-техническими работниками) прибыли из Украинской, Белорусской, Азербайджанской республик, из Москвы, Ленинграда и ряда западных областей. Это были в основном предприятия авиационной, нефтяной, электротехнической и химической промышленности, а также легкой и пищевой индустрии[10]. Основная их часть разместилась в Уфе, Стерлитамаке, Белорецке, Ишимбае и Туймазах на производственных площадях родственных предприятий. По неполным данным, в Уфу было эвакуировано (частично или полностью) более 40 промышленных предприятий[11]. Некоторые из них были объединены с действующими родственными заводами и фабриками, большинство же размещено и пущено в приспособленных помещениях как самостоятельные предприятия.

Одним из крупных предприятий стал эвакуированный в Уфу Ленинградский завод телефонной аппаратуры «Красная заря», известный во время войны под номером 628. Ленинградцы в рекордно сжатые сроки смогли наладить на новом месте производство телефонных аппаратов и коммуни-

каторов. За военные годы на заводе они освоили двенадцать новых видов продукции связи. Весной 1942 г. Совнарком Башкирии принял решение об организации на базе цеха дальней связи завода № 628 самостоятельного предприятия по производству аппаратуры дальней связи. В короткие сроки были отведены площадки под строительство завода, жилых домов для размещения более трехсот ленинградских рабочих и инженерно-технических работников с семьями[12].

На базе оборудования одесского завода «Электрошнур», подольского «Винилпровод», московских «Электропровод» и «Москабель» в ноябре 1941 г. был создан Уфимский кабельный завод[13]. В военные годы он производил провода и шнуры, преимущественно для военных нужд.

На производственных площадях спичечной фабрики им. 1 Мая была размещена Калужская спичечная фабрика «Гигант», на обувной фабрике было установлено оборудование Витебской обувной фабрики «Прогресс»[14]. На базе Уфимской кондитерской фабрики был пущен в эксплуатацию Московский витаминный завод. Объединилась с кондитерскими предприятиями Уфы Московская и Харьковская бисквитные фабрики. Радиомастерская Башуправления связи во время войны пополнилась оборудованием мастерской связи, эвакуированной из Смоленска. На этой основе весной 1944 г. был организован радиомеханический завод, позднее получивший название «Промсвязь»[15].

В Стерлитамак из Рязани и Ленинградской области было эвакуировано оборудование цементных заводов, из Москвы — кожкомбинат, из Украины — Одесский станкостроительный завод, Славянский и Донецкий содовые заводы, Вишняковский спиртзавод, оборудование Конгрессовского сахарного завода и авторемонтные мастерские нефтекомбината из Гродно[16]. В Благовещенск из Москвы был вывезен Центральный институт авиационных масел и топлива, заводы Туапсе и Орши. В Бирск были переведены московский завод «Аэрогеоприбор» и оборудование мясокомбината из Украины[17]. В Белебей вывезено оборудование двух сахарных заводов из Украины[18]. В Белорецк эвакуированы из Москвы биметаллический цех завода «Серп и молот», из Украины — оборудование Одесского канатного завода, Харьковского завода Наркомата черной металлургии и станкостроительный завод из Клина[19].

Переместить целые заводы на огромные расстояния было чрезвычайно сложно. Однако не меньше трудностей возникало при восстановлении предприятий. Значительное число эвакуированных предприятий прибыло в основном с составом рабочих и инженерно-технических работников[20]. Каждые сутки летом и осенью 1941 г. в республику прибывало по несколько эшелонов с оборудованием, разгрузить которые нужно было очень быстро. Привлечь для этого старались все имевшиеся машины и механизмы. Так, уфимский горком ВКП(б), рассматривая вопросы об ускорении разгрузки оборудования прибывающих в БАССР заводов, обязал руководство строительных трестов передать на разгрузку почти все гусеничные и железнодорожные краны, заменив их на стройке людьми. Однако кранов и транспортеров все равно не хватало. Разгружать прибывшие эшелоны приходилось в основном вручную. С большими трудностями была связана перевозка заводской техники от железнодорожных станций на монтажные

площадки. И здесь приходилось использовать ручной труд — транспортных средств не хватало даже для нужд оборонного производства. Дело осложнялось тем, что рабочие некоторых эвакуированных предприятий приезжали уже вслед за эшелонами с оборудованием, поэтому их разгрузкой занималось местное население[21].

Период с июня 1941 по декабрь 1942 г. был самым тяжелым испытанием. К моменту развернувшейся грандиозной битвы под Сталинградом эвакуированные предприятия стабилизировались на новых местах, в том числе и в Стерлитамаке. Так, 3 июля 1941 г. было получено распоряжение об эвакуации станкостроительного завода им. Ленина в Стерлитамак. Был составлен детальный график эвакуации людей, техники и оборудования, необходимой технической документации и литературы. Уже 11 октября 1941 г. завод начал выпуск продукции. И до конца месяца произвел первую партию — 34 станка, в следующем месяце — уже 96 станков. Однако к декабрю профиль завода изменился в связи с тем, что он перешел в распоряжение Наркомата танковой промышленности. В том же месяце было выпущено всего 30 станков, 4000 деталей для головного предприятия, около 6000 деталей для других заводов и т. д., что было перевыполнением плана ноября и декабря текущего года[22]. Завод оказался эвакуированным в город, где крупное промышленное производство практически отсутствовало. Это создавало особо острую кадровую проблему[23]. Удельный вес старых кадровых рабочих составлял всего 21,7 %. Притока рабочих высокой квалификации вообще не было. Пополнение готовилось непосредственно на заводе (до 500 человек) и за счет выпусков ремесленного училища № 4[24]. Большинство приходилось обучать прямо на месте: за верстаком, у чертежной доски[25]. Завод испытывал острую нужду в инженерно-технических работниках высшего и среднего звена. Для решения этой проблемы постановлением Главстанкопрома при заводе был организован вечерний станкостроительный техникум, начавший работать с 1 ноября 1944 г. Курс его был рассчитан на четырехгодичный срок обучения без отрыва от производства. Техникум готовил техников-технологов и техников-механиков. На 1 января 1945 г. в техникуме обучались 50 человек. Для студентов вводился восьмичасовой рабочий день с обязательным выходным, обеспечивалось дополнительное питание в дни учебы[26].

Интерес представляет история создания стерлитамакского завода «Авангард», который относится к поколению предприятий, построенных и введенных в действие в годы Великой Отечественной войны. Решение о строительстве нового завода на Урале было принято в предвоенные годы ЦК ВКП(б) и СНК согласно директивам XVIII съезда ВКП(б) о дальнейшем развитии промышленности и укреплении индустриальной мощи страны. Совнарком БАССР своим постановлением от 10 декабря 1940 г. № 81 отвел площадку под строительство завода № 850 на северной окраине Стерлитамака[27].

Строительство будущего завода началось с подсобных сооружений (склады, дороги), временного жилья (землянки, бараки). У завода не было ни кадров, ни строительной базы. Так велись работы до конца июля 1941 г. Затем строительство завода было передано подрядной строительной организации. В соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 8 мая

1941 г. и приказом наркома по строительству от 18 июня 1941 г. подрядная строительная организация была переименована в ОСМЧ-50[28]. У истоков создания крупной строительной организации стоял начальник ОСМЧ-50 К. И. Лапин. Для формирования ОСМЧ-50 были направлены два строительных батальона по 1000 человек в каждом[29].

Батальон № 659 прибыл в Стерлитамак 22 июня 1941 г. В августе 1941 г. из Славянска Сталинской области (ныне Донецкая область, Украина) прибыли эвакуированные квалифицированные кадры строителей, инженерно-технический персонал, небольшое количество механизмов и приспособлений. Красноармейцев строительных батальонов разместили в шести бараках, уже построенных рабочими города, и в дер. Косяковка, Левашовка и Сайгановка. Прибывших рабочих расквартировали в строящиеся бараки, землянки, в эти же деревни и в старую часть города.

Летом и осенью люди трудились без выходных по 12–14 часов. При больших физических нагрузках питание было довольно скудным, а условия жизни — суровыми. Из деревень и города люди часами добирались пешком на стройку, боялись опоздать к началу смены даже на пять минут[30].

Осенью1941 г. начали прибывать эшелоны с оборудованием и специалистами эвакуированного завода № 59 им. Г. И. Петровского из Ворошиловградской (с 1958 г. — Луганская) области Украины. Первый петровеньковский эшелон шел кружным путем через Ростов-на-Дону, Минеральные Воды, Махачкалу, Баку, на пароме пересек Каспийское море, потом шел через Ашхабад, Бухару, Ташкент и Самару на Уфу, оттуда — в Стерлитамак[31]. Сохранились воспоминания молодого специалиста Н. Н. Беляевой, прибывшей по распределению на Петровеньковский завод 2 июня 1941 г.: «На заводе готовился к пуску объект, опробовалось оборудование, готовились рабочие кадры, инструкции, техническая документация. Но спустя два месяца этот объект начали демонтировать для эвакуации на Урал. Наш эшелон выехал в конце октября и состоял из 56 товарных вагонов, наполовину заполненных оборудованием, с настилом из досок, на которых люди могли расположиться только сидя или лежа. В числе эвакуированных были ИТР с семьями, молодые специалисты, пожарная охрана. Здесь была уже самая настоящая зима, было очень тихо и светило солнце. Мы все радовались: “Какая хорошая зима! Стерлитамак — это место, где был новый завод, на котором нам предстояло работать. Но где же он, этот завод?” Оказалось, это только стройплощадка в нескольких километрах от города…»[32]

Эвакуированных специалистов и строителей разместили в городе, близлежащих деревнях и в землянках, временно сооруженных вокруг строящегося завода. Многие из них пришли на завод по направлению местных органов управления и комсомола, а часть — по окончании школ ФЗО, все они переучивались на заводские профессии[33]. С самого начала на заводе сложился многонациональный дружный коллектив, состоящий из русских и украинцев, башкир и татар, чувашей и мордвы, немцев и других национальностей[34]. Об этом времени один из рабочих, А. Адуевский, который впоследствии был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина, вспоминал: «Завод в мою жизнь вошел в огненный 1943 год. Сначала работал я в цехе № 4 старшим машинистом компрессорной установки, затем свинцовопаяльщиком в цехе № 3. Часто приходилось оставаться

после смены, чтобы выполнить срочное задание. Плохо одетые, полуголодные, мы работали по 12 часов, старались делать все, что было необходимо для выполнения плана заводом»[35].

В результате самоотверженного труда строителей и монтажников через год и три месяца после начала строительства запустили первую технологическую линию и быстро освоили выпуск зарядов к ракетному миномету «Катюша». Руководство цехов вплотную занималось обкаткой оборудования. Первая нитрация в цехе № 3 была проведена старшим аппаратчиком А. Т. Вороновой и ее помощником В. С. Суповым. Непосредственно руководили операцией начальник мастерской С. И. Святошенко и мастер С. Т. Зайцева. Первую варку пороховой массы провела аппаратчица М. С. Вороширина под руководством начальника мастерской А. М. Тютлиной, первое вальцевание пороха было проведено аппаратчицей Е. Ф. Пестряевой, а прессование пороховых шашек — аппаратчицей А. В. Скотниковой[36].

23 февраля 1943 г. главный инженер завода К. И. Баженов, впоследствии крупный ученый, положил на стол президиума торжественного собрания по случаю празднования 25-летия Красной Армии изготовленную на заводе пороховую шашку к знаменитым гвардейским минометам БМ-13У («Катюша»). В этот день военным представителем И. М. Бурковым была принята первая партия пороховых зарядов.

Завод № 850 стал основным поставщиком пороховых зарядов к «Катюше», и уже в первые месяцы после запуска коллектив стал перевыполнять государственное задание. На заводе появились комсомольско-молодежные фронтовые бригады, вожаками которых были Паша Ручкина, Шура Голощапова, Полина Политавкина, Алексей Кривовяз, Николай Уткин и др.[37]

Госкомитетом обороны особое внимание уделялось производству снарядов к «Катюше». Только заводом № 850 для комплектации данных зарядов было изготовлено 15000 т пороха. Их выпуск контролировался лично председателем ГКО И. В. Сталиным[38].

В письме руководителей ОСМЧ-50 и завода № 850 председателю ГКО И. В. Сталину о завершении строительства и вводе в эксплуатацию завода в Стерлитамаке отмечалось следующее: «Завод начат и построен целиком в период Отечественной войны на новом, ранее совершенно не освоенном месте. В короткий срок построено 113 промышленных зданий и сооружений общей площадью 32 тысячи квадратных метров. Выполнено земляных работ на строительстве завода 405 000 кубических метров»[39].

С февраля 1943 г. завод начал производить продукцию фронту. В течение года на месяц раньше намеченного срока было выполнено решение ГКО по дальнейшему наращиванию мощности завода в несколько раз[40]. Доля завода № 850 в общем объеме военной продукции составляла около 13 %. Всего за годы войны было изготовлено и поставлено фронту 572,4 млн зарядов, в том числе зарядов к «катюшам» — 15,8 млн[41]. За счет устранения «узких» мест предприятие стало наращивать темпы роста производства и уже с июня 1943 г. начало перевыполнять план, а к концу 1943 г. достигло проектной мощности. В то же время продолжалось строительство и освоение новых вводимых в эксплуатацию мощностей, благодаря чему государственный план 1944 г. был выполнен уже к концу ноября.

Кроме того, в числе пяти бакинских предприятий, которым в августе 1941 г. предстояло перебазироваться на восток страны, был и завод «Красный пролетарий». Район между Волгой и Уралом должен был стать «вторым Баку», в котором БАССР отводилось ведущее место.

В Уфе коллектив завода встречал первый заместитель наркома нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаков. Завод предстояло разместить в старой ремонтно-механической мастерской со сроком пуска его в феврале 1942 г. Но в первых числах октября директор завода С. И. Варламов был срочно вызван в Москву, где ему сообщили о том, что наряду с изделиями нефтепромыслового оборудования краснопролетарцы должны были изготавливать сложные по своему характеру боеприпасы[42]. Вот что вспоминал о первых днях работы завода токарь Г. И. Липаткин: «Многие рабочие, тяжело переносившие морозы, а они доходили до пятидесяти градусов, обматывали себя теплыми шерстяными одеялами и становились за станки. Утром двадцать седьмого ноября была запущена первая партия деталей, а в ночь с тридцатого ноября на первое декабря на участке сборки были собраны первые комплекты боеприпасов. Это была первая задача и, пожалуй, самая сложная, которую пришлось решать нам в первый грозный год войны»[43].

Первые полгода работы показали, что коллектив завода успешно справляется с выпуском оборонной продукции. Но когда в июле 1942 г. программа производства боеприпасов была значительно увеличена, остро встал вопрос с кадрами. За военные годы коллективу завода трижды присуждалось переходящее Красное знамя ГКО и Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР[44].

В условиях военного времени в Стерлитамаке начался процесс создания химической промышленности и освоение технологии производства различных видов химической продукции[45]. В письме Наркомата химической промышленности СССР руководству республики отмечается: «23 декабря 1941 года специальным решением Совнаркома СССР Наркомхиму построить и ввести в эксплуатацию в 1942 году Стерлитамакский содовый завод мощностью 120 тыс. тонн соды в год и цех каустика мощностью 30 тыс. тонн в год. Строительство и монтаж содового завода и цеха каустика будет вестись с использованием оборудования эвакуированного славянского Новосодового завода и цеха каустика Донсоды, которые в настоящее время уже прибыли в Стерлитамак. Строительство может быть удовлетворено местными строительными материалами, таких как: известью, камнем, песком, кирпичом, алебастром. Необходимые строительству цемент, металл, метизы, кабельная продукция будут Наркомхимпромом выделены»[46].

Вопрос о строительстве цементных заводов на Урале и в восточных районах страны бурно обсуждался в правительстве еще в 1939–1940 гг. Планом развития цементной промышленности СССР в 1941 г. также предусматривалась постройка в Стерлитамаке цементного завода. Оба завода — содовый и цементный — было решено строить рядом с целью их кооперации по линии совместного использования известнякового карьера в пос. Шахтау, энергоснабжения, систем водоснабжения, канализации и пр. Кооперирование давало значительное сокращение капитальных затрат и эксплуатационных расходов[47]. Строительство содового завода намечалось

производить на базе трех строительно-монтажных контор — Ленинградской, Воскресенской, Донецкой.

В конце 1941 г. строители приступили к сооружению подсобных объектов механической мастерской и лесозавода. Около 600 рабочих были заняты на строительстве железнодорожных путей, бетонного узла, цеха известковых печей и каустика. Строители организовали производство извести на г. Шахтау и строительного гипса на Селеукском руднике. Было организовано производство глино- и гипсоблоков. Лес приходилось заготавливать в Белорецком районе и сплавлять его по р. Белой[48].

Строительство содового завода велось в тяжелых условиях по проекту, который не учитывал опыт других строек. Новая схема производства соды требовала и новых видов аппаратов и оборудования. Оборудование Славянского содового завода не удалось полностью вывезти из Украинской ССР. По этой причине строящийся завод испытывал некомплектность. Согласно принятой Главхимпромом технологической схеме вводились карбонизация сернистого натрия и электрофильтры, которые требовали большого объема работ, особенно по части изготовления осадительных электродов. Отсутствовала проектно-сметная документация на строительство рассолоснабжения. Не была завершена разведка месторождения соли, не исследовано ее качество, не просчитана мощность залежей. Специализированные предприятия еще не приступили к проектированию горных работ, дробильно-сортировочной установки и воздушно-канатной дороги, связывавшей завод с карьером[49].

В январе 1944 г. завод вступил в пусковой период: работали парокотельная, водоснабжение, однако технологический режим получения каустической соды затягивался, поскольку по сравнению с другими заводами он имел ряд конструктивных изменений. К началу 1945 г. с окончанием монтажа трех ферритных печей из шести, предусмотренных проектом, строительство цеха каустической соды было в основном завершено[50]. 13 марта 1945 г. цех выдал первую продукцию — товарную каустическую соду в виде декантерных щелоков[51].

В период Великой Отечественной войны Башкирская АССР стала индустриальной республикой. Так, общий объем производства машиностроения вырос за 1941–1944 гг. в 7,6 раза, доля этой отрасли в крупной промышленности возросла с 25,2 до 60 %. Быстро наращивала темпы производства электротехническая промышленность, которой до войны не было. Она, объединившая семь эвакуированных заводов, выпускала в основном военную продукцию: электрооборудование для танков и самолетов, приборы для военных кораблей, электроакустическую аппаратуру, аккумуляторные батареи; только один из этих заводов выпускал 20 типов аппаратуры связи. С пяти до двадцати предприятий в военное время увеличилась местная промышленность. Вступили в строй осевой, механический, фаянсовый, мыловаренный заводы, фабрика ширпотреба[52].

Таким образом, перебазирование на восток промышленных предприятий, материальных ценностей и населения в начале Великой Отечественной войны по своим масштабам не имеет прецедентов в мировой истории[53]. Реализация данного плана в столь грандиозных масштабах и в столь сжатые сроки стала возможной, в том числе и благодаря тому, что в годы предво-

енных пятилеток на востоке страны была создана вторая крупная индустриальная база СССР.

Примечания

[1] Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 10.

[2] Там же. С. 13.

[3] Печенкин А. А. «Сосредоточить всю полноту власти в государстве…» (создание Государственного Комитета Обороны) // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 14–22.

[4] Куманев Г. А. Указ. соч. С. 22–23.

[5] Акманов И. Г., Касимов С. Ф. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней : в 2 . Т. 2: История Башкортостана. XX век. Уфа : Китап, 2006. С. 266.

[6] Басыров Р. Р. Становление химической промышленности в Башкирии в 1930–1960-е гг. : монография. Стерлитамак : СФ МГТУ им. М. А. Шолохова. С. 161.

[7] Синенко С. Г. Глубокий тыл. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Художественно-документальное повествование. Уфа : Башкортостан, 2005. С. 90.

[8] История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2 т. Т. 1: 1917–1945. Уфа, 2004. С. 314.

[9] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 августа 1941 г. «Об утверждении военно-хозяйственного плана на 4-й квартал 1941 г. и на 1942 г.» // Башкирия в годы Великой Отечественной войны : док. и материалы. Уфа, 1995. С. 58.

[10] Нуриев З. Н. Башкирия за полвека. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1969. С. 48–59.

[11] Ганеев Р. Г., Болтушкин В. В., Кузеев Р. Г. История Уфы : крат. очерк. 2-е изд. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1981. С. 386.

[12] Синенко С. Г. Указ. соч. С. 92.

[13] Байбурина Т. Размещение эвакуированных предприятий в Уфе в годы войны. URL: http://vatandash.ru/index.php?article=1413 (дата обращения: 05.02.21).

[14] Саяпов Т. Ш. Все для фронта, все для победы! Уфа, 1975. С. 117–126.

[15] Синенко С. Г. Указ. соч. С. 92.

[16] История города Стерлитамака. Уфа : БГУ, 1994. С. 99–102.

[17] Трапезников П. Г., Сафиуллин А. З., Васильев П. Н., Иванов М. И. Бирск. Города нашей республики. Уфа : Башкнигоиздат, 1965. 72 с.

[18] Борозинец Л. Г. Белебей. К 200-летию города. Уфа : Башкнигоиздат, 1981. С. 476–477.

[19] Синенко С. Г. Указ. соч. С. 92–93.

[20] История Башкортостана… С. 268.

[21] Синенко С. Г. Указ. соч. С. 93.

[22] Аллагулова Е. М., Гавролов П. К, Назаров З. И. Энергия действия. Очерки истории акционерного предприятия «Стерлитамакский ордена Ленина станкостроительный завод им. Ленина». Стерлитамак : Гор. тип. Госкомиздата БССР, 1991. С. 10.

[23] Максимова Э. Дети военной поры. М. : Политиздат, 1988. С. 89–97.

[24] Аллагулова Е. М., Гавролов П. К., Назаров З. И. Указ. соч. С. 17–19.

[25] Там же. С. 11–12.

[26] Бикмеев М. А. Башкирия в годы Второй мировой войны 1939–1945. Уфа : БГПУ, 2000. С. 221.

[27] Ахмадиев Т. Х. Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сб. док. и материалов. Уфа : Китап, 1995. С. 51.

[28] Ядренников В. И. 50 лет истории развития треста «Стерлитамакстрой», строительного комплекса, промышленных предприятий и жилых районов города Стерлитамака (1941–1991). Стерлитамак, 2007. С. 3.

[29] Там же. С. 4.

[30] Хакимов М. Юность комсомольская моя: Очерки, документы, воспоминания о комсомоле Стерлитамака. Стерлитамак, 2007. С. 35–49.

[31] Пономарева Р., Кошелев, Л., Баранова Р., Кондратьева Н. Петровеньковцы — одна из первых страниц истории завода «Авангард» // Стерлитамак. рабочий. 2010. 26 февр.

[32] Фалькова С. Заряды для «катюш» делали в Стерлитамаке // Стерлитамак. рабочий. 2009. 6 мая.

[33] Хакимов М. Указ. соч. С. 28–32.

[34] Газизов Ф. Башкирский порох // Республика Башкортостан. 2005. 8 мая.

[35] Адуевский А. Завод в моей судьбе // Вперед. 1983. 23 февр.

[36] Фалькова С. Указ. соч. С. 3.

[37] Там же. С. 3.

[38] Фалькова С. Здесь ковалась долгожданная Победа // Вперед. 2009. 6 мая.

[39] Иргалин Г. Д, Мухаметдинов Г. Р. Башкирия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : док. и материалы. Уфа : Китап, 1995. С. 101.

[40] Там же. С. 101.

[41] Фалькова С. Указ. соч. С. 4.

[42] Асриянц Э. Фронтовой заказ // Стерлитамак. рабочий. 1975. 7 мая.

[43] Там же.

[44] Егоров А. Сталь Победы. Эвакуация // Ватандаш. 2008. № 5. С. 85–94.

[45] Басыров Р. Р. Указ. соч. С. 118–119.

[46] Ахмадиев Т. Х. Указ. соч. С. 51.

[47] Басыров Р. Р. Указ. соч. С. 111.

[48] Усманов Х. Ф., Надергулов М. Х., Янборисов М. Х. История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2 т. Т. 1: 1917–1945. Уфа : Гилем, 2004. С. 88.

[49] Басыров Р. Р. Указ. соч. С. 112.

[50] Давыдов И. В. На земле друзей. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1981. С. 128.

[51] Попов В. А., Проценко В. Г. В ногу со временем. Уфа : Скиф, 2005. С. 8–12.

[52] Дорошев И. А. Урал — становой хребет обороны // Вестн. Акад. наук СССР. 1943. № 4. С. 75.

[53] Аюпов Р. С., Минеев М. И. Указ. соч. С. 100.

А. М. Емельянов

Ленинградский авиаприборный завод в эвакуации (по документам Молотовского горкома ВКП(б))

Рассматриваются размещение эвакуированного из Ленинграда в Молотов завода № 470 и его деятельность в годы Великой Отечественной войны. Анализируются основные производственные аспекты в разные периоды времени и факторы, влияющие на них. Статья способствует представлению роли и места завода в советской авиапромышленности военного периода. Ее можно назвать неким базисом, отправной точкой для дальнейшего исследования как истории 470-го завода, так и целого ряда смежных, взаимосвязанных тем.

Ключевые слова: *завод № 470, авиаприборный завод, авиационная промышленность, эвакуация, рабочие, производственный план, Великая Отечественная война.*

В годы Великой Отечественной войны Молотовская область (ныне Пермский край) была активно включена в процесс размещения эвакуированной промышленности. В частности, в 1941–1943 гг. на территории области было развернуто свыше 30 предприятий, конструкторских бюро и научно-исследовательских институтов, эвакуированных из Ленинграда[1]. Зачастую предприятия размещались на базе местных заводов и фабрик смежного профиля, образовывали единый производственный комплекс. Таким образом удалось не только в сжатые сроки обеспечить запуск производства на новом месте, но и значительно усилить местный производственный потенциал. В годы войны в Прикамье в эвакуации находилось более 379 тыс. ленинградцев, в том числе сотрудники предприятий и их семьи[2]. Они вместе с эвакуированным оборудованием вливались в трудовые коллективы местных заводов, что позволило значительно нарастить выпуск необходимой фронту продукции.

При исследовании материалов по эвакуированным предприятиям были выявлены документы, касающиеся завода № 470 Наркомата авиационной промышленности. Это было сравнительно небольшое предприятие, однако интерес представляет его значение. Общеизвестно, например, что молотовские промышленные гиганты — заводы № 19 (авиамоторный), 33 (карбюраторный), 98 (пороховой), 172 (артиллерийский) — оставили значительный след в истории Великой Отечественной войны. Двигатели, выпускавшиеся

на заводе № 19 — это десятки тысяч истребителей и бомбардировщиков, созданных советской авиационной промышленностью в годы войны. Но самолет — это не просто мотор с крыльями. Летчику необходимо знать множество физических показателей, от скорости и высоты полета до температуры масла и остатка топлива в баке. Именно для этого нужны пусть небольшие, но от того не менее важные авиаприборные заводы.

В основе данного исследования лежат документы Молотовского горкома ВКП(б), хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ) и касающиеся непосредственно завода № 470. Их объем и содержание достаточны для создания общей картины и проведения первичного исследования. Данную статью можно охарактеризовать как базу для проведения дальнейших изысканий по истории завода № 470 в годы Великой Отечественной войны. Например, в фондах ПермГАСПИ хранятся документы Ленинского райкома ВКП(б), к которому территориально принадлежал завод, а также документы первичных партийных организаций. Это обширная источниковая база, позволяющая в будущем более детально рассмотреть различные стороны жизни авиаприборного завода в Молотове.

Согласно справочным данным, эвакуированный в Молотов авиаприборный завод ведет свою историю от ленинградского завода «Метеоприбор», который в 1937 г. был переименован в завод № 224, а в 1939 г. передан в ведение Наркомата авиационной промышленности. Он производил аэронавигационное и метеорологическое оборудование, в том числе высотомеры, высотописцы и ветромеры. В 1941 г. 80 % мощностей завода № 224 было эвакуировано в Молотов и размещено в учебном корпусе авиационного техникума, часть завода эвакуировалась в Казань, небольшая часть оборудования и сотрудников осталась в Ленинграде. Заводом № 224 по-прежнему считалось производство в Ленинграде, а эвакуированная часть в Молотове — филиалом[3]. Важным документом, дающим представление о становлении завода на новом месте, является докладная записка парторга ЦК ВКП(б) на заводе № 470 Абросимова в Молотовский горком ВКП(б), написанная в начале 1943 г.: «Завод № 470 создан как самостоятельный в апреле 1942 г. на базе части эвакуированного завода № 224 в Ленинграде. Завод прибыл в г. Молотов тремя эшелонами в июле и в августе 1941 года, а в сентябре филиал завода № 224 в г. Молотове работал на полную мощность»[4]. На основании этого можно сделать вывод, что эвакуация завода была организована на высоком уровне и прошла вполне успешно.

Несколько сложнее обстояли дела с размещением предприятия в Молотове. Два трехэтажных здания авиационного техникума с прилегающей территорией, переданные заводу, располагались в Ленинском районе города, в квартале улиц Луначарского, Максима Горького, Большевистской (ныне Екатерининская) и 25-го Октября, в трех кварталах от Пермского театра оперы и балета. Основными проблемами, которые пришлось решать руководству завода и города, стали нехватка площадей и отрыв от железнодорожного и речного транспорта. Особенно острыми эти вопросы стали в 1942 г., когда из-за потерь в авиации начался рост производственных планов. Если в 1941 г. завод занимал 7720 кв. м производственных площадей на базе авиатехникума, то в 1942 г. по решению Наркомата авиации

от завода № 19 были переданы заводу № 470 два производственных корпуса, один из которых к началу 1943 г. был целиком освоен и находился в эксплуатации, а второй был частично занят и в большей части капитально ремонтировался. Всего за 1942 г. площади завода выросли до 11 280 кв. м, было обеспечено расширение парка станочного оборудования[5]. С другой стороны, такое решение усугубило транспортную проблему. Теперь завод был фактически разделен на две части, находившиеся в разных районах города, на расстоянии порядка 5 км друг от друга. В условиях дефицита топлива и ограниченности в грузовом транспорте снабжение завода ресурсами и вывоз готовой продукции время от времени затруднялись.

Говоря о роли завода в авиационной промышленности, необходимо разобраться с вопросом о типах и количестве выпускаемой продукции. В основном в документах встречаются шифры выпускаемых изделий, которые без обращения к специальной литературе не дают представления о том, что это за приборы и для чего они используются. Например, в информации о производственных показателях, достигнутых в социалистическом соревновании за переходящее знамя Северо-Западного фронта по заводу № 224, приводятся следующие данные:

> План февраля 1942 г. по приборам АР-12, АР-35, АС-28 перевыполнен. Прибор 556 — увеличен выпуск в 2 раза.
>
> Рационализация и замена дефицитных материалов:
>
> – мастер инструментального цеха № 4 т. Полезин обеспечил к 20 февраля изготовление 5 пресс-форм вместо 4 по обязательству. Они предназначены для изготовления лимбов из аминопласта вместо дюралюминия.
>
> – рабочий того же цеха т. Стекар выполнил задание по проточке корпусов, дав перевыполнение норм на 500 %.
>
> – рабочий цеха № 5 т. Крыжко перевыполнил задание на 60 %. Рабочий цеха № 9 т. Зуров на обточке колец перевыполнил боевое задание, достигнув выполнения нормы на 500 %.
>
> Несмотря на это, план февраля по товарным изделиям остался невыполненным, выполнение составило 76,6 %.
>
> Причиной невыполнения плана февраля по приборам 516, 591 и 556 является позднее получение стекла и светосостава. По прибору 111 — отсутствие агатовых камней (до сих пор даже не приступили к сборке этого прибора)[6].

В дальнейшем в документах появляются и другие шифры приборов: АР-31, 038[7], КП-12[8], АС-30[9], 084[10]. Тем не менее в партийных отчетах удалось обнаружить собственно названия приборов. В 1943 г. завод выпускал указатели скорости, вариометры, трубки Пито (деталь для датчиков воздушного давления в спидометрах и высотомерах)[11], а также высотомеры, манувакуумметры, индикаторы и коробки для кислородных приборов[12]. Но и это далеко не полный перечень изделий, производимых заводом. Согласно «Обсуждению первомайского приказа т. Сталина» от 7 мая 1943 г., коллектив завода № 470 брал на себя обязательство к Дню авиации (18 августа) дать сверх плана 3360 изделий, необходимых для оснащения восьми авиационных полков[13]. Согласно штату 015/284 от 23 ноября 1942 г.,

истребительный авиаполк состоял из 32 боевых самолетов[14]. Получается, что завод обязался обеспечить сверхплановое оснащение 32 × 8 = 256 истребителей. Таким образом, на один самолет ставилось 3360 / 256 = 13 различных авиационных приборов, выпускавшихся на 470-м заводе. Конечно, это лишь предположение, ведь большая часть приборов ставилась на все типы самолетов, будь то истребители, штурмовики или бомбардировщики. Штаты разных типов авиаполков также, безусловно, отличаются. Тем не менее данная гипотеза способствует лучшему пониманию роли небольшого, узкоспециализированного предприятия в системе авиационной промышленности.

Большая часть перечисленных выше авиационных приборов ставилась в серийное производство на заводе уже после эвакуации, в 1941–1944 гг. Дополнительной сложностью стал постоянно растущий объем производственной программы, который в 1943 г. почти вдвое превышал программу 1942 г., а с момента эвакуации вырос в три раза[15]. На мой взгляд, наиболее содержательную оценку этим процессам дал парторг 470-го завода Абросимов в начале 1943 г.: «Следует отметить, что завод, освоив пилотажную продукцию, приобретает исключительно важное значение в снабжении авиаприборами самолетостроительных заводов, отсюда выпуск авиаприборов не должен отставать от неуклонно растущего выпуска самолетов заводами Советского Союза»[16].

Выполнение заводом производственных планов — отдельная, довольно интересная тема. В некоторой степени картину, которую позволяют сформировать рассматриваемые документы, можно назвать характерной, причем не только для отдельных предприятий, но и во многом для советской экономики военных лет. Из-за сбоя в работе одного завода могла пострадать вся производственная цепочка, что, в свою очередь влекло за собой те или иные проблемы в обеспечении фронта всем необходимым.

Выше уже упоминались проблемы с производством в начале 1942 г. — выполнение плана лишь на 76,6 % в связи с несвоевременной поставкой на завод стекла, светосостава и агатовых камней[17]. Заводу удавалось периодически исправлять эту ситуацию, достигая, например, показателей 101–102 % в мае — июне 1942 г. и третьего места во Всесоюзном соревновании работников авиационной промышленности[18]. В целом информация о выполнении планов 1942 г. приведена в политинформации по заводу № 470 от 13 января 1943 г.: «По подавляющему большинству изделий (111, 556, 591, АР-31, АР-35, АР-12, АС-28) план сдачи готовой продукции перевыполнен. По изделию 516 в течении 1 полугодия из-за технических неполадок план не выполнялся. Во 2 полугодии задолженность не покрыта. По изделию 038 слабая техническая оснастка, задел недостаточен. План не выполнен»[19].

Квартал	**Выполнение плана, %**	**К I кварталу 1942 г., %**
Валовая продукция (103,7 % годового плана)		
I	87,2	100
II	100,4	127,8
III	112,9	161,8
IV	100,7	160,3

Товарная продукция (101,8 % годового плана)		
I	90,6	100
II	101,9	142,8
III	106,4	166,1
IV	104,6	180,1
Сдача готовой продукции (100,6 % годового плана)		
I	88,9	100
II	101,5	146,3
III	105,3	169,5
IV	101,6	180,9

Эти данные, по большому счету, не дают полного понимания глубины проблем завода и их причин. В связи с этим хотелось бы привести более интересный документ, в котором гораздо подробнее раскрывается противоречие выполнения планов и одновременного провала производства некоторых изделий. 24 января 1943 г. был составлен отчет «О партийной работе парторганизации завода № 470 НКАП», в котором прямо сообщалось и об успехах, и о целом ряде проблем, которые испытывало производство:

…В течение второго полугодия 1942 г. завод успешно выполняет производственную программу из месяца в месяц, за что был награжден пять раз третьей правительственной премией и один раз второй премией.

Выполнение программы по готовой продукции в 1942 г. составило 100,6 %.

<…>

Крупнейшими недостатками производства являются:

1. Чрезвычайно большой брак деталей и готовой продукции. Брак значительно превышает плановые нормативы.

Причинами брака являются:

1) Слабая работа по производственному обучению и воспитанию молодых рабочих.

2) Распущенность и безответственность в технологическом процессе производства.

3) Недостаточная трудовая дисциплина.

4) Недостатки материально-технического снабжения и в связи с этим внедрение некачественных заменителей. (В ноября месяце был запущен в производство непроверенный материал для корпусов прибора, оказавшийся негодным. В результате 3500 корпусов оказались браком. Корпуса уничтожены и т. д.)

5) Недостатки партийно-массовой работы в цехах завода по борьбе с браком.

2. Невыполнение заводом плана по номенклатуре изделий.

Завод за 1942 г. недодал ВВС Красной армии несколько десятков тысяч указателей скорости, вариометров и трубок Пито.

Программа перевыполнялась за счет других, более освоенных изделий.

<…>

4. Большой перерасход заводом ряда дефицитных материалов.

Например: фосфористой бронзы, стали серебрянки, стекла, латуни и других материалов израсходовано примерно вдвое больше чем предусмотрено нормами.

Причины: Чрезмерный брак деталей.

5. Недопустимая грязь в производственных помещениях и на рабочих местах[20].

Фактически на протяжении 1942 г. на 470-м заводе мы наблюдаем следующую картину. Эвакуированный завод развернут на слабо подходящей площадке с отрывом от крупной транспортной инфраструктуры, что само по себе закладывает определенные трудности со снабжением. У завода возникают перебои с поставкой производственного сырья, особенно это касается дефицитных материалов, что в свою очередь влечет за собой периодические провалы в выполнении производственной программы. Даже в те периоды, когда завод выполняет план, происходят сбои по некоторым отдельным типам производимых изделий, а сам технологический процесс распределен неравномерно в рамках временны́х периодов. Дефицит как рабочей силы в целом, так и квалифицированных специалистов в частности, влечет за собой высокий процент брака и перерасход ресурсов. Дефицит рабочей силы обусловлен двумя факторами: эвакуацией завода из Ленинграда в Молотов и мобилизацией на фронт. Несколько подробнее эти вопросы будут рассмотрены ниже.

Вернемся к изучению объемов производства на заводе в 1943–1945 гг. По итогам марта 1943 г., завод практически удвоил объемы производства в сравнении с показателями декабря 1942 г., а всего за первый квартал рост составил 67 % по сравнению с четвертым кварталом 1942 г.[21] В первую очередь это обусловлено началом постепенного роста объемов производства в авиационной промышленности СССР в целом. Тем не менее проблемы не были решены коренным образом, и в дальнейшем мы видим, что майскую программу завод выполнил полностью[22], а июльскую — только на 74,5 %[23]. В августе 1943 г. завод план вновь выполнил[24], в сентябре — даже перевыполнил[25]. Вместе с тем не было обеспечено выполнение ряда обязательств коллектива завода по сокращению брака и росту экономии дефицитных материалов, а также по сверхплановому выпуску ряда изделий[26].

Показатели выполнения производственной программы в 1944 г. выглядят более стабильно, план выполнялся практически каждый месяц, за исключением июля[27]. Однако стабильное выполнение месячного плана не означает стабильности работы на протяжении всего месяца:

...Завод недополучает алюминий и латунь, так как под них железная дорога не дает вагонов и приходится вывозить буквально частями, что не дает возможности производству нормально загрузить оборудование, отсюда простои и штурмовщина. <...>

Все время ощущается большой недостаток в таких материалах как:

– светопорошок;
– бензин;
– стекло;
– камни агатовые;

– кислоты азотная и соляная.

Особенно лимитирует производство светопорошок и кислота, из-за недостатка этих материалов программа июня чуть не была сорвана[28].

Факт изменения такого хода работы отмечен в докладной «Об итогах предоктябрьского соревнования предприятий Ленинского района» от 11 ноября 1944 г.: «…в октябре завод впервые работал ритмично: 1 декада — 34,5 %, 2 декада — 33,7 %, 3 декада — 31,8 %»[29]. Из этого можно сделать вывод, что с момента эвакуации до полной отладки стабильного производственного процесса заводу понадобилось ровно три года. При этом в конце 1944 г. был начат процесс реэвакуации завода в Ленинград, что повлекло новые сложности, необходимость вновь налаживать работу на новом месте. Однако в условиях конца войны это уже не было столь критично, как в тяжелые для страны и промышленности 1941–1942 гг.

Одним из важнейших факторов работы завода является его коллектив. Занимаясь поиском и анализом документации, было сложно оценить конкретную численность коллектива. Оценочным ориентиром можно было назвать число порядка 1–1,5 тыс. человек. Это предположение основывается на следующих данных:

– на 24 января 1943 г. в партийной организации завода состояло 147 коммунистов[30], что можно оценить как 10 % от общей численности коллектива;

– в марте 1943 г. от рабочих завода поступило 121 заявление на вступление в Уральский добровольческий танковый корпус, было зачислено 15 человек[31]. Количество поданных заявлений также можно оценивать в пределах 10 % от числа всех рабочих завода.

В дальнейшем все же удалось обнаружить точные количественные и качественные данные о рабочих завода № 470. После эвакуации предприятия его коллектив составляли 728 человек, в 1942 г. штат увеличился до 1851 человека[32]. На заводе работали в том числе и подростки: например, в документах упоминается заявление 15-летней работницы цеха № 5 о вступлении в ряды ВЛКСМ[33]. На январь 1943 г. свыше 60 % коллектива составляли женщины, 50,5 % рабочих имели стаж работы на заводе менее года, 36,4 % — от года до трех, и только 13 % работников предприятия (порядка 240 человек) работали на нем более трех лет[34]. Именно последнее число дает нам понимание о количестве квалифицированных специалистов, а его соотношение с общим числом рабочих объясняет многочисленные проблемы, связанные с браком, перерасходом материалов, недостаточной подготовкой рабочих мест и т. д. При анализе информации, связанной непосредственно с рабочим коллективом, нельзя обойти стороной такое явление, как нарушение трудовой дисциплины. Эта тема, безусловно, требует отдельного детального освещения. Отмечу лишь один характерный факт: в 1942 г. за нарушения трудовой дисциплины под суд были отданы 108 человек, уволены четверо, выговор получили 168, поставлено на вид 90 работникам[35]. Таким образом, различные взыскания получили 370 человек — порядка 20 % коллектива работников 470-го завода.

Последнее, что хотелось бы рассмотреть, говоря о трудовом коллективе завода, — изменение качества рабочих. Завод имел довольно тесные

связи и с авиационным техникумом, и со своим «старшим братом» — заводом № 19. Это давало возможность находить необходимые кадры и ресурсы для обучения работников, которые, напомню, в большем числе были на заводе людьми новыми, к тому же в коллективе было много подростков. Поэтому необходимо без преувеличений оценивать уровень их технической грамотности и опыта. При периодических провалах с выполнением плана на заводе одной из причин наряду с нехваткой электроэнергии, материалов и вспомогательного инструмента является недобор рабочей силы и снижение средней квалификации рабочих[36]. В 1943–1944 гг. стали активно применяться меры для повышения квалификации рабочих и роста эффективности их труда. Например, в 1943 г. были обучены 714 новых рабочих и учеников рабочих[37], а по итогам первого полугодия 1944 г. индивидуальное бригадное обучение прошли 126 человек, курсы повышения квалификации — 85, стахановские школы — 92 человека, был создан также специальный семинар для мастеров завода[38].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать следующее. Небольшой (по количеству оборудования и рабочих) завод авиационной отрасли был эвакуирован в сжатые сроки и расположен на неподходящей под промышленное производство площадке в силу острой необходимости. При этом нарушились старые ресурсоснабжающие связи завода, на новом месте пришлось выстраивать новые связи. Дефицит материалов, энергии, квалифицированных кадров серьезно усугублял положение. Тем не менее руководству и партийному активу завода при поддержке районных и городских властей, а также Наркомата авиационной промышленности удалось постепенно создать крепкую, функционирующую почти без сбоев систему. Завод, будучи оборонным, одним из нескольких авиаприборных заводов в СССР, имел важнейшее для страны и армии значение, что подтверждается многими документами и приведенными выше фактами и рассуждениями. Изучение истории завода № 470 в годы войны тесно перекликается и с другими важнейшими темами, такими как эвакуация промышленности, авиационная промышленность, электроэнергетика Прикамья в военное время, быт и труд рабочих оборонных заводов и т. д. Данная статья позиционируется как вводное исследование, позволяющее в дальнейшем развивать как более детальное и глубокое изучение истории 470-го завода в различных ее аспектах, так и связь этой истории с вышеуказанными темами.

Примечания

[1] База данных промышленных предприятий, эвакуированных в Молотовскую область в период Великой Отечественной войны // Единый Пермский общекраевой банк информации по Великой Отечественной войне. URL: https://www.permgaspi.ru/db/evacuation/ (дата обращения: 11.02.2021).

[2] Бортник Л. С. Ленинград — Пермь, Пермь — Ленинград (60-летию снятия блокады с Ленинграда посвящается) // Федер. вестн. Прикамья. 2005. № 1.

[3] Оборонпром : сайт по истории оборонных предприятий СССР. URL: https://oboron-prom.ru/page,28,predpriyatiya-201-250.html (дата обращения: 11.02.2021).

[4] ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 285. Л. 59 — 59 об.

[5] Там же.

[6] Там же. Д. 202. Л. 177–178.

[7] Там же. Д. 301. Л. 85.

[8] Там же. Д. 208. Л. 27.

[9] Там же. Д. 375. Л. 278.
[10] Там же. Д. 377. Л. 211.
[11] Там же. Д. 208. Л. 27 — 27 об.
[12] Там же. Д. 285. Л. 59 — 59 об.
[13] Там же. Д. 301. Л. 44.
[14] Анохин В., Быков М. Все истребительные авиаполки Сталина: Первая полная энциклопедия. М. : Яуза-пресс, 2014. 944 с.. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/anohin-vladimir-aleksandrovich/vse-istrebiteljnie-aviapolki-stalina-pervaya-polnaya-enciklopediya (дата обращения: 13.02.2021).
[15] ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 285. Л. 59 — 59 об.
[16] Там же.
[17] Там же. Д. 202. Л. 178.
[18] Там же. Л. 67.
[19] Там же. Д. 301. Л. 85 — 85 об.
[20] Там же. Д. 208. Л. 27 — 27 об.
[21] Там же. Д. 301. Л. 64.
[22] Там же. Л. 106.
[23] Там же. Л. 26.
[24] Там же. Л. 73.
[25] Там же. Л. 67.
[26] Там же. Л. 73.
[27] Там же. Д. 375. Л. 29, 86, 95, 134, 180, 258, 262а.
[28] Там же. Д. 377. Л. 200.
[29] Там же. Л. 188.
[30] Там же. Д. 208. Л. 27 об.
[31] Там же. Д. 301. Л. 11.
[32] Там же. Д. 285. Л. 59 — 59 об.
[33] Там же. Д. 301. Л. 11.
[34] Там же. Л. 85–85 об.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 101–102.
[37] Там же. Д. 375. Л. 278.
[38] Там же. Д. 377. Л. 191–192.

Х. Б. Бабаджанов

Ташкентская железная дорога в 1941–1945 годах

На основе научной литературы, материалов периодических изданий и архивных документов освещена жизнь и трудовые подвиги железнодорожников Узбекистана в 1941–1945 гг. Ташкентская железная дорога имела важное значение в переводе экономики Узбекистана и других республик Средней Азии на военные рельсы, так как обслуживала почти четыре республики региона. В 1941–1945 гг. Ташкентская железная дорога перевезла с запада СССР в Среднею Азию сотни заводов и миллионы эвакуированных граждан.

Ключевые слова: *железная дорога, транспорт, перевозки, война.*

В республиках Средней Азии железные дороги считались основным видом транспорта, который связывал этот регион с другими частями СССР. История строительства железных дорог в Средней Азии берет свое начало с конца XIX — начала XX в. Строительство железных дорог в Средней Азии началось с юга, с берегов Каспийского моря и расширилось до Бухары, Самарканда, Ташкента и Ферганской долины. Железная дорога Ташкент — Оренбург была построена в 1906 г. А в 1930-х гг. была построена вторая железная дорога — Транссибирская, которая соединила Среднюю Азию и Западную Сибирь.

В состоянии нехватки качественных автомобильных дорог железнодорожный транспорт имел важное экономическое значение для региона. И роль железнодорожного транспорта возросла с первых дней войны. Одной из основных магистралей в Средней Азии была Ташкентская железная дорога. В сфере ее обслуживания находились 11 областей, входивших в состав четырех союзных республик[1], что создавало дополнительные трудности в руководстве огромной транспортной сетью. Ташкентская железная дорога входила в список основных железных дорог СССР[2].

Для нужд фронта был мобилизован весь транспорт. Железные дороги переведены на военное положение и освоили особый военный график движения поездов, предусматривающий первоочередное продвижение войск и военных грузов. Был принят ряд мероприятий, направленных на обеспечение бесперебойной работы транспорта, четкое продвижение поездов при перевозке эвакуированных людей и материальных ценностей и доставке на фронт необходимого вооружения, боеприпасов, продовольствия и т. д.

Особую трудность представляла погрузка тяжелого оборудования и перевозка его на места строительных площадок. Для этого требовалось много вагонов. Например, Харьковский завод «Электростанок» прибыл в Бухару в 77 вагонах, Ивантеевская фабрика, эвакуированная в Коканд, — в 112 вагонах[3]. Оборудование одного из заводов, эвакуированного в Ташкент, прибыло в 18 эшелонах, в каждом из которых было по 100 вагонов[4].

Республике нужна была бесперебойная робота железных дорог, но запчастей для паровозов и качественного топлива систематически не хватало. Перестройка работы транспорта на военный лад потребовала максимального использования внутренних резервов. Ремонтники осваивали производство различных деталей и запасных частей из местных материалов, совершенствовали станции и механизмы.

Но иногда самодеятельность и незнание технологий ремонта и эксплуатации техники в среднесрочной перспективе приводили к поломке техники. Например, в годы войны ширились движения за безремонтный пробег паровозов, сокращение расхода топлива, увеличение веса поездов, отапливание паровозов любыми видами топлива. Такое отношение к технике приводило к частым поломкам и быстрому расходу ресурса паровозов.

Второй проблемой железных дорог был дефицит квалифицированных кадров. В связи с уходом на фронт большинства опытных рабочих на помощь железнодорожникам пришли ветераны и женщины, которые овладевали профессиями машинистов, помощников машинистов, работали проводниками, начальниками и помощниками начальников станций. Несмотря на трудности, они выполняли план по технической скорости, восстановлению ранее исключенных из инвентаря вагонов.

Ускоренное развитие промышленного производства в 1942–1943 гг. требовало значительного усиления работы транспорта (в первую очередь железнодорожного). Предстояло выполнить огромный объем работ, для того чтобы обеспечить нужды фронта и тыла. В эти годы началось строительство крупных промышленных предприятий и электростанций. Перевозки для важных для экономики объектов, таких как Фархадская ГЭС, Узбекский металлургический завод и другие новостройки, необходимо было выполнять не в ущерб основному государственному плану. Для этого нужно было мобилизовать все средства и резервы, учесть ошибки, допущенные в 1942 г., и превратить Ташкентскую дорогу в передовую магистраль страны.

Несмотря на выполнение многими отделениями, депо и станциями Ташкентской железной дороги производственных планов, положение все еще оставалось тяжелым. Участились аварии, ослабла трудовая дисциплина (увеличилось количество прогулов), отмечалась большая текучесть кадров (особенно среди женщин), в том числе руководящих. Эти проблемы решались в основном административными методами. Большую роль в улучшении работы железной дороги страны, в том числе и нашей республики, сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на железных дорогах Советского Союза», в котором постановлялось, что работники железнодорожного транспорта на период войны считаются мобилизованными и наравне с военнослужащими должны нести строгую ответственность за должностные нарушения[5]. Вслед

за указом был утвержден «Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта СССР».

С этого времени стало уделяться внимание материальной и нематериальной мотивации рабочих транспорта. Так, на основании приказа № 577 от 14 октября 1943 г. были увеличены нормы снабжения железнодорожников и учеников железнодорожных школ. Например, суточная норма хлеба для железнодорожников станций 3-й категории увеличилась до 650 г, а для учеников — до 300 г[6]. В целях улучшения работы транспорта был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1943 г. «О введении персональных званий и новых знаков различия для личного состава железнодорожного транспорта»[7]. Это позволило поднять авторитет командиров на транспорте, внести ощутимые перемены в уклад внутренней жизни железнодорожников. В результате этих мероприятий число рабочих и служащих на Ташкентской железной дороге в 1943 г. увеличилось. Так, если в 1941 г. здесь работали 47 тыс. человек (из них 5284 женщины), то в 1943 г. — уже 50 тыс. (в том числе 13 857 женщин)[8].

К началу 1944 г. возросла нагрузка на транспортную систему СССР. Заметно увеличились перевозки людей и грузов из глубокого тыла в освобожденные от оккупантов районы страны, причем и в экономическом, и в политическом отношениях реэвакуация на запад имела не меньшее значение, чем эвакуация на восток в 1941–1942 гг. Особенность обстановки заключалась также и в том, что к 1944 г., когда резко возросла потребность в перевозках, автомобилей стало катастрофически не хватать (к тому же многие из них были сильно изношенными). Поэтому вся тяжесть перевозок вновь легла на железные дороги. Это предопределялось тем, что образовавшийся в первый период войны, в основном в результате эвакуации промышленных предприятий и населения в восточные районы страны, избыток вагонов к 1944 г. был ликвидирован, и теперь Ташкентская, как и ряд других железных дорог тыла, испытывала в них недостаток. Здесь при норме 11 842 вагона к началу 1944 г. вагонный парк сократился до 6775 вагонов, то есть почти вдвое[9]. Многие старые паровозы и вагоны заново ремонтировались.

В целом надо отметить, что коллектив Ташкентской железной дороги, с честью выполняя все задания, самоотверженно работал по перевозке грузов для фронта и народного хозяйства республики. Так, за период войны работники дороги организовали 49 специальных формирований, в том числе 14 военно-санитарных поездов, два поезда по восстановлению водоснабжения, мостопоезд, четыре восстановительных летучки связи, три паровозоремонтных поезда, и вагоноремонтных колонны, два бронепоезда[10] и т. д. В результате произведенных работ по усилению пропускной способности Ташкентская железная дорога справилась с мощным потоком перевозок и обеспечивала успешное продвижение воинских, оборонных и народнохозяйственных грузов.

Примечания

[1] Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : в 3 т. Т. 1. Ташкент : Фан, 1981. С. 112.

[2] ЦГАРУз. Ф. 91. Оп. 8. Д. 310. Л. 24.

[3] Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны… Т. 1. С. 115.

[4] Голованов А., Саидов Н. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом : в 2 ч. Ч. 2. Самарканд : СамДУ, 2006. С. 8.
[5] Правда. 1942. 17 апр.
[6] ЦГАРУз. Ф. 91. Оп. 8. Д. 310. Л. 20.
[7] Правда Востока. 1943. 8 сент.
[8] Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны... Т. 2. Ташкент : Фан, 1983. С. 54.
[9] Там же. Т. 3. Ташкент : Фан, 1985. С. 98.
[10] Там же. С. 102.

Н. Б. Хотамов

Промышленность Таджикистана в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Таджикистан был в составе Советского Союза, считающегося общим домом для всех народов страны. Поэтому Таджикистан с первых дней войны мобилизовал людские и экономические ресурсы для обороны Страны Советов. В частности, промышленность республики за короткий срок была перестроена на военный лад. В начале войны в Таджикистан было эвакуировано около 30 промышленных предприятий. В результате он превратился в надежную базу фронта, поставщика различной промышленной продукции.

Ключевые слова: *Советский Союз, Таджикистан, Красная армия, промышленность, промышленные товары, народ, экономика, сырье, эвакуация, мобилизация.*

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. Отечественная — для всех народов бывшего Советского Союза, который считался общим домом. Уже 24 июня в газете «Правда», которая являлась органом ЦК ВКП(б) (в то время единственной господствующей партии страны) в обращении к народам Советского Союза было подчеркнуто: «Мы знаем, что победа над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимся в нашу страну, будет трудна и потребует от нас немало жертв… Победа зависит от нас самих — от нашей самоотверженности, от нашей дисциплинированности, от продуктивности нашего труда, от нашей организованности, от нашей готовности жертвовать всем для достижения победы»[1].

На примере таджикистанцев мы видим самоотверженность, дисциплинированность, продуктивность их труда, организованность для достижения победы. Именно для этого с первых дней войны вся наша страна перешла от мирного социалистического строительства на режим работы военного времени под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!»[2]

16 августа 1941 г. были изложены конкретные обоснованные мероприятия по переводу народного хозяйства Советского Союза на военные рельсы. В связи с тем что в то время фашистской Германией и ее союзниками уже были заняты территории Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, некоторые области Российской Федерации в военно-хозяйственном

плане Советского Союза в четвертом квартале 1941 г. и на 1942 г., утвержденном СНК СССР и ЦК ВКП(б), были изложены конкретно обоснованные мероприятия по переводу народного хозяйства районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии на потребности военного времени[3].

Упомянутые мероприятия коснулись и Таджикской ССР. Они в республике осуществлялись по следующим направлениям:

1. Пересмотр номенклатуры выпускаемых промышленностью республики изделий, изменение технологии ряда производства при полном или частичном сокращении выпуска гражданской продукции, максимальное увеличение производства нового ассортимента в соответствии с потребностями фронта.

2. Прием и размещение на территории республики оборудования эвакуированных фабрик и заводов.

3. Форсированное строительство новых промышленных мощностей.

4. Подготовка новых кадров для всех отраслей народного хозяйства и в первую очередь для промышленности.

5. Эффективное использование транспортной системы республики.

6. Мобилизация трудовых и материальных ресурсов сельского хозяйства на обеспечение потребностей армии, обеспечение развития сельскохозяйственного производства, в том числе увеличение посевов зерновых и технических культур.

7. Направление творческой деятельности интеллигенции на решение неотложных военно-хозяйственных задач[4].

Военная экономика Таджикистана создавалась с учетом отраслевой структуры, сложившейся в довоенные годы. В республике имелись необходимые предпосылки для дальнейшего развития легкой, пищевой, местной и кооперативной промышленности, а также значительного увеличения добычи угля, нефти и дефицитных для военной промышленности цветных и редких металлов. Главное внимание уделялось тем производствам, продукция которых шла непосредственно для снабжения действующей армии: хлопчатобумажному, швейному, кожевенно-обувному, консервному, маслобойному, плодоовощному и др.[5]

К началу войны только в Сталинабаде (ныне Душанбе) имелось 20 промышленных предприятий[6]. С первых дней войны промышленные предприятия республики, которые выполняли военные заказы, досрочно выполняли полученные обязательства. В частности, механический завод им. С. Орджоникидзе, в то время один из ведущих заводов Душанбе, получил военный заказ: рабочим было поручено произвести срочный ремонт 180 автомобилей марки ГАЗ-АА, часть из которых нужно было переоборудовать в санитарные и топливоцистерны спецмашины. Этот заказ был выполнен досрочно. Кроме того, на этом заводе для изготовления корпусов для снарядов, мин и ручных гранатов силами коллектива завода был построен новый литейный цех, поскольку для этого требовалось много литья[7].

Разумеется, с ростом производства промышленной продукции военного назначения резко возросла потребность в снабжении оборонной промышленности не только республики, но и Советского Союза такими редкими и цветными металлами, как молибден, вольфрам, сурьма, мышьяк,

висмут, олово и др. В связи с этим в Таджикистане началась форсированная разработка месторождений редкоземельных металлов. В результате с полной нагрузкой стали работать рудники Чорух-Дарон, Майхура, Адрасман, Такоб и др. Налаживалось производство свинцово-цинкового, мышьякового, и вольфрамового концентратов[8]. В горах Памира и Гиссара работали строители, добывая вольфрам, сурьму, олово, свинец, цинк, мышьяк, горный хрусталь. За три военных года в Таджикистане в десять раз увеличилась добыча вольфрама и олова[9].

В Таджикистане в условиях войны была построена узкоколейная железная дорога на участке Нижний Пяндж — Курган-Тюбе (ныне Бохтар). С конца 1941 г. стали курсировать поезда Душанбе — Курган-Тюбе. В 1943 г. началось строительство узкоколейной железной дороги от Душанбе в направлении Зидды[10].

Естественно, ритмичное функционирование промышленных объектов, которые выполняли военные заказы, зависело от обеспечения углем и электроэнергией. В частности, в результате прекращения завоза угля из западных районов страны, которые были оккупированы врагом, в среднеазиатском регионе сложилась тяжелая ситуация с топливоснабжением. Добываемого в Таджикистане угля было недостаточно для обеспечения всех нужд народного и коммунального хозяйства. Для удовлетворения потребностей только одной промышленности в 1941 г. необходимо было 80 тыс. т твердого топлива, 13 тыс. т жидкого топлива и горючего. Чтобы доставить в республику столько топлива, потребовалось бы более 5 тыс. железнодорожных вагонов и свыше 900 цистерн. В условиях войны это было практически невозможно. Поэтому нужно было максимально сократить потребление привозного топлива[11].

Важной задачей в годы войны считалась и проблема укрепления энергетической базы промышленности и социально-культурных нужд. В связи с этим еще 20 декабря 1942 г. была создана правительственная комиссия для контроля строительства первой очереди Хорогской ГЭС. Были мобилизованы трудящиеся на строительство второй очереди Нижневарзобской ГЭС[12]. Советское правительство, несмотря на трудности того времени, сочло возможным выделить необходимые средства для строительства этих объектов. В частности, по инициативе Наркомата электростанций СССР в республике было образовано управление по строительству Нижневарзобской ГЭС — Варзобстрой. В Таджикистане именно с этого времени началось планомерное развитие электроэнергетики, систематическое освоение гидроэнергетических ресурсов[13].

Сооружение Нижневарзобской ГЭС с проектной мощностью 13,1 кВт началось 20 мая 1943 г. Ввод ее в эксплуатацию намечался на конец 1944 г. Из-за отсутствия техники, которая была мобилизована на фронт, основную работу выполняли местные труженики, в частности 5500 колхозников из Гармской, 4400 — из Кулябской, 7000 — из Сталинабадской областей. Мобилизованным рабочим приходилось работать в основном лопатами и кирками[14].

В 1943 г. в республике началось строительство гидроэлектростанций, и несмотря на трудности военного времени, государство выделило на строительство ГЭС в Ура-Тюбе, Нау, Курган-Тюбе, Кировабаде, Комсомолабаде и Кулябе 950 тыс. руб.[15] Руководство строительством ГЭС методом народной

стройки осуществлял Народный комиссариат коммунального хозяйства Таджикской ССР. Таким образом, при активном участии трудящихся городов и райцентров за короткий срок были построены коммунальные гидроэлектростанции, сыгравшие важную роль в укреплении тыла, повышении экономики и культуры республики.

В результате в условиях Таджикистана многие промышленные предприятия переключились на выпуск товаров, которые были необходимы фронту. В частности, шелкомотальная фабрика производила шелк для парашютов и медицинских нужд, швейные фабрики изготавливали обмундирование, а обувные — обувь армейского образца. Механический завод им. С. Орджоникидзе выполнял заказы по производству вооружения и военного снаряжения. Мясоконсервные и консервные комбинаты выпускали мясные, овощные и фруктовые консервы для действующей армии[16].

Быстрому темпу развития промышленности республики в годы войны большой толчок дала эвакуация значительного числа промышленных предприятий из прифронтовой полосы. Уже в первый период войны в Таджикистан было эвакуировано около 30 промышленных предприятий. Они были размещены и преобразованы главным образом в Сталинабаде и Ленинабаде. В частности, на основе прибывшего оборудования консервных заводов «1 мая» из Одессы и «Красный Перекоп» из Феодосии была расширена консервная промышленность Ленинабадской области: в Ленинабаде, Исфаре, Канибадаме и Костакозе. В результате значительно увеличилась производственная мощность действующих предприятий. Например, Канибадамский консервный комбинат, созданный на базе эвакуированного оборудования, организовал цех по выпуску мясных консервов мощностью 36 тыс. условных банок в сутки; Ура-Тюбинский консервный завод создал фруктоварочный цех мощностью 500 банок в сутки[17].

Что касается эвакуированного оборудования прядильно-ткацких фабрик, то все оно было сконцентрировано на строящемся хлопчатобумажном комбинате в Сталинабаде и на Ленинабадском шелкокомбинате. Только на Сталинабадском хлопчатобумажном комбинате начался срочный монтаж 66 прядильных машин.

Республика за счет родственных эвакуированных предприятий оснащалась новым производственным оборудованием. Бóльшую часть составляло оборудование для отраслей легкой промышленности. В частности, на Ленинабадский шелкокомбинат и на шелкоткацкую фабрику Сталинабада поступили 150 ткацких станков. А строящемуся в Сталинабаде текстильному комбинату были переданы различные станки, что и ускорило пуск первой очереди комбината в начале 1942 г.[18] Кроме того, эвакуация оборудования нескольких маслозаводов позволила в кратчайшие сроки, в 1943 г., пустить в эксплуатацию маслозаводы в Регаре (ныне Турсунзаде), Шаартузе, Кировабаде (ныне Пяндж), а в 1944 г. — в Пархаре. В 1945 г. вступили в строй действующий душанбинский завод «Трактородеталь» и другие предприятия[19].

Условия военной обстановки в 1941–1942 гг. требовали преобразования эвакуированных предприятий дважды: первый раз — летом и осенью 1941 г., второй — летом и осенью 1942 г. Эвакуация 1941 г. была самой массовой и проходила в основном с июля до конца ноября 1941 г. Начиная

с августа 1941 г. и до весны 1942 г. значительная часть эвакоэшелонов направлялась в Среднюю Азию и Казахстан. Совет по эвакуации, учитывая специфические особенности Таджикистана, решил эвакуировать сюда преимущественно предприятия пищевой, текстильной и легкой промышленности. Разумеется, все это соответствовало сырьевой базе и энергетическим возможностям республики[20].

Распоряжение Совета обязывало эвакуировать в Таджикистан оборудование Одесского маслозавода № 3, вяземских маслозаводов № 1 и 2, Карачевского косточкодробильного завода, Тираспольского консервного завода «Красный Перекоп», а также Люберецкой и Павлово-Покровской ткацких фабрик, Московского шелкоткацкого комбината им. Щербакова, трех швейных фабрик из Ростовской области, хлопкопрядильной фабрики из Балашихи и обувной фабрики из Кузнецка[21]. Только на один строящийся Душанбинский текстильный комбинат из Люберецкой фабрики поступило около 90 вагонов некомплектного оборудования. Позже на тот же комбинат из Павло-Покровской фабрики было отгружено еще 47 вагонов оборудования: 11 тыс. веретен, 300 ткацких станков и др.[22]

Однако из-за нехватки строительных материалов, электроэнергии, квалифицированной рабочей силы монтаж эвакуированного оборудования оказался делом трудным и затяжным. Кроме того, не все эвакуированное оборудование было комплектными. В частности, именно из-за некомплектности оборудования и нехватки специалистов к середине 1944 г. из 286 эвакуированных станков было смонтировано 162, а заправлено 128[23].

За счет эвакуированных предприятий значительно увеличилась производственная мощность предприятий республики, общая сметная стоимость которых в 1941–1942 гг. составляла 27,6 млн руб. против 6,4 млн руб. стоимости предприятий, введенных в 1940 г.[24]

В целом в условиях республики пуск эвакуированных предприятий и оборудования был завершен в кратчайший срок. Бóльшая часть предприятий начала давать продукцию уже весной 1942 г.[25] Некоторые части эвакуированного оборудования из-за некомплектности оказались невостребованными.

В 1941 г. в республике было 5701 мелкое предприятие областного и районного подчинения с 7233 рабочими, которые произвели валовую продукцию на сумму 137 574 тыс. руб. А в 1942 г. в республике функционировали 5323 мелких предприятия, где 6758 рабочих произвели валовой продукции на 132 742 тыс. руб. Сокращение количества мелких предприятий произошло за счет их объединения и создания районных и областных промкомбинатов, промсоюзов и промартелей[26].

С учетом потребностей фронта были пересмотрены планы производства, утверждена новая номенклатура изделий, осуществлен контроль над производством и распределением продукции. В частности, 24 ноября 1941 г. Сталинабадский облисполком обсудил вопрос «О выполнении плана местной промышленности за 9 месяцев», поставил перед облместпромом и облпромсоюзом задачи: максимально расширить работу по выпуску товаров из местного сырья; усилить выработку валенок, полушубков, чулок, перчаток, сбруи, поделку бричек и других видов продукции, необходимой для снабжения Красной Армии. В целом по республике в 1941 г. в системе промко-

операции были организованы 160 новых производств, освоен выпуск более 20 видов новых изделий. По линии районной местной промышленности был создан 31 райпромкомбинат, объединивший работу 196 промышленных объектов, освоивших до 100 новых видов изделий[27].

В результате освоения новых производств для фронтовиков в начале 1942 г. промышленниками были изготовлены 444 полушубка, 757 телогреек, 3308 пар рукавиц, 10 919 шапок-ушанок, 7884 пары шерстяных носков, 3028 пар перчаток, сваляно 576 пар валенок. Например, только Гармским областным промкомбинатом были отправлены на фронт теплые вещи и обмундирование на общую сумму 119 тыс. руб.[28]

Предприятия местной промышленности в 1942 г. значительно расширили производство товаров ширпотреба, освоили производство оборонной продукции и стали выпускать ее в возрастающим объеме. В частности, артель «Красный труд» Ура-Тюбинского района за пять месяцев 1942 г. выполнила спецзаказ: изготовила 218 полушубков, 129 меховых жилетов, 666 шапок-ушанок, 1250 саперных лопаток. Благодаря принятым мерам для снабжения фронта и обеспечения населения товарами первой необходимости местная промышленность республики в 1943 г. по сравнению с 1941 г. в три раза увеличила выпуск продукции широкого потребления. К этому моменту валовая продукция всей промышленности Таджикистана составляла 101,3 %[29].

В начале войны коллективы кооперативной и местной промышленности приступили к организации новых производств: огнеупоров, заменителей цемента, строительных деталей, жидкого стекла, поташа, крахмалопáточного, мыловарения и др. Был освоен выпуск валенок, меховых жилетов, полушубков, а также пароконных бричек, хомутов, сбруи и другой амуниции для кавалерийских частей, формирующихся в республике. Некоторые предприятия переключились на выполнение специальных заказов непосредственно для фронта. В частности, мебельщики стали изготавливать ящики для снарядов и мин. Вся эта продукция, кроме сортов железа для бричек, производилась из местного материала. Если продукции местной промышленности в 1941 г. выпускалось на 22 250 тыс. руб., то в 1942 г. — на 28 800 тыс. руб.[30]

В годы войны из Таджикистана были мобилизованы на фронт рабочие, многие из которых были квалифицированными. Следовательно, ощущалась нехватка не только сырья и материалов, но и квалифицированных рабочих. На смену мобилизованным рабочим на промышленные предприятия были приняты главным образом женщины и подростки. В их подготовке в значительной мере помогло развитие фабрично-заводского ученичества, широкой сети соответствующих школ и училищ, в ускоренном темпе подготавливающих кадры рабочих для промышленности. Наряду с этим непосредственно на самих промышленных предприятиях организовывались курсы и школы по повышению квалификации рабочих. В числе пришедших на работу на заводы, фабрики, рудники в годы войны более 6,5 тыс. человек были воспитанниками ремесленных училищ и школ ФЗО[31]. На фабрики и заводы пришло много мальчишек и девчонок буквально со школьной скамьи, не достигнувших даже 16 лет. Лучшие работницы выдвигались на руководящие должности. На предприятиях Ленинабадской и Сталинабадской

областей свыше 100 женщин работали мастерами, начальницами цехов, более 3400 — начальниками смен, бригадирами, около 200 — техниками[32]. Таким образом, женщины-труженицы стойко переносили все тяготы военного времени, проявив в тяжелые годы испытаний самоотверженность, твердую выдержку, величие духа и горячую любовь к Родине.

В военные годы особенно широкое распространение получил индивидуальный метод обучения молодых рабочих с последующей теоретической подготовкой их на курсах в техникумах. 21 мая 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об организации индивидуального и бригадного ученичества», разрешающее принимать на предприятия подростков, достигших 14-летнего возраста, и обучать их непосредственно на производстве. Для них был установлен шестичасовой рабочий день[33].

О том, что на промышленных предприятиях республики большей частью работали молодежь и женщины, свидетельствуют следующие факты. В годы войны на некоторых предприятиях республики молодежь составляла 70–80 % всех рабочих. Они поддерживали и развернувшееся в начале войны движение двухсотников — передовиков производства, выполнявших норму на 200 и более процентов. Что касается женщин, то уже на 1 октября 1941 г. они составляли 54 % всех рабочих против 41 % на 1 октября 1940 г. На предприятиях легкой промышленности численность женщин на конец 1941 г. составляла 57,7 %. В 1942 г. в республике было около 16 тыс. женщин-работниц[34].

Для облегчения труда женщин была значительно расширена сеть детских садов и яслей, детских домов и других учреждений по охране материнства и детства. Например, количество детских садов увеличилось за годы войны с 52 до 96, а детей в них — с 1954 до 4226; детских яслей — с 222 до 255, детей в них — с 2060 до 5928; домов ребенка — с 4 до 7, детей в них — с 222 до 500[35].

Летом 1943 г. в городах и рабочих поселках было создано 12 школ рабочей молодежи, а в 1944/45 учебном году их стало уже 28. Кроме того, для работавших подростков были открыты общеобразовательные школы прямо на предприятиях: в Сталинабаде — на хлопчатобумажном комбинате, швейной фабрике, заводе им. Кирова, Такобстрое; в Ленинабадской области — при Кансайском рудоуправлении, Шурабугле, Чорух-Дайроне, шелкокомбинате, консервных заводах[36].

Особое значение в годы войны приобрела проблема использования труда инвалидов. По решению СНК СССР от мая 1942 г. в Таджикистане были созданы комиссии по трудоустройству инвалидов войны, благодаря которым в 1941–1945 гг. была трудоустроена 21 тыс. человек[37].

Нужно отметить, что благодаря притоку в Таджикистан эвакуированного населения, а также наличию трудовых ресурсов, если по всем отраслям народного хозяйства республики среднегодовая численность рабочих и служащих снизилась на 22,7 тыс. человек по сравнению с 1940 г., то промышленно-производственная группа в общем составе рабочих и служащих выросла в промышленности, на строительстве и в транспорте с 30,7 тыс. в 1940 г. до 33,3 тыс. в 1945 г., или на 6,4 %[38].

Наряду с приемом эвакуированного оборудования необходимо было принимать, а также размещать рабочих-специалистов. В частности, Исфа-

ринский райисполком в ноябре 1942 г. принял решение о выделении 500 кг муки нефтяникам из Баку в Нефтепром и КИМ. Были даны распоряжения Ханабадскому кишлачному совету и Нефтеабадскому поселковому совету разместить бакинцев в домах колхозников[39].

В целом в сфере промышленности план 1944 г. предприятия республиканского подчинения выполнили на 101,5 %, а инициатор соревнования Чорух-Дайронский рудник — на 201 %. С хорошими показателями завершили год труженики пищевой промышленности, выпустив сверхплановой продукции на 5 млн руб. Консервная промышленность изготовила 18,5 млн банок консервов, из них 1,5 млн сверх плана. Предприятия легкой промышленности выполнили план на 101,1 %. За достигнутые успехи Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1944 г. орденами и медалями был награжден 501 рабочий и инженерно-технический работник республики[40]. Разумеется, эта высокая награда и оценка вклада трудящихся Таджикистана в развитие промышленности вдохновила их на новые трудовые подвиги.

Таким образом, благодаря самоотверженному труду рабочих в 1942 г. в республике было создано слаженное быстрорастущее военное хозяйство, произведена перестройка промышленности и транспорта на военный лад. Большинство предприятий, выпускавших мирную продукцию, в рекордно короткие сроки освоило выпуск военной продукции. Вступили в строй новые фабрики и заводы, которые изготавливали продукцию, необходимую для фронта. Это означает, что в 1942 г. в республике в основном завершился процесс перестройки промышленности на военный лад. Таджикистан, который находился за много тысяч километров от линии фронта, превратился в одну из баз Красной армии, поставщика различной промышленной продукции.

Примечания

[1] Правда. 1941. 24 июня.

[2] Сечкина Л. П. Вклад таджикского народа в победу над фашистской Германией // Советский Таджикистан в Отечественной войне (1941–1945 гг.). Душанбе, 1975. С. 11.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 3. М. : Политиздат, 1967–1988. С. 44–48.

[4] История таджикского народа : в 6 т. Т. 6: Новейшая история (1941–2010 гг.). Душанбе, 2011. С. 51.

[5] Там же. С. 52.

[6] История города Душанбе. Душанбе, 2004. С. 248.

[7] История таджикского народа. Т. 6. С. 52.

[8] Там же.

[9] Пак Н. П. Советы Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 1985. С. 67.

[10] Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие рабочего класса в Таджикистане. Душанбе, 1967. С. 110–111.

[11] Пак Н. П. Указ. соч. С. 69.

[12] Там же. С. 67–68.

[13] История таджикского народа. Т. 6. С. 62–63.

[14] Там же. С. 63.

[15] Там же.

[16] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана : в 2 т. Т. 2: 1938–1983 гг. Душанбе, 1984. С. 77.

[17] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 78.
[18] Хоналиев Н. Экономическая история и концепция развития промышленности Таджикистана. Душанбе, 2010. С. 73.
[19] Там же ; Очерки истории народного хозяйства Таджикистана (1917–1965 гг.). Душанбе, 1967. С. 314.
[20] Пак Н. П. Указ. соч. С. 51–52.
[21] Там же. С. 52.
[22] Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие рабочего класса в Таджикистане. С. 103.
[23] Пак Н. П. Указ. соч. С. 52–53.
[24] Там же. С. 53.
[25] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 78.
[26] Указ. соч. С. 59.
[27] Пак Н. П. Указ. соч. С. 57.
[28] Там же. С. 58.
[29] Там же. С. 62.
[30] История таджикского народа. Т. 6. С. 53.
[31] Хоналиев Н. Указ. соч. С. 74.
[32] История таджикского народа. Т. 6. С. 68–69.
[33] Там же. С. 69.
[34] Сечкина Л. П. Указ. соч. С. 12.
[35] Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие рабочего класса в Таджикистане. С. 115.
[36] История таджикского народа. Т. 6. С. 69–70.
[37] Там же. С. 71.
[38] Там же. С. 72.
[39] Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войне. Душанбе, 1960. С. 19.
[40] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 84–85.

А. З. Акрамов

Специфика перестройки промышленного производства Таджикистана в условиях Великой Отечественной войны

Рассматриваются состояние и пути переориентации промышленного производства Республики Таджикистан в условиях Великой Отечественной войны 1941–9145 гг. На основе архивных материалов, статистических сборников и научной литературы освещается процесс перестройки промышленного производства с учетом потребностей советского государства в ходе защиты Отечества и разгрома гитлеровской Германии. Констатируется, что с началом войны Таджикистан не только перешел в режим самообеспечения основными видами продукции промышленности, но и оказал существенную помощь фронту в поставке промышленной продукции и прежде всего продовольственной и текстильной. Отображается участие и вклад женщин-таджичек, детей и юношества в промышленном производстве в условиях войны.

Ключевые слова: *Таджикистан, промышленность, женщины, транспорт, ресурсы, фронт, подвиг.*

Промышленное производство в Таджикистане в предвоенные годы имело свои отличительные черты по сравнению с промышленностью центральных регионов Советского Союза. В силу объективных и субъективных предпосылок в 1930-е гг. в Таджикистане в основном уделялось внимание созданию предприятий легкой и пищевой промышленности. В этот период была запущена первая в республике Варзобская ГЭС, задействованы первые очереди Душанбинского текстильного, Худжандского шелкоткацкого комбинатов, действовали хлопкоочистительные заводы, кожевенно-обувная фабрика, мясоконсервный комбинат и множество швейных предприятий.

Отрасли металлургической и машиностроительной промышленности появились в Таджикистане лишь в послевоенный период, после создания необходимой материально-технической и кадровой базы. Большое практическое содействие в развитии промышленности и подготовке инженерно-технических и рабочих кадров оказывала Россия и другие республики Советского Союза.

Большой толчок быстрому темпу развития промышленности в Таджикистане дала эвакуация в годы Великой Отечественной войны значительного

числа промышленных предприятий из прифронтовой полосы в восточные регионы Союза. В 1941 г. и начале 1942 г. сюда было эвакуировано свыше 25 промышленных предприятий[1]. Многие предприятия Таджикистана оснащались новым производственным оборудованием за счет родственных эвакуированных предприятий. Например, эвакуация оборудования нескольких маслозаводов позволила в кратчайшие сроки в 1943 г. пустить в эксплуатацию маслозаводы в Регаре (ныне г. Турсунзаде), Шаартузе, Кировабаде (ныне район Пяндж), а в 1944 г. — в Пархаре. В 1945 г. вступили в строй душанбинский завод «Трактородеталь» и другие предприятия.

В Таджикистан направлялось оборудование эвакуированных предприятий для отраслей легкой промышленности. На Ленинабадский (ныне Худжандский) шелкокомбинат и шелкоткацкую фабрику в Душанбе поступило 150 ткацких станков, несколько шпульных и других машин из числа эвакуированного оборудования. Были переданы различные станки для строящегося в Душанбе текстильного комбината, первая очередь которого была пущена в эксплуатацию в начале 1942 г. В Таджикистан было эвакуировано из прифронтовой полосы оборудование и для некоторых других предприятий легкой и пищевой промышленности.

Значительный рост производства произошел в швейной промышленности. Душанбинская и Ленинабадская швейные фабрики были переведены на выполнение заказов военных ведомств, что способствовало резкому увеличению производства продукции.

На строившийся Душанбинской мыловаренный завод прибыло оборудование Московского и часть Харьковского мыловаренных заводов. Часть технологического и электротехнического оборудования Полтавского маслозавода № 10 поступило на строившийся Регарский маслозавод. А на ленинабадские шелкокомбинат и шелкоткацкую фабрику «Красный ткач» было завезено эвакуированное оборудование Московского шелкоткацкого комбината им. Щербакова. Около 900 вагонов некомплектного оборудования Люберецкой фабрики поступило на строившийся в Душанбе текстильный комбинат. На этот же комбинат было отгружено 47 вагонов оборудования (11 тыс. веретен, 300 ткацких станков) Павло-Покровской фабрики. Монтаж эвакуированного оборудования оказался сложным, однако рабочие и инженеры успешно преодолевали все трудности. В целом в 1942 г. прибывшее эвакуированное оборудование было введено в действие на маслозаводах в Кировабаде, Шаартузе, Пархаре, Регаре.

Монтаж эвакуированного оборудования Вяземского, Одесского, Полтавского маслозаводов и ряда других предприятий укрепил производственно-технический потенциал и базу пищевой промышленности республики. За годы войны было построено пять маслозаводов, каждых из которых перерабатывал 25 т хлопковых семян в сутки. Это позволило в кратчайшие сроки наладить на заводах Таджикистана производство необходимых для фронта и тыла продуктов питания. К началу 1944 г. мощность маслобойной промышленности по переработке семян возросла на 1850 т в сутки. Были дооборудованы новейшей техникой Ленинабадский, Канибадамский, Исфаринский и Ура-Тюбинский консервные комбинаты. Так, в 1942 г. на Канибадамском консервном комбинате был построен консервно-томатный цех, оснащенный оборудованием феодосийского завода «Красный Перекоп»,

мощностью 2 млн условных банок овощных консервов и 3 млн условных банок томата-пюре[2].

В результате размещения, монтажа и ввода в строй эвакуированных предприятий в Таджикской ССР намного укрепилась база для дальнейшего развития легкой промышленности республики, увеличился состав рабочих из числа кадров местной национальности, так как после окончания войны эти заводы и комбинаты не были возвращены.

Именно в результате эвакуации предприятий легкой промышленности заметно расширилась и укрепилась база текстильной промышленности республики. В Таджикистане за счет Московского шелкоткацкого комбината было существенно расширено текстильное производство. Обувная фабрика столицы республики, получив часть оборудования известной в СССР фабрики «Буревестник», также заметно увеличила продукцию. В 1942 г. в Регар из Полтавы был перебазирован завод по производству растительного масла. Сметная стоимость предприятий Таджикистана, вступивших в строй за 1941–1942 гг., составляла 27,6 млн руб., в то время как в 1940 г. она насчитывала 6,4 млн руб.[3]

Кроме перебазированных промышленных предприятий в республике в годы войны были проведены реконструкция и расширение ряда действовавших предприятий за счет размещения оборудования эвакуированных из западных областей страны заводов и фабрик, построен и введен в строй ряд крупных промышленных предприятий союзного подчинения, имеющих специальное оборонное значение.

Несмотря на то что республика в годы войны нуждалась в рабочей силе, Таджикистан не только обеспечил промышленность рабочими кадрами, но и сумел мобилизовать и направить для работы в промышленности регионов СССР, преимущественно на Урал, в Сибирь, а также в Казахстан, 45 347 человек[4]. На промышленных предприятиях республики в целом в 1945 г. было занято 42,4 тыс. рабочих и служащих[5]. В результате ввода в действие перебазированных предприятий и развития всех отраслей промышленности и сельского хозяйства нарастающим темпом шли из Таджикистана эшелоны с военными грузами для обеспечения нужд фронта: снаряжением, обмундированием, продовольствием, вооружением и др. В целом в годы Отечественной войны в Таджикистане были введены в строй 20 эвакуированных промпредприятий.

На предвоенном уровне старались поддержать свое производство, работники мясомолочной промышленности. Заводы по переработке молока и организованные во время войны в Душанбе, Ленинабаде, Кулябе, Хороге и Гармском районе предприятия увеличили свою продукцию в 1945 г. по сравнению с 1940 г. в 4,4 раза[6]. Подобно мясомолочной промышленности развивалась производственно-техническая база заводов по производству фруктово-овощных консервов, что дало возможность сохранить уровень производства довоенного периода.

В годы Великой Отечественной войны промышленность Таджикистана испытала острую нехватку сырья и материалов, но особенно не хватало квалифицированных рабочих кадров. На смену мобилизованным в армию мужчинам на промышленные предприятия пришли женщины и подростки. Их подготовке в значительной мере помогло развитие фабрично-заводского

ученичества, широкой сети соответствующих школ и училищ, в ускоренном темпе подготавливавших рабочие кадры для промышленности. Наряду с этим непосредственно на самих предприятиях организовывались курсы и школы по повышению квалификации. В числе многих пришедших в годы войны на работу на заводы, фабрики, рудники более 6,5 тыс. человек были воспитанниками ремесленных училищ и школ ФЗО.

В результате многие женщины Таджикистана стали приобретать чисто мужские профессии и становились токарями, фрезеровщиками, машинистами, трактористами, шоферами, комбайнерами и т. д. Уже в первый год войны 150 домохозяек — жен железнодорожников 13-й дистанции пути освоили специальности бригадиров путевых бригад, обходчиков и сигнальщиков. После прохождения специальных курсов 185 женщин, овладевших мужскими профессиями, приступили к работе на Канибадамском хлебозаводе, а на 1 января 1942 г. число женщин в Канибадаме, овладевших мужскими профессиями, составило уже 550 человек. В Таджикистане во время войны не было таких отраслей народного хозяйства, где бы не работали женщины. Руководством республики было организовано обучение женщин даже на нефтепромысле «КИМ». Тридцать пять женщин здесь овладели профессиями трактористов, шоферов, слесарей, 15 выучились на операторов по добыче нефти[7]. Научившись работать, женщины выполняли норму на 150–160 %.

В результате военно-организаторской работы в Таджикистане военно-хозяйственный план республики успешно выполнялся, увеличилось число рабочих рук, и особенно женщин, на производстве. Уже в начале 1942 г. из общего количества рабочих республики (27 725 человек) женщины составляли 15 725 человек, или 64,4 %[8].

До начала Великой Отечественной войны в республику завозилось большое количество одежды, обуви, предметов домашнего обихода, топлива, стройматериалов, горючего, лесоматериалов и других видов продукции. Теперь, когда страна перестроила всю свою жизнь на военный лад, Таджикистан, удовлетворяя потребности населения, сумел создать условия для бесперебойного снабжения Красной армии необходимой продукцией. Повсеместно организовывалось производство продукции на базе местных ресурсов. Трудящиеся республики имели большой опыт в кустарном производстве предметов широкого потребления, включая такие сложные изделия, как шелковые ткани, домашняя посуда, продукты питания и др.

Во всех уголках Таджикистана имелись месторождения топлива. Для удовлетворения местных потребностей нужно было организовать его добычу. Повсеместная кустарная добыча топлива являлась немаловажной задачей. Все это позволило в известной мере освободить загруженность транспорта в условиях войны и, безусловно, способствовало перестройке работы транспорта на военный лад. В целях повышения роли транспорта, исходя из местных условий и возможностей, в широких масштабах было налажено производство бричек, конных и ослиных тележек.

При умелой организации и использовании этих и других местных ресурсов республика почти отказалась от завоза целого ряда продуктов и изделий, являвшихся в условиях мирного времени предметами ввоза в Таджикистан из других республик Советского Союза. Более того, многие из

этих предметов не только шли на удовлетворение потребностей населения, но и в случае необходимости отправлялись бойцам Красной армии в качестве подарков.

Женщины Таджикистана не только заменили своих мужей на тракторах, колхозных и совхозных полях, они также освоили сложные смежные профессии на заводах и фабриках республики. Рабочие-женщины призывали домохозяек присоединиться к ним на производстве, с тем чтобы ковать победу над врагом. «Если наши мужья уйдут на фронт, — заявили жены рабочих ремзавода им. Кирова (Душанбе) на собрании домохозяек, — станки их не будут иметь простоя»[9]. Девять человек уже стояли у токарных, слесарных, фрезерных станков. С большим желанием взялись обучать подруг токаря по металлу Филькова и Саширина. Безграничен был трудовой энтузиазм женщин республики, несокрушимой их воля к победе. Женщины проявляли высокий патриотизм, выдержку, мастерство и беззаветную преданность Родине. Они со всеми женщинами Советского Союза дышали одним дыханием, жили одной мыслью: уничтожить фашизм, несущий рабство всему передовому человечеству. Они с первых дней войны на колхозных полях, фабриках и заводах заменили воинов, ушедших на фронт.

Местная промышленность Сталинабада (Душанбе) была создана в 1941 г. по решению СНК СССР и СНК Таджикской ССР. Если в апреле 1941 г. имелись только две точки местной промышленности, то на май 1942 г. их стало уже 27. Местная промышленность освоила выпуск целого ряда новых изделий. Она изготавливала не только брички и некоторую другую продукцию, но начала производить и трикотажные изделия; возникшая артель кооперации инвалидов произвела продукции на 20 тыс. руб. Например, ведомства, курирующие промышленность Таджикистана, успешно внедрили в производство изготовление спичек, что также повлекло сокращение материальных затрат союзного правительства для обеспечения нужд республики[10].

Однако нормальную работу промышленных предприятий затрудняло резкое сокращение количества автомобильного транспорта. Если до войны нужды народного хозяйства республики обслуживали около 2,5 тыс. грузовых автомашин, то с началом войны бóльшая их часть была отдана на военные цели, а оставшимся требовался ремонт[11]. Чтобы не допустить перебоев в работе предприятий из-за отсутствия перевозочных средств, транспортное хозяйство усилилось за счет гужевого транспорта. Были приняты меры к увеличению производства тележек, бричек, конской сбруи и т. д. Усиленная разработка местных полезных ископаемых, необходимость вывоза добытого продукта потребовали строительства автомобильных и железных дорог — подъездов к Зидинскому и Шаргуньскому месторождениям кварцевого песка[12]. Для внутриреспубликанских нужд и для промышленных перевозок строились небольшие железнодорожные ветки, в строительстве которых принимали участие более тысячи колхозников Исфаринского района Согдийской области[13]. Позже была сдана в эксплуатацию узкоколейная дорога от Душанбинского цементного завода, до каменного карьера в Варзобском ущелье. В годы войны началось строительство узкоколейной железной дороги к Зиддинскому угольному месторождению.

Расширение сети узкоколейных дорог способствовало увеличению объемов грузовых перевозок. В 1943 г. по узкой колее было доставлено

233,2 тыс. т грузов против 104,7 тыс. т в 1940 г. Например, на крайне ограниченные возможности за годы войны на развитие транспорта было направлено 4,83 млн руб., то есть 7,7 % от общей суммы капиталовложений по народному хозяйству республики[14]. Эти данные свидетельствуют о том, что даже в трудных условиях войны транспорт республики продолжал развиваться и в основном обеспечивал потребности народного хозяйства в перевозках.

В дни Великой Отечественной войны особо возросла роль железной дороги и других видов транспорта. Это хорошо знали железнодорожники. Коллектив Сталинабадского (Душанбинского) железнодорожного узла добился улучшения проведения политико-массовой работы и выполнения производственных заданий. В результате массово-политической работы в первом квартале 1942 г. коллектив ст. Сталинабад выполнил план погрузки на 208 %, план разгрузки — на 100 %. Простой вагонов под транзитными грузами снизился на 2,3 часа, под местными грузами — на 30 минут. Только на ремонте паровозов экономия государственных средств по депо составила 15 563 руб.[15] Увеличилось также число луновцев, двухсотников и трехсотников. В депо станции насчитывалось 66 стахановцев, 36 луновцев, 11 человек выполняли по две-три нормы. На ст. Сталинабад трудились 53 стахановца, 12 луновцев, 22 ударника и т. д. Лунинцы депо ст. Сталинабад Коваль и Патко за первый квартал сэкономили 28 971 кг топлива. Свой паровоз содержали в хорошем состоянии, весь ремонт проводили своей бригадой, без затраты государственных средств. Составители поездов ст. Сталинабад Павлов и Юртаев задания выполняли на 150 % и имели целый ряд других высоких показателей[16].

Другой вопрос, который также имел большое значение, — экономия топлива. За четыре месяца экономия горючего по ст. Сталинабад составила 400 000 кг[17].

В результате налаживания работы транспорта в 1942 г. в республике развивалась промышленность, были освоены и внедрены в производство следующие виды продукции: витамины, овощи, закусочные консервы, сушеные овощи, сушеное мясо, сухофрукты, компот, фруктовый чай, томат-пюре, садовое кофе, морковный джем и многое другое.

Работники промышленных предприятий республики, охваченные патриотическим подъемом, шире развернули социалистическое соревнование и в 1942 г. дали стране продукции значительно больше, чем в 1941 году.

Таким образом, благодаря умелому руководству правительства Таджикистана в республике была осуществлена перестройка промышленности и в целом экономики точно в срок, то есть во второй половине 1942 г.[18] Успешно решалась проблема кадров для промышленных предприятий и вопросы улучшения материально-бытовых условий рабочих и работниц, повышения их политической и трудовой активности.

Примечания

[1] Очерки истории народного хозяйства Таджикистана (1917–1965 гг.). Душанбе : Дониш, 1967. С. 314.

[2] Народное хозяйство Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Душанбе : Дониш, 1980. С. 77.

[3] Там же. С. 216.

[4] Усмонов Дж. В годы великой битвы (Очерк о деятельности Компартии Таджикистана в период Великой Отечественной войны). Душанбе : Таджикгосиздат, 1963. С. 24.

[5] Коммунистическая партия Таджикистана в период Великой Отечественной войны. Душанбе : Ирфон, 1983. С. 232.

[6] Очерки истории народного хозяйства Таджикистана… С. 323.

[7] Набиева Р. Женщины Таджикистана в борьбе за социализм. Душанбе : Ирфон, 1973. С. 207.

[8] Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад : Изд-во АН ТаджССР, 1964. С. 95.

[9] Коммунист Таджикистана. 1941. 19 июля.

[10] ГАСИРТ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 664. Л. 213.

[11] Там же. Д. 668. Л. 148.

[12] Очерки истории народного хозяйства Таджикистана… С. 300.

[13] История рабочего класса Таджикистана (1917–1975 гг.) : в 2 т. Т. 1. Душанбе : Дониш, 1972. С. 329.

[14] Очерки истории народного хозяйства Таджикистана… С. 290.

[15] ГАСИРТ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 664. Л. 208.

[16] Там же. Л. 209.

[17] Там же. Л. 221.

[18] См.: Коммунист Таджикистана. 1985. 14 апр.

А. Т. Жанакеева

О перестройке промышленности Кыргызстана на военный лад в период Великой Отечественной войны

Рассматривается ход перестройки промышленности Киргизской ССР на военные рельсы в начале Великой Отечественной войны. Показываются перевод предприятий на выпуск оборонной продукции, размещение и ввод в действие эвакуированных заводов и фабрик, решение проблемы обеспечения рабочими кадрами. Высказывается мнение о завершении перестройки индустрии республики на военный лад к лету 1942 г.

Ключевые слова: *военная экономика, мобилизация, эвакуация, перестройка, восстановление*.

С первых же дней Великой Отечественной войны встал вопрос о необходимости быстрой и оперативной перестройки советской экономики на удовлетворение нужд фронта, и были приняты соответствующие меры по решению данной задачи. Уже 29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) разработали директиву, которой определялись основы хозяйственной политики на время войны.

Были предприняты срочные меры для перевода всего народного хозяйства страны на военные рельсы: 30 июня 1941 г. утвержден «Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г.», предусматривавший ускоренные темпы выпуска военной продукции, а 16 августа — «Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и республик Средней Азии». Это была обширная программа развития всех отраслей военного производства, эвакуации из прифронтовых районов промышленных предприятий и развертывания их на новом месте.

Руководствуясь директивными документами, партийно-государственные органы Киргизской ССР в первые же дни войны конкретно решали вопросы перевода промышленных предприятий на обслуживание нужд фронта. Были увеличены планы добычи угля, нефти и производства цветных металлов, выпуска обмундирования, различного снаряжения, продовольствия.

Коллектив Фрунзенского механического завода уже в начале июля 1941 г. включился в выполнение спецзадания по оснащению формируемых на территории республики дивизий и полков.

Расширилось производство стратегического сырья на Кадамджайском металлургическом комбинате. Скоростным методом здесь был возведен и пущен в эксплуатацию новый цех электролита, что позволило досрочно — к ноябрю 1941 г. — выполнить годовой план производства сурьмы.

Самоотверженно трудились коллективы угольной промышленности. Усилиями шахтеров Ошской и Джалал-Абадской областей в 1941 г. было добыто 1712,2 тыс. т угля, что составило наивысший уровень по сравнению со всеми предвоенными годами[1].

Предприятия легкой промышленности республики переключились на выпуск форменной одежды, снаряжения, армейской обуви. Фрунзенская швейная фабрика № 1 с июля по октябрь 1941 г. изготовила и отправила в пункты назначения более 6800 шинелей и 46 тыс. пар нательного белья[2].

Уход части рабочих на фронт создал напряженное положение в обеспечении рабочей силой. Решением ЦК ВКП(б) в июне 1941 г. при СНК СССР был образован Комитет по распределению рабочей силы. В соответствии с этим решением при СНК Киргизской ССР, облисполкомах и Фрунзенском горисполкоме были учреждены бюро, а при райисполкомах — отделы, в задачи которых входили выявление, учет и перераспределение рабочей силы между отраслями и предприятиями.

В целях укомплектования промышленности кадрами принимались чрезвычайные меры. Были отменены отпуска и выходные дни, увеличивалась продолжительность рабочего дня. Рабочие и служащие заводов и фабрик, выпускавших военную продукцию, и смежных с ними производств объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись для постоянной работы на этих предприятиях.

Ряды рабочих пополнялись за счет эвакуированного населения, пенсионеров, студентов, учащихся старших классов. В трудовую деятельность активно вовлекались женщины. Их занятость в промышленности республики возросла с 29,6 % в 1941 г. до 47,6 % в 1942 г.[3] При этом женщины трудились во всех отраслях промышленности: в шахтах, на строительстве, нефтепромыслах, предприятиях легкой и пищевой промышленности, транспорте. Преодолевая трудности военного времени, они быстро овладевали самыми сложными профессиями и успешно выполняли и перевыполняли производственные задания военных лет.

Для обучения новых рабочих на предприятиях создавалась широкая сеть производственно-технической учебы без отрыва от работы — индивидуальное и бригадное ученичество, кружки техминимума, стахановские школы. Массовым стало шефство кадровых рабочих над новичками. Важным источником пополнения промышленности, транспорта рабочими кадрами являлись учебные заведения системы государственных трудовых резервов. Школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища подготовили десятки тысяч квалифицированных рабочих различных специальностей.

Составной частью перестройки народного хозяйства на военный лад явились прием, размещение и ввод в действие эвакуированных предприятий. Всего с июля по декабрь 1941 г. в Киргизскую ССР было эвакуировано 38 крупных промышленных предприятий[4]. В частности, сюда были перебазированы Бердянский завод сельхозмашиностроения из Запорожской

области, Никитовский ртутный комбинат из Донецкой области, одесские кожевенный, кожгалантерейный, клееваренный заводы, пенько-джутовая фабрика, харьковские швейная и трикотажная фабрики, Ново-Быковский, Смолянский, Весело-Подолянский, Артемьевский сахарные заводы из Украины, пять ростовских обувных фабрик и др. Специально созданные комиссии брали на учет прибывающее оборудование эвакуированных предприятий, занимались изысканием производственных площадей, помогали налаживать технологический процесс, обеспечив ускоренное вступление в строй и работу на полную мощность всех эвакуированных в республику предприятий. Бóльшая часть перебазированных предприятий размещалась на базе действовавших в республике, для этого использовались свободные площади, недостроенные корпуса производственного и непроизводственного назначения. Из-за недостатка готовых площадей приходилось приспосабливать для размещения эвакуированного оборудования складские помещения, торговые предприятия, учебные и культурно-просветительные учреждения. Рабочим и инженерно-техническим работникам приходилось работать в исключительно трудных условиях. Порой, не ожидая окончания строительства заводских помещений, устанавливали оборудование под открытым небом или временными навесами и начинали выпускать продукцию, необходимую фронту.

Важной задачей государственных органов республики было размещение эвакуированного населения. Всего в Киргизскую ССР с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. прибыли 139,3 тыс. человек[5].

Для приема, размещения и трудоустройства эвакуированного населения были созданы специальные комиссии при правительстве республики и местных советах. Они распределяли эвакуированных по областям, городам, районам, населенным пунктам, обеспечивали их жильем, продовольствием, вовлекали в производство.

В результате самоотверженного труда производственных коллективов эвакуированные предприятия в кратчайшие сроки налаживались на новом месте или сливались с профильными производствами. Так, уже в октябре 1941 г. во Фрунзе начала действовать кенафная прядильно-ткацкая фабрика, созданная в результате слияния Одесской и Фрунзенской пенько-джутовых фабрик; в ноябре 1941 г. были пущены основные цеха эвакуированного из Украины сельмашзавода, объединенного с Фрунзенским механическим заводом и переключенного на выпуск оборонной продукции; в мае 1942 г. в Оше начал действовать шелкокомбинат, созданный в результате слияния Рахмановской крутильно-ткацкой фабрики из Московской области и Ошской шелкомотальной фабрики.

Наряду с восстановлением перебазированных предприятий была увеличена мощность ранее существовавших. Так, например, на Фрунзенском кожзаводе № 1 выпуск жестких полуфабрикатов возрос на 29,4 %, на обувной фабрике — вдвое, на кожзаводе № 2 — до 50 %. В целях обеспечения электроэнергией предприятий г. Фрунзе началось строительство Лебединовской гидроэлектростанции на западной ветке Большого Чуйского канала.

В 1941–1942 гг. был реконструирован Кадамджайский металлургический комбинат. Сюда в конце 1941 г. был эвакуирован электролитный цех из Москвы. После его монтажа комбинат стал давать стране сурьму высшей

марки. Наряду с этим были построены цехи по изготовлению карбида, взрывчатых веществ, был налажен выпуск дефицитных частей бурильного молотка, карбидных ламп, освоено литье шаров для обогатительной фабрики[6].

В феврале 1942 г. начал выпускать продукцию Ак-Тюзский свинцовый рудник, в июне — Хайдарканский металлургический комбинат. В 1942 г. в строй действующих вступили сахарный завод в Ново-Троицке, Фрунзенская пенько-джутовая фабрика, Пржевальский комбинат легкой промышленности, Джалал-Абадский витаминный завод, ряд швейно-обувных предприятий.

Перестройка промышленности на военный лад шла исключительно быстро. Уже в 1942 г. подавляющее большинство предприятий республики, ранее выпускавших мирную продукцию, стало работать на нужды войны.

В то же время перевод промышленности на военные рельсы был связан с такими трудностями, как нехватка и текучесть рабочих кадров, нехватка топлива и электроэнергии и др. Так, на Ошском шелкокомбинате только по причине нехватки электроэнергии простои в 1942 г. составили 50 % от общего количества потерянного рабочего времени. По техническим неполадкам (отсутствие запасных частей и пр.) Карасуйский хлопкоочистительный завод простоял 55,8 % рабочего времени[7]. Тем не менее это не влияло на динамику наращивания производственных мощностей. Все трудности преодолевались трудящимися в процессе перестройки производства на военный лад.

Ускоренные темпы развития промышленности в Киргизской ССР неизбежно влекли за собой перестройку транспорта. В связи с уходом на фронт опытных железнодорожников на транспорт широко привлекались женщины. В 1942 г., например, стрелочниками, путевыми обходчиками, дежурными по станциям, слесарями, весовщиками, электросварщиками трудились 168 женщин[8]. Важное значение в подготовке квалифицированных кадров для транспорта имело открытие в 1942 г. железнодорожного училища в г. Фрунзе.

С началом войны произошли существенные изменения в структуре перевозимых грузов. Значительно возросли перевозки по киргизским железным дорогам грузов военной промышленности, стратегического сырья, топлива для оборонных предприятий, обмундирования, снаряжения, продовольствия.

Преодолевая трудности, связанные с нехваткой горючего, запчастей и опытных кадров, свой вклад в дело победы внесли работники автомобильного транспорта. Исключительную роль в перевозке грузов в условиях гористой местности сыграл гужевой транспорт Киргизской ССР.

Следует отметить, что в суровый период Великой Отечественной войны в полной мере выявились мобилизационные возможности советской системы хозяйства, ее эффективность, глубокий патриотизм советских людей. Так, в 1942 г. на промышленных предприятиях республики, как и по всей стране, по инициативе трудовых коллективов, отдельных рабочих возникли и получили развитие различные формы социалистического соревнования. Рабочие, инженеры, техники брали на себя конкретные обязательства повышения производительности труда и укрепления дисциплины, досрочного выполнения заказов фронта.

Все более массовыми становились движения двухсотников, трехсотников, совместителей профессий, многостаночников, начавшиеся в первые дни войны. В феврале 1942 г. в стране зародилось движение тысячников. Начало ему положил фрезеровщик Нижне-Тагильского вагоностроительного завода Д. Ф. Босый. Первым его последователем в Киргизии стал рабочий сельмашзавода им. Фрунзе кузнец М. Т. Чернышев. Усовершенствовав технологический процесс, он 16 марта 1942 г. перевыполнил задание в десять раз, 17 марта выработал норму на 1160 %, а 18 марта — на 1171 %[9].

Вскоре движение тысячников распространилось на другие отрасли промышленности. Мастер-протяжник Фрунзенского металлического завода З. Алымкулов в марте 1942 г. выполнил 11,5 нормы. Сталерезчик Дж. Мамбетов, заменив резку на станке рубкой на прессе, увеличил производительность труда в 12 раз. Рабочий-шлифовщик В. Т. Брежнев добился рекордной производительности труда. Применив новые шлифующие материалы, он обработал 348 деталей вместо 19 по норме и выполнил производственное задание на 1807 %. Слесарь И. И. Сафонов выработал за смену более двадцати норм[10]. В феврале — марте 1942 г. только на предприятиях Фрунзе насчитывалось 3019 стахановцев, 647 двух-, трех- и пятисотников и 48 тысячников.

Широкое распространение получило также движение комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Зародившееся в начале 1942 г. в угольной промышленности Киргизии, оно вскоре переросло в массовое движение. К концу года только на предприятиях Фрунзе насчитывалось 300 фронтовых бригад, выполнявших норму на 200 и 300 %[11].

В результате социалистического соревнования в 1942 г. только в легкой промышленности республики было внесено рабочими, техниками, инженерами 200 рационализаторских предложений и изобретений. Из них внедрено в 1942 г. — 156. Условная сумма экономии по внедренным рационализаторским предложениям и изобретениям составила 781 357 руб.[12]

Таким образом, ценой громадных усилий рабочих, инженерно-технических работников к середине 1942 г. перевод промышленности Киргизской ССР на военный лад был завершен. Восстановлено и введено в действие большинство эвакуированных предприятий, построен ряд новых производственных объектов.

Объем валовой продукции промышленности республики к концу 1942 г. значительно превысил уровень 1940 г. Особенно быстрыми темпами развивались цветная металлургия, металлообрабатывающая промышленность. Значительно поднялась против довоенного уровня добыча угля, нефти. В несколько раз увеличился выпуск изделий и продукции легкой, пищевой промышленности.

В целом за период с 1941 по 1942 гг. трудящиеся Киргизии совершили беспрецедентный в своей истории трудовой подвиг во имя победы над фашизмом.

Примечания

[1] Керимбаев С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Фрунзе, 1985. С. 65.

[2] История Киргизской ССР : в 4 т. Т. 4. Фрунзе, 1990. С. 144.

[3] Чокушов Б. Киргизская ССР накануне и в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1938–1945 гг.). Фрунзе, 1988. С. 41.
[4] Керимбаев С. К. Указ. соч. С. 55.
[5] Жоробеков Т. Вклад кыргызстанцев в Великую Победу. Бишкек, 2005. С. 36.
[6] ЦГАКР. Ф. 105. Оп. 20. Д. 148. Л. 3–7.
[7] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 960. Л. 3.
[8] История Киргизской ССР. Т. 4. С. 153.
[9] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1979. С. 370.
[10] ЦГАПДКР. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1064. Л. 6–7.
[11] История Киргизской ССР. Т. 4. С. 148.
[12] ЦГАКР. Ф. 105. Оп. 20. Д. 148. Л. 9.

Г. Д. Джунушалиева

Перевод горнорудной промышленности на военный лад

В статье освещена тема становления и роста горнодобывающей промышленности Киргизской ССР, начавшихся в довоенные годы и совпавших с индустриальной революцией, а также вопросы крупного промышленного строительства, значительно изменившего отраслевую структуру горной промышленности во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *горнорудная промышленность, урановые минералы, радиевый рудник, цветные металлы, редкоземельные элементы*.

Промышленная добыча руд цветных металлов в Киргизской ССР была начата еще в 1938 г. Особенно интенсивно эксплуатировались в предвоенные и военные годы Кадамжайское, Хайдарканское, Чаувайское месторождения сурьмы и ртути.

Наиболее крупным промышленным строительством, значительно изменившим отраслевую структуру горной промышленности, явилось освоение месторождений редких и цветных металлов, широко развернувшееся в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны. Примером этого может служить строительство Ак-Тюзского свинцового рудника, завершенное в самые трудные военные годы[1].

Исследование природных ресурсов Киргизской ССР в предвоенные годы вывели ее в один из основных районов цветных и редких металлов в Советском Союзе[2].

Наиболее быстро стал развиваться рудник Кадамжай, который еще в 1933 г. начал давать продукцию. На основе Туя-Моюнского и Кадамжайского рудников был создан Среднеазиатский комбинат редких металлов. Кадамжайский сурьмяный комбинат им. Фрунзе — одно из первых предприятий цветной металлургии республики. К промышленному освоению Хайдарканского месторождения не приступали вплоть до начала Великой Отечественной войны. Строительство предприятия началось в 1941 г., и уже через год оно вступило в эксплуатацию.

На базе разведочных работ по проекту Гипроцветмета в 1938 г. было начато строительство полиметаллического рудника Ак-Тюз. 5 августа 1941 г. Совнарком Киргизской ССР принял постановление о ходе строи-

тельства рудника Ак-Тюз, в котором были отмечены серьезные недостатки, чреватые срывом установленного правительством срока ввода его в действие. Наркомат цветной металлургии СССР своевременно не поставил нужное оборудование и стройматериалы на сумму 756 тыс. руб. Совнарком в своем постановлении просил союзное правительство обязать Наркомцветмет в кратчайшие сроки обеспечить строительство рудника всем необходимым.

В трудных условиях войны, когда не хватало многих строительных материалов, дирекция рудника для выхода из создавшейся ситуации решила использовать местные материалы, то есть осуществить строительство некоторых объектов удешевленным способом. Строительство шло без остановок. На всех участках велся строгий учет материалов, контролировалась целесообразность их использования на тех или иных объектах[3].

К 1 января 1942 г. рудник был готов к пуску. С этого дня Ак-Тюзский полиметаллический комбинат начал выдавать продукцию. Но, учитывая нехватку электромоторов и части механического оборудования, необходимого для работы комбината, Наркомцветмет СССР определил продолжительность пускового периода с 1 января по 5 марта 1942 г.[4]

18 января 1942 г. для приемки в эксплуатацию первой очереди комбината назначили правительственную комиссию. Ознакомившись с ходом работ, а также учитывая небольшую разницу во времени пуска второй очереди, комиссия приняла решение произвести приемку и сдачу в эксплуатацию предприятия в целом[5]. 15 февраля 1942 г. Ак-Тюзский полиметаллический комбинат (рудник, обогатительная фабрика, дизельная электростанция, подсобное хозяйство, транспорт) был принят государственной комиссией и 17 февраля вступил в ряды действующих предприятий[6].

Однако рудник работал неудовлетворительно. Сказались объективные причины — неудовлетворительное состояние энергетического, пневматического и другого механического оборудования. Работа на пределе, без запасных частей и задела эксплуатационного материала, несвоевременное проведение капитальных и профилактических ремонтов постоянно лихорадили производство, вызывали большие простои основного производственного оборудования. Только из-за отсутствия электроэнергии простои составляли по компрессорам — 21,7 %, по обогатительной фабрике — 22,2 % планового рабочего времени. Всего мельницы фабрики имели за год наработку 6592 машино-часов, простояв 37,4 % планового времени работы.

В первом полугодии 1942 г. план добычи свинцово-цинкового концентрата был выполнен только на 25 %. В последующие годы государственные планы по основным видам продукции также не выполнялись. Всего за годы войны было добыто 197,7 тыс. т свинцово-цинковой руды, в том числе: в 1942 г. — 36,7 тыс., в 1943 г. — 61,4 тыс., в 1944 г. — 54,8 тыс., в 1945 г. — 44, 8 тыс. т[7].

В годы войны большое развитие получила ртутная промышленность республики. Геологами была изучена Алайско-Туркестанская ртутная зона, в пределах которой открыто около 25 ртутных месторождений. Суммарный запас металлической ртути в изученных месторождениях равнялся 10 тыс. т и составлял половину всех запасов ртути СССР.

Важную роль в развитии экономики Киргизской ССР сыграла крупная стройка, завершенная в годы войны, — возведение Хайдарканского ртутного комбината.

Еще Средазбюро ЦК ВКП(б) в своем решении о работе Киргизской партийной организации в сентябре 1931 г. просило ВСНХ СССР выделить 6 млн руб. на строительство рудников и обогатительных фабрик по производству сурьмы и ртути в Кадамжае и Хайдаркане[8].

Практически сооружение рудника началось в 1941 г. В первой половине 1941 г. здесь шло строительство горного цеха и ртутного завода, а также велась интенсивная промышленная разведка. В начале войны значение стройки возросло. Во второй половине июля 1941 г. поступила директива об ускоренном строительстве рудника. В Хайдаркан эвакуировалось оборудование демонтированного Никитинского комбината из Донбасса. Строительство и монтаж комбината возлагались на специализированную колонну. В сентябре — октябре 1941 г. здесь трудились 1105 рабочих и служащих[9]. Наряду с этим в строительстве участвовали колхозники и строительные отряды комбината им. Фрунзе. Строительство велось военно-скоростными методами. Было решено возводить объекты без проектов и схем, по титульному списку. Строители и монтажники делились на отделения, взводы, роты и батальоны[10]. К концу ноября Хайдарканстрой представлял собой огромную стройплощадку. Для укрепления руководства строительством в начале 1942 г. сюда был прикомандирован заместитель наркома цветной металлургии СССР В. Фролов.

В строительстве Хайдарканского комбината (впоследствии комбинат № 5) приняли участие свыше тысячи колхозников Ферганской области, построивших высоковольтную линию электропередачи Кувасай — Хайдаркан протяженностью более 70 км[11]. 1 сентября 1942 г. государственная комиссия приняла Хайдарканский рудник в составе семи действующих цехов[12]. Несколькими днями позже линия электропередачи с Кувасайской ГРЭС дала промышленный ток. С этого момента Хайдаркан начал давать металл высшего сорта и стал основным в Союзе поставщиком важнейшего стратегического сырья для производства ртути[13].

Наркомат цветной металлургии СССР придавал большое значение укреплению второй ртутной базы Союза и в первой половине 1944 г. принял ряд мер по дальнейшему развитию комбината № 5. Для разведки Хайдарканской группы месторождений было ассигновано 2,7 млн руб., а также организована Хайдарканская геологоразведочная партия Главгеологии Наркомцветмета с заданием пробурить в течение года 3000 пог. м скважин.

Для увеличения производительности горного цеха в 1944 г. на комбинате был смонтирован импортный компрессор, в США заказана шаровая мельница мощностью 450–500 т руды в сутки.

Выпуск металла составил в 1942 г. — 97,3 т, в 1943 г. — 109,7 т, в 1944 г. — 148,0 т, в 1945 г. — 204 т[14].

Важным промышленным строительством, осуществленным в годы войны, явилось сооружение Чаувайского рудника. Учитывая геологическую изученность месторождения, а также важность для фронта его сырья, Наркомцветмет СССР по предложению ЦК КП(б) Киргизии в конце декабря 1941 г. поручил тресту «Киргиззолоторедмет» организовать промышленную

старательскую добычу ртути и сурьмяного концентрата на Чаувайском месторождении, которое должно было быть сдано в эксплуатацию в мае 1942 г[15]. В январе 1942 г. было организовано Чаувайское рудоуправление с подчинением его Хайдарканскому комбинату[16].

Строительство предстояло вести на совершенно пустом месте, без какой-либо экономической и технической базы. Сооружение рудника началось в феврале 1942 г. на крутых отрогах скал, в узком ущелье. Были организованы две промышленные артели — им. Красной армии и «Красный партизан». В течение четырех месяцев число рабочих здесь увеличилось с 30 до 125 человек. Горный цех начал действовать с конца апреля, а обогатительная фабрика с простыми ретортными печами была готова к пуску в конце мая. 7 июня 1942 г. Чаувай начал давать продукцию[17].

Со второй половины 1943 г. Чаувайское рудоуправление было выделено в самостоятельное предприятие. Построены роторы и печь «Гульда» производительностью 25 т продукции в сутки. В 1942 г. по Чаувайскому рудоуправлению программа была выполнена на 114 %, в 1943 г. — на 115 %. Выпуск металла за пять месяцев 1945 г. составил 12 т. За годы войны на базе месторождений республики скоростными методами были введены в строй: несколько ртутных рудников общей производительностью до 500 т горной массы в сутки; две обогатительные фабрики общей производительностью до 300 т руды в сутки; 12 металлургических печей общей производительностью до 180 т руды в сутки. Производство металла увеличилось с 12 т в 1941 г. до 175 т в 1944 г.[18]

Следует отметить, что Киргизская ССР вышла на первое место в Союзе по производству ртути.

В 1945 г. стал работать Майли-Сайский рудник. В годы войны началась эксплуатация Кашка-Суйского и Мелик-Суйского месторождений[19]. В г. Кызыл-Кия был построен химический завод, производивший каустическую и кальцинированную соду. Здесь же размещено эвакуированное оборудование трестов «Свердловуголь» и «Фрунзеуголь», а также Сергеевского ремонтного завода Северодонецкой железной дороги.

В 1941–1942 гг. коренным образом реконструировался комбинат им. Фрунзе в Кадамжае. Сюда в конце 1941 г. эвакуировался электролитный цех одного из предприятий Москвы. Скоростным методом был сооружен новый завод проектной мощностью 100 т высококачественной сурьмы, а также введен в эксплуатацию цех пятисернистой сурьмы, снабжавший резиновую промышленность. Была расширена мощность завода по получению сурьмы пирометаллургическим способом. Для частичного удовлетворения собственных нужд комбината построены цеха по производству каустической соды и взрывоматериалов. Наряду с этим построили и пустили цеха по изготовлению карбида, взрывчатых веществ, наладили выпуск дефицитных частей бурильного молотка, карбидных ламп, освоили литье шаров для обогатительной фабрики. Однако производственные мощности комбината использовались недостаточно вследствие объективных причин: неудовлетворительного снабжения важнейшими техническими материалами и отсутствия автотранспорта, необходимого для обслуживания полного объема производства. Горный цех и обогатительные фабрики использовались лишь на 25–30 %, электролитный завод — единственный в СССР —

систематически простаивал из-за отсутствия каустика и фильтровального полотна, пирометаллургический завод также простаивал из-за отсутствия топлива и других материалов[20].

В годы Великой Отечественной войны были построены и сданы в эксплуатацию предприятия по добыче и переработке свинца и цинка (Актюз, Боорду, Сумсар, Кан), вольфрама (Кумбель, Меликсу)[21], велась старательская добыча золота на приисках во многих районах республики, на реках Малый Нарын, Солтонсары, Чаткал, Кассан, Кемин[22].

Решением ГКО СССР от 27 ноября 1942 г. республиканскому Геологическому управлению было поручено организовать геологоразведочные работы на месторождениях урановых руд.

Восточные районы страны, в том числе республики Средней Азии, в период Великой Отечественной войны, как известно, стали мощным арсеналом Красной армии. Одной из тыловых баз являлась Киргизская ССР, труженики которой на протяжении всей войны бесперебойно снабжали фронт хорошо подготовленным пополнением, боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

По решению СНК СССР от 18 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» на промышленных предприятиях республики, рудниках и заводах развернулась подготовка боевого резерва для Красной Армии. Горняки, инженерно-технические работники, выполняя производственные задания, в свободное от работы время овладевали военным делом. Занятия проводились на всех шахтах и рудниках строго по программе военной подготовки. От обучающихся требовались высокая воинская дисциплина, стойкость, смелость и выносливость. При обучении использовался боевой опыт частей Красной армии на фронтах Отечественной войны. За период с 1941 по 1945 гг. на военно-учебных пунктах Киргизской ССР были обучены 257 287 человек. За годы войны в Киргизии созданы первичные организации Осоавиахима, охватившие 492 900 человек. В этих организациях готовились кадры для Красной Армии по 29 различным военным специальностям[23]. Только с начала военных действий по 5 августа 1941 г. в республике прошли обучение в кружках ПВХО 23 277 человек, обучались 113 058 человек[24].

Перед восточными районами страны стояла огромная задача по обеспечению фронта вооружением, снаряжением, продовольствием и стратегическим сырьем. Огромная работа в этом направлении была проделана и в Киргизской ССР.

Перестройка в горнорудной промышленности Киргизской ССР заключалась в переводе предприятий горнорудной промышленности на военное производство и увеличении выпуска продукции; подготовке кадров взамен ушедших на фронт; ускоренном строительстве новых предприятий угольной, цветной промышленности и редких металлов (вольфрам, молибден и другие) и в их пуске.

На первый взгляд, угольная промышленность не должна была претерпевать каких-либо изменений в связи с войной, на самом же деле и здесь пришлось проделать большую работу. Прежде всего наряду с увеличением добычи угля появилась потребность в коксующихся углях. Это обстоятельство требовало разведки и закладки новых шахт. Стремясь полнее удовлет-

ворить нужды фронта, горняки республики за годы войны ввели в эксплуатацию три крупные и много мелких шахт[25]. Нехватка топлива в стране особенно остро сказывалась в первые два года войны, в период временной оккупации Донбасса. Восполнить эту временную потерю можно было, лишь быстро и значительно расширив добычу угля в других районах страны. Значительная роль в этом отводилась дальнейшему развитию угольной промышленности республики. Однако при осуществлении намеченных мероприятий появились большие трудности: отсутствие пополнения шахтного фонда и горного оборудования, слабая механизация всех процессов добычи угля, работа добывающей техники на износ, отсутствие ремонтно-механической базы, плохо поставленное шахтное строительство и применение отсталых систем горных работ, слабая подготовка квалифицированных кадров, текучесть рабочей силы. Все это привело к невыполнению государственного плана 1943/44 гг.

В результате проделанной работы к середине 1942 г. в основном была завершена перестройка промышленности республики на военный лад и восстановлено большинство эвакуированных из западных районов страны предприятий. А в горнорудной промышленности перестройка была закончена в основном в конце декабря 1941 г. На горнорудных предприятиях не требовалось большой перестройки техники, станков и механизмов, агрегатов, какую пришлось осуществить на фабриках и заводах. В условиях войны совершенствовались методы руководства хозяйством и готовились кадры для промышленности. Так, за 1943 г. на руднике Кок-Янгак было подготовлено методом индивидуально-бригадного обучения 425 человек, курсового обучения — 100 человек, в кружках повышения квалификации занимались 40 человек. В общей сложности всеми видами обучения было охвачено 1668 человек.

Особенно сложной и ответственной задачей была организация приема и размещения эвакуированных предприятий. Проводя эвакуацию промышленных предприятий из западных и центральных районов страны, власти строго учитывали и перспективы дальнейшего развития экономики Киргизской ССР. Из общего количества эвакуированных на восток заводов и фабрик в Киргизскую ССР было перебазировано оборудование многих предприятий, что существенно изменило промышленный облик республики.

Вместе с эвакуированными предприятиями в республику прибыло много эвакуированного населения, которое надо было разместить, обеспечить работой, жильем и т. д. В связи с этим 27 ноября 1941 г. ЦК КП(б) Киргизии принял постановление «О работе с эвакуированными», в котором были даны конкретные указания уполномоченному Совета по эвакуации и другим организациям о хозяйственно-бытовом устройстве прибывших, обеспечении их работой на предприятиях, о развертывании среди эвакуированных и местного населения соответствующей массовой работы.

Эвакуированное население стало прибывать и в угольные рудники республики. Так, в течение двух месяцев 1942 г. в Кок-Янгак прибыло из Могилевской, Минской, Гомелевской областей свыше 60 рабочих.

Только за пять месяцев 1942 г. по рудоуправлению Кок-Янгак эвакуированным семьям было выплачено в виде пособий безвозмездно 97 465 руб., а шахтеры Сулюкты выдали за 1942 г. 232 713 руб. В трудные годы войны

в городах, селах республики нашли себе приют и работу, всяческую поддержку десятки тысяч граждан из западных областей Союза.

Одной из трудных задач, вставших перед правительством республики, явилось обеспечение интенсивно развивающейся промышленности, транспорта и строительства рабочими кадрами. Был проведен целый ряд крупных мероприятий по обеспечению народного хозяйства рабочей силой. Для привлечения в промышленность людских резервов правительство вынуждено было осуществить ряд чрезвычайных мер. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» руководителям промышленных предприятий, строительства и транспорта предоставлялось право устанавливать при необходимости обязательные сверхурочные работы, отменять очередные отпуска.

Огромное значение для пополнения контингента рабочих имела организация системы государственных трудовых резервов. Созданные в годы войны четыре ремесленных, одно железнодорожное училища и 14 школ ФЗО за три года (с 1943 по 1945) подготовили 13,9 тыс. молодых квалифицированных рабочих различных профессий[26]. Во втором квартале 1943 г. на рудник Кок-Янгак прибыли для работы на шахтах 330 выпускников школ ФЗО. За годы войны выпускники школ ФЗО были направлены на рудники Кызыл-Кия (274 человека), Кок-Янгак (428), Таш-Кумыр (318), Сулюкта (450).

На период военного времени была признана необходимой мобилизация трудоспособного городского и сельского населения для работы на производстве и в строительстве. В целях планового использования трудовых ресурсов для нужд обороны в июне 1941 г. при СНК Киргизской ССР было создано бюро по учету и размещению рабочей силы. За 1942, 1943 и первый квартал 1944 г. были мобилизованы для работы на предприятиях Наркомуголь 13 327 человек, из них в системе Киргизуголь — 10 131 человек, Карагандауголь — 1231 человек, в угольной промышленности Урала — 1965 человек, на предприятиях Наркомцветмета — 1235 человек[27].

За весь военный период многие мобилизованные были направлены для работы в Свердловскую область, Ленинград, Сталинград, Челябинскую, Новосибирскую, Куйбышевскую, Кировскую, Горьковскую области и другие районы СССР.

В качестве меры по сохранению кадров, необходимых для производства военной продукции, служило бронирование наиболее квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, а также бронирование по профессиям и специальностям. Наряду с этим большое значение придавалось подготовке кадров через индивидуальные и бригадные ученичества, путем прикрепления вновь принятых к наиболее опытным мастерам производства. Так, за десять месяцев 1944 г. в тресте «Киргизуголь» были подготовлены бригадно-индивидуальным методом — 874 человека, курсовым обучением — 168, путем повышения квалификации — 45, предварительным обучением — 878 человек.

Значительное расширение производственных мощностей в республике при сокращении централизованного снабжения со всей остротой поставило вопросы максимального использования внутренних ресурсов, поиска заменителей дефицитного сырья и материалов, изготовления различного обо-

рудования и инструментов, ранее ввозимых из других областей и республик. Без этого не могло быть и речи о полном использовании всех существующих производственных мощностей и вводе в действие новых.

Для решения этих задач в республике было организовано массовое движение инженеров, техников и передовых рабочих за строжайшую экономию и рационализаторство. По всей республике развернулась борьба за замену дефицитного сырья, материалов, инструментов. Инженеры и техники, передовые рабочие в короткие сроки реконструировали производство, находили и на месте изготовляли остродефицитные инструменты, детали. Так, на руднике Кызыл-Кия стали изготовлять десятки видов деталей, которые раньше привозились за тысячи километров, в том числе поршни и поршневые кольца для компрессоров. Была сконструирована новая деревянная вагонетка. На старую вагонетку расходовали 750 кг металла, на новую — лишь 180 кг. Вдвое сократился расход лесоматериалов. Повторно стал использоваться крепежный лес, освободившийся при посадке лавы. Таким образом, 60–75 % использованного леса вновь шло на нужды производства. Для смазки паровозов и электровозов стали употреблять эмульсию вместо дорогостоящих и дефицитных масел и т. д.[28]

Рационализаторы молодежной шахты, организованной на руднике Кок-Янгак, борясь за экономию материалов и сырья, реконструировали врубовую машину, что дало большой производственный и экономический эффект. Из местных материалов и запасных частей здесь сделали три транспортера для выгрузки угля, тем самым сэкономили около 300 тыс. руб.

За девять месяцев 1944 г. по тресту «Киргизуголь» сумма экономии составила: благодаря изобретательству — 11 500 руб., рационализаторским предложениям — 303 005 руб., технологическому усовершенствованию — 301 576 руб.; в том числе отдельно по рудникам: Кызыл-Кия — 203 990 руб., Кок-Янгак — 12 000 руб., Таш-Кумыр — 114 500 руб.

Надо отметить, что горняки, преодолевая все трудности военных лет, сумели обеспечить топливом потребности фронта. В 1942–1945 гг. было добыто 5107,5 тыс. т угля, что на 801,5 тыс. т больше, чем было добыто в мирные 1937–1939 гг. Это дало возможность на протяжении всей войны бесперебойно снабжать промышленность и электростанции топливом[29].

Вместе с тем Великая Отечественная война с ее огромным территориальным размахом, невиданным доселе количеством людей, втянутых в ее орбиту, многочисленными армиями, вооруженными первоклассной техникой, требовала непрерывного обеспечения этих армий вооружением, снаряжением, боеприпасами, продовольствием. Созданные в мирное время резервы не могли покрыть нужды армии на все время военных действий. Поэтому в целях увеличения производственных мощностей военной промышленности проводились работы по строительству новых предприятий. За это время было построено 38 заводов, фабрик, рудников, шахт, электростанций.

Широко развернувшееся самолетостроение и производство боеприпасов требовало огромного количества цветных металлов. Вот почему особое внимание было обращено на развитие цветной металлургии. Расширились и перестраивались промышленные объекты, заложенные в годы третьей пятилетки. Кроме того, с первых же дней войны началась эвакуация

на восток промышленных предприятий из западных областей страны. В республику также был эвакуирован ряд военных промышленных объектов. Для них необходимо было построить новые здания, реконструировать существующие. Все это также требовало дополнительных рабочих рук.

Таким образом, война привела к изменению направления, в котором развивалась в целом промышленность республики и потребовала быстрой перестройки ее на военный лад. И одной из главных задач при этом являлась задача пополнения и подготовки рабочей силы, плановое обеспечение народного хозяйства кадрами.

К началу Великой Отечественной войны в угольной промышленности было 5,5 тыс. рабочих[30]. Причем топливно-добывающая промышленность была одной из ведущих отраслей. Это определило профессиональный состав рабочего класса республики. Основную массу рабочих, около двух третей, составляли мужчины. При этом удельный вес молодежи был сравнительно невелик, а женщин было всего 780 человек[31].

Война внесла серьезные изменения в ряды рабочего класса республики. Прежде всего рабочий класс республики пополнялся за счет рабочих, прибывших из западных районов страны. Заметно возросло количество рабочих высшей квалификации, в основном за счет бывших шахтеров, не подлежащих мобилизации по возрасту, что открыло новые возможности для качественного роста рабочего класса. Однако для обеспечения нормальной работы эвакуированных предприятий этого было далеко не достаточно. Нехватка квалифицированной рабочей силы в первые месяцы войны ощущалась на старых предприятиях республики. В целях бесперебойного обеспечения кадрами промышленности, транспорта, строительства, выявления и использования имевшихся резервов был осуществлен ряд крупных мероприятий. В частности, в условиях войны важную роль сыграло организованное государственное перераспределение рабочей силы между экономическими районами, отраслями народного хозяйства и промышленности, между военной сферой и народным хозяйством. Все эти формы привлечения рабочей силы в промышленность носили временный характер, вызванный к жизни специфическими условиями войны.

Аналогичные меры по мобилизации трудовых ресурсов были применены и в Киргизской ССР. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» предоставлял директорам и руководителям промышленных предприятий право увеличения рабочего дня на 1–3 часа, неиспользованные очередные и дополнительные отпуска компенсировать деньгами. Установление обязательных сверхурочных работ продолжительностью от 1 до 3 часов в день дало возможность в определенной степени возместить нехватку квалифицированных кадров, вызванную уходом рабочих в армию, и дополнительно загрузить предприятия для ускоренного выполнения военных заданий.

Важную роль в пополнении кадров оборонных предприятий сыграло постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомам республик и край-(областным) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу»[32]. В соответствии с этим постановлением Совнарком Киргизской ССР и местные органы власти стали оперировать

кадрами, перераспределять высвобождающихся в результате сокращения штатов рабочих и служащих между предприятиями промышленности, выпускающими продукцию для фронта.

Военная обстановка в стране потребовала дальнейшего совершенствования руководства учетом и распределением трудовых ресурсов. Такими новыми органами в годы войны являлись бюро по учету и распределению рабочей силы при Совнаркоме Киргизской ССР и облисполкомах, созданные на основе Постановления СНК СССР от 30 июня 1941 г. В районах дело мобилизации возглавляли моботделы исполкомов. В обязанности бюро входили учет всего неработающего населения городов и сельских населенных пунктов республики, составление мобилизационных планов на основе поступивших от наркомата и предприятий графиков потребности в рабочих и распределение кадров между предприятиями. На бюро возлагалось также выявление и привлечение в соответствии с решением правительства квалифицированных рабочих на оборонные предприятия, шахты, рудники, транспорт и стройки. Порядок и сроки мобилизации, количество людей, распределение их по областям и предприятиям, пункты формирования и отправления определялись Совнаркомом Киргизской ССР.

Важное значение в обеспечении отраслей промышленности, обслуживавших нужды фронта, постоянными кадрами имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»[33]. Все рабочие и руководящий аппарат военных предприятий и смежных с ними производств объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись для постоянной работы на этих предприятиях. Самовольный уход с места работы рассматривался как дезертирство, те же, кто оставлял работу, привлекались к уголовной ответственности. Чрезвычайные меры по обеспечению промышленности, транспорта и строек людьми сыграли большую роль. Однако спрос на рабочую силу продолжал оставаться огромным.

В Киргизской ССР порядок привлечения горожан к трудовой повинности определялся постановлением СНК республики. Практически каждый раз на основе представленных бюро по учету и распределению рабочей силы данных СНК выносил специальное постановление о мобилизации городского населения для работы в промышленности и строительстве или перевода на производство служащих республиканских и местных организаций и учреждений. Так, в течение 1943 г. бюро по учету и распределению рабочей силы выявило 18 745 человек, из них в соответствии с постановлением СНК республики были направлены в угольную промышленность 1840 человек[34]. В 1942 г. из числа мобилизованных из республики в Карагандинский угольный бассейн 794 человека выполняли подземные горные работы. На рудник Кызыл-Кия из сельской местности по мобилизации в 1943–1944 гг. прибыли на работы в шахты 1574 человека[35].

На 1 января 1944 г. на руднике Чаувай удельный вес женщин увеличился с 35 до 47 % от общего числа рабочих[36]. До войны на рудниках Сулюкты и Кызыл-Кия, вместе взятых, женский труд составлял 18 %, а в 1943 г. — 38 %[37]. Во всех отраслях народного хозяйства республики возросло количество женщин. В 1940 г. на угольных рудниках их было 780, в 1944 г. —

1700 женщин, или 35 % от общего числа шахтеров[38]. На руднике «Киргиззолоторедмет» в 1945 г. трудились 547 женщин, или 35,5 % от общего числа рабочих[39].

Изменения в составе рабочего класса коснулись и распределения рабочих по отраслям производства. Особенно заметно увеличилось количество рабочих в цветной металлургии и топливно-добывающей промышленности, основную массу в этих отраслях составляла молодежь, а увеличение удельного веса в рабочем классе женщин на рудниках республики явилось одним из ее главных особенностей.

По воспоминаниям начальника штольни № 2 одного из рудников в Сулюкте, Митрофана Матвеевича Зеленова, не хватало рабочих, многие кадровые рабочие ушли на фронт, их заменили женщины и подростки. На его участке подростки составляли около 30 % рабочих, а по всему руднику они составляли примерно 22–25 %, женщин насчитывалось около 40 % от общего количества работающих на поверхности. За время войны на рудники Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак, Таш-Кумыр, Ак-Тюз пришло свыше 1000 молодых рабочих, которые в совершенстве овладели техникой добычи угля[40].

До войны труд подростков в угольной промышленности Киргизской ССР не применялся, а в 1944 г. на шахтах их было 525 человек[41], удельный вес подростков и молодежи в этой промышленности к концу 1945 г. составлял 35 %[42]. Таким образом, кадры рабочих горнорудной промышленности республики в годы войны обновились в основном за счет женщин и молодежи.

В 1943 г. на шахты Сулюкты пришли работать 48 пенсионеров, в Кызыл-Кия — более 80[43]. На 1 января 1945 г. в промышленности республики было занято рабочих в возрасте старше 50 лет: в угольной — 895, цветной — 195 человек. Общая численность рабочих и служащих пенсионного возраста, вовлеченных в народное хозяйство, составляла в указанный период 23 896 человек, в том числе 17 226 мужчин и 6669 женщин. Из этого состава в возрасте старше 55 лет были 10 515 мужчин и женщин. Из этого числа в течение первых двух военных лет на рудники Кок-Янгака и Таш-Кумыра пришло 1340 колхозников[44]. За 1944 г. 14 887 сельских жителей были мобилизованы для работы на рудниках цветной металлургии, топливной промышленности, машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий[45].

В связи с массовым притоком новых кадров в первые дни Великой Отечественной войны на повестку дня встал вопрос производственного обучения нового пополнения, без чего нельзя было обеспечить повышения производительности труда, а следовательно, и увеличения выпуска оборонной продукции. Центральный комитет КП(б) Киргизии и правительство республики приняли ряд конкретных мер для решения этой важной проблемы. В целях массовой и ускоренной подготовки новых кадров на всех предприятиях были организованы краткосрочные курсы производственно-технического обучения рабочих, индивидуальное и бригадное ученичество, кружки техминимума, повышения квалификации и т. д. В апреле 1942 г. была восстановлена работа стахановских школ без отрыва от производства[46], которые в первый год войны перестали действовать. Были сокращены до минимума сроки обучения на курсах и в кружках. Подготовка кадров ши-

роко развернулась на всех промышленных предприятиях. В течение 1943 г. на комбинате им. Фрунзе были обучены на различных курсах и техминимумах 323 человека, а на руднике Кок-Янгак за этот же год по всем видам обучения рабочие профессии получили 1663 человека. Эти мероприятия продолжались до окончания войны. Через все виды обучения на 1 декабря 1944 г. на руднике Сулюкта были подготовлены 1250 человек. За один только 1945 г. на рудниках Киргизского приискового управления по добыче редких металлов Наркомцветмета СССР были подготовлены кадры массовой квалификации — 502 (против 454 по плану) забойщика, бурильщика, проходчика и др.

Первые учебные заведения системы трудовых резервов возникли в республике в 1941 г. Это были школы ФЗО № 26 (организованная на базе рудника Кызыл-Кия) и 30 (на базе рудника Ак-Тюз)[47]. По направлению ЦК ЛКСМ Киргизии, по путевкам комсомола в школы ФЗО только за один месяц 1942 г. были направлены 363 человека[48], а на 15 июня 1943 г. произведен набор в школы ФЗО — 1364 человека — для работы в основном в угольной промышленности по двум областям — Джалал-Абадской и Ошской. Для подготовки кадров по узкой специальности в 1943 г. школа ФЗО рудника Ак-Тюз была реорганизована в специальную школу ФЗО цветной металлургии[49]. Такое же изменение произошло в школах ФЗО на комбинатах № 5 и им. Фрунзе. Совет народных комиссаров ЦК КП(б) Киргизии 19 января 1944 г. принял постановление о реорганизации школ ФЗО угольной промышленности (рудников Таш-Кумыр, Кок-Янгак, Сулюкта, № 8) и реального училища № 3 рудника Кызыл-Кия в специализированные школы ФЗО и реальные училища угольщиков[50].

Однако качество производственного обучения не везде отвечало требованиям. Причина была не только в том, что не хватало преподавателей, но и в том, что многие руководители предприятий, не желая ущемлять производственные участки, не обеспечивали курсы необходимой материальной базой, а если что и выделяли, то это были в основном старые малопригодные станки и инструменты. Отрицательно сказывались на подготовке кадров нарушения инструкции о призыве в школы ФЗО, игнорирование возрастного принципа. Так, моботдел Ошского облисполкома в Сулюктинскую школу ФЗО № 3 призвал 80 подростков в возрасте 13–14 лет, из них 29 абсолютно неграмотных. Более того, наблюдались случаи мобилизации замужних и даже имеющих детей женщин[51].

В целях улучшения подготовки молодых рабочих из числа граждан коренной национальности Управлением трудовых резервов Киргизии в ноябре 1943 г. при реальном училище № 1 были организованы курсы по подготовке мастеров-преподавателей производственного обучения из киргизов. В апреле 1944 г. состоялся первый выпуск — 30 человек. Курсы, по подготовке новых кадров угольщиков в г. Кызыл-Кия были созданы в 1944 г.[52] При помощи и поддержке правительства, школы ФЗО за 1943–1945 гг. подготовили 9800 квалифицированных рабочих для горнорудной промышленности, из них на работу в трест «Киргизуголь» были направлены 3757 человек, на предприятия цветной металлургии — 1388[53].

Таким образом, краткосрочное производственно-техническое обучение рабочих и подготовка кадров в системе государственных трудовых резервов

явились в трудные годы войны наиболее удачным и эффективным средством обеспечения предприятий тяжелой промышленности, особенно горнорудной, квалифицированными кадрами массовых профессий.

В период Великой Отечественной войны произошли существенные изменения в качественном составе рабочего класса горнорудной промышленности. Вследствие постоянного призыва в армию кадровых рабочих здесь преобладали лица, имеющие стаж работы не более двух лет и низкую квалификацию. Для анализа возьмем рудник Таш-Кумыр. Из общего числа рабочих, непосредственно занятых на добыче (1062 человека), в 1944 г. стаж работы до одного года имели 502 человека, до двух лет — 104, до трех лет — 83, до пяти лет — 128, свыше пяти лет — 238 человек. Иначе говоря, подавляющее большинство (57,2 %) рабочих имели трудовой стаж от одного до двух лет[54]. Состав рабочих по стажу непрерывной работы на рудниках Кызыл-Кия и Сулюкта на 1 декабря 1943 г. выглядел следующим образом (табл. 1)[55].

Таблица 1

Состав рабочих по стажу непрерывной работы на рудниках

Рудник	Всего рабочих, чел.	В том числе со стажем работы, %			
		до одного года	до двух лет	до трех лет	свыше трех лет
Кызыл-Кия	2360	42,5	18,6	20,5	18,4
Сулюкта	1884	47,1	28,5	13,0	11,4

Приведенные данные показывают, что рабочих со стажем до трех лет, то есть привлеченных на предприятия во время войны, на Кызыл-Кие насчитывалось 81,6 %, на Сулюкте — 88,6 %. Остальной контингент составляли старые квалифицированные рабочие. Если же взять навалоотбойщиков, проходчиков, крепильщиков Кызыл-Кии, то картина выглядит так: из 667 человек стаж работы до года имели 305 человек, до двух лет — 79, до трех лет — 69, до пяти лет — 104, свыше пяти лет — 110 человек. Другими словами, подавляющее большинство (около 68 %) рабочих имели стаж от одного года до трех лет[56]. Такое же изменение в составе рабочих произошло и в цветной металлургии. На начало 1942 г. на Хайдарканстрое из 3248 штатных единиц кадровых рабочих и служащих насчитывалось 939 человек, мобилизованных — 898, молодежи и подростков — 241 человек, в рабочую колонну входили 1040 человек, рабочих Узбекэнерго насчитывалось 80 человек[57]. Всего на 1 февраля 1944 г. на угольных рудниках Киргизской ССР трудились 7584 человека из промышленно-производственного персонала. Процесс обновления наглядно характеризуется следующими данными (табл. 2)[58].

Таблица 2

Процесс обновления рабочими кадрами

Показатель	Стаж работы			
	до одного года	до двух лет	до трех лет	свыше трех лет
Количество прибывших, чел.	3255	1723	1206	1400
В процентах к общему количеству работающих	43,0	22,7	15,9	18,4

В республике более 70 % рабочих принадлежали к новому контингенту, вставшему на трудовую вахту в период Великой Отечественной войны[59]. Серьезно изменился не только качественный состав рабочего класса горнорудной промышленности, но и его возрастной и национальный состав. Удельный вес рабочих и служащих промышленных предприятий в возрасте 14–17 лет на 1 января 1945 г. достиг 16,3 %, а молодежь в возрасте от 18 до 25 лет составляла 20,7 %. Рабочих и служащих в возрасте от 26 до 35 лет было 25,3 %, от 36 до 49 лет — 24,3 %, от 50 до 54 лет — 8,1 %, от 50 лет и старше — 5,3 %[60]. Массовое вовлечение в производство юношей и девушек привело к интенсивному процессу омолаживания рабочего класса. Удельный вес молодежи к концу 1942 г. составлял в угольной промышленности 35 %.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 15 июля 1943 г. об обучении подростков, работающих на предприятиях[61], к осени 1943 г. были созданы вечерние школы, в которых без отрыва от производства готовились молодые кадры.

Преобладающим контингентом пополнения кадров промышленности в годы Отечественной войны являлись подростки и молодежь, составляющие 37 % от общего числа рабочих и служащих. В промышленность пришли новые люди, преимущественно женщины и подростки. Киргизская ССР, как и другие республики бывшего Советского Союза, многонациональная республика. Это наложило свой отпечаток и на национальный состав промышленно-производственного персонала. Рабочий класс республики в годы довоенных пятилеток развивался как многонациональный и интернациональный. За годы войны с перемещением производительных сил и населения западных районов страны на восток произошло изменение его национального состава. Наряду с увеличением численности русских, украинцев, белорусов, узбеков, таджиков, рабочий класс республики пополнился за счет представителей других народов СССР: литовцев, эстонцев, молдаван, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и др.[62]

Были созданы новые важные отрасли промышленности: цветная (свинцовая, ртутная, вольфрамовая), металлургическая, машиностроительная. Усилились темпы строительства новых производственных мощностей машиностроения, цветной металлургии, электростанций, угольной промышленности. Произошли серьезные изменения в структуре промышленности: удельный вес металлообрабатывающей и машиностроительной отраслей вырос с 13,3 до 38 %, выпуск продукции в этих отраслях увеличился в четыре раза[63].

В целом изучение документов и материалов позволяет сделать следующие выводы:

1. Процесс мобилизации рабочей силы и эвакуации всех производственных мощностей европейской части Советского государства, а также меры по обеспечению скорейшего полномасштабного выпуска военной и гражданской продукции создали необходимые условия для значительного рывка в развитии промышленного сектора экономики республики в годы войны.

2. Исторической особенностью развития промышленности в республике военного периода является возникновение новой отрасли — машиноремонтной. Потребности фронта и природные ресурсы Киргизии обусловили развитие также и других отраслей индустрии: свинцовой, ртутной и вольфрамовой. В последующие десятилетия существования государства специфика развития промышленности республики проявилась, с одной стороны, в зависимости данного сектора экономики от завоза сырья из других регионов СССР, а с другой — в виде сырьевого придатка союзного рынка.

3. Угольная промышленность Киргизской ССР получила дополнительный толчок к своему дальнейшему развитию без применения особых чрезвычайных мер, как это мы наблюдаем в других отраслях индустрии, поскольку не требовала особых капиталовложений в переоборудование.

Примечания

[1] Джунушалиева Г. Д. Горнодобывающая промышленность Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны // Динамика научных исследований. 2011. С. 19.

[2] Аттокуров С. А. История индустриального развития Кыргызстана (1917–1937 гг.). Фрунзе : Кыргызстан, 1965. С. 259.

[3] Память. Сводный том. Бишкек : Кыргыз энциклопедиясы, 2012. С. 425.

[4] Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 19.

[5] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 980. Л. 66.

[6] Там же. Оп. 3. Д. 1001. Л. 3.

[7] Память. Сводный том. С. 426.

[8] Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 20.

[9] Там же.

[10] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 8. Д. 297. Л. 28.

[11] Там же. Оп. 2. Д. 985. Л. 29, 40.

[12] Там же. Оп. 5. Д. 297. Л. 475.

[13] Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 20.

[14] Память. Сводный том. С. 425

[15] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 960. Л. 3.

[16] Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 21.

[17] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 1050. Л. 133.

[18] Память. Сводный том. С. 426.

[19] Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 21.

[20] Память. Сводный том. С. 427.

[21] ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 17. Д. 257. Л. 320.

[22] Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 21.

[23] ЦГАПДКР. Ф. 42. Оп. 3. Д. 201. Л. 17.

[24] Там же. Л. 18.

[25] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 684. Л. 79.

[26] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе : Кыргызстан, 1966. С. 334.

[27] ЦГАКР. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

[28] Паин В. Итоги стахановского года // Совет. Киргизия. 1942. 7 янв.
[29] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. С. 154.
[30] Советский Киргизстан за 40 лет : стат. сб. Фрунзе : Кыргызстан, 1957. С. 41.
[31] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 477. Л. 17.
[32] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. 2. М. : Воениздат, 1961. С. 152.
[33] Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // Правда. 1941. 27 дек.
[34] ЦГАКР. Ф. 105. Оп. 10. Д. 42. Л. 8.
[35] Там же. Ф. 350. Оп. 14. Д. 73. Л. 17.
[36] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 652. Л. 145.
[37] Там же. Оп. 8. Д. 1406. Л. 45.
[38] Там же. Оп. 5. Д. 477. Л. 17.
[39] ЦГАКР. Ф. 105. Оп. 16. Д. 12. Л. 101.
[40] ЦГАПДКР. Ф. 42. Оп. 3. Д. 41. Л. 47.
[41] Там же. Ф. 56. Оп. 2. Д. 233. Л. 23.
[42] Там же. Оп. 4. Д. 345а. Л. 227.
[43] Там же. Оп. 1. Д. 947. Л. 68.
[44] Там же. Оп. 3. Д. 1363. Л. 127.
[45] ЦГАКР. Ф. 105. Оп. 10. Д. 42. Л. 3.
[46] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 662. Л. 53.
[47] ЦГАКР. Ф. 1704. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.
[48] ЦГАПДКР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1282. Л. 155.
[49] ЦГАКР. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 3. Л.107.
[50] Там же. Д. 14. Л. 1 ; Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
[51] Там же. Ф. 1704. Оп. 1. Д. 5. Л. 158.
[52] Там же. Оп. 5. Д. 5. Л. 166.
[53] Там же. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 15а. Л. 1–12.
[54] Там же. Ф. 350. Оп. 14. Д. 73. Л. 19.
[55] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 1406. Л. 15.
[56] ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 14. Д. 78. Л. 16.
[57] ЦГАПД КР. Ф. 56. Оп. 2. Д. 543. Л. 37.
[58] Там же. Оп. 5. Д. 477. Л. 18.
[59] Там же. Оп. 4. Д. 345а. Л. 227.
[60] Татыбекова Ж. С. Шахтеры Кызыл-Кия в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1952 гг.). Фрунзе : Илим, 1964. С. 121.
[61] ЦГАКР. Ф. 1300. Оп. 1с. Д. 43. Л. 18.
[62] Там же. Ф. 350. Оп. 14. Д. 73. Л. 21.
[63] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Изд. 2-е. Фрунзе : Кыргызстан, 1979. С. 388.

Н. А. Алымкулов

Хайдарканский ртутно-сурьмяной комбинат (комбинат № 5) в годы великих испытаний

Статья посвящена деятельности одного из ведущих предприятий Народного комиссариата цветной металлургии СССР — Хайдарканского ртутно-сурьмяного комбината, оказавшегося в 1941–1945 гг. единственным предприятием в стране, обеспечивающим страну важным стратегическим сырьем — ртутью. Показаны динамика роста производства, успехи коллектива, ученых, рационализаторов и изобретателей в производстве ртути.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Кыргызстан, отрасль цветной металлургии, Хайдарканский ртутно-сурьмяной комбинат.*

Перед Великой Отечественной войной Киргизская ССР (Киргизстан) обладала значительными запасами полезных ископаемых для развития цветной металлургии. На ее территории имелись богатейшие и многочисленные залежи ртути — ¾ запасов так называемого Туркестано-Алайского сурьмяно-ртутного пояса протяженностью 750–800 км. В пределах этой зоны было открыто 25 новых ртутных месторождений.

В частности, как свидетельствует справка[1], представленная Киргизским геологическим управлением 16 ноября 1944 г., геологические запасы ртути в республике составляли 4944 т (в 1943 г. добыто 170 т, или 3,44 %), сурьмы — 87 043 т (в 1943 г. добыто 3050 т, или 3,50%), свинца (по республике) — 394 200 т (в 1943 г. — 3030 т, или 0,77 %), вольфрама (WO_3) — 8221,2 т (в 1943 г. — 28 т, или 0,34 %), тория (на Ак-Тюзе и Куперли-Сае) — около 4000 т, индия (на Ак-Тюзе) — 23 т.

Суммарный же запас киргизской металлической ртути был равен порядка 10 000 т и превышал половину всех запасов ртути Советского Союза, что ставило Киргизскую ССР по ее запасам и добыче на первое место в СССР. В общесоюзном разделении труда Киргизстан занимал одно из первых мест в СССР и второе место в мире — после Испании[2]. На территории Киргизской ССР ртутная промышленность опиралась прежде всего на Хайдарканское ртутно-сурьмяно-плавиковое месторождение, имеющее мировое значение, где ртути в руде содержалось, по одним источникам, до 2 % (на отдельных участках до 6 %), по другим — 0,42 %, а сурьмы — от 1 до 2 %[3].

Правда, руда годная для комбината, особенно на главном поле, не имела сплошной массы, а залегала линзообразно (отдельными гнездами), что осложняло ее добычу[4]. Руда кроме киновари содержала сурьмяной блеск и плавиковый шпат. Она проходила длительный процесс переработки, прежде чем попадала в виде концентрата на металлургический завод. Специалисты сначала отделяли крупицы киновари от пустой породы (глыб кварцевой руды), для чего использовался целый ряд реагентов, в частности специальное масло. В 1943 г., когда закончились запасы этого масла, по предложению инженера Лидии Грикуленко был найден заменитель — хвоя местной арчи. Кроме того, работники комбината использовали бедные руды с незначительным содержанием металла. Тем самым была сильно расширена сырьевая база выпуска этой продукции, правда, при этом усложнилась технология производства[5]. Но в этом случае на обогатительные комбинаты помимо нужного металла попадали и так называемые лимитирующие примеси: сера, медь, золото, железо, висмут, никель и более десятка других. Их следовало извлекать самым тщательным образом. Так, например, достаточно в тонне продукции оказаться двум граммам золота, и выпускаемая продукция переводилась из высшего сорта в низший[6].

Наличие ресурсов для развития цветной металлургии в республике позволило начать согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1170-478с от 26 апреля 1941 г. строительство Хайдарканского ртутно-сурьмяного комбината (комбината № 5) по выпуску ртути. На это было выделено 3 млн руб.[7]. Также началось сооружение рудника для комбината сметной стоимостью около 5 млн руб., затем горного цеха и ртутного завода. Из республиканских организаций выделялось необходимое оборудование и материалы: 50 грузовых машин, цемент, производился ремонт дороги Пульгон — Хайдаркан. Решением СНК и ЦК КП(б) Киргизии от 25 августа 1941 г. акцентировалось особое внимание на своевременном окончании строительства этого важнейшего оборонного предприятия[8].

Ускорению строительства рудника способствовало прибытие сюда оборудования демонтированного Никитовского[9] ртутного комбината из Донецкой области (Украина). В сентябре и октябре 1941 г. здесь трудились 1105 рабочих и служащих. В начале Великой Отечественной войны Никитовское месторождение на Донбассе — единственный тогда поставщик ртути в стране — оказался на оккупированной территории, поэтому монопольным поставщиком ртути для промышленности боеприпасов в СССР стал Хайдарканский комбинат. По одним источникам, Хайдарканский комбинат № 5, созданный на базе Никитовского ртутного комбината, и ставший одним из крупных предприятий союзного значения, был пущен в июне 1942 г.[10], по другим — 1 сентября 1942 г. Государственная комиссия приняла от строителей этот комбинат (директор Игошин) в составе восьми действующих цехов[11].

Кроме того, в других местах были созданы или самостоятельные предприятия (Чаувай, Акташ), или же организована сезонная добыча руды силами старательских артелей — Сымап, Бирк-Суу (Берек-Суу), Адыракоу, Кара-Таш. Они дали стране за два года (1942–1943) около 250 т металла. Однако это была незначительная цифра. Комбинат и остальные ртутные предприятия республики из недр извлекали всего 2–2,5 % запасов ртути.

Это объяснялось крайне слабой разведанностью месторождений, вследствие чего запасы металла промышленных категорий не превышали 3 % всех запасов и по существу были полностью выработаны[12].

Вместе с тем комбинат сталкивался с проблемами организационного порядка. В первом полугодии 1942 г. на комбинате было отмечено 948 случаев прогулов. За это время на работу были приняты 937 человек, а уволился 1031. Себестоимость готовой продукции за первые шесть месяцев увеличилась на 60 %[13].

В сентябре 1942 г. Народным комиссариатом цветной металлургии СССР директором комбината вместо Игошина был назначен Марк Александрович Власов (настоящая фамилия Заславский), и ситуация стала меняться коренным образом, коллектив комбината сумел добиться поступательного развития: план четвертого квартала 1942 г. был выполнен на 101 %, за что рудник награжден переходящим Красным знаменем Жалал-Абадского обкома партии, ЦК и СНК Киргизской ССР. Так, если производство ртути в 1942 г. принять за 100 % (97,3 т), то в 1943 г., когда полностью была освоена проектная мощность предприятия, выпуск продукции увеличился на 112,7 % (109,7 т), за девять месяцев 1943 г. по сравнению с 1941 г. — на 989 %, то есть почти в десять раз. Удалось резко повысить и производительность труда. Если принять этот показатель в 1941 г. за 100 %, то за десять месяцев 1943 г. производительность труда повысилась на 250 %. И в себестоимости продукции комбинат добился значительных успехов. Так, если в 1942 г. против 1941 г. она была увеличена на 20,7 %, то в 1943 г. снижена к 1942 г. на 25 %. В целом за 1943 г. комбинат выдал металла на 59 % больше, чем в 1942 г.[14] В 1943 г. республика удовлетворила 60 % потребности страны в ртути[15].

В повышении отдачи в производстве большую роль сыграли рационализаторы комбината. Так, одно только предложение инженера Ролдугина дало более 1,5 млн руб. экономии и почти на полгода ускорило ввод в эксплуатацию новых рудных полей. Следует отметить эффективность рацпредложений и главного инженера Моисеева (буровая тележка), инженера Пушина (специальная гидромуфта), а также предложенной конструкции автоматического питателя (профессия питательщика, производящего загрузку руды в печь, является вредной, поэтому была изобретена данная конструкция). Только с 1 января по сентябрь 1943 г. на комбинате было подано 115 рацпредложений. Экономический эффект от их внедрения выразился в сумме 1 933 700 руб. в год. А за 1942–1943 гг. комбинат от внедрения только мелких предложений имел экономический эффект в 234 тыс. руб.[16]

Как указывалось выше, здешняя руда содержала не только ртуть, но и значительный процент сурьмы. Металлургический процесс переработки подобных руд протекал чрезвычайно трудно и не давал эффективного разделения двух металлов. Для решения этой задачи инженеры комбината создали первую в мире электровакуумную ретортную печь, позволяющую перерабатывать комплексные руды с извлечением до 98 % металлов. Работа печи, загрузка и выгрузка были полностью механизированы. Температура в реторте поддерживалась заложенными в стенках печи электрическими нагревательными приборами. Печь обслуживали всего семь человек[17]. Это было крупным достижением в технологии производства ртути — раз-

деление комбинированных сурьмяно-ртутных руд медной горы Хайдаркан техническим способом на обычных обогатительных столах Вильфлея, а также выплавка ртути при помощи электроретортной печи под вакуумом.

Новая печь дала возможность сохранить оба металла, тогда как до этого при известных способах добычи ртути и сурьмы из комбинированных сурмяно-ртутных руд один из металлов терялся. Технический руководитель завода Кроль и главный механик Рафаиль Азарьевич Траубе сконструировали электровакуумную ретортную печь по добыче ртути из комбинированной руды. При такой технологии сурьма оставалась в огарках или в шлаках и впоследствии могла быть пущена в переработку в печах по добыче сурьмы. Ими же была сконструирована новая вертикальная (шахтного типа) ретортная печь для добычи ртути, которая по конструкции оказалась дешевой и простой.

За изобретение этой первой в мире высокопроизводительной электровакуумной наклонной ретортной печи по переработке сурьмяно-ртутных руд и за открытие и разведку месторождений полезных ископаемых работникам комбината № 5 — директору Марку Александровичу Власову, инженеру-металлургу Левиной, профессору Н. В. Шабарову, кандидату технических наук А. В. Пуркину и главному механику Р. А. Траубе — была присуждена Сталинская премия[18].

Успешной деятельности комбината способствовало и широкое применение опыта работы бурового треста «Средазцветметразведка» (Н. В. Нечелюстов, А. В. Пуркин, В. Я. Поярков и др.) — разведочного бурения, организованного на Хайдаркане в 1944 г. Только при помощи большого объема буровых работ стало возможным выявление ряда скрытых рудоносных структур, немедленно передаваемых в промышленное освоение. Были объективно, а главное, быстро оценены и общие перспективы геологически сложного рудного поля. Позже бурение стало широко применяться практически на всех ртутно-сурьмяных месторождениях, что позволило в короткие сроки вывести СССР на одно из первых мест в мире по разведанным запасам ртути и сурьмы[19].

Вышеуказанные факторы (деятельность изобретателей и рационализаторов, научных сотрудников и т. д.) позволили в 1944 г. переломить ситуацию в деятельности комбината, и его коллектив достиг серьезных успехов. В указанный период годовой производственный план был выполнен на 141–148 % (148 т) и закончен на три месяца и пять дней раньше срока, пройдено 5790 пог. м горно-разведочных выработок, обеспечивающих возможность дальнейшей эксплуатации рудника, разведан новый рудный участок (Южное поле), давший значительный прирост кондиционных руд. Сверхпланово было выдано 20,1 т металла, на металлургическом заводе сокращено количество профзаболеваний в 5,3 раза. За год сэкономлено 800 т мазута, 646 тыс. кВт·ч электроэнергии[20].

План же 1945 г., увеличенный на 43 % против предыдущего года, был выполнен комбинатом на 158 % (154 т), причем досрочно — к 17 октября 1945 г., то есть за девять месяцев и 20 дней. К концу года выпуск продукции достиг, по одним данным, 133,5–134,7 % (204 694 т), что превышало фактическую выплавку металла в 1944 г. на 56 т, по другим — 248 % (203,9–204,8 т). В 1945 г. себестоимость тонны металла составляла 91 151 руб.,

тогда как в 1944 г. — 111 280 руб. (то есть на 20 129 руб. меньше). В итоге себестоимость продукции по сравнению с 1944 г. была снижена на 18 %, а против плана 1945 г. — на 8,8 %. Что касается задания по производительности труда, то оно было выполнено на 148 %, а по проходческим работам — на 130 %[21].

Таким образом, в победном 1945 г. по сравнению с 1941 г. на комбинате добыча руды возросла в 11 раз, удалось добиться перевыполнения заданий и по извлечению из нее металла с 23 % в 1941 г. до 83,5–85 % (при плане 71,8 %) в 1945 г. Выплавка ртути по сравнению с 1941 г. выросло до 1273 %. Ежемесячная проходка горных выработок поднялась с 74 м в 1941 г. до 600 м в 1945 г.[22], то есть увеличилась в 8,1 раза, а в целом за год было пройдено 6196 пог. м, или 130,7 % к плану[23].

В целом в 1941–1944 гг. производство ртути в Киргизской ССР выросло в 14,58 раза (с 11,7–12 т до 175 т), она занимала в СССР первое место по этому показателю[24]. За 1418 дней войны ртутная промышленность республики дала стране около 600 т металла. При этом ртуть производилась при регулярном снижении плановой себестоимости с прибылью только по Хайдарканскому комбинату в 1944 г. в 3,5 млн руб.[25]

Если взять рост выпуска ртути по годам в тоннах и процентах, то он выглядит следующим образом: в 1940 г. — 0,8 (о процентном отношении нет сведений), в 1941 г. — 11,6 (нет сведений), в 1942 г. — 82,2 т (100 %), в 1943 г. — 109,7 т (133 %), в 1944 г. — 148 т (179 %), в 1945 г. — 203,9–204,8 т (248 %)[26].

За ударный труд в 1943–1944 гг. комбинату было вручено переходящее Красное знамя СНК и ЦК КП(б) Киргизии. В 1944 г. коллектив комбината был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Киргизской ССР и шесть раз удостаивался денежной премии НКЦМ СССР и ВЦСПС. В феврале и марте 1945 г. комбинат был удостоен переходящего Красного знамени ГКО и ВЦСПС[27].

Валовая продукция предприятий НКЦМ СССР в Киргизской ССР в 1945 г. составила 9200 тыс. руб., что превышало показатель 1944 г. на 111 %[28].

Что значила продукция предприятий цветной металлургии Киргизстана и Казахстана, а также других республик для страны в годы войны, можно продемонстрировать на следующем примере. В 1941–1945 гг. действующая армия СССР израсходовала, по одним источникам, 427 млн снарядов и мин для полевых орудий и минометов (соответственно 333,3 млн и 93,7 млн)[29], по другим — более 775 млн[30], по третьим — 777,6 млн (это означало, что на каждого солдата противника приходилось не менее 32 снарядов, и это не считая авиационных бомб и огня стрелков[31]); патронов к стрелковому оружию — около 17 млрд (по другим источникам — 19,7 млрд, около 21,4 млрд, 22,7 млрд); ручных гранат — 121,314–168,3 млн; авиабомб — от 28,2 до более 30 млн (458 628 т); 40 тыс. мин и торпед, 163 100 глубинных бомб (всего свыше 10 млн т боеприпасов)[32]. Только в 1944 г. в СССР было произведено свыше 240 млн снарядов, бомб, мин и 7,4 млрд патронов[33].

Примечания

[1] ЦГАКР. Ф. 1445. Оп. 3. Д. 19. Л. 108.

[2] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 447. Л. 84 ; Д. 464. Л. 234 ; Оп. 5. Д. 402. Л. 101 ; ЦГАКР. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 255. Л. 115 ; Королев В. Богатства недр Киргизии // Комсомолец Киргизии. 1946. 9 февр.

[3] ЦГАКР. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 255. Л. 115 ; Ф. 276. Оп. 1. Д. 56. Л. 15, 16, 51, 52.

[4] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 323. Л. 12 ; Ф. 391. Оп. 3. Д. 325. Л. 108.

[5] Ильин С. Ртуть // Совет. Киргизия. 1943. 17 окт.

[6] Ильин С. Электролит // Совет. Киргизия. 1943. 29 окт.

[7] ЦГАКР. Ф. 1445. Оп. 3. Д. 19. Л. 108.

[8] Санников В. Организаторская работа Коммунистической партии Киргизии по перестройке промышленности на военный лад в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии : ежегод. сб. ст. Вып. 3. Фрунзе : Кыргызстан, 1964. С. 207.

[9] Иногда пишут неправильно: Никитинский, Никитский.

[10] Керимбаев С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. Фрунзе : Илим, 1985. С. 58.

[11] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 269. Л. 475.

[12] Там же. Д. 402. Л. 100, 101 ; К новому подъему ртутной промышленности Киргизии (беседа с директором ртутного комбината № 5 Наркомата цветной металлургии СССР [М. А.] Власовым) // Совет. Киргизия. 1944. 16 мая ; 50 лет советской геологии / В. А. Перваго, Г. А. Мирлин и др. М. : Недра, 1968. С. 313.

[13] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 351. Л. 115, 129.

[14] Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 745. Л. 107 ; Боголюбов Н. С. Двадцать лет Советского Киргизстана // Совет. Киргизия. 1946. 1 марта.

[15] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 33. Д. 261. Л. 8, 9, 9об., 13.

[16] Там же. Оп. 3. Д. 891. Л. 14 ; Ф. 391. Оп. 3. Д. 312. Л. 27 ; Д. 325. Л. 107.

[17] Там же. Ф. 56. Оп. 5. Д. 500. Л. 89 ; Филатов В. В Хайдаркане // Ленин. путь. 1945. 14 нояб.

[18] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 574. Л. 14 ; Филатов В. Указ. соч. 13 нояб. ; Санников В. Забота Компартии Киргизии об укреплении творческого союза науки с производством в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии : ежегод. сб. ст. Вып. 4. Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 221.

[19] 50 лет советской геологии. С. 314.

[20] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 500. Л. 89 ; Оп. 33. Д. 261. Л. 8, 9, 9 об., 13 ; Ф. 391. Оп. 3. Д. 312. Л. 14 ; Д. 325. Л. 106, 161 ; ЦГАКР. Ф. 350с. Оп. 17с. Д. 335. Л. 5, 215.

[21] См.: ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 891. Л. 13, 13 об. ; Оп. 5. Д. 500. Л. 89 ; Д. 607. Л. 85, 147 ; Оп. 33. Д. 261. Л. 8, 9, 9 об., 13 ; Ф. 391. Оп. 3. Д. 312. Л. 14 ; Д. 325. Л. 106 ; ЦГАКР. Ф. 105сч. Оп. 16с. Д. 38. Л. 79 ; Ф. 350с. Оп. 17с. Д. 335. Л. 5, 215 ; Итоги работы в 1945 году и задачи на 1946 год. Из доклада главного инженера комбината № 5 тов. Моисеева // Совет. Киргизия. 1945. 14 февр. ; Филатов В. Указ. соч. 13 нояб.

[22] ЦГАКР. Ф. 105сч. Оп. 16с. Д. 38. Л. 79 ; Филатов В. Указ. соч. 13 нояб.

[23] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 891. Л. 13, 13 об.

[24] Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 745. Л. 107 ; Ф. 56. Оп. 5. Д. 525. Л. 98 ; Боголюбов Н. С. Указ. соч.

[25] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 517. Л. 101.

[26] Там же. Оп. 3. Д. 891. Л. 13, 13 об.

[27] Там же. Оп. 5. Д. 500. Л. 90 ; Аттокуров С. Промышленность Киргизии в годы великих битв. Фрунзе : Кыргызстан, 1975. С. 96.

[28] ЦГАКР. Ф. 350с. Оп. 17с. Д. 335. Л. 215.

[29] Плотников Ю. В., Чабан И. Н. Тыл Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны // История СССР. 1975. № 1. С. 21.

[30] Мастера боевого огня // Правда. 1965. 29 апр.

[31] Мартиросян А. Б. На пути к Победе. М. : Вече, 2014. С. 395.

[32] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 : в 6 т. / В. Н. Андрианов, З. А. Богатырь и др. Т. 6. М. : Воениздат, 1965. С. 217 ; 50 лет

Вооруженных Сил СССР / К. Ф. Скоробогаткин, Л. И. Белоусов и др. М. : Воениздат, 1968. С. 466 ; Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / И. М. Голушко, Ю. В. Плотников и др. М. : Воениздат, 1977. С. 492 ; Горемыкин П. Н. О производстве вооружения и боеприпасов // Советский тыл в Великой Отечественной войне : в 2 кн. / под общ. ред. П. Н. Поспелова. Кн. 2. М. : Мысль, 1974. С. 126 ; Гладков И. А. Основные черты и преимущества социалистической экономики в условиях войны // Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. М. : Наука, 1970. С. 31 ; Партия и армия / Е. Е. Мальцев, А. А. Бабаков и др. ; под общ. ред. А. А. Епишева. 2-е изд., доп. М. : ИПЛ, 1980. С. 213 ; Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. С. 166. См. также: Кирсанов Н. А. В боевом строю народов-братьев. М. : Мысль, 1984. С. 38 ; Плотников Ю. В., Чабан И. Н. Указ. соч. С. 21 ; Жилин П. Советский народ — народ-победитель // Правда. 1975. 12 марта.

[33] Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года // Правда. 1946. 10 февр.

Часть III

Сельское хозяйство Урала и Центральной Азии в годы войны

К. Ю. Кладова, М. В. Усольцева

«Каждому работать за двоих!»: сельская тыловая повседневность жителей Мокроусовского района Курганской области в годы Великой Отечественной войны

Высокие показатели хлебозаготовок в Мокроусовском районе Курганской области в годы войны стали результатом чрезвычайного напряжения сил сельских тружеников. Немногие оставшиеся в тылу мужчины, в том числе руководящие работники, взялись за перестройку сельхозпроизводства в условиях военного времени. Женщины, подростки и старики заменили трудоспособных мужчин в тылу, в том числе на тяжелых и квалифицированных работах, не оставляя забот и о собственных семьях.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, сельская тыловая повседневность, Мокроусовский район, сельское хозяйство, личное подсобное хозяйство.*

В годы Великой Отечественной войны тыловые территории стали источниками военных, трудовых, продовольственных и иных ресурсов для фронта. Сельское население, отдав на защиту Родины трудоспособных мужчин и пригодную технику, продолжало обеспечивать сырьем и продовольствием армию и жителей городов. В каких условиях сельские труженики ежедневно выполняли свой долг, какую цену за Победу отдали они — эти вопросы нельзя обойти вниманием при изучении истории Великой Отечественной войны. Сорок лет назад уральский историк В. П. Мотревич, одним из первых поднимая вопрос о бытовых условиях жителей уральских деревень в годы войны, отмечал, что «без изучения материальных условий, в которых находилось крестьянство, невозможно в полной мере оценить величие его трудового и патриотического подвига»[1]. Микроисторическое исследование позволяет как можно ближе изучить повседневную жизнь села, отдав должное памяти нескольких поколениях советских граждан, внесшим свой вклад в общее дело Победы. Источниковой базой настоящей работы по истории тыловой повседневности жителей Мокроусовского района Зауралья стали делопроизводственная документация, материалы районной газеты, опубликованные и неопубликованные мемуары участников со-

бытий, а также устные воспоминания жителей района, трудившихся в тылу, собранные М. В. Усольцевой в 2019 г.

Мокроусовский район, расположенный в северо-восточной части Зауралья, в 1943 г. был выделен из состава Челябинской области, чтобы в числе прочих войти в состав новой административно-территориальной единицы — Курганской области. Накануне Великой Отечественной войны в 73 населенных пунктах района проживали 28 835 человек[2]. Они занимались сельскохозяйственным производством: выращивали зерновые и кормовые культуры, скот. Накануне войны в районе насчитывалось два совхоза, 47 колхозов, обслуживаемых Мокроусовской и Могилевской МТС, 139 животноводческих ферм, 50 379 голов скота. Работали четыре маслозавода, Утичевский масло-казеиновый завод, промысловая артель, несколько ветряных и одна нефтяная мельница. имелось 129 тракторов, 92 автомобиля, обрабатывалось почти 49 067 га пашни[3].

Жители района вели личные подсобные хозяйства: почти каждый двор располагал своим приусадебным участком (в пределах 15 соток), держал коров, свиней, овец, коз, птицу, у многих были лошади. В предвоенный период, по данным похозяйственных книг, с. Мокроусово в основном населяли семьи простых колхозников, реже комбайнеров, кузнецов, пекарей и др. Чаще всего главой семьи являлся отец, редко — мать; большая часть семей были многодетными с двумя родителями. Подавляющее большинство населения райцентра в этот период оставалось малограмотным[4].

Посевная 1941 г., проходившая в тяжелейших погодных условиях, завершилась накануне Великой Отечественной войны. Некоторые жители района помнят, как началась война. «В доме все плакали, а я не понимала, в чем дело. Качала люльку с младшим братиком[5], — вспоминает Г. Е. Ильиных из дер. Крепость. «Мужик по деревне на лошади едет и кричит: “Война! Война!”, мы все к совету побежали»[6], — рассказывает Г. М. Панова из дер. Чесноково. О первом дне войны писал в своих воспоминаниях и первый секретарь райкома ВКП(б) Николай Никифорович Тарасов, проработавший на этом посту все военное время: «…в райком в день объявления войны поступила телеграмма, которая определила и обязала мобилизовать за 12 лет рождений мужчин, автомашины, гусеничные тракторы, походные мастерские. Эти задания довели до директоров совхозов, председателей колхозов, сельсоветов. Я хорошо помню — выполняя эту телеграмму, первые трое суток я не ложился отдыхать и не был дома. Задание было выполнено в срок. Началась работа по-военному, под лозунгами: “Каждому работать за двоих!”, “Все для фронта — все для победы!” — таков был призыв партии все годы войны. Райком призывал коммунистов, комсомольцев и трудящихся района: во что бы то ни стало сохранить довоенные посевные площади и поголовье скота»[7]. Рабочий день секретаря райкома начинался с рассветом и заканчивался далеко за полночь[8].

После объявления войны во всех деревнях района прошли митинги, началась мобилизация. Мужчины уходили на фронт. Только Мокроусовским райвоенкоматом были призваны за войну 6262 человека, 182 офицеров запаса[9].

Начавшаяся война нанесла тяжелый удар по всем отраслям народного хозяйства. Захват врагом важнейших сельскохозяйственных районов

страны привел к чрезвычайному напряжению в мобилизации ресурсов из тыловых территорий, в том числе из Мокроусовского района. Пригодные тракторы, лошади отправлялись на фронт. В полном составе вместе с автомобилями был мобилизован коллектив Мокроусовской автороты, в дер. Погодаево из шести трактористов остался только один — Григорий Бакин, остальные ушли на фронт[10]. Для работы на оставшихся тракторах нужны были подготовленные кадры. Пришлось обучать женщин, для чего при МТС были организованы курсы, руководителем которых назначили М. Е. Шалыгина. Осенью 1941 г. две группы по 30 человек приступили к занятиям. Большинство женщин были малограмотными, к тому же завести трактор им не хватало сил — за стартер брались впятером[11]. За годы войны более 400 женщин и подростков в районе стали механизаторами[12]. Одна из первых трактористок совхоза «Большекаменский» З. А. Гутрова вспоминала: «Первое время я работала прицепщицей, а потом перешла на трактор. Одежонка дырявая да ветхая. Ночи холодные. Весной — ветра, осенью — снег с дождем, а мы на тракторе в поле, и кабина не спасает от непогоды»[27]. Позднее Зою Гутрову и ее подруг Тису Валякину и Галю Алексееву направили на учебу в Троицк, где девушки получили специальность шофера. «По прибытии домой определили меня помощником к водителю Балыкову, но вскоре его забрали на фронт, и стала я полноправным водителем, — вспоминает труженица тыла В. Г. Вьялкова. — За рулем полуторки ездила на станцию Лебяжье за горючим, которое в бочках грузили в кузов. В уборку отвозили зерно с поля на ток и государству сдавали. Техники в совхозе было мало, так мой рабочий день начинался затемно и заканчивался заполночь. Добрые машины были забраны на фронт, а в совхозе остались старые. Со стартера моя не заводилась, надо было крутить рукоятку. Сил-то не хватало, поревешь бывало, а ехать надо, стоять не будешь»[13].

Поставки горючего для оставшейся техники резко сократились. Осенью 1942 г. для каждой области Советского Союза был установлен план перехода на твердое топливо, однако в целом переход на новые виды топлива, по данным исследователей, не состоялся ввиду сложности переоборудования и низкой производительности двигателей[14]. В Мокроусовском районе по предложению бригадира Трофима Заборских из дер. Грамотеево занялись переоборудованием тракторов на работу на «деревянном топливе». Чурки заготавливали школьники и старики. Т. П. Соколов рассказывал, как он, двенадцатилетний, подвозил чурки к колхозному трактору[15]. Народные рационализаторы искали выход и из ситуации с нехваткой запчастей. Слесари Могилевской МТС Иван Тарков и Иван Куприянов отреставрировали по своему методу до 40 деталей. Их опыт был рекомендован к внедрению. Благодаря этой работе колхозы и совхозы к весне 1943 г. получили возможность восстановить все тракторы[16].

В то же время механизированный труд в общей доле сельхозработ на Урале и в довоенный период не был преобладающим. «Сельское хозяйство базировалось на традиционном ручном труде»[17], — подчеркивал Г. Е. Корнилов, — а «личное хозяйство колхозников, дававшее все основные продукты питания, кроме хлеба, основывалось исключительно на ручном труде с применением простейших орудий»[18]. В годы войны сельскохозяйственные работы легли на плечи женщин, стариков и детей. Доля мужчин среди

трудоспособного населения до начала войны составляла 46,2 %, женщин — 53,8 %, в 1944 г. мужчин — 18,7 %, женщин — 81,3 %[19]. Работали на быках и коровах, которым вешали на шею деревянный хомут, соединенный оглоблей с телегой, плугом, бороной или молотилкой. Управляли ими женщины: пахали, сеяли, косили, убирали зерно. Женскими руками строились коровники, амбары и другие хозяйственные сооружения.

Женщины района подавали пример самоотверженного труда. Газета сообщала о рекорде двух солдаток. Они навязали в день по 1200 снопов. Это пять норм! Назавтра их примеру последовали Надежда Воронина, Домна Киселева из колхоза «Передовик», Матрена Фомина, Анастасия Першина из колхоза «Красный путиловец», Дарья Бакина из колхоза «Восход коммуны» и многие другие. В колхозе «Передовик» Марфа Клименко и Шура Гейман в день убрали хлеба по 56 га, выполнив пять норм за световой день[20].

Дети и подростки рано повзрослели, взвалив на свои плечи, зачастую наравне с женщинами и стариками, работу по дому и в колхозе, ответственность за младших братьев и сестер. «Когда война была, меня с Толькой Никоновым на трактор посадили, я всю посевную на тракторе и проработала, — вспоминает Г. М. Панова из дер. Чесноково. — Потом как-то мне дали пару быков, мы на них пахали, сеяли. А когда посевная пройдет, опять покос был, литовкой вручную все косили»[21]. «Нас много таких девчонок было, — подчеркивает О. Н. Прудникова. — Все работали»[22]. У. Е. Ильиных из с. Крепость рассказывает: «…в летние каникулы… помогали взрослым: сеяли табак, пасынковали, в пучках сушили на базовках, готовый мелко рубили, расфасовывали и посылками отправляли на фронт. В наши обязанности входили огородные работы: картошка, капуста — на наших детских плечах. А после четвертого класса приставили помощницей в ясли»[23]. «Вынужденная военным временем инициация детей, не только взявших на себя отдельные функции отцов и матерей в семье, заменивших их в системе военной экономики, приняла массовый характер как в деревне, так и в городе»[24], — подчеркивают исследователи тыловой повседневности.

В военные годы и на более квалифицированные и ответственные работы привлекались подростки. Так, редактировать мокроусовскую районную газету пришлось члену райкома комсомола Марии Акиничне Евдокимовой, только что окончившей десять классов. По ее воспоминаниям, руководство района было непреклонно: «Понимаешь, Маша, надо! Мужчин из редакции в армию забирают, берись за дело. Ты член райкома комсомола. Людей в районе знаешь, а писать научишься»[25]. Едва Мария написала первую заметку в газету, как все мужчины — сотрудники редакции — ушли на фронт. Газета тогда выходила на четырех полосах три раза в неделю. В помощь Марии руководство района выделило пропагандиста райкома ВКП(б) Варю Михалеву, а газету вместо редактора подписывал сам Н. Н. Тарасов. Официально редактором газеты М. А. Евдокимова была утверждена только в январе 1944 г. Тяжело было будущему редактору принимать сообщения Совинформбюро, передававшиеся в 23 часа ночи по единственному радиоприемнику в радиоузле, наборщики спали прямо в типографии — к утру газету сдавали на почту[26]. Пешком, летом на велосипеде, зимой на лыжах добирались корреспонденты до отдаленных

деревень. В 1942 г. редакция получила лошадь: сначала ездили верхом в седле, затем в кошеве. В середине войны в штате появился конюх, он же был и телохранителем. Для жителей района газета «Ленинский путь» была одним из главных источников информации. Сводки Совинформбюро, принятые работником редакции, передавались по телефону в хозяйства и сельсоветы. Там их переписывали от руки учителя и школьники, доставляли в бригады, на фермы, рассказывали населению. В аналогичных условиях работали в годы войны и юные сотрудницы еще одной зауральской газеты — «Красное знамя» Кетовского района[27].

В связи с оккупацией южных районов страны в колхозах начали выращивать новые сельскохозяйственные культуры: кок-сагыз, табак, сахарную свеклу[28]. Из Мокроусово продовольствие шло в промышленные центры Урала: «Нижний Тагил получил от района озеро Куртан для ловли карася, они организовали рыболовецкую бригаду, все лето ловили карася, солили его и вялили на солнце, отправили в Нижний Тагил несколько тонн, — вспоминал Н. Н. Тарасов. — Колхозы Щигровского совета много сдали картофеля челябинскому Танкограду, который вывез картофель на станцию Лебяжье на 2 танках»[29]. По рассказам очевидца, «в село вдруг приехал настоящий боевой танк, вооруженные танкисты в белых полушубках охраняли груз — тракторные сани с ящиками сливочного масла. Хотя танки с многотонными коробками вместо орудийных башен уже некоторое время успешно вывозили из района картофель, свеклу, морковь на станцию Лебяжье. К их присутствию мы уже привыкли, а тут вдруг настоящий боевой танк с прицепом-санями»[30]. В Мокроусово был открыт пищекомбинат, где занимались сушкой картофеля и овощей для армии.

Снабжение фронта и городов давалось сельчанам чрезвычайным напряжением ресурсов. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»[31] увеличивало обязательный минимум почти в полтора раза: каждый член колхоза, вместо 60–80 дней должен был отработать в год не менее 100–150 дней, в зависимости от района. Дети 12–16 лет должны были отработать не менее 50 трудодней в год. В случае невыполнения положенного минимума работник исключался из колхоза, мог лишиться своего приусадебного участка и быть осужденным на исправительно-трудовые работы сроком до шести месяцев[32]. Наряду с денежным налогом каждый двор должен был отдавать в определенном количестве зерно, молоко, мясо, яйца, шерсть, картофель и другие сельскохозяйственные продукты. Так, в 1943 г. Мокроусовскому району было установлено задание по заготовке 50 пудов хлеба из личных запасов колхозников[33]. По воспоминаниям первого секретаря райкома, «на местах была проведена индивидуальная работа с колхозниками, убеждали каждого поделиться запасами хлеба с Красной Армией, было заготовлено около 3000 пудов зерна, государство отоваривало часть зерна промтоварами»[34].

В условиях Великой Отечественной войны с деревни брали не столько, сколько она могла дать, а сколько требовалось государству. В литературе эти факты принято называть «массовым героизмом крестьян и жертвенным подвигом деревни». Колхозники, сдававшие государству значительную часть своей сельскохозяйственной продукции, сами жили впроголодь. «Всю вой-

ну худо жили, — вспоминает О. Н. Прудникова из дер. Чесноково. — Нас в семье шестеро детей было, мы сильно бедно жили. Есть нечего было, зимой картошку ходили мороженую копали на полях колхозных, колоски ходили собирали, чтобы не умереть»[35]. Г. Е. Евстафьева свидетельствовала: «Голод был постоянным нашим спутником. Ходила "по миру". В своей деревне было стыдно, стучалась в двери жителей соседних сел»[36]. Более подробно скудное пропитание военных лет описывает О. Е. Прокопьева: «…картошки были, похлебка… летом кислятку ели, пучки. Луку нащиплешь да с солью натолкешь и ешь. И все так были. У которых и хлеба не было. Меня в ясли отдавали, были у нас в колхозе. Чем там кормили, я уже не помню — чем-нибудь все равно, поди, кормили, горошницей какой, кашей постной, потому что родители были на работе, с раннего утра до позднего вечера, у всех ведь так было»[37]. Г. П. Мурашова рассказала: «…в школе во время большой перемены мы все собирались на кухне, выстраивались в очередь и подходили по одному к кастрюле, из которой нам подавали овощи: кому свеклу, кому морковку, кому картошку. Как получится. А иногда картошка попадалась гнилой внутри, но второй раз подойти было уже стыдно. Летом нас вывозили в лес для сбора ягод, грибов и трав для фронта. Первым делом мы старались поесть ягод сами»[38]. Сладостью для ребят были «паренки» — мелко нарезанные морковь или брюква, высушенные в печке. Также из мелко нарезанной бересты и добавленного жира делали жвачку, чтобы утолить голод; ели жмых (спрессованные отходы подсолнечных семечек), сладкие камышовые корни на болоте, корни саранки, суп из лебеды, крапивы, листьев капусты и свеклы[39]. Сельчанам, в отличие от городских жителей, были доступны леса, озера, дававшие возможность рыбачить, охотиться и собирать ягоды, грибы и другие пригодные к пище растения, что сильно облегчало жизнь населения. Г. В. Важенина из с. Мокроусово вспоминала: «Отца… забрали на фронт. Все взрослые работы легли на детские плечи и маму. Заготовить сено и дрова — одна проблема, а вывезти домой — другая. Машины нет, только на коровах и быках. Стал наиглавнейший вопрос: чем прокормиться? Мальчишки стали ходить на охоту: ставили петли на зайцев, охотились на тетеревов и уток, весной разоряли гнезда, сочили березовый сок»[40]. В военные годы помимо катастрофической нехватки продовольствия не было предметов и средств бытового назначения. Для стирки белья женщины использовали кишки, оставшиеся от забоя животных: вымывали их, вываривали в печке, получая мыльный раствор[41]. Посуду и другую кухонную утварь, по воспоминаниям О. Е. Прокопьевой, мыли золой, песком: «Я маленькая на озеро бегала, песочком чугунки оттирала, и самовар на озере чистила. А полы в избе с печиной мыли. А печину как делали? Кирпичи толкли, голик брали. Печины накладешь и голиком трешь»[42].

Цифры статистики свидетельствуют о сокращении питания колхозников в СССР следующим образом: в 1943 г. по сравнению с 1939 г. личное потребление хлебопродуктов снизилось на 35 %, мяса и сала — на 66 %; потребление картофеля, наоборот, увеличилось на 109 %. овощей — на 24 %[43]. Основными продуктами питания уральских тружеников села в годы войны, по данным В. П. Мотревича, были картофель и овощи, а выживание семьи в условиях военного времени обеспечивало личное подсобное хозяйство:

«…питание колхозников ухудшилось в 1942 г. и продолжало ухудшаться в 1943–1944 гг.; только в 1945 г. наступил перелом… Бóльшая часть денег и продуктов поступала от личного подсобного хозяйства, и именно от его состояния зависело материальное положение колхозников. Поэтому величайшим проявлением патриотизма советского крестьянства является тот факт, что в этих условиях большую часть рабочего времени колхозники трудились не в личном, а в общественном хозяйстве»[44]. Стоит подчеркнуть, к примеру, что первый выходной день за весь военный период работников Могилевской МТС, состоялся 9 мая 1945 г.[45]

С первых дней войны труженики Мокроусовского района участвовали в сборе денежных средств в Фонд обороны. В 1941 г. они собрали более 2 млн руб. на строительство танковых колонн «Челябинский колхозник» и «Челябинский комсомолец»[46]. К. В. Шелепов, получив похоронку на своего единственного сына, все свои сбережения (25 тыс. руб.) отнес в сельсовет со словами: «Возьмите на самолет. Отдай я их раньше, самолет бы уже, поди, немцев бил, и сын мой, быть может, в живых остался»[47]. Такую же сумму внес на строительство самолета П. А. Уваров[48]. Силами членов литературного кружка Дмитриевской школы было собрано на боевое вооружение 28 тыс. руб., произведен посев овощных культур, а урожай передан в фонд Красной Армии[49]. Женщины вязали носки и варежки, шили кисеты и отправляли на фронт своим близким или другим солдатам.

В тяжелейших условиях военного времени сельчане находили силы для помощи нуждающимся семьям. Коллектив промартели «Пятилетку — в четыре года» первым в Мокроусовском районе взял шефство над пятью многодетными семьями коллег, погибших на фронте. Работники артели отчисляли однодневный заработок, помогали в ремонте квартир, заготовке дров и корма для скота. Газета рассказала об этой инициативе, и почин был одобрен районным партийным руководством, распространен на все хозяйства. За два декадника для таких семей поступило 490 пудов хлеба, 600 пудов картофеля и овощей, более 40 ц молока, 80 кг шерсти, много овчин, свыше 10 тыс. руб., отремонтировано 18 квартир, выделено 10 коров, подвезено более 2 тыс. кубометров дров и 3 тыс. ц корма; 30 детей были возвращены в школу[50].

На территории Мокроусовского района в период Великой Отечественной войны находилось три детских дома, в которых были размещены дети, эвакуированные из Ленинграда, Москвы и других мест. Они также занимались посадкой, прополкой, уборкой урожая, выступали с концертами для жителей сел[51].

Обучение школьников района в годы Великой Отечественной войны проходило в тяжелых условиях: в отсутствие электричества, тетрадей, при острой нехватке дров. Парты ученики вместе с учителями сколачивали сами, а в морозы ученические столы нередко оказывались в печке. Учитель Н. Т. Сибирякова вспоминает: «Сердце обливалось кровью, когда в топке оказывались книги… иначе сырые, только вывезенные из леса дрова ничем не проймешь, не растопишь печь, и замерзнешь вместе с детьми»[52]. Нехватка одежды (особенно в зимнее время) нередко становилась причиной непосещения детьми школьных занятий. «У нас с сестрой было всего по одной кофточке и по одной юбочке, — вспоминает С. Е. Шляхова. — Когда мама

стирала, а точнее, просто пропаривала в печи нашу одежду, мы голенькие сидели возле печки и ждали пока она высохнет»[53]. По словам Н. И. Клабуковой (Рыльских) из дер. Большое Песьяное, «надеть нечего было, поэтому в зимнее время из дома почти не выходили. Старшие ребятишки в школе учились… Валенки были одни на всю семью»[54]. Отметим, что сельские школы и в довоенный период остро нуждались улучшении материально-бытовых условий, равно как и ситуация с нехваткой теплой детской одежды не была редкостью[55], что не останавливало, но ограничивало реализацию школьного образования на селе. По свидетельству одной из старейших учителей района И. А. Рыльских (Пеладзе), работавшей в военное время в с. Куртан, люди находили время и для отдыха: «…несмотря на нелегкий быт, мы жили интересной жизнью… ставили спектакли, концерты, ходили с агитбригадой пешком в соседние деревни, возвращались домой счастливые и гордые, что доставили радость деревенским жителям, которые в глубинке ничего не видели»[56]. «Молодость брала свое, — делится воспоминаниями О. Н. Прудникова. — Несмотря на тяжелую изнурительную работу, собирались на вечерки. Под гармошку пели частушки, плясали, хороводились»[57].

С 1943 г. в район с фронта стали приезжать первые демобилизованные мужчины, внеся коррективы в сельскую тыловую жизнь. Массовый трудовой энтузиазм механизаторов позволил району стать в 1944 г. победителем в области по хлебозаготовкам, выполнив годовой план хлебосдачи, дав стране и фронту в 2,4 раза больше хлеба, чем в 1943 г.; 24 колхоза и два совхоза дали сверх плана 66 502 пуда зерна; району было вручено переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома, а передовикам — ордена и медали[58]. В Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось: «Учитывая, что в условиях военного времени работа по хлебозаготовкам имеет особо важное значение для достижения победы над врагом и приравнивается по своему значению к фронтовой работе, за успешное выполнение государственного плана хлебозаготовок 1944 года наградить орденом Отечественной войны II степени Н. Н. Тарасова — первого секретаря Мокроусовского райкома партии, и П. М. Коркина — уполномоченного Наркомзага». Более трех тысяч тружеников района были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а комбайнер Алексей Кокорин — орденом Ленина[59].

Высокие показатели хлебозаготовок стали результатом чрезвычайного напряжения сил сельских тружеников. Немногие оставшиеся в тылу мужчины, в том числе руководящие работники, приняли на себя груз ответственности за перестройку и налаживание сельскохозяйственного производства в тяжелейших условиях военного времени. Женщины, подростки и старики вынуждены были заменить трудоспособных мужчин в тылу, в том числе на тяжелых и квалифицированных работах, одновременно заботясь и о собственных семьях. В быту и сельскохозяйственном производстве в годы войны было занято немало детей. В условиях дефицита полноценного питания и предметов первой необходимости труженики села находили средства и силы для помощи фронту, промышленным центрам, эвакуированным гражданам и нуждающимся семьям погибших, отдавая действительно все для Победы.

Примечания

[1] Мотревич В. П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 45.

[2] Папулов В. М. На берегах Кизака. Страницы летописи земли Мокроусовской. Мокроусово, 2009. С. 170.

[3] Кокорев И. Это нашей истории строки // Восход. 1984. № 1. С. 3.

[4] ГАКО. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–84.

[5] Воспоминания Г. Е. Ильиных, 1937 г. р. Записано в с. Мокроусово в марте 2019 г.

[6] Воспоминания А. М. Панова, 1927 г. р. Записано в с. Мокроусово в марте 2019 г.

[7] Тарасов Н. Н. Письмо с воспоминаниями о работе // Фонды Мокроусовского музея Курганской области.

[8] Папулов В. М. Указ. соч. С. 174.

[9] Там же. С. 172.

[10] Там же. С. 171.

[11] Глухих Л. В. Повседневная жизнь мокроусовцев в годы Великой Отечественной войны // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы регион. науч.-практ. конф., г. Курган, 22 апр. 2015 г. Курган, 2015. С. 80.

[12] Там же.

[13] Вьялкова В. Г. По волнам памяти // Восход. 2015. № 47. С. 5.

[14] Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 15–16.

[15] Судьба человека // Восход. 2016. № 32. С. 5.

[16] Газета «Восход»: прошлое и настоящее / под ред. Л. Меркурьевой. Курган, 2014. С. 25.

[17] Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 13

[18] Там же. С. 26.

[19] Там же. С. 40.

[20] Газета «Восход»: прошлое и настоящее. С. 22.

[21] Воспоминания Г. М. Пановой, 1927 г. р. Записано в с. Мокроусово в январе 2019 г.

[22] Воспоминания О. Н. Прудниковой, 1929 г. р. Записано в с. Мокроусово в январе 2019 г.

[23] Смирнова В. С душой открытой, сердцем добрым // Восход. 2016. № 9. С. 5.

[24] Палецких Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 125.

[25] Газета «Восход»: прошлое и настоящее. С. 20.

[26] Там же. С. 99.

[27] Кладова К. Ю. Кетовская районная газета «Красное Знамя» в годы Великой Отечественной войны // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы регион. науч.-практ. конф. Курган, 2015. С. 107–112.

[28] Глухих Л. В. Указ. соч. С. 81.

[29] Тарасов Н. Н. Указ. соч.

[30] Панков А. Зауральское детство мое // Восход. 2015. № 22. С. 5.

[31] Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.04.1942 № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4353.htm (дата обращения: 29.05.19).

[32] Кондрашин В. В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2005. № 2. С. 289.

[33] Папулов В. М. Указ. соч. С. 177.

[34] Тарасов Н. Н. Указ. соч.

[35] Воспоминания О. Н. Прудниковой.

[36] Воспоминания Г. Е. Евстафьевой, 1937 г. р. Записано в с. Мокроусово в марте 2019 г.

[37] Воспоминания О. Е. Прокопьевой, 1938 г. р. Записано в с. Мокроусово в январе 2019 г.

[38] Воспоминания Г. П. Мурашовой, 1933 г. р. Записано в с. Мокроусово в мае 2019 г.

[39] Кодинцев А. Я. Быт зауральской деревни в военное время // Земля Курганская: прошлое и настоящее : краевед. сб. Вып 9. Курган, 1995. С. 141.

[40] Лиханова Т. Я. Время жизни все-таки идет // Восход. 2016. № 33. С. 4.

[41] Глухих Л. В. Указ. соч. С. 79.

[42] Воспоминания О. Е. Прокопьевой.

[43] Мотревич В. П. Указ. соч. С. 62.

[44] Там же. С. 66.

[45] Могутнов В. П. Триумф патриотизма и героизма // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы регион. науч.-практ. конф., г. Курган, 22 апр. 2015 г. Курган, 2015. С. 23.

[46] Газета «Восход»: прошлое и настоящее. С. 22.

[47] Папулов В. М. Указ. соч. С. 177.

[48] Газета «Восход»: прошлое и настоящее. С. 27.

[49] Жилякова Т. Детдомовцы помнят Зауралье // Восход. 2015. № 13. С. 5.

[50] Газета «Восход»: прошлое и настоящее. С. 21.

[51] Жилякова Т. Указ. соч. С. 5.

[52] Воспоминания Н. Т. Сибиряковой, 1924 г. р. Записано в с. Мокроусово в мае 2019 г.

[53] Воспоминания С. Е. Шляховой, 1933 г. р. Записано в с. Мокроусово в мае 2019 г.

[54] Захарова Н. Г. Отца я знала по рассказам мамы // Восход. 2016. № 33. С. 5.

[55] Перова М. А. Пространство детской повседневности в Советской России 1920–1930-х годов (на примере Курганского и Шадринского округов) // Вестн. Перм. ун-та. История. 2018. № 3 (42). С. 107–115.

[56] Кривошеина Ю. Ю. Ее сердце открыто для всех // Восход. 2016. № 35. С. 5.

[57] Воспоминания О. Н. Прудниковой.

[58] Газета «Восход»: прошлое и настоящее. С. 25.

[59] Там же. С. 28.

Л. М. Завьялова

Вклад жителей Ханты-Мансийского национального округа в развитие рыбной промышленности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В статье на основе архивных материалов рассматриваются этапы развития рыбного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны, реконструируется организационная структура, анализируются объемы производства и условия труда рабочих.

Ключевые слова: *Ханты-Мансийский национальный округ, рыбная промышленность, Великая Отечественная война.*

10 декабря 1930 г. вышло постановление ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». В составе Уральской области среди других национальных округов был образован и Остяко-Вогульский округ, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 октября 1940 г. округ был переименован в Ханты-Мансийский.

Согласно сведениям из «Конъюнктурного обзора Ханты-Мансийского округа за 1941 год», Ханты-Мансийский национальный округ Омской области (с августа 1944 г. — Тюменской) располагался в водоразделе среднего течения Оби с правобережными и левобережными притоками и нижнего течения Иртыша с его притоками. Территория округа определялась в 54 845,75 тыс. га, из которых водные бассейны занимали 2938,8 тыс. га, болота — 31 472,2 тыс. га, леса — 15 805,6 тыс. га, пахотной земли — 750,35 тыс. га. В административном плане округ имел шесть районов, 58 сельских советов, из них 35 национальных. На территории округа располагалось 929 населенных пунктов с 24 181 хозяйством; преобладающим являлось коллективное хозяйство, единоличных хозяйств по округу насчитывалось 356. По данным подворного учета, на 1 января 1942 г. в округу значилось 91 726 человек[1].

Наиболее населенным районом был Самаровский (с 1964 г. — Ханты-Мансийский), граничащий с г. Ханты-Мансийском. Самым малонаселенным районом — Ларьякский (с 1962 г. — Нижневартовский), расположенный на границе с Ямало-Ненецким округом и с преимущественно национальным населением хантэ (так в документе), ведущим полукочевой образ жизни

в некоторых из советов: Корликовском, Колек-Еганском, Толькинском. Женщины в значительной степени преобладали над мужчинами. И это было объяснимо: мужчины уходили на фронт; всего за военный период с территории округа было призвано свыше 17 тыс. человек.

Среди ведущих отраслей народного хозяйства преобладала рыбодобыча. Ввиду первоочередного развития рыбной промышленности в округе и в связи с этим роста населения все остальные отрасли народного хозяйства были подчинены выполнению этой задачи. В число их входило освоение новых земель для посева сельскохозяйственных культур, развитие животноводства, подготовка кадров с расширением контингента учащихся в Ханты-Мансийской окружной колхозной школе, развитие сети предприятий местной промышленности с целью расширения производства товаров ширпотреба и продовольствия на местном сырье и т. д.[2]

Исходя из условий, вытекающих из Великой Отечественной войны советского народа против германско-фашистских захватчиков, округом предусматривался рост и развитие отраслей хозяйства в помощь фронту и стране. Профессор Нижневартовского университета Л. В. Алексеева, изучая рыбное хозяйство периода Второй мировой войны, выделила четыре этапа, два из которых непосредственно приходятся на Великую Отечественную войну: 1) сентябрь 1939 — июнь 1941 г.; 2) 22 июня 1941 — январь 1942 г.; 3) 6 января 1942 — май 1945 г.; 4) май 1945 — сентябрь 1945 г.[3]

Первый этап характеризовался стабильным развитием отрасли. И это было связано, в первую очередь, с некоторым техническим перевооружением. В первый же месяц войны бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) отмечало, что райкомы ВКП(б), исполкомы райсоветов, директора рыбозаводов, моторно-рыболовных станций, председатели рыбакколхозсоюзов не учли особенностей летнего сезона, вытекающего из большого и длительного многоводья. Навязанная же СССР фашистской Германией война требовала исключительной мобилизованности, дисциплины и самоотверженности каждого работника, организованного проведения всех работ, в том числе и подготовки профессионально грамотных кадров, связанных с выполнением государственного плана рыбодобычи.

В августе 1941 г. с целью подготовки кадров для развития рыбных промыслов Ханты-Мансийского национального округа в Ханты-Мансийск был переведен Тобольский рыбтехникум, переименованный решением Тюменского областного исполкома Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1943 г. в Ханты-Мансийский техникум рыбной промышленности[4]. Учебное заведение готовило техников средней квалификации по добыче рыбы, технологов, консервщиков, рыбоводов, судоводителей, бухгалтеров. Ханты-Мансийский рыбопромышленный техникум выпустил в период войны 180 технологов, механиков и бухгалтеров для предприятий Обь-Иртышского бассейна.

1 сентября 1942 г. в Самарово и Березово открылись школы ФЗО соответственно № 16 и 17, выпускники которых шли на предприятия Омгосрыбтреста[5]. Для подготовки кадров организовывались районные курсы бригадиров лова и звеньевых. Не исключался и метод индивидуального обучения.

Второй этап отличался стремлением «дать стране и армии больше рыбы, мяса, пушмехсырья, леса, сократить максимально завоз товаров широкого

потребления и продовольствия из центра за счет увеличения выпуска продукции сельского хозяйства, животноводства и местной промышленности внутри округа, резко сократить расходы государственных средств, наладить жесткую экономию материалов, сырья, продовольствия»[6].

Третий этап — ключевой в развитии рыбного хозяйства указанного периода. Большую роль в развитии рыбопромышленности округа и организации выполнения плана рыбодобычи сыграло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», принятое к руководству партийными и советскими организациями Ханты-Мансийского национального округа.

Выполнение задач военного времени требовало пополнения человеческих ресурсов. Составители «Объяснительной записки к контрольным цифрам развития народного хозяйства Ханты-Мансийского округа на 1943 год» отмечали, что «на 1/1-1942 года население взято грубо ориентировочно в количестве 82,7 тыс. чел. Уменьшение населения против 1941 г. произошло за счет мобилизации в армию примерно около 15,0 тыс. чел. (подчеркнуто автором. — *Л. З.*). На 1943 год планируется иметь всего населения, не считая выпавших в армию, 100,0 чел., из них трудоспособного населения 36,0 тыс. Для выполнения задач, поставленных перед округом контрольными цифрами, требуется рабочей силы среднегодовое 40,2 тыс. чел. и в напряженный момент 3-го квартала максимально 51,0 тыс. чел., округ имеет всего 36,0 тыс. чел., т. е. недостача рабочей силы определена примерно 15,0 тыс. чел.»[7].

Эта задача начала решаться за счет эвакуированных лиц, депортированных и спецпереселенцев.

28 августа 1941 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Вслед за этим документом в течение сентября — ноября 1941 г. ГКО принял ряд постановлений о выселении лиц немецкой национальности из Москвы, Ленинграда, Московской, Ленинградской, Саратовской, Сталинградской, Запорожской и других областей страны. Часть российских немцев была депортирована в составе эвакуированного населения. В Омскую область вывезли более 14 тыс. украинцев, молдаван и поляков. Большая часть депортированных была направлена в национальный округ после принятия постановления о развитии рыбных промыслов. Результатом явилось увеличение количества рыбаков в гослове «за счет завезенных Омгосрыбтрестом переселенцев в 1942 году в количестве 6405 чел. и завозимых в 1943 году 10,0 тыс. чел. по решению СНК СССР»[8]. К примеру, только в одном Самаровском районе появились 484 выселенца из Западной Украины, 235 румын и молдаван[9].

Согласно данным об участии и потребности рабочей силы по отраслям народного хозяйства по районам Ханты-Мансийского округа в 1943 г., по состоянию на 1 октября 1943 г. потребность в рабочей силе по всем отраслям народного хозяйства во всех районах округа, в частности по рыбной промышленности, все еще продолжала оставаться высокой: на предприятиях минус 1502 человек (рыбодобыча, переработка, вспомогательные процессы), для вылова рыбы в колхозах необходимо было привлечь 3586 человек[10].

В порядке обязательной трудовой повинности для работы на промыслах Омгосрыбтреста привлекалось неработающее трудоспособное население: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет[11]. К лову и сдаче рыбы государству были привлечены также любители и другие лица из рабочих, служащих и неколхозников, имеющих необходимый опыт.

В соответствии с постановлением тресту округа был установлен план вылова рыбы на 1942 г. в объеме 235 тыс. ц, куда входила добыча рыбы госпредприятиями, колхозами и частными лицами. Большая доля рыбодобычи приходилась на колхозы (180 тыс. ц) и госпредприятия (55 тыс. ц)[12]. В ассортимент вылавливаемой рыбы входили породы: осетровые, лососевые, сиговые, крупный частик, мелкий частик. Потребность в дополнительной рабочей силе для выполнения плана рыбодобычи составляла 2941 человек. Так, Ларьякский рыбозавод в первом квартале 1942 г. имел всего пять рыбаков (вместо 50), Сургутский рыбозавод — 174 рыбака вместо 200[13]. Не хватало также спецодежды и обуви для рыбаков, оснащенность рыбопромыслов орудиями труда была также низкой. В этот период начали применять круглогодичный лов рыбы.

Но даже в таких условиях в число передовых колхозов, выполнивших план рыбодобычи 1941 г. и досрочно задания первого квартала 1942 г., на окружную доску почета были занесены районы: Березовский (пять рыб- и сельхозартелей), Самаровский (три), Сургутский (три)[14].

Для обслуживания колхозов дополнительно к существующим трем моторно-рыболовным станциям (МРС) предлагалось организовать МРС в районе деятельности Березовского, Кондинского (Микояновский район, с 1957 г. — Октябрьский), Нахрачинского (Кондинский район), Ларьякского рыбозаводов. В плане была определена материально-техническая база вновь организуемых МРС: механические мастерские, мастерская-склад для орудий лова, 10–15 мотолодок мощностью 10–15 л. с., три катера мощностью по 30 л. с., два сухогрузных паузка грузоподъемностью по 20–30 т. Предполагалось построить Сургутский консервный завод, пуск которого был намечен на 1 июня 1943 г. Ввод в действие Березовского стеклозавода позволило бы выпустить консервные банки первой очереди в количестве 2 млн штук[15]. Все принятые меры должны были увеличить добычу рыбы в два-три раза.

С целью более оперативного руководства рыбной промышленностью округа, согласно Постановлению СНК СССР от 27 января 1943 г., из Омского государственного рыбопромышленного треста приказом Омгосрыбтреста от 17 марта 1943 г. № 116 «О разделении Омского госрыбтреста» и приказом по Главсибрыбпрому НКРП СССР № 46 от 17 февраля 1943 г. был выделен Ханты-Мансийский госрыбтрест. В список предприятий Ханты-Мансийского госрыбтреста вошли Сургутская консервная фабрика, Самаровский консервный комбинат, 12 рыбозаводов (Березовский, Сосвинский, Полноватский, Микояновский, Матлымский, Нахрачинский, Учинский, Сытоминский, Сургутский, Локосовский, Нижневартовский, Ларьякский), шесть МРС (Березовская, Микояновская, Самаровская, Сургутская, Ларьякская, Нахрачинская), два леспромхоза (Кондинский, Нахрачинский), Самаровский лесозавод, Реполовский совхоз, два стройучастка (Сургутский, Самаровский). В компетенцию госрыбтреста входило руководство

рыбодобычей, обработкой (консервное производство, копчение, засолка), заготовкой и перевозкой рыбы, осуществление общего руководства в отношении кадров, обеспечение предприятий специалистами, подготовка кадров, повышение квалификации работников рыбтреста и его предприятий[16].

Облову подлежали все рыбоугодья: 120 стрежевых, 58 плавных, 1155 малых и средних песков, 440 проток, 905 речек, 770 курей, 535 живцов, 659 соров, 913 озер. Приказ по Ханты-Мансийскому государственному рыбопромышленному тресту Главсибрыбпрома НКРП СССР от 18 мая 2943 г. № 205 констатировал, что «территория Ханты-Мансийского округа, в котором действует Ханты-Мансийский Госрыбтрест, имеет колоссальные резервы водных угодий. Рыбохозяйственный фонд включает магистраль реки Оби на протяжении около 1000 км с богатейшей поймой и рядом притоков, имеющих крупное рыбохозяйственное значение как реки Б[ольшая] Сосьва, Казым, Батлымская, Шеркальская, Чемашинская, Назым, Салым, Пим, Тром-Аган и др. В рыбфонд округа также входит нижнее течение р. Иртыша, протяжением 330 км с его важнейшим притоком — р. Кондой протяженностью 600 км и сотни озер, соров и других водоемов. Однако этот богатейший фонд освоен и используется на 55–60 %. Освоение новых водоемов идет крайне медленно. Например, из водоемов, принадлежащих Согомскому колхозу используется всего лишь 30, Ландинским колхозом эксплуатируется 27 из 69 учтенных водоемов»[17]. Одним из решений этого вопроса был перевод в 1944 г. 46 сельскохозяйственных артелей округа на устав рыбацкой артели, в том числе по Кондинскому району — 13, Самаровскому — 20, Сургутскому — 13 артелей[18].

Весь военный период активно проводилась агитационно-массовая и политико-воспитательная работа, направленная на мобилизацию на перевыполнение производственных планов, развертывание социалистического соревнования и стахановского движения. Свою долю в приближении Победы внесли избачи. В частности, кроме агитационной деятельности непосредственно в выполнении плановых заданий по рыбодобыче участвовали избачи, учителя, школьники. Так, избач Картин из вершинской избы-читальни в 1944 г. добыл 500 кг рыбы. Председатель Реполовского колхоза Сургутсков в газете «Сталинская трибуна» отмечал активную деятельность для успешного выполнения планов сева и рыбодобычи заведующей реполовской избой-читальней Низовских, подчеркивая, что избачитальня стала боевым сельским агитпунктом: «В бригадах полеводов и рыбаков т. Низовских читает газеты, знакомит колхозников с решениями партии и правительства, помогает выпускать бригадные стенные газеты. Имеется доска почета, куда заносятся имена передовых людей колхоза. Тов. Низовских участвует в лове рыбы для снабжения Красной армии. Вместе с комсомольцами села Реполово она несколько раз выезжала на промысел»[19].

Окружная газета «Сталинская трибуна» в 1944 г. писала «Два дня тому назад гословецкая бригада Мызникова (Кеушинский рыбоучасток Мало-Атлымского рыбозавода) пополнилась звеном юных рыбаков. Шесть девочек — учениц Кеушинской неполной средней школы (семилетняя школа) под руководством опытной рыбачки Марии Федоровны Необутовой в первый же день своей работы показали лучшие результаты, чем остальные

звенья бригады. Малым неводом в протоке за первые семь притонений юные рыбаки добыли полцентнера рыбы»[20].

А вот эпизод из личных воспоминаний Агнии Степановны Антоновой, учительницы начальной школы дер. Сивохребт Самаровского района, в послевоенное время жительницы Самары (личный архив Н. М. Струцкой, пос. Березово):

> Школа для фронта должна была сдать норму рыбы. Колхоз был рыболовецкий. И куда это я с детьми 8–14 лет поеду рыбачить? Конечно, я пошла сама в рыболовецкую бригаду. Ловили большим неводом на реке Салым. Я ходила на «пяти». Что это такое? Невод укладывают в определенном порядке в лодку. Затем лодка плывет вдоль берега 20–30 метров, того, кто ходит на «пяти» высаживают и дают ему один конец невода, привязанный к палке с сучком на нижнем конце. Лодка отплывает поперек реки метров на 15–20 м и возвращается вдоль реки к тому месту, откуда уплыла. При этом невод выбрасывают (вымётывают) в воду, а я должна идти к этому месту (куда плывет лодка) только по берегу. Основные рыбаки ходили в бродняx — обувь с голенищами до паха, а я — босиком. Когда весь невод выкинут, остается небольшой конец, пока лодка пристанет к берегу, и я подхожу туда же, и начинаю выбирать невод из воды, и укладывать в лодку. Рыба вместе с петлей невода вытаскивается на берег, это называется «притонить» невод. Рыбу выбирают и перегружают в рыбницы (баржи с дырявыми боками), или солят в ящики. Когда все выберу, снова на замёт.

Несмотря на трудовые усилия рыбаков, планы по рыбодобыче не выполнялись в течение всего военного времени[21]. К примеру, согласно «Сведениям о работе производственных предприятий Ханты-Мансийского госрыбтреста на 1/X-1943 года», вылов рыбы по районам по тресту составил 74,4 % — 256,8 ц (план 345,0 ц), выпуск консервов был выполнен на 90,2 % (5862 тыс. условных банок, план— 6500).

Но, опираясь на статью сотрудника Государственного архива Югры Л. В. Набоковой, можно сделать вывод, что в рыбтресте имелись десятки бригад гослова, рыбаков, работников других отраслей, которые показывали образцы высокопроизводительного труда. Передовые предприятия — Сосьвинский и Березовский рыбозаводы, Самаровский консервный комбинат, Березовская и Самаровская МРС, 117 передовых колхозов округа — значительно перевыполнили государственную программу добычи и обработки рыбы 1943 г, дав стране и фронту десятки тысяч центнеров рыбной продукции сверх плана.

Только за 1943–1944 гг. передовым колхозам, рыболовецким бригадам, рыбозаводам, МРС за первенство в соцсоревновании было выдано денежных премий на 4,4 млн руб. В 1944 г. округ занял первое место в Сибири по отгрузке рыбы, результатам работы флота. Сургутский консервный завод получил первую Всесоюзную премию[22]. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования предприятий рыбной промышленности в первом квартале 1945 г. Ханты-Мансийскому рыбтресту была присуждена первая союзная премия в 125 тыс. руб. Третьи союзные премии были присуждены: бригаде гослова Полноватского рыбозавода — 3000 руб., Кальмановскому

колхозу им. Дзержинского (Микояновский район, ныне — Октябрьский) — 14 тыс. руб., Камскому колхозу «Красная звезда» (Кондинский район) — 4000 руб. и т. д. Приказом по тресту премированы крупными денежными суммами за умелое руководство рыбодобычей 32 инженерно-технических и руководящих работника управления треста и рыбозаводов. В числе премированных директора Мало-Атлымского (А. В. Граждан) и Сосьвинского (Долгушин) рыбозаводов, Самаровского консервного комбината (М. Л. Лирин) и др. Для премирования лучших начальников рыбоучастков за перевыполнение плана первого квартала по основным видам производства, техников лова, лучших бригадиров и рыбаков гослова, перевыполнивших план добычи рыбы и обеспечивших наименьший износ орудий лова, выделено было трестом в распоряжение директоров рыбозаводов и МРС 27 500 руб.[23]

На рыбных промыслах округа трудилось 200 комсомольско-молодежных бригад. Приказом управляющего Ханты-Мансийским трестом Баганова за самоотверженный труд, перевыполнение установленных заданий в течение путины 1943 г. был выделен денежный фонд в 1500 руб. для приобретения подарков особо отличившимся комсомольцам. Среди них были названы В. Н. Плесовских (бригадир рыбартели «Новый быт», обеспечивший выполнение плана бригады на 132 %), Н. А. Аликина (звеньевая колхоза им. Кирова, выполнившая план третьего квартала на 200 %, годовой — на 115 %), Т. Кананирова (укладчица Самаровского комбината, выполнившая норму на 169 %), Бобров (слесарь Самаровского комбината, выполнивший задание на 300 %), пионерское звено из дер. Чучели в составе подростков 10–13 лет.

В период Великой Отечественной войны предприятия треста, работая в условиях резкого недостатка оборудования, машин, сетеснастных и других материалов, сумели расширить добычу необходимой фронту и тылу рыбы, увеличить производство консервов, освоить выпуск новых видов рыбной продукции, создать ряд вспомогательных производств. Это удалось сделать за счет крайнего напряжения сил населения округа, усиления интенсификации труда, опоры на простые, но рациональные решения в организации производства, мобилизации всех сил и средств.

За годы Великой Отечественной войны работники рыбной промышленности округа добились существенного увеличения годового улова рыбы. Если в 1940 г. было добыто 134,6 тыс. ц рыбы, то в 1941 г. добыча составила 148,3 тыс., в 1942 г. — 233,4 тыс., в 1943 г. — 311,0 тыс., в 1944 г. — 247,3 тыс., в 1945 г. — 170,7 тыс. ц. Максимальный объем вылова рыбы пришелся на 1943 г. Правда, такие высокие темпы, а также использование нестандартных мелкоячеистых орудий лова, отступления от правил рыболовства, вызванные военными условиями, подорвали сырьевую базу. Это привело к резкому сокращению добычи рыбы в 1945 г.

Всего за военный период Ханты-Мансийский округ дал стране 1 млн 111 тыс. 638 ц рыбы. В округе были созданы семь рыбозаводов, четыре МРС, 26 рыбоучастков, 177 рыбоприемных и обрабатывающих стационарных пунктов. За образцовую работу в рыбной промышленности округа 19 человек были награждены правительством орденами и медалями, 28 — значком «Отличник социалистического соревнования», 108 — похвальными грамотами Наркомрыбпрома СССР[24].

Примечания

[1] Государственный архив Югры. Ф. 184. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. Л. 183–185.
[3] Алексеева А. В. К вопросу об итогах изучения истории рыбного хозяйства Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в 1939–1945 гг. // Западная Сибирь: история и современность : краевед. зап. Нижневартовск, 2015.
[4] Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 134.
[5] Там же. Ф. 118. Оп. 1. Л. 50.
[6] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 4.
[7] Там же. Л. 6 об. — 7.
[8] Там же. Д. 208. Л. 12.
[9] Загороднюк Н. И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Тюмень, 2003. С. 165.
[10] Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 54.
[11] Там же. Д. 208. Л. 134.
[12] Там же. Д. 199. Л. 114.
[13] Там же. Д. 209. Л. 200.
[14] Там же. Л. 90 об. — 91.
[15] Там же. Д. 208. Л. 14–21.
[16] Там же. Ф. 118. Оп. 1. Л. 1–2.
[17] Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
[18] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 6.
[19] Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[20] Арфин М. Звено юных рыбаков вышло на лов // Сталин. трибуна. 1944. 24 июня.
[21] Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5. С. 145.
[22] Набокова Л. В. Рыба для фронта // Югра. 2005. № 10. С. 63–64.
[23] Государственный архив Югры. Ф. 32. Оп. 1. Д. 69. Л. 22 об.
[24] Набокова Л. В. Указ. соч. С. 65–67.

В. П. Мотревич, Ш. В. Исуфов

Совхозы советских республик Центральной Азии в начале Великой Отечественной войны

На основе анализа сводных годовых отчетов совхозов республик Центральной Азии исследованы состояние материально-технической базы и результаты развития аграрного производства в советских хозяйствах в 1941 г., определены номенклатура и количество сданной государству сельскохозяйственной продукции. Обоснован вывод о том, что в первые шесть месяцев войны совхозы Центральной Азии достаточно успешно справились с трудностями военного времени и по ряду показателей даже превзошли уровень довоенного 1940 г.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Центральная Азия, совхозы, земледелие, посевные площади, животноводство, валовая продукция, заготовки*.

Совхозам Союза ССР накануне и в годы Великой Отечественной войны посвящен ряд крупных научных трудов, однако история советских хозяйств республик Центральной Азии исследована в них фрагментарно[1]. В последние годы в разных странах опубликована серия работ о состоянии сельского хозяйства в годы войны в Центральной Азии, однако основное внимание в них уделено колхозам и производственной деятельности колхозников[2]. В данной работе на основе материалов сводных годовых отчетов совхозов исследованы основные показатели хозяйственной деятельности советских хозяйств в республиках Центральной Азии в первый год войны.

В 1930-е гг. в ходе проводимой в Союзе ССР модернизации сельского хозяйства в стране шло интенсивное совхозное строительство. В результате на начало 1941 г. в СССР насчитывалось 4159 совхозов, их земельный фонд составлял 67 313,4 тыс. га, посевные площади равнялись 11 559,4 тыс. га, из которых свыше половины (7681,1 тыс. га) приходилось на зерновые культуры[3]. Среди совхозов преобладали животноводческие (1536), плодовые и овощные (494) и зерновые (476) хозяйства. Совхозы имелись во всех союзных республиках СССР, но основная их часть находилась в России (2600), Украине (929) и Казахстане (194)[4].

Показатели валовой продукции сельского хозяйства СССР накануне Великой Отечественной войны в стоимостном выражении свидетельствуют, что в 1940 г. на долю советских республик Центральной Азии (Казахская,

Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская ССР) приходилось 10,4 % общесоюзного аграрного производства. Самыми крупными сельхозпроизводителями в Центральной Азии были Казахстан и Узбекистан, на их долю пришлось соответственно 38,7 и 37,3 % произведенной в регионе сельскохозяйственной продукции. Доля Киргизии составляла 9,7 %, Таджикистана — 7,8 %, Туркмении — 6,5 %. Данные о размерах производства по категориям хозяйств показывают, что накануне войны в Центральной Азии почти ¾ (72,7 %) всей сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении произвели колхозы. В 1940 г. на личные хозяйства колхозников пришлось еще 14,0 % вала, хозяйства рабочих и служащих — 3,1 %, единоличников — 0,2 %. На долю государственного сектора (совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий, организаций и учреждений) в 1940 г. в Центральной Азии в среднем приходилось 10,0 % сельскохозяйственной продукции региона в стоимостном выражении. В большинстве республик вклад государственного сектора в сельское хозяйство был еще меньше, он находился в диапазоне от 6,2 % в Туркмении до 9,3 % в Таджикистане. В отличие от них в Казахстане роль государственного сектора была более чем в три раза выше среднего по региону. Стоимость произведенной в государственных сельскохозяйственных предприятиях Казахстана продукции составляла в 1940 г. 30,5 % ее валового производства[5].

Вскоре после начала Великой Отечественной войны в связи с оккупацией территорий ряда союзных республик и областей РСФСР сеть совхозов в стране заметно сократилась. На начало 1942 г. в Союзе ССР остался 2321 совхоз, в том числе в РСФСР — 1583. Среднегодовая численность работников в них составляла соответственно 846,1 тыс. и 537,6 тыс. человек. В пяти советских республиках Центральной Азии имелся 361 совхоз, их земельный фонд занимал 28 141,8 тыс. га, среднегодовая численность работников составляла 197,0 тыс. человек. Больше всего советских хозяйств располагалось на территории Казахстана. В Казахской ССР насчитывалось 197 совхозов, в том числе в Акмолинской области — 15, в Актюбинской — 11, в Алма-Атинской — 17, в Восточно-Казахстанской — 9, в Гурьевской — 2, в Джамбульской — 12, в Западно-Казахстанской — 33, в Карагандинской — 5, в Кустанайской — 25, в Павлодарской — 24, в Северо-Казахстанской — 16, в Семипалатинской — 11 и в Южно-Казахстанской области — 17 совхозов. Земельный фонд совхозов составлял 18 865,8 тыс. га, среднегодовая численность постоянных работников — 101 481 человек[6]. Некоторые советские хозяйства в Казахстане были очень крупными. Так, Джетыгаринский совхоз имел 124,4 тыс. га земли, Карасульский — 105,2 тыс., Тюнтюгурский — 111,4 тыс., Кайранский — 73.2 тыс., Москалевский — 64,5 тыс., Октябрьский — 55,7 тыс. га и т. д.[7]

После Казахстана по количеству советских хозяйств следовали Узбекская, Киргизская, Туркменская и Таджикская союзные республики. В Узбекской ССР на начало 1942 г. имелся 81 совхоз, в том числе в Каракалпакской АССР — 1, в Андижанской области — 4, в Бухарской — 13, в Наманганской — 5, в Самаркандской — 21, в Сурхандарьинской — 5, в Ташкентской — 25, в Ферганской — 6, в Хорезмской области — 1 совхоз. Земельный фонд совхозов составлял 2819,1 тыс. га, среднегодовая численность постоянных работников — 62 222 человека. В Киргизской ССР имелось 36 совхозов,

в том числе в Джалал-Абадской области — 2, в Иссык-Кульской — 9, в Ошской — 4, в Тянь-Шанской — 3, во Фрунзенской — 18 совхозов. Земельный фонд совхозов составлял 1083,5 тыс. га, среднегодовая численность постоянных работников — 18 363 человека. В Туркменской ССР было 27 совхозов, в том числе в Ашхабадской области — 10, в Красноводской — 2, в Марыйской — 11, в Ташаузской — 1, в Чарджоуской — 3 совхоза. Земельный фонд совхозов составлял 5038,7 тыс. га, среднегодовая численность постоянных работников — 7072 человека. В Таджикской ССР имелось 20 совхозов, в том числе в Горно-Бадахшанской области — 1, в Кулябской — 1, в Ленинабадской — 3, в Сталинабадской — 15 совхозов. Земельный фонд совхозов составлял 334,7 тыс. га, среднегодовая численность постоянных работников — 7828 человек[8].

Хранящиеся в фонде ЦСУ СССР сводные годовые отчеты совхозов республик, краев и областей Союза ССР позволяют также достаточно подробно исследовать материально-техническую базу советских хозяйств, охарактеризовать состояние отдельных отраслей сельского хозяйства, определить масштабы аграрного производства и результаты сдачи государству сельскохозяйственной продукции. В 1930–1950-е гг. в сельском хозяйстве СССР сложная техника находилась в распоряжении государственных предприятий — машинно-тракторных станций и совхозов. В предвоенные годы укреплению материально-технической базы сельского хозяйства в стране уделяли большое внимание, туда направляли значительные средства. Однако в конце 1930-х гг. в связи с нарастанием внешней опасности резко увеличились ассигнования на военные нужды. Огромные средства вкладывались в развитие тяжелой и оборонной промышленности. Все это замедляло темы технического перевооружения сельского хозяйства. Уменьшился выпуск тракторов, комбайнов, различных сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним. По данным на начало 1942 г., в советских хозяйствах республик Центральной Азии имелся 9021 трактор, 87 % их находилось в совхозах Казахстана и Узбекистана. Таким образом, в среднем на один совхоз приходилось 25 тракторов, в основном колесных. Удельный вес колесных тракторов в составе тракторного парка составлял в совхозах республик 91 %, что было значительно выше, чем в целом по сельскому хозяйству Союза ССР (56 %). Существовавшая разница объяснялась тем, что мощную гусеничную технику направляли в первую очередь в основные сельскохозяйственные районы страны: в Центрально-Черноземный район, на Кубань, в Поволжье и Украину. В составе колесных машин преобладали трактора марки СТЗ-ХТЗ, составлявшие на начало 1942 г. 71 % всего тракторного парка. Кроме них в совхозах имелось 799 гусеничных тракторов, в основном это были выпущенные Челябинским тракторным заводом машины марок С-60 (лигроиновые), С-65 (дизельные) и СХТЗ-НАТИ (керосиновые). По сравнению с колесными машинами гусеничные тракторы обладали большей экономической эффективностью и производительностью, но их было немного[9].

Тракторная техника в совхозах региона, как и во всем сельском хозяйстве СССР, была достаточно устаревшей. Производство тракторов СТЗ-ХТЗ было прекращено в 1937 г., а гусеничных тракторов С-60 — еще в 1935 г. Изношенная техника нуждалась в постоянном ремонте, однако производство не только тракторов, но и запасных частей к ним с началом войны

было свернуто. Если в 1940 г. запасных частей для тракторов и сельхозмашин было выпущено на сумму 525,5 млн руб., то в 1941 г. — всего на 358,4 млн[10]. В результате часть техники оставалась неотремонтированной и простаивала. На протяжении всего 1941 г. в совхозах не работали 682 трактора (7,6 % тракторного парка) и 247 комбайнов (9,3 %)[11]. Важнейший показатель использования тракторного парка — его выработка. В 1941 г. наивысшая выработка была отмечена в совхозах Киргизской ССР, где она составила 325 га «мягкой пахоты» в расчете на один 15-сильный трактор. В Казахстане выработка на трактор составляла 293 га, в Узбекистане — 263, в Таджикистане — 204, в Туркмении — всего 160 га «мягкой пахоты». Существующую разницу можно объяснить неодинаковыми природно-климатическими условиями республик и разной специализацией совхозного производства.

В механизации сельского хозяйства важную роль играл автомобильный транспорт. С началом войны количество грузовых автомобилей в сельском хозяйстве страны стало быстро сокращаться. 30 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об автотракторном и гужевом транспорте, поставленном для Красной Армии»[12]. В соответствии с Указом в стране началась мобилизация автотранспорта, принадлежавшего государственным и общественным организациям, а также колхозам и физическим лицам. Каждое предприятие и организация получили наряд на поставку автомашин и лошадей для РККА. Весь изъятый в порядке мобилизации транспорт принимался райвоенкоматами от государственных и общественных организаций бесплатно, а от колхозов и физических лиц — за плату, а затем направлялся на погрузочные станции. С началом войны сократилась, а затем и полностью была прекращена отгрузка грузовых автомобилей для сельского хозяйства. В составе автомобильного парка советских хозяйств преобладали знаменитые «полуторки». Это были созданные на базе американского грузовика Ford модели АА образца 1930 г. полуторатонные автомобили «ГАЗ-АА» с бензиновым двигателем.

Представление о машинно-тракторном парке совхозов центральноазиатских республик дают материалы табл. 1. По ее данным, на начало 1942 г. в совхозах республик Центральной Азии насчитывалось 1504 грузовых автомобиля, из них «полуторок» — 1110, то есть 74 %. Значительно меньше в совхозах имелось трехтонных автомобилей ЗиС также с бензиновыми двигателями (212 машин). В совхозах было и 40 пикапов — легких полутонных грузовиков с закрытой кабиной и открытой грузовой площадкой с невысокими бортами, производимых на Горьковском автозаводе по лицензии американской кампании Ford. Помимо грузовиков в совхозах насчитывалось и 387 легковых автомобилей[13]. Это означало, что в начале войны легковой автомобиль в регионе имелся фактически в каждом совхозе.

Таблица 1

Машинно-тракторный парк совхозов республик Центральной Азии
(по состоянию на 1 января 1942 г.)*

Вид транспорта	Казахская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР
Тракторы	5184	574	433	196	2634
Комбайны	1987	138	21	217	286
Грузовые автомобили	948	104	67	53	332

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 46,45, 59.

Осенью 1941 г. одновременно с проведением уборочных работ совхозы приступили к севу озимых культур, однако война внесла изменения в проведение осенних полевых работ. В связи с оккупацией важных сельскохозяйственных районов страны встал вопрос о расширении посевов в восточных районах СССР. 16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии»[14]. Планом предусматривалось уже в 1941 г. значительно расширить посевы озимых зерновых культур. Расширение посевов озимых ввиду созревания яровых и озимых культур в разное время должно было способствовать более полному использованию техники и рабочей силы осенью 1942 г., а также ослабить напряженность весеннего сева. В результате с осени 1941 г. в восточных районах страны — на Урале, в Западной Сибири, — а также в республиках Центральной Азии началось расширение посевов. По данным И. Е. Зеленина, посевы озимых культур под урожай 1942 г. в совхозах среднеазиатских республик увеличились на 41,4 %[15]. Данные о структуре посевных площадей в совхозах показывают, что ⅔ площадей в них (65,4 %) были заняты под зерновые культуры (табл. 2).

Таблица 2

Посевные площади совхозов республик Центральной Азии в 1941 году, га*

Культуры	Казахская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР
Зерновые	705 286	38 423	5459	4634	80 431
Технические	14 301	7663	4843	140	45 338
Картофель	2540	615	87	41	680
Овощи и бахчевые	3138	580	146	553	1043
Кормовые	265 705	33 272	3930	1515	55 497
Всего	990 970	80 553	14 465	6883	182 989

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 52, 61.

Вследствие различных природно-климатических условий набор выращиваемых зерновых культур в республиках был неодинаков. В совхозах Казахстана ведущими зерновыми культурами были яровые: пшеница, ячмень, овес; на их долю приходилось соответственно 39,6, 21,8 и 26,7 % всех посевов зерновых в республике. В Киргизии основными зерновыми культурами в совхозах были ячмень, овес и озимая пшеница, в Узбекистане — озимая пшеница и ячмень, в Таджикистане — озимая пшеница и овес[16]. В 1941 г. в совхозах страны был выращен богатый урожай зерновых. В результате, несмотря на значительное ухудшение условий деятельности хозяйств в связи с начавшейся войной, урожайность зерновых по сравнению с последующими годами оказалась достаточно высокой. В Казахстане урожай зерновых в 1941 г. составил 7,9 ц/га, в Киргизии — 11,9 ц/га, в Таджикистане — 7,7 ц/га, в Туркмении — 7,9 ц/га. В некоторых областях урожайность зерновых в совхозах была еще выше. Так, в Киргизии в 18 совхозах Фрунзенской области средняя урожайность зерновых составила 12,6 ц/га, а в 9 совхозах Иссык-Кульской области — даже 13,5 ц/га. Значительно ниже урожайность была в Узбекистане — 5,1 ц/га. По сравнению с довоенным 1940 г., когда средняя урожайность в совхозах республик Центральной Азии составила 4,9 ц/га, результаты уборочной 1941 г. можно признать успешными.

Второе место по размерам посевов занимали кормовые, за ними следовали технические культуры. Исключением являлась Туркмения, где посевов овощей и бахчевых культур было больше, чем посевов технических культур. В Казахстане технические культуры в совхозах выращивались повсеместно (исключение — Гурьевская область), наибольшие площади под ними находились в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях. Одной из главных технических культур был подсолнечник, в 1941 г. площадь его посевов в совхозах республики составляла 4,7 тыс. га. Повсеместно выращивали технические культуры также и в совхозах Узбекистана. В Туркмении же все посевы технических культур находились в Марыйской области, в Таджикистане — в Сталинабадской области, в Киргизии — в основном во Фрунзенской области. В совхозах всех республик выращивали и картофель, но в весьма незначительных объемах. На долю картофеля в структуре посевных площадей центрально-азиатских республик приходилось всего 0,3 % (см. табл. 2).

В тесной взаимосвязи с земледелием находилось животноводство. Начавшаяся война нанесла тяжелый удар по животноводству, к январю 1942 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР сократилось с 54,5 млн голов в 1940 г. до 31,4 млн. Численность свиней уменьшилась более чем втрое, овец и коз — почти на четверть[17]. Противоположная тенденция наблюдалась в совхозах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана. По данным И. Е. Зеленина, численность крупного рогатого скота в совхозах республик Средней Азии и Казахстана на протяжении 1941 г. по сравнению с 1940 г. возросла на 7,8 %, свиней — на 17,9 %, овец и коз — на 20,0 %. Судя по приводимым этим автором данным, на протяжении 1941 г. поголовье крупного рогатого скота в совхозах республик Центральной Азии увеличилось на 35,8 тыс. голов, свиней — на 12,2 тыс., овец и коз — на 510,6 тыс. голов[18]. Автор увязывал рост поголовья с эвакуацией скота в совхозы восточных районов страны, однако с этим едва ли можно согласиться.

Однако данные сводных годовых отчетов советских хозяйств региона свидетельствуют о том, что в 1941 г. эвакуированный скот поступал только в совхозы двух областей Казахстана. В Актюбинскую область было эвакуировано 6964 головы крупного рогатого скота, 16 182 овцы и три лошади. В Западно-Казахстанскую область — 12 100 голов крупного рогатого скота, 11 021 овца и 106 лошадей, что было значительно меньше прироста поголовья в совхозах региона в 1941 г. Таким образом, приводимые данные доказывают, что роль эвакуированного скота в росте совхозного поголовья была весьма незначительной. Главной причиной роста поголовья в первый год войны было улучшение ухода за ним и сокращение падежа. Одновременно с 123,0 тыс. до 119,2 тыс. в совхозах сократилась численность лошадей, что было вызвано их передачей в РККА и на промышленные предприятия (табл. 3)[19].

Таблица 3

Поголовье скота и птицы в совхозах республик Центральной Азии (по состоянию на 1 января 1942 года), голов*

Показатель	Казахская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР
Крупный рогатый скот	453 628	32 871	1803	3308	14 456
Овцы	1 184 440	292 652	137 244	352 350	620 387
Свиньи	62 437	5257	1329	1476	9295
Лошади	80 099	19 254	4002	2 094	13 742
Птица	4203	5141	—	399	4108

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 6, 44, 45, 53, 62, 63.

Помимо животноводства в совхозах страны было развито птицеводство и пчеловодство. Однако уже осенью 1941 г. численность птицы стала сокращаться, что было связано с недостатком зернофуража. На начало 1942 г. в совхозах Казахстана имелось всего 4,2 тыс. голов птицы, в Киргизии — 5,1 тыс., в Туркмении — 0,4 тыс., в Узбекистане — 4,1 тыс. голов (см. табл. 3). В совхозах всех республик развивалось и пчеловодство, лучше всего оно было поставлено в Узбекистане, где на начало 1942 г. в советских хозяйствах имелось 10,7 тыс. пчелосемей.

В годы войны важнейшей отраслью земледелия в совхозах Центральной Азии, как и в целом по стране, было производство зерна. Данные табл. 4 показывают, что в совхозной системе основными производителями зерна в Центральной Азии являлись советские хозяйства Казахстана. В 1941 г. на их долю приходилось свыше ⅘ (81,1 %) валового сбора зерна совхозами республик Центральной Азии.

Таблица 4

Валовой сбор зерновых в совхозах республик Центральной Азии в 1941 году, ц*

Культура	Казахская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР
Пшеница озимая	78 428	128 405	1701	391	97 422
Рожь озимая	206 083	—	—	—	—
Пшеница яровая	1 686 542	39 134	93	828	17 287
Ячмень яровой	1 089 900	150 965	1019	4127	67 106
Овес	1 278 830	118 367	7371	—	2697
Прочие зерновые	286 916	20 193	31 985	28 880	223 835
Все зерновые	4 626 699	457 064	42 169	34 226	408 347

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 2.

В самой тесной связи с производством сельскохозяйственной продукции была сдача ее государству. Совхозы сдавали свою продукцию государству в предусмотренных планами размерах. Принимаемые в начале года производственные планы совхозов не устанавливали конкретные задания по сдаче государству растениеводческой продукции. Размеры хлебосдачи определялись перед началом уборки в соответствии с видами на урожай. На основании утвержденных правительством планов хлебосдачи для совхозов различных систем Наркомат совхозов СССР распределял эти задания по управлениям и трестам. Те, в свою очередь, определяли задания для каждого совхоза в отдельности. Данные табл. 5 показывают, что в 1941 г. совхозы Центральной Азии сдали государству 5568,5 тыс. ц зерновых, основная часть хлебосдачи (87,3 %) приходилась на советские хозяйства Казахстана. Для совхозов Казахстана была характерна и высокая товарность зернового производства. В 1941 г. сдача зерна государству совхозами республики составляла 46,2 % от всего урожая. Несколько ниже была товарность в Узбекистане (36,2 %) и Киргизии (34,3 %). Товарность зернового хозяйства в Таджикистане и Туркмении была значительно ниже, что было обусловлено специализацией совхозного производства в них.

Таблица 5

Сдача продукции государству совхозами республик Центральной Азии в 1941 году (в зачетном весе), ц*

Продукция	Казахская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР
Зерновые	2 136 896	156 952	6 094	644	147 670
Скот и мясо	233 841	55 010	6 217	10 294	17 608
Молоко	595 865	119 302	618	156	40 593
Шерсть	34 570	8 672	2 755	11 180	17 748

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 2.

Приводимые в табл. 5 данные показывают сдачу государству сельскохозяйственной продукции не в фактическом, а в зачетном весе, поскольку в 1930–1950-е гг. часто практиковалась замена недостающей продукции другой по установленному эквиваленту. Расчеты показывают, что в 1941 г. совхозами республик Центральной Азии было сдано в зачетном весе 2448,3 тыс. ц зерновых и бобовых культур, а фактическом весе — 2809,6 тыс. ц, то есть на 361,3 тыс. ц больше. Разница объясняется тем, что совхозы часто сдавали государству зерновые в счет выполнения планов сдачи животноводческой продукции, которой у хозяйств часто недоставало. Данные табл. № 5 показывают, что в 1941 г. совхозы региона сдали государству 323,0 тыс. ц скота и мяса в переводе на живой вес, 756,5 тыс. ц молока и молочных продуктов в переводе на молоко, 74,9 тыс. ц шерсти. Сделанные по материалам Наркомзага СССР расчеты показывают, что в 1941 г. вклад совхозов республик Центральной Азии в продовольственный баланс Союза ССР составлял: по зерну — 1,0 %, по скоту и мясу в переводе на живой вес — 2,2 %, по молоку — 1,4 %, по шерсти — 6,3 %[20].

Таким образом, материалы сводных годовых отчетов советских хозяйств свидетельствуют о том, что в первые шесть месяцев первого года войны совхозы советских республик Центральной Азии достаточно успешно справились с проведением текущих работ и по ряду показателей даже превзошли уровень довоенного 1940 г. Огромные трудности при ведении сельскохозяйственного производства у совхозов республик Центральной Азии были впереди, когда его масштабы стали значительно сокращаться.

Примечания

[1] Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР : крат. ист. очерк. (1917–1975). М. : Политиздат, 1976. 279 с. ; Зеленин И. Е. Зерновые совхозы СССР (1933–1941 гг.). М. : Наука, 1966. 247 с. ; Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928–1941. М. : Наука, 1982. 239 с.

[2] Джунушалиева Г. Д. Сельское хозяйство Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : сб. науч. тр. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. С. 226–238 ; Она же. Животноводство Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории Кыргызстана. 2010. № 2. С. 25–34 ; Исуфов Ш. В. Машинно-тракторные станции Кулябской области в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный // Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 16–17 нояб. 2020 г. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 564–567 ; Мотревич В. П. Вклад сельского хозяйства Казахстана в победу в Великой Отечественной войне // Проблемы права и экономики : междунар. науч. журн. 2015. Вып. 7, № 4. С. 45–50 и др.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 191. Л. 1–7.

[4] Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М. : Госстаиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 42, 43.

[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48. Л. 1, 2.

[6] Там же. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 41, 50, 59.

[7] Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941–1950 гг.). М., 1969. С. 73.

[8] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 41, 50, 59.

[9] Там же. Л. 46, 64.

[10] Там же. Оп. 329. Д. 2166. Л. 28.

[11] Там же. Оп. 324. Д. 59. Л. 46, 55, 64.

[12] Экономическая жизнь СССР: хроника событий и фактов. 1917–1965 : в 2 кн. Кн. 1: 1917–1950. М. : Совет. энцикл., 1967. С. 332.

[13] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 41, 50, 59.

[14] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд. Т. 7. М. : Политиздат, 1985. С. 233–237.

[15] Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941–1950 гг.)… С. 75.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 2, 40, 52, 61.

[17] История Великой Отечественной Войны Советского Союза. 1941–1945 : в 6 т. / под ред. Н. А. Фокина. Т. 2. М. : Воениздат, 1961. С. 166.

[18] Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941–1950 гг.)… С. 93.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 43–45.

[20] Подсчитано по: Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург : Наука, 1993. С. 264, 281, 282, 284 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 1, 2.

И. М. Саидов

Сельское хозяйство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны

В статье говорится о тружениках сельского хозяйства Узбекистана, которые, преодолевая и самоотверженно трудясь на всем протяжении тяжелого военного времени, упорно ковали победу над врагом. О трудовом подвиге сельчан, обусловившем превращение республики в надежный арсенал фронта и явившемся неотъемлемой частью общемировой борьбы в борьбе с фашизмом.

Ключевые слова: *дехканство, сельское хозяйство, продовольственная продукция, монокультура хлопчатника, война, кадры, материально-техническая база, политотделы, трудовая дисциплина, каналы, трудовой подвиг.*

Почетное место во всенародной борьбе за разгром врага заняло узбекское дехканство. Перед сельским хозяйством республики с началом войны с фашизмом встала ответственная задача устойчивого обеспечения фронта продовольствием, а промышленность — сырьем. Для этого необходимо было в кратчайшие сроки перевести аграрное производство, как и все народное хозяйство, на военные рельсы, мобилизовать его материальные ресурсы.

Общая программа перестройки аграрной отрасли республики на военный лад была изложена в принятом союзным правительством 18 августа 1941 г. постановлении «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». В соответствии с ним состоявшийся в декабре 1941 г. V пленум ЦК КП(б)Уз определил следующие задачи: расширить посевные площади на 521 800 га, в том числе на 34 700 га — поливные земли; продолжить ускоренными темпами наращивание производства хлопка-сырца; увеличить в три раза валовый урожай зерновых, доведя его до 15 млн ц; обеспечить возделывание новой в то время в республике культуры — сахарной свеклы — на 70 000 га; повысить продуктивность животноводства, шелководства и других отраслей сельского хозяйства[1].

Как сегодня видится, партийно-правительственные решения, предусматривающие резкое увеличение посевных площадей под зерновыми и техническими культурами, явились ярким выражением волюнтаристского диктата центра. Они обязывали увеличить посевные площади Узбекистана,

который ежегодно отправлял сотни тысяч работников сельского хозяйства и его материально-технические средства на фронт, оголяя поля и фермы. В этих условиях требование от республики резкого расширения посевных площадей изначально обрекало данную акцию на невыполнение. И тем не менее на всем протяжении войны союзная установка безоговорочно проводилась в жизнь. Из Москвы каждый год поступали планы с указанием площадей новых земель, которые сельчане должны были ввести в оборот. А в это время основные посевные площади приходили в упадок и выходили из строя, так как некому было их обрабатывать.

Существенно осложняло решение задач по увеличению производства продовольственной продукции многолетнее засилье монокультуры — хлопчатника. Ведь вследствие жесткого проведения курса Центра на опережающее развитие хлопкопроизводства вся структура земледелия республики была нацелена к началу войны преимущественно на выращивание хлопка. Производство зерновых культур занимало второстепенное место. Зерно ввозилось главным образом из РСФСР и Украины. Оккупация же врагом производящих хлеб районов поставила перед аграрной отраслью Узбекистана необходимость самообеспечения республики собственным зерном. Между тем отсутствовали необходимая техника, специалисты, оказался во многом утрачен опыт предков. К тому же, поставив перед руководством Узбекистана задачу «продовольственного самообеспечения», сталинская администрация отнюдь не желала сокращения хлопкопосевов. Хлопководство продолжало рассматриваться в качестве ведущего направления сельского хозяйства края. Более того, его производство должно было увеличиться. Ведь в условиях войны хлопок становился весьма важным сырьем для оборонной промышленности.

Во-вторых, с началом войны существенно ослабла материально-техническая база аграрного производства. Вследствие объективных реалий последовательно сокращались транспортные средства МТС, колхозов и совхозов. Практически прекратилось поступление в село тракторов и иной техники. Резко уменьшилось снабжение агропредприятий запасными частями, удобрением и горючим. В итоге необычайно возросла доля ручного труда, увеличился объем работ на живом тягле. Пахали преимущественно на коровах. Использовали также примитивные орудия труда, вроде дедовского омача.

В-третьих, заметно обострился кадровый вопрос. Война отвлекла на фронт и в оборонную промышленность большую часть квалифицированных кадров и трудоспособного сельского населения. Немало сельских работников ушли в военную промышленность и на строительство, пополнив ряды рабочего класса. В результате уже в 1941–1942 гг. количество трудоспособных колхозников сократились в Узбекистане на 20 %, а к 1945 г. — почти на 40 %[2]. Особенно ощутимо сокращался механизаторский корпус. Так, если к началу войны общее число механизаторов и комбайнеров составляло 27 888 человек, то в 1942 г. их осталось лишь 2775, а в 1943 г. и того менее[3].

Явные перегибы допускались по линии «укрепления трудовой дисциплины». В наши дни стало хорошо известно, что советское руководство на всех поворотных этапах истории неизменно стремилось решить назревшие проблемы в первую очередь за счет крестьянства. Продолжился этот курс и в военный период. В условиях военного времени последовательно росли

государственные заготовки сельхозпродукции. Причем происходило это на фоне значительного сокращения ее урожайности и валовых сборов.

Отчисления в пользу государства росли за счет фондов потребления, сокращавшихся из года в год. Государственные заготовительные цены на колхозную продукцию оставались в основном такими же, как и перед войной: 7–8 копеек за 1 кг зерна, 3 копейки — за 1 кг картофеля, 41–53 руб. за голову крупного рогатого скота. Цены же на рынке возросли в 100–200 и более раз. В результате заготовительные цены стали играть символическую роль и не покрывали себестоимости. Это негативно сказывалось на доходах агрохозяйств. К примеру, валовый доход с 1 га хлопчатника, представляющего базовую культуру сельского хозяйства Узбекистана, равнялся в 1941 г. 2040 руб., в 1942 г. — 1050, в 1943 г. — 760 руб. Иными словами, фактически вся колхозно-совхозная продукция поступала в распоряжение государства почти бесплатно. Резкое сокращение фондов потребления тяжело сказалось на материальном положении сельчан. В деревне по существу воцарился голод[4].

В сложившейся обстановке неминуемо следовало ожидать падения сельскохозяйственного производства. Ведь у голодных тружеников села зачастую не оставалось сил на изнурительные, физически чрезвычайно тяжелые сельхозработы. В целях активизации трудовой деятельности крестьян СНК и ЦК ВКП(б) издали 13 апреля 1942 г. специальное постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»[5]. Согласно ему, каждый член колхоза отныне должен был отработать не 60–100 трудодней, как это было установлено до войны, а не менее 100–150. Впервые вводился обязательный минимум в 50 трудодней для подростков, которым стали выдаваться трудовые книжки. Колхозники, не выработавшие установленного минимума, считались выбывшими из колхоза со всеми вытекающими отсюда последствиями. Между тем за невыполнение плановых заданий дехкане лишались приусадебного участка, объявлялись «трудовыми дезертирами» и привлекались к административно-уголовной ответственности. За невыработку трудодней по периодам работы трудоспособные колхозники могли предаваться суду и наказываться исправительно-трудовыми работами в самих колхозах на срок до шести месяцев.

В результате проведения в жизнь данного постановления только в 1943 г. из колхозов республики было исключено около 8 % семей. Более двух тысяч колхозников оказались в сталинских лагерях[6]. Политика «административной дубинки» смыкалась с политикой жесткого идеологического контроля. Подавалась эта акция под знаком усиления партийного влияния на весь ход политической и хозяйственной работы на селе. Одним из ее звеньев явилось принятое в ноябре 1941 г. решение ЦК ВКП(б) о воссоздании распущенных было в 1934 г. политотделов при МТС и совхозах.

В советской исторической литературе, как правило, подчеркивалось, что политотделы оказывали повседневную помощь агрохозяйствам в осуществлении производственных планов, вели большую политико-воспитательную работу. При этом умалчивалось, что руководство политотделов напрямую было связано с органами бериевского НКВД. Неслучайно они не были подотчетны сельским райкомам.

Главную свою задачу руководство политотделов видело в подстегивании «трудовой дисциплины», в подборе преданных партии кадров, в без-

условном обеспечении выполнения тружениками села госпоставок. Активно развернулась работа по организации политотделов на рубеже 1941–1942 гг. В целях ее ускорения ЦК КП(б)Уз специально направил в МТС 567 организаторов, в том числе 189 коммунистов в качестве начальников политотделов, 189 заместителей и 189 помощников по комсомольской части[7].

Прежде всего политотделы МТС направили усилия на интенсивное расширение сети сельских партийных организаций колхозов и совхозов, призванных практически осуществлять политику и директивы партии на селе. В результате только в 1942 г. в колхозах республики были вновь созданы 362 парторганизации. Число коммунистов в сельхозартелях увеличилось по сравнению с 1942 г. вдвое[8]. Выросло также и число комсомольских организаций. На 1 октября 1942 г. в Узбекистане насчитывалось 6426 колхозных комсомольско-молодежных организаций, объединивших 108 177 юношей и девушек, в МТС и МТМ — 171 (1977 человек). Их количество возросло за год на 373.

Жестко взяли в свои руки политотделы МТС организацию и учет труда в аграрной сфере. Работники политотделов систематически проверяли табели в колхозах и записи трудодней в книжках колхозников, возбуждали уголовные дела против, как им казалось, недостаточно активно работающих членов сельхозартелей. Но даже будучи безжалостно зажатыми в административно-тоталитарные тиски, сельчане не утратили взращенные веками лучшие человеческие качества. Они не отождествляли советскую систему с Родиной. Главные их помыслы связывались с победой над иноземными захватчиками. В оказании помощи фронту они видели священный долг.

С началом войны в смертельную борьбу с жестоким врагом активно вступило узбекское дехканство. На прошедших в июле 1941 г. митингах жители кишлаков и аулов торжественно клялись: «Дадим стране столько хлопка, шерсти, мяса, зерна, молока сколько необходимо для победы над коварными захватчиками»[9].

И слова колхозников не расходились с их практическими делами. К примеру, сельхозартель им. Сталина Халачского сельсовета Вабкентского района Бухарской области, колхозы «Большевик», «Ленинизм» и им. Ворошилова Гиждуванского района, им. Ленина и им. Крупской Свердловского района и сотни других в первые же дни войны досрочно выполнили свои обязательства по поставкам мяса, масла, шерсти и брынзы. За семь дней колхозы Бухарского района выполнили годовой план мясопоставок более чем на 60 %, а колхозы Вабкентского района — на 22 %[10].

В республике развернулась упорная борьба за каждый килограмм хлопка, мяса, зерна. Особенно энергичные усилия были предприняты в сборе урожая хлопка. В частности, в Шурчинском районе Сырдарьинской области урожай хлопка в 1941 г. был убран на 24 дня раньше, чем в 1940 г.[11] Труженики Бухарской области перевыполнили план хлопкозаготовок 1941 г. на 114,2 %, сдав государству 201,3 тыс. т сырца. Дехкане Ташкентской области выполнили государственные задания на 110,4 %, сдав 194 119 т хлопка-сырца[12]. В целом же по республике план хлопкозаготовок 1941 г. был выполнен на 45 дней раньше, чем в 1940 г. Государство получило 1646 тыс. т «белого золота»[13].

Высокие показатели были достигнуты и в других отраслях аграрного производства. Успешно прошла хлебоуборочная страда в зерновых районах Ташкентской, Бухарской и Сурхандарьинской областей. Животноводы республики поставили государству в 1941 г. мяса в количестве 108,3 %, молока — 153,4 %, яиц — 165,5 %, шерсти — 105,5 %, каракуля — 117,7 %, мехсырья — 125,5 %, пушнины — 116,3% от плановых заданий[14]. Завершив сельхозработы 1941 г., дехкане сразу же включились в борьбу за создание необходимых предпосылок для нового урожая. Конец 1941 — начало 1942 г. охарактеризовались повсеместной активизацией работы по перестройке аграрного сектора на военные нужды. Прежде всего было уделено приоритетное внимание изысканию дополнительных земельных площадей для расширения посевов зерновых и технических культур и наиболее эффективному использованию земельного фонда.

В принятом директивными органами Узбекистана плане на 1942 г. предусматривалось увеличение посевных площадей на поливных землях на 118,2 тыс. га[15]. Столь большого прироста орошаемых площадей за один год еще никогда не было. Это должно было быть достигнуто за счет земель, осваиваемых в результате нового ирригационного строительства (свыше 100 тыс. га) и распашки излишних меж, углов, ненужных дорог (16 тыс. га). Кроме того, впервые предусматривалось проведение повторного сева зерновых и овощных культур на площади 33 тыс. га. Учтены были также возможности посева в междурядьях садов, виноградников и шелковицы на площади 15 тыс. га[16].

Но приоритетное значение придавалось ирригационному строительству. Причем предстояло его осуществлять с минимальными затратами бюджетных средств.

Как показывают материалы исследования, в годы войны площади поливных земель в Узбекистане расширялись преимущественно посредством строительства мелких ирригационных сооружений, активного использования паводковых вод. Вместе с тем воздвигались и крупные каналы: Дюшамбинка-Каратаг, Северный Ташкентский, Сох-Шахимарданский, Кассансай-Чустский, Верхне-Учкурганский и др. Зимой 1941/42 гг. начало наполняться водой Каттакурганское водохранилище, названное народом «Узбекским морем». В сентябре 1942 г. было завершено строительство Большого Гиссарского канала, оросившего 40 тыс. га земель. На трассе его работали 50 тыс. колхозников Узбекистана и Таджикистана[17].

В 1942 г. на ирригационных объектах республики было выполнено более 25 млн куб. м земляных работ. За 45 дней методом народной стройки сооружен канал «Ватан Учун». Таким образом, к весне 1942 г. было дополнительно освоено 220,5 тыс. га новых плодородных земель. А в целом благодаря самоотверженному труду дехкан посевная площадь на поливных землях Узбекистана по сравнению с довоенным временем увеличилась в 1941 г. на 26 %, а в 1942 г. — на 49 %[18].

Заметно изменилось соотношение сельскохозяйственных культур. Если до войны в каждом районе на долю хлопчатника приходилось до 90 % посевных площадей, то в годы войны они основательно уменьшились. К примеру, в Ферганской области площадь посевов хлопчатника сократилась до 51 %. Остальные поливные земли были заняты другими культурами, в том

числе 25 % — зерновыми, 4 % — овощами и бахчевыми культурами, 16 % — люцерной[19].

Эта мера, несомненно, носила позитивный характер. Ограничение хлопковой монополии способствовало увеличению продовольственных ресурсов, подъему животноводства. Так, резкое расширение посевов кормовых культур позволило в короткий срок заметно увеличить число животноводческих ферм и объем производства их продукции. Уже в конце 1942 г. из 7454 колхозов Узбекистана 2400 смогли содержать по три, 4800 — по две фермы. Только 49 колхозов не имели животноводческих ферм[20].

Важным звеном в перестройке сельского хозяйства являлась подготовка кадров, призванных заменить ушедших на фронт, в промышленность и на стройки. Эта задача решалась путем выдвижения на руководящие участки аграрного производства опытных практиков, расширением подготовки и переподготовки кадров в сельскохозяйственных вузах, техникумах и на курсах. Кадры массовых квалификаций готовились в основном на краткосрочных курсах с отрывом и без отрыва от производства. Лишь за 1942–1943 гг. на таких курсах было подготовлено около 6 тыс. председателей колхозов, свыше 2 тыс. полеводов, почти 21 тыс. бригадиров, 34 тыс. звеньевых, 4 тыс. животноводов[21]. А всего за годы войны на различных курсах было обучено свыше 200 тыс. колхозников и рабочих совхозов. Более 685 тыс. окончили районные и другие колхозно-совхозные школы[22].

Вызванное войной огромное уменьшение трудовых ресурсов, происходившее одновременно со снижением уровня механизации, потребовало колоссального напряжения всех сил сельского населения. В производство включились женщины, старики, подростки, за счет которых, как и в промышленности, была в значительной мере возмещена убыль мужской рабочей силы.

Надо сказать, что женщины в колхозе всегда были большой силой. Но теперь на их хрупкие плечи легли почти все заботы сельхозартелей. Особенно популярным стал лозунг: «Женщины на трактор!» При МТС и совхозах республики создавались специализированные курсы трактористок, комбайнеров и шоферов, на которых женщины приобретали новые профессии. Уже на 20 августа 1941 г. из 13 776 обучавшихся на двухмесячных курсах при МТС и в школах механизации сельского хозяйства при Наркомземе УзССР 82,4 % были женщины[23].

Став специалистами своего дела, женщины самостоятельно ремонтировали закрепленные за ними тракторы и намного перевыполняли производственные задания. Так, широкую известность приобрели в республике имена женщин-механизаторов Саадатхон Абдурахмановой, Пулатхон Умаровой, Турсуной Ариповой и др. Рост женских механизаторских кадров способствовал созданию женских тракторных бригад. В период весеннего сева 1942 г. в республике насчитывалось уже 75 таких бригад. А в целом к механизаторским работам было привлечено 3800 женщин[24]. Интенсивно пополняли женщины управленческой аппарат аграрной отрасли. В частности, уже в 1944 г. заместителями председателя колхозов работали 3458 женщин, бригадирами — 11 950, звеньевыми — 48 772[25]. Женщины плодотворно трудились на всех участках аграрного производства. Достаточно отметить, что количество трудодней, выработанных женщинами, увеличилось в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на 32 %.

Существенный вклад в рост сельскохозяйственной продукции внесли подростки. Количество трудодней, выработанных ими, увеличилось в 1944 г. по сравнению с 1939 г. в 2,5 раза[26].

Характерной чертой военного времени явилось активное привлечение к сельхозработам дополнительной рабочей силы. Эта акция стала особенно интенсивно проводиться после принятия СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»[27]. Мобилизация проводилась главным образом в наиболее напряженные периоды сельхозработ, прежде всего во время ухода за посевами и уборки урожая. Только в 1942 г. в колхозы республики было привлечено на сельскохозяйственные работы около 500 тыс. городских жителей.

В колхозах одной лишь зоны 3-й Сырдарьинский МТС были привлечены на уборку колосовых культур 2700 стариков и подростков, 11 тыс. школьников. В Ферганской области 40 200 школьников занимались подбором колосьев. В Наманганской области 32 045 школьников убрали 30 768 га колосовых культур[28]. А всего осенью 1942 г. было привлечено 300 тыс. учащихся школ республики.

Но основная тяжесть лежала все же на тружениках села. Сознание нависшей над Родиной опасности удваивало их силы, ибо они знали, что каждый пуд выращенного ими хлопка, хлеба и других продуктов сельского хозяйства бьет по врагу, приближает Победу. Это чувство порождало разнообразные формы трудовой и патриотической активности.

Деятельное участие приняло узбекское дехканство в создании Фонда обороны. Одними из первых члены колхоза «Ленинизм» Янгиюльского района Ташкентской области внесли в этот фонд сумму, составляющую стоимость 340 трудодней, и постановили ежемесячно отчислять в него по одному трудодню. Колхоз им. Коминтерна Калининского района Ташкентской области выделил в Фонд обороны 7 тыс. руб. деньгами и на 3,5 тыс. облигаций, 1 т шалы и 5 т пшеницы[29]. Рабочие совхоза «Кумкурган» передали в Фонд обороны 24 барана и облигации на сумму 16 500 руб.[30] В целом же только за первые несколько месяцев войны от тружеников узбекского кишлака в Фонд обороны поступило 300 т зерна, 219 т мяса, 2 т шерсти, 18 тыс. 500 овчин и несколько десятков миллионов рублей. В 188 вагонах колхозники отправили фронтовикам миллион теплых вещей, много продуктов и других подарков[31].

Широкий размах приняло в республике движение за создание продовольственного фонда армии. В наиболее массовой форме оно проявилось в стремлении дехкан максимально увеличить производство продукции растениеводства и животноводства. Показательны в этом отношении данные по количеству выработанных трудодней. Так, несмотря на все сложности военного времени, ощутимое уменьшение рабочей силы, трудовая отдача сельчан год от года возрастала. Так, если в 1940 г. средняя выработка на одного трудоспособного составляла 217 трудодней, то в 1941 г. — 233, в 1942 г. — 263[32].

Другим показателем может служить организация социалистического соревнования. Правда, уже не секрет, что так называемое социалистическое соревнование представляло собой инструмент идеологического воздействия

тоталитарного режима на сознание тружеников города и села. Оно должно было компенсировать отсутствие объективных материальных стимулов труда. Соцсоревнование во многом носило надуманный, формальный характер. Тем не менее, если отбросить идеологическую шелуху, то можно признать, что в годы войны в соревновании отражался массовый патриотический подъем. Оно аккумулировало в своеобразных формах созидательную энергию народных масс, их желание самоотверженным трудом ковать в тылу Победу.

Во многих хозяйствах Узбекистана стало шириться движение за перевыполнение производственных заданий. Уже в сентябре в него включились 667 колхозов Ташкентской области, 683 — Ферганской, 961 — Самаркандской, другие сельхозартели республики[33].

Специфическим выражением трудовой активности сельской молодежи явилась организация молодежных фронтовых бригад. Их члены трудились с утроенной энергией, нередко сутками, без отдыха, работая на полях и в фермах. Так, в колхозе «Ильич» Хатырчинского района Самаркандской области молодежная бригада в составе 15 человек под руководством К. Хушванова выполняла на уборке хлебов две-три нормы. Молодые колхозники сельхозартели «Ак-Алтын» того же района П. Разимурадова, Исмаилова, Кадырова ежедневно убирали по 0,77–0,80 га вместо нормы в 0,30 га. В колхозе «Зарафшан» Яккабагского района Бухарской области бригада из 27 человек днем обрабатывала посевы хлопчатника, а ночью вела уборку зерновых[34]. К 1944 г. в республике насчитывалось уже 1357 фронтовых бригад, объединявших 28442 юношей и девушек[35].

Стремление сельчан «работать по-фронтовому» нашло выражение и в организации движения трактористов-тысячников, зародившееся весной 1942 г. по инициативе механизаторов 1-й Карадарьинской МТС Самаркандской области. Трактористы-тысячники боролись за выработку каждым «Универсалом» при культивации хлопчатника и сахарной свеклы не менее 1 тыс. га, проведение поперечной обработки посевов хлопчатника на площади не менее 2 тыс. га вместо 1500 га по норме, за экономию горючего[36].

Ярко проявился патриотический подъем тружеников села в решении сложной задачи резкого расширения посевов зерновых культур и повышения их урожайности. Благодаря трудовому подвигу сельчан посевы зерновых культур увеличились с 1223,4 тыс. га в 1940 г. до 1787,3 тыс. га в 1943 г., а урожайность колосовых возросла с 4,3 ц/га до 6,2 ц/га[37].

Расширение посевов шло преимущественно за счет хлопковых агрохозяйств, которые в условиях мирного времени почти не имели своих посевов зерна. Так, колхозы Ферганской, Наманганской, Андижанской областей в 1941 г. засевали зерновыми культурами лишь около 100 тыс. га, а в 1943 г. отвели под зерновые культуры 315,4 тыс. га[38]. В 1943 г. колхозы Узбекистана сдали государству почти на 8,5 млн пудов хлеба больше, чем в 1940 г. Кроме того, сельчане «продали» государству около 2 млн пудов зерна из личных запасов[39]. В целом же за время войны колхозники, работники МТС и совхозов республики, преодолевая огромные трудности, сдали 82 млн пудов зерна, 213 тыс. ц шалы[40].

Пристальное внимание уделили земледельцы республики интенсивному освоению производства сахарной свеклы. Под ее посевы выделялись

наиболее плодородные и водообеспеченные земли в Самаркандской, Ферганской, Ташкентской и Кашкадарьинской областях. В 1943 г. под сахарной свеклой было занято уже 65,1 тыс. га посевной площади. В апреле 1942 г. в Узбекистане в сжатые сроки были сооружены четыре крупных сахарных завода: Зирабулакский, Красногвардейский, Кокандский и Янгиюльский.

В освоении новой культуры большую помощь республике оказали специалисты сельского хозяйства Украины и Белоруссии. Так, в колхозе им. Куйбышева Ходжаабадского района Ферганской области трудилась известный украинский свекловод Н. Заглада, а в Булунгурской МТС Самаркандской области — знатный свекловод К. Осиченская[41].

Осваивая опыт свекловодов Украины и других свеклосеющих районов, а также внося в агротехнику выращивания сахарной свеклы много нового, земледельцы Узбекистана в короткий срок добились рекордных урожаев этой важной сырьевой культуры. К примеру, свекловоды колхоза им. Пушкина Самаркандского района собрали по 1200 ц/га, колхозы Пастдаргомского и Джизакского районов Самаркандской области получили по 400–800 ц/га, перекрыв тем самым в несколько раз плановые задания[42]. В 1943 г. сельские труженики сдали государству 1565 тыс. ц свеклы. Республика начала выпускать четверть всего производства сахара в стране, что было большой заслугой узбекских дехкан, которые внесли значительный вклад в обеспечение ценной продовольственной культурой армии и тыла.

Сельские труженики Узбекистана успешно освоили и другую продовольственную культуру — подсолнечник, начали выращивать такие технические культуры, как лен, кенаф, кукуруза, кунжут. В частности, в 1943 г. посевы кунжута в республике составили 50 % всех посевов СССР[43].

Дальнейшее развитие получило табаководство. В 1943 г. по сравнению с 1941 г. посевная площадь под табаком и махоркой в совхозах края увеличилась на 3500 га, или на 60 %, а в 1945 г. площадь под табаком дополнительно расширилась более чем на 60 %, под махоркой — на 200 %[44]. Выращивание табака было сосредоточенно в Комсомольском и Ургутском районах Самаркандской и Касансайском, а также Янгикурганском районах Наманганской областей.

Стратегически важное военное значение приобрело в годы войны шелководство. До этого оно было представлено в основном индивидуальным сектором. С развертыванием военных действий союзное правительство в целях установления повсеместного государственного контроля приняло решение о полном обобществлении данной отрасли. Каждому хозяйству были установлены твердые плановые задания[45]. План по шелководству в 1941 г. был выполнен на 102,4 %, реализованы 283 643 коробки грены, сдано государству 12 055 т коконов. Средняя урожайность с одной коробки грены поднялась с 34,2 до 42,5 кг[46]. Впоследствии шелководы Узбекистана добились еще больших успехов. Так, в 1942 г. удалось заготовить 12 189 т коконов[47].

В феврале 1943 г. члены сельхозартели им. Калинина Ляглякинского сельсовета Рометанского района обратились ко всем шелководам с призывом умножить производство. «Священный долг каждого из нас, — говорилось в обращении, — работать так, чтобы обеспечить армию всем необходимым, давать военной промышленности все больше стратегического сырья, среди

которого шелк занимает одно из важнейших мест»[48]. Это воззвание нашло широкую поддержку среди шелководов республики. Они с удвоенной энергией боролись за дальнейшее поднятие отрасли. В результате, если в 1940 г. удельный вес Узбекистана в общесоюзных заготовках шелка составлял 47,8 %, то к 1945 г. он достиг уже 59,3 %[49].

В военный период повысилась роль нашей республики и как одного из крупнейших в стране производителей фруктов, винограда, овощей, бахчевых культур. Так, площади под овощными культурами в 1942 г. по сравнению с 1939 г. увеличились с 16 571 га до 29 тыс. га[50]; 25 тыс. га, то есть на 15 тыс. га больше, чем в довоенное время, занимал картофель. В 1943 г. колхозы Узбекистана сдали государству 17 551 т картофеля и 9073 т заменителей. На 107 % был выполнен план сушки овощей.

Из года в год расширялись площади виноградников. В 1943 г. они заняли 31 723 га против 26 661 га в 1940 г., в 1944 г. было заложено 1600 га новых виноградников[51].

Правда, говоря о достижениях тех лет, важно подчеркнуть, что было бы ошибочным воспринимать состояние сельской экономики республики как непрерывную цепь успехов. Сложности военного времени, внутренние пороки советской системы землепользования, безусловно, сказывались. В аграрной сфере обозначились неоднозначные процессы. Наряду с очевидными достижениями здесь наблюдались и заметные потери. Так, за годы войны сильный урон понесло садоводство. В колхозах в 1940 г. было заложено садов на 3367 га, а в 1943 г. площадь их сократилась до 757 га. Старые и новые насаждения в силу острой нехватки рабочих рук и профилактических средств не получали необходимой агротехнической обработки. Качество посадки было низким. С 1944 г. стали приниматься активные меры по восстановлению садоводства. Удалось заложить сады на 1433 га. Тем не менее в 1945 г. в республике было заготовлено свежих фруктов в три раза меньше, чем в 1940 г.[52] Зачастую выполнение плановых заданий шло за счет реквизиций из личных подсобных хозяйств сельчан, что заметно отражалось на их продовольственном положении. Особенно рельефно проявились противоречия военного времени в хлопководстве.

Несмотря на изменение структуры сельского хозяйства Узбекистана, в годы войны хлопчатник продолжал оставаться здесь приоритетной сельскохозяйственной культурой. Руководство страны настойчиво требовало ощутимого наращивания хлопковой продукции. Выше уже говорились, что хлопкоробы края с первых дней войны с удвоенной энергией боролись за каждый килограмм хлопка. В 1941 г. был собран богатый урожай. И в последующие годы работники колхозов и совхозов по-военному работали на хлопковых полях. Тем не менее объем хлопковой продукции сокращался. Так, в 1942 г. было собрано 862 939 т вместо запланированных 1 193 177 т. План удалось выполнить на 68,33 %[53].

Наиболее тяжелым для хлопководства республики стал 1943 г. В связи с изменением структуры посевных площадей, возрастанием удельного веса продовольственных культур площадь хлопковых полей уменьшилась по сравнению с 1940 г. с 62,5 до 45 %, или в абсолютном выражении — с 927 650 до 625 343 га. Но еще более тревожным явилось сокращение урожайности. В среднем за 1942–1943 гг. она понизилась в колхозах с 17,4 до 7,1,

а в совхозах — с 27,1 до 8,8 ц/га. В итоге в 1943 г. было собрано всего 495 тыс. т сырца, что составляло лишь 57,7 % плана[54].

Наряду с перечисленными выше причинами отрицательно сказались на развитии отрасли нехватка рабочих рук, минеральных удобрений, существенное понижение уровня механизации. Глубокое негативное воздействие оказывали издержки административно-командной системы руководства, отсутствие должной заботы сталинской администрации о тружениках села. Учитывая колоссальные трудности, которые приходилось преодолевать узбекскому дехканству в первые годы войны, можно сказать, что и те результаты, которые были обеспечены в 1942–1943 гг., были достигнуты благодаря огромным физическим и духовным усилиям сельчан, ценой больших жертв и лишений всего узбекского народа. Однако Центр не желал считаться с объективными реалиями. Как вспоминает Нуриддин Мухитдинов, в начале 1944 г. руководство Узбекистана было спешно вызвано в Москву на заседание оргбюро ЦК ВКП(б). Председательствующий на заседании А. С. Щербаков, грубо оборвав отчет Усмана Юсупова, заявил: «Товарищ Юсупов, в такое тяжелое для страны время вы хотите оставить армию и народ без штанов?!»[55].

Высшая союзная властная элита не хотела понимать очевидных вещей: ресурсы республики не безграничны, узбекский народ, сокращая хлопкопосевы, смог не только обеспечить себя продовольствием, но и день ото дня увеличивал его поставки фронту. В марте 1944 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором жестко потребовал поднять уже в 1944 г. хлопководство до довоенного уровня, а в последующем значительно увеличить хлопкопоставки[56]. В соответствии с данным постановлением в республике был разработан обширный план мероприятий, направленных на восстановление хлопководства. Напряженно готовились к весенней посевной 1944 г. труженики села. Хлопкоробы старались не упустить ни одного дня, используя все возможности, чтобы провести глубокую вспашку и ранний сев хлопчатника, добивались полноценных всходов, соблюдали качество обработки земли и сроки поливов. Особое внимание уделялось качественной обработке почвы. В нее было внесено вдвое больше местных удобрений, чем в предшествующие годы. Это обеспечило полноценное созревание хлопчатника на большой площади. Большая работа была проведена по своевременной и без потерь уборке урожая.

Мобилизации трудовых усилий хлопкоробов способствовал и установленный в 1944 г. порядок выплаты премий, согласно которому каждый работник, собравший 3 тыс. кг хлопка, получал премию в 200 руб., за 6 тыс. кг — 250, за 10 тыс. кг — 300, за 15 тыс. кг — 500 руб. При сборе 10 тыс. кг выдавались промтовары на 500 руб., 15 тыс. кг — на 1000 руб. по курсу тех лет[57].

К концу декабря 1944 г. Узбекистан выполнил план хлопкозаготовок на 101,4 %, на государственный хирман было сдано 820 тыс. т сырца — на 325 тыс. т больше, чем в 1943 г. Урожайность возросла в 1,5 раза[58]. Это была большая трудовая победа колхозников и рабочих МТС. В 1945 г. труженики узбекского кишлака дали стране 824 тыс. т «белого золота». Таким образом, несмотря на трудности, хлопкоробы внесли решающий вклад в обеспечение основных потребностей фронта и тыла в хлопке.

Одной из отраслей сельского хозяйства, имевшей в годы войны исключительно важное оборонное и народнохозяйственное значение, являлось животноводство. Война коренным образом изменила численность и размещение поголовья скота. Временная оккупация западных районов обусловила рост удельного веса восточных районов страны, в том числе Узбекистана, в общесоюзном животноводческом балансе. Особое значение приобрело снабжение армии изделиями из кожи и меха.

Животноводство республики с начала войны переживало большие трудности. К концу 1941 г. поголовье скота сократилось на 332 тыс. голов. Численность его в личном использовании уменьшилась на 872,9 тыс. голов, или на 27,1 %[59]. Впоследствии эта тенденция продолжалась. Если на 1 января 1941 г. в колхозах и совхозах имелось 8403,1 тыс. голов, то на 1 января 1943 г. — 8094,4, а на 1 января 1944 г. — 7798,9 тыс. голов. В отдельных областях дело обстояло еще хуже. В Ферганской области общее поголовье овец и коз уменьшилось в 1943 г. против 1941 г. на 18,5 %, крупного рогатого скота — на 10,8 %, свиней — на 65,8 %. Заметное сокращение наблюдалось и в индивидуальном секторе. На 1 января 1941 г. скота всех видов в личном пользовании было 3249,7 тыс. голов, в 1944 г. осталось только 1385,8 тыс. голов, или 46,2 %[60]. При этом важно заметить, что в целом животноводству стало уделяться больше внимания. Структурная перестройка политики посевов земледельческих культур позволила расширить кормовую базу отечественного животноводства, ускорить темпы прироста молодняка. К примеру, труженики Ташкентской области на протяжении 1941–1942 гг. увеличили поголовье всех видов скота на 34,7 %[61].

Но рост поголовья не поспевал за плановым поставками. Большая часть скота отправлялась на нужды армии и тыла. Так, только за вторую половину 1941 г. колхозы и совхозы передали действующей армии 59 тыс. коней[62]. Высоким был падеж скота. К тому же, несмотря на некоторое увеличение производства кормовых культур, проблема кормов, особенно концентрированных, оставалась серьезной. Поэтому животноводы с началом войны стали активно изыскивать резервы укрепления кормовых ресурсов. Концентрированные корма, которые почти исчезли из рациона скота, заменялись грубыми и сочными; силосовались не только кормовые культуры, но и дикорастущие травы, молодые ветки деревьев, использовались растительные отходы[63].

Обеспечение скота в зимний период помещениями, кормами, создание страховых запасов было нелегкой задачей, однако от ее решения зависела сохранность поголовья. Нехватка заготовленных кормов в значительной мере компенсировалось своевременной организацией пастбищного хозяйства. Внедрение отгонного животноводства, когда в степях зимовали миллионы голов скота, давало большую экономию кормов. Уменьшились затраты труда на обслуживание скота, что было немаловажно в условиях нехватки рабочей силы. Кроме того, зимуя на открытом воздухе, скот меньше подвергался заболеваниям. В результате эффективного использования имеющихся пастбищ не только в летний, но и зимний период, в 1942 г. общее поголовье скота увеличилось на 23 тыс.[64]

В июне 1943 г. ЦК КП(б)Уз, Совнарком УзССР приняли постановление об изменениях в разведении крупного рогатого скота. Местный беспородный

скот колхозов и совхозов предлагалось заменить высокопродуктивными племенными швицами и остфризами. Породный состав скота обновлялся в соответствии с изменением материальной базы животноводства. Реконструируемое животноводство должно было строиться на основе организации племенных ферм с закладкой специальных прифермерских севооборотов, обеспечивающих потребности скота в кормах. Намечались капитальное строительство недостающих животноводческих помещений, обеспечение их рабочей силой. Можно полностью согласиться с оценкой Р. Х. Аминовой, что «данное постановление, как и многие другие, свидетельствовало об оторванности директивных органов от реальной жизни»[65].

Действительно, наивно было в тяжелейший 1943 г. ставить вопрос о создании прифермерских участков, о замене скота на улучшенные породы и даже проводить капитальное строительство при полном отсутствии стройматериалов, трудовых ресурсов, финансовых средств. Ведь было ясно, что все это крайне необходимо фронту, для тыла же ничего не оставалось. Естественно, подобное постановление не могло быть претворено в жизнь. Оно оставалось главным образом на бумаге. Это был характерный стиль руководства в условиях административно-командной системы.

Позитивные изменения в животноводстве, как и в других аграрных отраслях, достигались преимущественно беззаветным, героическим трудом узбекских дехкан. Благодаря их усилиям к началу 1944 г. удалось намного повысить удельный вес колхозов и совхозов республики в производстве продукции животноводства. В частности, с 1 января 1941 г. по 1 января 1944 г. он увеличился по овцам (не считая каракульских) с 56,7 до 79,7 %, по козам — с 28,8 до 69,0 %, по свиньям — с 51,5 до 86,3 %, по лошадям — с 94,7 до 99,4 %, по прочим видам скота — с 32,6 до 54,8 %. В целом по республике в 1943 г. значительно выросли темпы прироста скота. Если в 1942 г. поголовье всех видов скота увеличилось на 307,9 тыс. голов, или на 6,1 %, то в 1943 г. — на 539,9 тыс. голов (10,4 %)[66]. Однако, хотя поголовье общественного стада увеличивалось, его качественные показатели ухудшались.

Снизился удельный вес маточного поголовья всех видов скота, особенно каракульских овец, что сдерживало возможности расширенного воспроизводства. План госпоставок 1943 г. был выполнен в основном за счет сверхплановой закупки скота у сельского населения. Было закуплено 100 тыс. голов крупного рогатого скота, 364,2 тыс. коз и овец, 1,7 тыс. свиней. Это значительно превысило закупки скота у сельчан в предвоенные годы. Причем они производились нередко принудительно, за гроши, за счет обнищания дехканства, что было следствием тоталитарного характера действий власти. Подобная политика вела к ускоренному возрастанию числа бесскотных хозяйств. Так, если в 1941 г. 15,6 % всех хозяйств в колхозных дворах не имели скота, то в 1944 г. количество таких дворов увеличилось в два раза и составило 34,8 %. Бесскотное хозяйство лишало сельскую семью молока и мяса, гнетуще сказывалось на уровне жизни. К сожалению, из-за эпизоотий не удалось избежать большого падежа скота, который составил 509,9 тыс. голов (против 410,3 тыс. голов в 1942 г.)[67]. Поэтому главными задачами в области животноводства в 1944 г. стали борьба за максимальное сохранение взрослого поголовья и молодняка, ограничение убоя и продажи

скота в счет плановых заданий. Одновременно ставилась задача увеличения поголовья скота в личных подсобных хозяйствах селян.

В 1944 г. ЦК КП(б)Уз принял ряд организационных мер по стимулированию животноводства в республике. Для проверки готовности колхозов и совхозов к зимовке в хозяйства направлялись специальные бригады уполномоченных[68]. Этот факт свидетельствует о том, какое значение придавалось административному нажиму как основному методу партийного руководства. В самом деле, чем могли помочь кабинетные работники зимовке скота? Что могла дать подобная проверка? Надо было применять экономические стимулы вместо административно-нажимных методов работы. Использование экономических стимулов могло бы дать весомый хозяйственный эффект. Но партийные органы сочли нужным применять именно административно-нажимные методы: выговоры, разносы и прочие наказания.

Одновременно делалась ставка на эксплуатацию трудового энтузиазма масс. Но люди работали от зари до зари и без партийно-идеологической накачки. Именно благодаря их героическим усилиям, несмотря на очевидные трудности, поставки мяса и другой животноводческой продукции фронту и тылу неизменно возрастали. Так, колхозы Самаркандской области в 1944 г. в фонд армии сдали 13 500 т мяса, а в 1945 г. — 22 400 т, или на 68 % больше[69].

В целом по Узбекистану на завершающем этапе войны (1944–1945) улучшились качественные показатели животноводства. В 1945 г. государственный план по мелкому рогатому скоту был выполнен на 101 %, по крупному — на 100 %, по поголовью лошадей — на 102 %[70].

Трудовой подвиг сельского населения Узбекистана явился важной предпосылкой грядущей Победы. За годы войны колхозы и совхозы республики сдали государству 4 млн 148 тыс. т хлопка-сырца, 82 млн пудов зерна, 54 067 т шелковых коконов, 195 тыс. т шалы, 57 444 т фруктов и винограда, 36 тыс. т сушеных фруктов, 159 300 т мяса, 22 300 т шерсти и много другой продукции[71]. Это был достойный вклад тружеников сельского хозяйства Узбекистана во всенародную борьбу за укрепление военно-экономического могущества Родины, за разгром врага.

Итак, в годы войны экономика Узбекистана стала важной составляющей военно-экономического потенциала страны. Самоотверженно трудясь на всем протяжении тяжелого военного времени, работники сельского хозяйства, преодолевая огромные тяготы и лишения, упорно ковали победу над врагом. Их трудовой подвиг обусловил превращение республики не только в надежный арсенал фронта, но и явился неотъемлемой частью общемировой борьбы против темных сил фашизма. Вместе с тем, как и на фронте, формирование военной экономики осуществлялось тоталитарными методами, сопровождалось глубокими извращениями и ненужными жертвами. Но народ самоотверженно трудился не во имя сталинского «казарменного социализма». На фронте и в тылу закладывались основы ликвидации нацистского тоталитаризма. Решение этой задачи не совпало во времени. Однако война позволила народу реально оценить свою главенствующую роль, показала его историческую силу и значимость. Ростки общественного самосознания, зародившиеся в суровые военное время, прорастут через несколько десятилетий в мощный поток всенародного движения за национальную независимость.

Примечания

[1] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 18. Д. 176. Л. 51.
[2] Там же.
[3] Там же. Оп. 112. Д. 54. Л. 103.
[4] История крестьянства СССР. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М. : Наука, 1987. С. 147–148.
[5] Саидов И. М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом : монография : в 2 ч. Ч. 2: Самоотверженный труд во имя победы. Самарканд, 2006. С. 21.
[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 128. Л. 76.
[7] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 18. Д. 235. Л. 1.
[8] Там же. Л. 1–2.
[9] Саидов И. М. Указ. соч. С. 23.
[10] Крас. Бухара. 1941. 5 июля.
[11] Ленин. знамя. 1941. 16 окт.
[12] Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент : Фан, 1975. С. 89.
[13] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. Ташкент : Фан, 1966. С. 94.
[14] ЦГАРУ. Ф. 837. Оп. 32. Д. 3012. Л. 5.
[15] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 17. Д. 1097. Л. 211.
[16] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 78.
[17] Аминова Р. Х. История совхозов Узбекистана. 1917–1960 гг.: опыт, проблемы, уроки. Ташкент, 1993. С. 112.
[18] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 18. Д. 6. Л. 9–10.
[19] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 79.
[20] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 92. Д. 142. Л. 11–12.
[21] Гулямов Х. Коммунисты Узбекистана в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.). Ташкент, 1952. С. 96.
[22] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 79–80.
[23] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 85. Д. 98. Л. 10–11.
[24] Там же. Оп. 18. Д. 27. Л. 303.
[25] Там же. Оп. 19. Д. 929. Л. 3.
[26] Ризаев Г. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет. Ташкент, 1957. С. 197.
[27] Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству за 1941–1944 гг. М., 1957. С. 50–53.
[28] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 85.
[29] Правда Востока. 1941. 29 авг.
[30] Ленин. знамя. 1941. 26 сент.
[31] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 18. Д. 170. Л. 5.
[32] Социалист. сел. хоз-во. 1944. № 4. С. 27.
[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 154. Л. 57.
[34] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 90–91.
[35] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 15. Оп. 25. Д. 4230. Л. 70.
[36] Там же. Оп. 18. Д. 27. Л. 307.
[37] Там же. Ф. 58. Оп. 123. Д. 262. Л. 18.
[38] Там же. Л. 19.
[39] История СССР. Эпоха социализма М. : Госполитиздат, 1957. С. 602.
[40] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 96.
[41] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2113. Л. 86–87.
[42] Узбекистан в годы Великой отечественной войны. С. 104.
[43] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2113. Л. 87–88.
[44] ЦГАРУ. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 610. Л. 223.

[45] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 75. Д. 192. Л. 197.
[46] ЦГАРУ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 12. Л. 357.
[47] Гудошников В. С., Миносянц С. А., Сузанов А. А. Шелководство социалистического Узбекистана. Ташкент, 1949. С. 12, 43.
[48] Крас. Бухара. 1943. 15 февр.
[49] Ризаев Г. Указ. соч. С. 192.
[50] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 17. Д. 1099. Л. 7.
[51] Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. С. 105.
[52] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 123. Д. 261. Л. 18, 35.
[53] ЦГАРУ. Ф. 1619. Оп. 10. Д. 658. Л. 2–3.
[54] Там же. Д. 766. Л. 2–3.
[55] Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле : в 2 кн. Ташкент, 1994. Кн. 1. С. 106.
[56] История Узбекской ССР : в 4 т. Ташкент, 1968. Т. 4. С. 103.
[57] Правда Востока. 1944. 11 окт.
[58] Ризаев Г. Указ. соч. С. 186.
[59] ЦГАРУ. Ф. 837. Оп. 10. Д. 725. Л. 11.
[60] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 92. Д. 142. Л. 12–15.
[61] Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. С. 92.
[62] История Узбекской ССР. Т. 4. С. 107.
[63] ЦГАРУ. Ф. 90. Оп. 8. Д. 5197. Л. 132–133.
[64] Там же.
[65] Аминова Р. Х. Указ. соч. С. 145.
[66] ЦГАРУ. Ф. 837. Оп. 32. Д. 4472. Л. 16–19.
[67] Там же. Ф. 1619. Оп. 10. Д. 725. Л. 18.
[68] Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан. Ф. 58. Оп. 20. Д. 946. Л. 166.
[69] ЦГАРУ. Ф. 90. Оп. 8. Д. 6253. Л. 37.
[70] Правда Востока. 1946. 6 янв.
[71] Там же. 16 января.

М. Овлякулиев, А. Атаев

Трудовые подвиги тружеников сельского хозяйства Туркменистана в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война поставила большие и сложные задачи перед сельским хозяйством страны. Колхозники и колхозницы Туркменистана самоотверженно трудились, чтобы обеспечить фронт продовольствием, а промышленность — сырьем. В статье рассказывается о трудовых подвигах колхозного крестьянства Туркменистана, которые явились важным вкладом в общее дело разгрома ненавистного врага.

Ключевые слова: *Туркменистан, сельское хозяйство, колхоз, хлопкоробы, зерно, урожай, трактор, план, пастбища, животноводство, шелководство.*

Летний день 22 июня 1941 г. в одну минуту стал черной меткой для огромной страны, в которой мирно жили, работали, учились люди разных национальностей. Началась Великая Отечественная война. И все как один встали на защиту своей Родины, своих семей, своих домашних очагов. В рядах защитников Отечества было немало туркменских воинов, они защищали Москву, Ленинград, Сталинград, Севастополь, города Кавказа, Белоруссии, Украины, Прибалтики, освобождали Европу от фашизма и дошли до Берлина. Они стали примером отваги и храбрости. Война потребовала максимальной мобилизации внутренних ресурсов всех отраслей производства, а от тружеников сельского хозяйства — бесперебойного снабжения армии и населения необходимым продовольствием, промышленности — сырьем. Это требование особенно возрастало в связи с тем, что немецко-фашистским захватчикам удалось временно оккупировать такие важные сельскохозяйственные районы, как Украина, Дон и Кубань.

Несмотря на это, Туркменистан стал крепким тылом большой страны. Труженики сельского хозяйства Туркменистана с первого дня войны с честью выполнили поставленную задачу, хотя решать ее приходилось в исключительно тяжелых условиях. Для нужд Красной армии была взята из колхозов, совхозов и МТС республики значительная часть автомашин. Большое число колхозников, роботников совхозов и МТС руспублики ушло на фронт. Таким образом, значительно сократилось в селах количество мужчин. В колхозах Туркменистана в 1942 г. трудоспособное население уменьшилось

по сравнению 1940 г. на 48,8 тыс. человек. Сокращение численности трудоспособных на селе продолжалось все остальные годы войны[1].

В сельском хозяйстве, как и в промышленности, развернулось патриотическое движение по замене ушедших на фронт. Движение это получило большое распространение среди женщин и подростков, которые начали овладевать специальностями трактористов, комбайнеров, механиков. На различных курсах усиленно подготавливались трактористы, комбайнеры, механики, полеводы и другие специалисты, в которых так остро нуждалось сельское хозяйство. С начала войны и по 1 мая 1942 г. в системе Наркомзема Туркменской ССР было подготовлено 17 533 различных специалистов сельского хозяйства[2].

1 декабря 1941 г. в республике было введено обязательное обучение сельскохозяйственным специальностям учащихся 7–10-х классов, студентов вузов, а также части служащих. На 15 марта 1942 г. сельскохозяйственным работам обучались 12 тыс. служащих и свыше 22,5 тыс. учащихся средних школ. Так, были подготовлены трактористы, комбайнеры, машинисты молотилок и двигателей, шоферы, которые оказывали серьезную помощь колхозам и совхозам в напряженные периоды сельскохозяйственных работ[3].

В колхозах стали возвращаться на работу старики, ранее ушедшие на отдых по возрасту. Увеличилось число женшин-колхозниц. Движимые горячим патриотическим чувством, туркменские женщини и девушки проявляли на колхозных полях республики подлинный трудовой героизм. С первого дня войны в республике развернулась борьба за полный сбор урожая зерна и хлопка. Она подняла широкие массы колхозников и механизаторов на борьбу за урожай. Нормы перевыполнялись вдвое и втрое. Для ускорения доставки собранного зерна и хлопка на железную дорогу был мобилизован весь местный транспорт[4]. Колхозы республики, несмотря на трудности военного времени, полностью выполнили планы заготовок хлопка, зерна и поставок большинства других видов сельскохозяйственных продуктов. Наряду с производством основной сельскохозяйственной культуры в республике — хлопка — военная обстановка диктовала и необходимость решительного увеличения производства зерна. Посевы зерновых культур по сравнению с 1940 г. увеличились в 1942 г. на 21,8 %, в 1943 г. — на 74,5 %, в 1944 г. — на 23,5 %. В 1942 г. Туркменистан выполнил план хлебозаготовок на 105,1 %. В следующем 1943 г. республика сдала хлеба государству в два раза больше, чем в 1941 г.[5]

Большое значение в развитии сельского хозяйства военного времени имело принятие СНК СССР 16 августа 1941 г. военно-хозяйственного плана на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В этом плане было предусмотрено увеличение как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции и мобилизация их ресурсов для достижения победы над врагом.

Невозможно привести все бесчисленные проявления трудового подъема, охватившего республику, как и весь Советский Союз. Отставшие ранее колхозы подтягивались до уровня передовых, передовые увеличивали свои достижения. На колхозных полях от зари до зари работали не только мужчины и женщины средних лет, но также подростки и старики. Благодаря небывалому трудовому энтузиазму работников колхозных полей,

совхозов и МТС в республике в эти исключительно трудовые годы были расширены посевные площади. Страна получала во все возраставшем количестве хлопок, зерно и другие виды сельскохозяйственной продукции. При этом колхозники Туркменистана осваивали новые посевные площади не только в полосе культурных оазисов, но и на высокогорных плато Копетдага. Таким образом, первый год войны труженики сельского хозяйства республики закончили с хорошими результатами. 31 декабря 1941 г. республика выполнила план хлопкозаготовок, сдав государству на 10 453 т сырца больше, чем в последнем предвоенном году[6].

В годы войны также особенно усердно работали животноводы Туркменистана. Для развития животноводства республики большое внимание уделялось использованию новых природных возможностей, созданию новых колодцев, а также полному восстановлению старых и завершению проверки новых обильных пастбищ в Каракумах. Это дало возможность вывести 700 тыс. голов скота на новые обильные пастбища[7]. Животноводы совхозов республики, понимая, что каждый лишний килограмм сданного сверх плана продукта животноводства (мяса, сыра, шерсти) был мощным ударом по врагу, развивали животноводство и увеличивали сдачу продуктов животноводства государству. Помимо других продуктов животноводства жители Туркменистана ежегодно сдавали 1000 т шерсти, более 1000 т мяса, 500 т жирного сыра, 200 тыс. шкурок каракуля. Кроме экономической значимости сданный республикой каракуль использовался для погашения долга за самолеты, купленные у США[8]. Передовые животноводческие колхозы и совхозы Туркменистана добились в 1941 г. значительного роста поголовья скота. Численность крупного рогатого скота за год увеличилась в колхозах на 24,1 %, овец и коз — на 21,7 %[9].

Была проведена большая работа по созданию в 1941–1942 гг. благоприятных условий для зимовки скота. Многие районы республики, досрочно выполнив годовой план по сдаче государству продукции животноводства, начали сдавать ее в счет поставок 1942 г. Например, Каахкинский район уже к началу декабря 1941 г. сдал в счет будущего года 21,6 т мяса[10].

Колхозники Туркменистана крепили и Фонд обороны, как отчислением трудодней, так и сдачей сельскохозяйственной продукции. В заготовительные конторы республики к середине октября 1941 г. поступило для Фонда обороны 274 500 кг мяса, 32 700 кг зерна, 8200 кг овощей, картофеля, винограда и дынь, 700 кг молочных продуктов, 360 овчин, 5500 кг шерсти[11]. За сданный государству хлопок-сырец в 1941 г. колхозы Туркменской ССР получили около полумиллиарда рублей, в том числе 120 млн руб. премий-надбавок[12].

Успехи в развитии животноводства Туркменской ССР, как и других передовых в этом отношении республик, краев и областей (Киргизская ССР, Чувашская АССР, Хабаровский край, Кировская область), отмеченных в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 марта 1942 г., способствовали удовлетворению возросших потребностей страны, и прежде всего Красной Армии, в продуктах питания.

Активно развернулась в колхозах подготовка к весенней посевной кампании 1942 г. Уже с сентября 1941 г. в республике начали подготовку к предстоящей посевной кампании — первой в военный период. Лучших специалистов сельского хозяйства республики привлекли к детальной раз-

работке плана подготовки и проведения сева и последующих сельскохозяйственных работ. В апреле 1942 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Согласно этому документу, был установлен обязательный минимум в 150 трудодней для колхозников хлопковых районов ТССР и в 120 — для всех остальных[13]. Все эти подготовительные меры обеспечили успешное проведение военного сева. Общая посевная площадь республики в 1942 г. достигла 464,5 тыс. га. То есть посевная площадь в республике по сравнению с 1941 г. увеличилась на 52,1 тыс. га, а в 1943 г. — еще на 40 820 га[14].

По выполнению весенних сельскохозяйственных работ 1942 г. Туркменской ССР вошла в число передовых республик, краев и областей СССР, признанных кандидатами на получение переходящего Красного знамении ВЦСПС и Наркомзема СССР и денежной премии. Двадцать восемь руководящих работников МТС Туркменистана получили от Наркомзема СССР персональные премии[15].

Несмотря на большие трудности, особенно с рабочей силой, новых успехов достигло в 1942 г. совхозное и колхозное животноводство. Поголовье крупного рогатого скота выросло на 27,2 %, мелкого рогатого скота — на 18,8 %, птицы — на 30,9 %[16].

Крупных результатов добились рыболовецкие колхозы Каспия. Включившись во всесоюзное соревнование, рыбаки-колхозники обязались выловить сверх полугодового плана 5000 ц рыбы. К 18 июня 1942 г. это обязательство было выполнено[17].

Сталинградская битва явилась величайшим сражением в истории Великой Отечественной войны. В ходе этой битвы немецко-фашистская военная машина была потрясена. После Сталинградского побоища немцы уже не смогли оправиться. Соотношение сил изменилось в пользу Советского Союза. Стратегическая инициатива была вырвана из рук врага. Начался коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. В победах советского оружия в 1943 г. огромную роль сыграл также самоотверженный труд в тылу рабочих, колхозников и интеллигенции Туркменистана. Этот год явился годом коренного перелома не только на фронтах Великой Отечественной войны, но и в работе советского тыла. В этот период трудящиеся Туркменистана окружили защитников Родины еще большой заботой, вдохновляя на разгром врага.

Воодушевляемые вестями о новых и новых победах на фронте, колхозники Туркменистана самоотверженно трудились и в 1943 г. Зерна и овощей было сдано государству в две раза больше, чем в 1941 г. Расширение посевных площадей под зерновые при увеличении урожайности дало возможность уже в 1942 г. сократить на треть завоза хлеба в республику из других районов Союза. В результате были сэкономлены тысячи тонн хлебопродуктов для нужд фронта[18].

Годовой план животноводы республики выполнили на 114 %. Колхозы и совхозы превысили свои обязательства перед государством по поставке мяса, молока, яиц, шерсти, кожсырья, крупного и мелкого скота. В счет поставок 1944 г. было сдано около 29 т мяса[19].

С огромным воодушевлением прошел антифашистский митинг представителей трудящихся Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана,

Казахстана и Киргизии, состоявшийся в Ташкенте 31 января 1943 г., в завершающие дни разгрома немцев под Сталинградом. Митинг прошел под знаком нерушимого единства и братской дружбы народов СССР и способствовал дальнейшей мобилизации рабочих, колхозников и интеллигенции среднеазиатских республик на всемерную помощь наступающим частям Красной Армии. Участники митинга обратились к народам республик Средней Азии с призывом не предаваться самоуспокоенности, готовить все новые и новые боевые пополнения на фронт, множить выпуск оборонной продукции, производить больше продуктов сельского хозяйства, в новых патриотических делах еще и еще раз показать всему миру свою верность великой семье советских народов. Митинг призывал воинов — узбеков, туркмен, таджиков, казахов и киргизов — неуклонно двигаться вперед, на запад. В обращении указывалось: «Раньше мы говорили: "Ни шагу назад!", теперь мы говорим: "Только вперед, только на запад!"»[20]

16 апреля 1943 г. в газете «Правда» было опубликовано обращение туркменского народа к фронтовикам-туркменам. Само составление этого обращения-письма превратилось в серьезную политическую кампанию. Письмо было подписано передовыми людьми Туркменской ССР — новаторами и передовиками промышленности, транспорта и земледелия, представителями интеллигенции, руководителями государственных и общественных организаций.

В победах советского народа и в 1943 г. огромную роль играл самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции в тылу. Этот год явился годом коренного перелома не только на фронтах Великой Отечественной войны, но и в работе советского тыла.

Немаловажное значение в проведении сельскохозяйственных работ имело своевременное обеспечение колхозов достаточным количеством кадров механизаторов, полеводов, животноводов. В этих целях в республике с начала 1943 г. была развернута широкая сеть курсов и школ, на которых готовились 8 тыс. механизаторов, в том числе 3700 трактористов, 100 механиков, 90 комбайнеров. Кроме того, в порядке индивидуального обучения готовились 3270 трактористов, свыше 2500 колхозных полеводов и животноводов, 626 счетоводов[21].

1944 г. вошел в историю Великой Отечественной войны как год решающих побед Советской армии, увенчавшихся в 1945 г. полным разгромом фашисткой Германии и поражением империалистической Японии.

Как и весь советский тыл, в 1944 г. работники сельского хозяйства Туркменистана добились больших успехов. Многие колхозы, несмотря на острый недостаток рабочей силы, при неблагоприятных климатических условиях сумели вырастить богатый урожай сельскохозяйственной продукции.

В целом по республике в 1944 г. было сдано государству на 42 тыс. т хлопка больше, чем в 1943 г. Особенно крупных успехов добилась Марыйская область, досрочно выполнившая план хлопкозаготовок и сдавшая сверх плана 315 тыс. пудов длинноволокнистого хлопка. За перевыполнение установленных норм урожайности хлопчатника колхозы области получили премий-надбавок на 18 млн руб.[22]

Улучшилась работа шелководов, значительно повысилась урожайность коконов. В 1944 г. шелководы Туркменистана собрали с каждой коробки

грены в среднем по 38,4 коконов против 31,6 кг в 1943 г. И здесь на первое место вышла Марыйская область, выполнившая план коконозаготовок с наивысшим урожаем по республике — 56,6 кг с каждой коробки грены. Успешно справились со своими задачами и шелководы Чарджоуской области[23].

Республика выполнила в 1944 г. план развития животноводства по всем видам скота. С превышением были выполнены обязательства перед государством по поставкам животноводческой продукции. Уже к сентябрю 1944 г. было сдано много мяса, молока, и яиц в счет плана следующего 1945 г.[24]

В годы Великой Отечественной войны 37 тружеников были удостоены почетного звания «Герой Социалистического Труда» за успехи в развитии совхозного животноводства Туркменистана. Среди них передовые пастухи совхоза «Учажы» Берди Аллаяров, Режеп Аннаев, Ахметяр Сулинбаев, Нури Сейидов , директор фермы Ю. Дусунбаев и др.[25]

В проведении сельскохозяйственных работ 1944 г. большую роль попрежнему играли комсомольцы и молодежь, создавшие 1400 звеньев высокого урожая, в том числе 626 по хлопку, 716 по шелку, 42 по овощам и 16 по зерну[26]. За активное участие в проведении сельскохозяйственных работ 1944 г. Народный комиссариат земледелия СССР наградил 27 руководителей комсомольских организаций, комсомольцев и молодых колхозников Туркменистана[27].

Труженики села усиливали борьбу за закрепление достигнутых успехов. В 1945 г. валовой сбор хлопка составил более 98 тыс. т против 49 в 1943 г., урожайность за это время повысилась в два с лишним раза. Продолжало развиваться и животноводство. Поголовье крупного рогатого скота в республике с 1941 по 1945 г. увеличилось с 85,7 до 114,4 тыс. голов. Поголовье овец в последнем военном году составляло 159 % по сравнению с первым годом войны. Больших успехов в 1945 г. достигли шелководы республики, выполнившие план коконозаготовок на 122,6 %[28].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны сельские труженики в Туркменистане, как и по всей стране, проявили подлинный массовый героизм. Старики, женщины, подростки в то время, когда их сыновья, мужья, братья и отцы сражались на фронте, вынесли на своих плечах все тяготы войны. Благодаря патриотизму колхозников и колхозниц, их высокой политической сознательности сельское хозяйство Советского Союза выдержало суровую проверку войной и показало свою несокрушимую силу, снабжая армию и население продовольствием, а промышленность — сырьем. Советский народ, понесший неисчислимые жертвы, имел возможность приступить к залечиванию ран, возобновить прерванное войной мирное строительство.

Примечания

[1] История Советского Туркменистана. Ашхабад, 1970. С. 98.
[2] История Туркменистана. Ашхабад, 1966. С. 401.
[3] История Советского Туркменистана. С. 99.
[4] Совет Туркменистаны. 1941. 29 июня.
[5] История Туркменистана. С. 403–404.
[6] Туркмен. искра. 1942. 1 янв.
[7] Türkmen arhnwi (Туркменский архив). № 2003–2004–2005. С. 116.

[8] Türkmen arhnwi (Туркменский архив). № 2003–2004–2005. С. 116.
[9] История Советского Туркменистана. С. 101.
[10] Туркмен. искра. 1941. 6 дек.
[11] Там же. 19 окт.
[12] Там же. 1942. 4 февр.
[13] Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1965. С. 559.
[14] История Туркменистана. С. 403.
[15] История Туркменской ССР : в 6 т. Т. 2, кн. 2. Ашхабад, 1957. С. 583.
[16] Там же. С. 592.
[17] Туркмен. искра. 1942. 9 авг.
[18] История Советского Туркменистана. С. 105.
[19] Туркмен. искра. 1944. 18 янв.
[20] Там же. 1943. 4 февр.
[21] Там же. 6 марта.
[22] Там же. 1945. 20 янв.
[23] Там же.
[24] История Туркменской ССР. С. 626.
[25] Türkmen arhnwi. № 2003–2004–2005. С. 116.
[26] Туркмен. искра. 1944. 17 июня.
[27] Там же. 10 марта.
[28] История Советского Туркменистана. С. 108.

Н. С. Эшимбекова

Социально-экономические изменения в сельском хозяйстве Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны

Освещаются деятельность политических отделов, перестройка сельского хозяйства Киргизской ССР на военный лад, среднегодовая выработка трудодней, а также проблемы, связанные с расширением посевных площадей, повышением урожайности сельскохозяйственных культур, увеличением поголовья и продуктивности скота, поставками государству сельскохозяйственной продукции. Показаны патриотизм колхозного крестьянства, их помощь рабочему классу внутри республики и за ее пределами.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Киргизия, сельское хозяйство, партийные организации, колхозы, совхозы, колхозное крестьянство, трудовой подвиг, патриотизм.*

С началом Великой Отечественной войны ЦК КПСС и Советское правительство призвало партию и народ мобилизовать все силы на разгром врага, в короткие сроки перестроиться на военный лад, укрепить тыл, подчинить интересам войны всю деятельность партийных, советских и общественных организаций. Совместно со всеми народами СССР и киргизский этнос активно включился в военные действия против фашистской Германии. Не отставало от города и колхозное крестьянство, которое, в силу своей специфики, также включилось в процесс защиты Родины на своем фронте.

В военное время выросли потребности армии и населения в продовольствии, а промышленности — в сырье. Однако до середины 1943 г. страна была лишена своих баз по производству зерна, сахара и другой сельскохозяйственной продукции. Чтобы восполнить ее потери, необходимо было добиться повышения сельскохозяйственного производства в тыловых районах, особенно на востоке страны.

В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. говорилось о необходимости увеличения посевных площадей на 1942 г.[1] Так, в Киргизской ССР предполагалось расширить посевные площади до 1049,8 тыс. га (против 964,5 тыс. га в 1941 г.), в том числе под посевы зерновых — на 55 тыс. га[2]. В последующие годы планы посевов большинства культур, особенно зерновых и сахарной свеклы, заметно превышали

довоенный уровень. Однако возникло немало проблем, так как расширение сельскохозяйственного производства требовало мобилизации всех возможностей колхозов.

В связи с этим началась перестройка сельского хозяйства на военный лад, что сказалось на создании по решению ЦК ВКП(б) в ноябре 1941 г. политических отделов при МТС и совхозах. Таким образом, в 1942 г. в колхозах республики, входящих в зону деятельности МТС, были созданы 123 новые парторганизации и приняты в коммунистическую партию 1242 человека[3]. Во многих случаях политотделы восстанавливали в колхозах деятельность партийных организаций, а там, где их не было, большое значение придавали работе комсомольцев. За первое полугодие 1942 г. в колхозах республики было создано 78 комсомольских организаций[4].

Через первичные парторганизации политотделы с помощью райкомов партии оказывали влияние на политическую и производственную жизнь колхозов. Они осуществляли контроль над деятельностью колхозов, выдвигали и воспитывали новые кадры, помогали изыскивать дополнительные земельные площади, пригодные для посевов, следили за организацией труда в хозяйствах. Главным содержанием работы политотделов являлась массовая политическая агитация. К примеру, в Джалалабадской области в зоне деятельности МТС было организовано 168 агитпунктов, 118 агитколлективов с 1563 агитаторами, 140 красных уголков, 24 библиотеки. Стали выходить 210 стенгазет и 143 боевых листка, вывешены 332 доски показателей, устроена 181 газетная витрина. Работники политотделов провели в колхозах и МТС 970 лекций и бесед, на которых присутствовали 21 580 слушателей[5]. Данный вид работы политотделов в течение полутора лет отразился на повышении уровня политической деятельности среди колхозного крестьянства.

Политическую деятельность в колхозах развернули также руководящие партийные и советские работники республики, особенно после принятия Постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1943 г. «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения». При ЦК, обкомах и райкомах партии в Киргизстане были созданы группы докладчиков, в которые вошли 1395 человек. За первую половину 1944 г. было прочитано 785 640 лекций колхозникам, 12 837 — работникам МТС и совхозов[6]. В 1943 г. при партийных комитетах были организованы женские отделы. В колхозах актив колхозниц объединялся в женские советы[7].

Значительно сократилась материально-техническая база сельского хозяйства. Уменьшение технической вооруженности вызвало необходимость усиленного применения ручного труда, но в военный период произошла значительная убыль и людских ресурсов. К примеру, в 1942 г. общий недостаток рабочей силы в колхозах республики в самый напряженный период сельскохозяйственных работ составил свыше 17 тыс., а в 1943 г. — 68,7 тыс. человек[8]. Таким образом, главной задачей было обеспечение колхозов рабочей силой, что осуществлялось разными путями: привлекались женщины и старики, стали вовлекаться в колхозное производство население кишлаков, аилов и сел[9].

Девятый пленум ЦК КП(б) Киргизии, состоявшийся в январе 1943 г., указал на необходимость использования труда стариков и подростков[10]. В районах республики прошли совещания колхозников пожилого возраста,

на которых партийные работники разъясняли важность применения опыта аксакалов, просили их помочь в работе колхозов. После совещаний в Панфиловском районе пожилые люди стали чинить упряжь, обучать быков и коров ходить в упряжке, учить молодежь технике полива. Неспособные к физическому труду пожилые люди проявили инициативу и начали работать общественными инспекторами по качеству, общественными контролерами по уходу за рабочим скотом. Создавались также бригады из подростков[11].

Приглашались на работу не трудившиеся ранее женщины-домохозяйки, жены фронтовиков. Активную деятельность в этом отношении развернули женотделы. В Кочкорском районе, например, в 1943 г. женотдел вовлек в артельное хозяйство 300 женщин. В результате принятых мер количество участвующих в общественном хозяйстве в 1942 г., несмотря на то что много трудоспособных мужчин ушли на фронт, выросло по сравнению с 1940 г. на 77,6 тыс.; на 22,8 тыс. увеличилось количество работающих женщин, на 21,4 тыс. — подростков (от 12 до 16 лет). Но убыль рабочей силы была столь значительной, что возмещение ее не было полным, а в 1943 г. людские ресурсы колхозов Киргизстана оказались уже исчерпанными[12].

Частичное восполнение трудовых ресурсов в колхозах происходило путем привлечения на сельскохозяйственные работы городского населения. В 1942–1943 гг. и первом квартале 1944 г. для этих целей в республике были мобилизованы 141 865 человек. Широко использовался на колхозных полях труд учащихся сельских и городских школ. В 1942 г. свыше 90 тыс. школьников оказывали помощь на уборке урожая в колхозах и совхозах[13].

Важным мероприятием партии и правительства в деле укрепления трудовой дисциплины было установление в апреле 1942 г. для колхозников нового, повышенного обязательного минимума трудодней[14]. Для каждого района республики в соответствии со специализацией хозяйства СНК и ЦК КП(б) Киргизстана установили определенный минимум выработки: в хлопковых свеклосеющих районах он доходил до 150, в высокогорных животноводческих и зерновых — до 100, в остальных районах — до 120 трудодней [15]. Результатом данного постановления было укрепление трудовой дисциплины. Через месяц после опубликования постановления в ряде хозяйств не оказалось людей, не имеющих трудодней[16].

Таким образом, среднегодовая выработка на одного трудоспособного колхозника за годы войны фактически увеличилась на 21,4 %. Изменилась выработка трудодней отдельными категориями работников, участвовавших в колхозном производстве[17]:

Таблица 1

Категория работников	**Выработка**				
	1940 г.	**1941 г.**	**1942 г.**	**1943 г.**	**1944 г.**
Трудоспособные мужчины	257	277	263	293	302
Трудоспособные женщины	175	186	189	200	199
Нетрудоспособные, престарелые, больные	Сведений нет	166	125	127	114
Подростки от 12 до 16 лет	Сведений нет	Сведений нет	78	92	88

Постоянное уменьшение людских ресурсов, большая убыль из сельского хозяйства квалифицированных кадров выдвинули на повестку дня проблему обеспечения его подготовленными людьми. Подбор, выдвижение, подготовка и воспитание колхозных кадров стали главным направлением организаторской деятельности коммунистической партии в колхозах в условиях военного времени.

В первые же дни войны партийная организация и правительство республики приняли меры по обеспечению сельского хозяйства кадрами механизаторов, так как их убыль была особенно большой. 27 июня 1941 г. ЦК КП(б) и СНК Киргизской ССР утвердили план подготовки трактористов и комбайнеров на курсах при МТС и в школах механизаторских кадров. Основным контингентом обучающихся были женщины. К концу октября намеченный план был перевыполнен: подготовлено 3203 тракториста (из них 3071 женщина) и 672 комбайнера (600 женщин). В итоге за 1942–1945 гг. было подготовлено 9 тыс. трактористов и 1,6 тыс. комбайнеров[18].

Осуществлялась подготовка в годы войны и женщин-механизаторов. Если в 1941 г. в Киргизстане из 2769 трактористов и комбайнеров их было 84, то в 1942 г. из 7955 трактористов и комбайнеров женщин было 6158. Увеличилось также количество женщин-пастухов, чабанов, бригадиров, сеяльщиков, табунщиков. Из 32 905 человек, прошедших на 1 октября 1942 г. подготовку в областных колхозных школах, на курсах и в кружках, было 12 659 женщин, из 50 218 человек на 1 июня 1943 г. — 14 383[19].

В сложный военный период колхозы смогли мобилизовать свои трудовые ресурсы на решение различных актуальных задач. Так, в стремлении дать больше продовольствия стране, колхозное крестьянство изыскивало возможности расширения посевных площадей. При посеве озимых под урожай 1942 г. колхозы республики в 1,5 раза перевыполнили увеличенный по сравнению с прошедшими годами план. Все эти мероприятия осуществлялись в определенной мере за счет освоения целинных и бросовых земель, а также использования внутриколхозных резервов. Всего в 1941–1942 гг. колхозы республики освоили 14,7 тыс. га новых земель[20]. Соответственно расширялись поливные земли. Строились каналы, очищалась оросительная сеть, переделывались ветхие сооружения. Таким образом, увеличение посевных площадей дало свои результаты: они увеличились с 928,6 тыс. га в 1940 г. до 1014,9 тыс. га в 1943 г., посевы зерновых расширились на 66,5 тыс. га[21].

Однако выявились две проблемы. Первая заключалась в том, что значительно сократился завоз минеральных удобрений. В связи с этим большие масштабы приобрел сбор местных удобрений — навоза, золы и птичьего помета. Благодаря молодежным движениям во время посевных кампаний на колхозные поля было вывезено 1 680 820 т местных удобрений[22].

Другая проблема заключалась в недостатке семенного материла. Она была решена благодаря помощи колхозников, отдававших на семена зерно из личных запасов. Это позволило в итоге большинству колхозов справиться с планами посевных кампаний. Такими семенами засевались «площади в фонд обороны» и «гектары обороны»[23].

Таким образом, жизнь крестьянства республики в годы войны была очень тяжелой, необходимость расширения сельскохозяйственного произ-

водства, сокращение трудовых ресурсов и энерговооруженности в колхозах привели к увеличению объемов работы и соответственно нагрузки на каждого трудоспособного.

Следует отметить, что основной движущей силой в колхозном производстве в годы Великой Отечественной войны явился патриотизм колхозного крестьянства во имя свободы и независимости Родины, готового идти на любые жертвы и испытания. Крестьяне республики были убеждены, что выращенные ими хлеб, сахарная свекла, хлопок необходимы промышленности, фронту и приближают Победу. Первым серьезным экзаменом для колхозников стала уборочная кампания 1941 г. Однако сельские труженики показали высокие темпы работы, полностью использовали свои силы и сельскохозяйственную технику.

Высокими темпами убирали колхозники республики хлопок и сахарную свеклу. По инициативе звеньевой колхоза «Кенеш-Куча» Базар-Курганского района Ханипахан Джапаровой в хлопкосеющих колхозах юга Киргизстана началось соревнование за сбор 15 и 10 тыс. кг хлопка за сезон. В Ошской области 250 сборщиков систематически выполняли дневные задания на 400 %[24]. В колхозе «Джол» Базар-курганского района 200 человек ежедневно давали две нормы сбора[25]. Сама инициатор движения тысячниц Х. Джапарова 15 сентября собрала 460 кг хлопка, выполнив дневную норму на 766 %[26], а к 1 ноября она сдержала свое слово, сдав государству 15 тыс. кг хлопка[27].

Высокие показатели также были достигнуты на уборке и вывозе свеклы. Звеньевая О. Гриценко из колхоза им. Тельмана Московского района при дневной норме 10 ц очищала 15 ц, а в отдельные дни — по 20 ц свеклы. В колхозе «Кызыл-Туу» к 25 сентября сахарной свеклы было убрано вдвое больше, чем намечалось по плану, большинство колхозников очищало по 12–13 ц вместо 8 ц[28]. В итоге ценой высокого патриотизма колхозы Киргизстана закончили уборку зерновых на 15 дней раньше, чем в 1940 г. 11 ноября республика выполнила план хлопкозаготовок, государству было сдано почти в два с половиной раза больше хлопка, чем в 1940 г. Раньше времени завершился и уборка свеклы[29].

В процессе подготовки к сельскохозяйственным работам второго военного года по всей республике развернулись социалистические соревнования. Хозяйства и отдельные колхозники брали обязательства расширить посевные площади, повысить урожайность сельскохозяйственных культур, увеличить поголовье и поднять продуктивность скота, сохранить полученный приплод, улучшить упитанность животных. Между бригадами, звеньями, колхозами, районами, областями заключались договоры. Весенняя посевная кампания 1942 г. прошла успешно. Благодаря массовому перевыполнению норм выработки многие колхозы завершили посевные работы раньше установленного срока. В целом колхозы республики провели сев зерновых, сахарной свеклы и хлопчатника в более сжатые по сравнению с предыдущими годами сроки. С высоким подъемом проводились в республике и уборочные работы. В ходе соревнования перевыполняли нормы сотни колхозников. В колхозах зоны Нарынской МТС 19 колхозников на уборке хлеба вручную давали ежедневно не менее трех норм. На 150–200 % выполняли дневное задание по уборке свеклы многие колхозники из артелей «Кызыл-Аскер»,

им. Горького, «Кашка-Суу», «Путь к социализму», им. Чапаева, «Таш-Тюбе» Аламединского района. На уборке свеклы и хлопка росло число двух- и трехсотников. Развернулось и движение тысячниц. Так, колхозница сельхозартели им. Дзержинского К. Казакова собрала за сезон 12 500 кг хлопка при норме 4 тыс. кг[30].

Соревнуясь за повышение урожайности культур, многие колхозы и колхозники добились высоких результатов. Например, члены колхоза «Совет» Токтогульского района вырастили по 10,4 ц/га по плану, а сельхозартели им. 8 Марта Нарынского района — по 12,5 ц/га при плане 8,5 ц/га. Эта же артель выполнила план по развитию животноводства и досрочно рассчиталась с государством по всем видам поставок. Многие бригады и звенья колхозов Джалалабадской области получили высокие урожаи зерновых, свеклы и хлопчатника. Семьдесят шесть звеньев собрали в среднем по 23,8 ц/га хлопка, 19 бригад — по 18,1 ц/га[31]. Успешно выполнялся государственный план развития животноводства. В целом по республике 26 районов выполнили план по выращиванию трех основных видов скота, Тянь-Шаньская область — всех видов[32].

Таким образом, подводя итоги Всесоюзного соцсоревнования областей, краев и республик в 1942 г., Совнарком СССР за хорошие показатели в полеводстве присудил Киргизии третью премию; были также отмечены успехи республики в развитии животноводства[33].

Не меньшими масштабами отмечалось соревнование и в 1943 г. На первое апреля в него включились 83 % колхозов, 78 % полеводческих бригад и 85 % звеньев республики. Во всесоюзном соревновании по животноводству только в Ошской области участвовали 290 колхозов и 264 фермы с общим числом работников 1580 человек[34]. Однако лето 1943 г. выдалось очень засушливым. Неблагоприятная погода в период уборки сахарной свеклы и хлопка, нарушения агротехники, недостатки в организации труда и руководстве соревнованием привели к тому, что большинство хозяйств и колхозников не выполнили своих обязательств, не справились с плановыми заданиями. Неплохих результатов добились лишь немногие колхозы, бригады и звенья.

Начало 1944 г. характеризовалось высокой трудовой активностью колхозного крестьянства республики; возродилось движение свекловичниц-пятисотниц и хлопкоробов-стоцентнеровиков. Во главе последних в Джалалабадской области стояли известные мастера хлопковых полей С. Алимов, С. Мамарасулов, Х. Джапарова, Т. Джураев, они делились своим опытом с другими колхозниками. К концу войны в республике только из молодежи было организовано 1120 высокоурожайных звеньев и 35 комсомольско-молодежных бригад, охвативших 15 тыс. человек[35].

Отдельные хозяйства и колхозники добились немалых успехов. Звено К. Бубановой из колхоза «Босбармак» Кантского района вырастило по 22 ц/га ячменя вместо 12 ц/га по плану. Почти вдвое превысило установленный план урожайности зерновых звено З. Курманалиевой из колхоза «Кыз-Арт» Джумгальского района[36]. В колхозе «Прогресс» г. Токмак в 1944 г. урожай озимой пшеницы составил 17,7 ц/га, яровой — 10,4, ячменя 13 ц/га[37].

Высоких показателей добились отдельные хлопкоробы и свекловоды. Так, звеньевая колхоза им. Крупской Сокулукского района М. Гречухина

при обязательстве вырастить свеклы 800 ц/га получила свыше 1000 ц/га, а звеньевая колхоза «III Интернационал» Калининского района Ш. Тезекбаева вместо 1000 ц/га по обязательству — 1309 ц/га[38].

Отлично потрудились в 1944 г. и многие животноводы. Чабан колхоза им. Фрунзе Кировского района А. Джанузакова от 271 овцематок вырастила 411 ягнят[39]. Высокий выход молодняка получили колхозы Алайского района: в среднем от 100 маток здесь выращено и сохранено 109 ягнят, 83 жеребенка, 92 теленка[40]. Отличились животноводы Тогуз-Тороуского района, они выполнили государственный план развития животноводства за пять месяцев. Общественное стадо в колхозах района увеличилось на 16 580 голов, от каждой сотни маток получено по 49 жеребят, 86 телят, 105 ягнят и козлят. По итогам Всесоюзного соцсоревнования районов за подъем колхозного животноводства СНК СССР дважды признавал Тогуз-Тороуский район победителем и вручал ему Красное знамя ГКО[41].

Среди колхозного крестьянства Киргизстана продолжали проводиться социалистические соревнования различных форм. Так, штурмовые, ударные кампании организовывались во время посевных и уборочных работ, ремонта сельхозмашин и т. д. Они способствовали более быстрой сдаче государству сельскохозяйственной продукции, красные обозы и караваны увозили ее на заготпункты. Все меры по организации соревнования способствовали трудовому подъему среди колхозников республики. Усилиями крестьянства некоторые трудности военных лет были преодолены или смягчены. Однако ущерб, нанесенный производительным силам (уменьшение машинного парка, сокращение материальных и людских ресурсов), не мог не отразиться на сельскохозяйственном производстве. Расширение посевных площадей в начале войны не повлекло за собой увеличения объемов производства продукции: с ухудшением культуры земледелия понизилась урожайность. По зерновым и бобовым культурам в 1944 г. она упала больше чем наполовину по сравнению с 1940 г., по сахарной свекле — в пять раз, по хлопчатнику — почти в 2,2 раза. В 1944 г. валовой сбор зерновых и бобовых уменьшился на 62,3 %, хлопка — больше чем в три раза, сахарной свеклы — в четыре раза[42].

В конце 1944 г. СНК и ЦК КП(б) республики приняли постановление, направленное на улучшение работы МТС. Увеличилось производство сельскохозяйственных машин. В 1945 г. расходы на сельское хозяйство почти достигли довоенного уровня. Были приняты меры по укреплению колхозов и совхозов кадрами. Улучшилась работа МТС, среднегодовая выработка на условный трактор поднялась в 1945 г. по сравнению с 1943 г. на 47,6 %. Повысился уровень механизации основных работ, больше внимания стало уделяться агротехнике, что положительно отразилось на урожайности. По зерновым она выросла в целом по республике с 3 ц/га в 1943 г. до 5,1 ц/га в 1945 г., валовой сбор вырос на 45 %. На 41 % увеличился сбор сахарной свеклы[43].

С немалыми трудностями было связано развитие животноводства. Поголовье крупного рогатого скота в колхозах к началу 1945 г. по сравнению с 1940 г. возросло на 28 %, овец и коз — на 39 %. Поголовье лошадей уменьшилось на 4 %, птицы почти — в два раза, свиней — в семь раз[44].

В 1945 г. многое было сделано по наведению порядка на фермах, укреплению кормовой базы животноводства. В республике заготовили

1277 тыс. т грубых кормов, заложили 211 тыс. т силоса, отремонтировали 9804 и построили 663 новых помещений для скота. Кроме того, на зимних пастбищах построили и отремонтировали 1672 помещения упрощенного типа, создав при них страховые запасы кормов. На работу в животноводство был направлен большой отряд коммунистов, в животноводческие районы завезена крупная партия продовольственных и промышленных товаров; улучшилось культурное обслуживание животноводов[45].

Удовлетворение постоянно растущих потребностей фронта в продовольствии побуждало крестьянство делать все возможное, чтобы дать фронту и стране необходимое количество хлеба, мяса, молока, хлопка, сахара. В годы войны колхозы Киргизстана увеличили сдачу государству сельскохозяйственной продукции, что видно из сведений уполномоченного Министерства заготовок СССР по Киргизской ССР (в % к 1940 г.):[46]

Таблица 2

Сданная продукция	**Год**				
	1941	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Хлеб	102	107	65	58	85
Овощи	158	200	173	177	180
Картофель	109	141	111	117	70
Мясо	148	210	226	316	319
Молоко	127	163	184	174	181
Яйца	100	147	170	155	184
Шерсть	135	185	190	189	188

Таким образом, из таблицы видно, что, несмотря на невыполнение плана по отдельным видам заготовок, колхозы республики в основном справились с задачей дать фронту и стране продовольствие во все возрастающем количестве. Та продовольственная продукция, которую колхозное крестьянство Киргизстана, сокращая свои нужды, фактически бесплатно отдавало стране и фронту, была основной, но не единственной формой помощи колхозного крестьянства. Так, доля поставок и продажи государству в общем объеме полученной колхозами продукции зерновых и бобовых культур достигла в 1943 г. 54 %, тогда как в 1940 г. она равнялась 38,5 %; доля же колхозных фондов потребления (выдача за трудодни и т. п.) уменьшилась с 29,1 % в 1940 г. до 17,5 % в 1945 г., почти на 5 % сократилась доля зерновых и бобовых, выделяемая на производственные нужды[47].

Помимо трудового подвига во имя Победы колхозное крестьянство оказало также помощь рабочему классу. В Киргизстане инициаторами выступили колхозники Араванского района, собрав для рабочих Кадамджая 67 пудов зерна, 25,5 пудов риса, 51 пуд мяса, 40 пудов картофеля, 90 пудов лука и других овощей, несколько сотен яиц, десятки килограммов масла и т. д.[48] На промышленные предприятия Фрунзе, шахты Кызыл-Кия, Сулюкта, Таш-Кумыр, на заводы и фабрики Ош были отправлены обозы с продовольствием. Сотни подвод с продуктами направили рабочим столицы колхозники Фрунзенской области. Колхозники республики отправили продовольствие рабочим и в союзные республики. Так, шахтерам Донбасса

было отправлено 18 вагонов различных продуктов, рабочим Сталинграда — урожай зерновых и других сельскохозяйственных культур, собранный с 585 га, и 865 тыс. руб.[49] Значительная помощь — 100 вагонов с продовольствием — была оказана Ленинграду[50]. Заботой колхозников были окружены дети, эвакуированные из Ленинграда[51].

За все годы войны колхозы и колхозники республики подписались на государственные займы на 520 млн руб., приобрели билеты денежно-вещевых лотерей на 114 млн, внесли на строительство вооружения для Красной Армии 214 млн руб., собрали и отправили на фронт свыше полумиллиона теплых вещей, 38 тыс. посылок и 71 вагон продовольствия, передали колхозам освобожденных районов 20 тыс. лошадей, 10 тыс. голов крупного рогатого скота и 100 тыс. овец и коз[52]. В Фонд обороны колхозы и совхозы сдали 4,5 млн пудов зерна и 400 тыс. пудов мяса[53].

Несомненно, все эти достижения оказались достойным вкладом в Великую Победу всего советского народа.

Подводя итоги, мы можем отметить следующее:

1. Колхозное крестьянство, стимулируемое патриотизмом, который постоянно актуализировали местные партийные и комсомольские организации, добивалось не только выполнения повышенного военного плана, но и в ряде отраслей его перевыполнения. И это несмотря на тяжелые погодные условия зимы 1942/43 гг.

2. Расширение посевных площадей неизбежно привело к увеличению поливных земель, а это — к строительству новых каналов и водохранилищ, что в свою очередь явилось определяющим фактором в выборе политики энергетической независимости и сельскохозяйственной направленности, уже независимого Кыргызстана в 1990-е гг.

3. С антропологической и социоэтнической стороны интересен факт сравнительно быстрой и, главное, успешной адаптации, по сути, кочевого этноса к реалиям многовековых производственных традиций земледельческих народов. При этом он сохранил собственную самобытность на уровне духовной и утилитарной культуры. С нашей точки зрения, это служит прекрасной иллюстрацией несостоятельности одного из основополагающих догматов марксизма — доминирования базиса над надстройкой. В данном примере — все с точностью до наоборот.

Примечания

[1] Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. Фрунзе, 1965. С. 36.

[2] Казанский А. Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945 гг. Фрунзе, 1954. С. 24.

[3] Киргизия в годы Великой Отечественной войны… С. 126.

[4] Там же. С. 149.

[5] История советского крестьянства Киргизстана / под ред. С. И. Ильясова, В. П. Шерстобитова. Фрунзе, 1972. С. 239–240.

[6] Рост и регулирование состава Коммунистической партии Киргизии (1918–1962 гг.) : сб. док. Фрунзе, 1963. С. 156–157.

[7] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1750. Л. 1.

[8] ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 17. Д. 109. Л. 11.

[9] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 1282. Л. 227.

[10] Совет. Киргизия. 1943. 21 янв.

[11] Совет. Киргизия. 1943. 20 янв.
[12] ЦГАКР. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.
[13] Киргизия в годы Великой Отечественной войны… С. 100.
[14] Там же. С. 102.
[15] Совет. Киргизия. 1942. 25 апр.
[16] ЦГАПДКР. Ф. 17. Оп. 17. Д. 173. Л. 37.
[17] История советского крестьянства Киргизстана. С. 244.
[18] ЦГАКР. Ф. 1642. Оп. 10. Д. 2258. Л. 18 ; История советского крестьянства Киргизстана. С. 245.
[19] ЦГАКР. Ф. 1642. Оп. 10. Д. 2264. Л. 35.
[20] Киргизия в годы Великой Отечественной войны… С. 263.
[21] Совет. Киргизия. 1941. 24, 25 дек. ; 1942. 19 февр., 17 мая.
[22] Киргизия в годы Великой Отечественной войны… С. 249.
[23] Там же. С. 282.
[24] Совет. Киргизия. 1941. 20 сент.
[25] Там же. 28 сент.
[26] Там же. 20 сент.
[27] Там же. 2 нояб.
[28] Там же. 28 сент.
[29] ЦГАПДКР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 458. Л. 39–40.
[30] Там же. Оп. 1. Д. 1837. Л. 64–65.
[31] Совет. Киргизия. 1943. 19 янв.
[32] Там же.
[33] История советского крестьянства Киргизстана. С. 255.
[34] ЦГАКР. Ф. 1642. Оп. 10. Д. 1143. Л. 7 об.
[35] Большевист. путь. 1944. 17 июня.
[36] Совет. Киргизия. 1944. 19 дек.
[37] Там же. 1945. 9 янв.
[38] Совет. Киргизия. 1944. 10 нояб.
[39] Там же. 1945. 13 февр.
[40] Там же. 6 янв.
[41] Там же. 1944. 6 авг., 15 дек.
[42] Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 414–424 ; История советского крестьянства Киргизстана. С. 261.
[43] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966. С. 349.
[44] История советского крестьянства Киргизстана. С. 262.
[45] Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 426, 428, 430, 432, 434.
[46] История советского крестьянства Киргизстана. С. 263.
[47] Там же.
[48] Совет. Киргизия. 1942. 2 дек.
[49] Керимбаев С. Патриотизм трудящихся Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1954. С. 215.
[50] Совет. Киргизия. 1945. 13 февр.
[51] Султаналиев Б. Историческая роль Ленинграда в подъеме экономики и культуры Киргизии. Фрунзе, 1965. С. 107.
[52] Совет. Киргизия. 1945. 13 февр.
[53] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. С. 352.

Н. А. Алымкулов, С. А. Арзыгулова

Развитие свекловодства во Фрунзенской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Статья посвящена трудовому подвигу свекловичниц Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Республика стала основным поставщиком сахара, глюкозы, спирта на фронт, в госпитали, детские дома и т. д. Приводятся имена известных свекловичниц республики, а также новые имена, ранее почти не встречавшиеся в исторической литературе.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, героизм тружеников тыла, свекловодство, трудовой подвиг свекловичниц Киргизской ССР в 1940–1946 гг.*

Фрунзенская область, занимавшая в конце войны территорию в 15 100 кв. м[1] являлась основным свеклосеющим регионом Киргизской ССР. Если в 1936 г. в области получали сахарной свеклы 328 ц/га, что являлось рекордом в СССР[2], то в 1940 г. удалось побить мировой рекорд, сняв 401–431 ц/га и сдав государству свыше 6 млн ц корнеплодов[3]. Для сравнения: в 1913 г. средняя урожайность сахарной свеклы в России была 168 ц/га[4]. На весь Советский Союз стали известны имена известных свекловичниц Ш. Тезекбаевой, С. Кайназаровой, К. Шопоковой и многих других.

Отменно трудилась на свекловичных полях депутат Верховного Совета СССР, секретарь партийной организации колхоза им. III Интернационала, председатель Ак-Башатского сельского совета Калининского (ныне Жайыльского) района Фрунзенской области Шайырбюбю (Шаирбюбю) Тезекбаева (Тезикбаева, Тизикбаева). Еще в 1936 г. ей удалось снять с одного гектара 1200 ц (по другим источникам, 1386 ц) свеклы, тем самым перекрыв рекорд известной свекловичницы из Украины Марии Демченко, получившей в 1935 г. с одного гектара 527 ц корнеплодов. В 1938 г. Ш. Тезекбаева сняла с каждого гектара урожай: по одним источникам — 1029 ц, по другим — 1 300 ц; в 1940 г. — по 700 ц, в 1941 г. — 1000 ц. А в 1943 г. вместо 1000 ц/га по обязательству вырастила рекордный урожай — 1309 ц/га, хотя этот показатель был ниже, чем в 1936 г.[5] По одним источникам, в 1944 г. ей удалось собрать 1200 ц/га урожая[6], по другим — 1307–1309 ц/га вместо 170 ц по плану, тем самым установить рекорд урожайности и перекрыть все прежние рекорды мастеров свекловичных полей в стране.

В 1945 г. она собрала, по одним источникам, 788,6 ц/га, по другим — 1100 ц/га[7]. Если по всей Фрунзенской области в среднем осуществлялось 6,5 глубоких обработок свеклы, то Ш. Тезекбаева делала по десять рыхлений на каждый гектар[8]. За успешный труд Ш. Тезекбаева в 1944 г. получила премию: 870 кг сахара, 113 кг патоки, 471 кг жома, промтоваров на 1535 руб. и 18 907 руб. деньгами[9].

Известная свекловичница, депутат Верховного Совета СССР, а затем и Кыргызской ССР, Сууракан Кайназарова (колхоз имени Калинина Кагановичского (ныне Сокулукского) района) в 1936 г. получила 800 ц/га, в 1937 г. — 1038 ц/га (звено — 318 ц/га), в 1938 г. — 500 ц/га (по другим данным, она — 1085–1175 ц/га, звено — 724 ц/га), в 1939 г. — 1070–1090 (звено — 797), в 1940 г. — 1080–1090 (604), в 1941 г. — 1073–1118 (700), в 1942 г. — 850–1300 (680–850), в 1943 г. — 1000–1159 (520), в 1944 г. — 1030 (545), в 1945 г. — 900 (452), в 1946 г. — 1044 ц/га (507). За три года войны она собирала более 1000 ц корней с гектара: в 1941 г. — 1118, в 1942 г. — 1150–1200, в 1943 г. — 1159 ц (ее звено за это время — по 670 ц), в 1944 г. — 1250 ц (при среднем плане, по одним источникам, 150 ц, по другим — 250 ц), ее звено — 540 ц, в 1945 г., по ее собственную признанию, 900 ц/га, а ее звено — 482 ц, по данным же журналистов — 1044 ц (звено — 507 ц), а по данным заведующего отделом по работе среди женщин ЦК КП(б) Киргизии — 1300 ц. В 1946 г. был собран рекордный урожай — 1944 ц, в 1947 г. — 810 ц, а с двух гектаров — 1943 ц, то есть фактически 971 ц/га, в 1948 г. — 1100 ц/га, в 1953 г. — 572 ц/га, в 1956 г. — 650 ц/га, в 1957 г. — 701 ц/га. В целом колхоз им. Калинина, собиравший в 1936 г. по 60–65 ц/га, в годы войны сдавал государству сахарной свеклы по 350 ц/га, хотя в 1949 г. урожайность вновь снизилась до 300 ц/га[10].

Такой результат был итогом того, что звено, и сама звеньевая С. Кайназарова были хорошо знакомы с агротехническими правилами выращивания сахарной свеклы. Они хорошо понимали, что свекла является сложной и очень требовательной культурой[11] и что посев по глубоко вспаханной зяби против весновспашки дает прибавку урожая на 70–75 ц на гектар; яровизация семян позволяет увеличить урожай, ускорить плодоношение и сократить вегетационный период растений (это было очень важно для Фрунзенской и Таласской областей, где чаще бывает жаркие дни и суховеи); свекловичные семена для своего прорастания требуют значительно большего количества влаги (150 % к весу), чем семена других культур. Эти семена размером с булавочной головки очень слабы и нежны и потому требуются неглубокая их заделка (не глубже 3,5–5 см в зависимости от особенностей почвы и степени разделки) и особо тщательная обработка почвы. Поэтому необходимо добиться получения всходов свеклы за счет умелого сохранения накопленной за зиму влаги в почве. Нельзя было допустить пересыхания почвы, для этого сразу после пахоты следовало осуществить малование (этим добиваются выравнивания поверхности поля и некоторой осадки почвы) и боронование, а также шлейфование почвы. Растягивание сроков сева наносило серьезный ущерб урожайности свеклы, и его следовало закончить в четыре-пять дней[12]. Нужно было бороться за повышение плодородия почвы, следовало вести вегетативную подкормку свеклы. Внесение необходимого количества удобрений, правильное их соотношение

и нормальная глубина заделки, особенно при подкормке посевов, давали прибавку урожая до 20 ц. Рекомендовалось первую подкормку минеральными удобрениями осуществлять на глубину 10–12 см на расстоянии от рядка 8–10 см, вторую — на глубину 15–16 см, а также провести одну-две подкормки местными удобрениями (навозом, фекалиями, куриным пометом, золой). Поэтому звено заготавливало различные удобрения, в том числе 150 т местных удобрений, за лето дважды подкармливало свеклу навозом, один раз — птичьим пометом[13].

Одной из учениц С. Кайназаровой была жена Героя Советского Союза, панфиловца Дуйшенкула Шопокова Керимбүбү Шопокова из колхоза «Кызыл Аскер» Кагановичского (Сокулукского) района. Молодежное звено колхоза, возглавляемое К. Шопоковой, получило в 1941 г. 240 ц/га, в 1942 г., по одним источникам, 470 ц/га, по другим — 684 ц/га, по третьим — 700–790 ц с каждого из пяти-восьми закрепленных за ним гектара (вместо 210 ц по плану), в 1943 г. — 512, в 1944 г. — 630–637, в 1945 г., по одним источникам, 560–600, по другим — более 900 ц/га. Это был рекордный урожай. Из свеклы, выращенной звеном К. Шопоковой за время войны, Новотроицкий сахарозавод выработал столько сахара, что его могло хватить на пять лет военному соединению в 4000 человек[14]. За рекордный урожай сахарной свеклы звено получило премию в размере 39 тыс. руб.[15]

В 1942 г. К. Шопоковой удалось поднять урожайность на участке своего звена в три раза — было собрано с каждого гектара по 684 ц корнеплодов (вместо 210 ц по плану), а на своем участке она получила по 700 ц/га. В 1943 г. ей удалось вырасти по 800 ц/га (звено собрало 630 ц/га), в 1944 г. — 844–900 (650), в 1945 г. — 560 (220). В 1946 г. звено К. Шопоковой, заботясь о восстановлении плодородия почвы, вывезло на свой участок 200 т навоза, 15 ц птичьего помета, золу и дувальную землю[16]. По рекомендации специалистов, сахарную свеклу следовало поливать семь-восемь раз. Если не следовать этой рекомендации, урожай мог сократиться на 25 %. И полив должен был быть нормированным, иначе при большом количестве воды она проникала в глубь земли, смывая минералы с поверхности, а корнеплоды не могли освоить такое количество минералов[17]. Члены звена всегда помнили об этом.

Однако в отечественной литературе, посвященной труду колхозниц-свекловичниц в 1941–1945 гг., часто ограничиваются изучением трудовой деятельности передовиков (С. Кайназаровой, К. Шопоковой, Ш. Тезекбаевой и др.). Но архивные материалы свидетельствуют о том, что было немало и других героев-свекловичниц во Фрунзенской области, о чем убедительно говорят цифры.

Таблица 1

Результаты труда передовых свекловичниц 1941–1945 гг.

Получено свеклы, ц/га	Год	Свекловичница	Место работы
670 (в 1940 г. — 700)		Автайкина	Колхоз им. Калинина, Кантский район
700	1942	Бюбюсара Абдуллаева	

Продолжение табл. 1

Получено свеклы, ц/га	**Год**	**Свекловичница**	**Место работы**
800		Мария Петровна Бабухина	Колхоз им. Ленина, Кагановичский район
750	1945	Куманча Байматова	Колхоз «Кайырма», Ворошиловский район
700		Кульбара Бектурова	Колхоз «Бейшеке», Кеминский район
500–600	1945	Екатерина Бойко	Колхоз «Красный Восток», Калининский район
500 (в 1941 г. — 517, в 1942 г. — 575, в 1945 г. — 528)	1945	Ксения Максимовна Бойко	Колхоз им. Федорова, Калининский район
550–600		Гаращенко Анна Никифоровна	Колхоз «Красный Путь», Ивановский район
617 (в 1945 г. — 443)	1944 (по другим данным: в 1944 г. с 3,5 га — по 564 ц/га)	М. Я. Гречухина	Колхоз им. Крупской, Кагановичский район
700–1000	1942	Анна Даниленко	Колхоз «Серп и молот», Ворошиловский район
700–800		Мария Даниленко	Колхоз «Восток», Ворошиловский район
800	1941	Калымбюбю Джетыгенова	Колхоз им. Д. Шопокова, Калининский район
700 (вместо 250)	1944	Какиш Джоошбаева	Колхоз «Бейшеке», Кеминский район
600	1944	Джумагуль Джунушбаева	Артель «Кырга-Былгы», Кеминский район
700		Батма Джунушева	Колхоз им. Маркса, Кантский район
700	1942	Нина Домашева	Колхоз «Полный колос», Сталинский район
700		Анна Дубкова	Колхоз им. Молотова, Сталинский район
700		Патима Егамбердыева	Колхоз им. Молотова, Сталинский район
700	1944	Жетигенова	Колхоз «Кызыл Аскер», Кагановичский район
600–700		Валентина Васильевна Журавлева	Колхоз «Восток», Кагановичский район

Продолжение табл. 1

Получено свеклы, ц/га	**Год**	**Свекловичница**	**Место работы**
600		А. М. Засухина	Колхоз им. Ворошилова, Чуйский район
1000		Екатерина Казацкая	Колхоз «Красный Октябрь», Сталинский район
550–600		Мария Калашникова	Колхоз «Красный Путь», Ивановский район
600	1944	Н. Камишева	Артель «Орто-Кайырма», Панфиловский район
620		Сергей Иванович Карпов	Кантский район
700–1000	1942	Батыйма Касымбекова	Колхоз им. Калинина, Сталинский район
550–600		Анна Коваль	Колхоз «Завет Ильича», Чуйский район
800		Анна Козина	Колхоз «Красный Октябрь», Сталинский район
600	1944	Сулбюбю Кокенова	Артель «Кырта-Былгы», Кеминский район
700 (в 1940 г.)		Колотова	Колхоз «Коминтерн», Ивановский район
650		Кошелевская	Колхоз «Победа», Кеминский район
650	1942	Сайырбюбю Курашаева	Колхоз «Кызыл Аскер», Ворошиловский район
800		Екатерина Легких	Колхоз «Труд крестьянина», Калининский район
522	1945	Просковья Мартынова	
800		Е. И. Матвиенко	Колхоз им. Фрунзе, Кантский район
600	1944	С. Мусуралиева	Колхоз «Төрт-Куль», Калининский район
500	1942	Агрипина Немченко	Колхоз «За линию ЦК ВКП(б)», Панфиловский район
800		Марфа Михайловна Нефедова	Колхоз «Коминтерн», Калининский район
500	1945	Екатерина Олейникова	Колхоз им. Калинина, Калининский район

Окончание табл. 1

Получено свеклы, ц/га	**Год**	**Свекловичница**	**Место работы**
600	1945	Екатерина Иудовна Олейникова	Колхоз им. Калинина, Калининский район
В 1940 г. — по 700, в последующие — 500, 528, 697		Татьяна Алексеевна Плутицкая	Колхоз им. Федорова, Калининский район
720	1941	Феодосия Рогова	Колхоз «Красный Восток», Калининский район
700		Мария Дмитриевна Савенкова	Колхоз «Красный партизан», Калининский район
800		Лидия Синченкова	Колхоз им. Маркса, Сталинский район
500		Ишпан Султаналиев	Колхоз «Кош-Коргон», Чуйский район
700–750 (в 1944 г. — 625, в 1945 г. — 713)	1941	Алтынчач Султанбекова	Колхоз «Кайырма», Ворошиловский район
750	1942	Кальбюбю Султанбекова	Колхоз «Кайырма», Ворошиловский район
600		Айни Суранчиева	Колхоз «Бейшеке», Кеминский район
513		Теникеева	Колхоз им. Калинина, Сталинский район
1000		Анна Степановна Ткачева	Колхоз им. Маркса, Сталинский район
680	1941	Ткачева	Колхоз «Красный Восток», Калининский район
700–900		Прасковья Трабунская (Трибунская)	Колхоз им. Крупской, Ворошиловский район
1004	1945	Тыныстанова	Колхоз «Кенеш», Ивановский район
538	1944	Анна Михайловна Улитина	Колхоз им. Калинина, Кантский район
600	1944	Кашки Усенбекова	Колхоз «Ковен», Ивановский район
600		Анна Ильинична Фортушина	Колхоз «Төрт-Куль», Калининский район
600		Бюбюра Шеримкулова	Колхоз «Джал», Ворошиловский район

Таблица 1 свидетельствует, что свекловичницы области сделали все возможное, чтобы в сложных условиях военной поры получить наибольший урожай. Значительное количество свеклы ими было собран в 1941 г.: по одним источникам, 321,9 ц/га, по другим — 408,5 ц/га; в том числе в Кантском районе в 1940 г.: по одним источникам, 420 ц/га, по другим — 442 ц/га, в 1941 г. — 369 ц/га. В Калининском районе — 322 ц/га[18].

Однако начиная с 1942 г. пошло резкое снижение урожайности свеклы: по одним источникам, оно составило 187,4 ц/га, по другим — 258,0 или 210 ц/га, что, по сведениям наркома земледелия Д. Туратбекова, было на 45 ц меньше, чем в 1941 г. и на 216 ц меньше, чем в 1940 г. Стране и Красной Армии было недодано 4,5 млн пудов сахара[19]. В указанном году урожайность свеклы особенно упала в Ивановском районе — до 120 ц/га, тогда как в 1940 г. было 471 ц/га; в Кантском районе — соответственно 158 и 471, в Чуйском — 129 и 419, в г. Токмок — 160 и 450, в Сталинском районе — 170 и 371, в Ворошиловском — 238 и 383, в Панфиловском — 213 и 373, в Кагановичском — 245 и 389, в Калининском районе — 255 и 373 ц/га). В 1943 г. — по одним источникам, всего 38 ц/га, по другим — 95,0. В 1944 г. получено всего 80 ц/га (по другим данным, 170 ц/га; сдано государству 1 300 000 ц свеклы), в 1945 г. — 112, в 1946 г. — 155 ц/га[20].

Такое неудовлетворительное положение было результатом ряда причин:

1. Не лучшим образом соблюдались основные агротехнические мероприятия по выращиванию сахарной свеклы (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные агротехнические мероприятия по выращиванию сахарной свеклы в 1940–1944 годах[21]

Показатель	Год				
	1940	1941	1942	1943	1944*
Посеяно в лучшие агротехнические сроки, %	97,0	70,6	7,1	12,3–12,4	100,0
Произведено в среднем окучек на 1 га посева	54,0	73,0	3,3	8,8	Нет сведений
Произведено культиваций на 1 га посева	6,4	6,4	3,2	1,76–1,8	3,8
Дано поливов в среднем на 1 га поливов	8,2	7,0	4,5	2,71	4,6
Дано подкормок в среднем на 1 га посева	3,3	3,6	1,7	0,5–0,12	1,5

* Данные на 1сентября 1944 г.

2. Резкое снижение подкормки свеклы. Так, если в 1940 г. на один гектар почвы вносили 13 т навоза, от 0,68 ц местных удобрений и до 13 ц минеральных удобрений, то в 1942 г. подкормку свеклы произвели один-два раза, тогда как в 1941 г. — пять. В 1944 г. навоза на поля было вывезено

в четыре раза меньше (2,8 ц на каждый гектар), а минеральных удобрений — в десять раз меньше (от 0,5 до 1–3 ц)[22].

3. Вместо нормальных шести-семи дней (а по рекомендации ученых — до 10 апреля) сахарную свеклу сеяли 60 дней, а некоторые колхозы — еще дольше (колхозы г. Токмока — 56 дней, в Ивановском, Кагановичском, Кантском, Сталинском районах — 50 дней).

4. Были крайне растянуты сроки обработки корней (шаровка, прорывка длились все лето).

5. Плохо обстояло дело с поливом. Так, если в 1940 г. каждый гектар посева свеклы получал 8,2 полива, то в 1944 г. — только 3,7[23], то есть в 2,3 раза меньше. В частности, в Ивановском районе осуществили в 1944 г. три полива, тогда как в 1941 г. — 7,2.

6. Важно было своевременное рыхление после полива. Так, если по области на 1 га в 1940 и 1941 гг. приходилось по 6,7–8 рыхлений раза, то в 1942 г. было 3,2 рыхления (в том числе в Ивановском районе — 1,5, в Кантском — 2,5), в 1943 г. — всего 1,8, и только в 1944 г. удалось поднять их количество до 3,8 раза. Как было установлено специалистами, через десять суток после полива на нерыхленных участках терялась почти вся поливная вода. Своевременное проведение глубокого рыхления после каждого полива позволяло получить прибавку урожая до 20 %[24].

Правда, в декабре 1946 г. на XIX Пленуме ЦК КП(б) Киргизии член ЦК Исмаилов подверг резкой критике методы сева и бороздкового полива свеклы во Фрунзенской области: “Сначала у нас сеяли междурядье 35 см, затем 40, а в конце войны 60 см. По моему мнению, 60 см междурядье, возможно, приемлемо для Украины, где чаще идут дожди, чем в Кыргызстане, где если после полива не будешь рыхлить, вода уйдет. Во Фрунзенской области обычно использовали горную и карасуковую воду. При помощи карасуковой воды, которая идет медленно, можно было полить свеклу до корня, горная же, идущая под большим напором и идущая быстро, протекала быстро, поэтому свеклы оставались сухими, потому что расстояние между рядами слишком большое. А кроме того, все свеклоподъемники, культиваторы были выведены из строя, потому что расстояние было рассчитано, как было сказано, на 40 см, а затем было увеличено до 60 см. В результате многие колхозники, не имея механизации вновь были вынуждены работать кетменем»[25].

7. Не было севооборота, в конце войны во многих районах области свекла превратилась в монокультуру, высеваемую на одном месте от трех до десяти лет подряд[26].

8. Свеклу в большинстве случаев стали сеять по худшим предшественникам. Так, в 1943 г. в области посеяли свеклу по свекле на 50 % площади, в 1945 г. — на 45 % всех площадей. По многолетним травам, являющимся лучшим предшественником свеклы, посеяли в 1940 г. 15 %, а в 1944 г. — всего 6 %[27].

9. Увеличились потери на уборке сахарной свеклы, при ее транспортировке и в процессе работы сахарных заводов (хранение, переработка и т. д.). Так, в 1941 г. свеклы было получено примерно 320–408 ц/га, однако потери при уборке составили 81,5 ц/га, а на сахарные заводы фактически было сдано только по 322 ц, в результате в 1941 г. республика недодала

стране 1344 тыс. пудов сахара[28]. В некоторых колхозах, по ориентировочным подсчетам, в 1941 г. потери свеклы составило 10 % и более. Если из 1 ц свеклы сахарозаводы добывали 14 кг сахара, то с 1 млн ц можно было получить 140 тыс. ц сахара[29].

10. Значительно снизился удельный вес тракторных работ в общем объеме сельскохозяйственных работ в колхозах. Так, в 1945 г. тракторными свеклоподъемниками было убрано всего 3 876 га, или 42 % всей уборочной площади, конные свеклоподъемники, по существу, не применялись[30].

11. Свекловодам республики за все годы войны пришлось бороться с массовым распространением болезней и вредителей: мучнистой росой, бурой гнилью, церкоспорозом, свекловичным серым долгоносиком, корнеедом, жуками-коровками Лихачева, свекловичными блошкой и клопом. Настоящим бичом для свекловодства были мучнистая роса, наносящая существенный ущерб корням свеклы и снижавшая ее сахаристость (потери от нее могли составить не менее 20 % урожая[31]), и земляная блошка. На 20 мая 1946 г. ими было заражено свыше 8 000 га посевов свеклы[32]. В тематическом плане Киргизского филиала АН СССР на 1948 г. говорилось, что борьба с земляной блошкой в республике была начата 1942 г. и велась все шесть лет. Но несмотря на то что ученые не переставали исследовать этого вредителя, он продолжал губить посевы сахарной свеклы. Следовало продолжать его всестороннее изучение и разрабатывать меры борьбы с ним[33].

12. Потери при уборке свеклы оставались большими как в начале войны, так и в первые послевоенные годы. Так, как отмечалось в докладе первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии А. В. Вагова на VII Пленуме ЦК в мае 1942 г., свеклосеющие колхозы Фрунзенской области недодали государству сахарной свеклы по 80 ц/га. Было получено 402 ц/га, однако сдано на сахарные заводы по 322 ц/га. Таким образом, было недополучено 1300 тыс. пудов сахара. Республика недополучила против установленного плана около 5 млн пудов сахара[34]. В 1946 г. во Фрунзенской области валовой сбор свеклы составил 3 236 000 ц, но на приемные пункты фактически было сдано 2 603 000 ц, то есть потери составили 633 тыс. ц[35].

И работа самих заводов была не на высоте. В частности, план 1942 г. по снижению себестоимости не был выполнен. Из-за перерасхода сырья, материалов, топлива, электроэнергии, больших потерь от брака и других расходов себестоимость 1 ц сахара в 1942 г. превышала на 14 руб. 5 коп. против плана, из-за чего государство потеряло 5352 тыс. руб.[36]

13. Из-за крайне неблагоприятных метеоусловий 1942 и особенно 1943 г., несвоевременно проведенного сева, плохой обработки почвы и неудовлетворительного ухода за посевами в колхозах республики в 1943 г. погибло 71 800–72 000 га посевов, а в 1944 г. — 72 200 га[37].

14. В самые ответственные периоды ухода за свеклой многих колхозников отправляли на другие работы, например на обмолот хлеба, ремонт дорог и т. д., где они зарабатывали до 75 % трудодней (25 % — на обработке сахарной свеклы).

Таким образом, наряду с успехами в производстве сахарной свеклы труженики республики, в частности жители Фрунзенской области, проявили подлинный героизм, несмотря на крайние трудности в связи с сокращением рабочей силы, сельскохозяйственной техники, нехватки минеральных

удобрений, нарушениями технологии выращивания корнеплодов. Количественные показатели получения свеклы упали, но на то были объективные причины. Во время войны удалось увеличить площади посева технических культур, в частности сахарной свеклы, и, несмотря на нехватку ресурсов, получить хороший урожай свеклы, обеспечив сахарные заводы необходимым сырьем. В 1945 г. валовой сбор сахарной свеклы в республике составила 213 тыс. т. Правда, это было значительно ниже, чем в 1940 и 1941 гг. (соответственно 628 тыс. и 544 тыс. т)[38].

Примечания

[1] Киргизская ССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1946 года. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1946. С. 31.

[2] ЦГАОПДКР. Ф. 406. Оп. 1. Д. 269. Л. 50.

[3] Кулатов Т. Праздник возрожденного народа // Совет. Киргизия. 1941. 30 янв.

[4] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 315. Л. 191 ; Сельское хозяйство СССР : стат. сб. / под общ. ред. И. С. Малышевой. М. : Госстатиздат, 1960. С. 198.

[5] ЦГАОПДКР. Ф. 391. Оп. 5. Д. 15. Л. 34 ; Тезикбаева Ш.: «1309 центнеров сахарной свеклы с гектара» // Совет. Киргизия. 1944. 4 нояб.

[6] ЦГАКР. Ф. 1445. Оп. 3. Д. 19. Л. 53.

[7] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 20. Д. 28. Л. 95 ; Ф. 406. Оп. 1. Д. 241. Л. 3 ; Д. 269. Л. 51 ; Рекорддук түшүм // Кызыл Кыргызстан. 1944. 7 нояб. (на кырг. яз.) ; Кыргыз ССРиндеги бардык колхозчуларга, колхозчу аялдарга, МТСтердин кызматкерлерине жана кызылча эгүүчү райондордун адистерине алдыңкы кызылчачылардын ҮНДӨӨСҮ // Кызыл Кыргызстан. 1946. 18 янв. ; Антонян М. О. Труженики тыла в Великой Отечественной войне. М. : Воениздат, 1960. С. 49.

[8] ЦГАОПДКР. Ф. 406. Оп. 1. Д. 269. Л. 53.

[9] Там же. Ф. 56. Оп. 20. Д. 8. Л. 250 ; Тезикбаева Ш.: «1 309 центнеров сахарной свеклы с гектара»…

[10] ЦГАКР. Ф. 1642. Оп. 10. Д. 693. Л. 229, 230, 258 ; ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 395. Л. 109 ; Д. 547. Л. 50 ; Оп. 20. Д. 8. Л. 250 ; Оп. 108. Д. 838. Л. 4, 11, 26, 27, 28 ; Кайназарова С., Джакшалыкова и др. За первое место во Всесоюзном соревновании // Совет. Киргизия. 1943. 18 апр. ; Новый рекорд Суракан Кайназаровой. 1250 центнеров свеклы с гектара // Там же. 1944. 27 сент. ; Кайназарова З. Наш опыт // Там же. 1946. 30 марта ; Саткын С. Жеңиш жолунда // Кызыл Кыргызстан. 1946. 6 нояб. (на кырг. яз.).

[11] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 556. Л. 21–22.

[12] Трофимов А. Посев сахарной свеклы // Совет. Киргизия. 1945. 4 апр. ; Ивасышин С. Повысим урожай сахарной свеклы // Совет. Киргизия. 1945. 8 апр.

[13] Почин Сууракан Кайназаровой // Совет. Киргизия. 1944. 30 янв. ; Владимирова В. Суракан Кайназарова // Там же. 8 окт. ; Золенко В. Возродим былую славу // Там же. 10 нояб. ; ЦГАКР. Ф. 1642. Оп. 10. Д. 693. Л. 213 об.

[14] ЦГАОПДКР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 980. Л. 32.

[15] Там же. Д. 241. Л. 26.

[16] В звене Керимбюбю Шопоковой // Совет. Киргизия. 1946. 17 февр.

[17] Сопиев А. Кызылчаны сугаруу жолдору // Кызыл Кыргызстан. 1942. 30 май.

[18] Филипповский А. К. Опытные работы в Киргизии по зерновым и техническим сельскохозяйственным культурам // Наука в Киргизии за 20 лет. 1926–1946 / под ред. К. И. Скрябина. Фрунзе : Изд-во КиргФАН СССР, 1946. С. 98 ; ЦГАОПДКР. Ф. 406. Оп. 1. Д. 92. Л. 17 ; Д. 269. Л. 12.

[19] ЦГАОПДКР. Ф. 406. Оп. 1. Д. 62. Л. 191, 225.

[20] Там же. Ф. 56. Оп. 3. Д. 1232. Л. 50 ; Оп. 4. Д. 547. Л. 19.

[21] Там же. Оп. 4. Д. 471. Л. 132 ; ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 567. Л. 16 ; Д. 770. Л. 26, 109–110 ; ЦГАПДКР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 326. Л. 14.

[22] ЦГАОПДКР. Оп. 56. Оп. 5. Д. 322. Л. 123 ; Ф. 406. Оп. 1. Д. 62. Л. 191 ; Д. 190. Л. 32 ; Д. 192. Л. 32 ; Д. 269. Л. 12, 50–51, 55 ; ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 567. Л. 11 об. ; ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 1. Д. 65. Л. 5.

[23] ЦГАОПДКР. Ф. 406. Оп. 1. Д. 154. Л. 31.

[24] ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 770. Л. 26.

[25] ЦГАОПДКР. Ф. 56. Оп. 1. Д. 556. Л. 161.

[26] Там же. Оп. 4. Д. 551. Л. 75.

[27] Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 269. Л. 18, 55.

[28] Там же. Ф. 56. Оп. 4. Д. 389. Л. 102.

[29] Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 88. Л. 42 ; Д. 90. Л. 34, 35.

[30] Там же. Д. 269. Л. 20.

[31] Там же. Л. 127.

[32] Там же. Ф. 56. Оп. 4. Д. 551. Л. 75.

[33] Там же. Оп. 1. Д. 343. Л. 203 ; Оп. 4. Д. 345. Л. 128, 129.

[34] Там же. Оп. 4. Д. 351. Л. 50, 175.

[35] Там же. Оп. 4. Д. 388. Л. 69 ; Д. 432. Л. 25 ; Д. 556. Л. 85.

[36] Там же. Д. 432. Л. 41.

[37] Там же. Д. 486. Л. 11 ; Д. 471. Л. 134.

[38] См.: Там же. Д. 551. Л. 91, 254 ; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : стат. сб. М. : Информ.-издат. центр Госкомстата СССР, 1990. С. 96.

Н. Б. Хотамов

Сельское хозяйство Таджикистана в годы Великой Отечественной войны

В годы войны перед Таджикистаном была поставлена задача расширения посевных площадей под зерновыми культурами и повышения их урожайности. Предлагалось осуществить это за счет не только дополнительного освоения богарных земель, но и уменьшения площади посевов хлопчатника. Благодаря героическому труду колхозников в сложный 1943 г. республика не только досрочно выполнила государственный план заготовок зерна, но и впервые обеспечила себя собственным зерном, а также поддержала фронт хлебом. Кроме того, на протяжении всех лет войны Таджикистан бесперебойно поставлял стране и в действующую армию все виды животноводческой продукции.

Ключевые слова: *Советский Союз, Таджикистан, сельское хозяйство, колхозы, зерноводство, хлопководство, животноводство, фронт, Красная Армия, Победа.*

В годы Великой Отечественной войны в условиях Средней Азии, в том числе Таджикистана, наряду с промышленностью особое внимание уделялось и развитию сельского хозяйства. Это было связано прежде всего с тем, что вследствие временной вражеской оккупации важнейших сельскохозяйственных районов на западе страны Советов резко сократились посевные площади под зерновыми и техническими культурами, уменьшилось поголовье скота. Потребность же в сельскохозяйственной продукции день ото дня возрастала, так как в связи с условиями военного времени численность людей, находящихся на централизованном государственном снабжении, достигла 86 млн человек, или свыше 59 % населения страны[1].

16 августа 1941 г. в мероприятиях Советского Правительства по поводу перевода народного хозяйства Советского Союза на военные рельсы в отношении сельского хозяйства подчеркивалась «мобилизация трудовых и материальных ресурсов в сельском хозяйстве на обеспечение потребностей армии, обеспечение развития сельскохозяйственного производства в том числе увеличение посевов зерновых и технических культур»[2]. В связи с этим задачи военной перестройки сельского хозяйства в республике, мобилизации его ресурсов предстояло решать в исключительно трудных условиях, когда Красная армия была признана наиболее трудоспособной и

квалифицированной частью тружеников села. Кроме того, для Красной Армии из колхозного производства было изъято большое количество тракторов, автомашин и другой техники, даже лошадей, что значительно ослабило материально-техническую базу сельского хозяйства[3].

Успешное выполнение задач, поставленных перед сельскохозяйственными работниками, зависело от деятельности колхозов и совхозов республики. Еще в конце 1930-х гг. придавалось исключительно важное значение вопросам преобразования ТОЗов в сельхозартели, то есть колхозы, поскольку ТОЗы все еще оставались основной формой коллективных хозяйств в республике. В январе 1938 г. из 3848 коллективных хозяйств республики 2553, или 66,3 %, являлись ТОЗами, и только 33,7 % — сельхозартелями. В отдельных районах ТОЗы составляли свыше 90 % коллективных хозяйств[4]. В 1939 г. в республике завершился перевод ТОЗов в колхозы[5]. В результате на 1 июня 1940 г. колхозы уже объединяли 98,7 % всех крестьянских хозяйств республики и 100 % посевных площадей. К 1941 г. в республике насчитывалось 3093 колхоза. На каждое хозяйство приходилось в среднем по 64 колхозных дворов и 248 га общественных посевов.

Обстановка военного времени выдвинула перед сельским хозяйством напряженные планы и задачи — бесперебойное обеспечение продовольствием армии и населения, сырьем — промышленности. В специфических условиях Таджикистана наряду с общими задачами, стоящими перед тружениками полей, была поставлена задача обеспечить республику хлебом собственного производства. В 1941 г. сельское хозяйство республики успешно выполнило планы заготовок продукции сельского хозяйства. В частности, валовой сбор зерна составил 246,6 тыс. т, то есть план зернопоставок был выполнен на 100,2 %, сдано государству 76 тыс. т зерна[6]. В результате напряженного труда в 1942 г. колхозы и совхозы выполнили государственный план поставок и сверх плана продали государству около 48 тыс. ц зерна; валовой сбор зерна увеличился на 1400 ц[7].

Разумеется, одной из самых важных в дни войны являлась продовольственная проблема. Перед нашей республикой и другими республиками Средний Азии была поставлена задача расширения посевных площадей под зерновые культуры и повышения их урожайности. Так, в Постановлении ЦК ВКП(б) от 7 октября 1942 г. «О работе ЦК и обкомов КП(б) Таджикистана» нашей республике предлагалось увеличить посевные площади под зерновые культуры в 1943 г. еще на 50,5 тыс. га, в том числе на 40,5 тыс. га за счет дополнительного освоения богарных земель и на 10 тыс. га за счет уменьшения площади посевов хлопчатника. В результате благодаря героическому труду земледельцев в 1943 г. план обязательных поставок зерна государству был выполнен досрочно — 22 октября. В этом году государству было сдано 111,5 тыс. т зерна, или на 117 % больше, чем в 1940 г. Задача обеспечения трудящихся республики хлебом собственного производства была решена[8].

В 1941 г. в целом по республике посевы озимых и яровых культур занимали 847,948 га, что на 40672 га больше, чем в 1940 г. Разумеется, для увеличения посевных площадей большое значение имело завершение в сентябре 1942 г. строительства Большого Гиссарского канала, расположенного на территории Таджикистана. После завершения строительства

и ввода его в эксплуатацию площадь орошаемых земель в Гиссарской долине увеличилась на 12 тыс. га[9].

Большой Гиссарский канал протяженностью 49,3 км соединил реки Варзоб и Каратаг. Еще осенью 1940 г. таджикистанцы приступили к строительству канала, основной объем ручных земляных работ был завершен к весне 1941 г. С началом войны строительные работы прервались. Осенью строительство возобновилось и продолжалось 14 месяцев. Теперь основной состав рабочих строителей составляли женщины, подростки и пожилые колхозники. В нем, в частности, участвовали колхозники из горных районов Нурека, Файзабада и Варзоба. 12 сентября 1942 г. состоялось торжественное открытие канала[10].

В 1943 г. в республике за счет расширения посевных площадей зерновых культур и повышения их урожайности валовой сбор зерна достиг 702 тыс. т (против 489 тыс. т. в 1941 г.). Все это позволило, как было отмечено выше, республике не только впервые покрыть потребности в собственном хлебе, но и выделить для нужд фронта и страны более 40 тыс. т зерна[11].

В 1944 г. колхозы и совхозы также ввели в сельскохозяйственный оборот новые земли. Вся посевная площадь увеличилась на 165 тыс. га, или на 20 % по сравнению с довоенной. Все это способствовало, несмотря на неблагоприятные погодные условия 1944 г., досрочному выполнению плана хлебозаготовок, республика сдала дополнительно в Фонд обороны 10 400 ц зерна. Всего в 1942–1944 гг. республика увеличила поставки зерна государству на 240 тыс. ц[12].

Успехи, достигнутые таджикистанцами в сфере производства зерна и зерновых культур, были высоко оценены государством. За досрочное выполнение государственного плана хлебопоставок в 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил 160 колхозников, партийных и советских работников Таджикской ССР орденами Отечественной войны I и II степеней, приравняв тем самым трудовые достижения к воинским подвигам на фронте[13].

Обеспечение техникой в сельском хозяйстве из года в год становилось все труднее. В частности, количество тракторов на всю республику составляло в 1942 г. около трех тысяч единиц, это при том что в конце 1940 г. общее число тракторов в республике достигло 3884 единиц, комбайнов — 137, грузовых автомобилей — 1533. Почти перестали поступать минеральные удобрения. Все это наносило большой ущерб хлопководству. В частности, средняя урожайность хлопчатника в республике из года в год снижалась. Валовой сбор хлопка в 1942 г. составил 121,7 тыс. т, то есть план был выполнен на 70 %. Для хлопкоробов еще более тяжелым оказался 1943 г., когда хлопковые поля во многих колхозах пришлось обрабатывать почти вручную. Поэтому за этот год было собрано всего 58,3 тыс. т хлопка-сырца, план был выполнен на 51 %[14].

Главной причиной снижения производства хлопка являлась нехватка техники, минеральных удобрений и мужских рук. Раньше очисткой каналов и арыков занимались мужчины. Теперь постепенно они из-за нехватки мужских рук приходили в негодность, тогда как хлопок требует большое количество воды. Поэтому, с одной стороны, уменьшилась урожайность хлопка, с другой — посевные площади под хлопком[15].

В республике были приняты все меры, чтобы улучшить положение в сфере хлопководства. С соблюдением всех правил агротехники в более сжатые сроки был завершен сев хлопчатника в 1944 г. Государству за этот год было сдано 64,7 тыс. т хлопка-сырца, а его урожайность составила всего 7,1 ц/га. Снижение урожайности и уменьшение валового сбора сырца объяснялось тем, что за годы войны производство в Таджикистане хлопка, преимущественно его тонковолокнистых сортов, резко сократилось. Это было связано с тем, что увеличились посевные площади под зерновыми культурами. Кроме того, как было подчеркнуто в Постановлении ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1944 г., одна из существенных причин резкого сокращения производства хлопка объяснялось неудовлетворительным руководством со стороны ЦК КП(б) Таджикистана, который не заботился о том, чтобы в полной мере использовать поливные земли и освоение Вахшской долины для расширения посевных площадей под хлопчатником. В результате хлопководство пришло в упадок. Особенно сильно снизилось производство тонковолокнистых сортов хлопчатника. Валовой сбор хлопка-сырца уменьшился по сравнению с довоенным показателем в 2,6 раза[16].

Правительство Таджикистана сделало все необходимое, чтобы по возможности исправить допущенные ошибки. В 1945 г. труженики республики добились существенного успеха, особенно жители Ленинабадской и Кулябской областей. Эти области не только выполнили, но и перевыполнили государственный план хлопкозаготовок. В целом по республике план сдачи хлопка государству был выполнен 7 декабря 1945 г. По сравнению с предыдущим годом было сдано хлопка на 15,5 тыс. т больше, то есть 80 тыс. т, причем 52,2 % — отборного и первого сорта. В целом хлопкоробы Таджикистана за годы войны сдали государству 507,7 тыс. т хлопка-сырца[17].

В результате мобилизации мужского населения села их доля в общем количестве трудоспособных колхозников республики резко сократилось. Так, если в 1940 г. их насчитывалось 409 тыс. человек (232,3 тыс. мужчин и 176,7 тыс. женщин), то в 1943 г. их численность уменьшилась на 275,2 тыс. человек (123,3 тыс. мужчин и 152 тыс. женщин)[18]. Поэтому в годы войны большой упор делался на подготовку кадров из числа женщин.

Важное значение в условиях войны приобрела подготовка женщин-механизаторов. Уже в сентябре 1941 г. на специальных трехмесячных курсах трактористок, созданных в республике, обучались 2000 женщин и девушек. Главное место в подготовке механизаторов занимало индивидуальное ученичество непосредственно у работающих трактористов или ремонтных рабочих. Кроме того, подготовка трактористок без отрыва от производства осуществлялась путем закрепления за каждым пахотным трактором двух постоянных прицепщиков, которые осваивали профессию в процессе работы. Только в 1942 г. были подготовлены 604 тракториста. А в 1943 г. из 2376 человек, подготовленных в первом полугодии на курсах при МТС, женщин было 1443 человека, то есть 60,7 %[19]. В целом же план подготовки механизаторских кадров в республике в 1943 г. был выполнен на 77,7 %. Не была полностью удовлетворена потребность в механизаторских кадрах и в 1944 г. Даже сокращенный до 2200 человек план подготовки механизаторов на курсах при МТС и школах механизации не был выполнен. И все же, несмотря на столь трудное положение с подготовкой механизаторских

кадров в республике, за годы войны окончили курсы 8395 трактористов. Разумеется, этого количества вполне хватило бы для обеспечения кадрами всех МТС республики. Однако не все подготовленные механизаторы оставались работать в сельском хозяйстве. Одни были призваны на военную службу, причем многие из них стали танкистами, другие ушли на промышленные предприятия[20].

Свой вклад в дело подготовки кадров высшей квалификации для колхозного производства внес и Таджикский сельскохозяйственный институт, выпустивший за годы войны более двухсот агрономов, зоотехников и ветврачей. Техникумы сельскохозяйственного профиля также подготовили несколько сотен квалифицированных кадров среднего звена[21].

В годы войны для обеспечения транспортных потребностей колхозов и совхозов большое внимание уделялось созданию ферм транспортного животноводства, увеличению поголовья лошадей, ослов и верблюдов. За три военных года прирост лошадей в колхозах составил 16 330 голов. Это кроме 20 тыс. голов лошадей, которые были поставлены в Красную Армию. В целом в республике были созданы 823 фермы транспортных животных[22].

В республике успешно выполнялись задания по развитию животноводства. Если на 1 января 1942 г. в колхозах республики было 139 тыс. голов крупного рогатого скота, то на 1 января 1943 г. их стало 198,6 тыс.; овец и коз — соответственно 750,5 тыс. и 1005,2 тыс.; свиней — 11,4 тыс. и 12,1 тыс., птицы — 151,7 тыс. и 174,9 тыс. голов[23]. К 1 января 1944 г. поголовье крупного рогатого скота возросло до 238,5 тыс., овец и коз — до 1242 тыс. Такой рост, по сравнению с 1941 г. был заметным: на 1 января 1941 г. в колхозах республики насчитывалось всего 115,9 тыс. голов крупного рогатого скота[24].

Хорошие показатели в развитии животноводства были достигнуты и в последующие годы. На 1 января 1945 г. в колхозах республики было 238,2 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 59,5 тыс. коров, 1391,3 тыс. овец и коз, 190,4 тыс. птиц и 69,6 тыс. лошадей. Повышение поголовья общественного скота и его продуктивности давало возможность республике не только досрочно выполнить планы заготовок, но и сдавать продукцию животноводства сверх плана, оказывать помощь в восстановлении поголовья скота районам, освобожденным от немецкой оккупации. Так, план обязательных поставок мяса государству в 1943 г. был выполнен к 1 ноября. До конца года государству было сдано более 85 тыс. пудов мяса в счет поставок 1944 г.[25]

В 1944 г. перед колхозами поставили задачу организовать дополнительную сдачу мяса в мясной фонд Красной Армии и авансовую сдачу в счет обязательств 1945 г. Многие районы выполнили и эти обязательства. В частности, Даганакикский район к 1 января 1945 г. в счет обязательств нового года сдал государству 1118 ц мяса, 18 ц шерсти и 6 тыс. л молока. В целом по Ленинабадской области было решено силами колхозов организовать дополнительную сдачу 4870 ц мяса[26].

В годы войны напряженно трудились и шелководы Таджикистана. Ввиду необходимости шелка для фронта широкое распространение получили повторные летние и осенние выкормки шелкопряда. В результате применения обобществленных выкормок (когда этим занимались не отдельные

колхозники, а целые бригады и звенья) производство шелка увеличилось с 13,1 % в 1941 г. до 61,5 % в 1943 г.[27]

В годы войны труженики горных районов республики, особенно Горного Бадахшана и Ягнаба, собрали 5 т мумиё. Это лекарственное сырье почти в два раза ускоряло лечение раненых, которые находились в госпиталях республики. Ввиду видимого успеха мумиё было отправлено и в другие госпитали Союза[28].

В связи с мобилизацией материальных ресурсов на фронт заметно ухудшилось экономическое положение многих колхозов. Так, 306 колхозов выдали в 1941 г. за трудодни до 20 коп., а 472 вообще не выдали денег, 219 колхозов не выдали зерна за трудодни. В масштабе республики 14 районов считались отстающими, и в отношении их были приняты меры по хозяйственно-организационному укреплению. В порядке помощи экономически слабым колхозам по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР с 1 октября 1942 г. по 1944 г. включительно освободили от уплаты подоходного налога колхозы всех районов Горно-Бадахшанской автономной области, Калай-Хумбского района Гармский области, Матчинского района, Навабадского, Анзобского и Ягнобского кишлачных советов Захматабадского района Ленинабадской области[29].

Таким образом, работники сельского хозяйства республики с первых дней войны нацелились на увеличение продукции, чтобы обеспечить промышленность сырьем, фронт — не только продуктами, но и теплой одеждой. Благодаря их героическому труду в сложный 1943 г. республика впервые обеспечила не только себя собственным зерном, но и по возможности поддержала фронт хлебом. Кроме того, Таджикистан на притяжении всех лет войны бесперебойно поставлял стране и действующей армии все виды животноводческой продукции. За этот период колхозы и совхозы сдали государству свыше 2,2 млн пудов мяса, из них 316 тыс. пудов — в фонд действующей армии[30]. Тем самым работники сельского хозяйства Таджикистана внесли весомый вклад в общую победу народов Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Примечания

[1] История таджикского народа : в 6 т. Т. 6: Новейшая история (1941–2010 гг.) / под ред. акад. Р. Масова. Душанбе, 2011. С. 55.

[2] Там же. С. 51.

[3] Там же. С. 55.

[4] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана : в 2 т. Т. 2: 1938–1983 гг. Душанбе, 1984. С. 46.

[5] Пак Н. П. Советы Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 1985. С. 96.

[6] Там же. С. 75–76.

[7] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана Т. 2. С. 90–91.

[8] Там же. С. 90.

[9] Пак Н. П. Указ. соч. С. 76.

[10] Абулхаев Р. А. Строительство Большого Гиссарского канала (1940–1942 гг.) // Советский Таджикистан в Отечественной войне (1941–1945 гг.). Душанбе, 1975. С. 80–87.

[11] Пак Н. П. Указ. соч. С. 89.

[12] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 88.

[13] Очерки истории колхозного строительства в Таджикистане (1917–1965 гг.). Душанбе, 1968. С. 187–188.
[14] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 88–91.
[15] Пак Н. П. Указ соч. С. 89.
[16] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 91.
[17] Там же.
[18] История таджикского народа. Т. 6. С. 74.
[19] Там же. С. 77.
[20] Там же. С. 77–78.
[21] Там же. С. 78.
[22] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 91.
[23] Очерки истории колхозного строительства в Таджикистане. С. 189, 191.
[24] Пак Н. П. Указ. соч. С. 93.
[25] Там же. С. 93.
[26] Там же. С. 93–94.
[27] Очерки истории коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. С. 92.
[28] Дубовицкий В. С «гор» в строй // Нар. газ. 2016. 4 мая.
[29] Пак Н. П. Указ. соч. С. 96.
[30] Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане. С. 181, 191.

Часть IV

Трудовые ресурсы

Ю. Г. Белоногов

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года как правовой фактор регулирования мобильности рабочей силы в период Великой Отечественной войны (на материалах Пермского края)

На основе материалов ПермГАСПИ изучается правоприменительная практика реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. на территории Молотовской (Пермской) области в период Великой Отечественной войны. Широкое применение этого закона позволяло руководству предприятий в условиях дефицита кадров оставлять осужденных работников непосредственно на рабочих местах. Анализируется эволюция изменения правовых норм и правоприменительной практики указа в военный период.

Ключевые слова: *Указ 26 июня 1940 г., прогул, самовольное оставление места работы, Молотовская область.*

Процесс социально-экономической модернизации в СССР предусматривал особое соотношение групп методов по регулированию государством рынка труда. Растущая потребность в осуществлении крупных индустриальных проектов, имевших ключевое значение для хозяйственного развития и обеспечения безопасности страны, объективно ставила задачу обеспечения промышленного производства квалифицированной и стабильной рабочей силой. Одним из способов решения кадровой проблемы являлось не только использование мобилизационных механизмов для привлечения трудовых ресурсов в индустриальный сектор экономики, но и ограничение трудящихся в самостоятельной смене места работы[1].

26 июня 1940 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который, с одной стороны, констатировал неудачу прежней политики государства по борьбе с текучестью рабочей силы и нарушениями трудовой дисциплины, а с другой стороны, заложил основы применения нового метода регулирования трудовой мобильности. Данный документ разделял трудовые правонарушения на проступки и трудовые преступления. Отныне самовольный уход с места работы карался тюремным заключением на срок до одного года, а за прогул без уважительных причин назначались до полугода исправительно-трудовых работ и вычет до 25 % заработной платы

на время их отбывания[2]. Сама трактовка понятия «прогул» постоянно расширялась, включая в себя не только опоздание или преждевременный уход с работы на 21 минуту и более, а также сон на работе, приход на работу в нетрезвом виде, отказ от сверхурочных работ и т. д. При определенных обстоятельствах рецидив прогулов подразумевал тюремное заключение[3]. В частности, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1940 г. № 35/7/20/у по делу Липина предусматривало в качестве общего указания судебным органам в таких случаях заменять неотбытый срок исправительно-трудовых работ лишением свободы на тот же срок[4].

Представленная в научной литературе статистика осужденных за годы Великой Отечественной войны по Указу от 26 июня 1940 г. свидетельствует о широком применении данного закона при наказаниях за трудовые преступления. Без учета руководителей, осужденных по указанному нормативно-правовому акту за «покровительство прогульщикам», в 1941–1945 гг., по данным В. Н. Земскова[5], к уголовной ответственности в целом по СССР были привлечены 6 582 368 человек, из них за самовольный уход с предприятий — 1 053 019, за прогулы (включая опоздания на работу и преждевременный уход на 20 и более минут) — 5 529 349 (соотношение 1:5,25). По данным А. Я. Кодинцева[6], по Указу от 26 июня 1940 г. за тот же период всеми судами были осуждены 6 747 405 человек, из них за самовольный уход с работы — 1 080 921, за прогулы — 5 666 484 (соотношение 1:5,24).

Статистические данные по количеству осужденных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, чел.

Год	Данные В. Н. Земскова			Данные А. Я. Кодинцева		
	Осуждено за прогул	Осуждено за самовольный уход	Итого	Осуждено за прогул	Осуждено за самовольный уход	Итого
1941	1 458 185	310 967	1 769 152	1 483 873	314 976	1 798 849
1942	1 274 644	297 126	1 571 770	1 293 586	300 086	1 593 672
1943	961 545	160 060	1 121 605	974 156	160 306	1 134 462
1944	893 242	167 562	1 060 804	954 266	184 942	1 139 208
1945	941 733	117 304	1 059 037	960 603	120 611	1 081 214
Всего	5 529 349	1 053 019	6 582 368	5 666 484	1 080 921	6 747 405

Данный нормативно-правовой акт не был единственным в числе законов, предусматривающих уголовную ответственность за нарушения трудовой дисциплины и самовольное оставление места работы (учебы). Уже на протяжении второго полугодия 1940 г. действие Указа от 26 июня фактически было распространено на новые категории работников. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 г. воспроизводил положения базового документа для трактористов (включая руководителей тракторных бригад и их помощников) и комбайнеров. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. за самовольный уход из ремесленных училищ и школ ФЗО, а также систематическое и грубое нарушение дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы),

учащиеся приговаривались к пребыванию в трудовых колониях сроком до одного года[7].

Проблема самовольного оставления места работы в первые полгода Великой Отечественной войны оставалась актуальной. Это было ответной социальной реакцией как на проходившую в начале войны перестройку работы предприятий на выпуск военной продукции, так и, в более широком плане, на общее снижение уровня жизни, вызванное войной. Самовольное оставление места работы ставило под сомнение выполнение предприятиями напряженных планов оборонного значения. Это обстоятельство не могло не предопределить ужесточение трудового законодательства за указанное трудовое преступление: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. предусматривал лишение свободы на 5–8 лет за трудовое дезертирство с предприятий военной промышленности и связанных с ними отношениями кооперации предприятий гражданского сектора экономики[8]. 15 апреля и 9 мая 1943 г. вышли указы Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» и «О введении военного положения на морском и речном транспорте». Отныне самовольный уход работников транспорта приравнивался к самовольной отлучке и дезертирству из армии, что, в соответствии со ст. 193[7] УК РСФСР, предусматривало лишение свободы на срок от 3 до 10 лет.

Именно Указ от 26 июня 1940 г. обеспечивал наиболее высокие показатели осуждения за самовольное оставление места работы в 1941–1942 и 1945 гг.[9], а также за нарушения трудовой дисциплины, признанные преступлениями. Поэтому целью данной статьи является изучение эволюции правовых норм и правоприменительной практики этого закона в годы Великой Отечественной войны. В качестве объектов исследования выбраны организации, предприятия, учреждения на территории тогдашней Молотовской области как части Большого Урала.

Исследования архивных материалов Пермского края показывают, что в период Великой Отечественной войны проблема негативных трудовых девиаций продолжала оставаться очень актуальной. Это обстоятельство было вызвано объективными причинами, связанными с издержками перевода экономики на военные нужды. Так, неудачи на фронте в начальный период войны вынудили советское руководство начать эвакуацию предприятий, которые могли достаться противнику. Это обернулось нарушением уже имевшихся хозяйственных связей между предприятиями, функционировавшими по принципу кооперации поставок. Как результат, увеличивающиеся плановые задания по выпуску определенной продукции для многих предприятий оказывались под угрозой срыва из-за недопоставок исходного сырья и вынужденного простоя, что не могло не повлиять на заработки трудящихся. Одновременно нарушения трудовой дисциплины и самовольные уходы с места работы были следствием общего ухудшения уровня жизни в тыловых регионах и снижения продуктового и промтоварного обеспечения, неприятия администрациями предприятий должных мер к созданию нормальных производственных и бытовых условий для вновь прибывающих работников. В наихудшей ситуации оказывались маргинальные группы рабочих: трудмобилизованные, выпускники системы государственных трудовых резервов, прикрепляемые к строительным объектам и промышленным

предприятиям заключенные, а также индивиды из других регионов страны[10].

В свою очередь более активное привлечение данных маргинальных групп пролетариата к трудовой деятельности было вызвано общим сокращением численности рабочего класса вследствие призыва в действующую армию. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась за 1940–1942 гг. на 41 %: с 31,2 млн человек в 1940 г. до 26,2 млн в 1941 г. и 18,4 млн в 1942 г.; в сфере же промышленности за этот период снижение выглядело не таким катастрофическим (всего на 34,5 %): с 11 млн до 7,2 млн человек[11]. Всего за годы войны в Вооруженные силы СССР было направлено 29,6 млн человек, или 30 % трудоспособных граждан (данные на первое полугодие 1941 г.)[12].

«Кадровый голод» предопределил значительно больший объем регулирования государством процессов трудовой мобильности, в том числе и посредством амнистии. Уже 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». В соответствии с ним в объявленных на военном положении местностях подлежали освобождению заключенные, осужденные, в том числе по указам от 26 июня 1940 г. и 10 августа 1940 г. (кроме злостных хулиганов и рецидивистов), учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО, по Указу от 28 декабря 1940 г. за нарушения дисциплины и самовольный уход. 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие этого указа на все местности СССР. Освобожденные заключенные (по некоторым данным, их насчитывалось около 420 тыс.)[13] либо призывались в ряды РККА, либо возвращались на прежнее место работы.

Немаловажная роль в регулировании трудовой мобильности отводилась правовому методу, который нашел воплощение в трудовом законодательстве по закреплению рабочей силы непосредственно на промышленных и строительных объектах. В этой связи представляется интересным определить место Указа от 26 июня 1940 г. в этом процессе.

Автор опирался на два основных вида источников — нормативно-правовые акты (законы и принятые во их исполнение подзаконные акты), а также делопроизводственную документацию партийных комитетов (отчеты низовых парторганизаций, докладные и аналитические записки работников прокуратуры и судебных органов о правоприменительной практике по реализации Указа от 26 июня 1940 г. направлялись непосредственно в местные и региональный парткомы).

Изучение подзаконных актов, принятых во исполнение Указа 26 июня 1940 г., и анализ его правоприменительной практики позволяют сделать вывод о том, что в период войны важной целью данного нормативно-правового акта являлось сохранение рабочей силы в виде недопущения ее перетока в больших масштабах в пенитенциарную систему СССР. Так, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1941 г. № 28/11/у уже по-другому определяло наказание в ситуациях рецидива: если осужденный совершал повторный прогул без уважительных причин во время отбывания срока исправительно-трудовых работ, то наказание ему определялось путем сложения сроков за первый и второй прогулы. Только

в случае совершения прогула без уважительных причин в третий раз в период отбывания наказания за предшествующие прогулы действия нарушителя трудовой дисциплины, определявшиеся по существу как злостное уклонение от работы, квалифицировались уже как самовольный уход с работы с предусмотренным законом наказанием в виде тюремного заключения на срок от 2 до 4 месяцев[14].

Ту же цель — сохранение рабочей силы непосредственно на предприятиях — имела переквалификация уголовного дела с Указа от 26 декабря 1941 г. на Указ от 26 июня 1940 г. Практика освобождения из-под ареста и направления пойманных дезертиров производства на прежнее предприятие была достаточно распространена. Так, за июнь — август 1944 г. органами милиции г. Молотова были задержаны за дезертирство с предприятий оборонной промышленности 489 человек, из которых 98 человек прокурорами были освобождены и направлены для работы на прежние предприятия. Когда городское милицейское руководство требовало объяснений от прокурора Кировского района г. Молотова (поскольку формально такая практика являлась неисполнением приговора военного трибунала), тот неоднократно отвечал: «…пусть работают на заводе и выполняют оборонное задание»[15].

Необходимо отметить, что еще в 1943 г. позиция прокуратуры в отношении переквалификации уголовного дела была несколько иной: в случае возвращения дезертира на производство после длительного прогула (например, в течение трех и более месяцев) администрация предприятия должна была оформлять на него дело именно по Указу от 26 декабря 1941 г., а не по Указу от 26 июня 1940 г.; предпринимаемый администрацией допуск вернувшихся работников до работы (как основание для переквалификации дела) рассматривался больше как исключение из правил[16]. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. фактически легализовал практику переквалификации уголовных дел, что позволяло значительно снижать тяжесть наказания и оставлять работников на производстве. Согласно этому закону предусматривалась амнистия лицам, уже осужденным военными трибуналами за самовольный уход с предприятий, на которые распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 г., если они до 30 декабря 1944 г. добровольно возвратились на эти предприятия. Одновременно указ об амнистии действовал и в отношении тех дезертиров производства, кто возвращался обратно на свои предприятия до 15 февраля 1945 г. Даже в случае розыска и поимки (то есть не добровольного возврата) дезертира прокурор обязательно спрашивал его о желании возвратиться на прежнее предприятие; в случае положительного ответа дезертир также попадал под амнистию[17]. Анализ делопроизводственной документации местных парткомов Молотовской области показывает важный нюанс изменения наказания. При возвращении дезертира руководство предприятия имело право допускать того до работы, чем оно благополучно и пользовалось. С юридической точки зрения, это меняло существо обвинения, и на этом основании прокуратура переквалифицировала уголовное дело: отныне работник подлежал уголовному преследованию уже по Указу от 26 июня 1940 г. как индивид, совершивший прогул.

Интерес представляют еще несколько аспектов правоприменительной практики рассматриваемого закона. Архивные источники позволяют сделать

вывод об ослаблении государством прежней (довоенной) активности кампании по укреплению трудовой дисциплины.

Во-первых, в определенных случаях судебные органы предпочитали осуждать нарушителей трудовой дисциплины именно по Указу от 26 июня 1940 г., поскольку он предусматривал более мягкие наказания, чем иные нормативно-правовые акты за аналогичные преступления. О широком распространении такой практики свидетельствует Разъяснение НКЮ СССР от 8 августа 1941 г. № 7/а-69 «О квалификации нарушений трудовой дисциплины на транспорте». Данный документ констатировал, что линейные суды невоенизированных дорог поступают неправильно, когда квалифицируют некоторые нарушения трудовой дисциплины работниками железнодорожного и водного транспорта (приход на работу или нахождение на работе в нетрезвом виде, сон на посту, самовольная отлучка с поста) по Указу от 26 июня 1940 г.[18] Наркомат юстиции требовал, чтобы линейные суды железнодорожного и водного транспорта такие случаи грубейшего нарушения трудовой дисциплины квалифицировали по ст. 59.3в Уголовного кодекса РСФСР от 1926 г. и поэтому применяли за эти виды нарушения трудовой дисциплины более суровые меры наказания (лишение свободы на срок до 10 лет). Примечательно, что именно в период войны происходила декриминализация ряда трудовых преступлений, предусмотренных Указом от 26 июня 1940 г. В частности, А. Я. Кодинцев отмечает, что сон на работе, обращение к врачу в рабочее время перестали считаться прогулом по неуважительным причинам[19].

Во-вторых, в сложных условиях войны четко прослеживался дифференцированный подход регионального и местных парткомов к разделению нарушителей трудовой дисциплины на «настоящих» и «случайных». Партийные комитеты ориентировали органы юстиции и хозяйственных руководителей тщательно анализировать причины в каждом случае прогула и самовольного оставления места работы, не допуская огульного и необоснованного привлечения трудящихся к судебной ответственности. Это предполагало появление (или расширение) перечня работников, которых было политически нецелесообразно и недопустимо привлекать к уголовной ответственности. На совещаниях в местных парткомах, посвященных проблемам негативных трудовых девиаций, приводились примеры «перестраховок», когда добросовестных работников (перевыполнявших план, работавших по 10–11 часов в смену, подписывавшихся на заем, обучавшихся в свободное время военному делу, не имевших дисциплинарных проступков), совершивших разовые нарушения трудовой дисциплины, руководство предприятий отдавало под суд, а судьи выносили им суровые приговоры[20]. Закономерным результатом такого подхода стало усиление контроля над администрацией предприятий за необоснованную передачу дел в суд по привлечению работников к уголовной ответственности за нарушение Указа от 26 июня 1940 г. Об этой тенденции в изменении карательной политики свидетельствуют факты судебного ограничения хозяйственных руководителей в возможностях дисциплинарного и административного произвола (то есть формального нарушения советских законов о труде) по отношению к трудовым преступникам[21]. В частности, судебные инстанции выносили оправдательные приговоры при рассмотрении сформированных

руководством предприятий дел по Указу от 26 июня 1940 г. в отношении прогулов, которые были совершены по причине необеспечения работника обувью, спецодеждой, поездки работника на родину за теплыми вещами и т. д.[22] Отдача под суд за так называемый вынужденный прогул начала оцениваться в период войны как пример «бездушного отношения» к нуждам работников.

Особо следует подчеркнуть, что в архивных документах фиксируются случаи (1943), когда за самовольное оставление места работы несовершеннолетним работником, не достигшим возраста 16 лет, руководство предприятия гражданского сектора экономики в соответствии с разъяснениями прокуратуры даже не оформляло материалы для последующей передачи их в суд[23]. Органы прокуратуры в 1943 г. были вынуждены «поправлять» администрации предприятий военной промышленности, которые, не зная нюансов законодательства, оформляли материалы на работников в возрасте до 16 лет, дезертировавших с их предприятий, по Указу от 26 декабря 1941 г., а не по Указу от 28 декабря 1940 г.[24]

Примечательно, что соблюдение Указа от 26 июня 1940 г. вводило в строгие рамки закона и систему наказаний, не допуская судейского произвола. Так, интерес представляет жалоба на имя прокурора Кировского района г. Молотова (1943) по поводу решений суда в отношении злостных прогульщиков. В ней констатируется неспособность существовавших мер наказания по Указу от 26 июня 1940 г. предупреждать прогулы: «Особенно это наблюдается в тресте № 29, меры наказания по Указу от 26 июня 1940 г. для нарушителей не являются действенными в связи с подорожанием продуктов питания в настоящее время. Имеются такие случаи, когда рабочие судятся по 3 раза за прогулы, выезжают в деревню за продуктами питания и по возвращению из деревни частично продают продукты и выплачивают за судимость. Такие случаи особенно распространены среди рабочих, мобилизованных в строительные рабочие колонны ОСМЧ-29». Прокурор был вынужден признать, что «злостные нарушители трудовой дисциплины… спекулируют трудностями военного времени». Однако он напомнил факт отсутствия в законодательстве понятия «длительный прогул», на основании чего наказание за любой прогул без уважительных причин (вне зависимости от его длительности) не могло превышать максимальной планки в виде полугода исправительно-трудовых работ и вычета до четверти заработной платы[25].

В-третьих, в период войны на предприятиях, стройках и шахтах получила широкое применение формально запрещенная практика замены для нарушителей трудовой дисциплины передачи материалов в суд на административные (дисциплинарные) взыскания. Далеко не всегда соблюдалось и принятое в октябре 1942 г. дополнение к Указу от 26 июня 1940 г. о снижении норм выдачи хлеба для осужденных нарушителей трудовой дисциплины. Безусловно, данная практика осуждалась в публичном пространстве, но архивные источники не подтверждают фактов уголовного преследования хозяйственных руководителей за непередачу таких дел в суд или невыполнение норм закона. Даже военные трибуналы на транспорте, в чьей юрисдикции было рассмотрение таких дел, часто использовали в качестве наказания условные сроки и меры дисциплинарного воздействия, чтобы не направлять в систему ГУЛАГа и штрафные роты на фронт столь необходи-

мые на транспорте кадры[26]. Архивные материалы также содержат примеры случаев, когда руководители предприятий и учреждений на транспорте вместо отдачи под суд транспортного трибунала предпочитали применять к прогульщикам меры дисциплинарного воздействия (выговор, увольнение) или оформлять задним числом административный отпуск (отпуск по разрешению руководства без содержания)[27].

Фактически это свидетельствовало об отказе от кампании по полноценному применению карательных санкций по Указу от 26 июня 1940 г. ко всем нарушителям трудовой дисциплины. Продолжение прежней практики суровых наказаний за нарушение трудовой дисциплины в сложных военных условиях казалось советскому руководству политически нецелесообразным.

Какие выводы можно сделать по итогам данного исследования?

1. Реализация в период Великой Отечественной войны Указа от 26 июня 1940 г. привела к появлению ряда нормативно-правовых актов, которые предусматривали более суровое наказание за самовольное оставление места работы. Но законы, принятые в декабре 1941 г. и весной 1943 г., стали в большей степени «страшилкой» для закрепления мобилизованных кадров на военном производстве и на транспорте. Попытка государства регулировать трудовую мобильность с помощью правовых методов и усиления карательных санкций привела к усилению ее стихийности, выразившейся в сохранении высокого уровня трудового дезертирства.

2. При этом существовали легальные и полулегальные практики переквалификации уголовного дела на Указ от 26 июня 1940 г., чтобы сохранить рабочую силу на производстве, не допуская ее перетока в пенитенциарную систему. В этом отношении данный документ являлся необходимым дополнением к предусматривающим более суровое наказание законам, поскольку позволял смягчать негативные последствия реализации данных нормативно-правовых актов.

3. Правоприменительная практика Указа от 26 июня 1940 г. свидетельствует о некоторой гуманизации трудового законодательства в сфере регулировании трудовой мобильности и наказания за трудовые преступления в период Великой Отечественной войны. Это проявилось, например, в активном использовании администрациями предприятий полулегальных способов замены передачи дела в суд наложением дисциплинарного взыскания. Одновременно следует отметить, что соблюдение органами гражданской юстиции и прокуратурой норм данного указа ограничивало административный произвол администраций предприятий и организаций, не давало возможности злоупотреблять наказаниями. В определенной степени следует говорить и о повышении уровня законности в деятельности органов прокуратуры, гражданской юстиции в отношении трудовых преступников.

Все это позволяло несколько снизить острую социальную напряженность в трудовых отношениях, вызванную существованием законов, вводивших и ужесточавших уголовное наказание за трудовые преступления. Следует отметить, что не само по себе жестокое и оправдываемое военным временем законодательство, а именно его более гуманная (конечно, в сравнении с довоенным периодом) правоприменительная практика по сохранению рабочей силы на производстве позволила обеспечить воюющую армию необходимой продукцией.

Примечания

[1] Данная идея отражена в: Романов Р. Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // Ист.-экон. исслед. 2015. Т. 16, № 2. С. 272.

[2] О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. // Консультант Плюс : информ,-правовой портал. URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2021).

[3] Об ответственности за уклонение от отбывания исправительно-трудовых работ, назначенных приговором суда за прогул без уважительных причин : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 июля 1940 г. № 25/14/у // Консультант Плюс : информ,-правовой портал. URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2021).

[4] Киселев И. Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (из истории права XX века). М., 2003. С. 28.

[5] Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Междунар. отношения. 2014. № 1. С. 104–114.

[6] Кодинцев А. Я. Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении компании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // Политика и общество. 2008. № 5. С. 74.

[7] Гогин А. А. К вопросу об ответственности за нарушения воинской и трудовой дисциплины по советскому законодательству предвоенного периода // Вектор науки ТГУ. Сер. Юрид. науки. 2014. № 4 (19). С. 28.

[8] Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // Консультант Плюс : информ,-правовой портал. — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3990#09100055075670468 (дата обращения: 21.01.2021).

[9] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 111.

[10] Более подробно данные сюжеты изложены автором в: Белоногов Ю. Г. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в первое полугодие Великой Отечественной войны (на материалах Пермского края) // Технологос. 2020. № 3. С. 7–21.

[11] Поляков А. И. Решение кадровых проблем в тыловом регионе в годы Великой Отечественной войны (на примере Горьковской области) // Власть. 2016. № 9. С. 185.

[12] Цит. по: Романов Р. Е. Трудовая мобильность и рынок рабочей силы в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // ЭКО. 2016. № 1. С. 178.

[13] ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Воен.-ист. журн. 1991. № 1. С. 19.

[14] Об изменении постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 июля 1940 г. № 25/14/у : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1941 г. № 28/11/у // Консультант Плюс : информ,-правовой портал. URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2021).

[15] Примеры см.: ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 415. Л. 51–55.

[16] Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 153. Л. 25.

[17] Рогалева Н. В. Уголовно-правовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Кузбас. ин-та. 2011. № 2 (5). С. 7.

[18] О квалификации нарушений трудовой дисциплины на транспорте : Разъяснение Народного комиссариата юстиции СССР от 8 августа 1941 г. № 7/а-69 // Консультант Плюс : информ,-правовой портал. URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2021).

[19] Кодинцев А. Я. Указ. соч. С. 72.

[20] ПермГАСПИ. Ф. 1996. Оп. 1. Д. 219. Л. 54 — 54об.

[21] Примеры таких дел см.: Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 99. Л. 36–38 ; Ф. 78. Оп. 6. Д. 331. Л. 20, 28.

[22] Пример см.: Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 415. Л. 14.

[23] Там же. Ф. 78. Оп. 6. Д. 331. Л. 90.
[24] Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 153. Л. 25.
[25] Там же. Ф. 1996. Оп. 1. Д. 249. Л. 117.
[26] Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года… (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 46.
[27] ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 131. Л. 68.

Н. А. Антипин

Эвакуация населения в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны: социально-демографические характеристики вынужденной миграции*

Статья посвящена анализу базы данных «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны», подготовленной в 2020 г. Объединенным государственным архивом Челябинской области. В базу данных включена информация о 350 тыс. человек. На основе этого ресурса в статье анализируется состав эвакуированного населения по возрасту, национальности, профессии, месту происхождения и размещению в регионе, а также другим параметрам.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, эвакуация, вынужденная миграция, архивные документы.*

Южный Урал не раз становился регионом трансграничных перемещений как транзитная территория или конечная точка миграций. Условия для этого были созданы инфраструктурой, построенными в конце XIX — начале XX в. железными дорогами, превратившими Челябинск в крупный транспортный узел, где встречались пути с запада, востока, севера и юга. Уже сразу после открытия движения в 1892 г. и в процессе строительства Транссибирской железнодорожной магистрали стало понятно, что Челябинск превратится в важный переселенческий центр, через который пойдет поток крестьян из европейской части России. Этот поток был прерван лишь на время Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Северо-Восточном Китае. Война вызвала мобилизацию на фронт около миллиона человек, все они проехали через Южный Урал. Война также показала стратегическое значение региона. Последующие события, такие как Первая мировая и Гражданская войны, закрепили за регионом в целом и Челябинском положение важного транспортного центра. Индустриализация СССР 1930-х гг. привлекла на Южный Урал, в его города, массы населения. Великая Отечест-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021 «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)»).

венная война не принесла новых сценариев и ролей для Челябинской области. Регион стал одним из центров эвакуации предприятий и населения из западных регионов СССР, что повлияло на демографию, экономику и социокультурный облик региона.

Миграция населения означает его перемещение или переселение, следовательно, у этого понятия возможно и узкое, и широкое толкование. Например, всякое территориальное перемещение можно назвать миграцией. В рамках исследования эвакуации населения под миграцией понимается узкая трактовка термина, предполагающая законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, то есть переселение. Кроме того, миграция населения по способу реализации делится на организованную, осуществляемую при участии государственных или общественных органов и с их помощью, и неорганизованную миграцию населения (индивидуальную, самостоятельную), которая проводится силами и средствами самих мигрантов без материальной или организационной помощи со стороны каких-либо учреждений[1]. Выделяется несколько видов миграции: принудительная, добровольная и вынужденная.

В довоенный период в СССР были апробированы такие формы принудительной миграции, как перемещения спецпереселенцев, ссыльных и заключенных. П. М. Полян, автор обзорного труда, посвященного исследованию истории и географии принудительных миграций в СССР, под принудительной миграцией понимает внутрисоюзные депортации, высылку на спецпоселение раскулаченных, пограничные зачистки, депортации населения с присоединенных в 1939 г. территорий, депортации советских немцев, финнов, греков, народов Северного Кавказа и Крыма, компенсационные принудительные миграции. Таким образом, по П. М. Поляну, «принудительные миграции — это перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Само принуждение может быть при этом прямым или косвенным»[2]. При этом эвакуация населения в годы войны не стала предметом исследования этого автора, так как ему было важно акцентировать внимание на насильственных (репрессивных) миграциях, тогда как эвакуация — это добровольно-вынужденная миграция. Но в классификации П. М. Поляна эвакуация также входит в структуру принудительной миграции. Различным аспектам принудительной миграции в современной российской историографии посвящен обширных круг работ[3].

В основе эвакуации населения в военный период лежали задачи спасения отдельных групп граждан от преследования и уничтожения, обеспечения кадрами (притом квалифицированными) эвакуированного на восток страны производства. Переселение происходило во многом стихийно, добровольно. В каких-то случаях. из соображений целесообразности и полезности для тыловой экономики, важным фактором эвакуации был вынужденный характер. Поэтому эвакуацию населения можно отнести к вынужденной миграции.

В связи с этим возникает вопрос о масштабах эвакуации: сколько предприятий или производств было эвакуировано в Челябинскую область, сколько человек попало на территорию региона? Оба вопроса заслуживают

особого внимания, и исследование эвакуации населения необходимо рассматривать в связи с перебазированием промышленности.

Эвакуация в период Великой Отечественной войны (1941–1945) промышленных предприятий, государственных учреждений, культурных ценностей — невероятная по масштабу оборонная операция, которую маршал Г. К. Жуков приравнял к «величайшим битвам Второй мировой войны»[4]. В историографии оценки объемов промышленной эвакуации разнятся. Н. А. Вознесенский в работе 1946 г. отмечал: «В течение каких-либо трех месяцев 1941 г. было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных, предприятий, в том числе эвакуировано на Урал — 455 предприятий, в Западную Сибирь — 210 предприятий и в Среднюю Азию и Казахстан — 250 предприятий»[5]. Г. А. Куманев, ссылаясь на сводки Наркомата путей сообщения, оперирует цифрой в 2593 эвакуированных промышленных предприятия. При этом историк поясняет, что и эти данные нельзя считать сколько-нибудь полными, так как на территории СССР, подвергшейся оккупации, накануне войны действовали 31 850 крупных и средних предприятий, поэтому «если бы в восточные районы страны было переведено только 2593 завода и фабрики из более чем 32 тыс., никакой бы военной перестройки советской экономики не получилось, и война оказалась бы Советским Союзом проигранной»[6]. В региональном аспекте также нет однозначных цифр: указывается от 175 до 210 предприятий, эвакуированных в Челябинскую область[7]. Согласно последним исследованиям, проведенным ОГАЧО, на территорию региона было эвакуировано 329 предприятий, которые находились в ведении 27 наркоматов[8]. Среди них были крупные, средние и мелкие предприятия с территорий Украины и других регионов, из Москвы и Московской области, Ленинграда и Ленинградской области, Тулы, Ярославля, Брянска, Липецка.

Исследованию различных аспектов эвакуации населения в годы войны, в том числе на Урал и в Челябинскую область, посвящена обширная историография[9]. Вопрос определения количества эвакуированного населения также является дискуссионным, в литературе встречаются цифры от 10 до 25 млн человек[10]. М. Н. Потемкина оценивает число эвакуированных в диапазоне от 12 до 17 млн человек[11]. Точного количества прибывших в Челябинскую область также не встретить в историографии: по данным Г. Е. Корнилова на 25 января 1942 г. было эвакуировано 225 318 человек[12], по мнению М. Н. Потемкиной, на 1 января 1943 г. в Челябинской области проживали 361,1 тыс. эвакуированных[13], Л. Самуэльсон пишет, что в Челябинскую область было эвакуировано 427 799 человек[14]. М. Н. Потемкина, зафиксировав такое разнообразие оценок количества эвакуированных в годы войны, пришла к выводу, что уточнение возможно лишь в том случае, если будет подсчитано, сколько эвакуированного населения прибыло в каждый из регионов СССР. Однако и это не позволит полностью решить проблему, так как в тылу продолжалось движение населения: например, из прифронтовой территории — в области Центральной России, а затем далее на Урал или в Центральную Азию, а оттуда вновь в один из регионов России. Один из множества примеров описал директор Кировского завода И. М. Зальцман, семья которого была эвакуирована из Ленинграда сначала в Москву, затем в Свердловск, а оттуда в Челябинск[15].

Попытка посчитать эвакуированных в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны была предпринята в 2020 г. Объединенным государственным архивом Челябинской области. Архивом подготовлена база данных «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны»[16]. Цель проекта — просветительская, он призван дать возможность всем заинтересованным людям найти информацию о себе или о своих эвакуированных родственниках, установить или дополнить имеющиеся в семейных архивах данные.

Для объективного представления процесса эвакуации потребовалось сформировать репрезентативный комплекс источников: архивные документы, фиксировавшие учет передвижения эвакуированных, были выявлены в 43 фондах ОГАЧО. Это фонды предприятий, партийных организаций, органов управления, образовательных организаций. Основными источниками стали фонды Р-1142 «Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения исполнительного комитета Челябинского областного совета депутатов трудящихся», содержащий списки прибывших граждан по районам области, и Р-1000 «Отдел народного образования Челябинского областного совета депутатов трудящихся», содержащий списки детей и педагогов, прибывших с детскими домами, учебными заведениями.

На качество базы данных повлияли сохранность и качество заполнения документов. Списки заполнялись от руки и не всегда разборчивым почерком, карандашом или чернильной ручкой, часть документов имеет физические повреждения, затухающий трудночитаемый текст, многие записи содержат сокращения, обрывочную информацию, не всегда поддающуюся расшифровке. В базу данных включена следующая информация: фамилия, имя, отчество; год рождения, место жительства до эвакуации, национальность, кем и где работал человек до эвакуации, место эвакуации; организация или предприятие, с которым был эвакуирован; где работал в эвакуации, место жительства и ссылка на источник. Просветительское назначение базы данных, к сожалению, не учитывает ее научного использования, что несколько снижает возможность применения информационного ресурса для анализа объемов эвакуации населения, ее состава и потоков.

Согласно поименному списку эвакуированных, включенных в базу данных, на территорию Челябинской области в годы войны прибыли 357 069 человек, что совпадает с оценками М. Н. Потемкиной. Однако и эта цифра не окончательная и по мере завершения работы с базой данных будет уточняться. Население региона к 1941 г. составляло 2 802 900 человек[17], следовательно, оно должно было вырасти на 12,7 %. Однако такой вывод делать нельзя. Во-первых, необходимо учесть количество призванных на фронт (это до сих пор не подсчитано), а во-вторых — изменение административных границ региона (в 1942 г. из состава Челябинской области в Свердловскую переданы Каменский и Покровский районы, в 1943 г. выделена Курганская область в составе 32 районов).

Отсутствие в базе данных графы с указанием пола не позволяет реконструировать гендерный состав эвакуированных. Возрастная категория в документах учета указывалась более аккуратно, чем другие, что дает возможность представить возрастной состав перемещенного населения. Из всего объема базы данных возраст (в виде года рождения или полных лет)

не указан для 48 023 человек (13,5 %). Средний возраст среди 86,5 % эвакуированных составил 23,5 года. Исходя из имеющейся возрастной структуры, выделяются следующие группы (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной состав эвакуированных в Челябинскую область

Год рождения	Возраст на 1941 г.	Численность, чел.	В процентах от общей численности
После 1941	—	4070	1,32
1932–1941	1–9	72 468	23,45
1926–1931	10–15	54 018	17,48
1886–1925	16–55	164 273	53,15
1881–1885	56–60	5750	1,86
Ранее 1880	61 и старше	8467	2,74
	Всего	309 046	100

Принцип выделения возрастных групп основан на отношении к труду и возможности использования на работах в промышленности или сельском хозяйстве. Как видно из табл. 1, выделяется возрастная группа рожденных после 1941 г. — они могли появиться на свет до эвакуации в регион, в процессе перемещения, а также уже в Челябинской области. Следующая категория (от 1 года до 9 лет), как правило, активно не участвовала в производственном процессе. Категория от 10 до 15 лет, напротив, приехав на новое место, стала привлекаться к труду вскоре после эвакуации, по достижении 16 лет, другие пополняли трудовые ресурсы по мере взросления. То есть 54 018 человек, приехавших в Челябинскую область в пороговом возрасте, со временем стали привлекаться к работам.

Следующая категория (от 16 до 55 лет) — самая крупная, ее численность 164 273 человека (53,15 %), составляет более половины общего количества эвакуированных, чей возраст документально установлен, что согласуется с данными в целом по Уралу: доля трудоспособного населения здесь составила 54 %[18]. Границы этой группы определены согласно действующему трудовому законодательству, на этот возраст распространялась трудовая повинность. Однако и в группе граждан от 56 до 60 лет не происходит резкого снижения численности эвакуированных, они также активно привлекались к работе на предприятиях или в сельском хозяйстве. Согласно базе данных, на границе 61 и 62 лет происходит перелом в численности эвакуированных: 1088 и 708 человек соответственно. В масштабах общего объема эвакуированных эта разница несущественна, но база данных позволяет проследить тенденцию — видно, что за 60-летним возрастом наступает резкое уменьшение численности эвакуированных: например, 65 лет — 628 человек, 70 лет — 309, 75 лет — 151; в другом направлении, наоборот, наблюдается рост: 55 лет — 1462 человека, 50 лет — 1445, 45 лет — 2595. Эвакуированные в возрасте 61 год и старше составляли всего 2,74 %.

Таким образом, из возрастной структуры эвакуированных видно, что 72,49 % среди них составляли трудоспособное население, 225 129 человек

стали трудовым ресурсом Челябинской области, направленным в различные сферы военной экономики тыла.

База данных фиксирует родственные связи эвакуированных. При перемещении населения даже в таких экстремальных условиях необходимо было сохранять семьи, что очень важно для поддержания морального духа и работоспособности. Категория состава семьи и семейного положения определена для 211 678 человек, при этом фиксируется разнообразие родственных форм: жена, муж, сын, дочь, бабушка, дедушка, брат, сестра, тетя, племянник, золовка, свояк, свекор, деверь, тесть, падчерица, мачеха и т. д. Самые часто встречающиеся из них указаны в табл. 2.

Таблица 2

Семейное положение эвакуированных в Челябинскую область

Семейный статус	Численность, чел.	В процентах от общей численности
Глава семьи	42 830	20,42
Дочь	40 482	19,3
Сын	36 114	17,21
Возможные родственники	32 973	15,72
Жена	26 689	12,72
Одинокий	11 348	5,41
Мать	8909	4,24
Сестра	2999	1,43
Муж	1614	0,77
Отец	1355	0,64
Племянник	1325	0,63
Внук	1201	0,6
Пожилые родственники	1034	0,5
Брат	868	0,41
Всего	209 741	100

Представленные формы семейного статуса показывают, что фиксация их происходила относительно главы семьи. Выделяется не менее 42 830 семей. Их средний количественный состав статистически определить сложно, однако если обратиться к конкретным случаям, то видно, например, что И. М. Зальцман был эвакуирован из Ленинграда вместе с женой и двумя детьми; И. Я. Трашутин, эвакуированный из Харькова и возглавлявший конструкторское по производству дизелей на Кировском заводе в Челябинске, приехал с отцом, матерью и сестрой; А. К. Колесников, эвакуированный из Харькова с заводом № 75, приехал вместе с женой и четырьмя детьми; П. А. Тарасенко из Днепропетровска — с женой и тремя детьми. Всего же, по имеющимся данным, в составе семей прибыли 200 330 человек, статус одинокого зафиксирован только для 11 348 человек, при этом для 145 391 человека эта графа осталась незаполненной. Если экстраполировать зафиксированную ситуацию, то видно, что в подавляющем большинстве эвакуированные были семейными, при этом в 85 % семей имелось более

одного ребенка. Пожилые и дальние родственники в составе семей составляли 9,22 %. Таким образом, в потоке эвакуированного населения доминировали нуклеарные семьи — родители с детьми. Примечательно, что в качестве членов семей фиксировались домашние работники и няни (204 человека имели такой статус).

Здесь же необходимо отметить, что существенную часть эвакуированных в Челябинскую область составляли воспитанники детских домов. Их численность возможно выявить по косвенным признакам: учет проходил по линии отдела народного образования Челябинского областного совета депутатов трудящихся, а потому отбор воспитанников детских домов можно сделать по принадлежности документов к фонду Р-1000. Получается 64 448 человек, из них около 30 тыс. человек — персонал, 34 тыс. — воспитанники.

По национальному составу эвакуированных также нет полных данных. Национальная принадлежность указана для 258 132 человек (72,3 %), но имеющаяся информация позволяет реконструировать национальный состав перемещенного населения. Всего в базе данных фигурирует 70 национальностей, из них семь национальностей составляют 99,09 % от общей численности эвакуированных с указанной национальной принадлежностью. Немногим более половины из них составляют русские (54,98 %), на втором месте — евреи (22,22 %), затем украинцы (10,25 %) и почти столько же поляков (9,62 %), остальные — белорусы, эстонцы и татары — находятся в существенном отрыве от представителей первых четырех национальностей.

Таблица 3

Национальный состав эвакуированного в Челябинскую область населения

Национальность	**Численность, чел.**	**В процентах от общей численности**
Русские	140 626	54,98
Евреи	56 836	22,22
Украинцы	26 215	10,25
Поляки	24 602	9,62
Белорусы	3743	1,46
Эстонцы	2825	1,1
Татары	929	0,37
Всего	255 776	100

Если сравнить этот национальный состав с итогами переписи населения СССР в 1939 г., то можно заметить отсутствие пропорциональности: согласно данным переписи, вторым по численности народом были украинцы, затем белорусы, татары находились на пятом месте, евреи — на седьмом, поляки — на девятнадцатом, эстонцы — на тридцать четвертом[19]. К интерпретации этих цифр могут быть разные подходы. Вероятно, на появление в качестве доминирующих национальностей (кроме русских) евреев, украинцев, поляков сказалась эвакуация промышленных предприятий с территории Украины, поэтому настолько высок процент украинцев. Появление

в списке поляков возможно объяснить тем, что в 1939 г. в состав СССР вошли области Западной Украины и Западной Белоруссии с польским населением. Возрастной состав коррелируется с данными табл. 1.

Таблица 4

Возрастной состав эвакуированных в Челябинскую область русских

Годы рождения	Возраст на 1941 г.	Численность, чел.	В процентах от общей численности
После 1941	—	1220	0,87
1932–1941	1–9	28 782	20,47
1926–1931	10–15	19 981	14,21
1886–1925	16–55	78 529	55,84
1881–1885	56–60	2384	1,70
Ранее 1880	61 и старше	3381	2,40
Возраст неизвестен	—	6349	4,51
	Всего	140 626	100

Таблица 5

Возрастной состав эвакуированных в Челябинскую область евреев

Годы рождения	Возраст на 1941 г.	Численность, чел.	В процентах от общей численности
После 1941	—	1 105	1,94
1932–1941	1–9	9 529	16,76
1926–1931	10–15	5 334	9,38
1886–1925	16–55	33 560	59,03
1881–1885	56–60	2 035	3,58
Ранее 1880	61 и старше	3 436	6,04
Возраст неизвестен	—	1 854	3,26
	Всего	56 853	100

Таблица 6

Возрастной состав эвакуированных в Челябинскую область украинцев

Годы рождения	Возраст на 1941 г.	Численность, чел.	В процентах от общей численности
После 1941	—	215	0,82
1932–1941	1–9	4850	18,50
1926–1931	10–15	2993	11,42
1886–1925	16–55	16 439	62,71
1881–1885	56–60	379	1,45
Ранее 1880	61 и старше	466	1,78
Возраст неизвестен	—	873	3,33
	Всего	26 215	100

Таблица 7

Возрастной состав эвакуированных в Челябинскую область поляков

Годы рождения	Возраст на 1941 г.	Численность, чел.	В процентах от общей численности
После 1941	—	1 139	4,63
1932–1941	1–9	1 497	6,08
1926–1931	10–15	1 190	4,84
1886–1925	16–55	9 944	40,42
1881–1885	56–60	154	0,63
Ранее 1880	61 и старше	142	0,58
Возраст неизвестен	—	10 536	42,83
	Всего	24 602	100

Сопоставление возрастной структуры четырех национальных групп в целом показывает сохранение общих тенденций. Большой удельный вес евреев был обусловлен их компактным проживанием на территориях, подвергшихся агрессии, а также в Москве. Анализ возрастного состава евреев с данными табл. 2 показывает, что среди евреев, эвакуированных в Челябинскую область, в сравнении с общими показателями было меньше представлено детей от 1 года до 9 лет (на 6,68 %), чем детей от 10 до 15 лет (на 8,11 %), но пожилых старше 61 лет было больше (на 6,04 %). Поэтому заметна существенная разница в категории от 16 до 55 года: евреев этой группы было на 5,88 % больше, чем в среднем в общей численности эвакуированных. Представленные цифры не говорят об эвакуации ради спасения. Напротив, выявленная высокая численность трудоспособного населения среди евреев доказывает выводы, сделанные по табл. 1: в Челябинскую область направлялись прежде всего те, кто мог быть полезен в производственном процессе. Высокая доля группы в возрасте от 16 до 55 лет среди евреев может свидетельствовать о том, что в регион эвакуировались промышленные предприятия с руководителями, инженерами и конструкторами, а также научно-исследовательские институты и образовательные учреждения, где евреи занимали высокую долю в кадровом составе.

Среди украинцев доля группы в возрасте от 16 до 55 лет еще выше среднего показателя (на 9,56 %) и выше чем у евреев (составляет 62,71 %), что объясняется масштабной промышленной эвакуацией с территории Украины машиностроительных и металлургических производств. Анализ данных о поляках затруднен ввиду неполной картины: у 42,83 % возрастная категория в документах не указана.

Важным вопросом при изучении вынужденной миграции является география потоков: откуда и куда перемещалось население. База данных «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны» фиксирует около пяти тысяч населенных пунктов: города, села, поселки, деревни, местечки, станции. Населенный пункт, откуда происходила эвакуация, указан для 247 948 человек (69,44 % от общей численности эвакуированных), при этом вариативность записи одних и тех же названий усложняет подсчет. По примерным подсчетам, около 90 % всех эвакуированных с известным местом выезда проживали в городах.

Таблица 8

Города с наибольшим количеством эвакуированного в Челябинскую область населения (100 и более человек)

Город	Численность эвакуированных, чел.	В процентах от общей численности	Количество эвакуированных предприятий
Ленинград	66 109	34,79	22
Москва	36 750	19,34	66
Харьков	8 332	4,38	13
Тула	7 624	4,01	9
Киев	7 150	3,76	9
Брянск	5 644	2,97	2
Днепропетровск	3 234	1,70	6
Сталинград	2 954	1,55	2
Сталино	2 130	1,12	3
Смоленск	1 994	1,05	—
Одесса	1 886	0,99	4
Ярославль	1 854	0,98	2
Минск	1 542	0,81	—
Могилев	1 476	0,78	—
Горловка	1 439	0,76	4
Павлоград	1 344	0,71	1
Подольск	1 331	0,70	1
Запорожье	1 315	0,69	11
Кронштадт	1 220	0,64	—
Варшава	1 197	0,63	—
Кривой Рог	1 191	0,63	4
Таллин	1 174	0,62	—
Кременчуг	1 150	0,61	1
Витебск	1 123	0,59	—
Старая Ладога	1 098	0,58	—
Орша	1 066	0,56	—
Ворошиловград	992	0,52	4
Житомир	921	0,48	—
Электросталь	913	0,48	1
Липецк	889	0,47	2
Полтава	873	0,46	3
Осипенко	840	0,44	2
Лодзь	799	0,42	—
Пушкино	751	0,40	—
Алексин	750	0,39	—

Продолжение табл. 8

Город	Численность эвакуированных, чел.	В процентах от общей численности	Количество эвакуированных предприятий
Воскресенское	674	0,35	—
Винница	655	0,34	2
Херсон	616	0,32	2
Гомель	608	0,32	3
Днепродзержинск	599	0,32	2
Мытищи	573	0,30	1
Львов	564	0,30	—
Ростов-на-Дону	546	0,29	5
Курск	536	0,28	2
Калинин	535	0,28	2
Красный Луч	470	0,25	1
Новошахтинск	453	0,24	—
Черкизово	449	0,24	—
Николаев	448	0,24	1
Бобруйск	446	0,23	—
Колпино	443	0,23	1
Петрозаводск	408	0,21	2
Сумы	396	0,21	1
Мариуполь	395	0,21	5
Таганрог	382	0,20	2
Елец	381	0,20	1
Кемь	358	0,19	—
Ногинск	357	0,19	—
Кишинев	351	0,18	—
Чернигов	348	0,18	2
Орджоникидзе	345	0,18	1
Воронеж	343	0,18	2
Рязань	325	0,17	—
Орджоникидзеград	324	0,17	1
Орел	322	0,17	1
Клязьма	315	0,17	—
Гжатск	278	0,15	—
Рига	272	0,14	—
Мурманск	266	0,14	—
Одоев	262	0,14	—
Тарту	258	0,14	—

Окончание табл. 8

Город	Численность эвакуированных, чел.	В процентах от общей численности	Количество эвакуированных предприятий
Новгород	235	0,12	—
Белосток	230	0,12	—
Выборг	228	0,12	—
Полоцк	224	0,12	—
Севастополь	222	0,12	—
Кировоград	218	0,11	1
Макеевка	214	0,11	2
Великие Луки	211	0,11	—
Солнечногорск	210	0,11	—
Нарва	208	0,11	—
Рославль	202	0,11	—
Балашиха	196	0,10	—
Барановичи	152	0,08	—
Бердичев	149	0,08	—
Слуцк	148	0,08	—
Псков	146	0,08	—
Тернополь	128	0,07	—
Мелитополь	124	0,07	2
Калуга	123	0,06	1
Ржев	109	0,06	—
Всего	190 033	100	218

В базе данных выделяется 91 город, откуда выехали сто и более человек; всего из перечисленных городов были вывезены 190 033 человек (53 % эвакуированных). Из них выделяется несколько городов: Ленинград, Москва, Харьков, Тула, Киев. Оттуда эвакуировались 125 965 человек и 119 промышленных предприятий. Здесь заметно влияние масштабов перебазирования производств на численность эвакуированного населения. Ленинград и Москва идут с существенным отрывом от других городов, однако количество вывезенных предприятий не пропорционально численности эвакуированного населения, что можно объяснить специфической ситуацией, сложившейся в Ленинграде, его блокадой, а также тем, что из Ленинграда в Челябинскую область, как и в другие регионы страны, эвакуировались детские дома. Посчитано, что из Ленинграда за все годы войны был эвакуирован 1 814 151 человек[20], при этом, по данным М. Н. Потемкиной, около 50 тыс. человек попали в Челябинскую область[21]. Поименный подсчет показывает, что численность ленинградцев была выше и превосходила 66 тыс. человек (если считать вместе с регионами, то получается из Ленинградской области были 74 389 человек, из Московской области — 52 022). Данные табл. 8 подтверждают тезис о влиянии

промышленной эвакуации на эвакуацию населения. Существенную долю ленинградцев составляли кадры Кировского завода. Пожалуй, это был самый крупный коллектив из перемещенных в годы войны в Челябинскую область. В базе данных зафиксированы 8983 человека, работавших на предприятии до эвакуации, вместе с членами семей кировцы могли составлять до половины эвакуированных из Ленинграда в Челябинскую область.

База данных содержит информацию о профессиях, должностях и местах работы эвакуированных, однако разнообразие форм ввода информации не позволяет проанализировать профессиональный состав. Удалось выявить следующее: для 191 073 человек указаны профессия или должность, при этом для 219 458 человек место работы не указано, что коррелируется с данными табл. 1, согласно которым в Челябинскую область были эвакуированы 170 023 человека трудоспособного возраста. В базе данных удалось выявить 4030 инженеров, 5724 научных работника и педагога, 2348 медицинских работников, 379 деятелей искусств — все они продолжали работу по специальности в условиях эвакуации и составили ядро интеллектуальной миграции.

Закономерен вопрос распределения прибывшего населения по территории Челябинской области. В базе упоминается более тысячи населенных пунктов, принявших новых жителей, однако наименования населенных пунктов, в которые направлялись эвакуированные, указаны для 260 106 человек, у остальных 96 963 граждан таких данных нет.

Таблица 9

Распределение эвакуированных по территории Челябинской области

Город	Численность эвакуированных, чел.	В процентах от общей численности	Количество эвакуированных предприятий
Челябинск	103 655	64,14	113
Златоуст	21 832	13,51	24
Магнитогорск	13 636	8,44	35
Копейск	11 665	7,22	15
Троицк	10 823	6,70	10
Всего	161 611	100	197

В табл. 9 включено пять городов региона, принявших 10 тыс. и более человек: Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Троицк, Копейск. Вероятно, Магнитогорск как город, в котором разместилось 35 эвакуированных производств, должен был занять вторую строку. Скорее всего, на его позицию в приведенной таблице повлияла недостаточность информации. Систематизация информации о профессии, должности, месте работы позволит проанализировать, каким образом сложились судьбы эвакуированных на новом месте. Пока можно утверждать, что по крайне мере 175 тыс. человек были трудоустроены, из них 16 153 — на Кировском заводе в Челябинске.

Таким образом, эвакуация промышленных предприятий и населения стала фактором «глобализации» Челябинской области. Регион получил но-

вейшее и технологичное оборудование, дополнительные вложения в развитие, импульс модернизации промышленности. Эвакуация повлияла также на повышение уровня кадрового потенциала региона. В годы войны на Южный Урал были эвакуированы инженеры, конструкторы, научные сотрудники, руководители, квалифицированные рабочие, педагоги, деятели культуры. Оставшиеся из них после войны обогатили производство, науку, образование и культуру своими знаниями и опытом; реэвакуированные — сохранили теплые воспоминания и благодарность приютившему их краю, своими рассказами они расширили представления об Урале у жителей европейской части СССР.

Эвакуация населения, промышленных предприятий и отдельных производств способствовала включенности региона в глобально-исторический контекст и формированию трансграничных связей Челябинской области с западными регионами СССР, например с Москвой, Ленинградом, Харьковом, другими крупными городами и производственными центрами. Эти связи выразились не только в форме экономической кооперации, научных контактов, но и в неформальных отношениях реэвакуированных с Челябинской областью, по крайней мере, среди тех, кто лично пережил эвакуацию.

Примечания

[1] Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: вопросы теории. М., 2003. С. 27–28.

[2] Полян П. М. Не по своей воле…: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11, 47.

[3] Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. М., 2017 ; Сарнова В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2005 ; Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011 ; Игнатова Н. М. Историография принудительных миграций // Вопр. истории. 2018. № 6. С. 159–168.

[4] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 27.

[5] Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 41.

[6] Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 21–22.

[7] Урал — фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985. С. 45 ; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945 : сб. док. и материалов / сост. З. В. Шестакова. Челябинск, 1981. С. 105–106 ; Ленинская поступь пятилеток: из истории развития промышленности и рабочего класса Челябинской области : сб. док. и материалов : в 2 т. Т. 1 / ред. кол.: П. Г. Агарышев и др. Челябинск, 1986. С. 202 ; Бехтерев Д. Ю. Южный Урал — важный арсенал России в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2006. С. 19 ; Чуриков А. В. Эвакуированные предприятия тяжелой промышленности в экономической ситуации Челябинской области 1941–1946 годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 9 (224). История. Вып. 44. С. 63–67 ; Потемкина М. Н., Моисеев А. П. Эвакуация и реэвакуация // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 7. Челябинск, 2008. С. 486–487.

[8] Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / редкол.: Н. А. Антипин и др. СПб., 2020.

[9] Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002 ; Купцов В. П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны : дис. … д-ра ист. наук. М., 2002 ; Потемкина М. Н. Эваконаселение в Уральском тылу:

опыт выживания // Отечеств. история. 2005. № 2. С. 86–98 ; Данилов П. П. Эвакуация населения и оборудования из Ленинграда в 1941–1943 годах // Там же. 2006. № 3. С. 55–64 ; Прокопьев А. Н. Эвакуация предприятий и населения в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Акад. права и управления. 2011. № 24. С. 111–118 ; Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 112–121 ; Кабирова А. Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (18). С 132–141.

[10] Великая Отечественная война : энциклопедия. М., 1985. С. 803 ; Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1985. С. 4 ; Куманев Г. А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери в период Второй мировой войны : сб. ст. М., 1995. С. 145 ; Он же. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27 ; Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 112–121.

[11] Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. С. 24, 50.

[12] Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 112–121.

[13] Потемкина М. Н., Моисеев А. П. Указ. соч.

[14] Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1955 гг. М., 2010. С. 185–186.

[15] Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область… С. 340.

[16] Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны : база данных / ОГАЧО, 2020 г.. URL: https://archive74.ru/dbases/evacuation.

[17] Челябинская область : крат. стат.-экон. справ. Челябинск, 1941. С. 7.

[18] Потемкина М. Н. Эваконаселение в Уральском тылу: опыт выживания… С. 87.

[19] Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 57.

[20] Уродков С. А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1958. № 8. С. 88–102.

[21] Потемкина М. Н. Ленинградцы в эвакуации в Челябинской области // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / отв. ред. Ю. З. Кантор. М., 2019. С. 577–614.

И. В. Сибиряков

Интеллектуальная миграция как фактор Победы: некоторые особенности подготовки инженерных кадров в вузах Южного Урала в годы Великой Отечественной войны*

Рассмотрены некоторые важные аспекты подготовки инженерных кадров в вузах Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено роли Сталинградского механического и Челябинского механико-машиностроительного институтов в формировании челябинской инженерной научно-производственной школы. Отмечено активное участие в этом процессе выпускников ленинградских и украинских вузов, часть из которых оказалась в Челябинске в рамках так называемой «интеллектуальной миграции».

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, инженеры, интеллектуальная миграция, ЧММИ.*

Важным фактором победы Советского Союза в Великой Отечественной войне стали успехи советских ученых, которые были вынуждены в кратчайшие исторические сроки, в тяжелейших социально-бытовых условиях решать множество сложных проблем. так или иначе связанных с производством различных видов вооружений, боеприпасов, медикаментов, продовольствия. За годы войны многие советские ученые покинули те научные центры, где они вели работу в довоенный период, переехали в новые для них города, поступили на работу в новые вузы и научные учреждения. Часть из них сделала это добровольно, часть нет. Интеллектуальная миграция в СССР в годы войны часто носила вынужденный характер. Ее масштабы и направления определялись в первую очередь интересами и возможностями государства, которое с помощью такой миграции пыталось не только сохранить «старые» научные кадры и школы, но и сформировать новые научные центры, подготовить новые кадры, способные решать широкий круг проблем, связанных с обороноспособностью страны.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021 «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)»).

Миграция для интеллектуалов всегда представляла не только серьезную социальную, экономическую, но и психологическую проблему, в основе которой лежали вопросы адаптации к новой среде, к новым условиям работы, необходимость решения новых исследовательских задач. Далеко не для всех представителей интеллектуальной элиты этот процесс в годы войны проходил просто и быстро.

В отечественной исторической литературе уже хорошо исследованы различные аспекты жизни и деятельности ведущих советских ученых, организаторов производства, оказавшихся в годы войны на Южном Урале, таких как Н. А. Духов, И. М. Зальцман и др.[1] Именно они определяли стратегические направления развития научно-производственных школ, формулировали концептуальные идеи и подходы к решению сложнейших научных проблем, многие из которых в условиях войны были не только теоретическими, но и производственными. Для решения данных проблем был необходим целый корпус инженерных кадров высокой квалификации. Часть таких инженеров была подготовлена еще в ходе строительства и первых лет работы Челябинского тракторного завода[2]. Часть прибыла на Южный Урал в эвакуацию. Но значительную часть предстояло подготовить прямо в ходе войны. Подготовка высококвалифицированных инженерных кадров для нужд военного производства стала главной задачей Челябинского механико-машиностроительного института, созданного в 1943 г.

Преподавателям и сотрудникам нового вуза уже в первые месяцы его существования пришлось сосредоточить свое внимание на двух главных направлениях работы, во многом определивших дальнейшую судьбу вуза. Во-первых, институт должен был готовить инженерные кадры для реального, очень сложного, динамично развивающегося военного производства. Молодые инженеры должны были ясно представлять себе основные звенья тех технологических цепочек, в рамках которых им предстояло работать. Они должны были иметь качественные знания в области базовых естественно-научных дисциплин, без которых решение серьезных технологических проблем просто невозможно. Кроме того, молодые выпускники института, придя на производство, часто оказывались в центре очень непростых социальных отношений, связей, конфликтов, что существовали в некоторых коллективах и требовали скорейшего решения. Поэтому для молодых инженеров были крайне важны навыки социальной адаптации и диалога, которые они могли получить в вузе. Все эти задачи требовали соответствующей организации учебного процесса в вузе, особого кадрового состава и прочной материально-технической базы. В условиях войны серьезные проблемы возникали и с первым, и со вторым, и с третьим.

Во-вторых, от преподавателей и сотрудников института многие руководители военных производств, размещенных в Челябинске, ждали реальной помощи в решении реальных производственных проблем, число которых в ходе войны не уменьшалось, а даже увеличивалось. В условиях отсутствия каналов традиционной научной коммуникации решение части этих проблем приходилось искать в условиях своеобразного международного, а порой и междугородного «информационного вакуума», что делало этот поиск особенно болезненным и трудным. В такой ситуации на первый план

выходил личный опыт преподавателей, обретенный в довоенный период в самых разных вузах страны.

В-третьих, администрация института имела очень ограниченные ресурсы для прямого воздействия как на первых преподавателей, так и на первых студентов, что создавало совершенно особую, во многом уникальную для «сталинской эпохи» психологическую атмосферу внутри вуза. Эта атмосфера являлась важным фактором не только для организации учебного процесса, но и для решения сложных научных и производственных задач.

Несмотря на то что первые высшие учебные заведения появились на Южном Урале еще в довоенный период (Уральский институт индустриального земледелия был основан в 1930 г., Уральский ветеринарный институт переведен в Троицк в том же 1930 г., а Челябинский педагогический институт начал свою работу в 1934 г.), дефицит преподавательских кадров высокой квалификации, необходимых для подготовки инженеров, ощущался очень остро.

Неслучайно еще в 1942 г. было принято решение об эвакуации в Челябинск Сталинградского механического института (СМИ). Преподаватели и сотрудники СМИ привезли в Челябинск не только часть библиотеки вуза, но и собственные представления о том, как должен быть организован учебный процесс в институте, традиции проведения научных исследований, важные фрагменты тех научных школ, которые сформировались в вузе в предвоенный период; 42 % преподавателей, работавших в вузе в это время, имели ученые степени и звания. Возобновил свою работу совет института; защищались кандидатские диссертации. За время работы в Челябинске в ученом совете института 13 человек защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук, из них восемь человек являлись преподавателями института, четыре человека — инженерами на заводах, один являлся преподавателем ЧИМСХ.

В 1943/44 учебном году в институте числилось около 600 студентов и 20 аспирантов[3]. Среди самых известных профессоров СМИ, работавших в Челябинске, исследователи обычно называют А. Н. Рабиновича и В. А. Добровольского. За время работы в Челябинске институт привлек к преподаванию и научной работе квалифицированных специалистов из числа сотрудников эвакуированных предприятий: профессора Нессельштрауса, доцента Соева, инженера Русацкого, которые являлись работниками Кировского завода; профессора, члена-корреспондента Академии наук Вознесенского, который был сотрудником опытного завода № 100; профессора Городницкого, сотрудника Челябинской ГРЭС, и ряд других. Коллектив профессоров и доцентов под руководством заместителя директора института профессора В. А. Добровольского организовал в Челябинске областное научное общество ВНИТО, которое принимало активное участие в работе челябинского Дома ученых, оказывало консультационную помощь предприятиям, а в ряде случаев проводило практическую работу для предприятий города, что способствовало значительному росту научного авторитета общества.

Научно-исследовательская работа, организованная на кафедрах СМИ, в первую очередь была подчинена интересам военного производства. Так, сотрудниками кафедры «Теория резания металлов» (заведующий кафедрой

доцент П. А. Гришин) для челябинских заводов «были разработаны оптимальные режимы резания, разработана геометрия и полная технология термической обработки фрез для изготовления снарядов машины М-10»; сотрудниками кафедры «Химия» (доцент А. Г. Элькенбард) произведено более ста анализов металлов и сплавов (которые использовались в трофейных изделиях) для установления их состава; сотрудниками кафедры «Станки» (профессор А. Н. Рабинович) для челябинского тяжелого машиностроения разработано универсальное приспособление для фрезерования резьбы на токарных станках и т. д.[4]

«Сталинградцы» составили очень важный элемент той волны интеллектуальной миграции, которая пришла на Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Однако уже в самом начале 1944 г., когда было принято решение о восстановлении СМИ непосредственно в Сталинграде, абсолютное большинство его преподавателей вернулись на родину. В докладной записке на имя секретаря Челябинского обкома партии Н. С. Патоличева было сказано: «Из большого количества научных работников реэвакуированного института в Челябинске остались лишь единицы (проф. Рабинович, доц. Двораковский, ст. преподаватель Фельдблюм)». Из учебного оборудования Сталинградский механический институт не оставил в Челябинске ничего.

Другим элементом «военной» интеллектуальной миграции стали ученые из Ленинграда и Харькова, которые прибыли на Южный Урал в ходе эвакуации крупных промышленных предприятий из этих городов в самом начале войны. Большинство из них осталось работать в Танкограде, но часть была привлечена к организации учебного процесса уже непосредственно в ЧММИ, где так же, как и «сталинградские» коллеги, оставшиеся для работы в новом вузе, использовали навыки, представления, учебные технологии, которые сформировались у них за время обучения в различных вузах Ленинграда и Украины.

Костяк «ленинградской» группы преподавателей ЧММИ в 1945 г. (в это время, по нашим данным, в вузе насчитывалось 75 преподавателей) составляли выпускники Ленинградского политехнического института (Ф. А. Голубых, Н. С. Двораковский, Н. Л. Духов, Ш. З. Нессельштраус, А. И. Подклетнов, И. Я. Принуметан, Л. М. Синдаловский), Ленинградского государственного университета (В. Е. Воскобойников и Н. А. Сахарников), Ленинградского лесотехнического института (Е. Т. Баранов, Г. И. Горш), Ленинградского технологического института (М. А. Гутнер, А. Ф. Лесохин), Ленинградского института путей сообщения (Е. И. Милославский), Ленинградского машиностроительного института (И. А. Фрайфельд), Ленинградского физико-математического института (И. С. Голубых)[5].

Институт инженеров путей сообщения был учрежден в Санкт-Петербурге в 1809 г., Санкт-Петербургский государственный университет основан в 1819 г., а императорский Санкт-Петербургский политехнический институт — в 1899 г. Эти и многие другие ленинградские вузы обладали богатыми историческими традициями организации учебного процесса и научной работы, в этих вузах сформировались сильные научные школы, имевшие авторитет не только внутри страны, но и на международной арене. Конечно, за годы революций и войн в вузах произошли серьезные изменения, но

многие традиции удалось сохранить. Часть таких традиций выпускники ленинградских вузов принесли и в ЧММИ.

Старейшими преподавателями в «ленинградской» группе преподавателей ЧММИ в 1945 г. были В. Е. Воскобойников и Е. И. Милославский (68 лет). Самым молодым — Г. И. Горш (31 год). Девять преподавателей были членами и кандидатами в члены ВКП(б), семь — беспартийными. В числе 16 преподавателей-«ленинградцев», работавших в вузе, были 14 мужчин, 2 женщины; 7 преподавателей при заполнении официальных документов в графе национальность указали «еврей», остальные — «русский». Преподавание в вузе совмещали с работой на производстве 11 человек. Самый высокий административный пост из них занимал Н. А. Духов, который в этот период был главным конструктором Челябинского Кировского завода. «Ленинградские» преподаватели ЧММИ кроме этого завода работали также на заводе № 100, заводе им. С. Орджоникидзе, в ЧИМСХ. Семь преподавателей занимали должность заведующего кафедрой (33 % от общего числа заведующих кафедрами в вузе в этот период), трое были кандидатами технических наук, трое — доцентами, двое — профессорами.

«Украинская» группа преподавателей ЧММИ в 1945 г. была даже более многочисленной, чем «ленинградская» — 17 человек. Ее костяк составляли выпускники Харьковского машиностроительного института и вузов, созданных на его основе (С. В. Венцель, Ф. К. Королев, К. Е. Милославский, М. Л. Перцовский, А. Г. Цупко), Киевского политехнического института (А. Н. Рабинович, Г. Л. Торохов, Б. Л. Фильдблюм), одесских вузов (Н. Б. Оренштейн, Б. И. Шифрин, Г. А. Эрив) и др.[6]

Харьковский практический технологический институт был вторым технологическим вузом в Российской империи. Он был основан в 1885 г., Киевский политехнический институт был создан в 1898 г. Эти украинские вузы, как и многие ленинградские высшие учебные заведения обладали богатыми историческими традициями организации учебного процесса и научной работы. Сильные научные школы, которые сформировались в этих вузах, имели авторитет не только внутри страны, но и на международной арене. Безусловно, за годы революций и войн в украинских вузах тоже произошли серьезные изменения, однако многие традиции удалось сохранить. Часть таких традиций выпускники украинских вузов привнесли и в работу ЧММИ.

Старейшими преподавателями в «украинской» группе ЧММИ в 1945 г. были Г. Л. Торохов (48 лет) и В. Л. Гинзбург (47 лет), самым молодым — С. И. Меламед (28 лет). Девять преподавателей были членами и кандидатами в члены ВКП(б), восемь — беспартийными. Из 17 преподавателей-«украинцев», работавших в вузе, были 15 мужчин, 2 женщины. Десять преподавателей при заполнении официальных документов в графе национальность указали «еврей», остальные — «русский». Преподавание в вузе совмещали с работой на производстве 11 человек. Чаще всего преподаватели работали на Челябинском Кировском заводе. Восемь преподавателей-«украинцев» занимали должность заведующего кафедрой (38 % от общего числа заведующих кафедрами в вузе в этот период), пятеро были кандидатами технических наук, один — профессором и доктором технических наук. Николаевский кораблестроительный институт в свое время окончил и один из первых ректоров ЧММИ И. М. Хмельницкий.

Показательно, что выпускники ленинградских и украинских вузов возглавили больше половины кафедр, созданных в ЧММИ в годы войны. Именно заведующие кафедрами были призваны сыграть ведущую роль в организации не только учебного процесса, но и научной работы в вузе, что в условиях военного времени было сделать особенно непросто. В докладной записке о состоянии учебной и политико-массовой работы в Челябинском механико-машиностроительном институте Наркомтанкпрома СССР, направленной секретарю Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличеву в 1945 г., отмечалось, что институт «совершенно не имеет базы для научно-исследовательской работы. Вся экспериментальная часть исследований проводится на заводах. Это значительно осложняет работу, не дает возможности установить строгий контроль за ходом выполнения каждой темы. Подобное положение с лабораторной базой особенно сказывается на постановке работы с аспирантами»[7].

Тем не менее в 1944 г. в институте был подготовлен первый сборник научных трудов общим объемом более 12 печатных листов. Директор института И. М. Хмельницкий, рассказывая о том, как была организована научная работа в вузе в первый год его существования, выделил три научных направления, по которым проводились исследования. Он писал: «Значительный интерес представляет тема доц. С. М. Фертика, доц. М. М. Тарашанского о механическом выпрямлении переменного тока. Эта работа преследует цель замены дефицитных ртутных выпрямителей механическими. По чертежам авторов и под их руководством на Копейском заводе впервые в Союзе был изготовлен промышленный образец механического выпрямителя нового типа, предназначенный для угольной промышленности. Образец выдержал лабораторное испытание. Работа проф. Р. З. Нессельштрауса и инженера Зильбера — рационализация вагранок путем применения многорядных фурм и горячего дутья. Авторы добиваются увеличения коэффициента использования теплотворной способности топлива простым и надежным путем подогрева дутья отходящими газами. Проект осуществления этого мероприятия принят Кировским заводом. Аспирант А. Лещенко работает над проблемой автоматизации токарных станков, что очень важно для развития движения многостаночников и увеличения производительности труда…»[8]

Важнейшим элементом научной работы в вузе был институт аспирантуры. В 1945 г. в институте насчитывалось семь аспирантов, работа с которыми шла по индивидуальным планам. При этом до 70 инженеров ведущих челябинских заводов под общим руководством работников института профессоров Рабиновича (выпускника Киевского индустриального института), Нессельштрауса (выпускника Ленинградского политехнического института) и доцента Харитончика (выпускника Тимирязевской сельскохозяйственной академии) сдавали кандидатский минимум и готовили диссертации. Для них по указанию руководства института было организовано 11 групп по изучению иностранного языка. Они были включены в философский семинар аспирантов. Такая работа получила очень высокую оценку со стороны руководства челябинских заводов[9].

Библиотека института в 1945 г. насчитывала 9612 томов. При этом учебники по гидравлике, деталям машин, сборники задач по теоретической

механике имелись в одном экземпляре каждый, совершенно не было учебников по теории механики и машиностроению. Это существенно усложняло организацию лекционных и практических занятий (в вузе в этот момент насчитывалось более 600 студентов на дневной форме обучения и более 130 — на вечернем отделении)[10] и заметно повышало роль преподавателей на каждом этапе учебного процесса.

Именно вокруг наиболее ярких талантливых преподавателей ЧММИ и стали формироваться основы первых научно-производственных инженерных школ ЧММИ. Следует подчеркнуть, что понятие «инженерные школы» воспринимается в научном сообществе до сих пор неоднозначно, так как описывает явление, еще недостаточно глубоко исследованное в научной литературе. Очевидно, что такие школы по многим параметрам сопоставимы с так называемыми научными школами, которые складываются как самостоятельное научное сообщество вокруг уже «оформленной системы научных взглядов». Для таких школ характерно наличие ярко выраженного лидера, выполняющего роль «генератора» системообразующих идей, а также устойчивые механизмы научных коммуникаций (в качестве которых могут выступать как учебные занятия, так и разного рода научные кружки, конференции и т. д.) и признание результатов работы этого сообщества со стороны научной общественности.

Но при этом инженерные школы отличаются от классических научных школ своей ориентированностью на производственные процессы, которые играют очень важную роль не только в организации научных исследований, но и в проверке их конечных результатов. С этой точки зрения возникновение инженерных школ представляется более сложным процессом, чем возникновение обычной научной школы, особенно в военное время. И с этой точки зрения опыт, накопленный ЧММИ, имеет не только теоретический, но и вполне практический интерес, тем более что необходимость создания современных отечественных инженерных школ признают сегодня очень многие ученые и государственные деятели.

Одним из наиболее заметных в научном плане первых преподавателей ЧММИ оказался профессор А. Н. Рабинович. Его биография представляется очень показательной. Она позволяет лучше понять некоторые важные грани такого явления, как советская интеллектуальная миграция. А. Н. Рабинович родился 25 октября 1906 г. в Чернигове. В 1924–1929 гг. был студентом Киевского индустриального (в дальнейшем политехнического) института. Производственную деятельность начал на Киевском машиностроительном заводе «Большевик» в должности начальника бюро изобретательства и рационализации. В 1934 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом при Киевском индустриальном институте, куда его пригласили преподавать сначала по совместительству, а затем на штатную должность ассистента кафедры холодной обработки металлов. В 1935 г. был назначен заведующим кафедрой станкостроения. В 1939 г. защитил докторскую диссертацию и стал профессором. В начале Великой Отечественной войны, после эвакуации из Киева, работал в Сталинграде, а затем в Челябинске. Будучи заместителем директора по учебной и научной работе, заведующим кафедрой станков, принимал активное участие в становлении Челябинского механико-машиностроительного института. Именно он решал

многие вопросы, связанные с организацией учебного процесса и научных исследований в вузе. Его богатый опыт работы в вузах Киева и Сталинграда оказался очень полезен в Челябинске. После войны А. Н. Рабинович вернулся в Сталинград на должность проректора по научной работе Сталинградского механического института. В 1948–1963 гг. заведовал кафедрой технологии машиностроения, станков и инструментов в Львовском политехническом институте. В 1963 г. был переведен во вновь организованный Севастопольский приборостроительный институт на должность заведующего кафедрой автоматизации и комплексной механизации. В 1970 г. вернулся на работу в Волгоградский политехнический институт на должность заведующего кафедрой автоматизации производственных процессов. Скончался 8 января 1977 г. А. Н. Рабинович автор около 300 научных работ, в том числе более 35 монографий и учебников. Им получено свыше 120 авторских свидетельств на изобретения, значительная часть которых была внедрена в производство, а некоторые запатентованы за границей. Под руководством профессора А. Н. Рабиновича было защищено 110 кандидатских диссертаций, десять его учеников стали докторами наук[11].

Первым заведующим кафедрой «Танки» в ЧММИ был главный конструктор Кировского завода в Челябинске, выпускник Ленинградского политехнического института Н. Л. Духов. Как вспоминал А. Ковачевич, «вся инженерно-конструкторская часть работ по созданию новых танков лежала на Николае Леонидовиче Духове, человеке с колоссальными инженерными знаниям и опытом педагога»[12].

Заместителем Н. Л. Духова на заводе был М. Ф. Балжи, который курировал вопросы создания танковых корпусов и трансмиссий. «Совершенствованием трансмиссий танков на заводе и на кафедре занимались постоянно»[13]. Неслучайно именно на этой кафедре в послевоенные годы сложилась мощная инженерная школа «бесступенчатых импульсных механических передач» под руководством профессора М. Ф. Балжи.

На должность первого заведующего кафедрой математики в ЧММИ был приглашен выпускник Санкт-Петербургского университета (по словам В. И. Заляпина, «еще тех времен, когда живы были традиции российской математической школы, основанной П. Л. Чебышевым») доцент В. Е. Воскобойников. Именно он заложил основы «математической культуры в образовательной деятельности молодого вуза»[14]. Заметную роль в жизни кафедры сыграл выпускник Одесского государственного университета А. Д. Кац. Он получил интересные научные результаты в области теории конечных групп. Более сорока лет А. Д. Кац руководил на кафедре научным семинаром, через который прошли многие известные ученые и преподаватели вуза.

Безусловно, свой особый вклад в подготовку новых инженерных кадров в стенах ЧММИ в годы войны внесли и другие преподаватели института, представлявшие иные научные школы, например выпускник Новосибирского института повышения квалификации профессор Н. Ф. Кунин, выпускник Томского инженерно-технического института доцент Н. А. Усов и др. Однако следует подчеркнуть, что создать полноценные инженерные научно-производственные школы ни в годы войны, ни в первые послевоенные годы никому из ученых и преподавателей не удалось. На наш взгляд, это

было во многом связано с целой совокупностью объективных и субъективных факторов, главными из которых были следующие:

1) небольшой срок работы ведущих ученых в стенах ЧММИ. Многие из них покинули его сразу же после освобождения центральных и западных районов страны от немецко-фашистских захватчиков. В основе реэвакуационного движения лежали надежды на скорое восстановление прежнего довоенного образа жизни, уровня научных исследований, воссоединение с членами своих семей, решение государственных органов и т. д. Для создания полноценной научной школы, по нашему мнению, был необходим хотя бы один полный цикл организации учебного процесса (от первого курса института до окончания аспирантуры) и полный цикл организации научного исследования (от выдвижения гипотезы (идеи) до ее практической реализации и признания или непризнания со стороны научного сообщества), что оказалось невозможно осуществить за три-четыре года;

2) отсутствие материальной базы и организационных структур, необходимых для проведения фундаментальных исследований, обязательных для формирования полноценных научных школ. В условиях войны и в первые послевоенные годы таких условий в ЧММИ не было;

3) слабые научные коммуникации, которые являются обязательным элементом механизма по формированию серьезной научной школы. Однако создание таких коммуникаций в условиях войны выглядит почти невозможным.

Но, с другой стороны, Челябинский механико-машиностроительный институт в годы войны решил главную задачу, которая была поставлена перед ним государством. В институте, несмотря на все трудности, был организован процесс подготовки инженерных кадров высокой квалификации. Преподаватели вуза сумели оказать помощь многим промышленным предприятиям Южного Урала в решении сложных технологических проблем. В вузе был заложен фундамент, необходимый для формирования на Южном Урале новых инженерных школ, первые из которых появятся уже в 1950-е гг. Важную роль в этом процессе сыграла интеллектуальная миграция, благодаря которой качественный состав преподавательского корпуса вузов Южного Урала заметно улучшился.

Примечания

[1] Конструктор Н. Л. Духов и его школа. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2004. 448 с. ; Шмыров Б. Д. Зальцман Исаак Моисеевич. Легендарный директор легендарного Танкограда. Челябинск : Абрис, 2017. 272 с. и др.

[2] Комаров Л. С., Ховив Е. Г., Заржевский Н. И. Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.). М. : Профиздат, 1972. 375 с. ; Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. СПб. : Первый ИПХ, 2020. 400 с. и др.

[3] Петрунева Р. М., Мишта С. П. Дулина Н. В., Петрунева Ю. В. Научно-исследовательская деятельность преподавателей Сталинградского механического института в годы Великой Отечественной войны // Primo Aspectu. 2019. № 4. С. 62–63.

[4] Там же. С. 64–65.

[5] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 9. Д. 234. Л. 40–50.

[6] Там же.

[7] История ЮУрГУ в документах и материалах. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2010. С. 56.

[8] Хмельницкий И. Челябинский машиностроительный институт // Челяб. рабочий. 1945. 7 февр.

[9] История ЮУрГУ в документах и материалах. С. 57.

[10] Там же. С. 49–50.

[11] Рабинович Авраам Нахимович // Традиция : сайт. URL: https://traditio.wiki/Рабинович_Авраам_Нахимович (дата обращения: 12.02.2021).

[12] Ковачевич А. Первый ученый совет // Политехн. кадры. 1984. 11 янв.

[13] Кондаков С. В., Пожбелко В. И., Бондарь В. Н. Колесные и гусеничные машины // Научные школы ЮУрГУ. История развития. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. С. 45.

[14] Заляпин В. И. Краткий очерк истории математики в Южно-Уральском государственном университете (1943–2003) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Математика, физика, химия. 2003. № 3. С. 3.

И. В. Рудометова

Кадровая ситуация на предприятиях легкой и пищевой промышленности Челябинской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Статья содержит информацию о решении кадровых вопросов в легкой и пищевой промышленности Челябинской области в 1941–1945 гг. Рассматриваются изменения в половозрастном составе работников, исследуются источники пополнения рабочей силы, анализируется решение таких вопросов, как подготовка кадров, повышение квалификации.

Ключевые слова: *легкая и пищевая промышленность, Великая Отечественная война, подготовка кадров*.

С началом Великой Отечественной войны неблагоприятные тенденции, наблюдавшиеся в совокупном составе работников пищевой и легкой промышленности Челябинской области в течение 1939 — начала 1941 г. — дефицит трудящихся, текучесть рабочей силы, низкая степень образования и квалификации — усилились. Новыми факторами, воздействовавшими на кадровую ситуацию, стали военно-мобилизационные мероприятия, активные миграционные процессы, перераспределение трудовых ресурсов в пользу военно-оборонного промышленного комплекса, вызванная чрезвычайной обстановкой смена половозрастных групп работающих, ухудшение материально-бытовых условий жизни тылового населения.

В первые дни войны в Челябинской и других областях Урала прошли многотысячные митинги и собрания трудящихся, посвященные выступлению заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова, на которых они обещали честно и храбро сражаться на фронте, трудиться в тылу, изучать военное дело. От предприятий легкой и пищевой промышленности было подано большое количество индивидуальных и коллективных заявлений о желании пойти на фронт добровольцами. Среди них было заявление пожарного с мельзавода № 10 Магнитогорска Овечкина, 1894 г. р.: «Прошу зачислить меня добровольцем, но вместе с сыном 1918 года рождения и дочерью 1917 г. р., дочь учительница школы № 43»[1]. Добровольцами и по мобилизации в действующую армию уходила наиболее трудоспособная и мобильная часть работников — прежде всего мужчины. Например, на Челябинском крупозаводе № 8 из 220 работающих на фронт отправились 120 мужчин, то есть

больше половины[2]. В то же время имелись единичные случаи проявления трусости, отказов от мобилизации в РККА. В первую очередь таких лиц исключали из партии, затем к ним применяли строгие меры воздействия[3].

Наряду с мужчинами добровольцами на фронт уходили и женщины. Вот история одной из них — Фитанат Бикчентаевой: «…работала на Троицком жиркомбинате штамповщицей в мыловаренном цехе (ей в 1941 г. был 21 год). Сговорились тогда несколько девушек проситься на фронт. Целой группой пришли в военкомат, а вскоре были в Челябинске — оттуда в Москву отправлялся целый женский эшелон. Фитанат была зачислена в 66-й отдельный батальон стрелком гранатомета. Батальон прошел с боями по городам Смоленской области. Потом была Белоруссия. Ф. Бикчентаева имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медаль "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», знак "Фронтовик", медаль Жукова, юбилейные награды»[4].

Уходящим требовалась замена. В соответствии с постановлением бюро Челябинского обкома ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О привлечении членов семей рабочих и служащих на производство», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», решением Челябинского облисполкома от 14 декабря 1942 г. «О переводе служащих на производство», постановлением Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома от 29 сентября 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов войны»[5] на замену ушедшим на фронт пришли домохозяйки, пенсионеры, инвалиды, молодежь. Рабочую силу привлекали с помощью радио, местной печати, путем систематической связи с другими предприятиями, военкоматом, прокуратурой, исправительно-трудовыми колониями и другими организациями[6].

Возросло число молодых рабочих. Так, на Троицком шорно-фурнитурном комбинате в 1943 г. работало: в возрасте до 16 лет — 35 человек, от 16 до 23 лет — 146, старше 23 лет — 65 человек[7]. Значительно увеличилась численность женщин. К примеру, в Златоустовском хлебообъединении в период с 22 июня по 1 сентября 1941 г. прибавилось 85 женщин, в коллектив Магнитогорской швейной фабрики к январю 1942 г. пришли 350 новых работниц. Они овладевали сложными и трудоемкими мужскими профессиями: забойщик скота на мясокомбинате, тестомес на хлебозаводе, кочегар, весовщик и грузчик на крупозаводе № 8[8]. Ярким отражением суровых реалий военного времени стала публикация в центральной прессе стихотворения:

Завод — как фронт! Работа — как война!
Ни на минуту график не ломая,
Станок ушедшего жена,
Как полковое знамя поднимает![9]

Встречным потоком (к уходящим на фронт) шла эвакуация населения. Среди эвакуированных были трудящиеся с различных предприятий легкой и пищевой промышленности. В соответствии с постановлением бюро Челябинского обкома ВКП(б) от 3 сентября 1941 г. «О трудовом и хозяйственно-бытовом устройстве эвакуированного населения»[10] на промышленные

объекты поступали работать эвакуированные. Им часто предоставляли должность ниже той, которую они занимали у себя на родине. Так, эвакуированный из Курской области К. был директором спиртзавода, а на Курганском спиртзаводе занял должность начальника отдела сырья и транспорта; бывший заведующий лабораторией при Тульском спиртотресте стал сменным техником[11].

Таблица 1

Количество прибывших в Челябинскую область работников легкой и пищевой промышленности (на 28 ноября 1941 года), чел.*

Отрасль промышленности	Всего трудоспособных	В том числе	
		женщин	мужчин
Текстильная и трикотажная	941	882	52
Швейная	2903	2392	511
Обувная	710	156	554
Пищевая	1168	930	238
Всего	5722	4360	1355

* Составлено по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 224. Л. 99 об.

Как видно из табл. 1, больше всего работников прибыло с предприятиями легкой индустрии, особенно швейной отрасли, которая в 1941–1945 гг. получила заметное развитие. Второй по численности прибывших была пищевая индустрия. За исключением обувной отрасли, где в силу специфики производства работали преимущественно мужчины, в составе эвакуированных прослеживается доминирование женщин. Все эвакуированные влились в коллективы действующих заводов и фабрик.

Охарактеризованные выше источники пополнения рабочей силы не могли снять проблему кадрового дефицита. Еще одним способом стал перевод кадров с одного предприятия на другое. Например, приказом начальника УЛП А. И. Баранова от 1 декабря 1942 г. в распоряжение Челябинской швейной фабрики № 1 в целях обеспечения выполнения срочного спецзаказа передали квалифицированных закройщиков и пошивочных рабочих с других швейных фабрик области[12].

Из-за острой нехватки кадров пищевые предприятия шли на явные нарушения: принимали дезертиров с оборонных заводов, оплачивая их труд продуктами питания[13]. Так, на объекты Челябинского хлебозаводоуправления нанимались, в основном грузчиками, бывшие рабочие Кировского танкового завода. За работу они получали зарплату, двухразовое питание в столовой и до 3 кг хлеба без карточек. Бывало и так, что ущемлялись свои рабочие, которые получали только обед и хлеб, причем забракованный. Подобные нарушения были обнаружены на Челябинском холодильнике, где с нанимающимися расплачивались продуктами питания. 25 июня 1944 г. на заседании бюро Челябинского горкома партии рассматривался вопрос «О грубейших нарушениях приема и оформления рабочих на хлебозаводах № 1, 2, холодильнике и витаминном заводе». Бюро постановило прекратить подобную практику, а дезертиров и их укрывателей привлечь к уголовной ответственности[14].

Несмотря на нехватку кадров в исследуемых отраслях, был распространен отзыв людей на оборонные заводы и отвлечение на другие работы. К примеру, только на ММК работало более 200 квалифицированных швейников, обувщиков, кожевников, мобилизованных с предприятий местной и легкой промышленности Магнитогорска. Работников мастерских ширпотреба часто отправляли на дорожно-ремонтные работы[15]. С Челябинского крупозавода № 8, имевшего в мае 1942 г. 158 работающих, в октябре 1942 г. мобилизовали на Кировский танковый завод десять мужчин, весной 1943 г. двух работниц направили на асфальтовый завод, в октябре 1943 г. в распоряжение Челябугля на пять месяцев послали электромеханика Андрусенко, в июле 1944 г. на постоянную работу на завод «Калибр» командировали рабочего А. И. Цалко, трех человек — в трамвайное депо[16]. На примере данного предприятия видно, как из «гражданской» отрасли, несмотря на то, что она тоже производила продукцию для фронта, изымали рабочих в течение всего военного периода.

С 1943 г. практиковалось откомандирование специалистов в освобожденные районы СССР. В соответствии с решением коллегии НКЛП СССР в апреле 1944 г. на руководящую работу в Наркомлегпром Украины направили главного инженера Магнитогорской швейной фабрики № 2 К. И. Флидермауз, директора Кыштымской обувной фабрики Сапожникова[17].

Бюро Челябинского обкома ВКП(б) неоднократно (например, при обсуждении 11 мая 1943 г. вопроса «О мероприятиях по увеличению улова рыбы в водоемах Челябинской области», 3 августа 1943 г. — «Об итогах работы предприятий пищевой промышленности за первое полугодие 1943 г.», 28 ноября 1944 г. — «О работе Челябинского кожзавода») поднимало проблему обеспечения рабочей силой предприятий легкой и пищевой промышленности, запрещало мобилизацию людей с указанных объектов[18]. Но, несмотря на это, в течение всех лет войны ощущался дефицит кадров как массовых профессий, так и специалистов. В декабре 1941 г. Курганской трикотажной фабрике требовалось 456 рабочих, Воздвиженскому стеклозаводу — 100 человек[19].

Общая численность работающих на предприятиях легкой и пищевой индустрии Челябинской области в 1941–1945 гг. колебалась как в ту, так и в другую сторону (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность работающих на предприятиях легкой и пищевой индустрии Челябинской области (на начало года), чел.*

Отрасль промышленности	Год				
	1941	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Легкая	4050	3516	6325	3629	4118
Пищевая	1688	1002	1052	1202	1570
Итого	5738	4518	7377	4831	5688

* Составлено по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 106; Оп. 9. Д. 116. Л. 12; Д. 292. Л. 31; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 33. Л. 30, 30 об.; Д. 45. Л. 63–66; Ф. Р-485. Оп. 8. Д. 540. Л. 36; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 57. Л. 25; Д. 75. Л. 38.

В начале войны это объяснялось массовым уходом мужчин на фронт, в середине 1942 г. — приходом на производство подростков, домохозяек, пенсионеров, эвакуированных рабочих, передачей предприятий вместе с кадровым составом в другие области. Кроме того, начало Великой Отечественной войны и эвакуация в Челябинскую область предприятий из центральных и западных районов СССР внесли изменения в национальный, возрастной состав и образовательный уровень кадров предприятий легкой и пищевой промышленности: и среди руководящего состава, и среди рядовых рабочих появились украинцы, белорусы, евреи, бывшие польские политзаключенные, имевшие высокую квалификацию и высшее образование[20].

Нестабильность состава трудовых коллективов выражалась также в текучести кадров. Существовали такие причины, как уход в армию, на учебу, увольнение по состоянию здоровья, в конце войны — реэвакуация. К примеру, на предприятия легкой промышленности области за 1944 г. был принят 961 человек, а выбыли 1448, из них по причине ухода на учебу — 1,9 %, в армию — 2,9 %, из-за тюремного заключения — 3,3 %, из-за перехода на инвалидность — 6,7 %, в связи с выездом в освобожденные районы — 8,2 %, из-за самовольного ухода — 8,5 %, по другим причинам — 16,4 %. На Челябинском витаминном заводе за июнь — июль 1944 г. были приняты 24 человека, выбыли 11, на Челябинском крупозаводе № 8 — соответственно 20 и 19 человек. Самовольные уходы с работы происходили вследствие неудовлетворительного продовольственного снабжения и низкой оплаты труда[21].

То есть мы видим, что количество работников на предприятиях легкой и пищевой промышленности Челябинской области весь военный период менялось.

Количественный дефицит работников, обновление состава за счет молодых и неопытных требовали специальных мер по улучшению качественных параметров рабочей силы, то есть профессиональной подготовки, повышения квалификации. Газета «Правда» подчеркивала: «Подготовка квалифицированных рабочих кадров для промышленности, особенно для эвакуированных заводов — дело государственного значения»[22]. Для вновь пришедших рабочих организовывались краткосрочные курсы техминимума и оказывалась всемерная помощь в приобретении и повышении производственной квалификации. Производственно-техническое обучение в военное время имело особенности: намного сократились его сроки, подготовка носила массовый характер. Основной формой стало индивидуально-бригадное обучение непосредственно на рабочем месте путем прикрепления вновь пришедших к квалифицированным рабочим, мастерам, техникам. При этом обучение велось в форме теоретических и практических занятий. В мясомолочной индустрии за 1941 г. таким способом были подготовлены 563 человека, в легкой промышленности за 1943 г. — 2377 человек[23].

Согласно Постановлению СНК СССР от 22 мая 1942 г. «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества»[24] на учебу принимались лица, достигшие 14 лет. Для подростков 14–16 лет рабочий день составлял шесть часов. Срок обучения дифференцировался в зависимости от сложности квалификации и составлял один-два месяца. Перевод на самостоятельную работу осуществлялся после прохождения испытаний

и присвоения разряда. Ученикам устанавливались льготные нормы выработки, обучающим выплачивалось вознаграждение.

В соответствии с Постановлением секретариата ВЦСПС от 7 июля 1941 г. «Об оказании помощи домохозяйкам и служащим, пришедшим на производство, а также неквалифицированным рабочим и работницам в приобретении производственной квалификации»[25] большое внимание уделялось производственно-техническому обучению женщин. Широкое распространение получили различные курсы и стахановские школы, где работники наряду с теорией знакомились с правильной организацией рабочего места, наиболее рациональным использованием станков и инструмента, осваивали стахановские методы труда, проходили инструктаж по технике безопасности. При Курганском мясокомбинате в сентябре 1941 г. действовали четыре стахановские школы, где обучались 86 человек. Одной из школ руководил П. С. Шемонаев — мастер-стахановец, награжденный значком «Отличник мясной и молочной промышленности»[26].

В начальный период Великой Отечественной войны на подготовке рабочей силы негативно сказывались сокращение числа опытных рабочих, способных вести обучение, недостаток учебных и наглядных пособий, программ по теоретическому и практическому обучению и т. д. Не хватало мест для прохождения практики, приспособленных помещений и технических кабинетов для занятий, общежитий для курсантов[27]. Следствием этого являлось невыполнение планов по подготовке кадров. К примеру, при Троицком мясоконсервном комбинате за восемь месяцев 1941 г. вместо 268 человек подготовили всего 62. При рассмотрении на бюро обкома ВКП(б) 8 октября 1941 г. вопроса «О работе Троицкого мясоконсервного комбината» было вынесено решение в течение одной недели организовать на комбинате курсы без отрыва от производства по подготовке работников массовых квалификаций и одновременно создать стахановские школы[28].

Впоследствии работа по обучению кадров шла организованно, планомерно. Государственный комитет обороны и СНК СССР утверждали годовые и квартальные планы подготовки и переподготовки рабочих по отраслям экономики. Начиная с 1942 г. советское правительство стало выделять средства на эти цели. Управление легкой промышленности области в 1943–1945 гг. значительно перевыполняло спущенные наркоматом планы. Например, в 1944 г. через школы техминимума, индивидуально-бригадное обучение, стахановские школы были подготовлены 1659 человек вместо запланированных 750 (то есть 221,2 % к плану)[29].

Согласно распоряжению НКЛП РСФСР от 14 октября 1943 г. с ноября был организован учебный пункт республиканского учебного комбината по подготовке и повышению квалификации младшего и среднего административно-технического персонала предприятий системы обллегпрома.

На основании распоряжений СНК РСФСР от 15 сентября и 21 октября 1944 г. и постановления бюро обкома ВКП(б) от 30 ноября 1944 г. при Челябинской № 2 и Магнитогорской № 1 обувных фабриках, Магнитогорской швейной фабрике № 1, Троицком шорно-фурнитурном комбинате, Златоустовской швейной фабрике, Воздвиженском стеклозаводе в конце 1944 — начале 1945 г. были учреждены школы ФЗУ. В 1945 г. количество обучаю-

щихся в них составляло 288 человек. Основной контингент составляли воспитанники детдомов, подростки из детских приемников. Ученики обеспечивались бесплатным трехразовым питанием, обмундированием, зарплатой (75 руб.), с ними проводилась систематическая политико-воспитательная и культурно-массовая работа. При Магнитогорской, Златоустовской швейных фабриках школам ФЗУ были найдены отдельные помещения. Для производственного обучения выделялись лучшие мастера, для теоретического закреплялись люди с высшим образованием. Но не везде положение школ было благополучным. На Воздвиженском стеклозаводе, Челябинской обувной фабрике № 2 общежития находились в антисанитарном состоянии, не был организован досуг учащихся. Похожие примеры, как позитивные, так и негативные, встречались и на других предприятиях Челябинской области, Советского Союза в целом[30].

В 1943 г. в соответствии с Приказом НКЛП СССР № 384 от 2 августа 1943 г. от группы предприятий легкой индустрии (Троицкого шорно-фурнитурного комбината, Магнитогорских обувных фабрик № 1 и 2, Челябинских обувных фабрик № 1 и 2, Троицкого кожзавода) направили десять человек на обучение в Киевский технологический институт кожевенно-обувной промышленности, располагавшийся в то время в г. Первоуральске Свердловской области[31]. В пищевой индустрии инженеров-технологов молочной промышленности готовил эвакуированный в село Чаша Ленинградский институт молочной промышленности, в котором в 1942/43 учебном году обучались 325 человек (из них 308 женщин)[32].

Формами повышения квалификации являлись обмен опытом между предприятиями области и иных регионов, отраслевые совещания актива работников, участие в технических конференциях. К примеру, приказом начальника УЛП А. И. Баранова от 24 февраля 1944 г. диспетчера Челябинской обувной фабрики № 2 З. И. Моряшеву командировали в г. Кузнецк на обувную фабрику для обмена опытом[33].

Следует заметить, что в 1944 г. ГКО неоднократно (18 апреля, 9 мая, 21 октября) издавал распоряжения об освобождении от призыва в Красную армию студентов вузов и техникумов НКЛП и Наркомтекстиля СССР[34]. Это говорит о повышении внимания руководства страны к вопросам подготовки кадров для легкой индустрии.

Таким образом, в условиях Великой Отечественной войны вынужденно изменились формы подготовки кадров, была налажена система обучения и переподготовки. Организация индивидуально-бригадного обучения, стахановских школ, курсов техминимума, школ ФЗУ приняла массовый характер. При этом в период перестройки промышленности на военные рельсы главной заботой была организация первичного обучения молодых рабочих, а затем делался больший упор на повышение профессионального уровня рабочих. Эвакуация вузов на Урал создала возможность для подготовки высококвалифицированных кадров. Потребность фронта в обмундировании и обуви способствовала открытию школ ФЗУ при крупных обувных и швейных фабриках области. Наиболее широкий масштаб подготовки имел место в легкой индустрии: именно для нее выделялось больше денежных средств, шире были возможности обучения (так как туда входили отрасли, наиболее необходимые для армии и войны — швейная, кожевенно-обувная), тогда

как в пищевой промышленности обучение ограничивалось в основном краткосрочными курсами.

Примечания

[1] Документы мужества и героизма. Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны : док. и материалы. Уфа, 1980. С. 38 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 142. Л. 104 об. ; Д. 263. Л. 18, 124.

[2] Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1», папка № 2 «Эхо прошедшей войны».

[3] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 107. Л. 22, 23.

[4] Цит. по: Аблина Н. А. Поклонимся великим тем годам. Троицк, 2005. С. 105, 106.

[5] Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945 : сб. док. и материалов. Челябинск, 1981. С. 26, 27, 65 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 92. Л. 3 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 36. Л. 10 ; Сборник указов, постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 386 ; Челябинская область в Великой Отечественной войне : крат. хроника. Челябинск, 1975. С. 41.

[6] Вперед. 1942, 15 янв., 19 февр. ; Женское лицо победы. Челябинск, 2001. С. 76 ; ОГАЧО. Ф. П-179. Оп. 2. Д. 66 а. Л. 43 ; Ф. П-234. Оп. 19. Д. 60. Л. 43 ; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 69. Л. 35 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 23. Л. 234 ; Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 221. Л. 19 ; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов. Челябинск, 1981. С. 26, 27.

[7] ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 73.

[8] Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1», папка № 1. Л. 49, 60 ; ОГАЧО. Ф. П-225. Оп. 4. Д. 4. Л. 47 ; Ф. П-288. Оп. 4. Д. 176. Л. 88 ; Д. 224. Л. 72 ; Оп. 6. Д. 140. Л. 126.

[9] Цит. по: Известия. 1941. 30 июля.

[10] Летопись свершений: хроника Челябинского областного органа КПСС. 1883–1985 : в 2 кн. Кн. 1. Челябинск, 1987. С. 250.

[11] ОГАЧО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.

[12] Там же. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 88. Л. 72 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 31. Л. 76 ; Д. 36. Л. 1.

[13] Там же. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 185. Л. 155, 156 ; Ф. П-288. Оп. 8. Д. 260. Л. 18, 19.

[14] Там же. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 185. Л. 155, 156 ; Ф. П-288. Оп. 8. Д. 379. Л. 59.

[15] Там же. Ф. П-234. Оп. 19. Д. 60. Л. 42 ; Ф. П-288. Оп. 7. Д. 368. Л. 3, 3 об.

[16] Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1», папка № 1. Л. 49, 52, 55, 57 ; папка № 2 «Эхо прошедшей войны».

[17] ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 43. Л. 117, 129.

[18] Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 36. Л. 122 ; Д. 52. Л. 28 ; Оп. 8. Д. 88. Л. 72.

[19] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 224. Л. 101 об.

[20] Там же. Оп. 3. Д. 34. Л. 72 ; Д. 138. Л. 89 ; Д. 371. Л. 119–120 ; Д. 383. Л. 213 ; Д. 387. Л. 130 ; Д. 392. Л. 142, 142 об. ; Д. 409. Л. 40 ; Оп. 4. Д. 107. Л. 86 ; Д. 138. Л. 89 ; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 59. Л. 10, 11 ; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87. Л. 2 ; Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 272. Л. 6, 166, 166 об.

[21] Там же. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 260. Л. 21 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 45. Л. 67, 68 ; Д. 52. Л. 31, 32.

[22] Правда. 1941. 20 нояб.

[23] Подсчитано автором по материалам ОГАЧО: Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 73–75 ; Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 33. Л. 75 об. ; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.

[24] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 16 т. Т. 3: 1941–1952 годы. М., 1968. С. 68, 69.

[25] Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — 1945 г.) : док. и материалы. М., 1970. С. 327.

[26] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 166. Л. 89, 90.

[27] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 141. Л. 85 ; Ф. П-297. Оп. 2. Д. 626. Л. 430 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 36. Л. 198 ; Д. 38. Л. 73–75 ; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 68. Л. 51 ; Сборник указов,

постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 387 ; Урал — фронту. М., 1985. С. 164–171.

[28] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 101. Л. 4 об., 5, 5 об.

[29] Там же. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 45. Л. 75.

[30] Там же. Ф. П-1439. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 37. Л. 66, 115 ; Д. 45. Л. 75, 76 ; Д. 48. Л. 54, 104 ; Д. 52. Л. 40, 43 ; Павленко В. Д., Павленко Г. К. Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинская область в 1941–1945 гг. Челябинск, 2005. С. 85, 86 ; Родионов С. Е. Школы ФЗУ — кузница новых производственных кадров // Легкая промышленность. 1943. № 5. С. 6–8.

[31] ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 37. Л. 66.

[32] Там же. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 34. Л. 54 об.

[33] Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 79. Л. 73 ; Оп. 8. Д. 63. Л. 17 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 43. Л. 43, 63.

[34] Архивы России: портал. URL: www.rusarchives.ru.

А. В. Буданов

Карабашский медеплавильный завод в 1941–1945 годах: кадровый потенциал и антикризисное управление

Анализируются производственные проблемы Государственного союзного Карабашского медеплавильного завода в 1941–1945 гг. Описываются основные методы антикризисного управления в условиях мобилизационной плановой советской экономики. Руководство предприятия в годы войны стремилось рационализировать производственный процесс, адаптировать оборудование к работе в условиях дефицита ресурсов, решало кадровые проблемы, изыскивало местные ресурсы.

Ключевые слова: *мобилизационная экономика, антикризисное управление, медеплавильное производство, война*.

Медеплавильный завод в Карабаше был основан в 1910 г. при участии акционерного англо-американского капитала (Л. А. Уркарт, будущий американский президент Г. Гувер, Д. Морган) как передовое в техническом отношении предприятие с ватержакетной плавкой и отражательной печью (с 1916)[1]. В период индустриализации модернизация производства была направлена на электрификацию (в город провели линию электропередачи от ЧГРЭС), внедрение передовых технологических процессов: в 1931–1933 гг. была построена обогатительная фабрика и т. д.[2] В марте 1941 г. инженеры Гипромедьруды П. Л. Тове и Б. А. Ширяев внедряли на обогатительной фабрике схему прямой селективной флотации с получением медного, цинкового и пиритного концентратов, из них и отвальных хвостов извлекали золото и серебро[3]. Основные цеха и заводоуправление на ул. Освобождения Урала, 27, занимали около 47 га. На правах цеха работала узкоколейная (914 мм) железная дорога Карабаш — Кыштым с перевалочной базой в Кыштыме и центральным складом в Карабаше, которую не успели перестроить на стандартную ширину пути[4].

Первой производственной проблемой, вызванной войной, стал призыв на фронт 882 работников завода. Многие, имея бронь, все же по патриотическим соображениям уходили в армию. На их место набирали молодежь и женщин, часто без опыта и квалификации. Это стало причиной роста производственного травматизма. Для решения проблемы 6 ноября 1941 г. директор завода издал приказ об обязательном обучении трудящихся на

курсах техники безопасности, а от начальников цехов потребовал ежемесячно отчитываться о проведенных конкретных мероприятиях по охране труда с обсуждением их на производственных совещаниях в цехах. Были организованы обучающие курсы с применением методов бригадного и индивидуального ученичества, стахановские школы. Всего обучили 553 работника, в том числе 212 женщин[5]. Комсомол организовал обучение 38 девушек рабочим профессиям[6].

На фронт ушли многие опытные специалисты-производственники и управленцы. Например, руководители: горного цеха — Г. В. Микерин, службы пути — М. Н. Дзисяк, конвертерного отделения — К. И. Бочкарев, приема материалов — В. А. Иванов, исследовательской группы — В. И. Богарь, вскрышных работ — Н. Т. Акимов; а также заместитель главного энергетика М. Г. Теплицкий, начальник смены обогатительной фабрики Н. Ф. Павлов, конструктор А. Б. Харченко, мастер отражательного отделения Ш. А. Мамедов, заместитель начальника обогатительной фабрики Я. А. Рубинчик, сменный диспетчер завода М. И. Курчавов, инженер-исследователь Н. Г. Продан, старший электрик обогатительной фабрики Г. И. Фурасов, заместитель механика медьцеха М. З. Левин, инженер железнодорожного цеха Ф. К. Ерошкин и др.[7]

Однако заводу повезло с руководителем. 24 августа 1940 г. предприятие возглавил бывший народный комиссар цветной металлургии СССР 38-летний Александр Иванович Самохвалов. Он имел опыт комсомольский и партийной работы (член ВКП(б) с 1920 г.) в Саратове, Средней Азии, на Урале[8]. В 1933 г. окончил Ленинградский металлургический институт по специальности «инженер-электрометаллург» и сделал карьеру на Волховском алюминиевом заводе. После войны А. И. Самохвалов вернулся в Москву, где работал в системе Министерства цветной металлургии начальником Главмеди, Главалюминия, а с 1954 и до кончины в 1956 г. был министром цветной металлургии Казахской СССР. Он отлично понимал проблемы отрасли и специфику советской экономики.

Главным инженером завода 8 августа 1939 г. приказом наркомата № 495 был назначен инженер-металлург 32-летний П. В. Бурдуков (выпускник Томского технологического института). Главным механиком завода с 5 октября 1939 г. и весь период войны был И. С. Реунов (выпускник 1935 г. Донецкого индустриального института по специальности «инженер-механик»). Среднеарифметический возраст руководителей цехов и функциональных отделов составлял в 1941 г. 31 год[9]. Около 50 инженерно-технических работников были с высшим образованием, чуть больше — со средним специальным, более сотни были практиками. Энергия молодости и знания позволяли им осуществлять антикризисное управление в те годы.

Социальные связи директора А. И. Самохвалова в наркомате позволили направить по распределению на завод молодых образованных специалистов (с окладом 350–500 руб.). В центральную лабораторию направили химиков-аналитиков Е. М. Башкирова и Е. Б. Королева; из Московского института цветных металлов и золота прибыли в Карабаш Е. А. Грушанина (осталась работать плановиком при экономисте обогатительной фабрики); Г. А. Корзун и А. К. Немчинов, которые, не выдержав работы у печей, предпочли уйти в армию. Прибывали эвакуированные специалисты: например,

начальником финансового отдела стал И. Б. Гольдман, из Киева прибыл химик-аналитик С. И. Полей, 24 февраля 1942 г. заместителем директора стал выпускник Хозяйственной академии Г. В. Иноземцев (бывший заместитель Самохвалова на Волховском заводе) и т. д. В 1941 г. на руководящую работу было выдвинуто 18 местных специалистов: например, А. В. Рогозин сменил убывшего в армию торфмейстера Г. И. Игнатьева. Начальник конвертерного отделения Н. С. Федоров стал (приказом Главмеди № 15 от 11 августа 1941 г.) начальником металлургического цеха, а его должность занял К. К. Бочкарев; мастер электроцеха В. М. Миклин возглавил этот цех; начальник шлаковозного отделения М. В. Филаретов возглавил железнодорожный цех, старший электрик обогатительной фабрики А.Ф. Холоденин стал заместителем главного энергетика, мастер вагонного депо А. Н. Шуколюков — начальником депо, а коннорабочий Е. А. Мыларщиков — начальником конного двора[10]. Все же численность инженерно-технических работников сократилась с 252 до 223 человек.

В советской экономике для решения проблем с обеспечением трудовой силой изначально практиковались методы внеэкономического принуждения. Уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., директор завода А. И. Самохвалов подписал приказ № 36 об отмене графика отпусков для руководящих работников (заменялись денежной компенсацией) и усилении охраны завода. 26 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», который разрешал обязательные сверхурочные работы. 26 июня 1941 г. приказом № 37 была увеличена продолжительность рабочего времени в основных цехах завода до 8 часов на вредных производствах у печей, до 11–12 часов — для остальных профессий[11]. Для подростков с 16 лет сверхурочные работы могли продолжаться не более двух часов. Эти нормы не распространялись на беременных женщин и кормящих грудью в течение первых шести месяцев. Оплачивались сверхурочные работы в полуторном размере.

Директор завода понимал, что в экстремальных условиях военного режима работы нагрузка на руководящий состав возрастет: сверхурочные работы, новые правила секретности и т. д. Например, 30 июня были отменены диспетчерские извещения по громкоговорителям, информация для сотрудников сообщалась на планерках главного инженера в 16:00. Чтобы стимулировать руководителей, директор стал назначать 10-процентные надбавки к окладам для ответственных работников. Например, с 1 июля 1941 г. — инженеру обогатителю Н. Ф. Павлову, начальнику шлакового отделения Б. Я. Бессонову, а старшему мастеру паровозного депо В. Д. Калачеву — в августе и т. д.[12]

На производственной партийно-технической конференции 16–17 марта 1942 г. решили максимально использовать потенциал рационализаторской работы, которую проводили под лозунгом: «Поменьше требовать от государства, побольше давать государству». Многие работники отказывались даже от вознаграждений за сделанные рацпредложения. На обогатительной фабрике за этот период войны было собрано 46 предложений, из которых реализовали 12 с годовой экономией 94 тыс. руб.: были найдены заменители дефицитных в военное время материалов (известью заменили соду и цианплав при флотации), что позволило отключить машины «Форенволь-

да», потреблявшие много электроэнергии, отказаться от текстропных ремней и подшипников. Это ценное предложение никто не стал оформлять как авторское. Бескорыстное отношение к этой работе считалось долгом и нормой, и когда начальник фабрики А. Я. Шайденко получил премию в размере 1500 руб. за внедрение нового пробоотборника и 800 руб. за улучшение работы моторов на машинах «Форенвольда», это вызвало возмущение инициативных работников, ранее отказавшихся от вознаграждения. Активисты написали критическую статью в газету «Челябинский рабочий» и жалобу в вышестоящие партийные организации, указав, что эти меры уже применялись на Кировоградском медеплавильном заводе[13]. Весной 1942 г. начальника обогатительной фабрики заменили на техника-обогатителя А. Д. Лаптева, который вместе с коллегами предложил частично заменить дефицитный ксантат газогенераторной смолой (отход производства Кыштымского завода) для тяжелых руд на ⅕, а для легких — на ⅓. В медеплавильном цехе рационализаторы исследовали возможность подсушки медных концентратов вращающейся горизонтальной печью, подбирали заменители магнезитового кирпича для печей, силикатов, асбестовой набивки, кокса, проволочных электродов, прорезиненных деталей, спецодежды и т. д. В паросиловом цехе рационализаторские предложения были направлены на экономию электричества, замену угля торфом, борьбу с засорением котлов[14].

А. И. Самохвалов стремился максимально подготовить производство к функционированию в кризисных условиях: отремонтировать оборудование для работы при экстремальной смене режимов от простоя до максимума. Летом под руководством начальника обогатительной фабрики А. Я. Шайденко осуществлялся монтаж аэролифтных машин. На заводе штукатурили и белили стены, ремонтировалась пиритная фабрика, осваивались методы снижения влажности медного концентрата для экономии мазута, ремонтировались нефтепроводы к отражательной печи[15]. Уже 27 июня 1941 г. согласно приказу директора № 171 начались работы по экономии энергии и подготовке к зиме: начальникам и механикам цехов наказывалось с 1 июля приступить к ремонту и изоляции паропроводов; начальнику силового цеха Г. И. Соннову — начать перевод отопления предприятия на торф и ремонт магистральных паропроводов; начальнику проектно-сметного отдела В. Ф. Алексееву поручалось разработать проект реконструкции топки котла Бабкока — Вилькокса № 4 для сжигания торфа; руководителю ремонтно-строительного цеха М. П. Семиколенных — к 1 августа закончить кладку борова и фундамента для установки экономайзера; главному энергетику завода М. М. Сушкову — проверить рациональность использования пара потребителями. Производились остекление цехов, ремонт входных дверей, отопительных систем, крыш, душевых, бани, уборных, прочищалась канализация. На известковом и кварцевом карьерах ремонтировались водостоки, воздухопроводы, подъемники, строились дощатые тоннели. В сентябре начался ремонт грейферного экскаватора. При этом А. И. Самохвалов строго следил за исполнением своих приказов. Например, 8 августа 1941 г. он издал приказ № 194 о вычете из оклада главного механика завода И. С. Реунов по 200 руб. в течение трех месяцев с угрозой отдать его под суд, а механику медеплавильного цеха А. И. Богомолову был сделан выговор за то, что один из трех компрессоров сжатого воздуха, необходимых для

очистительных работ при ремонте отражательной печи, не работал, а «Чикаго Пневматик» выдавал меньшую мощность, что обнуляло прежние усилия стахановцев. Проблему исправили через 11 дней, и санкции с руководителей сняли. В августе под контролем местного отделения пожарной охраны НКВД были проведены противопожарные мероприятия: силами силового цеха отремонтированы электропроводка и пожарная сигнализация; убран хлам из помещений; в цехах установлены кадки с водой и песком, шанцевый инструмент; смонтирован пожарный гидрант на водопроводе; в утеплении вакуумных труб опилки заменили на шлак; в механическом цехе начался монтаж внутреннего пожарного водопровода. Во Втором Южном поселке, на лесопильном заводе, кыштымской перевалочной базе началось строительство пожарных водоемов емкостью до 100 куб. м. Для стимулирования лучших караулов постовой и противопожарной служб их стали награждать переходящими красными знаменами[16].

Как опытный руководитель с государственным мышлением А. И. Самохвалов понимал, что в годы войны промышленность Урала столкнется с энергетическим кризисом, так как дефицит электричества наблюдался уже в последние годы индустриализации. Например, весной 1941 г., еще до начала войны, заводу не хватало лимитов на электроэнергию. На заводе была своя турбина с генератором, способным вырабатывать около 1000 кВт, которые были своевременно отремонтированы в апреле 1941 г.[17] Для работы генератора требовался уголь, который поступал с Челябинских копей, из Караганды и Сибири (кузнецкий, кольчугинский и анжерский угли)[18]. Чтобы не тратить ценный уголь на отопление, директор А. И. Самохвалов, предвидя проблему, еще в 1940 г. принял решение добывать торф на местных болотах. За 1941 г. трудом 84 рабочих было добыто 10 097,9 т качественного сухого торфа. В 1941 г. предприятию удалось увеличить производство собственной электрической энергии до 6 млн 318,5 тыс. кВт·ч (в 2,2 раза больше, чем в 1940 г.). Кризис электроснабжения начался в конце 1941 г., и завод успел получить от Челябэнерго 37 млн 533 тыс. кВт·ч электроэнергии (для сравнения: в 1940 г. — 47 млн 693 тыс. кВт·ч). Частично разницу удалось компенсировать за счет экономии 5 млн 755 тыс. кВт·ч на освещении предприятия, уменьшении холостой работы двигателей, сокращении расходов на бытовые и коммунальные нужды. При этом на заводе была организована механическая обработка деталей для минометного вооружения, что потребовало дополнительно 89 тыс. кВт·ч электрической энергии[19].

Благодаря принятым мерам в 1941 г. заводу удалось не только сохранить объемы производства, но даже перевыполнить план выплавки черновой меди в объеме 19 172,731 т (план — 17 500 т, но 87 % к отчету 1940 г.). Содержание серебра в продукции составило 26 516,5 кг вместо запланированных 25 120 кг. По золоту план не выполнили (3732,6 кг вместо 3816 кг), как и по медному концентрату (47 693,1 т при плане 56 500 т). Объем производства товарной продукции составил 156 млн 878 тыс. руб. (план — 153 млн 388 тыс. руб.), валовой продукции в сравнимых ценах 1926–1927 гг. — 17 млн 273 тыс. руб. при плане 16 млн 63 тыс. руб. Собственной электроэнергии было произведено больше на 157 %. Мобилизация и эмоциональный порыв работников предприятия привели к повышению производительности труда на одного рабочего в среднем на 18,7 % при общем

сокращении численности рабочих до 1949 человек, что экономило фонд заработной платы. Все это позволило снизить коммерческую себестоимость производства одной тонны черновой меди на 5,4 % — до 3074 руб. 50 коп. при плане 3250 руб. Удалось также снизить себестоимость грамма золота, содержащегося в черновой меди, до 12 руб. 73 коп. при плане 14 руб. 35 коп., а серебра — на 7,8 коп. при плане — 8,806 коп. Сокращение добычи руды в шахтах привело к простоям обогатительной фабрики, что повысило себестоимость медного концентрата[20]. В целом производственный год удалось завершить относительно успешно.

Понимая необходимость стимулирования коллектива завода к самоотверженному труду, А. И. Самохвалов приказом № 247 от 31 декабря 1941 г. материально поощрил 78 отличившихся работников предприятия премиями от 150 руб. (грузчикам железнодорожного цеха Ф. Е. Костину и А. И. Чуфракову) до 2000 руб. (главному инженеру завода П. В. Бурдукову). Например, старший флотатор Г. Г. Щербаков и старший измельчитель обогатительной фабрики С. М. Вахрушев, старший мастер пути А. П. Костин и машинист паровоза В. С. Коврижных, слесаря механического цеха А. И. Наумов, А. Л. Логинов и В. В. Орехов и другие получили премию в размере 200 руб.; токари механического цеха В. П. Шаманаев, А. И. Пичугов, П. И. Пермикин, Н. И. Суслов, электрик медьцеха П. Л. Шипулин, старший горновой ватержакетов М. Т. Серезеев, машинист электровоза А. Машевская, старший загрузчик отражательной печи Г. Шарипов, мастер отражательной печи А. Крюков, загрузчик ватержакета А. Л. Радыгин и другие — 300 руб. По 400 руб. премии получили: заместитель главного энергетика А. Ф. Холоденин, начальник вагонного депо А. Н. Шуколюков, начальник кыштымской базы П. В. Ходаков и др. Начальники ватержакетного (В. Д. Бурданов) и конвертерного (К. К. Бочкарев) отделений, силового цеха Г. И. Соннов, ремонтно-строительного цеха М. П. Семиколенных и другие получили по 500 руб.; начальник медеплавильного цеха Н. С. Федоров — 800 руб., главный бухгалтер завода А. А. Галицкий — 1000 руб., заместитель директора завода Н. Ф. Лясковский — 1600 руб.; 21 работнику вынесли благодарность с занесением в трудовую книжку[21].

С конца 1941 г. в Челябинской области стали вступать в строй эвакуированные предприятия, число которых в итоге достигло 329[22]. Подключение к энергосистеме эвакуированных предприятий и увеличение объемов производства на оборонных заводах вынуждали Челябэнерго отключать от сети других потребителей[23], например электрифицированные производства Карабашского медьзавода и рудников. На шахтах Северного и Южного карабашских рудоуправлений (до 12 августа 1957 г. не подчинялись заводу) резко снизилась добыча медной руды, так как электроэнергия требовалась для подъемников, компрессоров, перфораторов и внутришахтных электролокомотивов. Подаваемого тока часто хватало лишь для работы водоотка-чивающих насосов, которые спасали шахты от затопления грунтовыми водами. На заводе металлургическое оборудование также зависело от электрических насосов, компрессоров, двигателей. Имелись аккумуляторы, но они не были рассчитаны на длительные отключения. Эту проблему понимали в Главмеди и до 5 августа 1942 г. не могли окончательно утвердить годовой план Карабашского завода.

В январе 1942 г. из-за отсутствия электроэнергии простаивала обогатительная фабрика, производящая медные концентраты для отражательной печи. Эта печь разжигалась мазутом, которого в январе завод не получил. В феврале снабжение возобновилось, и отражательная печь с ватержакетом с 12 по 19 февраля выплавляли до 80 т черновой меди в сутки. В марте резко снизились запасы кокса и руды для ватержакетной плавки, и вместо большого ватержакета № 1 запустили малый № 2[24]. Местные шахты поставили на завод в 1942 г. только 235 987 т медной руды. Для решения проблемы на заводе и в Главмеди решили использовать имевшиеся в системе Вторчермета запасы медного лома, стружки и пыли, которые стали переплавлять на большом ватержакете. Для ватержакетов Главмедь также разрешило использовать накопившиеся в медеплавильном цехе очистки и метод полупиритной плавки с расходом кокса до 9 % шихты, но иногда кокс вынужденно заменяли углем до 10 % объема. В конце марта закончился мазут, что привело к остановке отражательной печи. В апреле работа стабилизировалась — за месяц было выплавлено 1546 т. В мае ватержакет переплавил имевшиеся запасы сырья и вновь был остановлен, но к этому времени удалось накопить концентрат и мазут для запуска отражательной печи, а уже к 5 августа начались серьезные проблемы с электроснабжением, и выплавка меди была остановлена. Простои из-за отсутствия электричества начались на заводских карьерах: известковый не работал в первом полугодии около 42 суток (здесь добывали и обжигали известь для обогатительной фабрики), кварцевый — 42 дня (производил флюс для отражательной печи). Это деморализовало многих из 176 работников карьеров: к маю количество стахановцев снизилось до 11, ударников — до 38 человек[25].

В сентябре появился лимит на электроэнергию, и на заводе запустили обогатительную фабрику и отражательную печь благодаря использованию устаревшей технологии разбрызгивания мазута в печи с помощью пара форсунками Доброхотова — Казанцева и вентилятора «Сирокко» мощность лишь 50 кВт, что позволило остановить компрессор «Броун-Бовери» с мотором мощностью 450 кВт и сократить расход электроэнергии с 500 кВт·ч до 60–70 кВт·ч. Однако печь в начале октября была остановлена, так как быстро исчерпала запасы концентрата с обогатительной фабрики и мазута, который при паровом методе впрыска расходовался в больших объемах. Оставшийся лимит от Челябэнерго позволил задуть малый ватержакет № 2, который мог работать на менее мощной воздуходувке «Парсонс». Однако упругость дутья этого агрегата не превышала 120 мм ртутного столба, что привело к снижению до 63,35 т проплав шихты на 1 кв. м сечения в области фурм, а воздуходувки «Егерь» позволяли проплавлять более 90 т. Все же в начале ноября завод еще выплавлял в среднем 9,8 т в сутки, но 13 ноября 1942 г. медеплавильное производство было полностью остановлено, рабочих отправили на торфозаготовки, лесозаготовки, другие предприятия[26].

На остановку завода повлияло также и сокращение численности персонала. Зимой 1941/42 гг. на торфоразработках из-за отсутствия физически крепкой рабочей силы и транспорта болото не забросали слоем снега, и оно промерзло[27]. Это привело к тому, что даже к 15 мая 1942 г. добывать торф было невозможно, но с 1941 г. на торфе работал заводской электрогенера-

тор. В июле на болото срочно направили 409 из 1727 промышленных рабочих завода, в том числе 283 женщины. Но время было потеряно, и запасов до осени сделали меньше. К тому же в 1942 г. у предприятия не хватило ресурсов для постройки железнодорожной ветки с 914-мм колеей на торфоразработки Пиявочного болота, чтобы облегчить его доставку[28]. В результате в ноябре 1942 г. торф для генератора израсходовали.

Значительный вклад в поддержание производства в 1942 г. внесли стахановцы-«двухсотники», способные в два раза перевыполнять нормы и концентрировать трудовые усилия в условиях нестабильной работы: например, кузнец горного цеха М. М. Куренов, слесарь П. И. Ахмин, каменщик И. П. Миронов и электросварщик С. Я. Костин из медеплавильного цеха, землекоп Я. И. Фиклистов, коннорабочие И. Е. Сорокопудов и К. Собиров, литейщик механического цеха Д. Н. Щербаков. Стахановцы обучили 217 рабочих в 58 организованных школах. Стахановцев числилось около 1000, но из-за сокращения штатов их осталось 36,1 %. Ударников было около 647 (23,6 %)[29]. Из-за ухода кадровых рабочих на фронт средняя производительность труда в 1942 г. снизилась до 6618 руб. валовой продукции на рабочего (80 % к плану и 78,4 % к уровню 1941 г.)[30]. Производительность труда мобилизованных для помощи заводу заключенных из 3-й исправительно-трудовой колонии (начальник Дураков) составляла 30 % от нормы. К лету 1942 г. 32 заключенных работали на кварцевом карьере, 19 — на известковом, 24 — на железной дороге, 149 — на торфоразработках, 6 — в коммунальном хозяйстве[31]. Руководство завода продолжало использовать потенциал рационализаторского движения для преодоления кризисных явлений. Это принесло заводу в 1942 г. экономию в 538 тыс. 823 руб. (для сравнения: на северных рудниках — 800 тыс. руб., на южных шахтах — 81 тыс. 750 руб.)[32].

Все же в 1942 г. заводу удалось добиться следующих показателей: черновой меди было выплавлено 10 631,6 т (68,6 % от плана и 55,4 % к показателям 1941 г.); золота в продуктах металлургии содержалось 981,6 кг (52 % от плана), серебра — 9338,4 кг (46,8 %); условного 15-процентного медного концентрата произвели 18 833,4 т (52 % от плана и 45,7 % к 1941 г.).

Простои 1942 г. руководство использовало для ремонта и модернизации оборудования. Это была грамотная антикризисная мера. Например, в конвертерном отделении были построены новые газоходы, соединяющие пылевую камеру конвертеров, а также отражательную печь с заводом газового мышьяка, была смонтирована установка для грануляции конвертерного шлака, капитально отремонтированы дренажная канава для стока грануляционных вод и конвертер № 3, мостовые краны; произведен капитальный ремонт ватержакета № 1, где смонтированы шахта и шатер печи, кожух горна, отремонтированы газоходы. На обогатительной фабрике отремонтировали эксцентрик дробилки «Мак-Кули», на дробилке Саймонса № 4 сменили футеровку конусов, починили ленточный транспортер, заменили футеровку барабанов стержневой и шаровой мельниц и т. д.[33] Из-за отсутствия ресурсов пришлось отказаться от строительных проектов, неактуальных в тех условиях: расширения обогатительной фабрики, создания цеха розлива меди, постройки шлакопропиточного завода, перевода железной дороги Карабаш — Кыштым на стандартную колею, чтобы не перекладывать грузы на кыштымской перевалочной базе[34].

Показательно, что в структуре завода с конца 1941 г. функционировал специальный цех, получавший необходимые ресурсы: электроэнергию, инструмент, станочное оборудование, был обеспечен молодыми кадрами. Здесь обрабатывались заготовки деталей для минометов БМ-13 («Катюш»). Первоначально спеццех возглавлял главный механик завода И. С. Реунов, с 30 декабря 1942 г. — 32-летний инженер-электромеханик В. А. Тархов (выпускник Ленинградского горного института), который ранее руководил механическим цехом. Заместителем начальника спеццеха по кадрам была партийная активистка А. А. Перфильева. В конце 1941 г. в цехе трудились 115 человек, к июлю 1942 г. — 225, в июне 1943 г. — 424. Спеццех в марте 1943 г. был даже переведен на трехсменную работу. Здесь трудилось много комсомольцев, например токари Майна Бобкова, Коля Носенко, Зина Киселева, Маруся Лисицина, выполнявшие нормы на 200–250 %. Даже в кризисном 1942 г. работники цеха регулярно перевыполняли план — в среднем на 116 %, а на 300 % — токари М. И. Ткачев и А. П. Ежов, на 265 % — сверловщик И. Т. Пыхов. В результате приказом директора завода № 11 от 15 января 1943 г. за выпуск боеприпасов в 1942 г. были премированы: заместитель директора по боеприпасам Н. Н. Хомяков — на 1000 руб., И. С. Реунов — на 450 руб., технолог цеха и военпред В. П. Шуколюков — на 300 руб., мастера смены Г. В. Гарин и И. Г. Архипов — на 250 руб., механик цеха В. П. Субботин — на 250 руб. Однако и ответственность здесь была выше. Например, в декабре 1942 г. предали суду на основании Указа от 26 июня 1941 г. слесаря С. Д. Баландина за прогул, рабочую Т. Г. Кайгородову — за нарушение трудовой дисциплины. 5 марта 1943 г. директор завода объявил руководству цеха выговор за выпуск бракованной партии деталей № 26-а, а в случае повторных инцидентов обещал отдать под суд[35]. В итоге, стараясь вернуть авторитет, В. А. Тархов и В. П. Шуколюков в апреле 1943 г. внедрили новые способы обработки деталей, что повысило производительность на 150 %. За это 29-летнего Шуколюкова 27 мая 1943 г. приняли в партию, а в июле 1945 г. он возглавил механический цех завода. В этом подразделении можно было получить и высокую награду. Коммунисты З. Н. Короленко и А. И. Нефедов за отличную работу были награждены правительством и наркоматом, а токарю И. Г. Архипову в облисполкоме вручили орден[36].

Рационализаторам цеха удалось в 1943 г. сэкономить 144 800 кВт·ч электроэнергии методом сокращения времени холостых оборотов станков. В 1944 г. механик В. П. Субботин предложил совмещать некоторые операции по обработке детали на одном станке с высвобождением другого станка, что давало экономию в 17 150 руб., 10 040 кВт·ч электроэнергии и 8640 механо-часов работы станка в год. Начальники техснаба В. Г. Коробейников и спеццеха В. А. Тархов предложили безтарную отправку деталей, что давало годовую экономию в 141 265 руб. и 34 050 человеко-часов рабочей силы, 340 кубометров лесоматериалов и 3080 кг гвоздей[37]. Всего в цехе изготовили деталей № 25-а; в 1941 г. — 12 123 шт., в 1942 г. — 66 621 (план — 56 500), в 1943 г. — 51 086 (75,7 % от плана и 76,7 % от уровня 1942 г.), в 1944 г. — 67 469 шт. (103,8 %); деталей № 26-а: с начала выпуска в 1942 г. — 32 728 шт. (план — 30 500), в 1943 г. — 31 064 (90 % от плана), в 1944 г. — 46 991 шт. (117,5 %). Спад в 1943 г. обусловливался отсутствием

в начале года заготовки для детали № 25-а в течение 72 суток, для детали № 26-а — 44 суток. Ликвидировать отставание не удалось даже после внедрения в октябре 1943 г. поточной системы обработки деталей, которая позволила высвободить до 70 рабочих, сократив их число до 324 человек. Новые методы производства позволили в 1944 г. снизить на 2 руб. себестоимость детали № 26-а (до 36 руб. 75 коп.). Для детали № 25-а опять не поступала заготовка, что привело к непроизводительным расходам на зарплату, и себестоимость детали выросла до 84 руб. 57 коп (план — 76 руб. 50 коп.)[38]. При этом план 1944 г. цех все равно выполнил[39]. 1 января 1945 г. спеццех был введен в состав механического цеха.

В августе 1942 г., предвидя неизбежную остановку завода, наркомат перевел А. И. Самохвалова на Балхашский медеплавильный завод, который он сделал «лучшим металлургическим заводом цветной металлургии СССР», обладателем премий (до 300 тыс. руб.) и переходящих красных знамен[40]

23 сентября 1942 г. директором завода приказом Наркомцветмета № 207/к был назначен Николай Никитович Чекасин (1889–1963) с месячным окладом в 2000 руб. и надбавкой за выслугу лет в 680 руб. Это был опытный руководитель металлургических заводов Среднего Урала: возглавлял Никельстрой и Никелевый завод в Верхнем Уфалее, был директором Актюбинского завода ферросплавов в Казахстане и Сталинского алюминиевого завода. После войны работал начальником Айдербакского никелевого рудника[41].

Новый руководитель должен был восстановить работу завода. 31 декабря 1942 г. ГКО СССР приказал довести производство меди до довоенного уровня и даже увеличить его. С 1 января предполагалось запустить Карабашский завод и довести ежесуточную выплавку меди до 57 т. Эту задачу в Москве А. И. Микоян обсуждал с руководителем Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличевым. В итоге 14 января 1943 г. Н. Н. Чекасин подписал приказ № 10, который требовал с 15 января начать производство и выплавить в первом квартале 1600 т меди. Начальнику медеплавильного цеха Н. С. Федорову поручалось начать разогрев ватержакета № 3 и запустить один конвертер, а А. Д. Лаптеву — задействовать в работе одну секцию обогатительной фабрики, начальнику силового цеха Г. И. Соннову — на полную мощность запустить заводской электрогенератор при поступлении 70 т угля. На работу вызывались рабочие и служащие обоего пола, а также руководители всех подразделений.

Все же для запуска завода требовались материальные ресурсы: поставки электроэнергии, руд, мазута, угля. Завод стал получать кузнецкий и карагандинский уголь, кокс, мазут, но не сразу. Необходимая электроэнергия была поставлена лишь 8 февраля. Однако после пуска долго простаивавшего оборудования предсказуемо начались многочисленные аварии и поломки. На обогатительной фабрике после полугодового бездействия стали выходить из строя дробилки и трубопроводы. В итоге 15 февраля Челябэнерго отключило завод от электричества, так как лимит не был использован. Между ведущими инженерами начались споры о схеме работы завода: начальник медеплавильного цеха Н. С. Федоров предложил включить обогатительную фабрику с отражательной печью, другие инженеры, например В. Д. Бурданов, считали целесообразнее раздуть ватержакет. Для запуска большого ватержакета требовалась воздуходувка «Егерь» с высоким потреблением

электроэнергии, а для отражательный печи — подготовленное сырье. Споры привели к потере времени. В итоге бывший главный энергетик завода, а в 1943 г. — парторг горкома ВКП(б) М. М. Сушков на закрытом собрании парторганизации медьзавода 16 февраля 1943 г. принял волевое решение о первоочередном запуске ватержакета № 3. Для этого он просил руководителей Северо-Карабашского (А. В. Коваженков) и Южно-Карабашского (С. Г. Вечеркин) рудоуправлений отбирать на шахтах руду ватержакетного класса[42]. Федорова перевели на должность парторга завода, а его место занял Бурданов.

Пуск завода состоялся 17 февраля 1943 г., когда ватержакет № 3 выплавил первую медь. 26 апреля 1943 г. была запущена отражательная печь. Однако из-за кризисных явлений в поставках руды и энергии оборудование в 1943–1944 гг. работало с большими перебоями. Электричество часто подавалось со сбоями и меньше лимита в 3200 кВт·ч. Внезапные отключения вызывали аварии и поломки оборудования. Например, 8 марта 1943 г. вышла из строя воздуходувка конвертерного дутья «Ревелл» № 2; 24 ноября 1943 г. внезапное отключение электричества со стороны ЧРГЭС привело к аварии — разливу жидкой меди из конвертера № 4 на фурмы[43]. Ватержакет № 3 в 1943 г. функционировал до 17 сентября, но производительно использовался лишь 23,7 % времени, так как вместо 33 тыс. т руды шахты поставили 15 140 т. Ватержакет перевели в резерв и разогрели малый конвертер № 2, который также проработал 19,6 % времени[44]. В 1944 г. также работали в основном один ватержакет и конвертер, преимущественно с апреля по ноябрь. Ватержакеты плавили неподходящие для них материалы: «мелочь», пиритную руду, медный концентрат, кеки для отражательной печи. Это вело к экономическим потерям: перерасходу условного топлива на 1 т твердой шихты в 57,3 кг при плане 40 кг. Только в 1944 г. кокса перерасходовали 3875 т. Неполная загрузка печей привела к повышению содержания меди до 99,07 %. В те годы были серьезные проблемы с поставками руды, особенно в зимние месяцы. В ноябре 1943 г. на шахте «Центральная» случилась авария, и поставки руды снизились до 267 т в сутки. Для сокращения горячих простоев печей руководство приняло решение перерабатывать отвалы, лом цветных металлов, а также половья и шлак с Кыштымского медеэлектролитного завода. Всего в 1943 г. завод получил 245 809 т медного сырья, в том числе: 799 т джезказганской руды и 4132 т привозных полуфабрикатов (вторсырье и пр.), остальное было получено с местных рудников[45]. В 1944 г. местные шахты добыли 227 285 т руды при плане 385 тыс. т (до 50 % руды составляла «мелочь»)[46]. Имели место проблемы с доставкой руды из шахт и материалов из Кыштыма, так как вагоны и паровозы железнодорожного цеха часто ломались, иногда до трети состава требовало ремонта. Еще большие проблемы были с использованием более технологичной обогатительной фабрики и отражательной печи. В 1943 г. обогатительная фабрика работала 24,4 % календарного времени. Внезапные отключения электричества зимой приводили к поломкам гидроагрегатов фабрики: замерзанию сгустителей, зумпфы, контактных баков, водопроводов, пульпопроводов. В июне ее остановили на ремонт.

Отражательную печь запустили 26 апреля 1943 г., и за год она отработала 178 суток (51 % времени). Однако из-за неполной загрузки печь зря

расходовала часть мазута, а в 1944 г. через 14 суток работы вышла из строя. Работа печей при неполной загрузке только в 1943 г. привела к перерасходу электроэнергии на 2278 тыс. кВт·ч, кокса — на 9 тыс. т, мазута — на 461,8 т, что повышало себестоимость меди. Однако у неполной загрузки печей проявилось одно положительное последствие — содержание металла в черновой меди было выше, чем в первосортной (99,08 %). Понизить себестоимость меди до 3432 руб. 64 коп. за т (план — 3500 руб.) удалось за счет экономии флюсов из-за проблем с их добычей на кварцевом карьере, но это было нарушением технологического режима, что способствовало износу печей и повышению процента меди в отвалах[47].

Из-за начала капитального ремонта отражательной печи и перебоев с электроснабжением обогатительная фабрика (начальником стал Г. Д. Байдерин) проработала в 1944 г. 22,6 % времени и была остановлена. Оборудование фабрики износилось, но запчастей (например шаров для измельчителей руды) не было, не хватало флотомасла, которое заменяли вязким древесно-спиртовым маслом Ашинского завода, ухудшавшим флотацию. Простои фабрики и кризисный режим функционирования ватержакетов снизили процент содержания благородных металлов в черновой меди: в 1943 г. золота произвели 878,7 кг, в 1944 г. — 561,7 кг (62,4 % от плана); серебра — соответственно 8335 и 5916 кг (65,7 %). Производство меди также находилось на низком уровне: в 1943 г. — 7967 т, в 1944 г. — 7014 т (88,4 % от плана). Снижались и объемы валовой продукции (в ценах 1926–1927 гг.): в 1942 г. — 11 млн 405 тыс. руб., в 1943 г. — 8 млн 709 тыс. руб., в 1944 г. — 8 млн 398 тыс. руб.[48] Успехом 1944 г. стало достижение максимума в торфодобыче — 23 115 т (115,5 % плана, 134,2 % уровня 1943 г.). На торфяное отопление полностью перевели топки котла Бобкоак — Вилькокса силового цеха[49].

Однако производственные проблемы были объективными: ни замена главного инженера в марте 1944 г. на Д. С. Кравцова, ни решение бюро Челябинского обкома ВКП(б) «О мерах подъема медно-рудной и медеплавильной промышленности Челябинской области» от 19 августа 1944 г. не могли изменить ситуацию к лучшему. Более того, Советское государство в лице Главмеди систематически изымало с завода финансовые ресурсы: в 1943 г. со счета было снято 2 млн руб., что сократило прибыль завода до 11 млн 948 тыс. руб. при плане 13 млн 761 тыс. руб. В 1944 г. в бюджет и на капитальное строительство было перечислено 6 млн 305 тыс. руб., а прибыль снизилась до 812 тыс. руб.[50] Это было очередным проявлением мобилизационной экономики и вкладом завода в Победу.

Из-за исчерпания запасов материалов и запчастей простои оборудования в 1943–1944 гг. нельзя было полностью использовать для проведения ремонтов. Для восстановления изношенной отражательной печи не было динасового кирпича, для ремонта конвертеров — магнезитового кирпича, капитальный ремонт ватержакета № 1 задерживался из-за отсутствия талькового камня для футеровки горна. Проблемы со снабжением заставили руководство даже просить переподчинить снабжение завода свердловской конторе Медьпродснаба.

Для стимулирования работников перед пуском завода советская власть применила репрессивный метод. Работников закрепили для постоянной

работы в цехах Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1943 г. № 7/160 «О распространении на рабочих и служащих предприятий Главмеди Наркомцветмета Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года "Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий"». Оставление работы объявлялось дезертирством и каралось вплоть до предания суду военного трибунала. Н. Н. Чекасин информировал работников об этом факте приказом от 18 января 1943 г.[51] Однако эта мера не остановила текучесть кадров: в 1943 г. с завода по разным причинам выбыли 1273 человека, в том числе 475 — за нарушение дисциплины; в 1944 г. — 972 сотрудника, в том числе 316 — самовольно. Ужесточение дисциплины до возобновления работы завода привело к тому, что многие переведенные на другие предприятия или уехавшие в сельскохозяйственные районы работники не спешили возвращаться в Карабаш. Карательные меры помогали слабо: только в январе 1943 г. было 47 случаев нарушения этого указа, а семь человек были преданы суду военного трибунала[52]. Многие уже не боялись наказаний, так как жили в тяжелых условиях и воровали дрова из вагонов, ремни в цехах, продукты и хлеб в магазинах Медьпродснаба. мае 1943 г. директор завода даже был вынужден установить вахтерскую охрану в магазинах № 5, 8, 12, 13, 18 и 24[53]. В итоге до лета 1943 г. не хватало работников для грязной и тяжелой работы на карьерах, торфяном болоте: там требовалось 790 рабочих, а было — 123, причем многие из них были женами красноармейцев. Для решения проблемы опять привлекли заключенных. В декабре 1943 г. их было 193, в том числе 42 человека работали на торфоразработках, 95 — на железной дороге, 56 — в карьерах. Однако производительность их труда была низкой, а колонии нужно было платить (долг завода по этой статье в декабре 1943 г. составлял около 140 тыс. руб.)[54]. Мобилизовали узбеков из Средней Азии. В апреле 1943 г. начальник отдела кадров И. Ф. Полянский был командирован в Уксянский район Курганской области с заданием решить вопрос с перевозкой мобилизованных рабочих[55]. В сентябре 1943 г. заместитель наркома Д. Т. Десятников не отпустил в Москву девятерых выпускников Карабашской школы ФЗО № 9, ранее эвакуированных на Урал, призвав их до конца войны трудиться в Карабаше[56]. Всего в 1943 г. было мобилизовано из других регионов 396 рабочих, местных — 80 человек.

Для привлечения рабочих надо было улучшать систему снабжения. В столовых завода плохо кормили. Заместитель директора завода по вопросам снабжения Г. В. Иноземцев в феврале 1943 г. принял решение послать гужевой транспорт — пять лошадей (так как не было бензина для машин) — для вывозки 7 т капустного листа, 40 т картофеля из подсобного хозяйства в совхозе «Аргази», но этого могло хватить примерно на месяц. В Челябинск послали четыре повозки для вывоза 3 т мучных изделий. Проблема сохранялась и в 1944 г., когда начальник Медьпродснаба № 1 Н. А. Липунов отмечал, что даже летом вместо основных групп продовольствия, таких как мясо, рыба, животное масло, используются яичный порошок, меланж, а из-за недостатка топлива овощи из совхоза «Аргази» подвозятся нерегулярно. О том же говорил начальник Медьпродснаба № 2 рудоуправления И. А. Саруль[57].

Все же к маю 1943 г. удалось повысить численность работников до 2669 человек (91,4 % от плановой цифры). Однако квалификация рабочих снизилась: в 1940 г. рабочих 1, 2 и 3-го разрядов было 30 %, а в 1943 г. — 49,8 %; квалифицированных в 1940 г. — 64 %, а в 1943 г. — 50,1 %. Около 45 % составляли женщины. Свыше 400 детей работниц получали дополнительное питание в детских садах, на них выдавалась мануфактура, действовали летние лагеря. Низкая квалификация приводила к росту аварий, травматизма и несчастных случаев. Инженеры, техники, стахановцы обучали работников на различных курсах, где повысили квалификацию: в 1943 г. — 871 человек, в том числе 430 женщин; в 1944 г. — 705; 142 работника повысили разряд. В итоге количество не выполняющих нормы выработки сократилось до 12,9 %. Рабочих переводили на сдельную оплату для стимулирования труда (число сдельщиков колебалось от 900 до 1200 человек в год), но в условиях простоев эта форма оплаты труда уменьшала средний заработок с 400 руб. до 350 руб., что снижало мотивацию трудящихся[58].

Чтобы стимулировать людей партийный комитет поручил председателю заводского комитета профсоюза Г. Д. Байдерину развернуть социалистическое соревнование, в которое вовлекли до 70 % рабочих. Проводились конкурсы лучших в профессии, создавались фронтовые бригады, поощрялось рационализаторство. За 1943 г. поступило 138 рацпредложений, из которых 93 было принято и дало годовую экономию в 996 476 руб. Например, исследовательская группа обогатительной фабрики разработала процедуру замены флотомасла канифольно-мыльной эмульсией. В 1944 г. было уже 286 предложений и 182 рационализатора, а приоритетами рационализаторской работы было решение кадровых проблем, что позволило сэкономить 226 810 человеко-часов, механизировать станки, решить проблемы с гужевым транспортом, сэкономить 765 т условного топлива, 699 тыс. кВт·ч электроэнергии, 8,8 т цветных и 49,5 т черных металлов[59].

Кадровым ядром предприятия были стахановцы, число которых в 1943–1944 гг. составляло около 1000 человек, ударников — около 700[60]. Лучшими стахановцами были: фурмовщик П. Слободчиков, старший флотатор А. Н. Вагина, бригадир флотаторов А. С. Умняев, старший дробильщик С. В. Шмаков, слесари Н. П. Вагин, И. Е. Ветлужских, П. Ф. Зайцев, И. Ф. Кривошеев, Н. Р. Масленников и А. Г. Савельев, монтажник С. Г. Бегутов, старший конвертерщик М. И. Сысков, забойщик И. С. Власов, проходчик А. Д. Глухов, шофер Г. Н. Брагин, торфоразработчица А. Н. Балашова, токарь спеццеха Ю. Ф. Юрьев и др. Стахановцам выдавали дополнительные талоны на хлеб, второе горячее блюдо в столовой, дрова и т. д.[61] В рудоуправлении в 1943–1944 гг. отлично проявил себя бурильщик-«трехсотник» шахты им. Ворошилова Северо-Карабашского рудоуправления кандидат в партию Ф. М. Колотушкин. В 1943 г. он установил рекорд производительности — 1350 %, а в 1944 г., работая одновременно на двух перфораторах (ручном и телескопическом), отбил 17 тыс. т руды.

На заводе в 1944 г. удалось полностью решить проблему обеспеченности инженерно-техническим составом за счет повышения заработной платы с 1 августа 1944 г. (в соответствии с приказом наркома П. Ф. Ломако № 317). Начальники цехов и их заместители стали получать 1100–1400 руб. в месяц; мастера, механики, начальники участков — 750–850 руб., руководители

лабораторий, старшие бухгалтера — 500–750 руб. и т. д. Месячный фонд зарплаты увеличился на 12,5 тыс. руб.[62]

Н. Н. Чекасин выполнил задачу восстановления медеплавильного производства, и в наркомате приняли решение о смене руководства завода. В середине января 1945 г. новым директором стал Константин Александрович Кибалин — опытный 57-летний руководитель, инженер-металлург (выпускник Сибирского технологического института с опытом руководящей работы на Средне-Уральском медеплавильном заводе в Ревде). В марте 1945 г. главным инженером был назначен 43-летний Л. А. Алексеев (выпускник Московского института цветных металлов и золота с опытом работы на Кировоградском медеплавильном заводе)[63].

К 1945 г. ситуация с энергоснабжением начала улучшаться. С марта карабашскому кусту предприятий увеличили лимит поставок электроэнергии на 12 тыс. кВт·ч в сутки. На апрель было намечено увеличение лимита с 7 до 7,5 мВт·ч[64]. С декабря 1944 г. на завод стало поступать новое оборудование: Машиноимпорт поставил стержневую мельницу «Кеннеди» за 176 376 руб. 35 коп., а Станкоимпорт — токарно-винторезный станок за 19 505 руб.[65] В апреле 1945 г. по указанию наркомата начались работы по улучшению охраны труда и промсанитарии. В цехах начался капитальный ремонт окон, полов, бани и душевых, газоходов; устанавливались решетки на бункерах, вытяжки, светильники, титаны с горячей водой для чая и т. д. В мае началась постройка пионерских лагерей для детей рабочих. Все больше внимания стало уделяться решению бытовых проблем. С января по май были отремонтированы 83 квартиры, в том числе у 36 семей военнослужащих и 9 инвалидов войны. В феврале 1945 г. на заводе работал 41 инвалид войны: 15 человек в медеплавильном цехе, 15 — в заводоуправлении и т. д. Завод выдавал им дрова, торф, майки, туфли, платья, костюмы, брюки, рубашки и т. д. Совет народных комиссаров РСФСР Постановлением от 16 апреля 1945 г. № 245 потребовал от предприятий помогать семьям фронтовиков и устраивать их на работу. В Карабаше к этой категории относились 2107 человек, из них на предприятии трудились 458, однако 193 человека трудоспособного возраста не желали поступать на завод, так как получали помощь. Завод помогал демобилизованным из армии карабашцам: им подыскивали жилье, ремонтировали дома, выдавали дрова, одежду, обувь в соответствии с нормами закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии от 23 июня 1945 г., утвержденного 12-й сессией Верховного Совета СССР[66].

Весной производственная ситуация улучшилась. Если в первом квартале выплавили 1579 т черновой меди при плане 2450 т, то уже во втором квартале план перевыполнили до 2119 т вместо 2000 т. Руды в первом квартале было обогащено 24 806 т, во втором — 54 491 т.[67] Надежды весны 1945 г. воодушевляли людей: с января по май было всего 11 прогулов и 17 опозданий[68]. Однако силы работников были истощены, и после завершения войны число прогулов вновь достигло около 30 в месяц[69]. В итоге годовой план 1945 г. был выполнен лишь на 82 %. Проявился износ оборудования: в июле наводнение разрушило обветшавшую Серебрянскую плотину, гидросооружения на Богородском озере и заводском пруду. В результате серьезно пострадали часть железной дороги, оборудование кварцевого

карьера, линии электропередачи, здания пожарной охраны и т. д. Восстановительные работы только летом потребовали около 700 тыс. руб.[70] Окончательно мобилизационный режим труда на заводе был снят 1 октября 1945 г. в соответствии с Постановлением СНК СССР от 2 сентября 1945 г. № 2271 и Приказом Наркомата цветной металлургии СССР от 8 сентября 1945 г. № 370, которые восстанавливали обычный режим труда и отменяли сверхурочные работы[71]. Начался период послевоенного восстановления производства.

В работе Карабашского медеплавильного завода в годы Великой Отечественной войны можно выделить три этапа: 1) мобилизация резервов для сохранения производства (июнь 1941 г. — август 1942 г.); 2) исчерпание ресурсов, кризис и остановка предприятия (август 1942 г. — февраль 1943 г.); 3) медленное восстановление (с февраля 1943 г.).

Завод испытал кризисные явления, вызванные советской системой перераспределения экономических ресурсов от гражданских предприятий к оборонным для достижения победы в войне. Карабашским предприятиям не хватало электрической энергии, что привело к резкому снижению добычи сырья и падению объемов выплавки меди. Не меньшей проблемой стало сокращение поставок топлива (мазут, уголь). Война истощала трудовые ресурсы завода: с 3093 человек в мае 1941 г. до 2270 в мае 1945 г. Численность рабочих упала до 1643 (включая 86 заключенных), инженеров и техников — до 196. В итоге объем выплавки черновой меди с 1940 по 1945 г. сократился более чем в три раза — с 22042,1 т до 6754,7 т. Объем валовой продукции (в сравнимых ценах 1926–1927 гг.) снизился с 20 млн 950 тыс. руб. в 1940 г. до 8 млн 398 тыс. на 1 января 1945 г. Объемы товарной продукции снизились соответственно с 167 млн 131 тыс. руб. до 37 млн 528 тыс. руб. Руководство завода осуществляло антикризисное управление, которое позволило сохранить производство и основные средства завода, сократившиеся не катастрофично — с 39 млн 437 тыс. в начале 1941 г. до 37 млн 243 тыс. руб. на 1 января 1945 г.[72]

Примечания

[1] Мишанин И. А. Акционирование Кыштымского горного округа в 1900–1918 гг. Челябинск : Изд-во ЧГАКиИ, 2004. С. 40–41.

[2] Буданов А. В. Индустриализация // Карабаш. Карабашский городской округ : энциклопедия / ред.-изд. совет: М. Д. Дзугаев и др. ; сост.: А. В. Буданов, Т. В. Суцепина, В. А. Черноземцев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. С. 107–108.

[3] ОГАЧО. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

[4] Там же. Д. 73. Л. 2, 3.

[5] Там же. Д. 39 Л. 83, 91; Д. 55. Л. 1.

[6] Буданов А. В. Социальный состав и деятельность комсомольской организации Карабаша в 1940–1941 годах // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост. науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 228–229.

[7] ОГАЧО. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 39 Л. 60, 96 ; Д. 50. Л. 37, 108–109 ; Д. 50. Л. 37.

[8] Мазур Г. М. Самохвалов Александр Иванович // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. С. 745.

[9] ОГАЧО. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 226. Л. 2–14.

[10] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 39 Л. 62, 67 ; Д. 53. Л. 10 ; Д. 55. Л. 2.

[11] Карабаш. Страницы истории / авт. и сост. В. Н. Новоселов ; отв. сост. Л. П. Корженец. Челябинск : Книга, 2005. С. 182–185.

[12] ОГАЧО. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 39 Л. 59, 61, 62, 67.
[13] Там же. Д. 79. Л. 33.
[14] Там же. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–7.
[15] Там же. Д. 178. Л. 49.
[16] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 39 Л. 55–58, 68–69, 70–77, 79–80, 95.
[17] Там же. Д. 44. Л. 15.
[18] Там же. Д. 39 Л. 54.
[19] Там же. Д. 49. Л. 37
[20] Там же. Л. 11, 21, 22, 23об.
[21] Там же. Д. 39 Л. 97–98.
[22] Путь к Победе: Эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / редкол.: Н. А. Антипин и др. СПб. : Первый ИПХ, 2020. С. 11.
[23] Агарышев П. Г. Работа партийных организаций по рационализации труда на топливно-энергетических предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны // Деятельность партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Перм. ун-т, 1981. С. 50.
[24] ОГАЧО. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 61. Л. 68 об.
[25] Там же. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 183. Л. 43.
[26] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 61. Л. 68 об., 70, 72 об.
[27] Там же. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 183. Л. 44.
[28] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.
[29] Там же. Д. 58. Л. 121–122.
[30] Там же. Д. 61. Л. 80.
[31] Там же. Д. 63. Л. 1 об — 8.
[32] Там же. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 170. Л. 18.
[33] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 61. Л. 50 об., 71–73.
[34] Там же. Д. 62. Л. 1 об.
[35] Там же. Д. 64. Л. 9, 45.
[36] Там же. Д. 54. Л. 1, 1 об., 114.
[37] Там же. Д. 80. Л. 27.
[38] Там же. Д. 61. Л. 50 об., Д. 74. Л. 46, Л. 55.
[39] Там же. Д. 80. Л. 18.
[40] Там же. Д. 69. Л. 1.
[41] Анфилофьева С. Н., Черных В. А. Чекасин Николай Никитович // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. С. 153.
[42] ОГАЧО. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 187. Л. 12, 16, 17.
[43] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.
[44] Там же. Д. 64. Л. 46.
[45] Там же. Д. 74. Л. 49–50.
[46] Там же. Д. 80. Л. 20.
[47] Там же. Д. 74. Л. 47–48, 54 об.
[48] Там же. Л. 28 ; Д. 81. Л. 20.
[49] Там же. Д. 80. Л. 18–22.
[50] Там же. Д. 74. Л. 60 ; Д. 80. Л. 34.
[51] Там же. Д. 64. Л. 11, 60.
[52] Там же. Д. 74. Л. 56 об.
[53] Там же. Д. 40. Л. 23.
[54] Там же. Ф. П-443. Оп. 1. Д. 187. Л. 15, 17.
[55] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 64. Л. 65.
[56] Там же. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 177. Л. 2.
[57] Там же. Д. 170. Л. 27 об.
[58] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 74. Л. 56–57.
[59] Там же. Д. 80. Л. 26–31.
[60] Там же. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 170. Л. 15.

[61] ОГАЧО. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 58. Л. 90 об. ; Д. 80. Л. 18–27.
[62] Там же. Д. 57. Л. 139–149.
[63] Там же. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 226. Л. 2.
[64] Там же. Д. 258. Л. 1.
[65] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 89. Л. 23.
[66] Там же. Д. 86. Л. 9–11, 24 ; Д. 83. Л. 2, 7, 18, 22, 40.
[67] Там же. Д. 77. Л. 14, 18, 20, 23.
[68] Там же. Д. 45. Л. 20.
[69] Там же. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 226. Л. 8, 24.
[70] Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 89. Л. 22, 23.
[71] Там же. Д. 86. Л. 35.
[72] Там же. Д. 49. Л. 11, 21 ; Д. 81. Л. 5, 9, 20.

Н. Н. Ивлев

Деятельность финансово-экономических техникумов Наркомата финансов СССР на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны

Освещается работа системы средних специальных учебных заведений, подведомственных Народному комиссариату финансов СССР (НКФ СССР) в годы Великой Отечественной войны на территории Южного Урала, вопросы набора абитуриентов и распределения выпускников. Доказано, что накануне Великой Отечественной войны система образовательных учреждений НКФ СССР находилась в процессе становления, а начавшаяся война привела к глубочайшему ее кризису. Наладить работу учреждений смогли только после 1943 г., но основную нагрузку по выпуску финансовых специалистов продолжали нести курсы подготовки и переподготовки кадров, подведомственные областным финансовым отделам.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, СССР, финансы, финансовое образование, учебные заведения, подготовка кадров.*

Актуальность темы определяется значением финансовой сферы в обеспечении устойчивого и динамичного развития экономики. Важное значение имеет изучение советского периода истории России, экономических ресурсов государства и общества в период серьезнейших испытаний Великой Отечественной войной. Важнейшим элементом достижения победы было формирование эффективной системы мобилизации и подготовки кадров для решения сверхэкстремальных задач, связанных с выживанием государства и общества.

Научный аспект актуальности темы определяется важностью изучения деятельности финансовой системы и финансовых институтов для взвешенного и полного понимания советской экономики и государственного строя в целом.

Концепция «кадры решают все» — а точнее, «профессиональные и высокообразованные кадры» — является ключевым фактором достижения успеха в модернизации и преодолении сложных социально-экономических и военных кризисов. Необходимо детальное изучение опыта государственного управления в годы Великой Отечественной войны, которая была опаснейшим и тяжелейшим кризисом в нашей истории и одновременно вели-

чайшим подвигом нашего народа и государства. Ключевой задачей России на современном этапе является динамичное развитие экономики, а для этого необходим эффективный и ответственный финансовый сектор, работа которого зависит не от технических характеристик и производственных мощностей, а от профессионализма сотрудников. Как ни совершенствуй техническую оснащенность, без опытных и высокопрофессиональных кадров добиться положительного результата невозможно.

Цель статьи — изучение опыта функционирования средних специальных образовательных учреждений Наркомата финансов в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на актуальность, практическую и теоретическую важность изучения финансовой сферы, она остается одной из самых неизученных в комплексе историко-экономических исследований.

Описать историографию вопроса практически невозможно. Во-первых, из-за отсутствия специальных исследовательских работ, а во-вторых, из-за невнимания к этой тематике в рамках комплексных исследований по экономической и социальной истории Советского государства в годы Великой Отечественной войны. Исследования, посвященные экономическим и финансовым вопросам, не затрагивают структуру и конкретные механизмы функционирования системы финансовых органов СССР в годы войны, тем более столь прикладное направление, как подготовка финансовых специалистов. Вопросы кадрового обеспечения финансовой системы не являлись объектом исторического исследования. В работе К. Н. Плотникова подробно изучена история государственного бюджета СССР, проанализированы мероприятия, направленные на увеличение доходов и сокращение расходов, изучены процессы сохранения финансовой стабильности в годы войны[1]. В исследовании М. Л. Тамарченко советская экономика сравнивается с экономиками западных стран в период Второй Мировой войны. Раскрыты и проанализированы основные направления деятельности советской финансовой системы, но кадровый вопрос не поднимался[2]. Отдельные сведения о работе Народного комиссариата финансов СССР можно найти в воспоминаниях А. Г. Зверева[3]. В комплексе исследований, нацеленных на изучение советской системы образования в годы Великой Отечественной войны, вопросы подготовки финансовых специалистов и деятельности учебных заведений, подведомственных Наркомату финансов, не поднимаются. В поле зрения исследований находятся вопросы организации учебного процесса, профессорско-преподавательского состава, приема и выпуска студентов, освещаются вопросы, связанные с эвакуацией вузов из прифронтовых и «угрожаемых» районов[4]. Описаны достижения советской школы в организации оборонных мероприятий и научные успехи[5]. Систематизированные данные о достижениях и проблемах советской высшей школы в годы войны представлены в статьях Н. А. Сиверцевой[6] и А. В. Сперанского[7], но вопросы финансового образования не рассмотрены. Таким образом, тема функционирования образовательных учреждений Народного комиссариата финансов в годы Великой Отечественной войны является практически не изученной и нуждается в специальном исследовании.

Финансовая система Советского Союза в годы Великой Отечественной войны находилась в сложном положении. Во-первых, она была только что сформирована в рамках модели мобилизационного развития и обеспечивала

политику индустриализации, во-вторых, идеология построения коммунистического общества предусматривала отказ от денег и любых финансовых инструментов. Но реальная экономическая практика Советского Союза теории не соответствовала. Единственная реальная попытка — это «политика военного коммунизма», когда в годы Гражданской войны пытались резко-радикальными методами ликвидировать финансовые механизмы. Во все последующие этапы своего развития советская экономическая модель использовала комбинированные методы управления экономикой. Финансовый сектор активно функционировал в рамках новой экономической политики и продолжал работу по реализации программ индустриализации в 1930-е гг. Механизм смешанного управления экономикой сочетал в себе работу финансовых органов, финансовых инструментов и систему Госплана. А эффективная работа финансовой системы государства в значительной степени зависит от профессионализма и уровня образованности специалистов в области финансов.

Система финансовых органов СССР в начале Великой Отечественной войны состояла из нескольких уровней. Высшим союзным органом власти, реализующим финансовую политику, являлся Народный комиссариат финансов СССР. Ему подчинялись народные комиссариаты финансов союзных республик (на территории России — НКФ РСФСР), которые руководили деятельностью областных финансовых отделов (облфо), краевых финансовых отделов (крайфо) или НКФ автономных республик, далее следовали городские и районные финансовые отделы (горфо, райфо)[8].

В системе НКФ существовала собственная система подготовки кадров, в которую входили высшие учебные заведения и финансово-экономические техникумы. К началу 1941 г. в СССР работали шесть финансово-экономических институтов: в Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону, Казани, Иркутске и Ташкенте. Кроме них высшее финансовое образование давали московский Всесоюзный заочный финансово-экономический институт и Ленинградская финансовая академия. Всего в восьми высших учебных заведениях обучались 3315 будущих финансистов[9].

Финансово-экономические техникумы (ФЭТ) являлись основными учреждениями по подготовке специалистов районного звена. Срок обучения в ФЭТ составлял три года. Абитуриентами могли стать граждане СССР в возрасте от 15 до 25 лет, имеющие аттестат об окончании неполной средней школы. Для поступления в техникум было необходимо сдать экзамены по следующим предметам: Конституция СССР, русский язык и литература, математика и география. Выпускники средней школы, имевшие по основным предметам «отлично», принимались в ФЭТ без вступительных испытаний. Обучение было бесплатным, студенты обеспечивались стипендией. Финансово-экономические техникумы готовили инспекторов по бюджету, налогам и сборам, государственным доходам, бухгалтеров районных и городских финансовых отделов.

В начале 1941 г. среднее специальное финансовое образование в СССР давал 21 техникум, в них проходили обучение 1342 человека, из них 131 будущий специалист по бюджету, 368 инспекторов государственных доходов, 238 сотрудников налоговых отделов, 172 работника сберегательных касс, 190 финансовых контролеров-ревизоров, 132 инспектора Госплана[10].

С началом Великой Отечественной войны 16 техникумов из 21 были закрыты. В 1942 г. в той или иной степени продолжали работать следующие финансово-экономические техникумы: Якутский, Бузулукский, Дагестанский, Дальневосточный, Благовещенский, Куйбышевский, Красноярский, Шадринский, Уфимский, Омский, Казанский и Молотовский. На Южном Урале работали три ФЭТ — в Уфе, Бузулуке и Шадринске[11].

Прежде всего закрыты были те заведения, которые располагались в зоне оккупации и прифронтовой полосе. Причины их закрытия очевидны. Но и те учреждения, что располагались в глубоком тылу, оказались в очень тяжелом положении из-за эвакуации предприятий и учреждений на восток и массовой мобилизации населения. В мобилизацию попадали как преподаватели, так и студенты.

Ярким примером непростой ситуации служит судьба Шадринского финансово-экономического техникума. Он был ликвидирован, причем даты его закрытия разнятся. А. В. Сперанский в своем исследовании указывал, что техникум был закрыт в 1942 г.[12] Но из архивных документов НКФ РСФСР удалось выяснить, что он был ликвидирован в июне 1941 г., а все его помещения переданы эвакуированному в Шадринск Московскому детскому комбинату. Работа по восстановлению техникума началась в августе 1941 г. Учебный процесс шел вечером, в третью смену, в помещении общеобразовательной школы, но вскоре и эти площади были переданы военным, а преподаватели и студенты занимались на двух съемных квартирах. Обеспечить качественную подготовку специалистов в таких условиях было невозможно, но руководство и сотрудники техникума не прекращали своей работы. На трех курсах в начале 1941/42 учебного года обучался 191 студент, к концу года из техникума выбыли 90 человек, в том числе по собственному желанию — 75. По воспоминаниям преподавателей, материальное состояние ФЭТ было ужасающим: «…нет зданий, нет условий (холод, голод), студенты бегут на заводы»[13].

Постановление СНК СССР от 7 апреля 1933 г. № 675 приравнивало по нормам снабжения квалифицированных финансовых сотрудников к инженерно-техническим работникам. Но с началом Великой Отечественной войны нормы снабжения сотрудников финансовой сферы были уменьшены до норм служащих, но и те не исполнялись в полном объеме. Это объяснялось общим кризисом и мобилизацией всех средств на нужды фронта и оборонной промышленности[14].

На Южном Урале работали еще два ФЭТ. Один находился на территории Башкирской ССР, в Уфе, а второй — в Чкаловской (Оренбургской) области, в Бузулуке. Но и здесь материально-техническое положение техникумов было крайне плачевным. Они не были обеспечены ни помещениями, ни общежитиями, ни стабильным снабжением. Здание Уфимского техникума было передано эвакуированному из Ленинграда заводу телефонной аппаратуры «Красная звезда». Занятия проводились в полуподвальном помещении бывшего склада. Бузулукский ФЭТ был вынужден снимать два частных дома для проведения занятий[15].

Существенные изменения в системе финансового образования произошли в конце 1942 — 1943 г. Они коснулись условий приема абитуриентов: кроме лиц с неполным школьным образованием (семь классов) стали

принимать абитуриентов с законченным средним образованием, их без экзаменов зачисляли на второй курс.

В 1943 г. началась работа по восстановлению материальной базы учебных заведений и возврату в систему образования преподавательского состава. Разрабатывался комплекс мер по доукомплектованию педагогических коллективов: возвращались временно откомандированные на работу в промышленность и сельское хозяйство; для научно-педагогической деятельности привлекались опытные практикующие специалисты.

В том же году начался процесс демобилизации преподавателей с фронта. Стремясь не потерять опытные кадры и гарантировать их возвращение, НКФ СССР предлагал выделить дополнительно 3 млн руб. на оказание единовременной материальной помощи нуждающимся сотрудникам финансовых органов, которые возвращались на работу в финансовую систему. Материальная помощь планировалась в размерах от 1 до 2 тыс. руб. на одного человека[16].

Существенно улучшилась материально-техническая база учебных заведений НКФ СССР. Прежде всего финансово-экономическим техникумам вернули учебные площади, что было главным признаком полноценного восстановления их работы. Так, в 1943 г. была полностью восстановлена деятельность Шадринского ФЭТ, он получил здание общежития и системное снабжение, что позволило обеспечить преподавателей и студентов отапливаемыми помещениями, горячим питанием, заработными платами и стипендиями. В том же году из состава Челябинской области была выделена Курганская область, Шадринский техникум оказался на территории последней и был перенацелен на подготовку специалистов для районов Сибири и Дальнего Востока.

Довольно специфичным было положение Челябинской области в вопросе обеспеченности финансовыми специалистами. Имея в непосредственной близости от своих границ три ФЭТ, Челябинская область не могла пригласить выпускников этих образовательных учреждений. Все выпуски в первые годы Великой Отечественной войны были крайне немногочисленны и при распределении имели другую территориальную направленность.

Челябинский областной финансовый отдел старался наладить контакты с финансово-экономическими образовательными учреждениями других регионов, прежде всего Казанским финансово-экономическим институтом и Казанским финансовым техникумом. Челябинский облфо регулярно информировал эти учреждения о готовности трудоустроить их выпускников и направлял заявки на подготовку специалистов. Так, 18 декабря 1941 г. был составлен запрос в Казанский финансовый техникум на обучение 30 бухгалтеров, пяти инспекторов госдоходов, 16 инспекторов госстраха, четырех старших налоговых инспекторов и т. д., а всего на 63 специалистов[17]. Судьба этого запроса неизвестна, но положение финансовых образовательных учреждений в Казани в 1941 г. было весьма тяжелым, поэтому можно предположить, что запрос остался неисполненным. А случаи появления новых специалистов в региональных финансовых отделах были единичными. Говорить о десятках дипломированных специалистов, появившихся в годы войны в одном из областных или краевых финансовых отделов РСФСР, не приходится.

Еще одним источником специалистов на Южном Урале был Омский финансово-экономический техникум. В 1942 г. он направил в Челябинскую область двух своих выпускников[18]. Образовательные учреждения, в свою очередь, составляли запросы с просьбами найти наиболее толковых абитуриентов для будущего обучения, только количество свободных мест для области варьировалось от пяти до десяти.

Таким образом, классический подход к системе образования и структура стационарных образовательных учреждений не могли обеспечить Уральский регион и страну необходимым количеством квалифицированных сотрудников в первые, самые тяжелые военные годы. Только после провала немецкого наступления и окончания массовой эвакуации возникла возможность стабилизировать ситуацию с учебными заведениями и наладить учебный процесс. Результаты проведенных мероприятий по эвакуации учебных заведений и стабилизации их работы стали заметны после коренного перелома в войне в 1943 г. Но подготовка кадров не прекращалась и в наиболее страшные и кризисные 1941–1942 гг. Она состояла в организации курсов подготовки и переподготовки финансовых кадров на местах. Областные и краевые финансовые отделы при поддержке региональных властей (облисполкома и обкома) организовывали своими силами краткосрочные курсы, где готовили необходимых специалистов для своей работы. В первые годы войны именно система курсов, семинаров и техническая учеба без отрыва от производства стала основным источником преодоления кадрового кризиса в финансовой сфере. Данная система начала складываться в 1930-е гг., но пика своего развития и производительности достигла в годы войны, когда благодаря этой системе удалось решить проблему кадрового дефицита.

Примечания

[1] Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М. : Госфиниздат, 1955. 556 с.

[2] Тамарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М. : Финансы, 1967. 143 с.

[3] Зверев А. Г. Записки министра. М. : Политиздат, 1973. 270 с.

[4] Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М. : Высш. шк., 1980. 232 с.

[5] Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Высш. шк., 1976. 314 с.

[6] Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа // Социолог. исслед. 1994. № 3. С. 70–75.

[7] Сперанский А. В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамен войны // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2015. Т. 15, № 3 С. 33–38.

[8] Ивлев Н. Н. Деятельность финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 37. История. Вып. 36. С. 102–108.

[9] Ивлев Н. Н. Деятельность высших образовательных учреждений Наркомата финансов СССР в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2019. № 10. С. 52–56.

[10] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 26. Д. 53. Л. 39.

[11] ГАРФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 2645. Л. 164.

[12] Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Екатеринбург, 1996. С. 74.

[13] ГАРФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 2608. Л. 168.

[14] Ивлев Н. Н. Материально-техническая база финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Самар. науч. вестн. 2018. № 4 (25). С. 257–263.

[15] ГАРФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 2645. Л. 33.

[16] Там же. Л. 55.

[17] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 7. Д. 379.

[18] ГАРФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 2608. Л. 6, 10.

В. Д. Павленко[1]

Трудовые батальоны Казахстана и Средней Азии на промышленных предприятиях и стройках Урала в 1941–1945 годах

Раскрывается одна из наиболее трудных и сложных проблем военной экономики — обеспечение трудовыми кадрами промышленных предприятий и строек Урала за счет мобилизованного населения Казахстана и Средней Азии. Показаны специфика использования трудовых ресурсов, их кадровая подготовка к выполнению оборонных заданий в условиях войны, обеспечение бытовых проблем, соответствующих национальным традициям.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, оборонные предприятия, мобилизация трудовых ресурсов, бараки, система питания, чайхана, трудовой подвиг.*

Трудовые батальоны сражались там, где пули не свистели, но смерть ходила рядом.

В мае 1945 г. огромная советская страна со слезами на глазах встречала Победу. С распадом СССР в 1991 г. и образованием 15 суверенных государств многое изменилось как в мире, так и в этих образованиях. Антироссийские настроения и переписывание истории стало характерной чертой, хотя вклад в Победу был общим. К 75-летию годовщины Победы и к 80-летию начала Великой Отечественной войны диссонансом им является изучение и освещение этой победы казахскими, среднеазиатскими и российскими учеными. Но мудрая пословица гласит: «Нет суда истории, есть суд историков — и он меняется каждое десятилетие».

Великая Отечественная война внесла серьезные изменения в ряды рабочего класса. Общая численность рабочих, занятых в народном хозяйстве, сократилась в связи с мобилизацией в армию, эвакуацией промышленных предприятий на восток и оккупацией врагом важнейших экономических районов. Основной отлив кадров происходил в первые шесть месяцев войны. В ноябре 1941 г. в народном хозяйстве было занято на 11,4 млн человек меньше по сравнению с предвоенным периодом. Сокращение продолжалось и в 1942 г.

Обеспечение промышленности рабочими кадрами — одна из наиболее трудных и сложных проблем военной экономики. Война внесла глубокие коррективы в источники и формы обеспечения промышленности рабочей силой. В целях непрерывного увеличения производства, наращивания мощностей военной экономики необходимо было прибегнуть к мобилизации трудовых ресурсов, исходя из специфических условий войны.

Для покрытия потребности в рабочей силе промышленности и строительства стратегически важного региона — Урала — Свердловской областью привлекалось население из 42 областей, Челябинской — из 35, Пермской — из 24 областей, в том числе из союзных республик. В годы войны отряд рабочих Урала пополнялся и трудмобилизованными из Средней Азии и Казахстана, которые стали прибывать на Урал в конце 1941 г. Все они, как правило, были среднего и пожилого возраста, прежде работали в сфере сельского хозяйства. Военкоматы, отвечавшие за призыв и отправку мобилизованных, не обеспечивали их одеждой и питанием, объясняя, что им все выдадут на месте. В Пермской области уже в первые годы войны на предприятиях было 12 692 трудмобилизованных: узбеки, казахи, туркмены, киргизы и таджики. В 1943 г. на производственных объектах Челябинской области их трудилось свыше 35 тыс., на заводах и стройках Свердловской области — более 27 тыс., а на предприятиях и шахтах Оренбургской области — около 8 тыс. человек[2].

Большинство прибывших на Урал оказались без теплой одежды и обуви. Многие не знали русского языка и грамоты. Еще была проблема доставки. Железнодорожный транспорт страны был «забит» перевозками: эшелоны, идущие на фронт, получали зеленый свет, а на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию шли сплошным потоком эвакуированные предприятия и население занятых врагом территорий. Из Средней Азии и Казахстана мобилизованные на Урал продвигались очень медленно. Так, 200 трудмобилизованных из Ошской области Киргизии в пути до Карабашского медеплавильного завода находились 35 суток. И несмотря на отсутствие нормального питания, перегруженность вагонов, политрук Ошского облвоенкомата С. К. Харьков и медсестра Кызыл-Киинского райвоенкомата Е. А. Завхарова сохранили порядок, трудмобилизованные в полном составе прибыли на завод. Директор завода Н. Н. Чекасин за проявленную чуткость объявил благодарность Харькову и Захаровой с выдачей денежной премии в размере 300 руб. каждому, а Захаровой отдельно был выдан отрез шелка на платье[3].

В начале мая 1943 г. на предприятиях и стройках Челябинской области работали 11 700 мобилизованных из Узбекистана, из них 70 % — на строительстве Уральского автозавода, трубопрокатного и металлургического заводов в Челябинске, на Магнитострое, в тресте № 24 и т. д. Более тысячи трудмобилизованных работали на ЧТЗ, в области цветной металлургии и в угольной промышленности. Более двух тысяч мобилизованных узбеков трудились в дорстрое Южно-Уральской железной дороги[4]. Для работы на шахтах Кизеловского угольного бассейна было привлечено более 14 тыс. сельских жителей из Средней Азии. Изменился национальный состав рабочего класса Урала. Многие, приехав из Средней Азии и Казахстана, влились в ряды строителей металлургических предприятий, в бригады

шахтеров железорудных и марганцевых рудников. На строительстве Полуночного марганцевого рудника трудились рабочие 15 национальностей[5].

Среднеазиатские рабочие попали на Урале в непривычные для них климатические условия, в первую очередь узнали, что такое суровая зима. Среднемесячная температура января в Средней Азии составляет от –4 до +4 градусов, в Казахстане от –3 до –18 градусов, а на Урале она была 15–20 градусов ниже нуля. По воспоминаниям очевидцев, суровой зима была в 1941 г., в 1943 г. морозы также доходили до –40 градусов. В связи с этим Челябинский облисполком принял решение о режиме работы на открытом воздухе в холодное время года. При работе на открытом воздухе при температуре без ветра –30 градусов и при ветре в –25 градусов по Цельсию рабочим предоставлялся через каждый час работы 10-минутный перерыв для обогревания в специально устроенных или приспособленных для этих целей местах. Перерывы для обогрева включались в рабочее время. В сильные морозы, а именно при температуре воздуха без ветра –40 градусов и при ветре в –35 градусов по Цельсию работа на открытом воздухе прекращалась[6].

Несмотря на такие суровые зимы, помещения для трудмобилизованных не всегда были готовы. Заместитель начальника Челябинского облплана Б. С. Катаев в своем дневнике записал: «…перегрузка области эвакуированными предприятиями и НАСЕЛЕНИЕМ огромная, а строительство идет плохо. Необходимо было построить 80 четырехкомнатных землянок и 20 земляных общежитий. Конструкция их чрезвычайно проста. На площадке пока высятся остовы только 9 бараков. На стройке не хватает леса, стекла и в первую очередь рабочих рук»[7]. Так, на строительстве металлургического завода в Челябинске сотни людей день и ночь плели из ивняка щиты, которые устанавливались на деревянном каркасе. Пространство между ними заполнялось талой глиной, которую добывали из-под двухметрового слоя мерзлого грунта. На крыше укладывали один слой толя, затем шлак, землю и дерн. В Оренбургской области на Нефтезаводстрое для 500 посланцев Узбекистана были подготовлены 16 саманных домов, сделаны топчаны с чистой постелью, организованы баня и парикмахерская. На никелькомбинате им были предоставлены отдельные дома[8].

Не всегда руководители предприятий готовились к приему трудмобилизованных из Средней Азии. Были случаи, когда их никто не встречал, затягивались оформление на работу, выдача продовольственных карточек, спецодежды и т. д.

Можно привести и положительные примеры. Так, на Уралмашзаводе вновь прибывающих из Казахстана и Средней Азии зачастую встречали директор завода Б. Г. Музруков или парторг ЦК ВКП(б) М. Л. Медведев. После встречи и беседы прибывших оформляли на работу вне очереди, обеспечивали питанием. Все это помогало им быстрее освоиться на новых местах, овладеть незнакомыми для них специальностями, и к работе они приступали в хорошем настроении[9].

По нормам Наркомчермета СССР, в военное время на каждого рабочего в общежитиях барачного типа полагалось не менее 2,8 кв. м, но и эти скудные нормы не выдерживались. На Магнитогорском металлургическом комбинате на одного проживающего в общежитии приходилось в среднем

2,2 кв. м, в отдельных случаях по 1,3–1,5 кв. м жилой площади. Уже в середине 1944 г. на одного рабочего Магнитостроя приходилось около 2 кв. м жилой площади. На 1 мая 1945 г. 40 % магнитогорцев проживали в бараках и временных жилых постройках. Не лучше обстояло дело с жильем и на Кировском заводе. В 1942 г. более 15 тыс. рабочих размещалось в общежитиях на двухъярусных койках, 2 тыс. жили в землянках, где в среднем жилплощадь на одного человека составляла 1,8 кв. м, 863 рабочих завода жили в подвальных и полуподвальных помещениях[10].

Значительные трудности были с организацией питания трудмобилизованных. Многие руководители строек и предприятий не придавали значения особенностям среднеазиатской кухни. Так, на строительстве Орского металлургического комбината для узбеков готовили блюда из свинины, рис заменялся другими крупами, недостаточно было чая, особенно зеленого. Из-за непривычной пищи узбеки быстро доходили до состояния дистрофии. Правительство потребовало от наркомата снабжать рабочих из Средней Азии и Казахстана зеленым чаем из расчета 300 г на человека в месяц, крупу наполовину заменить рисом, а свинину — говядиной либо бараниной. В результате питание данной категории рабочих стали организовывать в столовых с привлечением национальных поваров из числа трудармейцев. Были открыты чайханы[11].

В мае 1943 г. Свердловский обком партии, рассмотрев вопрос о материально-бытовом и культурном обслуживании рабочих предприятий, прибывших из национальных республик, потребовал от местных властей в пятидневный срок проверить материально-бытовое и культурное обслуживание рабочих. Одновременно было решено принять меры по улучшению общественного питания, медицинского обслуживания, санитарного состояния общежитий, поддержания личной гигиены рабочих с учетом их национальных потребностей. Обком партии предложил усилить внимание первичных партийных организаций, завкомов профсоюзов, советов, комсомола и хозяйственных организаций к вопросам оказания помощи рабочим из национальных республик в освоении производственных специальностей. Прошло немного времени, и с мест в обком партии стала поступать информация о ремонте и переоборудовании общежитий, устройстве сушилок, радиофикации жилых помещений, об организации питания с учетом национальных особенностей и в том числе об открытии специальных заведений[12].

Ресурсы централизованного продовольственного снабжения были недостаточны. Приходилось организовывать самозаготовки. На Челябметаллургстрое была организована киргизская заготовительная контора[13]. Подобные конторы были созданы и на других промышленных объектах Урала. Они занимались закупкой риса, урюка, мяса и других продуктов. Наркомат путей сообщения разрешил начальникам Южно-Уральской и Ташкентской железных дорог организовать поезда-«вертушки», которые курсировали между Челябинском и Ташкентом. Они обслуживали как отдельные предприятия, так и целые области. В годы войны почтовые посылки были запрещены. Но с организацией поездов-«вертушек» их стало возможно получать. Рабочие-узбеки из стройуправления № 24 получили таким путем более 300 индивидуальных посылок из Средней Азии.

Важную роль в улучшении питания рабочих сыграли подсобные хозяйства. Однако низкая калорийность питания все равно оставалась серьезной проблемой. В конце 1943 г. на базе отходов деревоперерабатывающего производства открыли цех по производству гидролизных дрожжей. В определенной дозировке они добавлялись в супы, повышая их калорийность.

Но и эти меры оказались недостаточными, тем более что до 18 % рабочих прибывало на предприятия и стройки, будучи не способными к тяжелому труду. Только в 1943 г. с улучшением положения на фронтах появилась возможность у предприятий создать для ослабленных рабочих ночные санатории и профилактории. В эти годы медико-санитарные части вели серьезную борьбу с инфекционными заболеваниями.

В мае 1943 г. секретарь Челябинского обкома партии Н. С. Патоличев в телеграмме в ЦК ВКП(б) сообщал, что ожидается прибытие на предприятия области 3500 рабочих-узбеков. Он отмечал, что принимаются меры по обеспечению их местами в общежитиях, постельными принадлежностями, сушилками для одежды, камерами хранения личных вещей, медпунктами и изоляторами, выделяются культработники, знающие русский и узбекский языки. Были подготовлены к открытию национальные столовые с чайханами, посылались представители на места жительства рабочих за продуктами и музыкальными инструментами для красных уголков. Воспитательную работу обкома партии среди рабочих-узбеков он считал недостаточной из-за отсутствия опытных пропагандистов и литературы на узбекском языке.

Местные власти и руководители предприятий испытывали недостаток нужных продуктов питания: чая, сухофруктов, риса, сахара, а также тканей для белья и одежды. В целях обеспечения нормальных условий Н. С. Патоличев просил разрешить ежемесячно разбронировать 12 т сахара, выделить 1 т зеленого чая, 60 т сухофруктов, 20 т риса и отпустить единовременно 140 тыс. м бельевой хлопчатобумажной ткани и 140 тыс. м ткани для верхней одежды[14].

Не менее трудной проблемой в годы войны стало обучение национальных кадров. Незнание русского языка, отсутствие навыков работы в промышленности вынуждало на первых порах использовать их на подсобных работах. Затем открывались курсы русского языка. И только потом путем индивидуального или бригадного обучения, в техминимумах или стахановских школах они получали рабочие профессии. Так, на Магнитострое в 1943 г. из 2638 рабочих из Средней Азии и Казахстана обучили 1578 человек (59,8 %). В том числе было подготовлено 150 бетонщиков, 60 плотников, 20 слесарей и 850 землекопов. Многие из них стали бригадирами. Именно на Магнитострое возникло «рахметовское» движение, инициатором которого стал казах Каиб Рахметов. За счет рационализаторской организации труда его звено выполняло норму выработки более чем на 400 %. Изучив его метод работы, десятки бригад и звеньев выполняли производственные задания на 200–300 %. Земляки К. Рахметова в своем письме благодарили его звено за образцовую работу и присылали подарки. Всего на Магнитогорском металлургическом комбинате было подготовлены рабочие 44 специальностей. Они успешно справлялись с работой подручных каменщиков, огнеупорщиков, сварщиков и др.

Об этом свидетельствует и письмо узбеков-стахановцев с Уралмашзавода в ЦК КП(б) Узбекистана: «Мы — стахановцы гиганта тяжелой индустрии Уралмашзавода, посланцы солнечного Узбекистана. Народы Узбекистана послали нас на помощь уральским заводам, чтобы мы здесь своим честным и самоотверженным трудом ковали грозное оружие для разгрома немецко-фашистских захватчиков. В своей работе на Урале нам пришлось преодолеть много трудностей. Теперь мы уже освоили производственный процесс и работаем по-стахановски. Мы стали слесарями, токарями, формовщиками, штамповщиками и овладеваем другими профессиями. В дни решающих боев на фронтах Отечественной войны узбеки по-фронтовому сражаются на предприятии рядом с уральцами и работают по-стахановски, систематически перевыполняли производственное задание. Мы заверяем народ Узбекистана, что не покладая рук будем работать днем и ночью, чтобы дать все необходимое родной Красной армии для быстрейшего разгрома ненавистного врага. Передаем горячий привет всем нашим семьям. Пусть они не беспокоятся о нас и лучше работают для быстрейшего разгрома врага»[15].

На строительстве домны № 6, коксовой батареи № 7, шамотного цеха, мартеновских печей и других объектов на Магнитке бригады из нерусских рабочих показывали образцы самоотверженного и производительного труда. Они регулярно выполняли производственные нормы на 125–175 %. Во второй половине 1943 г. более 80 бригад, укомплектованных рабочими из Казахстана и Средней Азии, завоевали первенство в социалистическом соревновании. Многие из них удостоились правительственных наград.

Успешно осваивали новые специальности и давали высокую выработку трудмобилизованные Кировского завода. Бывший колхозник туркмен А. Джамарат как сверловщик обслуживал несколько станков и выполнял сменные задания на 150 %. Его земляк И. Антузов обслуживал четыре станка и выполнял нормы на 160 %. Туркмен К. Мамед, став рабочим, перевыполнял сменные задания в 2,5 раза. В цехах Уралмашзавода станочники Рустам Турдиев и 19-летний Асан Туктибаев выполняли нормы на 150 %. На Нижне-Салдинском заводе работали и одновременно обучались 2500 узбекских рабочих. Парход Ибрагимов вспоминал, что, когда впервые увидел молот, испугался. Потом привык, когда мастер показал, как надо смазывать, включать и выключать молот, как надо следить за ним. Впоследствии, когда машиниста не было, Парход работал за него.

На Челябинской ТЭЦ было организовано производственное обучение 800 рабочих из Средней Азии и Казахстана. Среди них было подготовлено 33,3 % арматурщиков, 27,3 % землекопов, 20,8 % такелажников, 14,6 % кровельщиков и 9,3 % монтажников[16].

Труднее решались проблемы обучения кадров из южных регионов страны на шахтах Урала. В 1943 г. на шахтах Домбаровки из мобилизованных осталось работать чуть более 41 %. Не лучшим было положение в трестах «Копейскуголь» и «Челябуголь».

Для того чтобы как-то преодолеть психологический дискомфорт у трудмобилизованных, оторванных от своего национального уклада жизни, на Урал стали доставлять литературу и газеты на их родном языке. Привозили газеты «Кзыл Узбекистан», «Кзыл Киргизстан», «Социалистический Ка-

захстан», «Правда Востока», «Советская Киргизия». Только в Свердловскую область поступало из Казахстана и Средней Азии 69 наименований газет. Челябинский обком партии в мае 1943 г. просил ЦК ВКП(б) выделить 2000 экземпляров периодической литературы на узбекском языке. Один экземпляр газеты в среднем приходился на 16–17 человек, поэтому устраивались громкие читки или газета вывешивалась на стенде. Одновременно создавались библиотеки и библиотеки-передвижки, в которых имелись книги на узбекском, туркменском, киргизском и казахском языках[17]. Среди рабочих организовывались кружки художественной самодеятельности. На Кировском заводе при чайхане работал узбекский кружок художественной самодеятельности, а в Магнитогорске их было три с охватом 55 человек. Создан был музыкальный ансамбль, инструменты для которого прислали из Средней Азии.

Большую воспитательную работу среди трудмобилизованных проводили агитаторы и пропагандисты, направленные из республик. Так, в отделе пропаганды и агитации Орского горкома партии пропагандистом был Селимов, по национальности татарин, владеющий узбекским и казахским языками, который организовывал политическую работу среди рабочих нерусской национальности. На ТЭЦ, ОСМЧ-23 и строительстве завода № 112 имелись освобожденные инструктора-узбеки, владеющие русским языком. С их помощью были подобраны агитаторы на предприятиях. На оборонном заводе организовали вечер для рабочих из Казахстана. Клуб убрали в восточном стиле: пол застелили коврами, приготовили чай по-узбекски и парторг ЦК ВКП(б) Б. С. Антонов на их родном языке рассказал об успехах коллектива завода во Всесоюзном социалистическом соревновании. Вечер закончился дружеской беседой. Рабочие-казахи внесли ряд предложений. На следующий день мастера и бригадиры отметили высокий энтузиазм у трудмобилизованных. Если в январе 1943 г. невыполняющих нормы было 49 %, то в апреле — всего 7,5 %, в соревновании участвовало в январе 30 %, в апреле — 100 %[18]. Продолжительное время работали пропагандисты и агитаторы ЦК партии союзных республик, в том числе представитель ЦК ВКП(б) Узбекистана Юсупов. Они проводили лекции, доклады и беседы на родном языке, организовывали встречи с земляками-фронтовиками. На паровозоремонтном заводе (Чкалов) с апреля по август 1943 г. было проведено 26 бесед с охватом 2235 слушателей. Прочитаны три доклада: «Дружба народов СССР в дни Великой Отечественной войны — залог нашей победы», «О текущем моменте» и «О трудовой дисциплине». На Ново-Троицкой площадке ОСМЧ-23 были выпущены две стенгазеты — на узбекском и казахском языке. Большую помощь оказывала бригада артистов Ташкентского театра[19].

Но и за два года пребывания на Урале трудмобилизованные из Казахстана и Средней Азии сыграли значительную роль в освоении и развитии военно-промышленного комплекса региона. Кроме того, на заводах Урала обучались и воспитывались кадры молодых рабочих — казахов и узбеков — для созданной в годы войны черной металлургии Казахстана и Узбекистана. На Ново-Тагильском металлургическом заводе приобрели профессии металлургов рабочие четырнадцати национальностей: казахи, узбеки, азербайджанцы, татары и др.[20]

В январе 1943 г. в Казахстане вступил в строй Актюбинский ферросплавный завод. На металлургические предприятия Урала и Сибири были направлены 200 молодых казахов, которые овладевали там специальностями сталевара, разливщика и машиниста. Из их числа комсомольцы Сулейменов, Мустафин, Коснутдинов и Марашев впоследствии стали мастерами плавки стали. Их наставниками были опытные металлурги Челябинского ферросплавного завода П. В. Грязин и С. М. Дронов, магнитогорский сталевар А. Дремлюга и ревдинский сталевар С. В. Зиновьев. Для металлургической промышленности Казахстана и Узбекистана было подготовлено 4500 квалифицированных рабочих[21].

Некоторые исследователи отмечают, что к концу 1943 г. для центральных властей стала очевидной неэффективность трудового использования данной группы трудмобилизованных. С ноября 1943 г. массовые мобилизации населения Средней Азии и Казахстана для работ за пределами республик уже не проводились. В 1944 г. по указанию СНК СССР началась общая демобилизация среднеазиатских рабочих с уральских предприятий и отправка их на места постоянного проживания. Однако такая постановка вопроса является односторонней. Для этого были и другие причины: сокращение массовых мобилизаций на фронт вследствие начала контрнаступления советских войск после Курской битвы, завершение к концу 1943 г. массового военного строительства на Урале, стабилизация рабочих кадров на предприятиях и движение по высвобождению рабочих рук, начало широкомасштабного строительства в республиках Средней Азии и Казахстана промышленных и энергетических объектов, которые сооружались особенно интенсивно. За годы войны методом народных строек в Средней Азии была сооружена 51 ГЭС.

Таким образом, трудмобилизованные из Казахстана и Средней Азии внесли достойный вклад в дело разгрома нацистской Германии. Урал стал для них не только школой выживания, но и школой трудового культурного роста, послужившими впоследствии на благо своих республик.

Примечания

[1] Владимир Денисович Павленко — сын трудармейца Д. С. Павленко, пастуха, призванного в 1943 г. в трудовую армию из дер. Лебедевка Усть-Уйского района Курганской области в г. Ревда Свердловской области. Через полгода в семью пришла похоронка.

[2] Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу. Л., 1980. С. 143–144 ; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7, Д. 153. Л. 1 ; Васильев А. Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 256 ; Якунцов И. А. Рабочий класс Урала в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1987. С. 38.

[3] Карабаш. Годы и судьбы. Челябинск, 2002. С. 98.

[4] Дьяков Ю. Л. Капитальное строительство в СССР. М., 1988. С. 69.

[5] Якунцов И. А. Указ. соч. С. 38.

[6] Географический энциклопедический словарь. М., 1983. С. 53, 188, 320, 414, 437, 444, 449, 480 ; Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов. Т. 3: 1941–1945. Челябинск, 2008. С. 327–328.

[7] Борис Катаев. Повседневность и война. Челябинский дневник 1941, 1943, 1945. СПб., 2016. С. 327–328.

[8] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 2.

[9] Васильев А. Ф. Указ. соч. С. 256.

[10] Липатов Н. П. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны. М., 1960. С. 150–151.

[11] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 1 ; Д. 653. Л. 203 ; Д. 671. С. 76, 224-а.

[12] Все для фронта! Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : док. и материалы. Свердловск, 1985. С. 299–300.

[13] Комаровский А. Н. Записки строителя. М., 1972. С. 144.

[14] Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945 : сб. док. и материалов. Челябинск, 1981. С. 177–178.

[15] Все для фронта!.. С. 124.

[16] Тыл — фронту : сб. воспоминаний, очерков, док., писем. Челябинск, 1990. С. 221 ; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 538. Л. 51.

[17] Партийная организация Челябинской области... С. 178 ; Все для фронта! С. 299–300 ; Васильев А. Ф. Указ. соч. С. 257.

[18] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 2, 8.

[19] Там же. Л. 2.

[20] Морехина Г. Г. Великая битва за металл. М., 1974. С. 157.

[21] Козыбаев М. К., Рахматуллин Б. Равнение на коммунистов. Комсомол Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1977. С. 181 ; Морехина Г. Г. Указ соч. С. 158.

Т. А. Алимбаев

Вклад молодежи Казахстана в экономику победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Рассмотрены вопросы трудового героизма молодежи Казахстана в годы Великой Отечественной войны. С первого дня войны Казахстан стал одним из арсеналов фронта. Ценой огромного напряжения сил и лишений экономика Казахстана смогла обеспечить победу СССР во Второй мировой войне, в этом большая заслуга молодежи республики. В статье раскрывается тема подготовки кадров молодежи для фабрик, заводов, шахт и промыслов, роли школ ФЗО, вклада молодых людей села в победу. В условиях войны была перестроена агитационно-пропагандистская, культурно-массовая, идейно-воспитательная работа комсомольских организаций.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Казахстан, арсенал, молодежь, кадры, промышленность, сельское хозяйство, инициативы и почины.*

На современном этапе развития в Казахстане происходят глубокие политические и социально-экономические перемены. В этих условиях одним из главных факторов успешного развития государства и его дальнейшего обновления является воспитание молодежи на героических боевых и трудовых традициях старшего поколения. В последние несколько лет тема патриотизма снова стала весьма актуальной и востребованной. В Казахстане патриотическая тематика за короткое время прошла путь от полного отрицания и забвения до новой востребованности и признания в качестве важнейшего средства воспитания современной молодежи. В настоящее время патриотическое воспитание подрастающего поколения становится еще более значимым. Богатая военная история нашего государства, и прежде всего годы минувшей войны, требуют постоянного внимания исследователей к данной проблеме.

В последние годы в связи с введением в научный оборот огромного пласта новых архивных документов возникла острая необходимость переосмыслить многие проблемы Великой Отечественной войны. За годы суровых испытаний военного периода управленческими структурами и трудовыми молодежными коллективами был накоплен многоплановый, опыт, позволявший адаптироваться в экстремальных условиях, эффективно и качественно решать сложнейшие проблемы военного времени. Лучшие тра-

диции, несомненно, заслуживают вдумчивого анализа, преемственности, и, по возможности, практического применения.

С первого дня войны Казахстан стал одним из арсеналов фронта. Это потребовало увеличения его вклада в общесоюзную экономику как в тех отраслях, которые уже имелись, так и в тех, которые пришлось создавать заново. Роль молодежи Казахстана в дни войны неизмеримо возросла. Особенно трудным был первый период, когда шла коренная ломка мирного образа жизни, его перестройка на военный лад. Но в борьбе с трудностями молодежь Казахстана мужала и закалялась. Резко изменились условия труда и задачи работников сельского хозяйства. Самым трудным оказалось решение вопроса кадров: примерно две трети общего числа казахстанцев, ушедших на фронт, были из аулов и сел. Основным источником замещения мобилизованных мужчин стали женщины и молодые люди. К окончанию войны во многих колхозах они составляли до 70–80 % всех работающих.

Уже в первые дни войны руководство Казахстана приняло ряд решений, сыгравших впоследствии важную роль в перестройке народного хозяйства республики на военный лад. Центральный комитет КП(б) Казахстана в своем решении от 26 июля 1941 г. «Об участии комсомольских организаций в подготовке квалифицированных кадров женщин для работы в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях республики» одобрил эту инициативу. В конце июля 1941 г. на курсах с отрывом от производства обучалось уже около 13 тыс. комсомолок, выявлено было 5045 механизаторских кадров, занятых не по специальности. Из них 2286 комсомолок снова встали за штурвал комбайнов, пришли управлять автомашинами[1]. По инициативе комсомольских промышленных центров началась подготовка кадров из числа молодых женщин для фабрик, заводов, шахт и промыслов. Тысячи учащихся старших классов, студенты вузов за короткий срок овладевали разнообразной техникой и вели ее по колхозным полям. В ноябре 1941 г. ЦК КП(б) Казахстана и правительство республики приняли специальное решение «Об изучении тракторов, комбайнов и автомашин студентами сельскохозяйственных учебных заведений и учащимися 8–10 классов средних школ республики»[2]. Фактически изучение сельскохозяйственных машин было введено во всех вузах, техникумах и в старших классах средних школ республики. Так создавался гигантский резерв кадров для многоотраслевого сельского хозяйства.

Особое место во время войны принадлежало школам ФЗО и ремесленным училищам. В Карагандинской области за годы войны они воспитали и передали промышленным предприятиям и транспорту тысячи молодых рабочих, в том числе много горных и горнорудных специалистов. Большинство шахт и рудников Карагандинской области почти полностью укомплектовывалось молодыми рабочими, окончившими школы и училища Министерства трудовых резервов. На руднике Коунрад среди машинистов экскаваторов 81 % составляли выпускники школ ФЗО. Одни из лав шахт № 31-бис и № 11 Джезказганского рудника полностью были укомплектованы выпускниками школ ФЗО[3].

В годы войны школы республики стали центром, организующим под руководством учителей учащуюся молодежь для участия и общественно-полезной и оборонной работе, для помощи семьям фронтовиков, ухода

за ранеными бойцами. Школа являлась центром не только учебно-воспитательной работы, она брала на себя и часть тех забот о сохранении здоровья и бытовых нуждах молодого поколения, которые традиционно несла на себе семья. На полях колхозов и совхозов под руководством учителей работали десятки тысяч школьников.

Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал определяющим принципом, нормой жизни и деятельности каждого человека, жители страны проявляли массовый будничный героизм. Способность к будничному коллективному героизму, как известно, возникает при достижении высокой зрелости общественного и индивидуального сознания, нравственных отношений, обеспечивающих широкое сознательное подчинение личных интересов общественным. Испытания повседневностью, сложными, насыщенными напряженным трудом буднями порой труднее для человека, коллектива, чем кратковременная проверка в исключительных условиях. Партийно-государственные органы, комсомол хорошо понимали, что героический «компонент» в условиях Великой Отечественной войны не действовал сам по себе, автоматически, а требовал умелых, активных действий, направленных на поддержание атмосферы единения народов СССР, укрепления их дружбы, мобилизации всех сил и средств для достижения победы над врагом. Почин комсомольцев «работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт» получил всемерную поддержку среди молодежи республики. Среди многообразных форм трудовой инициативы молодежи особое место занимало массовое движение за присвоение звания комсомольско-молодежных бригад и получение высокого звания фронтовой бригады. Это движение также зародилось на промышленных предприятиях, но нашло своих последователей и среди сельской молодежи. Практика, опыт работы комсомольско-молодежных фронтовых бригад определили основные правила, являвшиеся непреложным законом повседневной жизни бригад. «Не покидать рабочего места, пока бригада не выполнит задание; выполнив свое задание — помогай товарищу!» — таков был девиз фронтовой бригады.

Особое внимание в военные годы уделялось распространению в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве движения двухсотников. Состоявшийся 8 декабря 1941 года III пленум ЦК ЛКСМ Казахстана подвел первые итоги перестройки деятельности комсомола республики на военный лад. Особое внимание пленум уделил распространению в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве движения двухсотников. Он потребовал «от Карагандинского и Гурьевского обкомов ЛКСМ Казахстана поднять роль комсомольских организаций в борьбе за увеличение добычи угля и нефти». Внимание участников пленума привлекла проблема подготовки кадров массовых квалификаций для народного хозяйства, усиление воспитательной работы среди молодежи. Пленум обязал местные комсомольские организации «регулярно устраивать встречи с героями фронта, проводить слеты молодых стахановцев, двухсотников, рационализаторов, шире практиковать проведение открытых комсомольских собраний с привлечением несоюзной молодежи, приобщить ее к активному участию во всех мероприятиях, проводимых комсомольскими организациями»[4].

В годы войны огромный вклад в достижение победы внесла молодежь Карагандинского угольного бассейна. В связи с временной потерей Дон-

басса значительно возросло значение Карагандинского бассейна. Он стал второй основной угольной базой страны. Бассейн снабжал углем электростанции, промышленные предприятия, металлургические заводы Казахстана, Южного Урала, ряда западных районов и Поволжья. Карагандинские шахтеры увеличили добычу угля на 70 %, а коксующегося — почти в два раза. Карагандинский угольный бассейн давал 96,6 % угля в республике, отправил промышленности угля в полтора раза больше, чем за все годы своего существования. Были построены девятнадцать новых шахт и три угольных разреза. Трудовой героизм горняков Караганды получил высокую оценку народа и советского правительства. В 1943 г. свыше 200 передовиков бассейна были удостоены орденов и медалей СССР. Из добытого в 1943 г. на шахтах Караганды угля на счету молодежных бригад было 19 %. На самых трудных и решающих участках трудилось около 11 тысяч молодых рабочих; 828 юношей и девушек работали на сложных механизмах. Если в конце 1942 г. на шахтах Караганды действовали 16 комсомольско-молодежных бригад, то на 1 августа 1943 г. их количество увеличилось до 54, они дали в сверх плана 13 тыс. т угля; к концу войны число молодежных бригад возросло до 114. В тресте «Кировуголь» работали 29 комсомольско-молодежных бригад, из них 13 в 1944 г. досрочно завершили годовую программу[5].

Комсомольские организации принимали активное участие во Всесоюзном социалистическом соревновании, начавшемся в мае 1942 г. Молодые патриоты объединялись в фронтовые бригады и звенья, комсомольско-молодежные комбайновые агрегаты, водили тяжеловесные поезда, проводили декадники военно-санитарного порядка, комсомольско-молодежные воскресники, соревновались за право называться гвардейцами тыла, гвардейскими комсомольско-молодежными коллективами. Молодежь брала на себя обязательство ежедневно выполнять по две нормы — за себя и за ушедшего на фронт товарища. Каждый комсомолец из токарного цеха рудоремонтного завода ежедневно выполнял задание на 250–300 %. На шахте имени Кирова 200 юношей стали двухсотниками. Их дневная выработка составляла 400–500 %.

Работать за двоих, за троих, трудиться для победы без устали день и ночь молодежь Караганды считала своим патриотическим долгом. Трудовыми подвигами отвечала молодежь Караганды на славные победы Красной (Советской) армии на фронте. В ответ на историческую победу наших войск под Москвой молодые горняки добыли сверх плана 16 эшелонов угля. Одновременно по области развернулось социалистическое соревнование в честь 25-летия ВЛКСМ. Его инициаторами выступили участники городской конференции молодых шахтеров, которые решили к юбилейной дате добыть сверх плана и отгрузить 40 тыс. т угля. Это обязательство молодежь выполнила досрочно и дала 130 тыс. т.

Во время войны замечательную инициативу проявили комсомольцы шахты № 31. Они обратились к молодежи города с призывом взять шефство над механизмами. Это шефство дало хорошие результаты: количество аварий, простоев механизмов уменьшилось в два раза, намного повысилась производительность труда. Центральный комитет ЛКСМ Казахстана одобрил инициативу карагандинцев шефства над механизмами и рекомендовал всем комсомольским организациям подхватить этот ценный почин.

В числе других инициатив комсомольских организаций по повышению роли молодежи в добыче угля были следующие: переход молодежи из контор и управлений шахт в лавы и забои; организация шефства колхозов над шахтами. Благодаря всем этим мерам молодые шахтеры сыграли значительную роль в успешном выполнении ответственного задания Государственного комитета обороны СССР. За годы войны молодежью Караганды было собрано и отгружено металлургическим заводам более 4800 т металлолома, изготовлено запасных частей к тракторам и другим сельскохозяйственным машинам на десятки тысяч рублей. Карагандинская областная комсомольская организация добилась высоких результатов, заняла первое место в республиканском социалистическом соревновании в честь 25-летия ВЛКСМ[6].

Самоотверженно работали юноши и девушки и в других отраслях промышленности республики. На 39 % увеличилась добыча жидкого топлива на предприятиях Урало-Эмбинского нефтедобывающего района, почти вдвое возросла выработка электроэнергии. Республика сохранила за собой ведущую роль в производстве меди (35 %), свинца (85 %) и одновременно построила на базе разведанных месторождений предприятия по добыче, обогащению и выплавке металлов: Восточно-Коунрадский молибденовый, Джездинский марганцевый, Донской хромитовый рудники, Акчатауский молибдено-вольфрамовый, Текелийский полиметаллический комбинаты и др. Благодаря этому она стала давать 60 % союзной добычи молибдена, 65 % — металлического висмута, до 79 % — полиметаллических руд.

Широко распространилось в республике движение молодежи по оказанию помощи фронту, освобожденным районам, госпиталям, школам, детским домам. Оно превратилось в школу интернационального патриотического воспитания. Массовый патриотизм трудящихся Казахстана проявился не только в труде, но и во множестве других начинаний. Например, всеобщими стали добровольные сборы денежных средств на вооружение. Так, к февралю 1943 г. колхозники Казахстана передали на строительство танков 421 млн руб. В целом же промышленное производство республики выросло за военные годы на 37 %, что на 2 % выше прироста ее продукции за четыре предвоенных года[7].

Но война исключила вообще или резко ограничила возможность выбора путей и методов решения возникавших задач, и люди не жалели ни сил, ни средств во имя выполнения требований фронта.

Важную роль в укреплении авторитета производственных коллективов молодежи сыграло организованное ЦК ЛКСМ Казахстана соревнование комсомольско-молодежных бригад в угольной, нефтяной, цветной и оборонной промышленности. Победителям соревнования присваивалось высокое звание лучшей комсомольско-молодежной бригады промышленности.

В годы войны была перестроена агитационно-пропагандистская, культурно-массовая, идейно-воспитательная работа комсомольских организаций. Первостепенное значение в идеологической работе имели пропаганда справедливого характера Великой Отечественной войны, разоблачение идеологии нацизма, воспитание молодежи в духе героических традиций прошлого, на примерах боевого и трудового подвига советских людей, мобилизация молодежи и комсомольцев на выполнение выработанной программы разгрома немецко-фашистских захватчиков. Свыше 6000 агитаторов-комсо-

мольцев и представителей молодежи систематически проводили беседы, читали лекции, доклады, знакомили трудящихся со сводками Совинформбюро в Казахстане.

Два раза в неделю республиканский и областные радиокомитеты организовывали молодежные радиопередачи. У микрофона выступали комсомольские вожаки, передовики сельского хозяйства и промышленности, пропагандисты, воспитатели, пионервожатые, культпросветработники. Первостепенное внимание уделялось пропаганде и освещению в средствах массовой информации опыта передовиков народного хозяйства. Имелись и недостатки в агитационно-массовой работе, например слабая увязка с теми повседневными задачами, которые решала молодежь.

В суровые годы военного времени был накоплен богатейший опыт работы с молодежью, найдены эффективные формы и методы идейно-воспитательной и организаторской работы. Изучение деятельности общественно-политических организаций по мобилизации молодежи на защиту Родины и оказание помощи фронту в тылу имеет большое значение еще и потому, что это поможет определить характер, формы и методы деятельности молодежных организаций в современных условиях. Формирование новой молодежной политики государства, установление в ней демократических норм и принципов должны базироваться на историческом опыте и оправдавших себя традициях. Накопленный в годы войны опыт представляет в этом отношении особую ценность.

Примечания

[1] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 7. Д. 23. Л. 59.
[2] Там же. Ф. 812. Оп. 5. Д. 2141. Л. 100–101.
[3] Там же. Оп. 8. Д. 2550. Л. 6.
[4] Там же. Ф. 708. Оп. 7. Д. 2824. Л. 33.
[5] Там же. Ф. 812. Оп. 8. Д. 2550. Л. 41–42.
[6] Там же. Оп. 9. Д. 2889. Л. 79.
[7] Там же. Оп. 6. Д. 2252. Л. 87.

С. И. Иноятов, К. К. Ражабов

Вклад трудовой армии Узбекистана в производство вооружения на промышленных предприятиях Урала

Раскрывается участие трудовой армии Узбекистана в производстве вооружения на промышленных предприятиях Урала. Победа в Великой Отечественной войне была достигнута благодаря объединению усилий фронта и тыла. Регионы СССР, располагавшиеся в глубоком тылу, стали базой по выпуску вооружения, снаряжения и продовольствия для Красной (Советской) армии, они приняли и разместили эвакуированное из западных областей производство и население. В стране Советов наряду с солдатами, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны, в тылу работали участники трудового фронта — трудармейцы, которых в народе называли «солдатами без оружия».

Ключевые слова: *трудовая армия, трудармейцы, тыл, фронт, производство, вооружение, снаряжение, продовольствие, регион, Урал, Центральная Азия.*

В стране Советов наряду с солдатами, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны, в тылу врага работали участники трудового фронта — трудармейцы, которых в народе называли «солдатами без оружия». Все понимали, что для ведения войны по-настоящему необходим крепкий организованный тыл. Естественно, что победа куется не только на фронте, но и в тылу, что от успешной работы фабрик, заводов, шахт, сельских тружеников во многом зависит боеспособность армии.

В августе 1941 г. советское правительство приняло план развития промышленности в восточных районах страны. Намечалось осуществить строительство металлургических предприятий на Урале и в Сибири. Активизировалось «движение фронтовых бригад», которые выполняли ежедневно не менее 1,5 и 2 норм. «В труде, как в бою!» — этот лозунг рабочего тыла был ответом на призыв правительства: «Все для фронта, все для победы!», «Армия и народ едины!».

В годы Отечественной войны бойцы фронта и тыла давали друг другу отчет о том, что они сделали для победы над врагом. Можно привести такой патриотический пример из жизни тыловых рабочих Урала. В январе 1942 г. на Северо-Западный фронт прибыла делегация трудящихся Урала. Газета «За Родину» немедленно откликнулась на примечательное событие и в ко-

роткий срок одну страницу под заголовком «Слушай фронт! Говорит Урал!» посвятила заметкам, статьям корреспондентов, которые рассказали фронтовикам о трудовой доблести рабочих и инженеров всесоюзной кузнецы советского оружия. Через несколько дней газета «За родину» опубликовала другую полосу: «Слушай Свердловск, Челябинск, Куйбышев! Говорит Северо-Западный фронт!» На этой полосе слово было предоставлено бойцам и командирам, отличившимся в боях с немецко-фашистскими оккупантами. Воины делились с посланниками народа своими боевыми успехами, благодарили уральцев за отличную боевую технику и оружие[1].

В тяжелые октябрьские дни 1942 г. узбекский народ обратился к своим сыновьям — воинам-узбекам с письмом-наказом, выразившим беззаветную преданность узбекского народа своей многонациональной Родине. В письме содержался строгий наказ бойцам Красной армии выполнить свой гражданский долг до конца, освободить Родину от захватчиков. «До последней капли крови отстаивайте каждый клочок родной земли, каждое селение, каждый город», — наказывал в этом письме узбекский народ своим сыновьям. «…Дом русского — также и твой дом, дом украинца и белоруса — также и твой дом, — образно писал узбекский народ своим сыновьям на фронт. — Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живет, хотя и в своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы… В нашей стране нет межей, которые бы разделяли наши дома. Но если разбойник отнял у твоего брата дом, верни ему дом — это твой долг, узбекский боец…» В этих простых и ярких словах узбекский народ выразил чувства, владевшие всеми народами СССР, отразил силу и мощь патриотизма, воодушевлявшего все народы нашей страны на общую героическую борьбу с гитлеровскими захватчиками. С предельной четкостью и ясностью изложены в письме узбекского народа и задачи тружеников тыла, трудящихся республики. «От нас, работников тыла, — говорилось в письме, — требуется одно — трудиться так, чтобы дать фронту все нужное для победы над врагом. Жесткая, суровая дисциплина — непреложный военный закон для фронта и тыла». Письмо было опубликовано 31 октября 1942 г. в газете «Правда». Его подписали 2412 тысяч человек. С исключительным воодушевлением обсуждали бойцы это письмо в окопах и блиндажах, в дотах и дзотах. Письмо узбекского народа нашло живейший отклик в сердцах и умах бойцов и командиров. Фронтовики глубоко прочувствовали каждое обращенное к ним слово трудящихся Узбекистана.

Надо сказать, что в Узбекистан было эвакуировано более 104 заводов и фабрик. К декабрю 1941 г. 50 % военной продукции поставляли фронту эвакуированные в Узбекистан предприятия[2].

В суровые годы войны Узбекистан стал крупным промышленным районом на востоке. В 1941 г. в республике функционировало 1346 предприятий, которые в большинстве своем переквалифицировавшись, стали производить вооружение, боеприпасы[3].

Воспитанные в духе нерушимой дружбы и патриотизма между народами, узбекистанцы работали не только на промышленных предприятиях своей республики, они по призыву многонациональной страны славно трудились и в братских республиках. Так, из Узбекистана в 1941–1943 гг. в трудовую армию были мобилизованы 155 тыс. человек. Только в 1943 г.

в Российской Федерации работало около 60 тыс. узбеков, в том числе: в Свердловской области — 15 131 человек, в Челябинской — 7500, в Новосибирской — 650, в Кемеровской — 4760, в Чкаловской — 2523, в Московской — 6258, в Татарской АССР — 2000, в Башкирской АССР — 2357, в Пермской области — 2212, в Иркутской — 1495, в Саратовской — 2841, в Ярославской — 2550, в Чувашской АССР — 250, в Омской области — 350, в Ивановской — 417, в Удмуртской АССР — 2980, в Красноярском крае — 1540 человек[4].

Российская Федерация проявляла особую заботу, уделяя огромное внимание благоустройству и успешной работе узбеков, казахов, таджиков, туркмен, киргизов и каракалпаков, находящихся в центральных районах страны. С этой целью в центре внимания были вопросы не только создания жилищно-бытовых условий, но и обучения людей производственным специальностям. Об этом свидетельствуют следующие факты: прежде всего вопросы о квалифицированной работе и жилищно-бытовых условиях прибывших из республик Средней Азии рабочих неоднократно обсуждались на заседаниях районных, городских и областных комитетов ВКП(б). Например, Горьковский горком ВКП(б) 7 мая 1943 г. специально обсудил вопрос о состоянии работы с узбеками на одном из оборонных заводов города. В соответствии с решением, принятым на этом заседании, городские организации провели следующее мероприятия: увеличили на промышленных предприятиях охват производственным обучением рабочих-узбеков, усилили политико-воспитательную работу через агитколлективы, стенную печать и т. п., организовали получение газет и другой литературы из Узбекистана, организовали обучение русскому языку, принимали меры по улучшению питания рабочих исходя из национальных особенностей и т. д.

Летом 1943 г. в Перми на заводе им. Молотова работали 978 узбеков, на заводе им. Кирова — 200, на заводе № 90 — 800 узбеков, 60 казахов, в г. Орске Чкаловской области — 7000 узбеков. Исследователь Т. С. Третьякова приводит данные о том, что в Удмуртии из Бухары и Термеза в зоне строительного треста № 51 работали 1000 человек разного возраста и разных профессий. На военных промышленных объектах Урала работало 73 % мобилизованных трудармейцев из Средней Азии и Казахстана. 9 февраля 1943 г. газета «За тяжелое машиностроение» опубликовала статью, посвященную бригаде с завода «Уралмаш», возглавляемой Головым. С воодушевлением газета констатирует факт: члены бригады — узбекистанцы Рустам Турдиев, Хасан Тухтабаев, Мамат Эргашев, Мардон Насир и др. выполняли ежедневную норму на 150 процентов.

Несмотря на заботу правительства о трудармейцах, надо сказать, что они испытывали и множество трудностей. Некоторые из них даже ночевали на рабочем месте. Вот как об этом пишет в своей статье аспирантка Уральского университета Вера Соловьева: «Когда я изучала положение рабочих на заводах Свердловска в годы войны, мне попалось несколько интересных документов. Это отчеты о жизни центрально-азиатских рабочих на Уралмашзаводе и ряде других предприятий Свердловской области. В этих отчетах говорилась, что “узбеки и таджики не кушают рыбы, колбасы, грибов, кислой капусты, обед же готовится только из этих продуктов… Очень многие нацмены (озчиликни ташкил этган миллат) второе блюдо

продают тут же, в столовой, русским рабочим. Торговля обедом и хлебом принимает большие размеры. Так же они продавали продуктовые карточки, в итоге им перестали их выдавать на руки"»[5].

Вопросы о постановке партийно-массовой работы, о производственном обучении и культурно-бытовом обслуживании рабочих-узбеков на промышленных предприятиях Ижевска (Удмуртская АССР) обсуждались на заседании бюро Ижевского горкома ВКП(б) 9 июня 1943 г. Такой же вопрос с принятием соответствующих решений был обсужден на бюро Свердловского обкома ВКП(б) 10 апреля 1943 г., на бюро Свердловского горкома ВКП(б) 13 и 17 мая 1943 г. и т. д. Первичные партийные организации и администрации промышленных предприятий постоянно и каждодневно занимались вопросами быта и наибольшей производительной работы трудармейцев. Центральный комитет ВКП(б) требовал от союзных наркоматов, в ведении которых находились промышленные предприятия и стройки, где работали приехавшие из Средней Азии рабочие, уделять должное внимание их быту и работе. Этим делом занимались Народный комиссариат черной металлургии, Наркомуголь, Наркомхимпром, Наркомрезинпром, Народный комиссариат путей сообщения, многие другие организации. Эти союзные наркоматы уделяли большое внимание хозяйственному обеспечению привлеченных рабочих. Например, по линии Наркомата путей сообщения были проведены следующие мероприятия производственного и бытового порядка: для быстрого освоения рабочими из Средней Азии навыков в строительных работах начальники строительств ввели в бригады прибывших часть кадровых рабочих для практического показа и обучения.

На Нижнетагильском заводе работали 146 человек из Средней Азии. Все они были размещены в общежитиях, оборудованных кроватями с полным комплектом постельных принадлежностей. Всем рабочим были выданы хлопчатобумажные костюмы, телогрейки и ватные брюки, нательное белье. Рабочие трудились в доменных и других цехах. Такая же забота проявлялась по отношению к ним и по линии других наркоматов. Конечно, этом деле было много трудностей. Большинство из приехавших не владело русским языком, что очень затрудняло работу с ними. Производственное обучение проводилось в первое время с помощью переводчиков. По этой причине трудно было вести политико-массовую работу среди трудармейцев. Литературы на родном языке не было. Однако правительство, руководители областей и краев РСФСР связались с руководством Узбекистана и других среднеазиатских республик, которые оперативно решили эту проблему. Поступать литература на родном языке стала систематически. Например, одних только газет «Кизил Узбекистон» рабочие-узбеки получали 10 тыс. экземпляров[6].

В ответ на повседневную заботу администрации заводов и строек рабочие — узбеки, казахи, таджики, киргизы, туркмены и каракалпаки — трудились не щадя сил, с упорством овладевали производственными профессиями, добивались высоких показателей на том участке производства, где они работали. Конечно, им приходилось сталкиваться с большими трудностями. Ведь абсолютное большинство приехавших было совершенно незнакомо с работой на шахтах, на предприятиях черной металлургии и машиностроения, железнодорожного строительства, резиновой промыш-

ленности и т. д., так как это были в основном жители сельских местностей.

Заместитель Народного комиссариата внутренних дел на машиностроительном заводе Нижнего Тагила А. П. Звенягин, изучив положение рабочих завода, в августе 1943 г. направил в Москву следующее сообщение: «На месте лично убедился в исключительно тяжелом положении военнообязанных из Средней Азии, а также спецпоселенцев. Люди в большинстве разуты, раздеты, спят на голых нарах. Наступившие холодные дожди уже вызывают заболевания. В случае необеспечения в ближайшее время указанного контингента вещдовольствием осенью будут массовые заболевания и смертность»[7].

Трудармейцы Средней Азии с помощью русских рабочих стали приобретать производственные навыки. Преодолены были огромные трудности и с жильем. Кое-где появились даже чайханы, но не имелось зеленого чая, вместо него трудармейцы употребляли фруктовый чай. Организованы были и специальные агитколлективы для проведения работы среди приехавших рабочих. В общежитиях проводились собрания и беседы по разъяснению вопросов текущего момента и производственной дисциплины. Выпускались стенные газеты, «боевые листки», «молнии», лозунги, фотогазеты на родных языках.

К маю — июню 1943 г. рабочие-узбеки уже выполняли наиболее квалифицированные работы. Как было отмечено выше, на заводе Наркомчермета в Нижнем Тагиле работали 146 узбеков. Из них 136 человек выполняли и перевыполняли дневные задания. На металлургическом заводе Ижевска работали 568 узбеков, из них 384 выполняли норму на 100–120 % и выше. В строительном тресте этого же города из работающих там 430 рабочих-узбеков 230 перевыполняли норму.

Агитационная, политико-массовая и воспитательная работа среди рабочих-узбеков на металлургическом заводе и строительном тресте Ижевска проводилась агитаторами под руководством работников, специально командированных сюда ЦК КП(б) Узбекистана. Лучшими агитаторами показали себя Шакиров, Зиатдинов, Ахраров, Тиллаев, Сатторов и др.

В своей информации в ЦК ВКП(б) от 18 июня 1943 г. Удмуртский обком партии отмечал, что «среди узбеков развернуто социалистическое соревнование в борьбе за выполнение и перевыполнение норм выработки. Многие узбеки работают хорошо и значительно перевыполняют нормы». В докладе секретаря горкома партии Ф. Р. Козлова на собрании городского партийного актива Ижевска, состоявшемся 10–11 апреля 1944 г., отмечалось, что металлургический завод производственную программу 1943 г. выполнил на 100,8 %, а строительный трест — на 113,1 %. В том же докладе была дана высокая оценка работе другого оборонного завода Ижевска, выполнившего план 1943 г. на 101,5 %. На этом заводе начальником цеха № 85 работал узбек Мухаммедов. В успешном выполнении предприятиями города производственного плана 1943 г. значительную роль сыграли и приехавшие из Узбекистана рабочие. В стройуправлении № 1 Уралтяжстроя (Свердловск) возглавляемая Умаровым бригада рабочих, получивших квалификацию бетонщиков, систематически перевыполняла норму. Тепло отзывался о работе узбеков на заводе «Уралмаш» секретарь Свердловского

обкома ВКП(б) т. Пустовалов. «Вот, например, — говорил он на пленуме обкома, — узбек-стахановец товарищ Ахмедов перевыполняет норму в два раза»[8].

Узбеки-рабочие трудились также на Среднеуральском медзаводе (400 человек), Красноуральском медзаводе (450 человек), на заводах тяжелого машиностроения Первоуральска (1000 человек), в шахтах Челябинска (1000 человек), на предприятиях Наркомата черной металлургии в Челябинске, Златоусте, Магнитогорске (около 2500 человек) и других предприятиях Урала. В Свердловске находился специальный уполномоченный ЦК КП(б) Узбекистана, который тесно сотрудничал с местными организациями, поддерживал связь с организацией Узбекистана.

Газета «Уральский рабочий» 29 мая 1945 г. опубликовала сообщение о том, что 28 мая в театре оперы и балета им. Луначарского состоялось собрание рабочих-трудармейцев из Средней Азии. С докладом о трудовом подвиге рабочих выступил секретарь ЦК Компартии Узбекистана Садыков. Председательствующий на собрании Головин сообщил о том, что постановлением Президиума Верховного Совета Узбекистана 70 передовиков стахановцев из Узбекистана награждены почетными грамотами. Собрание завершилось большим концертом с участием артистов из Ташкентского областного театра, самодеятельных коллективов Уральского алюминиевого завода и военизированных предприятий Урала[9].

Следует сказать, что в беспрерывном потоке вооружения, шедшем с Урала на фронт для защитников Родины, был вклад сынов узбекского народа. На каком бы предприятии ни работали посланники солнечного Узбекистана, они стремились внести свою посильную лепту в общенародное дело защиты Отечества и разгрома фашистских агрессоров.

В конце 1945 г. многие трудармейцы вернулись в республику уже специалистами в различных отраслях промышленности. Все это еще раз свидетельствует о нерушимой дружбе народов, о монолитном единстве всех наций и народностей.

Примечания

[1] См.: Попов Н. П., Горохов Н. А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М. : Воениздат, 1981. С. 201.

[2] Вклад трудящихся Узбекистана в Победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975. С. 50, 61 ; см. также: Узбекистон тарихи (1917–1991 гг.) : в 2 т. Т. 2. Ташкент : Узбекистан, 2019. С. 15.

[3] См.: Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1957. С. 357–358 ; см. также: Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. М., 1985. С. 739–740.

[4] Ўзбекистон ССР тарихи. Қадимги даврлардан ҳозирги кунларгача. Тошкент : Фан, 1974. С. 482.

[5] Шамсутдинов Р. Иккинчи жаҳон уруши ва фронт газеталари. 2-китоб. Тошкент : Академнашр, 2017. С. 16–17.

[6] См.: Джураев Т. Дж. Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент : Узбекистан, 1964. С. 103–105.

[7] Старостин А. Как рабочие из Центральной Азии ковали победу в уральском тылу // Письма о Ташкенте. URL: https://mytashkent.uz.

[8] См.: Джураев Т. Дж. Указ. соч. С. 107.

[9] Урал. рабочий. 1945. 29 мая.

М. Ш. Нурсаидова

Трудовая мобилизация на Урал в 1942–1944 годах (на примере Узбекской ССР)

В статье освещены причины и трудности трудовой мобилизации рабочей силы из Средней Азии, в частности из Узбекской ССР. Анализируется вклад трудмобилизованных рабочих из Узбекской ССР в победу над фашизмом.

Ключевые слова: *Урал, война, трудмобилизация, труд, Родина, память*.

В 1942–1944 гг. проводилась трудовая мобилизация военнообязанных из Средней Азии и Казахстана для проведения работ в условиях Второй мировой войны. На Урале, где был ряд оборонных заводов, мужской рабочей силы не хватало из-за того, что значительная часть рабочих была призвана в армию. Заменить их военнопленными, как в Первую мировую войну, было невозможно — до 1943 г. численность иностранных военнослужащих в советском плену была небольшой. По этой причине к концу 1942 г. советское государство мобилизовало на военное производство категории населения, которые раньше не привлекались к труду.

Процесс трудовой мобилизации мы разделили на несколько этапов. Первый этап начался в феврале 1942 г., когда мобилизовали все трудоспособное городское население. А со второй половины 1942 г., можно сказать, начался второй этап, когда мобилизовали даже инвалидов третьей группы. Третий этап трудмобилизации, по нашему мнению, начался в 1943 г. и закончился к 1944 г.

Указ Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» устанавливал, что на промышленные объекты, в строительство и на транспорт привлекаются следующие категории горожан, не работающих в государственных учреждениях и на предприятиях: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет; женщины в возрасте от 16 до 45 лет. Этот указ распространялся также на горожан из Средней Азии и Казахстана из числа коренных народов. В 1942 г. местное население среднеазиатских республик было мобилизовано для работы на следующих объектах: жители Ташкента, Бухары и Самарканда (Узбекская ССР) — на двух обувных фабриках и кожевенном заводе Народного комиссариата лег-

кой промышленности Узбекской ССР; 300 жителей Токмака (Киргизская ССР) — на сахарном заводе; 2 тыс. человек из Кокчетава (Казахская ССР) — на заводе № 621; 500 жителей Балхаша (Казахская ССР) — на заводе № 517 и медеплавильном заводе.

Всего с 12 февраля по 15 сентября 1942 г. в республиках Средней Азии и в Казахской ССР были мобилизованы 57 763 человека (планировалось 110 420 человек). План мобилизации не выполнили все республики. В период с 12 февраля по 15 сентября 1942 г. данные по мобилизации были следующими: Узбекская ССР — 26 817 человек (73,25 % от плана); Киргизская ССР — 7072 (67,80 %); Казахская ССР — 14 786 (54,84 %); Туркменская ССР — 8858 (25,29 %); Таджикская ССР — 230 человек (16,43 %). Таким образом, мобилизация горожан прошла неравномерно. Узбекистан, Казахстан и Киргизия выполнили более половины плана, Туркмения — около четверти плана, а Таджикистан — лишь одну шестую часть. В целом же по СССР мобилизовали с 12 февраля по 15 сентября 1942 г. 523 599 человек. Причина в том, что большинство представителей коренных народов Средней Азии и Казахстана проживали в сельской местности, и поэтому их не касался указ о мобилизации горожан.

По планам властей, общее число трудмобилизованных из Среднеазиатского военного округа должно было быть распределено по республикам в следующей пропорции[1]: Узбекская ССР — 49,6 %, Казахская ССР — 21,1 %, Киргизская ССР — 8,7 %, Туркменская ССР — 8,7 %, Таджикская ССР — 11,9 %. Таким образом, основными донорами рабочей силы должны были стать Узбекистан и Казахстан. Несмотря на это, в 1941–1942 гг. были проведены первые опыты по отправке среднеазиатских рабочих на предприятия Урала. С 1 июля 1941 г. рабочие из Среднеазиатского военного округа работали на предприятиях Магнитогорска. С февраля 1942 г. рабочие из Узбекской ССР трудились на Челябинском заводе им. С. Орджоникидзе[2]. К январю 1942 г. трудармейцев насчитывалось на Урале около 290 тыс. Из них 96 тыс. были мобилизованы из Средней Азии и Казахстана.

На Урал с учетом второго этапа эвакуации 1942 г. было перебазировано более 830 предприятий. Он стал основным военно-промышленным районом страны. Еще в годы довоенной модернизации здесь был создан мощный бастион тяжелой промышленности: горной, черной и цветной металлургии, машиностроения, химии, топливной энергетики. Основу уральской индустрии составляли возведенные в годы пятилеток современные по тому времени заводы-гиганты, оснащенные новейшим оборудованием и работавшие по прогрессивным технологиям[3].

Нехватка рабочей силы сохранялась и в первой половине 1943 г. (то есть уже после массовой трудовой мобилизации жителей Средней Азии в конце 1942 — начале 1943 г.). Можно предположить, что с 1943 г. начался третий этап трудмобилизации. Так, 17 мая 1943 г. начальник Челябметаллургстроя А. Н. Комаровский сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, что на строительстве Челябинского металлургического завода имеется лишь 40 % запланированной рабочей силы. Поэтому А. Н. Комаровскому было дано задание набрать жителей Средней Азии[4]. В результате к маю 1943 г. на предприятиях и стройках Челябинской области работали 11 700 мобилизованных из Узбекистана, из них 70 % — на строительстве

Уральского автозавода, трубопрокатного и металлургического заводов в Челябинске, на Магнитострое, в тресте № 24 и т. д. Более тысячи трудмобилизованных работали на ЧТЗ, на предприятиях цветной металлургии и угольной промышленности. Более двух тысяч мобилизованных узбеков трудились в Дорстрое Южно-Уральской железной дороги[5].

Хочется отдельно отметить заслуги узбекистанцев. На основании Постановления ГКО от 14 октября 1942 г. из Узбекистана в трудовую армию были мобилизованы 155 тыс. человек. Ташкентским областным военным комиссариатом срочными эшелонами в Башкорторстан отправлены 1700 человек. На предприятиях и заводах оборонной промышленности Урала трудились 32 629 рабочих из Узбекистана.

Среди узбекистанцев, самоотверженно трудившихся на Урале и в Красногорске, выделялись Акром Ортиков, выполнявший норму на 140 %, Рустам Турдиев, Гасан Тухтабаев (на 150 %), Убайдулла Хайдаров (на 200 %). О трудовых подвигах Мардона Носира и Мамата Эргашева из Узбекистана писала газета «За тяжелое машиностроение». А Раимкул Назаров, работавший во время войны на предприятиях трудового фронта, был награжден медалью «За доблестный труд»[6].

Несмотря на собственную огромную потребность в промышленных кадрах, Узбекистан отправлял часть рабочих, получивших производственные квалификации в школах ФЗО и училищах, в другие республики СССР, в частности в освобождавшиеся от оккупантов районы. В РСФСР в годы войны работало около 60 тыс. узбеков, а всего за 1941–1943 гг. в промышленности за пределами республики, в том числе и на Урале, было занято 155 тыс. узбекистанцев.

Первые месяцы Великой Отечественной войны показали, что наиболее высокие потери несли среднеазиатские военнослужащие. Можно сказать, что причина этого заключалась, в первую очередь, в плохом знании русского языка и тяжелых климатических условиях. Кроме того, совершенно неприемлемым для приехавших из Узбекской ССР стал новый для них рацион питания. «Рис, домашние лепешки, хлопковое масло, баранина… были заменены на картофель, крупы, ржаной хлеб, говядину, говяжий и свиной жир при полном отсутствии зеленого чая, сухофруктов и национального жевательного табака типа “насвай”»[7]. Из-за непривычной пищи узбеки быстрее впадали в состояние дистрофии и авитаминоза[8]. А в конце 1943 — 1944 г. тысячи трудмобилизованных среднеазиатских рабочих умерли от малярии[9].

Ситуация с питанием стала улучшаться лишь со второй половины 1943 г. На Урале открывались чайханы, был пущен прямой курсирующий поезд Челябинск — Ташкент, который доставлял зеленый чай, рис и другие продукты[10]. Силами местной промышленности и промысловой кооперации Узбекской ССР трудмобилизованные обеспечивались жевательным табаком[11]. Для трудмобилизованных из Средней Азии (узбеков, казахов, киргизов, таджиков и туркменов) с лета 1943 г. были установлены льготные пайки[12]: 300 г зеленого чая на человека в месяц; 100-процентная замена мясного пайка бараниной или мясом крупного рогатого скота; замена 50 % нормы крупы таким же количеством риса. Эти продукты считались основными в рационе трудмобилизованных из Средней Азии.

С этого же года стали предприниматься меры по улучшению бытового положения трудмобилизованных из Узбекской ССР. Например, для преодоления языкового барьера привлекались переводчики, также стали доставляться газеты «Кызыл Узбекистан» на узбекском языке, организовывались кружки художественной самодеятельности, исполнявшие национальные мелодии на родном для них языке. Это поднимало боевой дух трудмобилизованных.

С ноября 1943 г. массовые мобилизации населения Узбекской ССР для работы за пределами региона прекратились. С 1944 г. начались демобилизация среднеазиатских рабочих с уральских предприятий и отправка их домой. Итак, можно сказать, что, несмотря на трудности, трудовая мобилизация рабочей силы из Средней Азии отчасти решила кадровую проблему, и трудмобилизованные рабочие из Узбекской ССР внесли свой вклад в победу над фашизмом.

9 мая 2020 г. в честь празднования 75-летия Победы в Республике Узбекистан был открыт мемориальный комплекс Министерства обороны Республики Узбекистан — парк Победы и Музей славы. Парк создан в память о героизме соотечественников на полях сражений, самоотверженном труде узбекистанцев в тылу и об их исторических заслугах перед нашей страной и мировым сообществом.

С гордостью хочется отметить, что в парке Победы широко освещены героическая и в то же время трагическая жизнь «солдат без оружия» — мобилизованных из Узбекистана в 1941–1945 гг., их вклад в Победу. Привезено много ценных материалов из архивов Урала, Башкортостана, Перми, Чкаловска, Орска, Нижнего Тагила, Свердловска, Москвы.

В заключение хочется отметить, что трудмобилизованные из Средней Азии, в частности из Узбекской ССР, внесли достойный вклад в борьбу над общим врагом. Вклад народа Узбекистана в Великую Победу еще не до конца изучен. Сегодня в Узбекистане проделана большая работа в этом направлении. Прежде всего открылись для исследователей ранее засекреченные и недоступные архивные документы и материалы. Наряду с этим усилилось сотрудничество с архивными учреждениями, музеями и фондами, учеными-историками, специалистами, общественностью республик бывшего СССР и других зарубежных стран.

Примечания

[1] Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Среднеазиатского военного округа на объектах строительства и промышленности Челябинска в 1942–1945 годах // Гороховские чтения : материалы пятой регион. музейн. конф. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей. 2014. С. 318–319.

[2] Трудовая мобилизация в Среднеазиатском военном округе. URL: https://wikipedia.org.

[3] Алексеев В. В. Советский тыл во Второй мировой войне // Бакунинские чтения. Урал индустриальный : материалы VII Всерос. науч. конф., ноябрь 2005 г. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2005. С. 4.

[4] Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М. : Совет. энцикл., 1985. С. 779.

[5] Павленко В. Трудмобилизованные Средней Азии и Казахстана на предприятиях и стройках Урала. 1941–1945 годы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudmobilizovannye-sredney-azii-i-kazahstana-na-predpriyatiyah-i-stroykah-urala-1941-1945-gody/viewer.

[6] Саидолимов С., Рахимов М., Сагдуллаев К., Назаров Р. и др. Вклад народа Узбекистана в победу над фашизмом : кн.-альб. Ташкент : Узбекистан, 2020. С. 181.

[7] Усольцева Н. А. Трудмобилизованные Узбекской ССР в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : сб. науч. ст. Челябинск, 2020. С. 282.

[8] Хисамутдинова Р. Р. Вклад Узбекистана в Великую Победу над фашистской Германией // Эшелоны идут на Восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны : сб. материалов междунар. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы. Оренбург ; Ташкент, 2019. С. 11.

[9] Трудовая мобилизация в Среднеазиатском военном округе…

[10] Хисамутдинова Р. Р. Указ. соч.

[11] Усольцева Н. А. Указ. соч. С. 283.

[12] Гончаров Г. А. «Трудмобилизованные» из Среднеазиатского военного округа на Урале в годы Великой Отечественной войны // Magistra Vitae : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2016. № 1. С. 45–46.

Д. С. Аннаоразов

Вклад трудмобилизованных из Туркменистана в достижении победы в Великой Отечественной войне

Трудовая доблесть советских людей в годы Великой Отечественной войны явилась важным фактором победы над фашистской Германией и ее союзниками. В годы войны на всей территории СССР была осуществлена не только военная, но и трудовая мобилизация. Мобилизация коснулась и представителей туркменского народа, которые с начала войны и до ее окончания в неимоверно суровых природно-климатических и жилищно-бытовых условиях трудились на военных предприятиях и стройках Урала, Сибири и центральных областей РСФСР. В статье рассказывается о трудовых буднях вдали от своей малой родины отдельной, специфической категории из числа рабочих-туркмен, названных в постсоветской исторической литературе «трудмобилизованными», и об их вкладе в Великую Победу.

Ключевые слова: *Урал, Сибирь, трудмобилизованные, военное предприятие, военная стройка, трудовая доблесть, культура и быт рабочих.*

В годы Великой Отечественной войны тыловые регионы СССР, в особенности Урал и Сибирь, стали важнейшими центрами оборонного производства страны. Это было обусловлено тем, что названные регионы находились в глубоком тылу и там имелись развитые индустриальные центры и стратегически важные коммуникации. Несмотря на предпринимаемые усилия партийных и советских органов, начиная со второй половины 1942 г. в различных отраслях промышленности, на транспорте и в строительстве стало остро не хватать рабочих рук. Заводы и фабрики, строительные площадки, транспорт и порты нуждались не только в квалифицированных специалистах, но и в разнорабочих. Российский исследователь В. М. Кириллов писал: «Их реализация стала вполне традиционной для советского государства — привлечение в качестве бесплатной рабочей силы заключенных и проведение массовой принудительной мобилизации населения Узбекистана, Туркмении, Казахстана, Чувашии, Мордовии, репрессированных советских немцев и поляков, жителей Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики»[1]. Одной из категорий массовой рабочей силы, перемещенной в регионы Урала, Сибири и центральных областей РСФСР в годы войны, были так называемые «трудмобилизованные из Среднеазиатского военного округа».

Вопросы, связанные с мобилизацией сельских жителей Туркменистана для работы на объектах строительства и промышленности в тыловых районах СССР в годы Великой Отечественной войны, как в советский, так и в постсоветский периоды, оставались одной из малоизученных проблем отечественной истории. В советское время в монографиях туркменских историков Р. А. Базаровой[2] и С. Халилова[3], а также в специальной работе, посвященной истории рабочего класса Туркменистана, кратко рассказывается об этих событиях[4]. Что касается постсоветского периода, то этот вопрос впервые был поднят в статьях, подготовленных с участием автора этих строк и опубликованных в Самаре и Екатеринбурге в 2010 и 2015 гг.[5] Однако из-за закрытости туркменских архивов не удалось привлечь сколько-нибудь новых материалов для более детального освещения данного вопроса. А архивы Нижнего Новгорода, Самары, Екатеринбурга, Оренбурга, Челябинска, Перми, Ижевска, Кемерово, Новосибирска, Красноярска, где в те годы трудились рабочие-туркмены, из-за объективных и субъективных причин недоступны для наших исследователей.

В постсоветский период российскими историками был опубликован ряд научных работ, значительно обогативших наши знания по этой проблеме. Ценными являются работы Ю. И. Будникова, Г. А. Гончарова, В. М. Кириллова, В. Павленко, Б. Д. Шмырова, французского исследователя Ж.-П. Депретто и др. Их исследования внесли значительный вклад в изучение данного вопроса[6].

* * *

Первые отряды рабочих, мобилизованных из Туркменистана и республик Средней Азии на предприятия и стройки центральных областей РСФСР, а также Урала и Сибири, стали прибывать на места в конце 1941 г. В то же время уже на предприятиях и стройках Пермской области трудились 12 692 трудмобилизованных — узбеки, казахи, туркмены, киргизы и таджики[7].

Осенью 1942 г. советское руководство начало дополнительную мобилизацию различных категорий трудящихся для работы на военных объектах страны. 14 октября 1942 г. было принято постановление Государственного комитета обороны СССР «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел. дорог и пром. предприятий», по которому из пяти южных республик страны предусматривалась мобилизовать 350 тыс. человек, из них 40 тыс. — из Туркменской ССР[8].

Проведение трудовой мобилизации было возложено на военные комиссариаты союзных республик, которые с осени 1942 г. повсеместно начали формировать рабочие колонны, отряды и батальоны. Личному составу этих формирований присваивался статус военнообязанных. В результате этого были сформированы особые группы людей, которые должны были работать до конца войны в составе военизированных рабочих формирований. В постсоветской исторической литературе для обозначения этой категорий рабочих было принято определение «трудмобилизованные» или «трудармейцы». Однако данная группа являлась неоднородной по своему социальному и национальному составу. В нее входили как полноправные

граждане советского государства, так и ограниченные в правах[9]. Видимо, это дало повод французскому исследователю Ж.-П. Депретто назвать всех трудармейцев и трудмобилизованных «подневольными рабочими»[10]. По его мнению, существовало четыре категории подневольных рабочих, которые выполняли принудительные работы: 1) заключенные концлагерей и исправительно-трудовых колоний, 2) военнопленные, 3) спецпоселенцы, 4) трудмобилизованные из республик Средней Азии[11]. По Депретто, выходит, что работа свободных в правовом отношении сельских жителей республик Средней Азии, мобилизованных на оборонные предприятия и стройки РСФСР в годы Великой Отечественной войны, — это принудительный труд бесправной толпы граждан, пригнанных из далеких краев, и следовательно, их деятельность не может считаться трудовой доблестью во имя Победы.

Российский ученый В. М. Кириллов процесс привлечения сельских жителей Средней Азии для работы на предприятиях и стройках РСФСР также назвал «массовой принудительной мобилизацией»[12]. Трудно себе представить, что кто-то из историков назовет военно-мобилизационную политику советского государства, которая была проведена на высоком уровне в годы Великой Отечественной войны, «принудительной военной мобилизацией».

На наш взгляд, в отличие от остальных трех категорий рабочих трудмобилизованные из Туркменистана, как и их товарищи по региону, не были подневольными рабочими, а являлись свободными людьми своей страны, призванными военными комиссариатами как военнообязанные граждане СССР. Ведь недаром ГКО рекомендовал руководителям среднеазиатских республик *обеспечить в числе призываемых прослойку коммунистов и комсомольцев*, с тем чтобы «эшелоны насыщались коммунистами и комсомольцами равномерно»[13]. Опять же, по Ж.-П. Депретто и В. М. Кириллову, выходит, что трудмобилизованные коммунисты и комсомольцы из среднеазиатских республик тоже являлись подневольными рабочими?

Как известно, рабочие остальных трех категорий не были призваны военными комиссариатами, и следовательно, они были людьми, ограниченными в правах и гражданских свободах. Другое дело, в каких условиях жили и работали трудмобилизованные из Туркменистана. А трудились они в неимоверно тяжелых природно-климатических и жилищно-бытовых условиях. Однако это не дает историкам права называть их подневольными рабочими, выполнявшими принудительные работы.

Как положено по закону военного времени, все мобилизованные обязаны были явиться на сборные пункты в зимней одежде, с необходимым запасом продовольствия и предметами первой необходимости. Наряду с этим, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», была установлена уголовная ответственность за неявку на призывной или сборный пункт, за самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн[14].

В результате слаженной работы военных комиссариатов и партийно-советских органов мобилизация в целом прошла организованно и без особых эксцессов. Трудмобилизованные из Туркмении, понимая судьбоносность и ответственность момента, как и представители других братских народов СССР, включились в трудовые будни советского тыла.

Как известно, в 1916 г., в разгар Первой мировой войны, по всей Средней Азии происходили массовые выступления местного населения, вызванные несвоевременным Указом Николая II о привлечении «туземцев» на тыловые работы в прифронтовой зоне. Эти выступления привели к большим жертвам как среди местного населения, так и среди русских переселенцев. Однако мобилизация рабочих на предприятия и стройки РСФСР в годы Великой Отечественной войны происходила мирно и организованно, не было каких-либо значительных высказываний недовольства со стороны местного населения. Это и понятно, в отличие от колониального периода на этот раз мобилизацию проводила своя власть — власть трудового народа.

Все трудмобилизованные, как правило, были среднего и пожилого возраста, прежде работали в сфере сельского хозяйства. Однако среди них были и совсем молодые парни, которые по состоянию здоровья не призывались в ряды Красной Армии. Как рассказывал Нурымурад Атаев, один из знакомых автора этих строк, его дед Ата Илмамедов попал на фронт, а отец Гоч Атаев — в ряды рабочих батальонов, то есть трудмобилизованных.

В конце 1942 — начале 1943 г. первые эшелоны с рабочими стали прибывать в промышленные центры Урала, Сибири и центральных областей РСФСР, и люди сразу же включились производственную деятельность. Центральный комитет ВКП(б) направил телеграммы в Красноярский крайком, Новосибирский обком партии и другие партийные органы, указав на необходимость улучшения материально-бытовых условий рабочих из республик Средней Азии. Так, например, Горьковский обком ВКП(б) специально провел проверку обустройства прибывших на промышленные предприятия области 2440 узбеков и 1103 туркмен[15].

Как показывают данные, в годы войны ряды рабочего класса РСФСР пополнялись туркменами, узбеками, казахами, киргизами и таджиками. Всего в 1941–1943 гг. в Туркменской ССР в трудовые колонны было мобилизовано 34 559 человек[16]. Почти три четверти из них были направлены на народно-хозяйственные объекты РСФСР, но больше всего — на промышленные предприятия и стройки Урала и Сибири. На предприятия и стройки Удмуртской АССР, Красноярского и Пермского краев, Свердловской, Томской, Кемеровской и Челябинской областей, а также Московской, Куйбышевской (Самарской), Кировской, Горьковской (Нижегородской) областей Центральной России из Туркменистана было мобилизовано свыше 25 тыс. человек. Из них 10 тыс. человек работали в системе Наркомата путей сообщения, 2676 — Наркомстроя, 3594 — Наркоматов танковой и авиационной промышленности, 2403 — Наркомата тяжелого машиностроения. Кроме того, 1873 человека были посланы на шахты Кузбасса, на промышленные предприятия Главсланца, 3009 — на Тагилстрой (ст. Смычка)[17].

Следует отметить, что на основании постановления ГКО «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных союзных республиках»[18] были мобилизованы также и представители немецкого меньшинства, компактно проживавшего до войны на территории Серахсского и Байрам-Алийского районов Туркменской ССР. К сожалению, до сих пор неизвестно общее количество рабочих-немцев, мобилизованных в Туркмении.

Трудмобилизованные из Туркменистана, прибывшие в конце 1942 — первой половине 1943 г. на Урал, были задействованы на предприятиях черной и цветной металлургии, в промышленном строительстве, машиностроении и металлообработке. В меньшей степени они были заняты на работах в системе Народного комиссариата путей сообщения, в угольной и химической промышленности. К маю 1943 г. трудмобилизованные в количестве почти 21 тыс. человек работали на 33 промышленных предприятиях и хозяйственных объектах Челябинской области. К середине июня 1943 г. их численность в Чкаловской (Оренбургской) области достигла 10 600 человек. Среди прибывших на Южный Урал были представители 14 национальностей, в том числе много туркмен[19].

В сентябре 1943 г. на Урале уже работало свыше 60 тыс. узбеков, казахов, киргизов, таджиков и туркмен, из которых свыше 35 тыс. трудилось на производственных объектах Челябинской области. На заводах и стройках Свердловской области было занято более 27 тыс., а на предприятиях и шахтах Оренбургской области — около 8 тыс. человек[20]. В общем, в 1943 г. в 17 городах и районах Свердловской области трудилось уже свыше 32 тыс. рабочих, мобилизованных из Средней Азии, в том числе свыше 1,5 тыс. туркмен[21].

На Урале значительную часть мобилизованных из Средней Азии весной 1943 г. составляли прибывшие из Узбекистана. Однако кроме узбеков здесь были размещены и работали представители других национальностей — туркмены, таджики, киргизы и казахи. Их суммарная численность составляла более 30 тыс. человек. Вскоре их количество в регионе достигло более 73 тыс. человек. С осени 1943 г. число трудмобилизованных из Средней Азии в регионе начало уменьшаться и к середине 1944 г. составило около 22 тыс. человек[22].

Туркменские рабочие трудились и на железнодорожном транспорте Урала. В частности, на 1 апреля 1944 г. на участке № 5 строителей-железнодорожников Управления строительства № 24 Челябинска работали 326 трудмобилизованных из Средней Азии, из которых 56 были туркменами[23].

Несмотря на суровые будни военных лет, местные власти заботились о трудмобилизованных и старались создавать для них нормальные условия. Для их размещения подготовили жилье, выделили специальные фонды продовольствия, одежды, обуви, предметов гигиены. Однако в результате огромного притока эвакуированного и мобилизованного населения в промышленных центрах возник острейший жилищный кризис. Поэтому часть мобилизованных была устроена на условиях подселения, часть размещена в рабочих общежитиях предприятий, где при большой скученности на одного человека нередко приходилось не более 1,5 кв. м жилой площади. И все же в тяжелейших условиях войны уральцам удалось принять трудмобилизованных и разделить с ними кров над головой[24].

Стройуправление Наркомата путей сообщения размещало рабочих-туркмен в хорошо оборудованных общежитиях, налаживало для них медосмотр и трехразовое питание, что в условиях военного времени практически невозможно было осуществить. Для них выделялись агитаторы и лица, владеющие туркменским языком. В результате этих мер из 258 рабочих-туркмен 145 перевыполняли производственные нормы[25].

Большинство трудмобилизованных не имело теплой одежды и обуви. Поэтому в январе 1942 г. по указанию Челябинского обкома партии и областного Совета облтекстильсбыт реализовал 60 тыс. м хлопчатобумажных тканей строительным батальонам Магнитогорска, Златоуста, трудовые коллективы которых состояли в основном из казахов, туркменов, таджиков, узбеков[26].

В мае 1943 г. Свердловский обком партии проверил материально-бытовое положение и условия жизни трудмобилизованных. В Нижнем Тагиле городской комитет ВКП(б) в октябре 1943 г. организовал с этой целью несколько специальных комиссий. К работе в них были привлечены ответственные работники горкома и райкомов ВКП(б), представители партийного и профсоюзного активов города, рабочие-туркмены, таджики, узбеки, казахи.

В октябре 1943 г. Челябинский обком партии специально обсудил вопросы материально-бытового обслуживания и политико-массовой работы среди рабочих-туркмен. В постановлении бюро обкома по этому вопросу отмечалось, что прибывшие из Туркменистана рабочие влились в производственные коллективы предприятий и строек области и приняли участие в выполнении производственных заданий заводов и строительных объектов. Свердловский обком ВКП(б) в первой половине 1943 г. дважды рассмотрел вопрос и принял развернутое решение о материально-бытовом и культурном обслуживании рабочих из национальных республик[27].

Для улучшения питания трудмобилизованных в рабочих столовых промышленных предприятий и объектов строительства, где они работали, готовились блюда национальной кухни. Были выделены специальные столы с прикреплением к ним персонала для обслуживания среднеазиатских рабочих. Однако после прибытия трудмобилизованных к месту работы выяснилось, что для многих из них серьезной проблемой стал продовольственный рацион, на который они были переведены по приезду. Это выразилось в замене привычных для них риса, домашних лепешек, хлопкового масла, баранины и бараньего жира на картофель, крупы, ржаной хлеб, говядину, говяжий и свиной жир при полном отсутствии зеленого чая, сухофруктов[28].

Как показывают исследования российского историка Б. Д. Шмырова, несмотря на предпринимаемые меры, условия труда оставались все же очень тяжелыми, а обеспечение рабочих продовольствием — плохим. Многие трудармейцы страдали от истощения организма, вследствие чего часто болели и умирали. В частности, за период с 20 декабря 1943 по 8 марта 1944 г. в тресте «Коркиношахтстрой» из-за истощения вследствие плохого питания в больнице умерли 47 трудмобилизованных. Проверка положения трудмобилизованных на Кировском заводе в Челябинске весной 1944 г. показала, что из имеющихся в наличии 916 человек болеют дистрофией 220 человек. Для лечения дистрофиков был организован стационар, но он не мог охватить всех больных: так, только в землянке № 18 находились восемь человек, не прошедших врачебный осмотр и не попавших в стационар. Все это привело к тому, что с 1 января по 1 июня 1944 г. на танкостроительном производстве умерли 98 трудмобилизованных[29]. Это показывает, что не всем трудмобилизованным, в том числе рабочим-туркменам, было суждено жи-

выми вернуться на родину, несколько десятков, а быть может, и сотни из них умерли от голода и холода, истощения и болезней.

Необходимо отметить, что прибывшие на Урал и в Сибирь уроженцы республик Средней Азии в своем большинстве были жителями сельской местности и степей — хлопкоробами и животноводами. Они не имели рабочих профессий и, как показано выше, могли использоваться на промышленном производстве, в строительстве и на железнодорожном транспорте только в качестве низкоквалифицированной рабочей силы. Однако через некоторое время на новом месте бывшие туркменские колхозники начали осваивать различные рабочие профессии: шахтера, слесаря, каменщика, маляра, штукатурщика, монтажника, плотника, столяра, резчика, прессовщика, сверловщика, копировальщика, кузнеца, печника, лесоруба, землекопа и др.

Большинство туркменских рабочих, как и другие их среднеазиатские товарищи, были настоящими тружениками. Прибыв на промышленные предприятия и новостройки Урала, рабочие-туркмены с первых дней включились в борьбу за выполнение и перевыполнение норм выработки. Среди них ширилось стахановское движение. Например, на Тагилстрое (Свердловская область) 215 рабочих-туркмен стали стахановцами, а 54 из них за добросовестный труд были представлены к правительственной награде. На одном из заводов Самарской области в годы войны бок обок с самарчанами свой трудовой подвиг совершал 231 туркмен. Все они прибыли сюда из Ташаузской области Туркменистана. На другом заводе работали еще 392 туркмена, прибывших из Марыйской области[30]. Рабочие-туркмены здесь трудились в качестве резчиков, прессовщиков, слесарей и т. п. Подавляющее большинство рабочих перевыполняли планы, некоторые из них давали по три-четыре нормы в день. В одном из приказов по этому заводу указывалось: «Рабочие-туркмены, казахи, узбеки, прибывшие к нам в феврале 1943 г. из восточных районов СССР, влились в рабочий коллектив нашего завода и активно участвуют в выполнении производственной программы. Многие из них овладели специальностями, выполняют и перевыполняют производственные задания. Направление к нам рабочих-туркмен, казахов, узбеков и их стахановская работа в значительной мере способствовало успешному выполнению плана завода»[31].

Бывший колхозник, а в войну рабочий Челябинского Кировского завода туркмен А. Джамарат как сверловщик обслуживал несколько станков и выполнял сменные задания на 150 %. Его земляк И. Антузов обслуживал четыре станка и выполнял нормы на 160 %. Туркмен К. Мамед, став рабочим, перевыполнял сменные задания в 2,5 раза[32].

Большинство присланных на Урал и в Сибирь трудмобилизованных составляли малограмотные сельские жители, не знавшие русского языка. Поэтому местные партийные организации организовывали для них агитационные и идеологические мероприятия. Центрами проведения таких мероприятий были чайханы, организованные в местах проживания и на объектах, где работали приезжие. С весны 1943 г. в каждом общежитии и в местах компактного проживания рабочих стали открываться чайханы. В чайхане выступали самодеятельные артисты из числа среднеазиатских рабочих, игравшие на музыкальных инструментах. Так как народы Средней

Азии по языку и культуре были очень близкими, то когда выступал, например, узбекский ансамбль, на концерте кроме узбеков обязательно присутствовали туркмены и таджики.

С весны 1943 г. чайханы стали местом для политических занятий. В них проводились публичные чтения сводок Совинформбюро и художественной литературы, обсуждалось положение на советско-германском фронте, на национальных языках среднеазиатских народов проводились беседы на политические темы. Агитаторов набирали из среднеазиатских рабочих, которые владели русским языком.

С 1943 г. в адрес тех предприятий центральных областей РСФСР, Урала и Сибири, где массово работали туркменские рабочие, от ЦК КП(б) Туркменистана стали приходить газеты на туркменском языке: «Совет Туркменистаны», «Ленин ёлы» («Ленинский путь»), «Ленин байдагы» («Ленинское знамя»), «Ташауз колхозчиси» («Ташаузский колхозник»). Одновременно создавались библиотеки, в которых имелись книги на туркменском языке. Для рабочих также завозились граммофоны и пластинки с записями на туркменском языке. Например, для рабочих-туркмен, работавших на Челябинском Кировском заводе и строительстве № 24, поступили соответственно 50 и 80 граммофонных пластинок с записями на туркменском языке[33].

Политико-массовой работой среди трудмобилизованных занимались и партийные организации среднеазиатских республик. В первом квартале 1944 г. на предприятиях Челябинской области работали по три представителя от ЦК компартий Туркмении, Казахстана, Узбекистана и пять партийных работников от ЦК КП(б) Киргизии. В их числе было 12 мужчин и 2 женщины — Ф. Мамыралиева из Киргизии и Д. Хусимова из Туркмении. Партийные работники из Туркмении вели агитационно-массовую работу на Кировском заводе, в управлении строительства № 20 и 24. Всего на Урале осенью 1943 — весной 1944 г. в рабочих коллективах трудмобилизованных туркменской национальности находились 16 партийных работников, командированных из ЦК КП(б) Туркмении[34].

Центральный комитет КП(б) Туркменистана и СНК ТССР летом и осенью 1943 г. направили специальные бригады под руководством заместителя председателя СНК ТССР А. Юзбашева в Свердловскую, Куйбышевскую, Челябинскую, Горьковскую, Московскую, Пермскую области и Красноярский край. Бригада ЦК КП(б) Туркменистана в составе Н. Караджаевой и С. Мурадова посетила промышленные предприятия Горьковской и Московской областей. В докладной записке бригады отмечалось, что большая работа среди рабочих-туркмен проводилась на заводе «Красное Сормово» в Горьком, где работали 674 туркмена. Для культурного обслуживания рабочих-туркмен из республики выписывались национальная литература, республиканские газеты и журналы: «Большевик», «Совет Туркменистаны», «Туркменская искра». Бригада ЦК КП(б)Т посетила также рабочих-туркмен в Красноярском крае. На заводе «Красный Профинтерн» (ст. Злобино) и на других строительных объектах работали 970 туркмен[35].

Посещая промышленные предприятия и стройки, члены бригад ЦК КП(б)Т проводили собрания рабочих-туркмен, выступали с докладами о положении на фронте, рассказывали о помощи трудящихся Туркменистана фронту и т. д. В СНК ТССР и ЦК КП(б)Т 27 ноября 1943 г. был рас-

смотрен вопрос о результатах поездки ЦК КП(б) Туркмении в центральные области РСФСР, где была отмечена удовлетворительная работа бригады, ее помощь руководителям предприятий и новостроек в массовой работе среди рабочих-туркмен, улучшении их культурно-бытовых условий.

С ноября 1943 г. власти СССР на основании решения ГКО «О прекращении мобилизации военнообязанных и другого населения среднеазиатских республик на работы за их пределами и об улучшении обслуживания рабочих из этих республик» от 17 октября 1943 г. формально прекратили отправку трудмобилизованных за пределы Среднеазиатского военного округа[36]. В 1944 г. по постановлению СНК СССР развернулась их демобилизация с промышленных предприятий, строек, шахт. Но большая часть трудмобилизованных из Туркмении продолжала работать на предприятиях и стройках до окончания войны.

Следует отметить, что не только рабочие-туркмены выезжали на стройки Российской Федерации, но, в свою очередь, из России приезжали рабочие, чтобы строит заводы и фабрики, реконструировать Красноводский морской порт, Ашхабадскую железную дорогу и другие объекты на территории Туркменистана. В частности, из Нижнего Тагила — одного из тех мест, где самоотверженно трудились туркменские рабочие, — в январе 1942 г. прибыла строительная рабочая колонна в составе 789 человек, которая трудилась на разных участках Ашхабадского отделения Среднеазиатской железной дороги. В Красноводск прибыла строительная рабочая колонна из Сызрани — 520 человек[37].

Несмотря на пережитые трудности и лишения, голод, холод и болезни, пребывание трудмобилизованных из туркменских сельских глубин имело для них большое мировоззренческое значение. Бывшие сельчане, никогда не выходившие из своих культурно-бытовых пространств, впервые в своей жизни оказались в незнакомом и непривычном жизненном пространстве. Они впервые увидели крупные промышленные города, гигантские стройки, промышленные предприятия и шахты, бескрайные лесные массивы Сибири и могучие реки России с их величественными мостами, которые поражали их воображение и произвели на них неизгладимое впечатление. Они получили массу положительных эмоций, и это осталось у них на всю оставшуюся жизнь. Многие из трудмобилизованных освоили сложные рабочие профессии, стали стахановцами и ударниками. После окончания войны часть их продолжила свою трудовую деятельность уже на заводах и фабриках Туркменистана.

Обобщая сказанное, следует констатировать, что, несмотря на некоторое тенденциозное ви́дение и определение характера данного явления в работах некоторых постсоветских и зарубежных авторов, трудмобилизованные туркмены и их рабочие отряды в целом являлись хорошо организованной рабочей силой и слаженной военизированной трудовой организацией, а их самоотверженный труд стал настоящей доблестью. Туркменские рабочие и их среднеазиатские собратья, работая на военных объектах Урала, Сибири и центральных областей РСФСР в годы Великой Отечественной войны, заслужили добрую память и уважение к себе в сердцах жителей России. В неимоверно тяжелейших условиях военного времени вместе с представителями всех братских народов СССР они внесли свой весомый вклад в Великую Победу.

Примечания

[11] Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е — начало 1950-х гг. Нижний Тагил, 1996. С. 9.

[2] Базарова Р. А. Советский Туркменистан — фронту. Ашхабад : Ылым, 1978.

[3] Халилов С. Рабочий класс Туркменистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад : Ылым, 1986.

[4] История рабочего класса Советского Туркменистана (1917–1965 гг.). Ашхабад, 1969.

[5] Аннаоразов Ж., Коссеков Д. Во славу священной памяти народа-победителя, народа-труженика (о ратных подвигах туркменистанцев в годы ВОВ) // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне : тр. Междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 267–270 ; Аннаоразов Д. С. Туркменские рабочие на предприятиях и стройках Урала, Сибири и Центральной России в годы Великой Отечественной войны // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности : в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2015. С. 54–60.

[6] Будников Ю. И. Материально-бытовое положение трудмобилизованных из Средней Азии и Казахстана на предприятиях и стройках Урала // Вестн. ЮУрГУ. 2013. Сер. Социал.-гуманит. науки. Т. 13, № 1 ; Гончаров Г. А. Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: формирование и размещение // Вестн. ОГУ. 2006. № 9, ч. 1 и др. ; Кириллов В. М. Указ. соч. ; Павленко В. Трудмобилизованные Средней Азии и Казахстана на предприятиях и стройках Урала. 1941–1945 годы // Евраз. журн. регион. и полит. исслед. 2002. Т. 10, № 1 (1) ; Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на стройках и промышленных предприятиях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2016 ; Он же. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на стройках и промышленных предприятиях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны : дис. … канд. ист. наук. Челябинск ; Депретто Ж.-П. Категории принудительного труда на Урале в период Второй мировой войны // 70-летие Великой Победы : ист. опыт и проблемы современности : в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2015.

[7] Павленко В. Указ. соч. С. 201.

[8] О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел[езных] дорог и пром[ышленных] предприятий : Постановление ГКО от 14 октября 1942 года. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ГКО_№_2414_от14.10.42 (дата обращения: 21.11.2020).

[9] Гончаров Г. А. Категориальный состав «Трудовой армии» на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 34 (249). История. Вып. 48. С. 60.

[10] Депретто Ж.-П. Указ. соч. С. 110–111.

[11] Там же. С. 99.

[12] Кириллов В. М. Указ. соч. С. 9.

[13] Гончаров Г. А. Рабочие колонны на Урале… С. 138.

[14] Гонцова М. В. Трансформация повседневной жизни городского населения Урала в годы Великой Отечественной войны // 70-летие Великой Победы : ист. опыт и проблемы современности : в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2015. С. 81.

[15] Базарова Р. А. Указ. соч. С. 117.

[16] История рабочего класса Советского Туркменистана (1917–1965 гг.). С. 316.

[17] Аннаоразов Д. С. Туркменские рабочие на предприятиях и стройках Урала, Сибири и Центральной России в годы Великой Отечественной войны. С. 55.

[18] Гончаров Г. А. Формирование и использование в строительстве рабочих колонн мобилизованных немцев. URL: https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru/theliablag/004.html (дата обращения: 20.11.2020).

[19] Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на стройках и промышленных предприятиях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. С. 22.

[20] Павленко В. Указ. соч. С. 201.

[21] Базарова Р. А. Указ. соч. С. 116.

[22] Хусенов К. Патриотический труд рабочих-узбеков на предприятиях и стройках Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Материалы XXIII науч. конф. профессорско-преподавательского состава Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. История. Самарканд, 1966. С. 23.

[23] Шмыров Б. Д. Внесли свой посильный вклад // Музейный вестник. Вып. 26. Челябинск : ЧГИК, 2018. С. 24.

[24] Будников Ю. И. Указ. соч. С. 22.

[25] Аннаоразов Ж., Коссеков Д. Указ. соч. С. 217.

[26] Будников Ю. И. Указ. соч. С. 23.

[27] Базарова Р. А. Указ. соч. С. 118.

[28] Шмыров Б. Д. Продовольственное снабжение трудмобилизованных Средне-Азиатского военного округа на промышленных предприятиях Челябинска и Челябинской области в 1942–1945 годах // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 39.

[29] Там же. С. 40.

[30] Базарова Р. А. Указ. соч. С. 116.

[31] Аннаоразов Д. С. Туркменские рабочие на предприятиях и стройках Урала, Сибири и Центральной России в годы Великой Отечественной войны. С. 56.

[32] Павленко В. Указ. соч. С. 201.

[33] Шмыров Б. Д. Политико-массовая работа среди трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа на Южном Урале в 1943–1944 годах // Magistra Vitae : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2013. № 18 (309). С. 46–47.

[34] Там же. С. 48.

[35] Туркменистан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : сб. док. : в 2 т. Т. 1. Ашхабад, 1962. С. 241.

[36] Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на стройках и промышленных предприятиях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны : дис. … канд. ист. наук. С. 94.

[37] Халилов С. Указ. соч. С. 98.

Т. И. Старусева

Трудовой героизм как важный фактор в годы Великой Отечественной войны (на примере Киргизии)

Киргизия внесла достойный вклад в Победу. Республика оперативно разработала и осуществляла организационно-хозяйственные мероприятия. Патриотическое движение приняло поистине всенародный и героический характер. Эффективная помощь оказывалась не только фронту, но и раненым, инвалидам и семьями фронтовиков.

Ключевые слова: *Кыргызстан, мероприятия, фронт, помощь, вклад.*

Великая Отечественная война испытала на прочность советское государство, и победа в ней была достигнута благодаря общим усилиям всех наций и народностей СССР. Каждая из республик мобилизовала все свои ресурсы для отпора жестокому агрессору. В сложных условиях была перестроена и работа партийной организации Киргизии, позволившая подчинить ее интересам фронта и успешно решать политические и военно-хозяйственные задачи.

Значительно расширилась и деятельность Советов депутатов трудящихся. Для обеспечения оперативного решения практических вопросов хозяйственного и культурного строительства в 1941–1944 гг. произошли изменения в районной и областной административно-территориальной системе управления. В своей работе Советы опирались на представителей различных слоев населения, при многих организовывались оборонные комиссии. Кроме того, функционировали постоянно действующие комиссии: промышленности, коммунального хозяйства, бюджетно-финансовая, животноводческая, культурно-просветительная, дорожная, торгово-кооперативная, здравоохранения и сельскохозяйственная.

Насущным проблемам военного времени посвятили свою деятельность и массовые общественные организации, профессиональные союзы, комсомол, добровольные, оборонные и спортивные общества, а также общество Красного Креста. Совместно с партийными, советскими и хозяйственными организациями профсоюзы развернули работу по перестройке экономики республики на военный лад, массовой подготовке новых производственных кадров, возглавили социалистическое соревнование за повышение произ-

водительности труда и увеличение выпуска военной продукции. Большое внимание уделялось массово-оборонной работе, организации шефства над госпиталями.

С первых же дней войны в Киргизии повсеместно прошли массовые митинги, в которых приняли участие рабочие, колхозники и интеллигенция. Лейтмотивом их был лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» Важнейшим мероприятием военного времени стала эвакуация промышленных предприятий и оборудования из фронтовых и прифронтовых районов страны, причем эвакуировались целые отрасли. Не менее важной была задача интенсивного освоения эвакуированных предприятий, при том что отсутствовали готовые производственные мощности, энергетическая база, не хватало подсобных и жилых помещений, транспортных средств и, разумеется, рабочего и инженерно-технического персонала. С июля 1941 по декабрь 1942 г. в Киргизскую ССР прибыло оборудование 38 заводов, фабрик, мастерских из Харькова, Одессы, Курской, Московской и Воронежской областей. Благодаря организаторской работе, самоотверженному труду рабочих, инженеров, техников ввод в действие перебазированных предприятий осуществлялся в кратчайшие сроки. Укреплению и расширению военно-промышленной базы в республике способствовало также создание новых производственных мощностей. Скоростными методами был введен в эксплуатацию в феврале 1942 г. свинцово-цинковый рудник Ак-Тюз, в июне — Хайдарканский металлургический комбинат по производству ртути. После временной потери Никитовского ртутного комбината в Донбассе он занял ведущее место в Советском Союзе по выпуску этого важного стратегического сырья. В том же году вступили в строй сахарный завод в Ново-Троицке, Фрунзенская пеньково-джутовая фабрика, Пржевальский комбинат легкой промышленности, Джалал-Абадский витаминный завод.

Одной из сложнейших проблем в условиях войны являлось обеспечение народного хозяйства рабочей силой. В результате мобилизации на фронт численность кадровых рабочих на угольных рудниках Кызыл-Кия и Сулюкты за первое полугодие войны сократилась на 67,2 %. В рабочих кадрах остро нуждались перебазированные предприятия, а также вновь строящиеся объекты. В целях укомплектования промышленности кадрами принимались чрезвычайные меры: были отменены отпуска, руководителям предприятий предоставлялось право увеличивать в случае необходимости рабочий день на один-три часа. Рабочие и специалисты в ведущих отраслях производства объявлялись мобилизованными на весь период войны. Ряды рабочих пополнялись и за счет эвакуированного населения, сокращения административно-управленческого аппарата. Кадровыми рабочими становились пенсионеры, ветераны труда, инвалиды Великой Отечественной войны, студенты, учащиеся старших классов; широко вовлекалось в промышленность колхозное крестьянство; осуществлялось межотраслевое перераспределение рабочей силы. Основной силой на производстве с первых дней войны стали женщины.

В целях повышения квалификации новых кадров в широких масштабах организовывались ускоренное обучение непосредственно у станка, индивидуальное и бригадное ученичество, стахановские школы, курсы техминимума. Важным источником пополнения квалицированными кадрами стали

учебные заведения системы государственных трудовых резервов. 16 июля 1942 г. при СНК Киргизской ССР было учреждено Управление трудовых резервов. За 1943–1945 гг. этой системой были подготовлены по ускоренной программе обучения 13,9 тыс. молодых рабочих разных национальностей. В итоге численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Киргизской ССР, возросла с 165,3 тыс. в 1940 г. до 184,4 тыс. в 1945 г., а число индустриальных рабочих — на 27,7 %. Особенно быстрыми темпами этот процесс шел в ведущих отраслях промышленности. В частности, в машиностроении она увеличилась в 8,9 раза, в цветной металлургии — в 3,8. Эвакуация населения из западных районов страны привела к существенному изменению национального состава рабочего класса Киргизии — он стал более многонациональным[1].

Усилению помощи фронту способствовала творческая активность масс и прежде всего размах социалистического соревнования. Его участники брали обязательства по повышению производительности труда и укреплению трудовой дисциплины, досрочному выполнению заданий фронта. Творческая инициатива двухсотников, трехсотников и пятисотников вскоре переросла в движение тысячников. К концу февраля 1942 г. только на предприятиях г. Фрунзе насчитывалось 3019 стахановцев, 647 двух-, трех- и пятисотников и 48 тысячников. Весной 1942 г. в ответ на первомайские призывы ЦК ВКП(б) в стране развернулось. Всесоюзное социалистическое соревнование, охватившее все отрасли промышленности, транспорта, сельского хозяйства, став поистине всенародным движением. Для победителей соревнования на предприятиях черной металлургии, заводах, производивших вооружение и боеприпасы, были учреждены переходящие красные знамена ЦК ВКП(б) и ГКО, для передовиков других отраслей промышленности — переходящие красные знамена соответствующих наркоматов СССР и ВЦСПС. В Киргизской ССР было учреждено пять переходящих красных знамен ЦК КП(б) Киргизии, в областях — переходящие красные знамена обкомов партии и исполкомов областных советов депутатов трудящихся. Итоги соревнования подводились ежемесечно и получали широкую огласку. Широкое распространение получило также движение комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, выполнявших норму на 200 и 300 %.

Ценой гигантских усилий к середине 1942 г. перевод промышленности, как и всего народного хозяйства, на военный лад был завершен. Было восстановлено и введено в действие большинство эвакуированных заводов и фабрик, построен ряд новых крупных объектов оборонного значения. Как неотъемлемая часть многонационального государства Киргизская ССР превратилась в одну из его военно-промышленных баз. Нарастающими темпами на фронт поставлялись минно-тральное вооружение, боеприпасы, военное снаряжение, а оборонной промышленности — стратегическое сырье. Наращивание в стране производства основных видов оборонной продукции позволило уже концу 1942 г. ликвидировать превосходство германского вермахта в вооружении и создать необходимые материально-технические предпосылки для достижения коренного перелома в ходе войны.

Следует отметить, что развитие военной экономики было неразрывно сваязано с решением топливно-энергетической проблемы. В соответсвии с Постановлением СНК СССР от 8 декабря 1941 г. об увеличении добычи

угля в восточных районах страны на каменноугольных рудниках республики был установлен повышенный суточный план добычи топлива. С января 1942 г. по апрель 1944 г. в ее угольную промышленность было мобилизовано более 10 тыс. новых рабочих, а также влились 2,5 тыс. выпускников школ трудовых резервов[2]. Положительный результат давал и трудовой энтузиазм горняков: на-гора выдавалось по 236 т угля вместо 22 т по норме. Благодаря упорному труду горняков Киргизия на всем протяжении войны бесперебойно снабжала оборонную промышленность и железнодорожный транспорт не только республики, но и всей Средней Азии и Южного Казахстана.

В начале войны наблюдалось значительное отставание энергетических мощностей республики от запросов народного хозяйства. Для ликвидации этой проблемы огромное значение имело постановление СНК СССР от 6 июня 1942 г. о строительстве в Киргизской ССР, на западной ветке Большого Чуйского канала, Лебединовской ГЭС. Во всенародной стройке, объявленной ударной, участвовало 1500 колхозников Фрунзенской, Ошской, Джалал-Абадской областей и 2000 тружеников столицы республики Фрунзе. В июне 1943 г. первая очередь станции вошла в строй, а в том же году были сданы в эксплуатацию тепловая электростанция во Фрунзе и Ошская ГЭС. 14 ноября 1943 г. ГКО принял постановление о строительстве Аламединской, второй очереди Лебединовской и Токмакской, Джалал-Абадской и Пржевальской ГЭС. С вводом в строй этих объектов рост производства электроэнергии обеспечил ритмичную работу важнейших отраслей промышленности, выполнявших заказы фронта[3].

Активные боевые действия на фронте потребовали оперативности в работе транспорта, поэтому 15 апреля 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР на железных дорогах страны было введено военное положение. В мае того же года оно было распространено на речной и морской транспорт, в том числе на Иссык-Кульское пароходство Киргизской ССР. Существенные изменения произошли в структуре перевозимых грузов. За годы войны значительно возросли перевозки и по железным дорогам Киргизии грузов военной промышленности, стратегического сырья, топлива для оборонных предприятий, обмундирования, снаряжения, продовольствия, а в освобожденные районы — людей, скота и различного оборудования. Свой вклад в Победу вносили работники автомобильного и гужевого транспорта, многое для обслуживания нужд фронта сделали и связисты республики.

Суровым испытанием война стала и для работников сельского хозяйства. Уже в первые ее дни многие трудоспособные и квалифицированные труженики деревни Киргизии, как и всей страны, были призваны в Красную Армию. Более 34 тыс. человек в порядке мобилизации влились в различные отрасли промышленности и транспорта, трудились на строительстве, торфоразработках в самой республике; 36 296 колхозников-киргизов были мобилизованы в строительные трудовые батальоны, направленные в промышленность Урала, Поволжья и Сибири. Удельный вес трудоспособного населения (в возрасте 16 лет и старше) в 1942 г. сократился на 27 %, а 1943 г. — на 39 %[4]. Тем не менее, учитывая временные потери ряда важнейших сельскохозяйственных районов, необходимо было наращивать это производство в других регионах, в том числе в Киргизской ССР. Поэтому

здесь расширялись посевные площади, велась упорная борьба за урожай, принимались меры по рациональному использованию трудовых, механических и тягловых ресурсов, соблюдению агротехники.

Сложной проблемой было обеспечение колхозно-совхозного производства рабочей силой: ушедших на фронт мужчин заменили женщины, подростки люди пожилого возраста, а также инвалиды войны и труда. Вследствие новых призывов в действующую армию и мобилизационные мероприятия численность трудоспособного населения в деревне сокращалась из года в год. Поэтому был повышен обязательный минимум трудодней для колхозников (100–150 в год) в зависимости от отрасли хозяйства. Обязательный минимум для подростков составлял 50 трудодней. Для оказания помощи деревне туда направлялись трудоспособные городские жители, не занятые на производстве, а также часть служащих государственных, кооперативных и общественный учреждений и организаций, учащиеся старших классов школ, техникумов, студенты вузов. По примеру рабочих в мае — июне 1942 г. было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование за своевременное проведение полевых работ, сбор высокого урожая, подъем животноводства, за успешное выполнение и перевыполнение поставок государству. В Киргизии в него включились многие колхозы, совхозы и МТС: весной 1943 г. соревновались уже 83 % всех колхозов, 78 % полеводческих бригад и 85 % звеньев[5].

Формы трудовой активности колхозников в годы войны были многообразными. В частности, развернулось соревнование колхозов им. Нариманова, «Кара-Токой» Ошской области и им. Буденного Иссык-Кульской области с военными заводами осажденного Ленинграда. По итогам Всесоюзного соцсоревнования в 1942 г. за ударную работу и достижения в заготовке зерна Киргизская ССР получила третью премию — знамя Наркомзема СССР и ВЦСПС, были отмечены положительные сдвиги и в сфере общественного животноводства.

Свой вклад в разгром врага вносила и интеллигенция Киргизии: свыше 15,7 тыс. работников научно-исследовательских учреждений, литературы и искусства, народного образования и здравоохранения ушли на фронт. В тылу решались важнейшие военно-экономические задачи по мобилизации ресурсов республики для оказания помощи фронту и стране: коллективы 18 научно-исследовательских учреждений, возглавляемых Комитетом наук при СНК Киргизской ССР, в кратчайшие сроки переключились на разработку тем оборонного и народнохозяйственного значения. Интенсивно велось исследование природных ресурсов: за 1941–1944 гг. была организована 321 геологическая экспедиция, в том числе 10 — по разведке цветных и редких металлов, 71 — угля и нефти, 8 — черных металлов. В результате ученые открыли и передали для промышленного освоения 21 месторождение минерального сырья. В июле 1942 г. президент Академии наук СССР В. Л. Комаров отмечал, что в Киргизской ССР развернута добыча таких стратегически важных редких металлов, как ртуть, сурьма, вольфрам и др.[6]

Ученые лаборатории прикладной химии разрабатывали технологию получения ланолина — смазочного продукта для оружейных и орудийных затворов, заменителя пасты «Герметин» для шлифовки металла в авиаремонтных мастерских и различных моющих средств из местного сырья. Ос-

новные исследовательские работы ученых-медиков посвящались оборонной тематике, борьбе с травматизмом и травматическим шоком, с инфекциями, изучению краевой климатологии и курортов республики. Важное значение для фронта и тыла имела разработанная Институтом эпидемиологии и микробиологии методика получения сыворотки и вакцины — эффективных средств борьбы с сыпным тифом и другими инфекциями. Проблемами улучшения пород скота, повышения его продуктивности, укрепления кормовой базы и борьбой с эпизоотиями животных занимались коллективы Научно-исследовательского института животноводства и ветеринарной опытной станции. За годы войны Институтом животноводства было издано восемь монографий, более сорока научно-популярных брошюр и инструкций, обобщавших результаты научной работы и опыт передовиков животноводства.

В ноябре — декабре 1941 г. в республику прибыло эвакуированное из Москвы биологическое отделение Академии наук СССР в составе пяти институтов и 235 научных сотрудников во главе с академиками А. Н. Бахом и А. А. Борисяком и четырьмя членами-корреспондентами АН СССР. В тесном творческом содружестве с учеными Киргизии они изучали проблемы, связанные с нуждами фронта. Большую помощь колхозам и совхозам оказал Институт эволюционной морфологии АН СССР: им был рекомендован метод борьбы с опаснейшим вредителем зерновых культур — черепашкой.

Крупным событием стало постановление СНК СССР от 5 января 1943 г. об организации Киргизского филиала АН СССР и упразднении Комитета наук при СНК республики. В его состав вошли четыре института: геологический, биологический и Институт языка, литературы и истории, а также экономо-географическая группа, ботанический сад, Музей национальной культуры (позднее исторический) и научная библиотека. Филиал насчитывал 158 научных сотрудников, во главе его стал академик К. И. Скрябин, а заместителем назначен видный киргизский лингвист Дж. Шукуров. За годы войны филиал вырос в крупное научно-исследовательское учреждение, посвятив свою работу изучению и освоению природных ресурсов республики для усиления помощи фронту. В исследованиях ученых-обществоведов ведущее место занимала военно-патриотическая тематика, пропаганда идей защиты Отечества, воспитания в духе советского патриотизма и интернационализма.

Основной темой творчества работников художественной культуры стала дружба народов многонациональной страны. Свое отражение эта тематика нашла в таких стихах, как «Дружба народов — вершина счастья» Дж. Боконбаева, «Мой Кавказ» К. Маликова, «Трое» Т. Уметалиева, «Присяга» А. Осмонова, «Мы готовы» Тоголока Молдо, «Иди, мой сын, иди» А. Токомбаева, «Победа будет за нами» К. Акиева, «Великий марш» М. Элебаева. Все эти произведения были пронизаны глубокий верой в победу над вероломным врагом. В годы войны писателями Киргизии было опубликовано немало ярких героико-патриотических очерков, рассказов, публицистических статей о подвигах воинов-киргизов, среди них «Чолпонбай» К. Джантошева, «Аширбай» А. Токомбаева, рассказы «Гнев» Н. Чекменова и «Артиллеристы» Т. Сыдыкбекова.

Задачам фронта и тыла, отображению героизма советских людей была подчинена деятельность театральных коллективов. Они развернули активную

военно-шефскую работу: выступали в госпиталях, воинских резервных частях и на призывных пунктах. За время войны семь фронтовых бригад из лучших мастеров Киргизии дали на переднем крае более 2500 концертов.

В первые же дни войны стали создаваться плакаты на злободневные темы. Особенно большой успех имел сатирический плакат «Окна КирТАГ», подобный «Окнам ТАСС». Первый его номер вышел уже в июле 1941 г., а последний — в конце Великой Отечественной войны; отдельные номера были представлены 1943 г. в Центральном музее Революции СССР. Героике фронта и тылу посвящены такие картины художников республики, как «За Родину», «Освобожденным братьям», «Расставание» С. А. Чуйкова, «Проводы на фронт», «Встреча с матерью», «Возвращение с полевых работ» А. И. Игнатьева, «Письмо с фронта», скульптурное произведение «Строительницы БЧК» О. М. Мануйловой. Лучшие работы экспонировались на республиканских художественных выставках «Фашизм — злейшей враг человечества» (ноябрь 1941), «Художники Киргизии за 10 лет (1932–1942)» (весна 1942), «Киргизия — фронту» (ноябрь 1942) и др. Всего за годы войны было организовано пять республиканских и несколько персональных выставок.

Большим вниманием были окружены раненые воины, семьи фронтовиков и инвалиды Отечественной войны. Госпитальная сеть на территории республики начала развертываться уже в октябре 1941 г.: здесь функционировало 25 госпиталей, из них во Фрунзенской области — 17, в Ошской — 4, в Джалал-Абадской — 4. Для повседневного содействия по указанию ЦК КП(б) Киргизии были созданы республиканский, областные, городские и районные комитеты помощи раненым и больным бойцам и командирам Красной армии. Под особый контроль были взяты прием военно-санитарных поездов, размещение раненых, выделение помещений и обеспечение их оборудованием, инвентарем и квалифицированными кадрами. Над госпиталями шефствовали 396 профсоюзных и комсомольских организаций республики. Научные сотрудники Киргизского госмединститута являлись консультантами специализированных отделений госпиталей, оказывали помощь в борьбе с травматическим шоком у раненых, рекомендовали новые способы лечения. Всего с 1 ноября 1941 г. по 1944 г. эвакогоспиталями Киргизии были приняты на лечение 37 298 раненых и больных, произведено 14 124 хирургических операций. Прогрессивные методы лечения и последующее пребывание на местных курортах способствовали сокращению сроков лечения. Несмотря на концентрацию тяжелораненых, была сохранена жизнь 99,1 % воинов, из них 48,5 % возвращено в строй. Кроме того, для тех, кто был снят с военного учета, при госпиталях организовывались различные курсы адаптации инвалидов войны к общественно-полезному труду[7].

Особое внимание уделялось семьям воинов-фронтовиков, инвалидам Великой Отечественной войны: им выплачивались госпособия и пенсии, они освобождались от уплаты военного налога и поставок сельхозпродуктов. Большую помощь оказывало и население, несмотря на свои трудности. В колхозах практиковались сверхплановые задания для обеспечения семей защитников Родины, значительным подспорьем стало тимуровское движение.

Рабочие, колхозники и интеллигенция Киргизии укрепляли военную мощь страны не только самоотверженным трудом, но и личными сбережениями. Они вносили в Фонд обороны деньги, облигации госзаймов, сдавали скот, мясо, зерно, устраивали кампании по сбору теплых вещей. Еще в октябре 1941 г., когда враг находился у стен Москвы, в республике зародилось движение по сбору средств на строительство боевых самолетов и танковых колонн, которое вскоре приобрело массовой характер. Построенная на эти средства танковая колонна «Советский Киргизстан» была передана танкистам 17 ноября 1942 г., накануне контрнаступления Красной армии под Сталинградом. Она активно участвовала в разгроме гитлеровских полчищ на Волге, под Ростовом и в изгнании их из Украины. Горняки рудника Сулюкта с 25 декабря по 2 января выдали сверх плана по 10–15 т угля на каждого члена коллектива, а вырученные средства передали на строительство танковой колонны «Шахтер Киргизии».

Между тем одними из первых в стране трудящиеся Киргизии пришли на помощь и осажденному Ленинграду. В конце марта 1942 г. представители республики доставили в город 48 вагонов различного продовольствия. Много продовольствия ленинградцам, морякам Кронштадта было отправлено и в последующие годы, за что в одном из писем Ленинградского горкома ВКП(б) и Ленсовета была выражена благодарность кыргызстанцам: «Ленинградцы никогда не забудут, что в тяжелые для них дни трудящиеся Киргизской республики не раз протягивали им братскую руку помощи и поддержки»[8]. К Новому году, ко Дню Красной армии, Первомаю и годовщине Октября отправлялись подарки воинам 8-й гвардейской им. генерала Панфилова и 385-й стрелковой дивизий, 4-й гвардейской стрелковой бригады, Волховского, Воронежского, 4-го Украинского и других фронтов; 16 вагонов с продовольствием были подарены шахтерам подшефного Донбасса. За годы войны на фронт было отправлено 196 вагонов коллективных подарков и 38 тыс. индивидуальных посылок. Еще весной 1942 г. бескорыстная помощь продовольствием, деньгами и скотом была оказана Можайскому, Воровскому, Октябрьскому и другим освобожденным от оккупации районам Московской области. Всего к апрелю 1944 г. в такие республики и области было отправлено 10 тыс. голов крупного рогатого скота, 20 тыс. лошадей, 100 тыс. овец и коз, более 100 тракторов и много комплектов различного оборудования. Кроме того, земельные органы Киргизии направили в Ставропольский и Краснодарские края, в Украину, Молдавию, Белоруссию, Ленинградскую, Калининскую, Курскую, Сталинградскую, Воронежскую, Смоленскую, Орловскую и Ростовскую области 389 квалифицированных специалистов сельского хозяйства: директоров МТС, заведующих райзо, трактористов, комбайнеров, агрономов и ветеринарных врачей[9].

Высоко оценивая вклад воинов и тружеников Кыргызстана, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своей приветственной телеграмме в связи с 20-летием Киргизской ССР в 1946 г. отмечали: «Во время Великой Отечественной войны, когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, киргизский народ вместе со всеми народами СССР мужественно сражался за Советское Отечество… Трудящиеся Киргизии внесли свой вклад в дело победы над врагом»[10].

Таким образом, многонациональный Кыргызстан с честью выполнил патриотическую миссию, успешно решая военно-хозяйственные задачи трудовым героизмом своего населения.

Примечания

[1] История Киргизской ССР : С древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 4. Фрунзе : Кыргызстан, 1990. С. 147.

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941?1945 : в 6 т. Т. 2. М., 1961. С. 155.

[3] История советского рабочего класса Киргизстана. Фрунзе, 1966. С. 244.

[4] История Киргизской ССР... С. 154.

[5] Там же. С. 158.

[6] Вестн. Акад. наук СССР. 1942. № 7–8.

[7] История Киргизской ССР... С. 171, 172.

[8] ЦГА ОПД КР. Оп.1. Д. 598. Л. 79.

[9] История Киргизской ССР... С. 178.

[10] Совет. Киргизия. 1946. 1 марта.

Часть V

Военная повседневность тыла

Н. П. Палецких

Кассы общественной взаимопомощи колхозников на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны

На материалах Большого Урала (двух автономных республик и пяти областей) впервые в региональной историографии предпринята попытка исследования деятельности касс общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) накануне и в годы Великой Отечественной войны. Источниковую базу исследования составили преимущественно архивные материалы. Тема раскрывается через показ динамики сети КОВК, основных направлений их работы. Проведенное исследование позволило сделать главный вывод: несмотря на неблагоприятные условия существования КОВК в годы войны, они как социальный институт не были разрушены и продолжали выполнять свои функции.

Ключевые слова: *кассы общественной взаимопомощи колхозников, органы социального обеспечения (собесы), Урал, Великая Отечественная война.*

Одним из институтов, призванных обеспечивать социальную защиту сельчан в годы Великой Отечественной войны, были кассы общественной взаимопомощи колхозников. Они сформировались на протяжении 1930-х гг. в ходе социалистического переустройства деревни. В тот период эта тема активно обсуждалась в научной и публицистической литературе. Но позднее историографическая ситуация изменилась. По оценке В. А. Бондарева и Т. А. Самсоненко, в 1940–1980-е гг. ни в масштабах общесоюзной (российской), ни в региональной историографии «не был реализован сколь-нибудь значительный исследовательский проект, специально посвященный проблеме создания и функционирования системы социальной защиты населения коллективизированной деревни»[1]. Соответственно тому не появлялось и публикаций, посвященных КОВК.

Первой попыткой системного анализа истории крестьянской взаимопомощи в Советской России 1920–1930-х гг. стала диссертация В. С. Григорьева[2], в пятой главе которой прослежен процесс реорганизации доколхозных крестьянских обществ взаимопомощи в колхозные кассы общественной взаимопомощи. Работа КОВК в годы Великой Отечественной войны в рамках исследования системы социального обеспечения крестьянства рассматривалась на материалах Юга России в книге В. А. Бондарева[3]. Кассы обще-

ственной взаимопомощи колхозников военной поры на европейском Севере России выступили самостоятельным предметом освещения в статье Л. В. Изюмовой[4]. Этими публикациями пока исчерпывается в российской историографии список работ, показывающих организацию социальной помощи колхозному крестьянству не в общем ряду объектов социальной политики, а в дифференцированной проблемной постановке.

Уральская историография располагает многими исследованиями, посвященными сельскохозяйственному производству и колхозному крестьянству периода Великой Отечественной войны. В их числе выделяются монографии Г. Е. Корнилова, В. П. Мотревича, Р. Р. Хисамутдиновой[5], комплексно освещающие историю уральской деревни военных лет. Так или иначе в них затрагивается и социальная проблематика: оказание помощи детям, семьям военнослужащих, эвакуированному населению, инвалидам войны. Но обращение к названным сюжетам носит подчиненный и фрагментарный характер. В работах, посвященных проблемам социальной сферы на Урале, вопросы, относящиеся к социальной поддержке колхозников, не акцентируются. Таким образом, многие конкретные стороны социальной истории уральской деревни военных лет остаются в «слепой зоне» региональной историографии. К числу таких исторических фактов, о которых в лучшем случае лишь упоминается в научных трудах[6], относится деятельность КОВК на Урале.

С учетом сказанного свою задачу автор предлагаемой статьи ограничивает вводом в научный оборот конкретики, относящейся к состоянию и работе КОВК на Урале накануне и в годы войны. Необходимо сделать вводные пояснения. В архивных источниках встречаются многочисленные разночтения аббревиатуры КОВК: кассы общественной взаимопомощи в колхозах, колхозные кассы взаимопомощи, кассы взаимопомощи колхозов, кассы общественной взаимопомощи колхозников, кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц и т. д. Их появление объясняется разными названиями этого института в нормативно-правовых актах 1930-х гг.: в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 13 марта 1931 г. «Об утверждении Положения о кассах общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц»; в Постановлении СНК РСФСР от 28 июня 1931 г. «Об утверждении Примерного устава кассы общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц»; в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 1 февраля 1932 г. «О кассах общественной взаимопомощи колхозов». В данной статье принята следующая расшифровка аббревиатуры: кассы общественной взаимопомощи колхозников.

Каждая подобная касса организовывалась при сельхозартели на добровольных началах по постановлению общего (делегатского) собрания членов колхоза. С принятием такого решения касса считалась учрежденной, и все члены колхоза становились ее членами. В Примерном уставе КОВК определялась как самостоятельная общественная организация колхозников и колхозниц, организуемая для помощи своим членам в тех случаях, когда они по различным причинам не могут участвовать в производстве и нуждаются в общественной помощи. Изначально заявлялось также, что одной из важных задач КОВК является содержание детей-сирот и помощь детям колхозников, «впавших во временную нужду». Видами помощи со стороны

КОВК называлась выдача беспроцентного возвратного или безвозвратного натурального и денежного пособия, трудоустройство и повышение квалификации инвалидов, организация «трудовой общественной помощи». Принципиальное положение заключалось в том, что КОВК должна была содействовать поднятию трудовой дисциплины и повышению производительности труда в колхозе, то есть служить инструментом организационно-хозяйственного укрепления колхоза как производственной структуры. Органами управления кассы были общее (делегатское) собрание и правление, органом контроля — ревизионная комиссия. План работы кассы подлежал согласованию с правлением колхоза. Деятельность кассы велась под руководством и наблюдением сельсовета и под контролем органов социального обеспечения (собесов). При наличии на территории сельсовета нескольких колхозов могла быть образована объединенная КОВК.

Судя по сохранившимся документам, в конце 1930-х гг. внимание к КОВК со стороны властей усилилось. И это вполне объяснимо. Факторами, напрямую влиявшими на место и роль КОВК в тот период, стало участие СССР в локальных боевых действиях, начало Второй мировой войны, сельскохозяйственный кризис 1939–1941 гг., когда в сельской местности разных районов Урала отмечалось бесхлебье, а кое-где и полное отсутствие продовольствия в колхозах. Общее ухудшение материального положения колхозников дополнялось военно-мобилизационными мероприятиями, нарастанием числа военных инвалидов. В этих условиях значение КОВК как социально-защитного института возрастало. Принимались меры по расширению сети КОВК и активизации их работы. Заметным шагом явились усилия по стабилизации поступления в КОВК бюджетных средств, направляемых собесами для выдачи государственных пенсий и пособий участникам «финских и халхин-голских событий» и их семьям. Новый импульс работа КОВК по выплате пенсий получила в связи с принятием 16 июля 1940 г. Постановления СНК СССР «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям», установившего пенсии инвалидам, получившим ранения или перенесшим заболевания при исполнении военной службы, семьям погибших и пропавших без вести в период боевых действий[7].

Текущие управленческие задачи по поводу КОВК формулировались в решениях партийных и советских органов. Шаранский райисполком БАССР, рассматривая в марте 1941 г. вопрос «О работе отдела социального обеспечения», отметил, что кассы взаимопомощи организованы только в 49 из 82 колхозов, и поставил задачу организовать их во всех колхозах района. Требование создавать КОВК в каждом колхозе выдвигалось повсеместно и к началу 1941 г. оно в количественном отношении выполнялось довольно успешно. Об этом позволяют судить статистические отчеты органов собеса, в которых могли быть показаны только КОВК с зарегистрированными в райисполкоме уставами, то есть приобретшие права юридического лица, имеющие свою печать и счет в государственном кредитном учреждении. Так, после принятого 23 июня 1940 г. решения СНК БАССР об организации КОВК эта работа пошла быстрее и, по данным Наркомсобеса БАССР, к концу года они существовали в 3115 из 3951 колхоза или в 84 % сельхозартелей. По сведениям Чкаловского облсобеса, в 1940 г. здесь было

учтено 1800 КОВК на 2088 колхозов (87,2 %)[8]. Можно предположить, что в довоенной уральской деревне КОВК уже являлись самой массовой общественной организацией.

В условиях начавшейся войны деятельность КОВК, безусловно, была востребована. В круг нуждавшихся в ней попадали практически все жители колхозов. Направления работы КОВК конкретизировались и адаптировались применительно к новой обстановке. Важнейшим и постоянным объектом государственной и общественной помощи с июня 1941 г. стали семьи военнослужащих. В составе сельского населения, на которое не распространялось бронирование от призыва в вооруженные силы, эта категория резко выросла уже в первые дни мобилизации, абсолютное большинство колхозников стало членами семей военнослужащих. 26 июня 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»[9]. В соответствии с ним пособия полагались семьям, в которых имелись бывшие иждивенцы военнослужащих. В сельской местности в зависимости от числа нетрудоспособных в семье пособия назначались в размере 50–100 руб. в месяц на семью. Столь же малыми были и пенсии семьям погибших и пропавших без вести воинов.

Условия назначения госпособий и организация их выдачи в ходе войны менялись. С января 1943 г. эти функции из собесов были переданы в ведение вновь образованных исполкомовских отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Но в начале войны еще только вырабатывался алгоритм выполнения Указа от 26 июня 1941 г. Обнаружилось много неразберихи, организационных недостатков и финансовых нарушений. Пособия и пенсии семьям фронтовиков не назначались автоматически. Заявления на пособия нужно было подавать в райсобес (семьям офицеров — в райвоенкомат), далее вопрос о назначении выплаты решался комиссией при райисполкоме. К заявлениям требовалось приложить справки (из колхоза, сельсовета, военкомата), детально характеризующие состав семьи и подтверждающие право на получение госпособия. Подача ходатайства часто сопровождалась бюрократической волокитой[10]. Для сельчан большие трудности были связаны с отдаленностью и разъединенность назначающих комиссий и выплачивающих учреждений. Бюро Башкирского обкома ВКП(б) 30 августа 1941 г., обсудив вопрос о фактах массового отвлечения колхозников от уборки урожая подведомственными органами Башнаркомсобеса и Башнаркомфина, оценило эту практику как вредную и потребовало организовать выплату пособий семьям военнослужащих по месту жительства[11]. Учитывая слабые возможности райсобесов и сельских почтовых отделений, а также ежемесячную периодичность выплат, трудно предположить, чтобы требование бюро обкома выполнялось должным образом. Выдача госпособий семьям мобилизованных в Красную армию колхозников какое-то время по-прежнему поручалась КОВК.

Поток заявлений на пособия увеличивался, отделы собеса с ним не справлялись. Скоро проявились досадные недоработки: плохой учет семей, задержки в рассмотрении заявлений, необоснованные отказы, неполная выплата пособий. В этой обстановке объективно возрастала социальная

значимость КОВК как самодеятельных и ближе всех находящихся к односельчанам организаций (в это время приоритетной задачей колхозов оставалась не социальная помощь своим членам, а сельскохозяйственное производство). Это отчетливо понимали и властные структуры. Неслучайно, к примеру, бюро Чкаловского обкома ВКП(б) в январе 1942 г. при рассмотрении вопроса «О непорядках в деле назначения и выплаты государственного пособия семьям мобилизованных в Красную армию» обязало райкомы партии обсудить на заседаниях бюро деятельность не колхозов, а КОВК «в части поступления и расходования денежных и натуральных средств»[12].

Разносторонняя помощь семьям ушедших на фронт естественным образом вошла в число ведущих забот КОВК. В августе 1941 г. Молотовский облисполком подытожил, что КОВК уже оказали единовременную материальную помощь 1158 семьям военнослужащих[13]. Областная газета «Звезда» в декабре 1941 г. отмечала положительные результаты работы КОВК в Коми-Пермяцком округе, Кишертском и Уинском районах; приводила в пример КОВК Кунгурского района, которые выдали 87 семьям 170 ц хлеба, КОВК Красновишерского района, доставившие дрова 129 семьям. Отмечала газета и отдельные кассы: КОВК артели им. Ленина в Чернушинском районе выдавала безвозвратные ссуды на покупку теплой одежды и учебников для детей, возвратные ссуды — на покупку коров. Эта касса привезла дрова двум семьям, одной семье отремонтировала баню[14]. В декабре 1941 г. через КОВК в Челябинской области была оказана помощь в заготовке и подвозке дров и сена, в отводе угодий, а также выдаче хлеба 4825 семьям фронтовиков[15].

Новым направлением в жизни КОВК стало оказание помощи направляемым из госпиталей в колхозы на долечивание выздоравливающим раненым и больным воинам. Решения об этом с разверсткой по районам принимали местные власти, которые в уточняющих директивах очерчивали задачи КОВК. Так, в совместном письме Молотовского обкома ВКП(б) и облисполкома в адрес районных властей от 18 октября 1941 г. указывалось: «Расходы по содержанию направленных в колхозы отпускников для долечивания и отдыха следует относить за счет средств общественной колхозной кассы взаимопомощи. Надо разъяснить колхозникам и колхозницам, что, оказывая помощь раненым, они окажут большую помощь Красной армии. Необходимо сейчас же поставить вопрос перед колхозами о всемерном укреплении колхозных касс взаимопомощи»[16].

В первые же месяцы войны среди забот КОВК появилось и такая, как бытовое устройство размещенного в сельской местности эвакуированного населения, в составе которого было немало семей фронтовиков. Проблема была в том, что новоприбывшие жители для того, чтобы вступить в кассу взаимопомощи, должны были стать, как того требовал Примерный устав КОВК, членами колхоза. Как правило, это было невозможно по двум причинам: нежелание приезжих закреплять свое пребывание в уральской деревне и отсутствие средств для внесения пая в фонды колхозов. Но дело в том, что процедура принятия новых членов в юридически оформленные КОВК нигде не была прописана, и значит, существовала возможность размещенным в колхозах эвакуированным гражданам вступить в КОВК. Как бы там ни было, архивные документы содержат информацию о помощи

эвакуированным со стороны КОВК. В отчете о работе КОВК в Челябинской области за 1941 г. прямо говорилось о помощи семьям эвакуированных и более конкретно — о поддержке детей из таких семей: из 32,8 тыс. руб. дотаций, распределенных райсобесами, 3800 руб. было израсходовано на детей из эвакуированных семей[17].

Наполнялись новыми акцентами прежние направления работы КОВК: помощь детям-сиротам, престарелым и нетрудоспособным колхозникам. Численность патронированных детей была одним из отчетных показателей КОВК, выделение средств на содержание детей-сирот и детей, переданных на патронат в семьи колхозников, составляло важную расходную статью их бюджета. В 1942 г. по Молотовской области числилось патронируемых КОВК 2204 ребенка, в 1944 г. в Челябинской области — 1088[18]. В 1942 г. на содержание сирот в расходах КОВК Удмуртии предусматривалось по 350 руб. на человека в год[19]. По неполным данным, в 1943 г. в этой республике на содержание детей-сирот и детей, переданных в семьи колхозников на патронат, расходы КОВК составили 50 888 руб. (40 % от запланированных)[20]. В Чкаловской области за 1942 г. КОВК израсходовали на содержание детей-сирот 94,5 тыс. руб. деньгами и на 25 тыс. руб. натуральными выдачами[21].

О том, что именно КОВК отводилась главная роль в устройстве и обеспечении сирот колхозников, выразительно говорит один из пунктов постановления СНК БАССР от 20 февраля 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»: «Учитывая, что кассы общественной взаимопомощи колхозов являются основным источником для содержания сирот — детей колхозников, обязать Наркомсобес БАССР (т. Мустафину), Наркомзем БАССР (т. Ермолаева) и председателей исполкомов райсоветов укрепить материальную базу существующих колхозных касс взаимопомощи путем своевременного отчисления двухпроцентного фонда согласно ст. 11, п. “в” Устава сельхозартели и ежемесячного сбора членских взносов. Обеспечить организацию касс общественной взаимопомощи при всех колхозах к 1 апреля с. г. и патронирование круглых сирот — детей колхозников в семьях колхозников за счет средств колхозных касс взаимопомощи»[22].

Кассы не могли быть в стороне от решения и такой задачи, как устройство детей в детские учреждения, дающее возможность пополнить трудовые ресурсы колхоза за счет женщин разных возрастов. Сведения по Уралу демонстрируют расширение практики сезонных дошкольных учреждений (яслей и детских площадок). В Башкирии, Молотовской и Чкаловской областях в 1943 г. их было открыто на 39,4 % больше, чем в 1940 г. Это позволило на 41,3 % увеличить прием детей. В 1943 г. в сельской местности Свердловской области открыли 17 520 площадок[23]. В отличие от сезонных учреждений сеть постоянных детских садов и яслей на селе исчислялась не в тысячах, а в сотнях единиц. Например, в Молотовской области в 1943 г. их насчитывалось 271. Да и мест в них было совсем немного. В Чкаловской области в 1941 г. мест в постоянных колхозных яслях было 2575, в 1942 г. — 2735. Но и эти цифры в условиях тыловой повседневности надо считать реальным достижением, к которому причастны КОВК. В документах встречаются описания качественно организованных учреждений. Так, в докладе 1944 г. по Свердловской области сообщалось о яслях в колхозе «1 Мая» Красноуфимского района: помещение яслей состоит из шести комнат,

инвентаря достаточно, питание детей полноценное, разнообразное. Дети находятся под наблюдением участкового врача[24].

Колхозные кассы по-прежнему были призваны оказывать помощь престарелым и нетрудоспособным колхозникам. На средства КОВК открывались приюты, которые назывались домами престарелых колхозников (ДПК), или домами старчества. Но война внесла крутые перемены и заставила свернуть до предела этот вид помощи. Изменения начались уже в 1941 г., когда увечные и престарелые крестьяне, ранее не участвовавшие в колхозном производстве, вышли на работы. В. П. Мотревич приводит пример такого выхода в колхозе «Красный пахарь» Таборинского района Свердловской области: на уборке урожая летом 1941 г. было организовано звено из колхозниц в возрасте от 60 до 80 лет, выразивших намерение «работать в поле от зари до зари»[25]. Вовлечение престарелых и инвалидов в трудовой процесс приняло массовый характер. Вследствие этого сократилось число колхозников в ДПК. В отчетах о работе КОВК за 1941 г. сообщалось, что в ДПК колхозников стало очень мало, потому что все те, кто может двигаться, заняты на колхозных работах, а ДПК преимущественно обслуживают пенсионеров за счет их пенсии.

В демографически кризисном 1942 г. эта категория колхозного населения на Урале уменьшилась абсолютно. По данным, опубликованным Г. Е. Корниловым, престарелых и нетрудоспособных в колхозах Урала на конец 1941 г. насчитывалось 851,1 тыс. человек, а в 1942 г. — 372,7 тыс. Однако в совокупном составе колхозного населения эта группа увеличилась с 45,5 % в 1940 г. до 54 % в 1944 г. Выросла ее доля среди всех принимавших участие в колхозных работах: в 1942 г. она составляла 13,5 %, в 1943 г. — 15,3 %, в 1944 г. — 15,9 %, в 1945 г. — 14,6 %[26]. С 1942 г. ситуация с наполняемостью и функционированием ДПК неуклонно ухудшалась, они закрывались. На всю Чкаловскую область к началу 1945 г. остался только один ДПК, содержавшийся за счет средств КОВК, — в с. Городище Краснохолмского района[27].

Закрытие ДПК отнюдь не означало полного отсутствия заботы КОВК о престарелых и нетрудоспособных колхозниках. Об этом говорят годовые отчеты собесов. На обеспечение инвалидов, престарелых и временно потерявших трудоспособность КОВК Чкаловской области в 1942 г. израсходовали деньгами 75 тыс. руб. и на 41 тыс. руб. материалов и продуктов. Кроме того, на обучение, переобучение и протезирование инвалидов было выдано 12 тыс. руб. Расход КОВК Удмуртии за 1943 г. по статье «на оказание помощи нетрудоспособным инвалидам и престарелым колхозникам» составил 74 069 руб. (40,6 % запланированного) и на 14 530 руб. материалов и продуктов[28].

При растущей востребованности КОВК условия их существования ухудшились. Это было вызвано изменениями в составе населения колхозной деревни: уходом наиболее мобильных групп сельчан на фронт, в промышленность. Сокращалась численность членов КОВК и количества самих касс. Нередко эти процессы имели обвальный характер и означали фактический распад сложившейся до начала войны сети КОВК. Мишкинский райисполком БАССР в августе 1941 г. констатировал: «Организованные было кассы взаимопомощи колхозников распались. Из 85 ни одна не работает». Рай-

исполком дал задание райсобесу немедленно начать работу по восстановлению касс к 1 сентября 1941 г., в обязательном порядке собрать все взносы[29]. Вопрос о воссоздании КОВК, о сборе задолженности по вступительным и паевым взносам вставал во многих местах, выносился на рассмотрение сессий районных советов депутатов трудящихся, как, например, в Понинском и Нылгинском районах Удмуртии осенью 1941 г.[30] Вполне естественным было требование, предъявленное исполкомам сельсоветов в апреле 1942 г. Каргапольским райкомом партии: «осуществлять руководство и контроль за работой колхозных касс взаимопомощи, не реже одного раза в квартал заслушивать отчеты касс взаимопомощи на сессиях»[31].

Особенно заметно сокращение сети КОВК и свертывание их работы проявилось к середине войны, что соответствовало кризисному состоянию сельхозпроизводства на Урале, степени обезлюдения и обнищания уральской колхозной деревни. В июне 1943 г. докладчик на республиканском совещании заведующих райсобесами Башкирии сообщил о том, что КОВК существуют в 1323 из 4003 колхозов, то есть в 35 % хозяйств, и работа их неудовлетворительна. В отчет о работе КОВК за 1943 г. Наркомсобес Удмуртии смог включить сведения лишь по 20 из 37 районов, а остальные на запрос об отчетности ответили, что касс нет или они не работают. В течение 1943 г. число КОВК в отчитавшихся районах республики уменьшилось наполовину: с 1873 до 932. Количество их членов тоже сократилось с 98 989 до 53 718 человек. Наличие единичных КОВК в колхозах Челябинской области обнаруживают данные за 1944 г.: в Аргаяшском районе на 76 колхозов приходилось шесть касс, в Верхне-Уральском на 32 колхоза — одна касса, а по сведениям, поступившим из 18 районов, КОВК в них отсутствовали[32].

Восстановление распавшихся, создание новых КОВК прослеживается на протяжении всех военных лет. Но, оценивая эту тенденцию, надо делать поправку на изрядную долю формализма в отчетах. В соответствии с Уставом КОВК решения об организации касс принимались на общих собраниях. Конечно, чаще всего это были не специальные мероприятия, а общие собрания колхозников или даже заседания правлений колхозов, которые и попадали в статистику собесов. Не все зафиксированные собрания результатом имели учреждение касс взаимопомощи. Так, в Челябинской области в 1941 г. было проведено, по данным облсобеса, «941 общее собрание членов КОВК», а касс было организовано 885. В конце этого года в 2829 колхозах имелось 2036 КОВК, но работали лишь 477, остальные числились на бумаге[33]. Высокие проценты охвата сельхозартелей сетью КОВК, показанные в отчетности собесов, не должны вводить в заблуждение. Например, данные по Чкаловской области выстраиваются в растущую год от года цепочку: 1940 г. — 87,2 %, 1941 г. — 87,5 %, 1942 г. — 94 %, 1943 г. — 94,6 %, 1944 г. — 95,1 %. Однако сами авторы справки сочли нужным заметить, что многие КОВК «существуют формально»[34]. Кроме того, следует учитывать еще один показатель: фактические ножницы между числом трудоспособных колхозников и числом членов КОВК. В 46 районах Молотовской области в 1942 г. имелось 3237 колхозов, наличие КОВК было показано в 2027 колхозах. При этом трудоспособных членов колхозов было учтено 218 195, а членами КОВК являлись 109 254 человека[35]. Иной — формальный — вариант соотношения трудоспособных колхозников и членов КОВК за 1942 г. был

показан в сводке Удмуртского Наркомсобеса: 185 919 человек — и тех, и других. Этот момент был замечен в Наркомсобесе РСФСР, который попросил уточнить данные[36].

Главной причиной слабой работы КОВК было отсутствие собственной материально-финансовой базы. Курганский облисполком, обосновывая в мае 1944 г. необходимость усиления работы по организации КОВК, указывал на то, что они имеют важное политическое значение, но организованы не во всех колхозах и работают неудовлетворительно: из 1900 колхозов кассы созданы в 772, однако они бездействуют, так как никаких фондов не имеют[37].

Было несколько источников формирования фондов КОВК. На счета КОВК курирующими райсобесами перечислялись ассигнования для содержания касс и для выплаты госпособий и пенсий колхозникам, имевшим на то право. Средства эти предусматривались в местных бюджетах по разделу соцобеспечения и в годы войны имели тенденцию к сокращению как в выделении, так и в освоении. Если на 1941 г. в расходах по местному бюджету Челябинской области было утверждено на субсидирование ВОГ, ВОС, КОВК суммарно 117 тыс. руб., то на 1942 г. — 102 тыс., из них на содержание КОВК — 35 тыс. В 1941 г. ассигнования в целом на соцобеспечение в области были освоены на 91,8 % от назначенных, в 1943 г. — лишь на 66,8 %[38].

Основным источником для КОВК служили вступительные и ежегодные членские взносы. Примерный устав касс содержал положение о том, что их размеры устанавливаются общими (делегатскими) собраниями членов кассы. Несмотря на декларируемую самостоятельность КОВК, желательные размеры взносов диктовались органами соцобеспечения. В годы войны объемы взносов директивно поднимали. Переписка Наркомсобеса Удмуртии с Наркомсобесом РСФСР весной 1942 г. обнаруживает фактическую невозможность выполнения на местах установок центрального органа. Наркомсобес РСФСР в директивном письме от 11 ноября 1941 г. предложил подчиненным собесам добиваться того, чтобы на общих собраниях КОВК устанавливали размер членских взносов на 1942 г. в 12 руб. Это требование НКСО Удмуртии не выполнил и запланировал вместо 12 руб. вдвое меньший (довоенный) размер. В объяснительной записке НКСО УАССР говорилось о том, что во все райсобесы давались указания о 12 руб., но в большинстве районов фактически установилось от 4 до 8 руб., поэтому республиканский отдел и взял среднюю цифру — 6 руб. Реалии тыловой повседневности показывали, что диктуемые сверху нормы невыполнимы из-за тотального ухудшения материального положения и колхозников, и колхозов. Однако взносы членов КОВК по-прежнему рассматривались как главный источник средств для касс, и требования поднять их размеры не уходили из управленческой практики. Курганский облисполком в решении об организации касс общественной взаимопомощи в колхозах, принятом весной 1944 г., рекомендовал колхозникам на общих собраниях установить единовременные вступительные взносы членов касс в размере 30 руб., а паевые взносы в размере 100 руб. в год[39].

Важным источником для создания фондов КОВК выступали дотации колхозов. Они могли ежегодно отчисляться из 2 %-х общественных (денеж-

ных и, что важнее, натуральных) фондов колхозов после выполнения ими государственных обязательств. Денежные отчисления колхозов не должны были превышать и никогда не превышали объем членских взносов в КОВК. Уральские материалы позволяют утверждать, что в годы войны колхозы сокращали, а иногда и вовсе прекращали дотации в пользу КОВК. За 1942 г. в КОВК Чкаловской области поступило вступительных и членских взносов 302 тыс. руб. (натуральных взносов не было), отчислений из 2 %-х фондов колхозов — 143,1 тыс. руб. деньгами и на 199,1 тыс. руб. продуктов и материалов. За 1943 г. КОВК Удмуртии получили за счет индивидуальных взносов 378 762 руб. (55,7 % от запланированных по приходно-расходной смете), за счет отчислений колхозов — 82 885 руб. (27,4 % от плана). Натуральные отчисления из колхозов в доходной части сметы не были показаны. А в расходах обозначена сумма потраченных КОВК натуральных средств на 334 250 тыс. руб.[40] И это могли быть не отчисления из фондов колхоза, а инициативные фонды. Речь идет о том, что в распоряжение КОВК в 1943–1944 гг. передавались продукты, причитавшиеся колхозникам за трудодни, выработанные во время субботников и воскресников в помощь семьям красноармейцев, «временно впавшим в нужду», детям, инвалидам войны.

По поводу участия колхозов в формировании и расходовании фондов КОВК возникали типичные коллизии. Одна из них связана с невыполнением колхозами Примерного устава сельхозартели в части создания 2 %-х фондов и, следовательно, с отсутствием отчислений в КОВК. К примеру, власти Челябинской области массовым нарушением признали положение в колхозах Миасского района в 1944 г., когда хлеб за трудодни был выдан, а средства в 2 %-е фонды не отчислены. Другая коллизия заключалась в том, что правления колхозов нарушали положения Примерного устава КОВК и полностью брали на себя функции этих касс. Так, Каргапольский райком партии 20 апреля 1942 г. заслушивал доклады председателей КОВК из четырех колхозов и выявил грубое нарушение Устава касс в том, что всеми делами и фондами КОВК распоряжались председатели колхозов. Выяснилось, что правления колхозов не передавали созданные ими 2 %-е фонды в распоряжение правлений КОВК, а при оказании помощи колхозникам не соблюдали «принцип поднятия трудовой дисциплины»[41].

Нет сомнения в том, что КОВК работали с перебоями. Однако существовала и отчетливо проявляла себя нужда в таких формах общественной взаимопомощи. Неслучайно в годы войны создавались кассы взаимопомощи женсоветов при военкоматах, инвалидов войны и пенсионеров при горсобесах[42]. Имелись попытки расширенного толкования касс взаимопомощи в деревне, распространения задачи их создания на все сельхозпредприятия. В июле 1944 г. фронтовики, вернувшиеся в Стерлитамакский район БАССР, на своей районной конференции приняли обращение к инвалидам войны, в котором предложили «организовать в каждом колхозе, совхозе и МТС кассы общественной помощи инвалидам Отечественной войны, семьям фронтовиков и сиротам, добиться обеспечения кормами на зиму их личного скота, топливом для их квартир, ремонта их домов и обязательного посева в каждом колхозе 2–3 га озимых в фонд помощи этим семьям»[43].

Важность КОВК подчеркивалась на республиканских и областных совещаниях заведующих райсобесами, состоявшихся на Урале летом 1943 г.

и определивших меры улучшения работы касс. В принятых на совещаниях условиях социалистического соревнования успешная деятельность КОВК была поставлена особым пунктом. Лучшие КОВК и их руководители поощрялись. Так, «за лучшую организацию работы кассы и заботу о семьях бойцов Красной армии, инвалидах Отечественной войны и семьях погибших на фронте» весной 1944 г. был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР председатель КОВК из колхоза «Двигатель» Гришановского сельсовета Воткинского района Ф. Г. Глушков[44].

Анализ уральских материалов в первом приближении позволяет сделать некоторые выводы. Первый из них: КОВК не были «фигурой умолчания» или феноменом, находящимся вне зоны внимания партийных и государственных органов. По ним принимались если не полноформатные решения властных структур, то отдельные пункты в составе общих решений по работе колхозов, организации помощи семьям военнослужащих, борьбе с беспризорностью, сельскому здравоохранению и т. д. Сведения об их выполнении отложились во множественных архивных документах разной фондовой принадлежности. Это обстоятельство, а также отсутствие соответствующих эгодокументов затрудняет, но не закрывает дальнейшее исследование темы.

Второй предварительный вывод состоит в утверждении того, что, несмотря на все объективные и субъективные трудности, недостатки и нерешенные проблемы функционирования, сложившаяся в 1930-е гг. сеть КОВК не была ни демонтирована властями, ни спонтанно разрушена под давлением тыловой деревенской экстремальности. Более того, даже в урезанном войной количестве КОВК являлись самыми массовыми общественными организациями. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить статистику по уральским КОВК со статистикой по партийным или комсомольским организациям в колхозах региона[45].

Изучение уральских материалов дает основание не согласиться с мнением В. А. Бондарева и Т. А. Самсоненко о том, что КОВК наиболее ярко продемонстрировали свою низкую эффективность в годы Великой Отечественной войны, что «экстремальные условия военного времени безжалостно показали все недостатки касс взаимопомощи и в целом системы социальной поддержки колхозников»[46]. На мой взгляд, КОВК в одной связке с колхозами, используя все доступные в той обстановке ресурсы колхозного сообщества («крестьянского мира»), делали все, что от них зависело, чтобы хоть как-то облегчить тяготы войны для населения многострадальной деревни. Они сохранились потому, что были нужны как институт социальной помощи и защиты, предохранявший сельских жителей от маргинализации, способствовавший поддержанию социального здоровья общества. В этом их «эффективность» и вклад в общую Победу.

В заключение позволю себе сослаться на позицию автора книги «Жертвенный подвиг деревни» В. Т. Анискова. Оценивая решающий вклад колхозного крестьянства в Победу, он писал: «Наш, тогда колхозный, крестьянин воплотил в себе все лучшие черты многовекового и современного ему психического склада, как и патриотического восприятия происходивших событий. Он пуще своей жизни любил Родину, родную землю, избранное будущее. Все его исторические и реальные “коммуникации”… могли вести только к одному — к спасительной для всех Победе»[47].

Примечания

[1] Бондарев В. А., Самсоненко Т. А. Социальная помощь в колхозах 1930-х годов: на материалах Юга России. Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2010. С. 11–12.

[2] Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921–1941 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1997.

[3] Бондарев В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 58–86.

[4] Изюмова Л. В. Деятельность касс общественной взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны (по материалам европейского Севера России) // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления : материалы Всерос. науч. конф. Вологда : Вологод. гос. ун-т, 2016, С. 61–66.

[5] Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990 ; Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990 ; Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2002.

[6] См., например: Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1984. С. 247, 253 ; Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск : ЧГАУ, 1995. С. 147.

[7] Трудовое законодательство военного времени. М. : Изд-во ВЦСПС, 1943. С. 147–151.

[8] НАРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 751. Л. 98 ; Ф. 169. Оп. 3. Д. 8. Л. 8 ; Д. 44. Л. 4 ; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 8. Д. 865. Л. 167.

[9] Социал. обеспечение. 1941. № 7–8. С. 5–6.

[10] Подробнее см.: Палецких Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 124–125.

[11] НАРБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 112. Л. 191.

[12] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 6. Д. 11. Л. 61.

[13] РСФСР — фронту. 1941–1945 : док. и материалы. М. : Совет. Россия, 1987. С. 321.

[14] Звезда. 1941. 2, 14 дек.

[15] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 276. Л. 25.

[16] ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 290. Л. 42.

[17] ОГАЧО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 89. Л. 62.

[18] ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 231. Л. 71 ; ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 2. Д. 72. Л. 122.

[19] ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 64. Л. 24, 50.

[20] Там же. Д. 82. Л. 71 ; Удмуртия в Великой Отечественной войне. Ижевск, 1974. С. 122.

[21] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 185. Л. 26.

[22] Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сб. док. и материалов. Уфа : Китап, 1995. С. 297.

[23] Подсчитано по: НАРБ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Л. 31, 32 ; ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 34. Л. 5; ГАСО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 41. Л. 34 ; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 29. Л. 47.

[24] ГАСО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 41. Л. 34 ; ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 188. Л. 31 ; ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47а. Л. 20.

[25] Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 49.

[26] Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 38, 40, 42.

[27] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 8. Д. 865. Л. 165.

[28] Там же. Оп. 7. Д. 185. Л. 26 ; ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 82. Л. 71, 76.

[29] НАРБ. Ф. 169. Оп. 3. Д. 8. Л. 25.

[30] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 181. Л. 44.

[31] ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 671. Л. 4.

[32] НАРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 751. Л. 98 ; ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 82. Л. 69 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 226. Л. 49.

[33] ОГАЧО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 89. Л. 61.

[34] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 8. Д. 865. Л. 167.

[35] ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 231. Л. 70.

[36] ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 64. Л. 24, 49.

[37] ГАКО. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 2. Л. 8–9.

[38] ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 2. Д. 32. Л. 17 ; Д. 48. Л. 108, 119 ; Д. 71. Л. 44.

[39] ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 64. Л. 49–50 ; ГАКО. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

[40] ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 7. Д. 185. Л. 26 ; ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 64. Л. 24 ; Д. 82. Л. 71, 76.

[41] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 371. Л. 43 ; ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 671. Л. 3–4.

[42] См., например: ОГАЧО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 134. Л. 143, 147 ; Звезда. 1944. 24 дек. ; Зинич М. С. Забота Советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 годах // История СССР. 1985. № 3. С. 113.

[43] Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сб. док. и материалов. Уфа : Китап, 1995. С. 183.

[44] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 717. Л. 11 ; ЦГАУР. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 82. Л. 69.

[45] См.: Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 120, 132.

[46] Бондарев В. А., Самсоненко Т. А. Указ. соч. С. 125–126.

[47] Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М. : Памятники ист. мысли, 2003. С. 490.

С. А. Кусков

Решение топливной проблемы эвакогоспиталями в период Второй мировой войны (по материалам Челябинской области)

На материалах Челябинской области анализируется опыт самостоятельного обеспечения эвакогоспиталей местными видами топлива в 1940–1945 гг., показано участие местных властей, шефствующих предприятий, колхозов, простых горожан, выздоравливающих раненых в заготовке и вывозе дров и торфа.

Ключевые слова: *эвакуационные госпитали, Великая Отечественная война, Челябинская область, шефская помощь госпиталям, отопление госпиталей, заготовка топлива, комитеты помощи раненым.*

Защита организма больного от неблагоприятных факторов внешней среды, в том числе поддержание комфортной температуры в период лечения — необходимое условие успешной медицинской реабилитации. В годы Второй мировой войны Красная армия столкнулась с многомиллионными санитарными потерями, что сделало задачу материально-бытового обслуживания больных и раненых воинов общенародным делом. В условиях резко континентального климата и продолжительной морозной зимы вопросы обогрева и отопления являлись актуальными на всех этапах санитарной эвакуации. Например, анализируя опыт медицинского обеспечения советских войск в период предвоенных вооруженных конфликтов, профессор Н. М. Ахутин, подчеркивал: «Сразу же после поступления на пункт первой медицинской помощи раненых требовалось не только перевязать, зарегистрировать, напоить и накормить, но и согреть»[1]. Отопление санитарных вагонов, создание теплых прирельсовых приемников и запасов зимней обуви и одежды при перевозке раненых были предметом постоянной заботы руководства военно-санитарного управления. Основным типом военных лечебных учреждений в тылу стали эвакогоспитали, размещавшиеся в капитальных отапливаемых зданиях. Для их нормальной работы требовались целенаправленные усилия власти и общества по заготовке, транспортировке, распределению топлива для нужд военной медицины, обеспечению бесперебойного отопления помещений с ранеными. В этой статье на материалах Челябинской области рассмотрим опыт решения эвакогоспиталями топливной проблемы в условиях военного времени.

В период Советско-финской войны основным пунктом приема больных и раненых бойцов стал прифронтовой Ленинград, где действовал 31 госпиталь на 13 750 коек. С января по май 1940 г. Челябинск являлся крайней восточной точкой санитарной эвакуации[2]. В школьных зданиях, переданных двум челябинским эвакогоспиталям, запасы топлива оказались совсем невелики. Начальник челябинского эвакогоспиталя № 1722 Петр Михайлович Тарасов так описал сложившееся зимой 1940 г. положение: «…вопрос о снабжении топливом не был совершенно разработан. В самый острый момент развертывания госпиталя не оказалось топлива. В результате имели место аварии отопительной системы от размораживания. Что потребовало дополнительных материальных затрат и времени. Этот факт тем более удивителен, что в 15 км от Челябинска находятся угольные копи. После больших мытарств нам был отпущен уголь в Копейске. Это при жалких транспортных средствах госпиталя, в самый острый период формирования»[3]. В период приспособления другого челябинского госпиталя № 1724 в здании «были разморожены стены ряда комнат, отопительная система на 40 % не работала. Водопровод и канализация частично выведены из строя». После ремонта здания и приема раненых в палатах госпиталя № 1724 держалась температура 19–20 °С[4].

Подведем небольшой итог: в условиях зимы 1940 г. предполагаемая схема обеспечения госпиталей топливом оказалась нерабочей. Для исправления ситуации местными властями практиковались изъятие у крупных предприятий запасов угля и мобилизация транспорта для его доставки. Бурые угли тогда являлись основным используемым госпиталями видом топлива.

Гораздо более тяжелая ситуация с обеспечением эвакогоспиталей топливом сложилась во время Великой Отечественной войны. Первые мероприятия по развертыванию эвакогоспиталей пришлись на июнь — начало июля 1941 г. В передаваемых госпиталям общественных зданиях совсем не имелось запасов дров или угля[5]. Руководствуясь Постановлением СНК СССР от 26 мая 1939 г., в августе 1941 г. Челябинский облисполком передал эвакогоспиталям лимиты на топливо занятых ими школ[6]. Но эта мера имела мало практического смысла, так как в области проходила мобилизация рабочей силы и автотранспорта, а необходимое для коммунального хозяйства топливо предстояло заготавливать самостоятельно.

Между тем сеть эвакогоспиталей стремительно увеличивалась и после выполнения мобилизационного плана в июле 1941 г. К концу года на территории Челябинской области было развернуто 78 госпиталей более чем на 24 тыс. коек, в том числе в Магнитогорске — 10, в Златоусте — 11, в Троицке — 7, в Чебаркуле — 5[7]. Процесс развертывания новых эвакогоспиталей активно проходил и в зимние месяцы, что сокращало период переоборудования зданий, заставляло передавать уголь и дрова из запасов местных предприятий.

В зданиях, переданных формирующимся эвакогоспиталям, проводился ремонт отопительной системы, монтировалось горячее водоснабжение. Дальнейшее прохождение госпиталями отопительного сезона зависело от качества этих работ и степени износа зданий. Развернутый в сентябре 1941 г. в Кургане военный госпиталь № 444 разместился в железнодорож-

ной школе. Дымоходы котельной центрального отопления были залиты водой. Строительной конторе ЮУЖД поручили поднять котлы и переложить дымоход[8]. В другом здании этого госпиталя (медицинская школа) использовалось печное отопление[9]. Военный госпиталь № 2191 в августе 1941 г. был размещен в помещениях центральной городской больницы Магнитогорска; отопление и горячую воду госпиталю подавали из котельной больницы, за что взималась денежная плата[10].

Чтобы раненые не мерзли в холодных палатах, среди населения партийными организациями области был проведен сбор теплых вещей. В ноябре 1941 г. жители Кыштыма передали местным госпиталям 277 теплых одеял[11]. Местное население также принимало участие в ремонте и утеплении госпитальных помещений. Работники предприятий помогали в ремонте вышедшего из строя оборудования[12], на шефских предприятиях изготавливались запчасти для электрогенераторов[13].

Запуск отопительной системы в помещениях госпиталей осуществлялся силами сотрудников квартирно-эксплуатационных отделений хозяйственно-финансовых частей[14]. Из финансовых смет эвакогоспиталей известны их расходы по различным статьям, на зарплаты технических работников. Например, 64,3 тыс. руб. из миллиона, выделенного шадринскому эвакогоспиталю № 3108 на 1942 г., предполагалось потратить на отопление, еще 25,4 тыс. — на содержание госпитального транспорта. Из 149 штатных единиц в госпитале значились две ставки истопников, двух шоферов, двух повозочных и слесаря-водопроводчика. Работники, непосредственно обеспечивавшие работу отопительной системы, получали самую маленькую в госпитале зарплату (175 руб.). Столько же зарабатывали сторожа, дворник, посудомойки и рабочие кухни. Зарплата слесаря-водопроводчика и шоферов составляла 375, повозочных — 250 руб. в месяц[15]. Бросается в глаза минимальное количество обслуживающего и технического персонала в госпиталях, что обусловило необходимость привлечения прочих сотрудников госпиталей, выздоравливающих, представителей шефских организаций для заготовки, погрузки, перевозки топлива.

Эвакогоспитали тратили топливо и в летние месяцы, например для подогрева воды, так как даже в крупнейших городах области отсутствовало централизованное горячее водоснабжение, нагрев холодной воды осуществлялся в эвакогоспиталях за счет собственных котельных. Расход горячей воды в госпиталях, согласно нормам Наркомата коммунального хозяйства РСФСР, должен был составлять: на умывальники со смесителем — 40 л в час, на ванну — 360 л, на душ — 480 л. Раненые в госпиталях должны были мыться один раз в десять дней, также всех раненых в госпитале мыли в первый же день по прибытии[16].

Местным городским властям и учреждениям с началом войны рассчитывать на получение угля по примеру прошлых лет уже не приходилось. В первый военный год сократились добыча угля и его подвоз в Уральский экономический район. Угольная промышленность к 1942 г. сократила выработку угля в 2,2 раза, падение добычи наблюдалось и на энергодефицитном Урале[17]. В связи с сокращением перевозок энергетических углей в Уральском экономическом районе их не хватало даже для паровозов[18]. Уже осенью 1941 г. обострилась нехватка подвижного состава, не хватало вагонов для

подвоза угля с местных месторождений. Заготовка торфа на Урале с началом войны тоже упала, а превышение довоенных показателей проявилось только в 1943 г.[19] Эти обстоятельства уже в первую военную зиму обострили топливный дефицит, поставили перед большинством учреждений и домохозяйств задачу заготовки дров своими силами.

Все это делало неизбежным перевод народного хозяйства на местные виды топлива, увеличение доли дров и торфа в его энергобалансе[20]. В новых условиях снабжение углем, в том числе бурым, для бытовых нужд было ограничено. Зимой 1941/42 гг. не только не отапливались заводские цеха, но и было холодно во многих рабочих общежитиях[21]. Население и тыловые учреждения отапливались по преимуществу дровами и торфом. Другое направление работы по переводу народного хозяйства на местное топливо заключалось в оборудовании автотранспорта газогенераторами. В эвакогоспиталях области отдельные автомашины с газогенераторами работали уже летом 1941 г., а в октябре 1942 г. только 60 из 136 автомашин эвакогоспиталей работали на жидком топливе[22].

По мнению В. А. Рубина, топливная проблема решалась городскими властями Южного Урала путем ограничения потребления, организации самозаготовки топлива, проведения субботников и воскресников, разработки местных источников, экономии, утепления зданий. Главной трудностью, обусловившей недостаток топлива, он считает ничтожно малое количество исправного транспорта в городах из-за мобилизации на нужды армии и дефицита автопокрышек и запчастей. Например, в Шадринске осенью 1941 г. осталось только восемь автомобилей на ходу, в военные годы городское хозяйство Златоуста располагало одним грузовиком и 35 лошадьми, что могли обеспечить только 15 % местных потребностей в топливе. Поэтому гражданское население подвозило дрова ручными санками на расстояние 15 км[23]. В марте 1942 г. Челябинский горисполком, чтобы поддержать нормальную работу гражданских лечебных учреждений, решил передавать им все «сучья и вершинник, полученный при вырубке деловой древесины»[24].

В этих условиях обеспечение эвакогоспиталей топливом накладывало дополнительные тяготы на гражданское население области, что стало составной частью подвига советского народа. Всем эвакогоспиталям осенью 1941 г. были выделены лесные делянки, но самостоятельную заготовку дров еще только предстояло организовать. При самозаготовке дров руководствовались Постановлением СНК СССР от 26 августа 1941 г. и директивой НКО СССР от 23 сентября 1941 г., которой военные советы округов и фронтов обязывались организовывать работы по самозаготовке дров в размере недостающего количества топлива, для чего создавались заготовительные команды и выделялся транспорт для перевозки дров. Для отопления эвакогоспиталей в Челябинской области на сезон 1941/42 гг. требовалось не менее 23 239 т угля и 95 615 куб. м дров. Объем заготовки дров должен был еще возрасти, так как зимой 1941 г. Квартирно-эксплуатационное управление Главного интендантского управления Красной армии рекомендовало переход тыловых частей на отопление дровами, а не углем[25].

В сентябре 1941 г. была перестроена система управления эвакогоспиталями, что повысило ответственность руководства за их обеспечение топ-

ливом. В результате помимо мобилизационного отдела при Челябинском облздравотделе был организован отдел эвакогоспиталей. И. В. Сталин в своей телеграмме о создании Челябинского областного комитета по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии от 22 сентября 1941 г. особо указал, что снабжение госпиталей топливом и горючим обеспечивается за счет средств местного бюджета[26]. Теперь за отопление госпиталей отвечали местные партийные советские и военные власти. Комитеты помощи раненым, включенные в структуру ВКП(б), координировали их усилия. Обследовательские группы обкома, комитета партийного контроля, горкомов и райкомов партии постоянно разъезжали по области, чтобы обследовать положение дел в госпиталях, особое их внимание привлекал вопрос о «ходе подготовки госпиталя к зиме»: наличие отопления и горячего водоснабжения, наличие запаса дров, интенсивность их подвоза. Поэтому неслучайно в документах партийных организаций различного уровня сохранилось большое количество сведений о ходе отопительного сезона 1941/42 гг.

Только что назначенный начальник областного отдела эвакогоспиталей Леонид Александрович Цылев подготовил для второго секретаря Челябинского обкома партии Леонида Семеновича Баранова подробный доклад о снабжении госпиталей топливом. Оказалось, что госпитали уже в сентябре ощутили недостаток топлива. Эвакогоспитали Кусы, Мишкино, Сунгуля, Увильдов, Кыштыма, Каменска-Уральского, Лебяжьего, Чесмы, Кургана, Шадринска, Троицка располагали только однодневным запасом топлива. Местные власти в Кургане, Юргамыше, Шадринске, Варне выделили эвакогоспиталям лесные делянки на расстоянии 40–50 км. А троицким госпиталям приходилось вывозить дрова за 100 км[27]. В Шадринске в те дни эвакогоспиталям выделили лесосеки в 40–45 км от города, «т. к. ближе просто нет». Имевшиеся в городе автомашины простаивали из-за отсутствия бензина (требовалось «выбить» лимит на 7,5 т горючего)[28].

Именно ограниченность транспорта мешала осенью 1941 г. заготовке топлива для эвакогоспиталей — к такому выводу пришел представитель Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области. Свою докладную записку в обком ВКП(б) он завершил такими словами: «…без помощи извне госпитали дрова сами не вывезут»[29].

Тревожные сигналы продолжали поступать и позднее. 15 ноября 1941 г. военный отдел Челябинского обкома ВКП(б) констатировал, что «райкомы и горкомы ВКП(б) не организовали систематического контроля над деятельностью госпиталей и советов по доставке топлива, в результате чего госпитали оказались в тяжелом положении с топливом». Далее заведующий отделом просил указаний обкома для исправления ситуации: в эвакогоспитали области было привезено 3284 т угля и 13 696 куб. м дров (при потребности на сезон 23 239 т угля, 95 615 куб. м дров)[30].

Рассмотрим подробнее ход отопительного сезона 1941/42 гг. по отдельным госпитальным гарнизонам Челябинской области. Челябинские эвакогоспитали получали необходимое количество топлива. Их собственный автотранспорт частично был оборудован газогенераторами[31]. В январе 1942 г. Челябинский горисполком командировал на погрузочные работы в городской топливный отдел 45 человек, в том числе пятерых — от госпиталей[32].

В поселке Каштак действовал эвакогоспиталь ВЦСПС № 1145. Госпиталь занимал 13 зданий с паровым и печным отоплением. Оказалось, что для самостоятельной заготовки дров отсутствовали пилы и топоры. Вскоре инструмент был выделен. В госпитале по состоянию на декабрь 1941 г. имелось 12 автомашин и горючее для них, для 32 лошадей отсутствовали сани. Отопление осуществлялось дровами, начальник госпиталя жаловался в обком партии, что к ним не осуществляется поставка угля[33].

В январе 1942 г. Аргаяшский комитет помощи обратился к колхозникам с просьбой о предоставлении дислоцированному в районном центре эвакогоспиталю № 3758 топлива в любом количестве, поскольку «в настоящее время недостаточное отопление эвакогоспиталя отражается на здоровье раненых»[34]. Аналогичные сложности испытывал уфалейский госпиталь № 3115. Развернутый на 600 коек, госпиталь в январе 1942 г. имел запас дров только на одни сутки, угля — на 10–12 суток[35]. Благодаря помощи шефствующих предприятий, колхозов и местного населения раненые не замерзли.

В Нязепетровске эвакогоспиталь № 3878 был размещен в смежных деревянных зданиях школы и райисполкома. Административное здание нуждалось в капитальном ремонте: зимой в нем промерзали стены, а почти во всех госпитальных палатах стены отсыревали. Подвозку топлива в госпиталь в первую военную зиму райисполком поручил транспортно-гужевой артели «Вперед», которая ежедневно выделяла три-четыре лошади. В госпитале был создан полуторамесячный запас дров. В феврале 1942 г. электричество подавалось с завода с семи часов вечера до часа ночи[36].

В декабре 1941 г. эвакогоспитали Златоуста имели месячный запас топлива[37]. В начале месяца эвакогоспиталь № 3114 был обследован бригадой проверяющих под руководством военврача третьего ранга Е. А. Дианової, она отметила хорошую подготовку госпиталя к зиме и наличие в нем месячного запаса топлива[38]. В соседнем же госпитале № 3112 имелось только 6 т угля и 50 куб. м дров. На вывозке топлива работали один автомобиль грузоподъемностью 1,5 т, оборудованный газогенератором, и шесть санных подвод[39]. Спустя месяц (5 января 1942 г.) в эвакогоспитале запаса топлива хватало на 15–20 дней, но подвоз дров приостановился. Е. А. Дианова в качестве представителя отдела эвакогоспиталей пребывала в Златоусте более месяца, в начале января 1942 г. провела совещание с начальниками госпиталей, они совместно добились от командования эвакопункта № 98 поставки угля из Копейска. Поступление бурого угля для госпиталей задержалось из-за дефицита вагонов[40].

Кусинский райком ВКП(б) впервые заслушал вопрос о готовности госпиталей 25 сентября 1941 г. Тогда оказалось, что в госпитале № 3762 требовался ремонт отопительной системы, также не имелось никакого запаса дров, а их подвоз не производился[41]. Спустя два месяца (в ноябре) за эвакогоспиталем № 3762 были закреплены 2 автомашины и 18 лошадей, которых использовали для подвоза дров с лесосеки[42].

Благополучная ситуация сложилась в саткинском эвакогоспитале № 3117, «развернутом на базе бывшей больницы». Госпиталь был размещен на территории медсанчасти завода «Магнезит» и получал топливо из запасов завода[43]. В ноябре 1941 г. руководство госпиталя ожидало еще 700 т угля

с завода, 70 % дров с помощью местных организаций уже были привезены в госпиталь[44]. В апреле 1942 г. Саткинский райисполком мобилизовал 126 подвод от предприятий и «неорганизованного сектора» для оказания помощи госпиталю в вывозе дров[45].

Крупнейший в области госпитальный гарнизон обеспечивался топливом в Магнитогорске. В центре внимания городских властей оказались трудности военного госпиталя № 2191. В начале декабря 1941 г. мерзли раненые в двух залах госпиталя (на 200 коек). Для повышения температурного режима в помещениях госпиталя требовалось установить дополнительно 200 секций для парового отопления[46]. В январе 1942 г. суженный состав горисполкома распорядился, чтобы дирекция Магнитогорского металлургического комбината продала за наличный расчет бензин для автотранспорта трех госпиталей[47].

В марте 1942 г. возникла конфликтная ситуация между эвакогоспиталем № 3107 и центральной городской больницей Магнитогорска. Заведующий больницей Ерофеев предупредил командование госпиталя о прекращении подачи горячей воды в отопительную систему, так как ей не было передано 5 т угля. В своей жалобе уполномоченному особого отдела Челябинского гарнизона начальник и комиссар госпиталя указывали, что госпиталь на 635 хирургических и 70 инфекционных коек нельзя отключать от отопления, а затребованный уголь больнице передавался[48].

Стабильность отопления варненского эвакогоспиталя № 3756 зависела от наличных транспортных средств. В январе 1942 г. в госпитале лечились 142 пациента. Тогда плечо подвоза дров (расстояние между местами заготовки и выгрузки) составляло 40 км, имелись два грузовика и шесть лошадей, но одна из лошадей была больна чесоткой[49]. В январе 1943 г. инструктор военного отдела Челябинского обкома ВКП(б) докладывал из Варны, что госпиталь, располагал восемью лошадьми, из них только две работали на вывозке дров[50]. В феврале 1942 г. эвакогоспиталь № 3977 (Бреды) имел запас топлива на месяц, что давало надежду на нормальное прохождение отопительного сезона в периоды снежных бурь и весенней распутицы[51].

Крайне сложная обстановка сложилась в Троицком госпитальном гарнизоне. В Троицке были сосредоточены предприятия пищевой промышленности, которые имели невысокий приоритет в снабжении топливом и горюче-смазочными материалами. Город располагался в малолесной местности, а значит, зависел от поставок угля. В сентябре 1941 г. начальник эвакогоспиталя № 3109 И. Г. Скотникова просила начальника МЭП № 98, чтобы горисполком отпустил ее госпиталю 2294 куб. м дров и 317 т угля[52]. Спустя месяц, 11 октября, секретарь Троицкого горкома ВКП(б) доложил в обком, что в город не было завоза угля, все пять эвакогоспиталей получили только 40 % от его необходимого количества[53]: «…крайне напряженное положение создалось в госпиталях с открытием отопительного сезона и с топливом. Троицкий гортоп дров не выдает, так как нет лесов»[54]. 5 января 1942 г. заведующий горздравотделом докладывал в горком партии, что в госпиталях мало угля, а дров нет совсем[55]. Эвакогоспитали складировали топливо в дровяных сараях, в мае 1942 г. госпитали № 1730, 1731 и 3755 были допущены на складскую площадку топливного склада ветеринарного института[56].

В условиях тотального дефицита топлива в первую военную зиму городские власти принимали чрезвычайные меры, в том числе за счет эвакогоспиталей. В январе 1942 г. у эвакогоспиталя № 1731 они забрали один грузовик, который использовали для завоза топлива в город[57]. В феврале 1942 г. на нескольких улицах был разморожен водопровод, в результате эвакогоспиталь № 1730 оказался без централизованного водоснабжения. За лето повреждения не были устранены, что дало повод жаловаться: госпиталь «выпал из попечения горсовета». При эвакогоспитале № 3110 (окрестности Троицка) действовала электростанция, которую обслуживали три сотрудника[58]. Весной 1942 г. ее затопило во время весеннего разлива реки[59].

Решением суженного состава Челябинского облисполкома ответственность за снабжение топливом госпиталей и спецдомов ВЦСПС возлагалась на местные райисполкомы[60]. Сложности в отоплении курортных госпиталей возникли оттого, что дрова им приходилось везти за 15–60 км[61]. Легче заготовка дров проходила в лесистой местности. Например, в Кыштыме эвакогоспиталь «Ближняя дача» уже к 7 октября 1941 г. получил 800 куб. м дров (при общей потребности на отопительный сезон 2 тыс. куб. м)[62]. 5 декабря 1941 г. проверочная бригада Челябинского обкома ВКП(б) обратила внимание на недостаток топлива в эвакогоспиталях Щучанского района, в эвакогоспиталях № 3121 (озеро Горькое) и № 3122 (Чумляк) его имелось на два-три дня[63].

Во всех эвакогоспиталях Кургана отсутствовал рекомендованный трехмесячный запаса топлива (по состоянию на 5–9 декабря 1941 г.), а в эвакогоспитале № 1729 запаса хватало только на одни сутки[64]. Шадринский эвакогоспиталь № 1726 бóльшую часть необходимого на зиму топлива заготовил в виде торфа (850 куб. м дров и 3 тыс. т торфа), отопление торфом требовало больше усилий по перевозке[65]. В сентябре 1941 г., когда из-за отсутствия горючего подвоз топлива не осуществлялся, второй секретарь Шадринского горкома ВКП(б) заявил, что «госпиталь без дров не оставят»[66].

21 ноября 1941 г. контролер уполномоченного Комитета партийного контроля ЦК ВКП(б) завершила проверку работы эвакогоспиталя № 3879 (Макушино). Госпиталь был развернут 6 ноября в семи зданиях (пять корпусов-бараков плюс склад и прачечная), на излечении в нем находились 190 раненых бойцов, в том числе десять тяжелых. Потребность в топливе на отопительный сезон составляла 2,5 тыс. куб. м дров, а в наличии имелось только 100 куб. м (на три-четыре дня). Дрова подвозили госпитальным транспортом, колхозные подводы в ноябре еще не были мобилизованы. Помощь от колхозов района выразилась в передаче продуктов питания и проведении встреч раненых с колхозниками[67]. В начале декабря запас топлива в госпитале удалось увеличить (на два-три месяца вперед), но из-за снежных заносов подвоз дров временно приостановился. Встала единственная автомашина, так как закончилось горючее. Хотя гужевой транспорт госпиталя был отвлечен на перевозку воды и продовольствия, дрова возили три-пять лошадей[68].

До июня 1942 г. Каменск-Уральский оставался в составе Челябинской области. К 15 ноября 1941 г. в эвакогоспиталь № 3118 (Каменск-Уральский) было завезено только 10 куб. м дров и 45 т угля (при потребности в 720 куб. м

дров и 600 т угля)[69]. Дрова в госпиталь подвозили за 35 км по плохой дороге. Особенностью первого отопительного сезона для эвакогоспиталя стало использование большого количества торфа (200 куб. м, замена недополученного угля) и отходов местного строительного завода[70].

По данным профессора Надежды Петровны Палецких, весной 1942 г. в Челябинской области осталась в болотах лежать половина заготовленного торфа, похожая ситуация была и с дровами[71]. Эвакогоспитали также не смогли вывезти все заготовленные дрова. На протяжении отопительного сезона шефы оказывали им помощь в ремонте оборудования и предоставляли топливо. Весной 1942 г. началось сокращение числа госпиталей. В Челябинской области в первую очередь передислоцировались госпитали, размещенные в плохо приспособленных или холодных зданиях. Так, накануне отопительного сезона 1942/43 гг. были передислоцированы или упразднены госпитали в Каслях, Карабаше, Нязепетровске, Миассе, Юрюзани, Далматово, Кирово, Анненском, Петухово[72], областные власти вовсе отказались от размещения госпиталей в Пласте[73]. Подготовка и проведение второго военного отопительного сезона проходили в период Сталинградского сражения; перекрытие противником транспортного узла и речного пути резко обострило дефицит горюче-смазочных материалов для автотранспорта.

В 1942 г. началось повсеместное привлечение выздоравливающих к «трудовым процессам» в эвакогоспиталях, в частности к заготовке и распиловке дров. Эта мера воспринималась положительно руководством страны вне зависимости от ее медицинской целесообразности, так как требовалось решать хозяйственные задачи. На совещании представителей московских эвакогоспиталей по вопросу применения трудовых процессов и трудотерапии 28 сентября 1942 г. профессор Николай Николаевич Приоров по памяти воспроизвел высказывание Р. С. Землячки по этому вопросу: «Нашим раненым скучно находиться в госпиталях. Они бездельничают, не знают чем заняться целый день. Поэтому в наших госпиталях мы должны немедленно ввести трудовые процессы. Этим самым мы сможем обслужить нужды хозяйственные хотя бы своих госпиталей, и в то же самое время будут устранены иждивенческие настроения»[74].

В июле 1942 г. потребность госпиталей области на отопительный сезон 1942/43 гг. оценивалась Отделом эвакогоспиталей Челябинской области в 125 445 куб. м дров, 21 655 т угля и 8400 т торфа. Сотрудники отдела решали задачу заготовки и вывоза топлива через областной топливный отдел, который мог составить топливный баланс, распределить между отраслями лесные площади, но не располагал необходимым транспортом для вывоза заготовленного топлива. Летом 1942 г. Шадринский городской топливный отдел заключил договор с эвакогоспиталями о заготовке 4200 куб. м дров и 2400 т торфа к 1 сентября 1942 г. Но дрова лежали в 40 км, а торф — в 25 км от города, где у местного совета отсутствовали запасы горючего для автотранспорта[75]. Аналогичный договор с госпиталями заключил Магнитогорский городской топливный отдел. В июле 1942 г. была ускорена заготовка дров в эвакогоспитале № 3767 (Шумиха), чтобы не отвлекаться на топливную проблему в период прибытия «нового контингента» (военнопленных). К 26 июля сотрудники госпиталя № 3767 заготовили 1 тыс. куб. м дров, купили 100 т торфа[76].

Летом 1942 г. плохо справлялись с заготовкой эвакогоспитали № 3764 (ст. Нижне-Увельская) и № 3790 (400 коек, село Анненское), к 1 августа, несмотря на помощь, успели заготовить менее половины потребного количества дров, несмотря на увеличенный лимит угля[77]. Осенью оба госпиталя были передислоцированы.

Госпитали Челябинска и Копейска большую часть топлива должны были получить в виде угля. Челябинские госпитали через шефские организации добивались получения вагонов для его вывоза. Удачное прохождение отопительного сезона зависело от благополучия городского хозяйства, так как только эвакогоспиталь № 3174 имел собственную котельную. Отопление эвакогоспиталя № 3107 обеспечивалось котельной больницы, остальные госпитали — городской котельной[78]. Для пиления и колки привезенных в госпитали дров не хватало инструмента[79]. Наиболее благоприятное положение сложилось в эвакогоспитале № 3032 (Копейск), ему требовалось 1450 т угля и 400 куб. м дров. Благодаря шефской помощи треста «Копейскуголь» к 1 августа 1942 г. в госпитале уже имелся запас в 200 куб. м дров и 400 т угля[80].

К началу августа 1942 г. эвакогоспиталь № 3758 (Аргаяш) заготовил 1,2 тыс. куб. м из необходимых 1,5 тыс. Дрова находились на расстоянии 25 км от госпиталя, поэтому райисполком привлекал транспорт из колхозов[81]. С колхозниками, отряженными на работы по вывозке топлива, рассчитывались трудоднями[82].

Летом 1942 г. заготовка топлива для госпиталей Златоуста велась силами сотрудников и выздоравливающих. Потребность в дровах всех городских госпиталей составляла не менее 11,5 тыс. куб. м, они рассчитывали завершить заготовку дров и торфа уже к 15 августа 1942 г., но было не слишком понятно, как вывозить заготовленное[83]. В августе заводы № 259 и 66, трест № 24 отремонтировали автотранспорт подшефному эвакогоспиталю № 3114 и передали ему часть своего топлива[84]. В сентябре начальник эвакогоспиталя № 3111 пожаловался в Сталинский райком ВКП(б) Златоуста, что 75 т подготовленного к вывозу угля в штабелях «были похищены банно-прачечным комбинатом»[85].

В Златоусте практиковались субботники и воскресники по заготовке дров для госпиталей, в которых принимало участие местное население. Из заявления одного из жителей города председателю Златоустовского горсовета депутатов трудящихся узнаем о несчастном случае, произошедшем с одной из их участниц заготовки: «6 сентября 1942 года моя жена Иванова Екатерина Васильевна, работавшая в Ленинском райсовете, на общегородском субботнике по лесозаготовкам получила увечье (придавило деревом)». Больная 19 месяцев пролежала в хирургическом отделении городской больницы. Муж был возмущен тем, что в паху у больной (матери троих детей) были обнаружены черви, а сотрудники больницы на это реагировали спокойно. Просил о помощи, чтобы жене были созданы лучшие условия[86].

К первому августа 1942 г. эвакогоспиталь № 3125 (Аша) полностью заготовил необходимые ему на зиму 2 тыс. куб. м дров и ожидал их вывозки, так как в городе не имелось горючего для автотранспорта. Миньярскому госпиталю № 3123 долгое время не выделяли в необходимом количестве делянки для заготовки дров. Часть необходимого на отопительный сезон

1942/43 гг. топлива была замещена углем, его в августе 1942 г. госпиталь получил 120 т. Дрова заготавливались в 12 км от госпиталя[87]. Выздоравливающие кусинского эвакогоспиталя № 3762 заготовили больше дров, чем требовалось госпиталю на зиму: 125 куб. м дров запланировали для передачи подшефному детскому саду, 200 куб. м дров предназначались для семей красноармейцев[88]. Эвакогоспиталь № 3126 (Катав-Ивановск) заготовил 40 % необходимого количества дров, их недостаток компенсировали почти двукратным увеличением лимита на уголь. Эвакогоспиталь № 3128 (Юрюзань) командировал 12 своих сотрудников на заготовку дров, бригаду выздоравливающих выслать не успели. Поэтому заготовлено было менее 20 % необходимого количества топлива[89].

Велась заготовка топлива и в госпиталях ВЦСПС, им на отопительный сезон требовалось 38,5 тыс. куб. м дров и 1800 т угля. В эвакогоспитале № 3116 (Увильды) в августе 1942 г. на заготовке дров были заняты 20 работников подсобного хозяйства и 40 выздоравливающих бойцов. Из эвакогоспиталя № 3780 (село Сунгуль, ныне Снежинск) были командированы на заготовку дров 13 сотрудников. Бригады госпиталя испытывали недостаток в пилах и топорах, Челябинский облздравотдел выделил им десять топоров. Много топлива требовалось эвакогоспиталю № 3115 (Уфалей) — 9 тыс. куб. м дров; райисполком поручил директору металлургического завода предоставить госпиталю 5 тыс. т торфа. Также Уфалейским райисполкомом было принято решение о выделении в помощь госпиталю 32 работников для рубки дров[90]. Эвакогоспиталь № 3122 (с. Чумляк) 700 куб. м из необходимых ему 1,5 тыс. куб. м должен был заготовить своими силами. Плечо подвоза дров в госпиталь составляло 20 км[91].

Областная плановая комиссия сократила на грядущий отопительный сезон лимит на заготовку дров для эвакогоспиталя ВЦСПС № 3121 (озеро Горькое) с 14 тыс. куб. м до 2,5 тыс. куб. м. Взамен выделили 1100 т угля. Начальник и комиссар МЭП № 98 высказали Челябинскому обкому ВКП(б) свои сомнения в возможности доставки этого груза в госпиталь из Копейска (ввиду отдаленности госпиталя от железнодорожных путей)[92]. Для рубки леса из госпиталя № 3121 командировали 40 выздоравливающих пациентов, в окрестных колхозах были мобилизованы 15 возчиков с лошадьми. Для вывоза заготовленных дров госпиталь нуждался в 2 т горючего[93].

Основную часть потребности госпиталей Троицка решили во второй военный отопительный сезон закрыть углем (выделив почти 4 тыс. т угля), но недостающее топливо приходилось вывозить издалека: 2,8 тыс. куб. м дров за 82 км, 1 тыс. т торфа за — 35 км. Летом во время заготовки лошадьми заготовленные дрова подвозились от места лесоповала к дороге. А вывоз топлива к госпиталям отложили на зимние месяцы[94].

Эвакогоспитали № 3756 и 3757 (Варна) в августе 1942 г. завершали заготовку дров. Раненые вели распиловку привезенных стволов[95]. Райисполком выделил эвакогоспиталю № 3756 делянки на заготовку 650 куб. м дров, и еще 400 куб. м по лимитам облздравотдела. К 1 сентября было заготовлено 800 куб. м, из них вывезено 300 куб. м. В декабре 1942 г. предполагалось мобилизовать восемь подвод и шесть возчиков с таким расчетом, чтобы все заготовленное топливо привезти в госпиталь к 15 февраля 1943 г.[96]

Летом успешно завершили заготовку дров эвакогоспитали № 3759 (Юргамыш), № 3780 (Мишкино), № 3751 (Лебяжье), № 3879 (200 коек, Макушино), в работах участвовали команды выздоравливающих. Медленнее шло дело в эвакогоспитале № 3858 (Кирово): его сотрудники и выздоравливающие заготовили 350 куб. м дров при плане 2 тыс. куб. м; заготовленное госпиталем почти не было использовано, так как 1 октября он передислоцировался[97].

Заготовка и вывоз топлива для госпиталей интенсифицировались поздней осенью и зимой, так как по окончании уборочной кампании появлялась возможность привлечь гужевой транспорт из колхозов и совхозов. Автомобильный транспорт госпиталей в основном находился в рабочем состоянии, но испытывал дефицит покрышек, горючего и смазочных материалов[98]. В начале октября 1942 г. был проведен осмотр автопарка 58 госпиталей. Они располагали 158 автомашинами. На ходу оставалось 117 автомашин, из них 75 требовали какого-то ремонта. Еще 14 автомобилей находилось в ремонте и 25 ожидали его. Две трети (28 из 41) вышедших из строя машин требовали ремонта или замены газогенераторной установки. У 28 «неходовых машин» отсутствовал хотя бы один комплект шин[99]. Со второго полугодия 1943 г. из-за износа техники значительно увеличилось количество поломок[100]. Эвакогоспитали нуждались и в регулярном «ремонте» лошадей. Например, в эвакогоспитале ВЦСПС № 3116 (Увильды) за зиму 1942/43 гг. пало 11 лошадей[101].

Приостановку отопления госпитальных палат могло спровоцировать и отсутствие горючего для автотранспорта[102]. Весной 1943 г. для 40 эвакогоспиталей Наркомздрава СССР, действовавших в Челябинской области, при ежемесячной потребности автотранспорта в 10–12 т бензина госпитали получали по централизованному снабжению по 150–200 л в месяц. В указанных эвакогоспиталях тогда одновременно лечилось более 17 тыс. больных и раненых бойцов[103].

Уже к 1 октября 1942 г. были выделены и выкуплены три четверти потребного госпиталям области угля, но в госпитали была доставлено только пятая часть нужного количества топлива (21,8 тыс. куб. м дров и 4,6 тыс. т угля)[104]. По данным военного отдела Челябинского обкома ВКП(б), к 10 октября эвакогоспитали области заготовили 75,6 % необходимого на сезон количества дров (87 157 куб. м) и 21 % вывезли. В «передовиках» оказались госпитали Кургана, где необходимое количество дров уже было заготовлено и подготовлено к вывозу[105]. В реальности картина не была столь радужной. Например, в топливном балансе курганского эвакогоспиталя № 1729 не хватало тысячи кубометров дров. Автотранспорт госпиталей использовался не в полной мере из-за отсутствия горючего[106].

В октябре 1942 г. от челябинского эвакогоспиталя № 1723 в Копейске находились три командированных сотрудника, они грузили уголь для госпиталя в вагоны. В конце месяца котельная госпиталя была переведена на сжигание торфа[107]. Из переписки областного уполномоченного партийного контроля узнаем, что в начале 1943 г. был прекращен подвоз силами сторонних организаций топлива в челябинские госпитали № 1724, 3883, 3884, а решение обкома ВКП(б) от 20 января о вывозе не менее 500 т угля и торфа для больниц и госпиталей — сорвано. В то же время госпитальный транс-

порт подвозил топливо из Копейска (уголь) и дрова из ближайших лесничеств[108]. Челябинский горисполком был обязан ежемесячно доставлять своим транспортом из Копейска 80 т угля, так как в феврале 1943 г. на городские власти была возложена облисполкомом задача обеспечения топливом прачечной Челябинского эвакопункта № 98[109]. 17 марта 1943 г. на стол первого секретаря обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева легла справка «О санитарном состоянии госпиталей города Челябинска», подготовленная горисполкомом. В ней отмечалось, что решение о создании двухнедельного запаса топлива в челябинских госпиталях не выполнено. На самом деле его хватало лишь на пять дней[110].

В марте 1943 г. в письме председателю Челябинского областного комитета помощи замполит эвакогоспиталя № 3884 (Челябинск) М. Красс констатировал: «…в госпитале топливный кризис <…> В сентябре 1942 г. заготовили 300 м^3 дров и 200 тонн угля. Гортоп по наряду был обязан ежемесячно завозить месячный запас топлива. Но это не выполнялось. Госпиталь был вынужден своим транспортом завозить топливо из Копейска и Митрофановского лесничества. Транспорт госпиталя оказался очень ограничен из-за отсутствия бензина, автола и чурок»[111]. Ответом на это обращение стало решение бюро Челябинского обкома ВКП(б) от 24 марта 1943 г., которое обязало контору «Углесбыт» отпустить для госпиталей и больниц города Челябинска 2 тыс. т некондиционного угля из отвалов копейских шахт, в том числе первую тысячу — к 27 марта. Вывоз и погрузку «некондиционного угля» предлагалось организовать Челябинскому горисполкому[112].

Заготовка топлива для всех четырех действовавших в Кыштымском районе эвакогоспиталей началась со второй половины августа. К 9 октября 1942 г. в Кыштымском районе было заготовлено менее половины необходимого на зиму объема топлива[113]. За два месяца силами сотрудников госпиталей, выздоравливающих бойцов, а также рабочих, направленных кыштымскими предприятиями (механический, огнеупорный, электролитный заводы, Тайгинстрой), заготовили 8,3 тыс. куб. м дров и 600 т торфа при потребности в 16,5 тыс. куб. м дров. Заводы в порядке шефской помощи организовывали воскресники по заготовке дров для госпиталей, к заготовительным мероприятиям также привлекли местную исправительно-трудовую колонию[114].

На основании совместного приказа Наркомздрава и НКО СССР от 5 сентября 1942 г. расформированию подлежали госпитали ВЦСПС или их отдельные лечебные корпуса, размещенные в летних помещениях[115]. В декабре 1942 г. эвакогоспиталь № 3780 (Сунгуль) имел заготовленных, но не вывезенных 5300 куб. м дров и 600 куб. м торфа[116]. В октябре 1942 г. Уфалейский металлургический завод передал эвакогоспиталю № 3115 пять тысяч тонн торфа. Тогда же эвакогоспиталь № 3780 получил от завода № 613 3000 куб. м дров и бригаду слесарей для ремонта отопительной системы, от завода № 351 — 3000 куб. м дров и топоры[117].

Для обеспечения топливом головного госпиталя № 1128 Златоустовский горисполком в январе 1943 г. мобилизовал «в порядке трудовой гужевой повинности» по пять лошадей от каждого внутригородского района. Снабжение лошадей фуражом возлагалось на начальника госпиталя[118]. В январе 1943 г. партийная организация эвакогоспиталя заслушала вопрос

«О хозяйственном состоянии госпиталя». Коммунисты обратили внимание на проблему расхищения угля со двора из-за отсутствия ночной охраны. В госпитале ощущалась нехватка топлива, вызванная, по их мнению, «чемоданными настроениями: собирались уезжать», неурядицами в сотрудничестве с ЦКБ, недостатком транспортных сил («лошади не вылезают из хомутов и уже замучены, из трех автомашин одна не работает»), выкупом дров далеко от госпиталя[119]. Заметим, что до осени 1944 г. госпиталь никуда из города не выехал.

11 марта 1943 г. Ленинский райком ВКП(б) Златоуста рассмотрел вопрос о совместном отоплении госпиталя № 1128 и ЦКБ № 14, так как с 27 февраля прекратился подвоз топлива в котельную госпиталя. Температура в палатах упала до +9 градусов[120]. В феврале 1943 г. военный госпиталь № 1124 отапливал также помещения ЦКБ № 14, причем эвакуированное конструкторское бюро возместило только 40 % дров. Горсовет встал на сторону госпиталя и добивался передачи ему 495 куб. м дров[121]. В Саткинском районе с 4 по 10 апреля 1943 г. была вновь проведена мобилизация транспорта и подвод от предприятий и «неорганизованного населения» в пользу местных эвакогоспиталей № 1131 и 3117[122]. Кусинский райком ВКП(б) в начале ноября 1942 г. закрепил за эвакогоспиталем № 3762 две автомашины и 18 лошадей для подвоза топлива и воды, так как в госпитале не было водопровода[123].

В октябре 1942 г. заместитель председатель СНК СССР Р. С. Землячка поручила наркому здравоохранения СССР Г. А. Митереву согласовать с Наркоматом черной металлургии отпуск бензола для автотранспорта госпиталей Магнитогорска[124]. Для увеличения подвоза топлива в феврале 1943 г. Магнитогорский горком ВКП(б) и горисполком обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой оказать содействие в предоставлении «попутного порожняка» для подвоза дров госпиталям «Магнитогорской группы». Секретариат Всесоюзного комитета помощи согласовал эту меру с Наркоматом путей сообщения СССР. В результате этого решения была начата отгрузка дров в Магнитогорск[125].

К 10 октября 1942 г. эвакогоспиталь № 3756 (Варна) заготовил 50 % и вывез 10 % от необходимого на зиму количества дров, в вывозке командование госпиталя рассчитывало на помощь колхозников[126]. Дрова для отопления троицких госпиталей № 1731, 3110 и 3109 вывозились из Верхней Санарки за 80 км от госпиталей[127]. В октябре 1942 г. троицкие эвакогоспитали получили наряды на уголь, а для эвакогоспиталя № 3110 было заготовлено 550 т торфа[128]. В декабре на подвозе дров для госпиталя № 3110 работали пять конных подвод из Троицкого района[129]. Горсовет зимой 1942/43 гг. опять не мог помогать госпиталям, но еще обязал дать под свое попечительство уголь горбольнице, еще 6 т — хлебообъединению. Реквизировал 60 т угля у госпиталей № 1731, 3755, 3110 и 3109, предназначенный последним для уплаты долга[130].

В январе 1943 г. из-за отсутствия топлива, так как «транспорт в ужасном состоянии», в эвакогоспитале № 3755 (Троицк) были разморожены трубы отопления, приостановлена работа лечебных кабинетов. Новое руководство госпиталя обратилось с отчаянной просьбой к городским организациям о направлении 10–15 лошадей и возчиков[131]. В политическом донесении

эвакогоспиталя № 3110 за февраль 1943 г. отмечалось: «Положение с топливом очень тяжелое. В госпитале его нет. Заготовили и не вывезли»[132].

В начале осени госпитали Кургана рассчитывали на получение 7,2 тыс. куб. м дров и 850 т угля. Дрова приходилось вывозить за 35 км, но часть потребности решили закрыть торфом, который заготавливался в 9 км от города[133]. В октябре 1942 г. военный отдел Шадринского горкома ВКП(б) изучал вопрос о подготовке эвакогоспитале к зиме. К 10 октября 1942 г. эвакогоспитали № 1726 и 3108 заготовили 7 тыс. куб. м дров, из них 1259 куб. м были вывезены городскими учреждениями (в госпиталях имелось пять автомобилей и семь лошадей). Кроме того, начальник эвакопункта обещал добиться получения для эвакогоспиталя № 1726 трехсот тонн угля[134]. Эвакогоспиталь № 3759 (Юргамыш) при потребности на отопительный сезон 1550 куб. м дров к 13 октября 1942 г. располагал 1770 куб. м, из них 300 куб. м уже успели привезти[135]. В Мишкино для местного эвакогоспиталя к 6 октября 1942 г. было заготовлено 1700 куб. м дров и 20 т торфа (при потребности на сезон 2280 куб. м дров), на вывозке работали две госпитальные машины, шесть лошадей[136].

Доля торфа в плане госпиталей области на отопительный сезон 1942/43 гг. была небольшой, предполагалась его заготовка лишь эвакогоспиталями Шадринска и Уфалея. Фактически торф использовали гораздо активнее. К январю 1943 г. госпитали Кургана истопили 480 т, Магнитогорска — 21 т, Троицка — 315 т, Шумихи — 28 т; эвакогоспитали Сунгуля, Лебяжьего, Мишкино также заготовили некоторое количество торфа, но ничего не успели привезти. В целом сотрудники эвакогоспиталей не любили возиться со сжиганием торфа — слишком трудоемко, кроме того, недостаточно просушенный торф плохо горел и давал еще меньше тепла. Тем не менее в условиях декабрьских морозов (1942) сжигалось любое привезенное топливо, так как большинство эвакогоспиталей вовсе не имели запасов. Полностью отсутствовали запасы любого топлива в девяти госпиталях Челябинской области. А в остальных имелся его запас на один-семь дней. Особенно благоприятное положение сложилось в Копейске, где эвакогоспиталь № 3032 располагал запасом 100 куб. м дров и 700 т угля[137].

В феврале 1943 г. была образована Курганская область, к началу июля она (вместе с госпиталями) окончательно выделена из состава Челябинской области. В первом полугодии 1943 г. на Южном Урале продолжалось увеличение сети эвакогоспиталей, одновременно победы советского оружия под Сталинградом и Курском создали благоприятные условия для передислокации военно-медицинских учреждений из Челябинской области ближе к фронту. Во втором полугодии 1943 г. подавляющее большинство госпитальных коллективов уже имели немалый опыт прохождения отопительного сезона, были установлены связи с шефскими предприятиями, сформированы команды из выздоравливающих и сотрудников эвакогоспиталей, топливное положение области также облегчалось в связи с увеличением добычи угля в Челябинском угольном бассейне.

Подготовка к новой кампании по заготовке топлива для госпиталей началась уже в июне 1943 г. Этот вопрос был заслушан на 11-й сессии Челябинского областного совета депутатов трудящихся (21 июня). В основном докладе по этому вопросу указывалось, что «госпитали проводят большую

работу по заготовке топлива. 90 % дела решают они сами, но с вывозкой они не справятся без… помощи»[138]. После доклада среди депутатов возникла дискуссия о топливном обеспечении эвакогоспиталей в Кыштыме. Местный райисполком добивался от эвакогоспиталей заготовки не только дров, но и торфа, надеясь закрыть торфом половину потребности в топливе, начальники госпиталей отказывались направлять выздоравливающих и личный состав на его заготовку. Представитель Кыштымского райисполкома заявил: «Для нас стало ясно, что люди сознательно не принимают никакого участия в заготовке торфа, надеясь, что они получат дрова. Ясно, что дрова лучше — меньше пыли грязи»[139].

Тогда же (июнь 1943) сотрудники челябинского эвакогоспиталя № 3884 на партийном собрании обсудили ход подготовки к зиме. Один из коммунистов сказал: «…каждый год в это время хозяйственники строят благополучие, что все якобы в порядке, а когда дело доходит к зиме, мы остаемся в очень тяжелом положении»; в прошлом 1942 г. «госпиталь и сотрудники остались без топлива»; «только к весне начали направлять транспорт и дрова — всю зиму мерзли»[140]. Приведем еще свидетельства о ходе заготовки топлива госпиталями Челябинского гарнизона. В сентябре 1943 г. в эвакогоспитале № 1723 (Челябинск) имелась одна автомашина, в день на ней совершали по два рейса: утром — за продуктами питания, второй рейс — за дровами[141]. 16 ноября 1943 г. заместитель начальника эвакогоспиталя № 3883 по материальной части доложил своей партийной организации о ходе заготовки топлива: «Дрова у нас есть — 288 м^3, но они лежат за 25 километров. У нас сейчас дело плохо обстоит с транспортом, нет горючего, да и машины не совсем исправны. Для госпиталя как-нибудь вывезем, но для сотрудников — очень трудно. Если есть у кого транспорт, [тем] будем давать завтра путевки. Очень нуждающимся семьям красноармейцев поможем вывезти. Госпиталь имеет уголь, но гортоп плохо выполняет этот договор. Доставка [осуществляется] плохо. Хотя мы своими силами заготовили [то есть сами его грузили] уголь. Немного обеспечим углем и сотрудников»[142]. В плане реализации торфа на четвертый квартал 1943 г. Челябинским эвакогоспиталям № 1721, 1722, 1723 и 1724 было предусмотрено выделение 400 т торфа (по 100 т каждому госпиталю)[143].

В августе 1943 г. Уфалейский райком ВКП(б) обратился к руководству никелевого и металлургического заводов с просьбой передать местным эвакогоспиталям 150 куб. м дров и 100 т угля. В сентябре райком решил привлечь лошадей частных владельцев для подвоза топлива к эвакогоспиталю № 3780 (Сунгуль)[144]. Помогали госпиталям и другие предприятия. Например, за 1943 г. Чебаркульский металлургический завод № 701 передал 300 т угля эвакогоспиталю № 4012 в качестве шефской помощи, а также снабжал его электроэнергией[145].

В сентябре 1943 г. госпитали Златоуста уже ожидали передислокации в западные районы страны, что не отменяло необходимости подготовки к зиме и заготовки дров[146]. После передислокации эвакогоспиталя № 3112 «в прифронтовые районы» здание освободившейся школы № 10 и запасы топлива передали эвакогоспиталю № 5803. 28 октября 1943 г. Советский райком ВКП(б) Златоуста рассмотрел вопрос о подготовке эвакогоспиталя № 5803 к зиме, для чего привлек помощь местных предприятий (работы

по остеклению здания, ремонту автотранспорта, пополнение госпитальной библиотеки); «железнодорожные организации» города обязывались выделить госпиталю 100 т угля[147]. Кризисные явления в транспортном и топливном обеспечении эвакогоспиталя № 5804 проявились в начале февраля 1944 г. В течение десяти дней работ по вывозке пали три лошади. Нагрузка на лошадей была огромной: их выводили на работу ежедневно, сено привозили в госпиталь за 35 км, а дрова — за 10 км, кормом животные обеспечивались не полностью и не вовремя, состав возчиков постоянно менялся[148].

Летом 1943 г. привезенные в Магнитогорский эвакогоспиталь № 1725 дрова сваливались во двор[149]. Эвакогоспиталь № 3107 (Магнитогорск) на зиму 1943/44 гг. получил основной объем топлива в виде угля. На сезон было запланировано 4000 т угля и только 600 куб. м дров[150].

Численность работоспособных лошадей в госпиталях поддерживалась на стабильном уровне. В январе 1944 г. эвакогоспиталь № 3880 (Кыштым) располагал двумя автомашинами «на ходу» и 16 работоспособными лошадьми. Челябинское областное управление госпиталями ВЦСПС передало госпиталю пять лошадей и «обеспечило их овсом на весь год»[151]. К отопительному сезону 1943/44 гг. колхозы и организации Троицкого района эвакогоспиталю № 1730 привезли 300 куб. м дров[152].

В феврале 1943 г. из состава Челябинской области выделилась Курганская область, в городе Кургане ввиду отсутствия зданий для администрации госпитали свертывались в первую очередь, а сельские госпитали продолжали работу. Во всех госпитальных гарнизонах осуществлялась подготовка к зиме. 7 июля 1943 г. Курганский облисполком выслал в районы телеграмму следующего содержания: «Категорически запрещаю мобилизацию автотранспорта, рабочей силы из эвакогоспиталей. До первого августа форсируйте вывозку топлива госпиталями 60 % годовой потребности»[153]. Часть топлива требовалось перевезти в госпиталь уже к началу осенней распутицы. В августе 1943 г., в период уборочной кампании, Мишкинские райисполком и райком ВКП(б) решили использовать коров для вывозки дров школам, больнице, госпиталю и детским организациям[154]. 12 марта 1944 г. Мишкинский райисполком организовал воскресник по вывозке дров для эвакогоспиталя № 3760. В этот день руководители всех организаций Мишкинского района должны были «послать на вывозку дров всех имеющихся в их распоряжении лошадей и волов, обеспечив вывозку на каждую лошадь один кубометр»[155].

Зима 1943/44 гг. стала последним отопительным сезоном в Челябинской области, когда госпитали вынуждены были самостоятельно заготавливать дрова и торф, критически зависели от помощи местных районных и городских исполкомов, шефов и местного населения. Осенью 1944 г. большинство госпиталей в Челябинской области были расформированы или передислоцированы. Это значительно облегчило задачу обеспечения работы двух оставшихся госпиталей — № 3032 (Копейск) и 1722 (Челябинск). Благодаря удобному расположению это госпитали оказалось наиболее удобно снабжать углем. В октябре 1944 г. Челябинский облисполком принял секретное решение об обеспечении заготовок топлива госпиталями с завозом 60 % заготовленного к 1 октября 1944 г., а остатков — в январе 1945 г.[156] В декабре 1944 г. госпитали были проверены областным комитетом помощи раненым

и признаны готовыми к зиме[157]. Последние эвакогоспитали в области были свернуты в сентябре и декабре 1945 г., а оставшиеся пациенты перевезены в Свердловск.

За весь период деятельности на территории Челябинской области (с января 1940 по декабрь 1945) эвакогоспитали обращались за помощью в решении топливной проблемы к органам государственной и партийной власти, к шефским организациям. Самыми трудными оказались отопительные сезоны 1942–1944 гг., когда трудовые коллективы госпиталей и выздоравливающие пациенты приняли на себя основную нагрузку по заготовке дров и торфа. Решение топливной проблемы эвакогоспиталей в 1941–1942 гг. оказалось возможным благодаря передаче им запасов угля и дров крупнейших промышленных предприятий области, в последующие годы факты передачи заводами топлива госпиталям также имели место. Передаваемое госпиталям топливо не было лишним: предприятия отказывались от отопления производственных помещений, сокращалась возможность помощи трудовым коллективам, в том числе семьям фронтовиков.

В бесперебойное обеспечение госпиталей топливом внесли свой трудовой вклад колхозники. В исследованиях по истории крестьянства в военные годы осталась неоцененной помощь колхозников в зимней перевозке дров для нужд эвакогоспиталей. Категорически не согласен с выводом Н. А. Дегтяревой о нерегулярности шефской помощи эвакогоспиталям в вывозе топлива, так как колхозы не могли выделять лошадей и возчиков в период сбора и вывоза урожая[158]. Действительно, колхозников и колхозный скот привлекали к вывозу топлива только в зимний период — с 1 декабря до 1 апреля[159]. Но именно в зимние месяцы гужевой транспорт наиболее эффективен. Участие в заготовках топлива для нужд раненых бойцов и госпитальных коллективов является составной частью жертвенного подвига колхозного крестьянства.

На протяжении 1940–1945 гг. эвакогоспитали в Челябинской области обеспечивались местными видами топлива: дровами, бурым углем и торфом. Надежность топливного снабжения зависела от наличия лесных массивов и торфяников, близости госпиталей к железнодорожным путям. В наиболее сложном положении оказались госпитали, расположенные в южной степной зоне области. Гораздо благоприятнее условия сложились в горнозаводской зоне (развитая транспортная сеть, близость лесных делянок, наличие крупных индустриальных производств, городской коммунальной инфраструктуры). Кампания по вывозу дров распадалась на два этапа: летне-осенний (август — ноябрь) и зимний (декабрь — апрель). Если осенью железнодорожным и автомобильным транспортом завозили столько угля и дров, чтобы топлива хватило до установления зимнего наста, то большая часть дров и торфа перевозилась в зимние месяцы автомобильным и гужевым транспортом.

Примечания

[1] Ахутин Н. М. Хирургический опыт двух боевых операций. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. воен.-мед. акад. Крас. Армии, 1940. С. 19.

[2] Кусков С. А. Сеть эвакогоспиталей в восточных районах РСФСР в 1938–1940 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 101–108.

[3] РГВА. Ф. 37565. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

[4] Там же. Д. 24. Л. 1, 22.
[5] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 20.
[6] Там же. Л. 119.
[7] Тюков Ю. А., Тарасова И. С. Тыловые госпитали в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. № 1. С. 54–56.
[8] ОГАЧО. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 637. Л. 8.
[9] Там же. Л. 11.
[10] Архив г. Магнитогорска. Ф. Р-121. Оп. 2. Д. 64. Л. 122.
[11] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 124.
[12] Дегтярева Н. А. Забота комсомольцев о раненых воинах в госпиталях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2019. № 7 (63). С. 62.
[13] ОГАЧО. Ф. П-211. Оп. 1. Д. 1146. Л. 33.
[14] Там же. Ф. П-119. Оп. 1. Д. 88. Л. 9.
[15] ГАКО в г. Шадринске. Ф. Р-647. Оп. 3. Д. 16. Л. 2 — 4 об.
[16] Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 175.
[17] Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М. : Мысль, 1985. С. 263, 265.
[18] Павленко В. Д., Павленко Г. К. Железнодорожный транспорт Южного Урала в 1941–1945 годах // Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность : Двенадцатые воен.-ист. чтения : сб. науч. ст. Екатеринбург : Сократ, 2020. С. 44.
[19] Липовцева И., Михеев М., Мельников Н., Сарапулова А. Просвет. История становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. Екатеринбург : Альфа Принт, 2017. С. 95, 99.
[20] Савченко Д. П. Военно-организаторская деятельность А. Н. Косыгина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. архивиста. 2012. № 1. С. 207.
[21] Павленко В. Д., Павленко Г. К. Южный Урал. Великая Отечественная война: к 70-летию со Дня Победы. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2014. С. 62.
[22] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 89. Л. 54.
[23] Рубин В. А. Экономическое и социально-демографическое развитие российских тыловых городов в период Великой Отечественной войны (на примере крупных индустриальных центров Южного Урала). Оренбург : Изд. центр Оренб. гос. агр. ун-та, 2010. С. 122–123, 126.
[24] Тогда была война… 1941–1945 : сб. док. и материалов. Челябинск : Книга, 2005. С. 74.
[25] Селеменев В. Н., Климанов С. К., Малиновский В. П., Носков Г. Е., Руденко А. Е. Становление и развитие квартирно-эксплуатационных органов вооруженных сил : в 2 т. Т 2. СПб. : ВАМТО, 2017. С. 300.
[26] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 3. Л. 365.
[27] Там же. Д. 126. Л. 121.
[28] ГАКО в г. Шадринске. Ф. Р-647. Оп. 2. Д. 41. Л. 153 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 20.
[29] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 13.
[30] Там же. Л. 33.
[31] Там же. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 2. Л. 202.
[32] Там же. Оп. 6. Д. 3. Л. 170.
[33] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 125.
[34] Там же. Ф. П-115. Оп. 3. Д. 123. Л. 136.
[35] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 17.
[36] Там же. Д. 271. Л. 7.
[37] Архив г. Златоуста. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 37. Л. 283.
[38] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 49 об.
[39] Там же. Л. 80 — 80 об.
[40] Там же. Оп. 6. Д. 269. Л. 71, 129.

[41] ОГАЧО. Ф. П-328. Оп. 2. Д. 58а. Л. 6.
[42] Там же. Д. 131а. Л. 103 об.
[43] Архив г. Златоуста. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 9. Л. 63 об.
[44] Там же. Д. 9. Л. 60 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 126. Л. 132.
[45] Архив г. Златоуста. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 11. Л. 63.
[46] ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 15. Д. 66. Л. 126.
[47] Архив г. Магнитогорска. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 366. Л. 1.
[48] ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 16. Д. 68. Л. 14.
[49] Там же. Ф. П-311. Оп. 3. Д. 145. Л. 117 об.
[50] Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 87. Л. 13.
[51] Там же. Оп. 6. Д. 271. Л. 8.
[52] Там же. Ф. П-179. Оп. 2. Д. 34. Л. 6.
[53] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 126. Л. 127 ; Д. 281. Л. 21.
[54] Там же. Ф. П-179. Оп. 2. Д. 23. Л. 63 — 63 об.
[55] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 61.
[56] Архив г. Троицка. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 92. Л. 62 об.
[57] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 9.
[58] Архив г. Троицка. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 84. Л. 223.
[59] Там же. Д. 92. Л. 96
[60] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 2. Л. 2.
[61] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 119.
[62] Там же. Ф. П-211. Оп. 1. Д. 1145. Л. 46а.
[63] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 73–76.
[64] Там же. Л. 88 об.
[65] Там же. Л. 17.
[66] Там же. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 637. Л. 20.
[67] Там же. Л. 44–46.
[68] Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 82 — 82 об.
[69] Там же. Л. 146.
[70] Там же. Л. 25.
[71] Палецких Н. П. Топливная проблема в контексте городской повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : сб. науч. ст. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2020. С. 343.
[72] Урал ковал победу : сб.-справ. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1993. С. 357, 376–379.
[73] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 2. Л. 44, 251, 379 ; Ф. Р-1257. Оп. 1. Д. 21. Л. 125, 131.
[74] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 608. Л. 5 об.
[75] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 10.
[76] Там же. Д. 89. Л. 44.
[77] Там же. Д. 270. Л. 17 ; Д. 271. Л. 37.
[78] Там же. Д. 270. Л. 8 ; Ф. П-234. Оп. 15. Д. 66. Л. 3.
[79] Там же. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 131. Л. 31.
[80] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 13.
[81] Там же. Л. 15.
[82] Мотревич В. П. Деревенская повседневность на Урале: доходы и потребление сельчан в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории общества, государства и права : материалы межрегион. науч. конф. «Актуальные проблемы истории государства и права России и зарубежных стран». Екатеринбург, 2018. С. 300.
[83] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 10.
[84] Там же. Д. 89. Л. 21.
[85] Там же. Ф. П-636. Оп. 1. Д. 70. Л. 20.
[86] Архив г. Златоуста. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 116. Л. 30–31.
[87] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 13.
[88] Там же. Л. 16.
[89] Там же. Л. 19.

[90] Там же. Л. 12–13.
[91] Там же. Л. 13.
[92] Там же. Д. 271. Л. 40.
[93] Там же. Д. 270. Л. 13.
[94] Там же. Л. 11.
[95] Там же. Л. 15.
[96] Там же. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 21. Л. 318.
[97] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 17.
[98] Там же. Ф. П-234. Оп. 15. Д. 66. Л. 3 — 3 об.
[99] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 89. Л. 69.
[100] Там же. Ф. К-288. Оп. 3. Д. 56. Л. 111.
[101] Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 87.
[102] НАРБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 38. Л. 210.
[103] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 224. Л. 12.
[104] Там же. Оп. 6. Д. 89. Л. 51.
[105] Там же. Л. 67 ; Д. 270. Л. 16, 17 ; Д. 271. Л. 33.
[106] Там же. Д. 89. Л. 71.
[107] Там же. Ф. П-119. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.
[108] Там же. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 855. Л. 3 об.
[109] Там же. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 4. Л. 19.
[110] Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 87. Л. 27–28.
[111] Там же. Д. 225. Л. 45.
[112] Там же. Д. 26.
[113] Там же. Ф. П-211. Оп. 1. Д. 1266. Л. 157.
[114] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 89. Л. 60 — 60 об.
[115] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 143. Л. 70–71.
[116] ОГАЧО. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 21. Л. 455.
[117] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 89. Л. 65 — 65 об.
[118] Архив г. Златоуста. Р-35. Оп. 11. Д. 47. Л. 28.
[119] ОГАЧО. Ф. П-637. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
[120] Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 89.
[121] Архив г. Златоуста. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 47. Л. 117.
[122] Там же. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.
[123] ОГАЧО. Ф. П-328. Оп. 2. Д. 131а. Л. 99, 103 об.
[124] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 43. Д. 965. Л. 191.
[125] РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 13. Л. 210.
[126] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 89. Л. 46.
[127] Там же. Л. 63.
[128] Там же. Л. 63 об., 64.
[129] Там же. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 21. Л. 440.
[130] Там же. Ф. П-179. Оп. 2. Д. 129. Л. 6 — 6 об.
[131] Там же. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 21. Л. 348.
[132] Там же. Л. 352.
[133] Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 11.
[134] Там же. Д. 89. Л. 62.
[135] Там же. Л. 47.
[136] Там же. Л. 45.
[137] Там же. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 21. Л. 388.
[138] Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 65. Л. 43.
[139] Там же. Л. 41.
[140] Там же. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 29.
[141] Там же. Ф. П-119. Оп. 1. Д. 106. Л. 19.
[142] Там же. Д. 107. Л. 9.
[143] Там же. Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 27. Л. 42–43.
[144] Там же. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 1278. Л. 25, 53 об.
[145] Там же. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 32. Л. 93.

[146] ОГАЧО. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.
[147] Там же. Ф. П-693. Оп. 1. Д. 39. Л. 330.
[148] Там же. Ф. П-637. Оп. 3. Д. 100. Л. 1.
[149] Там же. Ф. П-234. Оп. 17. Д. 76. Л. 91.
[150] Там же. Ф. П-778. Оп. 1. Д. 47. Л. 33.
[151] Там же. Ф. П-211. Оп. 1. Д. 1394. Л. 12.
[152] Там же. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 32. Л. 87.
[153] ГАКО. Ф. Р-1867. Оп. 1. Д. 159. Л. 8а.
[154] Там же. Л. 57.
[155] Там же. Д. 156. Л. 41.
[156] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 6. Л. 86.
[157] РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 18. Л. 109.
[158] Дегтярева Н. А. Общественный актив в медицинских учреждениях 40-х годов XX века // Политические партии и выборы: проблемы современности : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Оренбург : Оренб. гос. ун-т, 2016. С. 39.
[159] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 38. Л. 13.

В. Ю. Сарабеев

«Всеми силами изобразительного языка на борьбу с врагом»: Союз советских художников Молотовской области в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Пермского края)

На основании архивных документов описывается специфика деятельности Союза советских художников Молотовской области в условиях военного времени (1941–1945). Основное внимание уделено работе, непосредственно связанной с задачами победы в войне, — созданию плакатов, агитокон и иных произведений агитационного искусства, а также условиям работы художников в крайне тяжелой ситуации тех лет. Источниками статьи стали документы, хранящиеся в архивном фонде Р-1130 «Пермская организация Союза художников РСФСР» ГАПК.

Ключевые слова: *Союз советских художников, агитационное искусство, плакаты, снабжение в условиях войны, архивный фонд, Государственный архив Пермского края*.

Великая Отечественная война — это особое, трагическое и героическое время в истории нашей Родины. Конфликт, в котором решалась судьба страны, оказал большое влияние и на ее культурную жизнь. Советская культура отразила все массовые эмоции советских людей того времени: негодование по поводу фашистского вторжения и творимых оккупантами зверств, патриотический подъем, выражавшийся в готовности отдать все, включая жизнь, ради победы. Свою роль в ситуации военного времени играло и творчество художников. Удельный вес агитационно-пропагандистской составляющей в советской культуре в период войны стал еще более весомым, нежели в мирное время. Главной задачей художественного творчества стало воодушевление советских людей на борьбу с общим врагом средствами художественной выразительности.

Данная статья посвящена основным особенностям работы пермских художников в условиях Великой Отечественной войны. Урал в те годы, не будучи ареной военных действий, осуществлял функцию одной из основных тыловых баз Советского Союза. Кроме работы предприятий и учреждений фактором борьбы и Победы стала деятельность представителей советской

культуры, работавших на пермской земле. О работе Союза советских художников Молотовской области в годы Великой Отечественной войны рассказывают документы, хранящиеся в ГАПК в фонде Р-1130 «Пермская организация Союза художников РСФСР».

На территории Пермского края, называвшегося в то время Молотовской областью, художники, как и во всем СССР, к началу Великой Отечественной войны были организованы в единый творческий союз. Выстроенная в 1930-е гг. система советских творческих организаций в условиях военного времени оказалась весьма эффективной для концентрации всех творческих сил на решении основных задач страны.

Пермская организация Союза художников была создана в конце 1939 г., вскоре после образования Пермской области. 22 октября 1939 г. оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области принял постановление № 1647, согласно которому была утверждена организация областного союза советских художников. Областной союз возглавило организационное бюро из пяти человек: Н. Н. Серебренникова, К. И. Волкова, М. И. Кузнецова, Г. Д. Попова и В. Д. Куроедова[1]. 29–31 декабря 1939 г. в Перми состоялась 1-я областная учредительная конференция новой организации. Конференция утвердила устав союза, а также его официальное название — Союз советских художников Пермской (с марта 1940 г. — Молотовской) области[2].

Список членов союза в 1940 г. включал в себя 18 фамилий, еще 23 человека числились кандидатами в члены[3]. Требования к членам союза были высокими: согласно условиям приема, утвержденным в 1943 г., необходимым было наличие высшего или среднего художественного образования, а также самостоятельная творческая работа и участие в выставках не менее двух лет. Каждый член союза должен был быть утвержден президиумом оргкомитета Союза советских художников СССР[4]. Главной целью союза, согласно уставу, было «объединение советских художников для активного участия своим творчеством в социалистическом строительстве и в осуществлении очередных задач партии и советской власти»[5].

Одним из основных инициаторов создания Союза советских художников Пермской (Молотовской) области и его первым председателем стал Николай Николаевич Серебренников (1900–1966) — человек, имеющий огромные заслуги в культурной жизни этого региона. Возглавляя пермскую организацию художников, одновременно он являлся многолетним руководителем Пермской художественной галереи, получив наиболее значительную известность как собиратель уникальной коллекции пермской деревянной скульптуры.

Меры по мобилизации пермских художников на борьбу с врагом на культурном фронте были предприняты местным партийным руководством сразу же после начала Великой Отечественной войны. В сохранившемся среди архивных документов творческом самоотчете одного из художников начало работы в условиях военного времени описывалось следующим образом: «1 июля 1941 года художников города Молотова пригласили в горком ВКП(б) и призвали оказывать помощь в Великой Отечественной войне путем проведения наглядной агитации по городу и области. Я включился в бригаду художников, которая по призыву городских партийных органи-

заций проводила художественное оформление площадей, рабочим районов, скверов и пр. на темы Отечественной войны»[6].

Задачу разворачивания агитационной работы как главной в условиях войны централизованно решало и правление Союза советских художников Молотовской области. Например, в протоколе заседания правления, происходившего 21 августа 1941 г., указывалось: «Все художники должны быть организованы на агитационной работе… Плакаты выпускать как непосредственно относящиеся к трудящимся Молотовской области, так и общего агитационного содержания… В городе очень мало имеется наглядной агитации, нужно ее усилить»[7]. На этом же заседании был организован специальный художественный совет из пяти человек, призванный оценивать качество агитационной работы художников. На собрание художников-плакатистов был приглашен заведующий отделом пропаганды и агитации Молотовского городского комитета ВКП(б) К. С. Маханек[8].

О ходе выполнения работы Союз художников отчитывался в стиле, характерном для документов военного времени: «В ответ на бандитский налет фашистской сволочи художники города Молотова обрушились всеми силами изобразительного языка на борьбу с врагом. Срочно были мобилизованы члены и кандидаты Союза советских художников города. Организованы агитбригады по оформлению ряда пунктов скопления масс трудящихся. Через несколько дней уже появились большие панно, плакаты и лозунги, клеймящие позором варварский налет фашистов на мирную землю страны социализма… Художники горят желанием всеми силами помогать в общей борьбе с зазнавшимся гитлеризмом. В любой момент готовы сменить кисть и карандаш на боевую винтовку»[9], — писал, например, в одном из документов ответственный секретарь Союза советских художников Молотовской области А. Н. Трапезников.

В сентябре 1941 г. при Союзе советских художников Молотовской области была создана мастерская по выпуску агитационных плакатов и агитокон. Таким образом, агитационная работа была еще более централизована и упорядочена. Несколько позже, в конце 1941 — начале 1942 г., отделения мастерской были открыты в поселках Чермоз и Очер. Там проживали художники, эвакуированные из Москвы и других городов, находившихся в зоне боевых действий, которые были привлечены к агитационной работе в местном союзе[10]. Художественным руководителем мастерской агитационных плакатов стал известный уже к тому времени художник Владимир Григорьевич Одинцов[11].

В записке, составленной секретарем Молотовского областного комитета по пропаганде А. В. Жуковым, порядок работы Союза художников по выпуску агитокон описывался следующим образом: «Агитокна выпускаются по наиболее актуальным вопросам текущего момента. Тема агитокон и их исполнение согласовываются с отделом пропаганды и агитации Молотовского обкома ВКП(б). Агитокна исполняются художниками области в красочной форме, в крупном размере с расчетом на обслуживание массы зрителей, и выпускаются через 3–4 дня в интересах ознакомления трудящихся в художественно-образной форме с текущим моментом»[12].

Об основной тематике агитационной работы пермских художников можно узнать из документов (планов, отчетов и т. д.), направлявшихся

Союзом советских художников в партийные органы. Например, 17 ноября 1941 г. правление союза направило в Ленинский райком ВКП(б) ориентировочный план выпуска очередных десяти номеров агитокон. Среди названий агитокон значатся следующие: «Долг платежом красен (о партизанах)», «Патриотка (о женщине-колхознице)», «Кто такие национал-социалисты (по докладу т. Сталина 6/XI-1941 г.)», «Под знаменем Ленина мы разбили интервентов в 1918 г., разгромим интервентов и теперь (по речь тов. Сталина 7/XI-1941 г.)», «О героях-танкистах», «Русский народ»[13].

Работа молотовских художников в годы войны меняла облик города, делая городское пространство местом наглядной агитации. Впечатляющим документом выглядят сведения о выполненных художниками изобразительно-агитационных работах в Молотове, составленные в конце 1941 г. Портреты руководителей советского государства, плакаты, лозунги украсили площадь Окулова (ныне сквер Уральских добровольцев), базар «Колхозный», сквер им. Комсомола, вокзалы Пермь I и Пермь II, речной вокзал, управление начальника гарнизона, сад им. Решетникова, площадку перед заводом им. Сталина (ныне Пермский моторный завод), здания военных комиссариатов, госпиталей, партийных учреждений. Лозунги «Наше дело правое, враг будет разбит!», «Сметем с лица земли фашистских варваров» соседствовали с конкретными призывами («Женщины — на производство!», а также с сатирой, высмеивавшей как врага, так и «болтунов» и прочих несознательных советских граждан[14].

Агитационные материалы создавались также к крупным государственным праздникам. Например, специальный план тематического оформления зданий был составлен к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Согласно плану, на городских зданиях были установлены лозунги, посвященные самоотверженной работе на разгром врага, представлявшие собой цитаты из передовых статей газеты «Правда», а также из выступлений И. В. Сталина. «Основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной армии, нашего Красного флота и всех народов Советского Союза», — эти слова Сталина были вывешены на здании редакции газеты «Звезда». Молотовские художники своим талантом, оформляя подобные агитационные материалы, способствовали приведению в реальную жизнь подобных призывов, работавших на победу[15].

На протяжении Великой Отечественной войны темы агитационной работы художников становились все более разнообразными. На их творчестве отражался ход войны, в том числе нараставшие успехи Красной армии. К примеру, согласно производственному отчету о работе мастерской по выпуску агитационных плакатов за 1 квартал 1944 г., к производству были приняты агитокна на следующие темы: «Мщение и смерть немецким оккупантам», «Всенародная помощь освобожденным районам», «Вперед! На окончательный разгром врага!», «С родной земли врага мы гоним! (к 26-й годовщине РККА)». С ними соседствовали работы, посвященные темам тыловой жизни: «На лыжи, молодежь (к Всесоюзному комсомольско-

профсоюзному кроссу)», «За высокий урожай — урожай победы!», «По-боевому встретим навигацию 1944 г.»[16].

Помимо подобной повседневной работы молотовские художники в годы войны создавали и масштабные полотна. Об этом из них рассказывает письмо председателя правления Молотовского товарищества «Всехудожник» А. Г. Яранцева, обращенное к художникам, участвующим в конкурсе на создание монументальной композиции «Государственный комитет обороны». В письме указывалось: «Созданием монументальной композиции "Государственный комитет обороны" Молотовское т?оварищест?во "Всехудожник" кладет фундамент огромному начинанию, запечатления в живописи и скульптуре героики советского народа в дни Великой Отечественной войны 1941 г. Образ членов "Государственного комитета обороны" вошел в историю человечества как образ, несущий знамя освобождения, знамя мира, знамя процветания и прогресса. Товарищи художники! Решение этой композиции должно быть в такой идеальной форме, чтобы эта композиция могла стать символом борьбы и освобождения нашего народа»[17]. Для создания полотна художникам рекомендовалось использовать лучшие образцы русского искусства, включая работы Ф. Растрелли, В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, К. И. Росси. В дальнейшем созданная композиция должна была использовать как эталон работы по соответствующей тематике.

В годы войны продолжалась и выставочная деятельность. Особенно она активизировалась ближе к концу военных действий, когда пришло время подводить итоги работы молотовских художников за военный период. В частности, 23 февраля 1945 г. исполнительный комитет Молотовского городского совета депутатов трудящихся принял решение о проведении выставки «Урал — кузница советского оружия». Выставка проводилась в здании Молотовского речного вокзала, в состав выставочного комитета входил, среди прочих, и Н. Н. Серебренников[18].

В 1944 г. целый ряд работ молотовских художников был направлен на выставку плаката в Новосибирск. В числе проих были плакаты и агитокна в исполнении В. Г. Одинцова, Е. В. Камшиловой, В. П. Райкова и других местных художников[19]. На следующий год работы молотовцы приняли участие в выставке в Москве в честь победы советского народа в Великой Отечественной войне. Тематика картин, отправленных на выставку, была разнообразна. Здесь были «Уральский пейзаж» Ф. И. Дорошевича, «Осинский дом отдыха» и «Немецкие танки на Урале» В. П. Райкова, «Портрет знатного уральского сталевара дважды орденоносца т. Турханова» Н. П. Шапошникова[20].

Особенностью работы Союза советских художников Молотовской области в годы войны являлась также необходимость решения многих материальных и организационных проблем, вызванных экстремальными условиями. В частности, нужно было организовать работу художников, эвакуированных из других регионов страны, включив их в состав Союза советских художников Молотовской области и обеспечив творческими заданиями. Так, на заседании правления Союза советских художников 22 октября 1941 г. в Союз были приняты 13 эвакуированных художников, в том числе Н. И. Альман, В. М. Ходасевич, В. А. Оболенский и др. На том же заседании было решено «помочь организации труда художников в г. Краснокамске

путем оформления их работ, предоставляемых по заказам краснокамских организаций, через Молотовское кооперативное товарищество "Художник"»[21]. Руководителям областного Союза художников приходилось лично ездить по области, занимаясь обустройством прибывших в эвакуацию. Например, приказом по Молотовскому областному отделу по делам искусств при исполнительном комитете Молотовского областного совета депутатов трудящихся от 1 октября 1942 г. предписывалось: «Командировать председателя Союза советских художников Молотовской области тов. Серебренникова Н. Н. в гор. Кизел для устройства прибывшей из Ленинграда бригады художников. Срок командировки — 15 дней»[22].

Как и все советские люди в тяжелые годы войны, молотовские художники сталкивались с острой нехваткой элементарных вещей, в том числе материалов, необходимых для работы. За получением всего этого художники вынуждены были постоянно обращаться к местным властям. К примеру, 17 ноября 1941 г. правление Союза советских художников Молотовской области обратилось в Молотовский горисполком со следующей просьбой: «Мастерская агитплакатов Союза советских художников Молотовской области для выпуска агитокон нуждается в керосине в качестве растворителя красок и для освещения при разработке творческими работниками оригиналов агитокон и агитплакатов. Правление Союза советских художников Молотовской области обращается с просьбой дать надлежащее указание об отпуске 200 литров керосина для указанной цели»[23].

Не меньшей проблемой было снабжение художников продуктами питания и товарами. Члены Союза советских художников обеспечивались вместе с кандидатами в члены союза работниками мастерской по выпуску агитационных плакатов, сотрудниками художественной галереи и эвакуированного из Ленинграда Русского музея. Среди них выделялись отдельные категории, имевшие право на дополнительное снабжение. 22 декабря 1942 г. заседание правления Союза советских художников Молотовской области приняло решение, согласно которому предписывалось: «Составить список на дополнительное питание (получение овощей) для высококвалифицированных мастеров и творческого коллектива…»[24]. Далее перечислялись художники, которым полагались эти дополнительные овощи. Это же заседание решало вопрос об электроосвещении рабочих мест художников. До участников заседания было доведено, что правление ходатайствовало об электроосвещении для 19 членов Союза, однако разрешение было получено только для восьмерых, которых выбрало само правление из числа нуждающихся[25].

Кроме государственного снабжения художники получали помощь от советских общественных организаций. В первую очередь это касалось эвакуированных. Например, список вещей из фонда Красного Креста, выделяемых для Союза художников, составленный в 1942 г., учитывал помощь, оказанную 16 художникам. Документ, подписанный заведующим областным отделом по устройству эвакуированного населения Грошевым и заместителем областного комитета Красного Креста Бажуковым, зафиксировал передачу художникам джемперов, пальто и других предметов одежды, а также одеял[26].

Большую помощь нуждающимся оказывал также и сам Союз советских художников Молотовской области. Помощь оказывалась не только самим

художникам, но и членам семей художников, ушедших на фронт. 22 октября 1941 г. правление Союза советских художников приняло решение «ознакомиться о положении семей мобилизованных членов ССХ и представить на следующее заседание правления соображения о необходимой помощи…»[27]. Далее следовал перечень семей, вопрос помощи каждой из которых был закреплен за отдельным человеком.

Когда это было возможно, союз способствовал освобождению своих членов от призыва, наиболее нужным работникам предоставлялись отсрочки. Переписка по этому вопросу между Союзом советских художников и военными комиссариатами составляет одно из наиболее обширных дел, хранящихся в архивном фонде Р-1130. Например, 15 сентября 1943 г. союз направил в адрес военного комиссариата Ленинского района г. Молотова просьбу продлить отсрочку от призыва по мобилизации до 1 октября 1943 г. Н. Н. Серебренникову. Сообщалось, что Серебренников по поручению областного отдела по делам искусств находился в командировке и поэтому союз ранее не мог представить его военные документы для продления указанной отсрочки[28].

Союз советских художников принимал участие в период Великой Отечественной войны и в патриотической работе, не связанной непосредственно с творческой деятельностью. Широко известны инициативы общественных организаций и отдельных советских людей по сбору денежных средств на строительство боевой техники для фронта. Свой вклад внести и пермские художники. 10 июня 1943 г. правление Союза советских художников Молотовской области сообщило в Москву в головную организацию: «Молотовские художники в результате взятых обязательств о привлечении средств на постройку боевого самолета “Молотовский художник” собрали путем издательской работы и личных сбережений 120 000 рублей»[29]. К сообщению были приложены копия телеграммы о сборе средств на постройку самолета, направленной правлением лично И. В. Сталину, а также ответ Сталина, передавшего пермским художникам «братский привет и благодарность Красной армии».

Резюмируя приведенные в статье сведения, необходимо отметить, что архивные документы, хранящиеся в фонде Пермской организации Союза художников РСФСР, являются ценным источником для изучения роли нашего региона в победе советского народа в Великой Отечественной войне. Вопрос о том значении, которое играют культура и искусство в развитии патриотических чувств граждан страны, особенно в годы тяжелейших испытаний, нередко поднимается как в научных статьях, так и в публицистике. Материалы, сохранившиеся для потомков благодаря деятельности архивов, могут рассказать о значении искусства в защите страны и победе над врагом с помощью задокументированных фактов.

Документы, хранящиеся в фонде Союза художников, говорят об огромной работе, которую проводили художники нашего края по агитационному подкреплению политики советского правительства, направленной на защиту родной страны и разгром врага. Их труд в тяжелых условиях зачастую полуголодного существования является неотъемлемой частью общего труда, без которого не был бы возможен благоприятный для СССР исход войны.

Примечания

[1] ГАПК. Ф. Р-1130. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
[2] Там же. Предисловие. С. 2.
[3] Там же. Л. 47–48.
[4] Там же. Л. 18.
[5] Там же. Л. 7.
[6] Там же. Д. 9. Л. 11.
[7] Там же. Д. 11. Л. 24.
[8] Там же.
[9] Там же. Д. 10. Л. 30.
[10] Там же. Предисловие. Л. 4.
[11] Там же. Д. 12. Л. 105.
[12] Там же. Л. 15.
[13] Там же. Л. 19.
[14] Там же. Л. 80–82.
[15] Там же. Л. 91.
[16] Там же. Д. 32. Л. 8–9.
[17] Там же. Д. 17. Л. 5.
[18] Там же. Д. 35. Л. 5.
[19] Там же. Л. 7 — 7 об.
[20] Там же. Л. 6.
[21] Там же. Д. 11. Л. 8–9.
[22] Там же. Д. 14. Л. 1.
[23] Там же. Д. 12. Л. 31.
[24] Там же. Д. 15. Л. 26.
[25] Там же. Л. 26.
[26] Там же. Д. 23. Л. 30.
[27] Там же. Д. 11. Л. 27.
[28] Там же. Д. 22. Л. 61.
[29] Там же. Д. 1. Л. 19.

С. Н. Уваров

Состояние и проблемы здравоохранения Удмуртии накануне и в начальный период Великой Отечественной войны

На основе неопубликованных архивных материалов рассматривается состояние здравоохранения Удмуртской АССР в 1939–1941 гг. и выявляются существовавшие в отрасли проблемы. Проанализированы такие проблемы, как нехватка врачей и среднего медперсонала, их низкая квалификация, а также недостаточное финансирование, вызывавшее дефицит необходимого оборудования и лекарственных средств

Ключевые слова: *здравоохранение, Удмуртия, Великая Отечественная война, население, эпидемические заболевания.*

Здравоохранению предстояло сыграть важную роль в Великой Отечественной войне. На плечи врачей и среднего медицинского персонала легла колоссальная нагрузка по предотвращению эпидемий в тылу, спасению жизней раненых бойцов, возвращению в строй многих из них. В целом со своими задачами медицинская служба справилась. Этому способствовала в том числе и подготовительная работа по совершенствованию системы охраны здоровья населения накануне войны.

Рассмотрим состояние и проблемы здравоохранения Удмуртии в предвоенное время и в начальный период Великой Отечественной войны (1939–1941). Выбор региона объясняется недостаточной изученностью темы. Статья является логическим продолжением предыдущей публикации автора[1] (поскольку в одной статье все проблемы осветить невозможно) и развитием данной темы. Избранные хронологические рамки позволяют понять не только ситуацию, сложившуюся в сфере охраны здоровья к началу войны, но и те изменения, которые произошли с началом боевых действий. Источниками явилась неопубликованная делопроизводственная документация Совета министров УАССР, Народного комиссариата здравоохранения УАССР, Удмуртского обкома ВКП(б).

За предвоенные годы больничная сеть Удмуртской АССР значительно расширилась. Если к концу 1938 г. система здравоохранения УАССР включала в себя 52 больницы на 3748 коек, 196 амбулаторных поликлинических учреждений, в ней работали 395 врачей и 2820 человек среднего

медперсонала (в опубликованной ранее статье приводятся бóльшие цифры из-за, возможно, пересчета к расширившейся территории), то к концу 1940 г. она включала в себя уже 79 больниц на 4575 коек, 215 амбулаторных поликлинических учреждений, в которых работали 514 врачей и 3192 человека среднего медперсонала (табл. 1). Но несмотря на расширение лечебной сети, достигнутое к началу Великой Отечественной войны, в отрасли существовало множество проблем. О них ярко свидетельствовала высокая смертность населения Удмуртской АССР, которая к тому же увеличивалась. Если в 1938 г. общий коэффициент смертности населения Удмуртии равнялся 29,2 ‰, а в 1939 г. — 28,2 ‰, то в 1940 г. — 30,9 ‰. Очень значительной являлась младенческая смертность: 239,3; 256,8 и 275,9 ‰ соответственно[2].

Таблица 1

Основные показатели здравоохранения Удмуртии (на конец года)[*]

Показатель	Год							
	1938		1939		1940		1941	
	Всего	В городах	Всего	В городах	Всего	В городах	Всего	В городах
Количество больниц	52	15	54	15	79	—	74	22
В них коек	3748	2274	3643	2112	4575	—	3142	1945
Количество амбулаторных поликлинических учреждений	196	76	185[**]	70[**]	215	—	210	71
Количество врачей (без зубных)	395	323	424	347	514	—	420	311
Количество среднего медперсонала:	2820	1188	2955	1307	3192[***]	1204[***]	2456	1095
в том числе фельдшеров и акушерок	653	202	742	229	—	—	621	139
медсестер	798	592	983	710	—	—	871	507

[*] Составлено по: ЦГАУР. Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 113. Л. 184, 189; Оп. 3. Д. 90. Л. 6 об., 7, 7 об.; Оп. 17. Д. 3. Л. 22; Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 323. Л. 32.

[**] Сокращение количества связано с реорганизацией в 1939 г. пунктов охраны здоровья детей в детские кабинеты при амбулаториях.

[***] На 1 ноября.

Высокий уровень смертности был во многом обусловлен распространением инфекционных болезней (табл. 2). Особенно тревожно выглядела ситуация с желудочно-кишечными заболеваниями (дизентерия, детские поносы), которые по статистике находились на втором месте среди причин младенческой смертности после заболеваний органов дыхания[3]. Казалось бы, желудочно-кишечные болезни связаны с недостаточным питанием, но

в отчете статуправления отмечено, что детские поносы были распространены среди организованного населения, то есть в детских яслях[4].

Таблица 2

Количество заболевших в Удмуртской АССР в 1937–1941 годах, чел.*

Год	Заболевание						
	Сыпной тиф	Брюшной тиф и паратиф	Дизентерия	Дифтерия	Скарлатина	Корь	Детские поносы
1937	3242	806	2798	751	3196	10 172	14 948
1938	1983	885	5365	1218	4669	6047	29 500
1939	983	747	4833	1496	2544	7666	31 358
1940	973	506	7900	1352	2511	8537	43 607
1941	803	323**	3634	1244	2718	9352	—

* Составлено по: ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3377. Л. 80–82; Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект : монография. Ижевск : Ижев. ГСХА, 2014. С. 138.

** Только брюшной тиф.

Поскольку страна остро нуждалась в трудовых ресурсах, внимание яслям уделялось большое. Ситуацию усугубляла нехватка помещений для яслей, что вызывало скученность детей и способствовало еще большему распространению инфекционных заболеваний. Более того, нередко ясли лишались даже имевшихся помещений. Например, в Зуринском районе в 1938 г. в дер. Котегурт помещение яслей взяли под сельсовет, в дер. Лудяны — под школу, в дер. Каргузезь — под красный уголок, в дер. Сепож — под клуб[5]. Тем не менее сеть яслей расширялась. Например, в 1940 г. имелось 167 постоянных и 1889 колхозных сезонных яслей. Но высокой смертность могла быть как в одних, так и других. Так, в 1940 г. в постоянных яслях дер. Березек Большеучинского района из 15 детей умерли 11, в сезонных яслях колхоза «Войково» того же района из 16 детей умерли восемь[6].

Ситуация обострялась тем, что ряд желудочно-кишечных заболеваний имели очень высокую летальность. Например, в 1940 г. от токсической диспепсии в городах (где велась статистика причин смертности) умерли 523 ребенка из 965 детей дошкольного возраста, то есть до семи лет (54,2 %). Очень высокую летальность давала корь: в городах республики в 1940 г. из 2794 заболевших корью дошкольников умерли 854, то есть 30,6 % (в предыдущей публикации нет упоминания о том, что речь в источнике шла лишь о детях дошкольного возраста). Ее также не удавалось взять под контроль, после 1938 г. число заболевших ежегодно увеличивалось. И все же самую большую

опасность для детей представляло воспаление легких. В 1940 г. от него умерли 1778 детей в возрасте до семи лет[7].

Едва ли не главной проблемой здравоохранения Удмуртии, обусловливавшей столь высокую смертность, являлся острый дефицит врачей. Обеспеченность ими была гораздо ниже, чем в целом по РСФСР. В 1939 г. на 10 тыс. населения в Удмуртской АССР приходилось в среднем 3,5 врача, тогда как по РСФСР — 5,6; в сельской местности УАССР — 0,7, по РСФСР — 1. Эти цифры также показывают, что особенно сильно врачей не хватало на селе, а ведь селяне составляли большинство населения республики (73,7 % по переписи 1939 г.). Даже не каждый район имел врачей: в сентябре 1938 г., например, девять районов из 35 не имели врачей[8]. В январе 1939 г. четыре врачебных участка были без врачей[9].

Ликвидировать дефицит врачей помогал открытый в Ижевске в 1933 г. медицинский институт. Однако значительная часть выпускников распределялась по другим регионам, поэтому республиканские органы власти просили центральные ведомства оставлять их в Удмуртии в большем количестве. И надо сказать, что такие просьбы частично удовлетворялись. Так, из выпуска 1939 г. Наркомздрав РСФСР изначально планировал оставить в Удмуртии только 25 специалистов. После обращения Совнаркома УАССР план был скорректирован до 38 выпускников[10]. Из выпуска 1940 г. в республике остались уже 74 врача вместо планировавшихся 61[11].

Если на 1 августа 1940 г. вместо предусмотренных штатным расписанием 798 врачей работали 463, из них в сельской местности — 62[12], то на 1 ноября 1940 г. в Удмуртской АССР вместо 863 врачей работал 521 (включая зубных), из них на селе — 101. К концу 1940 г. не осталось районов, не имеющих врачей.

Недостаток врачей в определенной мере восполнялся средним медперсоналом, но не хватало и его. Так, из-за отсутствия фельдшеров не работали в начале лета 1939 г. Нижнепыхтинский и Сюрногуртский фельдшерский пункты Дебесского района. Из двух колхозных роддомов работал только один, тоже по причине нехватки акушерок[13].

Низкая квалификация среднего медперсонала не всегда позволяла ему правильно диагностировать заболевания и назначать соответствующее лечение. Массовые жалобы на неправильное лечение и оказываемую на дому медпомощь были распространены, например, в Глазовском районе. Так, акушерка Стрелкова одному из больных выписала на прием порошки, а в рецепте рекомендовала ректальные свечи, другому больному выписала каломель (яд) в 45 раз больше, чем полагалось на прием взрослому человеку. Третьему больному был выписан кодеин (тоже яд) в шесть раз больше требуемого. Несчастных случаев не произошло потому, что контролер в местной аптеке эти рецепты не пропустил. В детской консультации Глазова по небрежности среднего медперсонала из-за того, что были перепутаны надписи, вместо клизменной воды использовались хлористый натрий и кальций. А в Ярском районе заведующая Уканской аптекой выдавала вместо глазных капель кислоту, вместо закрепительного средства от поноса — либо слабительное, либо противозачаточное средство (причем последнее было выдано мужчине). Практиковалась продажа пустых пакетиков без содержимого[14].

Основным источником пополнения среднего медперсонала являлись средние медицинские заведения Удмуртии. В 1940 г. из них были выпущены 676 человек, почти все они были направлены на село. Тем не менее большого прироста не произошло (особенно среди фельдшеров) из-за выбытия людей в армию. На конец 1940 г. численность среднего медперсонала составляла 3192 человека, в том числе на селе — 1988 человек[15].

На дефицит врачей накладывалась региональная специфика, заключавшаяся в том, что очень большую часть населения республики составляли удмурты (особенно на селе), значительная часть которых не знала русского языка. Поэтому зачастую они обращались к врачам или поздно, когда спасти человека было уже невозможно, или не обращались вовсе. Например, в 1940 г. в Балезинском районе всего за два месяца от кори умер 21 человек, а райздравотделом отмечено только пять заболеваний, в Ярском районе от этой же болезни умерли 35 человек, а в отчетности заболеваний корью не было указано вообще. В Граховском районе в 1940 г., по данным ЗАГС, от скарлатины умерли 46 человек, а по отчетности районной больницы — 27. Райздрав зарегистрировал два случая токсической диспепсии, а умер, по данным ЗАГСовской статистики, 131 человек[16]. Врачей-удмуртов и фельдшеров, медсестер удмуртской национальности, в свою очередь, не хватало.

Сложной была ситуация с финансированием. В архивных документах часто встречаются жалобы отдельных медицинских учреждений на недостаточное финансирование, что сказывалось на лечебной деятельности. Так, за первое полугодие 1939 г. из предусмотренных планом 65 тыс. руб. на строительство Кезской межрайонной санитарно-эпидемиологической станции поступило лишь 15 тыс. руб., в результате стройка приостановилась. Были ограничены выезды сотрудников санэпидемстанции в район из-за нехватки горючего[17]. Тыловайская больница с 1 января по 1 августа 1939 г. недополучила 25,6 тыс. руб. В течение этого времени больным выделялось недостаточное питание, отсутствовало белье, оборудование, срывалось строительство амбулатории[18]. В Игринском районе из-за недостаточного финансирования также не хватало инвентаря, медперсонал зарплату получал несвоевременно. Фельдшер Гереевского медпункта, не видевший зарплаты с мая по июль 1940 г., покупал необходимые лекарства на свои средства[19]. При этом объем бюджетных средств, выделяемых на охрану здоровья в республике, ежегодно увеличивался. Если в 1937 г. исполнение расходов бюджета УАССР на здравоохранение составило 25,2 млн руб., в 1938 г. — 32,9 млн руб., в 1939 г. — 37,2 млн руб.[20], а в 1940 г. — уже 42,8 млн руб.[21]

В определенной степени проблема была вызвана недостаточным финансированием со стороны районных бюджетов. В марте 1939 г. Наркомздрав УАССР специально пояснял, что в отношении финансирования все средства по содержанию здравоохранения идут по районному местному бюджету и финансируются непосредственно райфинотделом. По сигналам райздрава о ненормальном финансировании должны приниматься меры вместе с Наркомфином[22].

Характерна реакция Наркомздрава УАССР на письмо от 15 февраля 1939 г. из Можгинской районной больницы, находившейся на бюджете горсовета. Ее главный врач жаловался, что из-за недостаточного финансирования резко ухудшилось питание больных, с 10 февраля Можгинская аптека

не отпускала лекарства, не выдана полностью зарплата за декабрь 1938 г., часто возникали перебои в работе больничной электростанции. За январь больница получила лишь 37,8 тыс. руб. из положенных 62 тыс. руб., за первую половину февраля 1939 г. — 27,7 тыс. из полагавшихся 30 тыс. руб. В ответ на это письмо Наркомздрав и Наркомфин УАССР обратились в Можгинский горфинотдел с предложением немедленно обеспечить нормальное финансирование больницы, не допуская задолженности по зарплате[23].

За 1938 г. недофинансирование Селтинской больницы составило 40 тыс. руб., в начале 1939 г. финансировалась она также плохо. В частности, к началу марта медперсонал больницы не получил зарплату за январь. Когда от наркома здравоохранения РСФСР пришла телеграмма с просьбой немедленно ликвидировать задолженность перед Селтинской больницей и упорядочить финансирование, Наркомфин УАССР обязал Селтинский райфо ликвидировать задолженность[24].

В предвоенные годы изменения коснулись деятельности общества Красного Креста, функции которого сводились теперь исключительно к санитарной обороне страны. По Постановлению СНК СССР от 3 декабря 1938 г. № 1283 вся хозяйственная и лечебно-санитарная деятельность была изъята из ведения СОКК и КП СССР, а учреждения и предприятия Красного Креста передавались государственным ведомствам. В Удмуртии, в частности, Сарапульская поликлиника РОКК была передана в ведение Сарапульского райздравотдела[25].

С началом войны имевшиеся в здравоохранении проблемы усугубились. Кадровый дефицит вырос из-за мобилизации значительной части медицинских работников на фронт. Уже к 1 августа 1941 г. в республике остались только 243 врача из 565, имевшихся до объявления мобилизации. Некоторые районы, например Пудемский, Большеучинский, Воткинский, Кулигинский, Сарапульский, вообще остались без врачей[26]. Кроме того, открытие госпиталей в республике и укомплектование их медицинскими кадрами должно было проводиться за счет местной гражданской сети. Трудоустройство прибывших по эвакуации врачей не восполняло дефицит кадров.

Кадровый дефицит вел к недостаточной профилактической, противоэпидемической, массово-разъяснительной работе среди населения в большинстве районов УАССР. Поскольку в условиях военного времени значимость этой работы еще больше возросла, а количество медицинских работников сократилось, решением бюро Удмуртского обкома ВКП(б) 16 сентября 1941 г. к ней привлекли также всех учителей, которые обязаны были проводить санитарно-профилактические мероприятия в школах и домах учащихся[27].

Сократилось финансирование. В 1941 г. на отрасль было выделено 40 млн руб.[28] Ухудшилась материально-техническая база здравоохранения. В частности, после мобилизации в Красную армию в отрасли практически не осталось автотранспорта. Если на 1 января 1941 г. Наркомат здравоохранения УАССР имел 62 машины, из которых 23 являлись технически исправными и были на ходу, то проведенный ГАИ внеочередной технический осмотр показал, что на 1 октября 1941 г. из 48 проверенных машин технически исправных и пригодных к эксплуатации оказалось только пять. Содержавшиеся при наркомате специальные санитарные автомобили ско-

рой помощи в силу абсолютно недостаточного за ними ухода по техническому состоянию не отвечали своему прямому назначению[29].

Ситуация усугублялась значительным ухудшением условий существования людей в военное время. Широкое распространение получило употребление в пищу различных суррогатов. Использование для еды некачественных продуктов порождало дизентерию, энтериты, колиты, диарею. Ослабленные организмы гораздо хуже боролись с инфекционными заболеваниями (число умерших от дизентерии в городах, например, выросло с 202 в 1941 г. до 497 в 1942 г.[30]). Военная обстановка вела к широкому распространению болезней. Так, по сравнению с 1940 г. выросло количество больных скарлатиной и корью (табл. 2). Наплыв эвакуированных в Удмуртскую АССР привел в росту случаев заболеваний сыпным тифом, правда, уже в 1942 г. Также в 1942 г. увеличилась заболеваемость брюшным тифом[31].

С этими проблемами пришлось справляться меньшим числом медицинских работников, нежели до начала войны. К концу 1941 г. врачей в Удмуртии насчитывалось 420 человек (без зубных врачей), а среднего медперсонала — 2456 (табл. 1). Нагрузка на медицинских работников, безусловно, возросла. Тем не менее они с ней в целом достойно справились. Удалось удержать смертность от значительного роста. В 1941 г. относительный коэффициент смертности населения даже уменьшился до 28,8 ‰. В 1942 г. он увеличился до 34,7 ‰, но в дальнейшем уже лишь снижался[32].

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны здравоохранение Удмуртии испытывало значительные трудности, а основными проблемами отрасли являлись: нехватка медицинских работников и их низкая квалификация, а также недостаточное финансирование, вызывавшее дефицит лекарственных средств и необходимого оборудования. В начале Великой Отечественной войны их острота увеличилась, тем не менее здравоохранение республики в целом смогло справиться с возложенными на него функциями.

Примечания

[1] Уваров С. Н. Здравоохранение Удмуртии накануне Великой Отечественной войны: состояние и проблемы развития // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та : электрон. науч. журн. 2020. № 2. С. 180–191.
[2] ЦГАУР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 2. Л. 57.
[3] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3279. Л. 33.
[4] Там же. Д. 3377. Л. 82.
[5] ЦГАУР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 168. Л. 57.
[6] Там же. Д. 323. Л. 128, 130.
[7] Там же. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 2. Л. 58.
[8] Там же. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 323. Л. 33, 120.
[9] Там же. Д. 168. Л. 4.
[10] Там же. Л. 4, 18.
[11] Там же. Д. 323. Л. 137.
[12] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3176. Л. 81.
[13] ЦГАУР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 168. Л. 172.
[14] Там же. Л. 22, 22 об., 204.
[15] Там же. Д. 323. Л. 32–33, 120, 123.
[16] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 27 об.; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3279. Л. 27.
[17] Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 190.
[18] Там же. Л. 21, 21 об., 198.

[19] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3176. Л. 79–81.
[20] ЦГАУР. Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 113. Л. 145.
[21] Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1996. С. 246.
[22] ЦГАУР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 168. Л. 99.
[23] Там же. Л. 89–90.
[24] Там же. Л. 55, 55 об.
[25] Там же. Л. 24.
[26] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3377. Л. 82 об.
[27] Там же. Д. 3258. Л. 3.
[28] Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 246.
[29] ЦГАУР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 43. Л. 47 об., 54 об., 124, 126.
[30] Там же. Ф. Р-568. Оп. 3. Д. 16. Л. 16.
[31] Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект : монография. Ижевск : Ижев. ГСХА, 2014. С. 131, 133, 136–137.
[32] ЦГАУР. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 198. Л. 18.

А. В. Волков

Война и праздник: проведение государственных праздников в годы Великой Отечественной войны в Кургане (по материалам газеты «Красный Курган»)

Статья посвящена проблеме функционирования праздников в годы Великой Отечественной войны в г. Кургане. По материалам газеты «Красный Курган» автор исследует особенности их подготовки и проведения, роль и значение для государства и общества. Изучаются трансформация, произошедшая с праздниками в военное время, и отражение торжеств на страницах газеты.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Новый год, «Красный Курган», Курган, праздник, торжество, Красная армия*.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для советского народа. Она привела к объединению фронта и тыла, превратила страну в единый военный лагерь. Для победы над противником государство использовало все имеющиеся ресурсы, в том числе и советские праздники.

Даже в таком глубоком тылу, как Курган, война оставила свой неизгладимый след. Однако даже в самые тяжелые годы люди радовались государственным праздникам. На материалах газеты «Красный Курган» постараемся показать, как курганцы отмечали Новый год, день памяти Ленина, 23 Февраля, 8 Марта, Первомай, День Великой Октябрьской социалистической революции и День Сталинской Конституции. Выборка праздников осуществлена по «Календарю-справочнику» за 1941 г.[1] Ранее в региональных исследованиях не поднималась проблема отражения этой темы в газете «Красный Курган».

В условиях войны праздники стали одной из форм повышения производительности труда и увеличения помощи фронту. 7 ноября 1941 г. в «Красном Кургане» появилось сообщение о перевыполнении плана работниками мясокомбината, машиностроителями, железнодорожниками, приуроченном к одному из главных советских праздников[2]. В одном из колхозов было принято решение: «В дни праздника работать по-военному, чтобы завершить выполнение плана всех видов поставок государству»[3]. Дети отмечали праздник схожим образом, собирая металлолом, помогая семьям красноармейцев.

Несмотря на тяготы войны, руководство партии продолжило соблюдение традиции празднования 7 Ноября. Накануне город был украшен флагами и плакатами, портретами вождей, а непосредственно в день праздника прошла демонстрация на центральной площади города[4].

Еще одним видом празднования стало усиление идеологической пропаганды. Накануне праздника, 6 ноября, в кинотеатре «Прогресс» прошло городское торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Вход разрешался только по приглашениям[5]. Участники совещания слушали доклад секретаря горкома Бояршинова, приняли решение послать приветственные телеграммы И. В. Сталину и защитникам Москвы. После официальной части собравшиеся посмотрели фильм «Великое зарево»[6].

Также одной из форм празднования Дня революции был показ фильмов о событиях октября 1917 г. В годы войны это стало одним из немногих доступных форм досуга для курганцев. В 1941 г. горожанам показали фильм «Великое зарево» Михаила Чиаурели. В антрактах и по завершении сеансов курганцев ждали танцы и концерты труппы лилипутов.

Похожим было и празднование Дня Сталинской Конституции. Рабочие и колхозники перевыполняли планы, перечисляли деньги на нужды фронта, собирали вещи для Красной армии. В колхозах проходили торжественные заседания, на которых подводили итоги года, на заводах вставали на стахановские вахты в честь пятилетия Конституции[7]. Для руководства города, директоров предприятий и учреждений 5 декабря прошла праздничная сессия городского Совета депутатов, в рамках который был отмечен вклад депутатов в победу над врагом[8].

Особое значение в годы войны приобрел новогодний праздник. По инициативе партии Новый год ознаменовался заботой населения о воинах и детях. Во всех школах Кургана организовывались новогодние елки. В школе № 12 выступали кружки самодеятельности, ребята пели песни о Сталине, о героях Отечественной войны. Большая елка с ледяной горкой была установлена в саду кинотеатра «Прогресс»[9]. Однако громких торжеств в городе не проходило, праздник «отмечали» ударной работой в помощь фронту.

В 1942 г. праздники в Кургане также проводились. Уже 22 января прошли торжественно-траурные заседания, посвященные памяти В. И. Ленина[10]. В кинотеатре «Прогресс» продемонстрировался фильм «Три песни о Ленине».

В 1942 г. в честь 23 Февраля и 8 Марта никаких праздничных мероприятий, кроме торжественных заседаний и перевыполнения производственных планов, не проводилось. Однако номер газеты от 8 марта практически полностью был посвящен трудовому подвигу женщин на различных предприятиях города и в колхозах области.

Очевидно, во время войны власти старались избегать массовых празднований. Демонстрации, шествия и военные парады сохранялись только в дни крупных праздников, вроде 7 Ноября. Все чаще использовались такие формы, как торжественные заседания на предприятиях, лекционные беседы и ударный труд во время праздников. Вследствие этого доминирующее в праздниках общественное начало стало постепенно вытесняться семейно-

дружеским. Этому способствовала и отмена для праздников статуса выходных дней, поскольку решение о том, объявлять или нет праздник нерабочим днем, принимали центральные власти в зависимости от «пожеланий населения» и обстановки на фронте. Поэтому население по возможности стало проводить больше времени в кругу семьи, отмечая праздники с близкими людьми.

Такая тенденция еще более усилилась в ходе организации празднования 1 Мая в 1942 г. Накануне, 27 апреля, ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявили 1 и 2 мая 1942 г. рабочими днями, мотивируя свое решение «многочисленными заявлениями и просьбами трудящихся»[11]. Поэтому курганцы провели этот день в ударном труде. В частности, рабочие депо в качестве подарка к Первомаю отремонтировали брошенный паровоз. Многие заводы стали участниками первомайского социалистического соревнования[12]. Правительство поздравило всех советских граждан в виде приказа народного комиссара обороны.

В том же году в честь 7 Ноября накануне, 6 ноября, партия по инициативе колхозов «Красный Октябрь» и «Молот» решила организовать «красный обоз» с хлебом, что предусматривало повышенную сдачу хлеба в честь 25-й годовщины революции. Всего колхозники сдали в фонд Красной Армии около 20 подвод с хлебом и большое количество картофеля[13]. Основными же мероприятиями стали, как обычно, торжественные заседания[14]. На главном из них, состоявшемся в кинотеатре «Прогресс», заводу «Уралсельмаш» за победу в предпраздничном социалистическом соревновании было вручено переходящее Красное знамя горкома ВКП(б) и горисполкома[15]. Однако в 1942 г. уже видно увеличение праздничных мероприятий (но не официальных, а культурных) на отдельных предприятиях, в учреждениях. Так, в колхозе им. Ленина прошел семейный вечер-концерт лучших стахановцев, в Колташевской избе-читальне организовали выступление драматического кружка[16].

Новый 1943 г. курганцы также встречали в упорном труде. Как и 7 Ноября, праздник носил не всеобщий, а локальный характер. Это выразилось в отсутствии массовых гуляний, проведении мероприятий на конкретных предприятиях. Однако стоит отметить некоторые отличия от празднования прошлого Нового года — торжества перестали быть формальными. Помимо политических речей состоялись выступлений рабочих: они читали стихи, пели песни и исполняли артистические номера. В отличие от 1942 г. в газете появилось упоминание Деда Мороза, выступившего на празднике в детском саду[17]. Это говорит о попытках создать праздничную атмосферу в первую очередь для детей. Взрослые же встречали Новый год повышением производительности труда и отправкой «красных обозов»[18]. В 1943 г. курганцы сдали 150 пудов картофеля для Красной армии. Газета отдельно отметила поступок тракториста Ефремова, сдавшего центнер зерна, и последовавших за ним колхозников.

День памяти В. И. Ленина также отмечался упорной работой. Однако участились случаи праздничного сбора денег на предприятиях. Так, рабочие Уралсельмаша собрали около 100 тыс. руб. на постройку минометной батареи, работники госпиталей — 154 тыс. руб. на два санитарных самолета, рабочие мельзавода — около 15 тыс. руб.[19] Появлялись и новые формы

празднования. Помимо проведения агитационных бесед и заседаний на заводах выпускались стенгазеты, чего ранее не фиксировалось в «Красном Кургане».

К юбилею РККА курганцы стали готовиться за месяц, посылая в армию подарки. Всего из Кургана было отправлено более 20 тыс. посылок (семь вагонов) с табаком, мелкими предметами санитарии, консервами и сладостями. Отдельно газета отметила заботу о солдатах: в некоторые посылки были вложены носовые платки и вышитые кисеты[20]. Сбор посылок и подарков для РККА постепенно нарастал в преддверии 25-летия создания Красной армии.

Непосредственно 23 февраля курганцы подарили Красной Армии 39 ц молока и собрали около 40 тыс. руб. на постройку кораблей[21]. Официальные торжества проходили, как обычно, в форме заседаний руководства города и просмотра художественных фильмов, в данном случае — «Как закалялась сталь»[22]. Рабочие отметили юбилей РККА перевыполнением плана, вводом в строй новой турбины ТЭЦ[23].

Номер «Красного Кургана», вышедший накануне 8 марта 1943 г., также практически целиком был посвящен женскому труду.

Однако в целом отношение к праздникам в течение 1943 г. стало меняться. Даже на страницах газеты все чаще появлялись сообщения о концертах художественной самодеятельности, подготовке праздничных вечеров. Все-таки начало коренного перелома в войне начало сказываться и на формах проведения праздников. Так, уже к 1 Мая на одном из заводов Кургана рабочие готовили праздничную программу: народные пляски, патриотичные песни, спектакль кукольного театра. Завод украшали плакаты, транспаранты, светящиеся звезды. Более того, заводоуправление подготовило подарки семьям красноармейцев и пациентам подшефного госпиталя. Семьи получили трикотажные изделия, а больные — выпечку, табак и др. Газета уделила этому моменту больше внимания, чем праздничному труду, чего ранее не фиксировалось[24]. Подарки подготовили и рабочие мясокомбината. В заметке нет ни слова об их ударном труде в праздники. Напротив, рабочим планировалось выдать премию общей суммой 30 тыс. руб.[25] Первомай в 1943 г. праздновали и воспитанники интерната. Они украсили комнаты бумажными цветами и птицами, подготовили праздничный утренник.

Программы официальных торжеств, помимо заседания городских властей, так же стали включать концерты самодеятельности. На наш взгляд, это тоже свидетельствовало о смене настроений во власти и обществе: чувствовалась, что война скоро закончится. Город снова украшали к Первомаю красными флагами и впервые сосновыми ветками[26].

Однако 7 Ноября практически не освещалось в газете. За исключением торжественного заседания городской и областной власти в «Красном Кургане» не отмечено было каких-либо торжеств. И все же заседание прошло с концертом самодеятельных артистов[27].

День Сталинской Конституции уже в самом названии нес скорее идеологический смысл, поэтому традиции его празднования особо не изменялись. Рабочие перевыполняли план, слали приветственные телеграммы Сталину. Однако появлялось все больше сообщений о подготовке смотров художественной самодеятельности. Так, в с. Падеринка члены кружка ху-

дожественной самодеятельности к 5 декабря поставили спектакль «Как закалялась сталь»[28]. Концертом опять закончилось и торжественное заседание горсовета, причем в этот раз газета не написала о просмотре фильма. Видимо, концерты становились интереснее и длительнее[29].

К 1944 г. СНК СССР преподнес подарок всем советским гражданам, и в том числе курганцам, перенеся выходной с 2 на 1 января[30]. От учителей и комсомольских организаций в преддверии Нового года требовалось организовать досуг детей, чего ранее на страницах газеты не фиксировалось. Своеобразным подарком курганцам к Новому году стало открытие в городе Театра музыкальной комедии. Первое представление — спектакль «Сильва» — хоть и не приветствовался корреспондентом газеты, но прошел успешно[31]. Изменялась и тематика фильмов, демонстрируемых в новогодние праздники. Если годом ранее в кинотеатре шел военный «Парень из нашего города», то теперь это была комедия «Новые похождения Швейка»[32]. Однако в целом Новый год слабо освещался на страницах газеты.

С 1944 г. в газете прекратились публикации о сборе денег для нужд армии или перевыполнении плана к торжественным датам. Так, очередная годовщина со дня смерти Ленина прошла практически не замеченной газетой. «Красный Курган» сообщал, за исключением перепечатки материалов центральных газет, только о торжественном заседании руководства города.

Интересно и изменение форм празднования 23 Февраля. В 1944 г. акцент сместился на поздравление детей. Рабочие собирали подарки и деньги не для РККА, а для детей фронтовиков. Так, предприятия легкой промышленности подготовили 450 пар валенок, 225 пар кожаной обуви, 100 детских костюмов, 25 полушубков, 100 платьев и 400 жилетов[33]. В детских садах готовились утренники, праздничные спектакли[34]. Впервые появилось сообщение о вечере для инвалидов войны, причем бóльшую его часть занял концерт, а не политические беседы[35]. К 23 Февраля актерами областного драмтеатра был подготовлен тематический спектакль «Песнь о черноморцах», в кинотеатре начался показ художественного фильма «Фронт»[36].

При этом 8 Марта 1944 г. прошло практически не замеченным «Красным Курганом». Стоит отметить только показ в кинотеатре фильма «Радуга» — военной драмы о судьбе украинской партизанки[37].

Форма официального празднования Первомая не изменилась: на предприятиях было объявлено предмайское социалистическое соревнование. Однако впервые на страницах газеты мы видим сообщения об уборке города к 1 Мая. Проводились воскресники, высадка деревьев на ул. Куйбышева[38]. 1 и 2 мая 1944 г. постановлением СНК СССР были объявлены нерабочими днями[39]. В городском театре состоялись большие концерты артистов Театра музкомедии и эстрады, в кинотеатре шел фильм «Март — апрель», действие которого хоть и происходило во время войны, но посвящен он был отношениям между разведчиком и радисткой[40]. Заседание руководства области прошло в «празднично украшенном» городском театре, после него перед собравшимися выступили артисты не только из курганской труппы, но и из Свердловского театра[41]. Общегородских митингов по-прежнему не было.

Новыми формами проведения праздника все чаще становятся сбор денег, подарков и проведение воскресников в помощь семьям фронтовиков,

инвалидам, детям. Так, накануне 7 Ноября была объявлена Неделя помощи семьям военнослужащих, в которой приняли участие многие предприятия и учреждения Кургана и области[42]. Помимо вещей, продуктов и топлива семьям фронтовиков выделялись квартиры, для детей открывались ясли[43]. Всего семьям было направлено 5 т субпродуктов, 10 тыс. праздничных подарков для детей, большое количество трикотажных изделий, сделаны денежные переводы. Для них организовали бесплатный показ кинокартины «Зоя», ремонтировали выданные квартиры[44]. Большим подарком для всех курганцев стало открытие 5 ноября в здании бывшей столовой на ул. Пичугина нового кинотеатра им. Ленинского комсомола[45]. Заседание горсовета уже традиционно закончилось не кинофильмом, а спектаклем Театра музкомедии[46].

Накануне празднования Нового года (1945-го) газета впервые за войну опубликовала правила пожарной безопасности при устройстве новогодней елки, что свидетельствовало о повышенном спросе на главный атрибут праздника[47]. Театр музкомедии с участием артистов областного театра и эстрады приготовил для горожан новогодний концерт[48]. Кинотеатры же показывали фильмы скорее развлекательного характера, с большей верой людей в Победу и мирную жизнь, такие как «В 6 часов вечера после войны» и «Музыкальная история»[49].

Очередная годовщина смерти Ленина отмечалась в первую очередь сменой репертуара кинотеатров, которые начали демонстрировать фильмы «Чапаев» и «Ленин в 1918 году»[50]. Объявлялись «Ленинские дни в области», на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях Кургана состоялись беседы на тему «21 год без Ленина», в клубах и библиотеках города устраивались выставки, рассказывавшие о жизни и деятельности Владимира Ильича[51]. Стоит отметить, что траурно-торжественные заседания в 1945 г. прошли не только в Кургане, но и во всех городах и селах Курганской области[52].

В 1945 г. некое расслабление, выражавшееся в большем количестве праздничных мероприятий и праздничном повышении производительности, прошло. Чувствовалось, что люди хотят, чтобы война закончилась как можно быстрее. К очередной годовщине РККА газета не сообщала о каких-либо мероприятиях. Однако репертуары театра и кино все равно отражали смену настроений. К 23 Февраля областной драмтеатр поставил пьесу К. Симонова «Так и будет», которая рассказывала о нескольких днях из жизни военных и гражданских вне фронта, по сути, выражая устремления народа в послевоенное будущее[53]. Основные же «торжества» проходили на предприятиях, рабочие перевыполняли план и готовили подарки для семей фронтовиков.

8 Марта «Красный Курган» поздравил всех женщин города и области в отдельной статье, а также осветил трудовые подвиги «слабого пола». Однако торжеств в этот день не было, за исключением смены репертуара кинотеатров, показывавших драму «Родные поля» с редкой для того времени любовной линией и сказку «Волшебное зерно»[54].

1 Мая в 1945 г. было объявлено «днем смотра боевых сил трудящихся». Рабочие отмечали праздник ударным трудом, приближая уже ощутимую Победу[55]. Однако на заводах уже стали проходить митинги, что говорит о постепенном возврате к довоенной традиции празднования Первомая[56].

В день Победы по всей области прошли митинги. Рабочие предприятий и жители ближайших домов выходили с красными знаменами и плакатами, убирали и украшали здания. Митинги заканчивались танцами и песнями, после чего люди расходились праздновать по домам[57].

Изменения в формах торжеств почувствовались уже в первый крупный праздник после Победы — 7 Ноября 1945 г. Театр музкомедии дал большой праздничный концерт, рабочий день магазинов был удлинен на два часа, а некоторых — до полуночи[58]. Возвратилось вручение государственных наград накануне годовщины революции[59].

В канун нового 1946 г. Театр музкомедии провел новогодний бал-маскарад, чего ранее не фиксировалось[60]. Хороший подарок сделал СНК СССР, отменив с 1 января 1946 г. военный налог[61]. На предприятиях города и области повсеместно проводились новогодние вечера, концерты, вручение подарков детям. В газете публиковались праздничные стихи, большое внимание уделялось работе театров[62]. Наконец, в областном драмтеатре была установлена елка и проводились танцевальные вечера.

Подводя итоги, следует сделать несколько выводов. Великая Отечественная война кардинально изменила традиции празднования основных праздников. Рабочие встречали Новый год, 23 Февраля и другие памятные даты на заводах и предприятиях, повышая производительность труда, перевыполняя план и собирая деньги и подарки для Красной армии. Особенно это заметно в наиболее тяжелые годы войны — 1941–1942. В Кургане не проходили общегородские митинги, торжественные заседания партийных органов были менее масштабными и многочисленными. По сути, главной формой досуга в праздники стало кино. Для горожан старались подбирать фильмы, соответствующие тематике праздников.

Традиции празднования Нового года сместились в сторону заботы о детях и семьях фронтовиков. Для них организовывались вечера художественной самодеятельности, елки, собирались подарки.

Определенной особенностью отличалось и празднование 8 Марта. В этот день «Красный Курган» практически целиком посвящался трудовым подвигам женщин.

Большая же часть населения — рабочие и колхозники — отмечали праздники ударным трудом. Однако уже к концу 1942 г. увеличилось количество праздничных мероприятий на отдельных заводах. Для людей это стало редкой возможностью отдохнуть, отвлечься от постоянной работы.

Начиная с 1943 г. стала расцветать культурная жизнь города. Этому способствовала эвакуация в Курган, как в областной центр, деятелей культуры из Москвы и Ленинграда. Что привело к появлению в городе Театра музкомедии, драмтеатра, кукольного театра, а это, в свою очередь, разнообразило досуг в праздники.

Праздники по-прежнему отмечались локально, однако вместо политических бесед увеличилось количество смотров художественной самодеятельности, в том числе среди детей. Помимо смены настроений это свидетельствовало о наличии большего свободного времени как у детей, так и у взрослых.

С середины 1943 г. все больше внимания уделялось уборке и украшению города к тому или иному празднику, возросло количество детских мероприятий. Горожане чувствовали, что война скоро закончится.

Уменьшилось количество сообщений о праздничном повышении производительности труда, сборе денег на нужды армии, с 1944 г. подобные публикации стали исчезать со страниц газеты. Рабочие начали собирать деньги и подарки уже для детей и семей фронтовиков.

Официальные собрания городской власти становились все масштабнее, с большим количеством приглашенных, и заканчивались не тематическими фильмами, а концертами художественной самодеятельности. Изменялся и репертуар кинотеатров, все чаще в праздники стали показывать мелодрамы, военные драмы и комедии.

Город достаточно быстро возвращался к довоенным традициям отмечания праздников.

Примечания

[1] Календарь-справочник. М. : ОГИЗ, 1941. 383 с.
[2] Крас. Курган. 1941. 7 нояб.
[3] Там же.
[4] Там же. 8 нояб.
[5] Там же. 6 нояб.
[6] Там же. 8 нояб.
[7] Там же. 5 дек.
[8] Там же.
[9] Там же. 30 дек.
[10] Там же. 1942. 22 янв.
[11] Правда. 1942. 27 апр.
[12] Крас. Курган. 1942. 1 мая.
[13] Там же. 10 нояб.
[14] Там же. 6 нояб.
[15] Там же. 7 нояб.
[16] Там же. 10 нояб.
[17] Там же. 1943. 3 янв.
[18] Там же.
[19] Там же. 24 янв.
[20] Там же.
[21] Там же. 1943. 23 февр.
[22] Там же. 24 февр.
[23] Там же. 25 февр.
[24] Там же. 30 апр.
[25] Там же.
[26] Там же. 4 мая.
[27] Там же. 7 нояб.
[28] Там же. 1 дек.
[29] Там же. 5 дек.
[30] Там же. 24 дек.
[31] Там же. 14 дек.
[32] Там же. 1944. 1 янв.
[33] Там же. 19 февр.
[34] Там же. 20 февр.
[35] Там же. 22 февр.
[36] Там же.
[37] Там же. 10 марта.
[38] Там же. 25 апр.
[39] Там же. 28 апр.
[40] Там же. 30 апр.
[41] Там же. 1 мая.

[42] Там же. 29 окт.
[43] Там же. 3 нояб.
[44] Там же. 5 нояб.
[45] Там же.
[46] Там же. 7 нояб.
[47] Там же. 24 дек.
[48] Там же. 1945. 1 янв.
[49] Там же. 7 янв.
[50] Там же. 21 янв.
[51] Там же.
[52] Там же. 22 янв.
[53] Там же. 23 февр.
[54] Там же. 8 марта.
[55] Там же. 1 мая.
[56] Там же. 4 мая.
[57] Там же. 10 мая.
[58] Там же. 6 нояб.
[59] Там же. 7 нояб.
[60] Там же. 30 дек.
[61] Там же. 1946. 1 янв.
[62] Там же.

А. А. Карпухина

Сбор денежных средств для нужд фронта, отправка вагонов с подарками и помощь освобожденным районам трудящимися и молодежью Кустанайской области

В статье на основе документов Государственного архива Костанайской области реконструируется процесс сбора денежных средств и подарков для нужд фронта. Особое внимание уделяется вопросу оказания помощи освобожденным районам СССР.

Ключевые слова: *Фонд обороны, самолет-штурмовик, танковая колонна, вклад детей и молодежи, нацформирование, воскресники, денежно-вещевая лотерея, помощь инвалидам войны.*

Война всколыхнула весь народ, пробудив в людях великие священные чувства. «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!» — этот призыв пронзил сердца и души, заставил почувствовать еще и еще раз личную ответственность каждого за судьбу Родины. Наша страна шла к светлому дню Победы долгих тысячу четыреста восемнадцать дней и ночей. Путь этот был необычайно труден и вместе с тем необходим. С первых дней войны воздвигнутый лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал боевым девизом всего советского народа в борьбе за свободу и независимость. На священную борьбу вместе со всей страной поднялись и трудящиеся Кустаная. Сбор средств в поддержку Красной армии шел по всей стране. Жители города и области откликнулись сразу же.

Труженики области шефствовали над военными частями, госпиталями, посылали к ним свои делегации, подарки. Связь между фронтом и тылом была неразрывной. Свыше ста вагонов с продуктами, теплой одеждой и другими подарками собрали и отправили кустанайцы.

В сентябре 1941 г. в целях обеспечения производства валенок, полушубков, зимних перчаток, теплого белья, носков, шарфов и других изделий из сырья, сдаваемого населением в фонд РККА, Кустанайский облисполком постановил обязать начальника облместпрома Растопчук, председателя облпромсоюза Тимачева, директора Кустанайской швейной фабрики Наркомлегпрома Качко и председателя правления Кустанайской артели «13 лет Октября» организовать на предприятиях своих систем производство теплых вещей и белья из сырья, сдаваемого населением для Красной Армии. Заказы промышленным предприятиям на переработку сырья, сдаваемого насе-

лением в фонд РККА, осуществлялись областной, районными и городскими комиссиями по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии. Оплата готовых изделий производилась за счет собранных комиссией средств[1].

Согласно докладной записке секретаря Федоровского районного комитета КП(б)К П. Антонова в ноябре 1941 г. члены колхоза им. Чапаева в ответ на призыв И. В. Сталина усилить помощь фронту, 8 и 9 ноября все вышли на работу и заработок этих дней отчислили в Фонд обороны на постройку танка, собрали и отправили для раненых бойцов 40 кур, 11 гусей, 3 барана, муку, масло, сало и другие продукты. Члены колхоза «Объединенный труд» также отчислили в Фонд обороны 40 кур, 2 барана, несколько гусей, сало, масло и другие продукты. Учителя и служащие средней и неполной средней школ решили сдать билеты всех имеющихся у них займов всех выпусков и отчислили свой двухдневный заработок на постройку танков, и это помимо двухдневного заработка, отчисляемого ими ежемесячно до конца войны; ученики младших классов этих школ также решили на призыв вождя выделить средства на построение танка и собрали 72 руб., педколлектив обязался подготовить 100 % учащихся для сдачи нормативов на значки ГТО, «Готов к ПВХО», ГСО и «Ворошиловский стрелок».

Члены колхоза «Рассвет», обсудив доклад Сталина, обязались в течение пяти дней закончить хлебосдачу. Обмолот и вывозку зерна производить днем и ночью в две смены без перерыва. Работники животноводческих бригад обязались своими силами в ночное время подвезти гуменные корма к базам. Колхозники отчислили 240 трудодней на постройку танка, коммунисты и комсомольцы отчислили от 15 до 20 трудодней, колхозники обязались каждый сдать по теплой вещи бойцам Красной армии. Члены колхоза «Борец» также взяли ряд конкретных обязательств по усилению темпов вывоза хлеба, скирдования, обмолота и свои обязательства с честью выполняли («на ручном скирдовании вместо нормы 0,5 га теперь скирдуют до 1 га, давая по две нормы за день»). Для раненых бойцов они собрали 70 кур, уток, 100 л молока и другие продукты. Члены колхоза им. XVII партсъезда взяли обязательство работать не покладая рук с таким расчетом, чтобы закончить молотьбу всех культур к 15 декабря, для скорейшего разгрома общего врага народов закончить хлебопоставку к 13 ноября, досрочно внести сельхозналог и страховые платежи — к 25 ноября, по молоку, мясу, шерсти — к 20 ноября, отчислили однодневный заработок на постройку танка[2].

В документе 1942 г. Кустанайского облисполкома с грифом «Секретно» можно встретить информацию о том, что в целях обеспечения формируемых национальных войсковых соединений обмундированием суженный состав исполкома обязал директора фабрики «Большевичка» за счет фондов спецзаказа изготовить к 1 марта указанного года: брюк ватных — 200 штук, гимнастерок — 100, нательных рубах — 250, кальсон — 500, портянок теплых — 300, вещевых мешков — 150. Председателю облпромсоюза Иржановой необходимо было изготовить: шапок-ушанок — 900 штук, полушубков — 200, получить котелков — 371 штуку. Председателю облпотребсоюза Шило и управляющему облконторой «Заготживсырье» Потапову немедленно передать облпромсоюзу: первому — 200 овчин, полушубков, второму — 300 яловых кож для ремонта седел за счет сдачи сырья колхозами. Директору фабрики «Большевичка» и облторготделу при первом поступлении

товаров ширпотреба необходимо было восстановить израсходованные материалы для нацформирования за счет спецзаказов[3].

Из методического письма дирекции областного краеведческого музея об основных задачах работы музея в условиях Отечественной войны в 1942 г. можно узнать о том, что Первомайский приказ И. В. Сталина призывал всю страну подчинить интересам фронта, мобилизовать и максимально увеличить все ресурсы для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков в 1942 г.: «Наши музеи должны и могут оказать соответствующую помощь. При музеях следует организовать из актива школьников, педагогов и комсомольцев краеведческие кружки, которые должны развернуть работу в помощь советской медицине: сбор дикорастущих лекарственных растений: валерианы, шиповника, земляничных листьев и т. д.». В ответ на приказ вождя в тылу в грандиозных масштабах развернулось соцсоревнование по обеспечению нужд фронта[4].

Политотдел Кустанайской области сообщал, что в 1943 г. город и в целом Кустанайская область продолжали активно помогать фронту: отправили много вагонов с продуктами питания, теплыми вещами. Но фронту требовалось еще больше помощи, чтобы быстрее добиться окончательной победы над врагом. Так, партийный отдел области из своих личных сбережений внес на строительство танковой колонны 55 тыс. руб., послал бойцам посылку в 38 кг, ранее собрал и послал на фронт теплые вещи и подарки для бойцов. В 1942 г. в кварталах города проводились сбор подарков для бойцов Красной армии, подписка на весенний заем; неплохо прошло распространение билетов денежно-вещевой лотереи, организован ряд воскресников. Заработанные средства были сданы в фонд Красной армии, отправлены на строительство танковой колонны и ряд других мероприятий, связанных с помощью фронту. По все этим вопросам проводилась агитационно-массовая работа. Осуществлялся сбор подарков для бойцов[5].

В феврале 1944 г. во всех промышленных предприятиях и промартелях Кустаная прошли митинги рабочих, инженерно-технических работников и служащих, на которых обсуждалось обращение коллектива завода им. Дзержинского, призывающего провести воскресник по оказанию помощи детям фронтовиков. На предприятиях воскресник прошел с огромным подъемом. Активное участие в нем приняли: городской промышленный и пищевой комбинаты, артели «Красный строитель», «Кожобувь», «Трудовик», «Красный Восток», «Кожхимик». В этот день предприятия и промартели выработали для детей фронтовиков продукции на 89 509 руб. Сами дзержинцы изготовили в этот день 700 пар обуви и 50 овчин для пошивки полушубков.

Вместе со всем народом советская молодежь пережила и преодолела беспримерные трудности войны. За годы войны возрос авторитет комсомола, молодежь в самые трудные дни, при выполнении ответственных поручений старалась связать свою судьбу с комсомолом. В самые первые дни войны в первичных комсомольских организациях города был проведен ряд изменений в целях перестройки работы на военный лад. В связи с тем что в первые месяцы сотни комсомольцев, молодежи и специалистов ушли на фронт, комсомольцы и молодежь, оставшиеся в тылу, должны были встать на их место, чтобы промышленные предприятия бесперебойно давали необходимую продукцию. За годы войны только такие предприятия, как кож-

комбинат, фабрика «Большевичка» и завод № 507а дали стране 1726 специалистов. По системе облпромсоюза были подготовлены 1216 специалистов. Наряду с производственной работой комсомольцы и молодежь особо активное участие принимали в создании Фонда обороны, в сборе средств на выпуск вооружения для Красной армии. По инициативе комсомольцев и молодежи собрано на строительство танков и самолетов 1 376 633 руб., часть этих средств пошла на приобретение самолета «Комсомолец Кустаная», за что городская комсомольская организация получила благодарность от Сталина. Самолет был вручен отличнику учебы выпускнику Сталинградской авиашколы лейтенанту Пронину. Кроме того, комсомольцами и молодежью города было собрано 6095 теплых вещей, 26 034 кг продуктов, других подарки для моряков Северного флота и партизан. Комсомольцы и молодежь были активными организаторами по оказанию помощи семьям фронтовиков и инвалидам войны, собирали продукты, деньги, одежду и обувь[6].

Кустанайские школьники не отставали от молодежи. Общественная работа учащихся школ выражалась в следующем: только в 1944/1945 учебном году учащиеся собрали около 14 т металлолома, приняли участие в сборе денежных средств на строительство самолетов, танков, участвовали в сборе продуктов и денег для оказания помощи семьям фронтовиков, в распиловке дров, посадке огородов, ремонте жилищ; тимуровская команда школы им. Крупской помогала воспитателям детского дома в уходе за детьми и т. д. Все детские дома активно включились в оказание помощи Красной Армии, собирали теплые вещи, отправляли на фронт посылки с теплыми вещами. Дети вязали варежки, перерабатывали шерсть. Пионерские организации тоже стали работать по-новому. Пионерские дружины ставили своей целью организовывать тимуровские команды, помогать семьям красноармейцев и отстающим в учебе, изучать военные специальности. Так, пионеры Боровской школы Мендыгаринского района говорили: «Мы хотим помочь чем только можем, чтобы в госпиталях раненным бойцам было хорошо, чтобы государство не тратило лишних средств, а что им нужно — мы должны собирать сами». Пионеры принесли в подарок раненым бойцам одеколон, мыло, папиросы, тетради, карандаши, платки, книги, собрали подарков для бойцов на 500 руб. Пионеры школы им. Кирова собрали подарки: много парфюмерии, 200 книг, 66 глубоких и 30 мелких тарелок. Пионеры из школы им. Горького Карабалыкского района тоже посылали подарки раненым бойцам. Подхватили инициативу этих пионеров и учащиеся нашей области. Учащиеся собрали и сдали в аптеку 121 кг 19 г шиповника. Пионеры Семиозерного района собрали 25 кг, Урицкого района — 24 кг, Мендыгаринского района — 20 кг. Пионеры Макаровской школы Пресногорьковского района собрали и сдали в аптеку 12 кг шиповника. Ко дню 26-й годовщины Красной армии сбор подарков для защитников Родины проходил в средней школе им. Крупской Кустаная. В подарок фронтовикам отправлялось немало нужных и дефицитных вещей, в том числе предметы первой необходимости, зубной порошок, одеколон, портсигары и мундштуки, кисеты, махорка. Кроме того, было собрано больше 100 кг овощей, учащиеся и учителя сдали 2217 руб.[7]

В годы Отечественной войны комсомольцы и молодежь города окружила большой заботой и вниманием семьи фронтовиков, инвалидов войны.

Неоднократно проводились мероприятия по сбору средств и вещей для них. По далеко не полным данным, только по инициативе молодежи по городу было собрано 2226 теплых вещей, во время воскресников собрано и выбрано более 600 пар детской обуви, большое количество детских платьев, пальто, детского белья, чулок, носок и других вещей. Только в помощь детям Ростовской области было отправлено 1120 теплых вещей, 55 199 руб. деньгами. К каждому празднику остро нуждающиеся семьи фронтовиков получали от организации подарки. «Большую помощь семьям фронтовиков оказывали и оказывают "тимуровцы", они бывают в закрепленных семьях, помогают в хозяйстве, во время посадки и уборке овощей. Они также оказывают самую активную помощь при проведении месячников по оказанию помощи фронтовикам, комсомольцы и молодежь также принимали самое активное участие в этих мероприятиях, пионеры и школьники Кустаная берут шефство над семьями погибших»[8].

В Кустанайской области оказывалась помощь инвалидам Отечественной войны. Так, только в 1943 г. была выдана пенсия в сумме 619 731 руб., оказана помощь промтоварами:

Вид помощи	Передано		
	инвалидной комиссией	предприятиями города	всего
Белье	300 пар	27	327
Костюмы	100	—	100
Разная обувь	275	10	285
Полушубки	115	33	148
Жилеты меховые	190	—	190
Шапки	40	—	40
Валенки	40	31	71

Кроме того, выдано инвалидам Отечественной войны большое количество выбракованной одежды из фонда нацформирований и теплых вещей, переданных облсобесу (белье, валенки, полушубки, ватные брюки, летние брюки, варежки, теплые носки и др.). Причем 60–75 % всех выдач произведено в городе, а остальное отправлено в районы. Были организованы специальный магазин для инвалидов, столовые и общежития. Горисполкомом выделено для инвалидов Отечественной войны 300 куб. м дров и 10 т угля[9].

Помощь фронту была действительно всемерной и всенародной: кроме денег в Фонд обороны колхозы, совхозы и отдельные граждане сдавали хлеб. Только за 1943 г. его было собрано и отправлено в закрома государства 20 тыс. пудов. Колхозники вносили из своих личных сбережений в Фонд обороны денежные средства, драгоценности. Отдельные граждане внесли по 100–150 тыс. руб., по 50–100 и более пудов хлеба. Широко развернулось в те дни движение за сбор средств на строительство самолетов и танковой колонны «Кустанайский колхозник». Всего за годы войны на постройку танковой колонны трудящиеся области собрали 34 млн 312 тыс. руб. На средства, собранные трудящимися Кустаная, были построены четыре самолета-штурмовика, их подарили подшефной авиачасти. Один из штур-

мовиков предназначался Герою Советского Союза пилоту-кустанайцу Ивану Фомичу Павлову. В Кустанайской области рабочие, служащие, колхозники собирали средства на постройку звена истребителей «Осавиахимовец Кустаная», эскадрильи «Комсомол Казахстана», авиасоединения «Советский Казахстан». По архивным данным, в феврале 1944 г. из Кустаная в Орловщину, над которой шефствовала Кустанайская область, вышел эшелон с подарками. В 20 вагонах находился сельскохозяйственный инвентарь, в том числе плуги, бороны, сеялки, много бричек, сенокосилок и т. д. Делегация кустанайцев пробыла в Орловской области несколько дней, побывала в подшефных районах — Севском, Людиновском, Мглинском, где рассказывала о той помощи орловцам в восстановлении хозяйства, разрушенного врагом, которую оказывают трудящиеся Кустанайской области. Всего за 1943–1945 гг. трудящиеся области направили в освобожденные от оккупации районы 10 498 голов крупного рогатого скота, свыше 1200 плугов и другого инвентаря. За тяжелые годы войны трудящиеся подписались на облигации займов на сумму в 128 млн руб., сдали в Фонд обороны облигаций займов на сумму 11 500 тыс. руб., спецвкладов — 700 тыс. руб. Кроме того, по денежным лотереям Осоавиахима было внесено 24 850 тыс. руб. Общая сумма взносов в Фонд обороны составила 181 450 тыс. руб.[10]

Примечания

[1] ГАКО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 345. Л. 325–326.
[2] Там же. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 261. Л. 142–143.
[3] Там же. Ф. Р- 268. Оп. 11. Д. 33. Л. 3.
[4] Там же. Ф. Р-418. Оп. 2. Д. 93. Л. 19–20.
[5] Там же. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 284. Л. 16–22.
[6] Там же. Ф. П-170. Оп. 2. Д. 40. Л. 152–153.
[7] Там же. Ф. П-1414. Оп. 2. Д. 1. Л. 68–74.
[8] Там же. Ф. П-72.Оп.10.Д.69. Л. 57–62.
[9] Там же. Ф. П-8. Оп. 3. Д. 181. Л. 9–12.
[10] Там же. Ф. П-72. Оп. 12. Д. 1. Л. 7.

У. А. Акрамова

Общественная жизнь узбекистанцев в годы Великой Отечественной войны (по материалам Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана)

Автор, основываясь на документах Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана, рисует картину общественной жизни Узбекистана в годы Второй мировой войны. С помощью архивных документов показывает востребованность в тяжелые годы войны развития науки, культуры, общественных мероприятий.

Ключевые слова: *доброта, гуманизм, дети, эвакуация, мужество, вера в Победу, детские сады, больницы*.

Многонациональный народ Узбекистана оказывал всестороннюю помощь человечеству, пострадавшему от жестокой войны 1941–1945 гг. Известен героизм ушедших на фронт и сражавшихся против фашизма, не жалея своей жизни. Жители Узбекистана вагонами отправляли на фронт продукты и одежду. Совершили беспримерный подвиг, обогрев эвакуированных из прифронтовых районов детей, приняв и воспитав их, как своих детей.

Сегодня благодря научным исследованиям, публикациям, организации конференций появляются новые свидетельства героизма народа Узбекистана в годы войны. Большая часть этих исследований проведена на основе изучения воспоминаний участников войны, то есть материалов устной истории.

В Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана хранится много документов, отражающих гуманизм, мужество и героизм узбекистанцев в годы Второй мировой войны. Особое место среди них занимают кинофотофонодокументы, показывающие проводы на фронт родных, работу детей и пожилых на заводах и фабриках, подготовку посылок для бойцов, одежды и продуктов, эвакуацию, усыновление детей, помощь раненым в госпиталях, культурно-просветительские мероприятия, организованные деятелями культуры с целью поднять дух бойцам в борьбе с врагом.

Познавшие все тяготы войны узбекистанцы даже в такое время прилагали все усилия для развития науки, культуры и просвещения. В документальном фильме «Годы братства и испытаний» можно увидеть деятельность

узбекской кинематографии. Мы узнаем также о широком праздновании в годы войны 60-летнего юбилея белорусского поэта Якуба Коласа.

Как известно, в Узбекистан были эвакуированы дети из прифронтовых районов, рабочие заводов и фабрик, специалисты различных сфер науки, деятели культуры. С большой теплотой встретил их народ Узбекистана, оказал им материальную и моральную помощь. Они же, в свою очередь, ответили узбекистанцам своим дружелюбием и оказали заметное влияние на социальный состав населения республики. Еще больше укрепилось единство и сплоченность между представителями разных национальностей.

Узбекский народ окружил теплом эвакуированных из прифронтовых районов детей. Фотография из архива показывает, как директор ташкентской школы № 40 Е. Ф. Ермолева занимается с эвакуированными детьми, взятыми на воспитание коллективом.

Многие семьи взяли к себе на воспитание детей-сирот и детей, чьи родители воевали на далеком фронте. Желающих усыновить было так много, что было принято решение о создании специальной комиссии по усыновлению. В состав комиссии включили самых уважаемых людей. Так, в документальном фильме «Годы братства и испытаний» рассказывается о работе комиссии, о том, что в составе комиссии был детский писатель Корней Чуковский.

В фильмах из архива показана жизнь во время войны известной всему миру семьи Шамахмудовых, усыновивших 14 детей. По архивным фотографиям можно проследить и дальнейшую их жизнь. Например, как Бахри и Шаахмед Шамахмудовы знакомят супругов А. Афанасьевну и Артема Акимовича Маменко, также принявших в свою семью и вырастивших восемь сирот, со своим внуками во время приезда Маменко в Ташкент в 1953 г. На фотографии 1982 г. первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов беседует с Бахри Шамахмудовой.

Узбекистан всегда славился своим теплом и светом. Недаром его называли солнечным. В организованных для эвакуированных детей детских садах на столе неизменно присутствовали сочные и спелые фрукты, овощи. Любовь к детям преодолевала все преграды. Для того чтобы накормить фруктами детей, а также сражавшихся на фронте солдат, женщины работали на полях, превозмогая все трудности. Фильмы из архива показывают женщин-трактористок.

В тяжелые годы войны воспитанию детей уделялось немало внимания. В архивных кинодокументах мы видим, как детей учили вышивать, а вышитые изделия отправляли на фронт бойцам. Так детям прививалась доброта.

Фотограф Газеев запечатлел в 1941 г., как воспитательница детского сада колхоза «Октябрь» Ташкентского района А. Бекмухамедова готовит вместе со своими воспитанниками посылки на фронт. По фотографии мы видим, что военные события даже у детей сформировали чувство ответственности, желание помочь фронту.

Детские сады посещали представители правительства, знаменитости. В документальном фильме «Годы и братства и испытаний» снайпер Зебихон Ганиева рассказывает детям о своих воспоминаниях.

Тяготы войны не позволяли создать хорошие условия для обучения детей. Тем не менее уроки проводились без перерыва, даже в помещениях,

не имеющих стен. Таким образом, мы видим, какое внимание уделялось в Узбекистане образованию, даже в годы войны. Это отчетливо показано в архивных кинодокументах. Дети и сами тянулись к знаниям, мечтали о скорой победе.

Фотография Газеева показывает, как писатель Садриддин Айни читает книгу вместе со своим учеником.

В хранящемся в архиве документальном фильме «Подвиг Ташкента» мы можем увидеть, какой заботой окружали раненых в госпиталях медсестры, они приносили цветы в палату, помогали писать письма родным. В фильме показано также, что для раненых в госпиталях предоставлялась возможность хорошего досуга: игры в шахматы, чтение газет. Ведь эти занятия улучшали настроение больных, поднимали их дух и тем самым способствовали их скорейшему и эффективному излечению. Кинодокументы из архива запечатлели активную деятельность Общества Красного Полумесяца: обучение оказанию первой медицинской помощи, уходу за больными.

В целом общественная жизнь в Узбекистане в годы Второй мировой войны шла активно. Выступления руководителей республики на митингах также поднимали дух народа, укрепляли в нем веру в Победу.

Документальные фильмы показывают, как хорошо была поставлена агитационная и пропагандистская работа. Плакаты того времени вызывали чувство патриотизма, укрепляли дух, звали к новым трудовым и военным подвигам. Так, например, содержательным и эмоциональным был плакат с надписью «Помни о подвиге Кучкара Турдыева», «Подпиской на государственный военный заем ты помогаешь своим героям и громить врага». Знаменитый, не выдерживающий никакой конкуренции плакат «Родина-мать зовет!» размещался повсеместно. На кинокадрах мы видим этот плакат огромного размера на стене многоэтажного дома.

Несмотря на выпавшие и на долю узбекистанцев в годы Второй мировой войны тяжелейшие испытания, узбекский народ, работая без отдыха, сумел обеспечить и фронт, и себя необходимым продовольствием. Фотография 1942 г. знакомит нас с Ксенией Самсоновной Щипаковой — уборщицей женского клуба им. Октябрьской революции, связавшей более 50 пар перчаток и носков для армии. По документам видно, что население Узбекистана оказывало всестороннюю помощь фронту, и не только своим трудом, подарками, деньгами, но и сдачей донорской крови, даже в такое тяжелое, несытое время.

Отражающие эти важные события семидесятипятилетней давности хроникальные кадры и фотодокументы не утратили своей актуальности. Интерес к ним со стороны ученых, педагогов, деятелей культуры и представителей других слоев населения продолжает расти и по сей день.

Г. Р. Асатова

Во имя победы: физкультурные и спортивные организации Узбекистана в годы войны 1941–1945 гг.

Анализируется деятельность физкультурных и спортивных организаций Узбекистана в 1941–1945 гг., определяется их социально-историческая значимость в массовой военно-физической подготовке, рассматривается тенденция развития физической культуры и спорта в освещаемый период. На основании архивных свидетельств отражаются самоотверженный труд, героизм, бескорыстие работников физической культуры, спортсменов, тренеров. Отмечено, что физическая подготовка населения и молодежи в этот период способствовала совершенствованию боевых качеств воинов.

Ключевые слова: *военно-физическая подготовка, спорт, физкультурно-спортивная работа, соревнования, комплекс ГТО, БГТО, спортивные общества*.

Война относится к событиям, оставляющим особый след в судьбе народов, формируя стержень исторической памяти.

Великая Отечественная война, ставшая частью Второй мировой войны, не только связана с историей каждой семьи, но и предопределила будущее всего мира. И как справедливо отмечают исследователи, Великая Отечественная война стала «символом, который выступает важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и области понимания настоящего и будущего»[1]. Невероятный героизм и мужество бойцов, военное искусство командиров, полководцев, бесценный трудовой подвиг тружеников тыла обусловили общую победу.

Расширение объема исторических знаний о войне и их осмысление с современных позиций неотделимы от задач сегодняшнего дня. Этим вопросам посвящено большое количество исследований[2]. При этом хотелось бы подчеркнуть, что научная проблематика истории Великой Отечественной войны не исчерпана. Более того, ее общеполитическая и духовно-нравственная востребованность не ослабевает.

Определенным потенциалом для теоретического осмысления столь важных тем располагает региональная историография Узбекистана. Так, на протяжении многих лет при изучении роли УзССР в достижении Победы

первоочередное внимание уделялось глобальным вопросам, а именно исследованию участия узбекистанцев в военных действиях, значения республики в сохранении, приумножения военно-промышленного и аграрного потенциала страны, помощи в приеме эвакуированных и беженцев, изменений в социально-демографической сфере[3]. Исследователи, рассматривая роль тыла, характеризовали стратегии выживания и формы поведения населения, отображали особенности поведения советского общества в экстремальной ситуации, показывали многообразие и сложность военного времени.

Важной составной частью морально-психологической подготовки людей к защите своей страны являлась не только оборонно-массовая работа профсоюзов, добровольных обществ, Красного Креста, но и деятельность спортивных обществ.

Напомним, что в преддверии войны в УзССР уделялось большое внимание формированию культуры спорта среди всех слоев населения, организации массовых занятий физической культурой и спортом в молодежной среде. Эта работа, способствовавшая укреплению здоровья населения, носила системный характер. В частности, действовал республиканский Комитет по делам физической культуры и спорта, функционировало специализированное учебное заведение, правительством принимались соответствующие меры: пропаганда здорового образа жизни, расширение сети спортивных секций, введение спортивного комплекса ГТО, организация массовых спортивных праздников и т. д. А непосредственно в военные годы отношение к физкультуре и спорту стало особым: как отмечали многие участники войны, один спортсмен стоил в бою нескольких рядовых бойцов, а в сложных боевых операциях взвод спортсменов надежнее батальона. В этом контексте особый интерес вызывает деятельность физкультурно-спортивных организаций по массовой военно-физической подготовке населения.

С началом войны функционирование спортивных и физкультурно-массовых организаций, безусловно, претерпело большие изменения: сокращение финансирования; уход на фронт организаторов, инструкторов, спортсменов; снижение числа спортивных мероприятий; прекращение строительства спортивных объектов. Перед республиканским Комитетом по делам физической культуры и спорта были поставлены задачи, определяемые обстановкой военного времени и роли УзССР как тыловой республики.

Несмотря на то что намеченное осуществлялось с большим трудом, физкультурно-спортивные организации совместно с военкоматами, школами, различными добровольными обществами, направив свою деятельность на оборонно-массовую работу, обучали военно-прикладным упражнениям, организовывали военизированные походы, соревнования в условиях, приближенных к фронтовым, занятия по стрельбе из боевого оружия и т. д. О предпринятых шагах свидетельствуют отчеты, представленные Совету народных комиссаров УзССР. Так, отмечено, что физкультурные организации республики, руководствуясь Приказом Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР № 188 от 25 июня 1941 г. и Указанием республиканского Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК УзССР от 26 июня 1941 г. «О работе физкультурных организаций по военной подготовке населения», проделали соответствующую работу[4].

Заметим, в годы войны жители Узбекистана не только производили боевую технику, вооружение, снаряжение, старались помогать продовольствием, но и выполняли еще одну важнейшую задачу — обеспечивали фронт подготовленным резервом. Требования о подготовке боевых резервов были выражены в Постановлении ГКО от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»[5]. Согласно постановлению, была разработана целая система мер по подготовке боевого потенциала.

Оборонно-массово-физическая подготовка отличалась действенностью. Главное ее содержание сводилось к обучению военному делу. Узбекская ССР, как одна из тыловых республик, служила опорой фронту, а тыл армии — это прежде всего люди, работающие на фабриках, заводах, занятые в сельском хозяйстве. Огромная работа по подготовке запаса для действующей армии проводилась физкультурными организациями УзССР. Участие руководства республики в решении этих задач шло по следующим основным направлениям: формирование частей и соединений, в том числе узбекских; всеобщее обязательное военное обучение граждан УзССР — всевобуч; улучшение деятельности общественных военно-оборонных организаций; работа госпиталей, возвращение выздоровевших воинов в строй; запасные части — «кузницы» подготовки боевых резервов.

Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совнаркоме СССР 23 сентября 1941 г. издал приказ «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения». Спортивным обществам и физкультурным организациям было предложено выделить в распоряжение военкоматов наиболее квалифицированных руководителей и инструкторов, а также спортсменов-активистов для организации и проведения занятий по физической подготовке в подразделениях всевобуча[6]. Республиканский комитет в целях реализации поставленных задач тесно увязал свою работу с республиканским военкоматом. Были выделены лучшие методисты для регулярного инструктажа командного состава по разделу физической подготовки программы всевобуча. Предусматривались передача спортивных баз, изготовление недостающего военно-учебного инвентаря (винтовок, гранат, макетов, танков, военных городков, полос препятствий и др.). В результате спортбазы, стадионы со всем имеющимся оборудованием и инвентарем были предоставлены местным военкоматам для проведения работы по всевобучу. К ним был прикреплен и оптимальный инструкторский состав (более 85 % всего инструкторско-преподавательского состава республики). Позже был произведен контроль качества проводимых занятий на отдельных пунктах всевобуча. Для проверки физической подготовленности в летний и осенний периоды проводились соревнования: метание гранаты в цель, по движущейся мишени, многоборье по нормативу ГТО, рукопашный бой. Обратим внимание, что из общего количества сдавших нормативы ГТО до 60 % человек были подготовлены в пунктах всевобуча.

Итак, в соответствии с директивами, физкультурно-спортивная работа была подчинена интересам защиты от агрессоров и спортивно-физкультурное движение осуществляло задачи планомерной массовой подготовки боевого резерва для армии.

Уже по истечении двух месяцев из числа призывной молодежи было подготовлено более 6 тыс. стрелков, снайперов, гранатометчиков, пулеметчиков, минометчиков, радистов, шоферов, медсестер. Спортивно-оборонной массовой работой в этот период были охвачены 601 тыс. человек[7]. К примеру, было отмечено, что в феврале 1942 г. в военно-учебном пункте № 6 Куйбышевского района[8] Ташкента был произведен первый выпуск курсантов всевобуча. Результаты были впечатляющие: бойцы научились владеть винтовкой, изучили тактику войны, приобрели навыки в метании гранат, бутылок с горячей смесью; 33 % бойцов этого выпуска прошли испытания по окончании программы обучения на «отлично», 40 % — на «хорошо». Особенно хорошо работали в этом учебном пункте командиры запаса, присланные из центра: Е. Петров, В. Доронин, Н. Горкушенко, Р. Финковский, Т. Рожман, В. Шпрунт[9].

Одновременно с этим физкультурные организации УзССР развернули работу среди населения по военно-физической подготовке по 110-часовой программе, утвержденной центральным советом Осоавиахима СССР, согласно которой особое внимание уделялось строевой, тактической подготовке, овладению стрелковым оружием. Занятия проводились ежедневно по 2,5 часа в военно-учебных пунктах, создававшихся при заводах и фабриках, учреждениях, колхозах и совхозах. И за годы войны Осоавиахим УзССР обучил полмиллиона граждан различным военным специальностям: были подготовлены 19 702 ручных пулеметчиков, 13 756 истребителей танков, 12 902 минометчика, 8082 станковых пулеметчика, 6685 автоматчиков, 4551 кавалерист, 3340 снайперов, 4786 радистов, 3076 телеграфистов, 1707 шоферов, 1331 мотоциклист, 399 пилотов, 656 «ворошиловских стрелков»[10], 85 «ворошиловских всадников»[11,12]. Следует отметить, что масштаб помощи фронту организациями Осоавиахима республики был настолько значителен, что только летчиков-штурманов, стрелков-радистов армия получила от узбекской организации такое количество, что можно было полностью укомплектовать несколько авиационных дивизий[13].

Спортивная общественность, осознавая, что воину, крепкому духом и телом, легче переносить трудности и тяжести фронтовой жизни, старалась быть причастной к решению этих вопросов. Например, в 1941 г. в Ташкенте по инициативе спортивного общества «Спартак» был создан батальон, в котором занимались 1500 будущих бойцов, в Самарканде 7209 слушателей изучали строевую, огневую, санитарную подготовку, топографию и т. д. Наряду с военной и физической подготовкой физкультурные организации проводили массовые и туристские походы с военно-тактическими играми. Так, члены общества организовали с 465 участниками военизированный поход на 10 км с решением тактических задач. Наряду с этим систематически проводились занятия и соревнования по плаванию, велопробеги и т. д.

Обстоятельства военного времени закономерно обусловливали укрепление спортивной работы в секциях. Стоит отметить, что значительно усилилась тяга молодежи к овладению военно-прикладными видами спорта. К примеру, в Самаркандской, Ферганской областях в этот период занимались автомотоспортом — 313 человек, вольной и национальной борьбой — 371, велоспортом — 381, рукопашным, штыковым боем и фехтованием — 843, стрелковым боем — 2798 человек. Выделялись и некоторые спортивные

общества: например, общество «Спартак», подготовившее 15 702 бойца рукопашного боя; «Динамо», обучившее 67 пловцов, 1986 гранатометчиков, 858 бойцов рукопашного боя, 86 фехтовальщиков, 316 борцов самбо, 281 автомотоводителя[14]. При этом добровольно-спортивные общества старались не выходить из графика проведения соревнований. Так, в 1941–1942 гг. в республике было проведено 2177 соревнований с количеством участников 1 760 918 человек. Разумеется, количество соревнований в 1942 г. уменьшилось на 30 %, однако число участников увеличилось более чем на 1 млн, или на 120 %. Всего за годы войны участников стало более 5 млн. Что касается спортивных судей, то их общее количество по всем видам спорта достигло 839[15].

Вместе с тем осуществлялась работа физкультурных организаций по массовой военно-физической подготовке населения по нормативам комплекса ГТО, выполнение которого в 1942 г. являлось основным видом подготовки населения по массовой военно-физической работе[16]. Введение этих норм, бесспорно, позволило улучшить физическую подготовку призывников. Так, из данных таблицы следует, что в 1941–1942 гг. в УзССР преимущественно сдавались нормы БГТО и ГТО I ступени. Стоит признать, что требования норматива ГТО II ступени не выполнялись на должном уровне.

Количество выполнивших нормы комплексов БГТО, ГТО I ступени, ГТО II ступени в 1941–1942 годах в Узбекской ССР, чел.[17]

Комплекс	Год			
	1941		1942	
	По плану	Сдали	По плану	Сдали
БГТО	10 765	14 907 (138,5 %)	20 000	25 334 (126,6 %)
ГТО I ступени	31 492	38 500 (122,3 %)	43 000	53 312 (123 %)
ГТО II ступени	944	858 (90,8 %)	1500	1313 (87,5 %)

За внимание к осуществлению данной программы комплекса — перевыполнение плана по сдаче нормативов ГТО — УзССР была награждена Почетной грамотой Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта[18].

Отметим, что на фоне разворачивавшихся событий проводились самые разнообразные и агитационно-массовые мероприятия по видам физической культуры. Например, с привлечением широкого круга участников были организованы пеший поход, кросс, гранатометание, преодоление полосы препятствий, соревнования по плаванию, легкой атлетике, ночной поход в горы, «День физкультурника» и др. Общее количество лиц, задействованных в спортивно-массовых мероприятиях в республике в отчетный период, составило 1 500 938 человек. Пресса не могла обойти вниманием энтузиастов, был достойный резонанс[19].

Освещая вопрос физической культуры и спорта в такой исторически сложный период, нельзя не затронуть и сферу образования. Так, в июле 1941 г. была введена военно-физическая подготовка в старших классах школ, в средних специальных и высших учебных заведениях. В условиях

войны необходимо было всю учебно-воспитательную работу подчинить тому, чтобы молодежь получила практические военно-оборонные знания и навыки. И уже с 1 октября 1941 г. количество часов военно-физической и военно-санитарной подготовки было увеличено. Необходимые знания получали и девушки — для выполнения обязанностей санитарных дружинниц, радисток, телеграфисток и телефонисток. В школах создавались военные кабинеты, оборудованные общими силами. Например, по инициативе молодых рабочих депо ст. Урсатьевская[20] изготовили для школ 100 макетов винтовок, 100 учебных гранат. Коллективы предприятий г. Чирчика передали в школы 150 макетов винтовок, 51 саперную лопатку, 12 прицельных станков[21].

Заметим, что успеваемость учащихся по военно-физической подготовке в 1941/42 учебном году была достаточно высокой, как следует из отчетов. Отличников военно-физической подготовки в свободное от учебы время направляли на военно-учебные пункты. Они были задействованы в качестве инструкторов в военном обучении гражданского населения. Позже в целях повышения качества военно-физической подготовки с 1942/43 учебного года были введены проверочные переводные и выпускные испытания для учащихся 5–10-х классов по тактической, огневой и строевой подготовке.

Что касается содержания общеобразовательных предметов, то и здесь произошли значительные перемены. Например, учащихся при изучении анатомии знакомили с основами военной санитарии, на уроках физики — с устройством противогаза, правилами его использования. В программе по химии были расширены разделы по практическому применению химических реактивов и борьбе с отравляющими веществами. С основами топографии знакомились на уроках географии. В школах с национальным языком обучения в программе по русскому языку была значительно расширена военно-техническая, географическая лексика[22]. Коррективам был подвергнут учебный процесс в Ташкентском техникуме физической культуры[23]: перестроен на двухлетний ускоренный курс обучения, при котором должное внимание уделялось допризывной подготовке. Кроме того, была введена специальная дисциплина по подготовке медсестер и инструкторов лечебной физической культуры, а педагогическая практика организовывалась в госпиталях, где учащиеся, ухаживая за ранеными, приобретали еще больший навык по использованию средств лечебной физической культуры.

Необходимо подчеркнуть, что в республике, несмотря на трудности военного времени, по-прежнему проводились соревнования, способствовавшие укреплению дисциплины, выносливости, помогавшие объединить людей и хотя бы на некоторое время забыть о тяготах войны, что, безусловно, служило восстановлению моральных сил. Но стоит напомнить, что в первые годы войны календарь спортивных соревнований по сравнению с довоенным периодом значительно сократился. Позднее количество видов спорта, по которым проводились всесоюзные соревнования, увеличивались с каждым годом. Так, в 1943 г. состоялись всесоюзные соревнования по восьми видам спорта. Позже, в 1944 г., было увеличено количество крупных соревнований, первенства проводились уже по 14 видам спорта. Наметился некоторый рост и в достижениях спортсменов. К примеру, за 1944 г. было установлено 62 всесоюзных рекорда.

Вместе с тем, не ограничиваясь секциями, спортивная общественность организовывала различные испытания по физподготовке. К примеру, летом 1944 и 1945 гг. для учащихся 8–9-х классов средних школ и студентов первых и вторых курсов педучилищ были проведены лагерные сборы с целью совершенствования военной и физической подготовки в полевых условиях. Эти лагерные сборы, организованные во всех областях УзССР и Кара-Калпакской АССР под руководством опытных офицеров — участников войны, прошли достаточно успешно[24].

Особо можно выделить вопрос о женщинах в военное время. Женщины-физкультурницы успешно выполняли нелегкие задачи. На их хрупкие плечи легла организация оборонно-спортивной работы в органах всевобуча, школах, учебных заведениях, коллективах физической культуры и т. д. Милосердие, бесстрашие, героизм были необходимы и в тылу. Так, только за 1943 г. в добровольно-спортивном обществе «Пищевик» под руководством Н. Алексеевой инструктором Е. Костиной было подготовлено 240 снайперов и автоматчиков, 59 мотоводителей[25]. И уже во время первых зачетов из 37 женщин-бойцов 33 сдали экзамены на «отлично»[26]. Важно и то, что шла работа по привлечению девушек местных национальностей. Например, как следует из архивных данных, в Ташкенте в 1943 г. различными видами военно-спортивного обучения было охвачено более 2,5 тыс. девушек, а в 1944 г. свыше 5 тыс. девушек обучались различным военным специальностям[27].

Нельзя не отметить, что спортивный азарт присутствовал при подготовке и проведении спартакиад. Так, в 1943 г. в Алма-Ате прошла Спартакиада республик Средней Азии и Казахстана. Готовясь к этому мероприятию, спортсмены провели ряд соревнований по отдельным видам спорта, где были достигнуты высокие результаты и установлены рекорды, в том числе и девушками[28]. Делегация Узбекистана была представлена 386 спортсменами в семи видах спорта: фехтованию, рукопашному бою, преодолению полосы препятствий, двоеборью, баскетболу, футболу, легкой атлетике. Команда УзССР заняла второе место, всего на одно очко уступив команде Казахстана. Через год, в сентябре 1944 г., в Ташкенте была проведена III Спартакиада республик Средней Азии и Казахстана. Праздник спорта открылся парадом, принявшим 4500 участников. В этом многодневном состязании, потребовавшем исключительного напряжения сил, большой выдержки, победителями стали 23 спортсмена из Узбекистана[29]. Заметим, что на столь значимое мероприятие приглашались известные заслуженные мастера спорта СССР, выступавшие показательно, вне соревнований, что, безусловно, повышало престиж состязаний и интерес болельщиков[30]. Позже, уже в мирной жизни, среднеазиатские спартакиады стали некой праздничной традицией. Они сыграли определенную роль в развитии и подъеме физической культуры и спорта в республике.

Следует признать, что экстремально тяжелые условия не остановили поступательное развитие физической культуры, спортивная жизнь не замерла, продолжалось дальнейшее их совершенствование. Проводившиеся спартакиады, смотры, кроссы, марш-броски и многие другие спортивные акции позволяли демонстрировать достижения в спорте, вместе с тем выявляли недостатки в физкультурно-спортивной деятельности.

Принимая во внимание вышеуказанное, подчеркнем, что изучение особенностей развития физической культуры и спорта в разные исторические периоды, особенно в переломные моменты, способствует глубокому пониманию процессов в жизни общества, позволяет показать историческую преемственность, столь важную при воспитании молодого поколения.

Миллионы людей старались приблизить победу. Свой неоценимый вклад в ее достижение внесли и узбекистанцы. Как стало известно, из УзССР были мобилизованы на фронт около 1 млн 951 тыс. человек. Это значит, что в борьбу против фашизма с оружием в руках вступил каждый третий узбекистанец, в боях погибли свыше 538 тыс., пропали без вести более 158 тыс., среди награжденных — свыше 200 тыс. солдат и офицеров. Подтверждено, что звания Героя Советского Союза был удостоен 301 представитель УзССР, 70 награждены орденом Славы всех трех степеней[31]. Бесспорно, то в числе награжденных были спортсмены и любители физической культуры и спорта.

Подводя итог, отметим, что изученные документы наглядно свидетельствуют о многогранной неустанной работе. Можно констатировать, что республиканский Комитет по физической культуре и спорту, другие физкультурно-спортивные организации с честью справились с поставленными войной задачами. Очевидно, что в боях помогало «второе оружие» — выработанные во время тренировок навыки и спортивное мастерство. Война, несмотря на то что практиковала жестокость, сплотила людей. Ход и исход войны показали ключевую роль всего советского народа. И, как свидетельствуют архивные материалы, на высоте оказались спортсмены и работники физической культуры.

Примечания

[1] Гудков Л. Д. Негативная идентичность. М., 2004.

[2] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.: исследования, документы, комментарии. М. : Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2011–2015 ; Участники Великой Отечественной войны на страницах биографических словарей и справочников. СПб. : БАН, 2012 ; Девятых С. Ю. Дети и подростки Страны Советов в годы Великой Отечественной войны : ист.-публицист. очерк. Минск : РИВШ, 2015 ; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2015 ; Палецких Н. П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 1 (46) ; IV Международная научная конференция «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященная 75-летию Победы в Сталинградской битве, г. Волгоград, 20–21 октября 2017 г. Волгоград : Изд-во ВолгГУ, 2017 ; Вестн. РУДН. Сер. История России. 2020. Т. 19, № 2 ; История Великой Победы : в 3 т. / под общ. ред. А. В. Торкунова. М. : МГИМО-Университет, 2020 ; Пивовар Е. И., Левченков А. С., Косован Е. А. Восьмидесятилетие начала Второй мировой войны в историко-просветительской деятельности российских архивистов // Вестн. архивиста. 2020. № 1. С. 87–101 и др.

[3] Алимова Д. А., Иванова Л. С. 50 лет изучения истории Узбекистана в годы войны 1941–1945 гг.: современные задачи и перспективы ее историографии. Ташкент : Фан, 1995 ; Ли Д. М. Укрепление сплоченности народа Узбекистана в период войны с германским фашизмом (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Андижан, 1997 ; Голованов А. А., Саидов И. М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Самарканд : СамГУ, 2006 ; Победа над фашизмом в 1945 г.: ее значение для народов СНГ и мира : материалы Междунар. конф., Москва, 8–10 апр. 2010 г. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011 ; Хайдаров З. У. Подвиги наманганцев на полях битв Второй мировой войны // Молодой ученый. 2014. № 12 (71). С. 237–238 ; Бабаджанов Х. Б. Трансформационные процессы

в экономике Узбекистана в годы Второй мировой войны : автореф. дис. … д-ра философии. Ташкент, 2018 ; Эшелоны идут на восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы. Оренбург ; Ташкент : Университет, 2019 и др.

[4] НАРУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 3712. Л. 1.

[5] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза : сб. док. 1917–1958. М. : Госполитиздат, 1958. С. 362.

[6] ААПРУз. Ф. 58. Оп. 17. Д. 1154. Л. 273.

[7] Благодаря комплексу ГТО многие получили навыки маршевой, стрелковой подготовки, плавания, метания гранат, преодоления водных преград и препятствий. Это помогло им в минимальные сроки овладеть военным делом, стать снайперами, разведчиками, танкистами, летчиками. Значок «ГТО» для большинства стал первой наградой, к которой впоследствии добавились ордена и медали за подвиги в труде и бою.

[8] Куйбышевский район 8 мая 1992 г. переименован в Мирзо-Улугбекский район.

[9] Фрунзовец. САВО. 1942. № 48.

[10] «Ворошиловский стрелок» — нагрудный знак овладевших стрелковым мастерством и сдавших соответствующие нормы. Положение о создании звания было утверждено 29 октября 1932 г. Критерием для сдачи норм I ступени являлись прием и техника меткой стрельбы из малокалиберной винтовки, II ступени — выполнение нормы по стрельбе из боевой винтовки.

[11] «Ворошиловский всадник» — нагрудный знак Осоавиахима. Утвержден 2 июня 1936 г., вручался за отличное выполнение нормативов, а также за умение оказывать первую помощь лошадям, знание их болезней, уход за жеребятами. О размахе работы по подготовке «ворошиловских всадников» можно судить на примере организаций Осоавиахима УзССР: если в 1937 г. было 200 награжденных значком, то в 1940 г. — уже 4551.

[12] Патриоты Узбекистана. Ташкент : Узгосиздат, 1957. С. 7.

[13] НАРУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 3712. Л. 15–16.

[14] Там же.

[15] Там же. Л. 13.

[16] В 1942 г. в комплекс ГТО были внесены определенные изменения: сокращено общее количество норм, некоторые были изменены, введены требования знаний топографии, материальной части винтовки, кроссовый бег, прыжки в повседневной одежде, переправы вплавь, ползание, штыковой бой и др. (Сомоуков Ф. И., Столбов В. В., Торопов Н. И. Физическая культура и спорт в СССР. М. : Физ. культура и спорт, 1967. С. 163).

[17] НАРУз. Ф. Р-837. Оп. 32. Д. 3711. Л. 12, 32, 106 ; Д. 3712. Л. 13.

[18] Там же. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

[19] Там же. Ф. Р. 837. Оп. 32. Д. 312. Л. 5 ; Достойно отметить День физкультурника! // Крас. Бухара. 1942. 10 июля ; Физкультура дело большой государственной важности // Там же. 21 окт. ; Больше внимания физической культуре // Там же. 4 нояб. ; Учитесь метать гранаты // Там же. 29 нояб .

[20] Станция Урсатьевская в 1950-е гг. переименована в Хаваст. Находится в 150 км от Ташкента.

[21] Военное обучение. Главное управление всевобуча Наркомата обороны. 1945. № 1.

[22] Рачинская Е. В. Народное образование в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. Ташкент : Ср. и высш. шк., 1963. С. 23.

[23] На базе Ташкентского техникума физической культуры в соответствии с Постановлением Совета министров УзССР № 653 от 27 сентября 1955 г. «Об организации в г. Ташкенте института физической культуры» организован Узбекский государственный институт физической культуры; согласно Указу Президента РУз № 5368 от 5 марта 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления физической культуры и спорта» данный институт преобразован в Узбекский государственный университет физической культуры и спорта.

[24] Правда Востока. 1945. 28 июня.

[25] НАРУз. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 20. Л. 15.

[26] Правда Востока. 1943. 2 июля.

[27] НАРУз. Ф. Р-94. Оп. 5. Д. 4648. Л. 3.

[28] Например, легкоатлетка Ф. Хасанова, обладательница высших достижений УзССР в беге на 500, 1000 и 2000 м, установила рекорд республики в беге на 800 м (3 минуты 22 секунды). Мастер спорта Н. Каргина пробежала 200 м за 26,6 секунды, улучшив рекорд республики на 0,2 секунды (Правда Востока. 1943. 11 сент.).

[29] НАРУз. Ф. Р-2310. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

[30] Например, были поучительны выступления рекордсменов: бегунов Пугачевского, Каракулева, Сеченовой, десятиборцев Кузнецова, Коробкова, барьеристок Фокиной, Туровой, шестовика Озолина, пловцов Дмитриева, Морозовой, гимнастов Белякова, Тимошек.

[31] Подвиг народа живет вечно // Нар. слово. 2020. № 98.

Т. Т. Сырдыбаев, А. Ы. Ырысбеков

Особенности мобилизационной деятельности в довоенный и военный периоды в Киргизстане

Рассматривается мобилизационная деятельность в довоенный и военный периоды в Кыргызстане. Анализируются особенности мобилизации среди национальных формирований. Рассматриваются судьбы участников Великой Отечественной войны, призванных в довоенный период.

Ключевые слова: *мобилизация, Великая Отечественная война, Кыргызстан, призывники, воинские формирования, участники Великой Отечественной войны.*

По истории Великой Отечественной войны в советский период было написано достаточное количество литературы, были также защищены кандидатские и докторские диссертации, имеются многочисленные документальные фильмы, однако эта тематика до сих пор остается одной из самых актуальных в исследованиях современности. С обретением независимости Кыргызстана Великая Отечественная война предстает перед нами как героический период его истории, так как еще живы участники той войны, события тех лет исследуются по мемуарам, письмам, архивным источникам, и в народной памяти эта война остается благодаря победе многонационального советского народа.

Особенностью исследований Великой Отечественной войны в советский период является то, что в 1950–1970-е гг. видные ученые Кыргызстана С. Т. Табышалиев[1], И. Н. Глускин[2], Р. Бекмамбетов[3], А. Т. Токтоматов[4] исследовали деятельность советской партии и комсомола в годы Великой Отечественной войны по идеологическим определениям. В годы войны в Кыргызстан было эвакуировано из западной части СССР более 30 промышленных предприятий, что рассматривалось в трудах Б. Ч. Чокушева[5], Н. П. Животовской[6], Т. К. Сарыкова[7], В. Д. Самсонова[8], Б. Н. Нурмамбетова[9]. А к другим идеологическим проблемам обратили свои взоры О. С. Сагынбаев[10], А. А. Машкеевич[11] и В. И. Деев[12]. В годы независимости продолжалась работа по проблемам Великой Отечественной войны и участие в ней кыргызстанцев. Так, Н. С. Тунтеев[13], О. Сагынбаев[14], Т. Ж. Жоробеков[15] и другие ученые[16] обращали внимание на те или иные проблемы Великой Отечественной войны.

По статистическим данным, на начало 1941 г. численность населения Кыргызстана составляла 1 млн 588 тыс. человек, к концу Великой Отечественной войны она сократилась до 1 млн 457 тыс. человек (данные на 1946 г.). Из Кыргызстана на военные поля было направлено более 360 тыс. человек, эвакуировано и депортировано в республику более 300 тыс. человек[17]. В Кыргызстане функционировало 25 госпиталей, где прошли лечение более 40 тыс. раненых.

Огромную роль в годы войны сыграли мобилизационные работы. В довоенный период призывная деятельность в Кыргызстане реализовывалась по программе 1925 г. «Пятилетняя программа формирования национальных частей»[18], по которой в Киргизской АССР должна была быть создана одна территориальная кавалерийская дивизия (войсковые национальные формирования). В эти войска набирались представители местного населения с учетом того, что кыргызы никогда не проходили воинского учета, им требовалась разъяснительная работа. Численность национальных формирований по плану 1925 г.: киргизский кавалерийский эскадрон состоял из 168, киргизская школа младшего командирского состава кавалерии — из 94 человек[19]. Только в 1938 г. по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР стали «граждан национальных республик и областей призывать к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях»[20]. Мобилизация в ряды Красной армии регламентировалась законом «О всеобщей воинской обязанности», который был принят 1 сентября 1939 г. В ст. 3 этого закона было прописано, что все мужчины — граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения, обязаны были отбывать военную службу в составе Вооруженных сил СССР. В отличие от Закона от 13 августа 1930 г., предоставлявшего отсрочку по религиозным убеждениям[21].

Таким образом, сроки военной службы составляли: для рядового состава сухопутных войск — два года, для рядового и младшего начальствующего состава Военно-воздушных сил армии и флота — три года, для рядового и младшего начальствующего состава частей береговой обороны — четыре года, для рядового и младшего начальствующего состава кораблей ВМФ — пять лет, для сухопутных частей пограничных войск — три года, для рядового и младшего начальствующего состава кораблей пограничных войск — четыре года. Призыв на службу проводился ежегодно с 15 сентября по 15 октября. По законопроекту (ст. 14) призывной возраст устанавливался в 19 лет, а для окончивших полную среднюю школу — в 18 лет[22]. После ликвидации территориальных частей с 1938 г. молодое пополнение распределялось по войскам строго экстерриториально. Из национальных республик призывники впервые с этого времени направлялись исключительно в западные приграничные и центральные военные округа СССР.

Судьба участников Великой Отечественной войны до военного призыва, с исторической точки зрения, интересна, но в связи с редко встречающимися историческими источниками нам приходится обращаться к устной истории.

Например, Асыкбай Аликеев (1919 г. р.) был призван 10 октября 1939 г. из с. Кум-Дөбө Кочкорского района; Шаршеке Султаналиев (1920 г. р.) —

18 апреля 1941 г. из Атбашинского района Тянь-Шаньской области; Абсатар Шахмурзаев (1919 г. р.) — в 1939 г. из г. Кизыл-Кия Ошской области. Им во время призыва было по 20 лет.

Асыкбай Аликеев был сержантом, командиром отделения 1-го мотострелково-пулеметного батальона 202-й танковой бригады. В битве на Курской дуге за проявленный героизм (лично уничтожил пятерых солдат противника, а его отделение — до 15 фашистов) приказом от 10 июля 1943 г. был награжден орденом Красной Звезды[23]. После ранения в 12 сентября 1944 г. демобилизован, вернулся на родину.

Шаршеке Султаналиев проходил воинскую службу в орудийном расчете 358-го артиллерийского полка 126-й стрелковой дивизии 1-го формирования в латвийском г. Крустпилсе. Начало войны встретил близ г. Шауляя[24]. После отражения нескольких атак его части пришлось отходить к главным силам фронта, так как она оказалась в окружении врагов, а основные силы дивизии находились в Жнежморяй, южнее Ковно. После многодневных переходов из окружения им выйти не удалось.

Основная часть 126-й стрелковой дивизии 1-го формирования к началу войны имела в своем составе 11 697 человек. Отступая и теряя основные силы (численность состава — всего 2355 человек), она вошла в состав 62-го стрелкового корпуса. 13 декабря 1941 г. 126-я стрелковая дивизия была расформирована, имея в составе менее тысячи человек.

Шаршеке Султаналиев перенес тяготы лагерей, в 1944 г. был освобожден из плена. Пройдя все проверки в фильтрационных лагерях, он попал в 9-ю роту 3-го стрелкового батальона 204-го фронтового запасного стрелкового полка. Был демобилизован в 1946 г.[25]

Абсатар Шахмурзаев войну прошел от начала и до победного конца над Японией. По национальности узбек, родился в Киргизской ССР, в 1939 г. был призван в армию в г. Кызыл-Кия Ошской области. Проходил службу в военно-пересыльном пункте 92-го запасного стрелкового полка 13-й запасной стрелковой бригады, был сержантом и командиром отделения 330-го инженерно-саперного батальона. Дважды награжден орденом Красной Звезды, получил также медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией»[26].

Примечательно, что в годы Великой Отечественной войны резко возросла добровольная инициатива по отправке на фронт населения из Среднеазиатского военного округа.

С началом войны в Киргизстане активно развивалась мобилизационная деятельность. Многие жители республики просились на фронт, началась ускоренная военная подготовка. С октября 1938 по 12 июля 1941 г. Военный комиссариат Киргизской ССР (с 21 марта 1944 г. — союзно-республиканский Народный комиссариат обороны Киргизской ССР) возглавлял генерал-майор Иван Васильевич Панфилов, а с 10 октября 1941 по декабрь 1946 г. эту должности занимал полковник Владимир Александрович Ремизов[27].

С 1939 г. призыв «националов» на действительную службу в кадровые части РККА увеличился, но в первую очередь на срочную военную службу брали лишь тех, кто владел русским языком и имел достаточный уровень образования. Поэтому тяжесть призыва на действительную военную службу у «националов» легла по большей части на жителей городов, а не кишлаков.

После 1939 г. доля представителей народов Средней Азии в РККА увеличилась более чем в три раза— с 1,39 % (на 17 января 1939) до 5,32 % (на 1 января 1941).

В 1939 г. начался массовый призыв в военкоматы, и основной особенностью довоенного призыва являлось то, что на военную службу из Киргизстана, кроме русских, призывали также и коренное население. Военкоматы не вели статистику владения военнообязанными и призывниками русским языком. Требование хорошего владения русским языком было обязательным для допризывников, но таковых в составе призывного контингента из представителей двадцати двух «неславянских» национальностей было, по-видимому, всего 25—30 %.

13 марта 1938 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР издали постановление об обязательном изучении русского языка по единой программе в школах национальных республик. В постановлении было определено, что «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы». Согласно установленной программе, выпускник неполной средней школы (семь классов) должен был свободно владеть русской разговорной речью, чтением и письмом.

С первых дней войны в Киргизстане люди разных национальностей стали обращаться в военные комиссариаты, требуя отправить их на фронт. Также формировались национальные военные дивизии из числа местного населения. Так, были образованы 107, 108, 109-я киргизские кавалерийские дивизии, а также 316-я стрелковая дивизия, впоследствии переформированная в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию Панфилова, сформированную в Алма-Ате. Ее основу составляли народы Средней Азии, из числа киргизов, казахов, дунган и др.

В Среднюю Азию начальнику оргинструкторского отдела Главного политического управления Красной армии дивизионному комиссару М. М. Пронину было отправлено отношение № 6 от 4 июня 1942 г. военного комиссара Управления запасных частей и маршевых пополнений фронта Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии о немедленной отправке восьми маршевых стрелковых рот в распоряжение командира 2-го гвардейского стрелкового корпуса на укомплектование 8-й гвардейской стрелковой дивизии за счет расформированных 109-й киргизской кавдивизии и 12-го киргизского кавполка. В приказе четко определялись принципы укомплектования 8-й гвардейской стрелковой дивизии киргизами с целью поддержания боевой традиции[28].

С началом Великой Отечественной войны в Киргизстане началась подготовка военных кадров[29].

Итоги работы центрального комитета Осоавиахима Киргизской ССР по военному обучению населения в 1941–1945 годах

Специальность	Обучено во время войны, чел.
Младший командирский стрелок	17 702
Станковый пулеметчик	17 980
Ручной пулеметчик	42 177
Автоматчик	11 302

Окончание табл.

Специальность	Обучено во время войны, чел.
Снайпер	8740
Минометчик	26 678
Боец ПТР	25 537
Военнослужащий 1-й и 2-й ступени	163 923
Усовершенствование строевых кадров	66 023
Кавалерийские кадры	19 608
Медицинские кадры	11 734
Шофер	1693
Мотоциклист	1254
Связист	16 765
Женщина-стрелок	34 394
Всего	465 512

Итого были обучены 465 512 человек, из них 365 тыс. участвовали в Великой Отечественной войне. Сюда же можно включить и трудомобилизованных киргизстанцев (более 6000 человек) и призывников, проходивших воинскую службу в 1939–1940-е гг. В связи с этим число участвовавших в Великой Отечественной войне может немного измениться.

В предвоенный год количество призывников из числа киргизов увеличилось в 10 раз. Так, А. Ю. Безугольный в своей диссертации «Опыт строительства Вооруженных сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.)»[30], основываясь на архивных источниках, составил таблицу по национальностям на 1936, 1937, 1939 и 1940 гг. Если из киргизского населения в 1936 г. призывались 246 человек, то к 1939 г. их число составляло уже 13 661. Они, не демобилизуясь, уже участвовали в Великой Отечественной войне. А число призывников 1940 г. составляло 7521 человек. Таким образом, количество участников Великой Отечественной войны из числа киргизов, призванных до 1941 г., составляет 21 182 человека (без учета других национальностей). В итоге на фронтах Великой Отечественной войны воевало более 386 тыс. киргизстанцев и 6 тыс. были трудомобилизованными.

Великая Отечественная война повлияла на судьбы многих людей, тысячи семей остались без родных. Особенно это касается тех военнослужащих, которые к началу войны находились на фронтах. С войны вернулись только единицы из того предвоенного призыва. Определенно, как высказался У. Черчилль: «Война — это когда за интересы других гибнут совершенно безвинные люди».

Примечания

[1] Табышалиев С. Т. Ленинский комсомол Советской Киргизии в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. М. : Наука, 1951.

[2] Глускин И. Н. Коммунисты Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М. : Наука, 1952.

[3] Бекмамбетов Р. Деятельность Компартии Киргизии по созданию и развитию трудовых резервов республики (1942–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1969.

[4] Токтоматов А. Т. Деятельность Советов Киргизии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1969.

[5] Чокушев Б. Ч. Северные области Советской Киргизии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1958.

[6] Животовская Н. П. Трудовые подвиги женщин Киргизии в годы Великой Отечественной войны Советского союза 1941–1945 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1963.

[7] Сарыков Т. К. Рабочий класс горнорудной промышленности Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1968.

[8] Самсонов В. Д. Советское крестьянство Киргизии в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1969.

[9] Нурмамбетов Б. Н. Трудящиеся города Фрунзе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1973.

[10] Сагынбаев О. С. Дружба народов Советского Киргизстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1966.

[11] Машкевич А. А. Комплексный подход к делу воспитания в школах Киргизии в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1981.

[12] Деев В. И. Союз писателей Киргизии в идеологической жизни республики в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. Фрунзе, 1983.

[13] Тунтеев Н. С. Красные кавалеристы Кыргызстана. Бишкек, 1994.

[14] Сагынбаев О. Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны. Бишкек, 1995.

[15] Жоробеков Т. Ж. Вклад кыргызстанцев в Великую победу (на материалах южных регионов Кыргызской Республики). Бишкек, 2005.

[16] Великой Победе 70 лет : материалы науч.-практ. конф. «Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: проблемы и решения». Бишкек : Турар, 2016 ; Всемирно-историческое значение победы в Великой Отечественной войне : сб. ст. Бишкек, 1995.

[17] Кыргызстан в Великой Отечественной войне: цифры и факты // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: http://www.stat.kg/ru/news/kyrgyzstan-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-cifry-i-fakty.

[18] Реформа в Красной Армии : док. и материалы. 1923–1928 гг. : в 2 кн. Кн. 1. М. ; СПб. : Летний сад, 2006. С. 696.

[19] РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 568. Л. 5 — 5 об.

[20] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос : в 2 кн. / сост. Л. С. Гатагова. Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Кн. 2. М. : РОССПЭН, 2005. С. 383.

[21] Закон о всеобщей воинской обязанности // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. Сентябрь. № 18. URL: http://www.oldgazette.ru/lib/propagit/18/04.html.

[22] Там же.

[23] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 965. Зап. № 26615783.

[24] Информатор Ишенбек Султаналиев.

[25] ЦАМО. Ф. 8589. Оп. 452543. Д. 21.

[26] Там же. Ф. 8378. Оп. 53778. Д. 14.

[27] Алымкулов Н. А. СНК Киргизской ССР в 1941–1945 гг.: количественный и качественный состав // Вестн. КРСУ. 2018. Т. 18, № 5. С. 4 ; Архив Киргизского филиала ИМЛ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 2075. Л. 63.

[28] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 375. Л. 169.

[29] Архив Киргизского филиала ИМЛ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 2075. Л. 63.

[30] Безугольный А. Ю. Опыт строительства Вооруженных сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. М., 2019. С. 269.

А. К. Бекбоева, Н. У. Курбанова

Социальная защита семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на примере Кыргызстана)

Рассматривается роль органов государственной власти, а также общества в целом в обеспечении социальной защиты и поддержки семей фронтовиков, детей. Отмечено, что осознание степени защищенности своих семей в тылу придавало бойцам мужество на полях сражений. Предприняты попытки осмысления практической помощи семьям, которые остро нуждались в социальном обеспечении. Обозначены специфика социальной помощи, формы социальной поддержки, предоставляемых льгот, шефской помощи. По мнению авторов, нормативно-правовые документы, принятые в условиях военного времени, способствовали расширению и повышению эффективности деятельности органов социального обеспечения.

Ключевые слова: *государство, общество, война, тыл, социальная защита, семья, пособия, льготы.*

Киргизская ССР с первых же дней Великой Отечественной войны начала перестройку своей работы в соответствии с задачами военного времени. Централизованная система командно-административного управления, негативно оцениваемая с позиции современности, в годы Великой Отечественной войны довольно эффективно показала себя в экстремальной ситуации. Она давала возможность оперативно направлять финансовые, материальные и людские ресурсы на решение первоочередных задач.

Уходя на фронт, каждый боец должен был знать, что за ним весь народ, вся родная страна, которая поддержит и окружит лаской, заботой и вниманием его семью. Поэтому забота о семьях призванных в нашей стране воинов стала одним из важных всенародных дел. Советское правительство издало законы, проникнутые работой о семьях мобилизованных. Семьям призванных в Красную армию и на Военно-морской флот государство предоставило ряд льгот по налогам и квартирной плате. Освободило от уплаты за обучение детей членов семей военнослужащих и от натуральных поставок сельскохозяйственных продуктов значительное количество семей призванных в армию колхозников.

Государство ассигновало на выплату пособий и оказание материальной помощи семьям бойцов Красной армии огромные средства. За 20 месяцев войны в нашей республике роздано государственных пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава более чем на 85 млн руб. На сумму свыше 50 млн руб. предоставлено в 1942 г. льгот семьям колхозников и единоличников, рабочих и служащих по сельскохозяйственному и военному налогам. Семьям призванных была оказана значительная денежная помощь местными советскими органами, хозяйственными и профсоюзными организациями, правлениями колхозов.

Наряду со значительной работой, проделанной в республике, сессия Верховного Совета Киргизской ССР отметила ряд серьезных недостатков в работе по улучшению материально-бытовых условий семей военнослужащих. Было отмечено, что, отдельные советские органы допускали нарушения и извращение при назначении и выплате пособий и пенсий семьям военнослужащих. Наркоматы республики (Наркомлегпром, Наркоммеспром), а также Кирпромсовет и Киркоопинсоюз не выполнили установленных планов по производству одежды и обуви и тем самым создали дополнительные трудности в снабжении семей военнослужащих и их детей.

Перелистывая архивные материалы, можно убедиться в том, что в результате недостаточного руководства со стороны Наркомпроса Киргизской ССР работа по улучшению материально-бытовых условий в детских садах и детских домах республики продолжала оставаться «неудовлетворительной». Особенно неудовлетворительно работали органы социального обеспечения по обслуживанию и трудоустройству инвалидов Отечественной войны, Наркомсобес Киргизской ССР не принял необходимых мер к коренному улучшению их работы.

Все это свидетельствует о том, что ряд городских, районных и сельских советов, отдельные наркоматы, руководители организаций и предприятий не поняли, что повседневная забота об удовлетворении материально-бытовых нужд семей военнослужащих имела огромное военно-политическое значение.

Исходя из задач коренного улучшения оказания помощи семьям призванных в Красную армию и на Военно-морской флот, Верховный Совет Киргизской ССР обязал областные, городские, районные и сельские советы депутатов трудящихся в кратчайший срок устранить имеющиеся недостатки в работе по оказанию помощи семьям военнослужащих, обеспечить точное соблюдение установленных государством законов о порядке назначения и выдачи пособий и пенсий и предоставления льгот. В связи с этим были организованы комиссии по назначению пособий и пенсий семьям военнослужащих при исполкомах районных, городских советов депутатов трудящихся. При этом комиссии обеспечивали такой порядок работы, что каждое заявление семьи военнослужащего о назначении пособия рассматривалось не позднее чем в трехдневный срок, осуществлялся контроль над своевременной ежемесячной выплатой пособий и пенсий семьям военнослужащих.

В свою очередь правлениями колхозов семьям военнослужащих оказывалась материальная помощь из фондов, предусмотренных уставом сельхозартели или колхозных касс взаимопомощи, предоставлялись в необхо-

димых случаях лошади, им помогали также в заготовке и вывозке топлива, ремонте жилья и т. д. Эвакуированным семьям военнослужащих выделялись земельные участки для коллективных и индивидуальных огородов, предоставлялись сельхозинвентарь и семена.

Органы социального обеспечения укрепляли социальные отделы на местах квалифицированными работниками, которые в свою очередь регулярно проверяли работу по оказанию необходимой помощи, в случае необходимости выносили на обсуждение вопросы о состоянии помощи семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны на заседаниях вышестоящих органов власти. Благодаря усилиям отделов социального обеспечения они были освобождены не только от налогов на земельные участки, занятые под огороды, но и от обязательных госпоставок.

Все советские организации, оказывающие всемерную помощь в работе отделам по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, осознавали, что именно на них была возложена особо важная задача по охране интересов семей защитников Родины. Например, Наркомлегпром, Наркомместпром, Кирпромсовет, Коопинсоюз обеспечивали выполнение установленных планов производства и ремонта одежды и обуви и осуществление мер по организации дополнительной сети ремонтных и починочных мастерских в республике. В свою очередь Наркомсобес должен был на основе коренной перестройки своей работы гарантировать социальное обеспечение по протезированию и трудовому устройству инвалидов войны и обучению их профессиям. Острая проблема стояла и перед Наркомпросом по улучшению руководства детскими садами и детскими домами в республике, вовлечению в школы всех детей военнослужащих.

Инициатива учительства и советских организаций Сокулукского района, которые организовали горячие завтраки для детей военнослужащих с помощью колхозов и ремонт обуви школьникам, была одним из починов, которые развернулись во всех районах республики. Несмотря на тяжелое военное время, были использованы все возможности для оказания максимальной помощи семьям военнослужащих с целью улучшения их материально-бытового положения (обеспечение топливом, жильем, ремонт обуви и одежды, трудоустройство и т. д.).

Прокуратурой Киргизской ССР был установлен постоянный надзор за выполнением законов о порядке выдачи пособий и предоставлении установленных для семей военнослужащих льгот, виновные в нарушении законов привлекались к уголовной ответственности.

В целях более полного удовлетворения материально-бытовых нужд семей военнослужащих были разработаны практические мероприятия по увеличению производства в 1943 г. товаров широкого потребления, а также предпринимались все меры по расширению сети детских учреждений и улучшению их работы. Перед каждым человеком стояла задача защитить интересы семей военнослужащих, поскольку своевременная выдача им пособий и предоставление льгот, предусмотренных законом, повседневная забота об удовлетворении материально-бытовых нужд имели огромное военно-политическое значение и являлись важной частью заботы о Красной армии[1].

Придавалось особо важное значение вопросу улучшения медико-санитарного обслуживания инвалидов Отечественной войны и членов их семей.

В частности, с этой целью заведующим здравотделом г. Фрунзе были организованы внебольничная помощь (на базе физико-терапевтической лечебницы проводилось амбулаторное лечение инвалидов войны, нуждающихся в хирургической, ортопедической и физико-терапевтической помощи и лечебной физкультуре, по медицинским показаниям производилось бесплатное зубопротезирование), стационарная помощь (во всех отделениях городской клинической больницы выделялись палаты со специальным обслуживанием и питанием для инвалидов войны); через участковых врачей путем активного патронажа выявлялись и безотказно госпитализировались инвалиды войны, нуждающиеся в стационарном лечении, включая больных с нарушенным питанием[2].

Необходимо отметить, что Совет трудящихся Фрунзенского областного комитета КП(б) Киргизии проделал большую работу по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. К 1 ноября 1943 г. в области проживали 94 928 членов семей военнослужащих, из них 25 417 — эвакуированных; на 1 октября 1943 г. было выдано госпособий на 2 954 015 руб. Была проведена большая работа по наделению каждой семьи военнослужащих, в первую очередь эвакуированных, земельными участками под огороды. Так, только в одном Пролетарском районе г. Фрунзе в 1943 г. 3750 семейств военнослужащих получили индивидуальные огороды, было выдано более 5460 кг картофеля, 180 кг кукурузы на семена. Такая же работа проводилась во всех районах области. Всего была выделена земля под индивидуальные огороды 40 815 семьям военнослужащих, семян выдано 26 492 кг[3].

В целях оказания необходимой помощи семьям военнослужащих в области были проведены три декадника, в результате которых поступило 26 203 предмета одежды, 25 198 шт. белья, 11 562 пары обуви, около 172 т зерна, 825 т мяса, 56 ц масла, 944 т картофеля, 515 т овощей, 80 ц крупы и значительное количество других продуктов. Собрано 5 644 418 руб. Все это, наряду с государственным обеспечением, пошло на удовлетворение нужд семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны. Кроме того, на этот период было трудоустроено 29 580 членов семей военнослужащих, предоставлено 4960 квартир, отремонтировано 5119 квартир. Открыты 22 столовые, причем семь столовых — для детей фронтовиков. В детских яслях и садах находились 28 063 ребенка фронтовиков.

Значительная работа в этот период была проведена и в сфере здравоохранения. Сеть лечебных учреждений в области возросла: к концу 1943 г. здесь насчитывалось 38 больниц, 1315 коек. А всего действовало 49 лечебных заведений (2571 койка). В области функционировали 13 районных, две городские, одна межрайонная и одна областная санэпидемические станции, а также целая сеть других учреждений здравоохранения.

Большое внимание к вопросам народного здравоохранения партийных и советских организаций обеспечило то положение, что, несмотря на значительную скученность населения в г. Фрунзе, принятие значительного количества эвакуированного населения, серьезных фактов эпидемических заболеваний удалось избежать.

Бюро ЦК КП(б) Киргизии удалось перестроить работу советов в условиях военного времени. Так, например, Сары-Кубинским сельсоветом Ки-

ровского района была проведена большая работа по материальному обеспечению семей военнослужащих. Был создан актив сельсовета в составе 43 человек, работали постоянно действующие комиссии[4].

В годы войны комсомольские организации инициировали шефство над многодетными семьями фронтовиков с целью оказания им материальной и другой помощи. Например, первичная комсомольская организация колхоза «Янги-Маданият» Ошского района взяла шефство над одиннадцатью семьями военнослужащих. Комсомольцы собрали и выдали подшефным семьям 8836 руб., 245 кг зерна, 80 кг овощей, одного барана, белье и другие вещи, а также обеспечили их топливом, навели уют в квартирах и т. д.

Несмотря на это, обкому комсомола было предложено с 15 по 20 января 1943 г. провести комсомольские собрания во всех первичных комсомольских организациях колхозов, совхозов, предприятий и учреждений области с участием несоюзной молодежи с целью активизации участия комсомольцев и молодежи в оказании помощи семьям военнослужащих, а также во взятии шефства над многодетными семьями военнослужащих, в сборе средств, продовольствия, белья и других домашних вещей, в снабжении топливом, подготовке и проведении сева на индивидуальных огородах и других работ.

В соответствии с законодательством о госпособиях и пенсиях по Фрунзенской области за период с 1 марта 1943 г. по первое полугодие 1944 г. было выплачено госпособий семьям военнослужащих на 16772 тыс. руб., пенсий семьям погибших — 1806 тыс. руб. Из средств, поступивших от населения в фонд единовременной помощи (868 900 руб.), было выдано за этот же период особо нуждающимся семьям фронтовиков 508 тыс. руб. Для оказания помощи семьям военнослужащих в 1943 г. и первом квартале 1944 г. было собрано трудящимися области: зерна и картофеля — 807 ц, крупного рогатого скота— 37 голов, мелкого — 162 головы, значительное количество других продуктов питания. За счет выделяемых семьям военнослужащих 40 % фонда рыночных товаров с 1 марта 1943 г. по 1 мая 1944 г. было отпущено 5370 предметов одежды и 2522 пары обуви. Была оказана также помощь в ремонте обуви, особенно детской.

В 1944 г. для 8626 семей фронтовиков выделено под индивидуальные огороды 2018 га земли. Большинству из них оказана помощь по вспашке, а 2082 семьям выдано 25 210 кг разных семян. Кроме того, колхозники области к 20 мая засеяли сверх плана картофеля и зерновых культур в помощь семьям военнослужащих свыше 100 га. В 1943 г. 1770 семьям военнослужащих была предоставлена жилплощадь, для 158 семей отремонтированы занимаемые ими квартиры. В первом квартале 1944 г. дополнительно отремонтировано еще 906 квартир и расселены 102 семьи.

В период массовых работ в 1943 г., кроме постоянно действующих 14 детских яслей и девяти садов, были организованы семь сезонных детских яслей и 69 детских площадок. Указанными детскими учреждениями было охвачено 10 980 детей, преимущественно из семей военнослужащих. В порядке оздоровительных мероприятий летом 1943 г. для детей фронтовиков были открыты областной пионерский лагерь на 75 мест и столовая для школьников в г. Пржевальске на 300 человек. На оздоровительные мероприятия по линии гособеспечения было отпущено 90 тыс. руб.

За 1943 г. и первый квартал 1944 г. 1924 членам семей фронтовиков была предоставлена работа, до трехсот человек были обучены различным специальностям. Кроме того, большое число желающих устроились на работу самостоятельно.

Многие семьи были освобождены от уплаты сельхозналога (7624 хозяйства), других видов налога (21 767 членов этих семей), а в первом квартале 1943 г. от уплаты военного и прочих налогов были освобождены 21 963 человека. По госпоставкам в 1943 г. пользовались льготами 12 485 хозяйств, а в первом квартале 1944 г. — 10 711 хозяйств[5].

На страницах газеты «Советская Киргизия» (№ 215 от 27 октября 1944 г.) была опубликована статья, посвященная итогам декадника помощи семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны в г. Фрунзе. В статье говорилось, что в рамках декадника было собрано около 535 тыс. руб., почти 72 т продуктов, изготовлено 290 пар обуви, отремонтировано 260 квартир, 73 семьи переселены в лучшие жилища; завезено 540 куб. м торфа, 579 т угля, 146 т рисовой шелухи. Наилучшие результаты показал Первомайский район, собравший около 247 тыс. руб. и свыше 30 т овощей. Нарком совхозов и конный парк дали 7 т продуктов. Артист Киргосэстрады Гранин внес наличными 3 тыс. руб, и обязался ежемесячно выплачивать семье фронтовика Милихина 400 руб. Артист Галинберг обязался помогать семье уборщицы Рублевой, внося каждый месяц по 500 руб. В Свердловском районе Кираптекоуправление распределило между 211 семьями фронтовиков и четырьмя инвалидами около 80 тыс. руб. Большая помощь была оказана многодетным матерям Газибаевой, Петровой и Алимовой. Бригада жен фронтовиков (бригадир Евграфова) заготовила 920 снопов камыша, распилила 10 куб. м леса. Активную помощь в заготовке топлива оказала мать погибшего гвардейца-панфиловца Выхрест. Отцы фронтовиков Петренко и Редько вывезли на своем транспорте 31 куб. м торфа. Домохозяйки района работали на штабелевке и погрузке торфа[6]. В Пролетарском районе один из заводов доставил семьям фронтовиков около 300 т угля, отремонтировал 43 квартиры, выделил свыше 130 пар обуви, 50 телогреек и много других предметов одежды. На заводе им. Фрунзе семьи военнослужащих получили по 500 кг угля, около 19 тыс. руб., тонну картофеля, полтонны овощей. Во Фрунзе был открыт детский дом на 100 детей, отцы которых погибли на фронтах Отечественной войны.

Бюро ЦК КП(б) Киргизии обсуждал также вопросы о состоянии разбора жалоб военнослужащих и особом контроле органов прокуратуры Киргизской ССР. По итогам проверки принимались специальные решения и проводились конкретные мероприятия по улучшению работы с семьями военнослужащих. В ходе проверок, путем подворного обхода были выявлены и восстановлены в своих правах на получение госпособий 14 962 семьи военнослужащих, ранее не получавшие пособий и пенсий. Ранее незаконно обложенные 12 тыс. человек освобождены от уплаты военного налога на сумму 6,3 млн руб. Кроме того, 25 712 хозяйств, неправомерно обложенных обязательными поставками сельскохозяйственных продуктов, были от них освобождены.

В целях ознакомления всех работников отделов гособеспечения, председателей сельских советов, налоговых работников с существующими зако-

ноположениями о льготах и преимуществах семей военнослужащих были напечатаны на русском и киргизском языках и разосланы на места сборник законов и постановлений правительства общим тиражом 2500 экземпляров и памятка председателям сельсоветов по этим же вопросам в количестве 2,5 тыс. экземпляров.

За период с 1 апреля 1943 г. по 1 октября 1944 г. отделами по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих было выплачено госпособий в сумме 153,9 млн руб., пенсий 18 млн руб. В целом по республике в 1944 г. предоставлены льготы по военному налогу 15 550 гражданам, по сельскохозяйственному налогу — 67 546 хозяйствам на общую сумму 38,4 млн руб. Кроме того, освобождено от госпоставок сельскохозяйственных продуктов 82,3 тыс. хозяйств семей военнослужащих.

В целях оказания материальной помощи семьям военнослужащих трудящимися республики за 1943 и 1944 гг. собрано: денежных средств — 12,1 млн. руб., сельскохозяйственных продуктов — 1061 т, разных вещей — 134 тыс. предметов, крупного и мелкого скота — 6600 голов. Оказана помощь деньгами 52 800 семьям, продуктами питания — 48 300 семьям, вещами — 70 тыс. семьям, выдано скота свыше 6100 семьям. Кроме того, для оказания помощи особенно нуждающимся многодетным семьям военнослужащих колхозы передали во временное пользование свыше 12 тыс. голов дойного скота (коров и коз).

В 1943–1944 гг. семьям военнослужащих было предоставлено свыше 17,5 тыс. квартир, отремонтировано 32,6 тыс. квартир. Заготовлено и выдано разного топлива (дров, курая, кизяка, торфа и др.): в 1943 г. — 562 тыс. кубометров, на 1 октября 1944 г. — 286,6 тыс. кубометров.

В 1943 г. имели индивидуальные и коллективные огороды 109,8 тыс. семей военнослужащих, а в 1944 г. — 132,7 тыс. семей. Колхозами, советскими и хозяйственными организациями оказывалась помощь в обработке посевов индивидуальных участков и выделении семян. В 1944 г. была оказана помощь семенами 5508 семьям военнослужащих[7].

Отделами по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, а также органами народного образования и здравоохранения в 1944 г. было направлено в детские учреждения (детсады, ясли, детплощадки) 33 678 детей фронтовиков. Устроены в детские дома системы Наркомпроса 2232 человек, патронированы и усыновлены трудящимися 1283 сироты. Для слабых здоровьем детей фронтовиков организованы молочные кухни и специальные детские столовые, в которых питались 26 284 ребенка[8]. В период летней оздоровительной кампании направлены в санатории, дома отдыха, детплощадки санаторного типа и пионерские лагеря 16 329 детей. Кроме того, в летний период в колхозах были организованы детские учреждения с охватом 43 950 детей фронтовиков. Патриотическое движение населения по оказанию помощи семьям фронтовиков проявлялось в самых различных формах. По своей инициативе колхозники Джалал-Абадской области своими силами и средствами организовали семь колхозных детских домов (Базар-Курганский, Ачинский, Ленинский районы). Старики-колхозники для обеспечения детей одеждой, бельем и постельными принадлежностями сами напряли и выткали 11 100 м ткани[9]. По примеру колхозников Джалал-Абадской области в 1944 г. были организованы

22 колхозных детских дома в районах Ошской области с охватом 376 детей фронтовиков — сирот. Комсомольские организации республики создали 813 тимуровских команд с охватом 8696 пионеров и школьников, которые оказали помощь более 2000 семьям фронтовиков в заготовке дров, обработке огородов, ремонте помещений, в присмотре за детьми и т. д.

Партийные и советские организации республики обращали особое внимание на максимальное привлечение трудоспособных членов семей военнослужащих к работе в промышленности и сельском хозяйстве. Только 1943 г. были направлены на работу 19530 человек, на учебу — 1432, кроме того, вовлечены в надомный труд 6844 человека. Для трудоспособных членов семей военнослужащих было организовано производственное обучение.

Таким образом, можно отметить, что оказание помощи семьям фронтовиков было одной из значимых ежедневных задач каждого советского человека. Да, о Великой Отечественной войне написано много. Не только о военных действиях на передовой, но и о той борьбе, которая велась глубоко в тылу. Но есть страницы истории Великой Отечественной войны, которые мало освещены и требуют изучения. И одной из таких страниц является социальная защита семей фронтовиков

Примечания

[1] О мерах улучшения работы советских органов по оказанию помощи семьям военнослужащих : Постановление VI сессии Верховного Совета Киргизской ССР от 22 марта 1943 г. №162 // ЦГАКР. Ф. 350. Оп 1. Д. 502. Л. 29–32 ; Оп. 1. Д. 1. Л. 30 — 30 об. Подлинник.

[2] Об улучшении медико-санитарного обслуживания инвалидов отечественной войны и их семей : решение Фрунзенского городского Совета депутатов трудящихся от 23 декабря 1943 г. № 162 // ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 502. Л. 29–32.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Семьи фронтовиков // ЦГАКР. Ф. 56. Оп. 3. Д. 1457. Л. 50–61. Подлинник.

[6] Решение Фрунзенского городского Совета депутатов трудящихся 1943 г. № 162…

[7] Всей силой окажем помощь // ЦГАКР. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 110. Л. 3–5. Подлинник.

[8] О выполнении Постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи военнослужащим» по Киргизской ССР : отчетный доклад КП(б) Киргизии // ЦГАКР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 502. Л. 29–32.

[9] Там же.

Г. Амирбек кызы

Значение открытия филиала Академии наук СССР в Киргизии

Рассматриваются предпосылки открытия Киргизского филиала Академии наук СССР (КирФАН) в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено организационной работе КирФАНа, а также изучению его вклада в развитие киргизской науки и формированию научных кадров.

Ключевые слова: *Академия наук СССР, Киргизский филиал, Совнарком, Президиум, Совет народных комиссаров, ЦК КП(б), Великая Отечественная война, постановление, наука, ученый, академик.*

Одной из актуальных проблем исторической науки современного Кыргызстана является всестороннее и глубокое изучение истории становления национальной интеллигенции в области науки и культуры. Особое место в этом направлении занимает открытие Киргизского отделения Академии наук СССР в суровые годы Великой Отечественной войны. Его создание внесло значительный вклад в развитие киргизской науки, подготовку научных кадров и политическое, социально-экономическое и культурное развитие республики.

В 2023 г. научная общественность Кыргызстана отмечает 80-летие образования Национальной академии наук республики. История главного научного центра страны начинается с открытия Киргизского филиала Академии наук СССР. Оно явилось знаменательной вехой и событием национального масштаба, ибо за десятилетие филиал целенаправленно сконцентрировал научные силы страны, создавая предпосылки для развития отечественной науки. Становление, формирование и развитие науки и научных исследований Кыргызстана освещены в трудах К. Каракеева[1], С. К. Керимбаева[2], Н. В. Нурманбетова[3], В. М. Петровец[4] и др.

Эвакуация видных ученых и деятелей искусства из российской столицы способствовала развитию науки и значительному росту научного потенциала республики. Как известно, научные открытия в области военной промышленности сыграли немаловажную роль в ускорении победы над фашизмом. В свою очередь и киргизские ученые принимали активное участие в разработке важных проектов того времени, внесли свой вклад в борьбу с фашизмом.

Решение Академии наук СССР об открытии 5 января 1943 г. Киргизского филиала Академии наук СССР во Фрунзе на базе эвакуированных из центра институтов и республиканских научно-исследовательских учреждений явилось важным событием в научной жизни республики[5]. Еще в 1938 г. ЦК КП(б) и Совнарком Киргизской ССР обратились с письмом в Президиум Академии наук СССР с просьбой открыть в столице Киргизский филиал АН СССР[6]. 17 марта 1940 г. руководство республики приняло Постановление № 315 «Об открытии Киргизского филиала Академии наук СССР»[7]. Во исполнение данного решения в марте 1940 г. создана специальная комиссия для изучения возможности открытия в Киргизии филиала АН СССР. Комиссия, возглавляемая академиком Г. С. Струмилиным, внимательно изучив наличие достаточной материальной базы и необходимого для успешной работы количества квалифицированных ученых-специалистов, дала заключение о целесообразности открытия республиканского филиала АН СССР.

Советское правительство и АН СССР приняли это предложение. Однако внезапно начавшаяся войны отодвинула открытие научного филиала до 1943 г. Все это время функции филиала АН СССР выполнял Научный комитет при СНК Киргизской ССР, созданный в середине 1925 г.[8] 5 января 1943 г. СНК СССР и Президиум АН СССР подписали совместное Постановление № 8 «Об открытии Киргизского филиала Академии наук СССР» (на базе институтов и республиканских научно-исследовательских институтов, переведенных во Фрунзе)[9]. Решением Президиума АН СССР для подготовки к открытию филиала была создана специальная комиссия под председательством академика А. Н. Баха. Членами комиссии являлись известные советские ученые академики А. А. Борисяк и Я. М. Завадский, члены-корреспонденты АН СССР Д. М. Наливкин, Х. Коштоянц, С. Е. Малов и ученый секретарь Б. Митрейкин[10]. В середине апреля 1943 г. комиссия завершила свою работу, а 21–23 июня Президиум АН СССР утвердил структуру Киргизского филиала, состав его президиума, председателя и заместителя председателя, совет филиала, штатное расписание и положение о работе института[11].

15 июня 1943 г. в соответствии с Постановлением № 256/1 СНК Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии председателем филиала стал академик К. И. Скрябин, первым заместителем — Э. Шукуров, вторым заместителем — В. Массино, директором Института языка, литературы и истории — А. Токомбаев, директором Института геологии — П. К. Чихачев, директором Института химии — В. П. Вендт, заведующим лабораторией Института биологии А. А. Любищев, профессор П. В. Власенко избран ученым секретарем[12]. Торжественное открытие филиала состоялось 13 августа 1943 г. в парке им. И. В. Панфилова. В церемонии приняли участие президент АН СССР академик В. Л. Комаров, видные советские ученые: академики А. Н. Бах, А. А. Борисяк, И. И. Мещанинов, члены-корреспонденты С. Е. Малов, В. М. Жирмунский, профессора В. А. Энгельгардт, Б. Массино, партийные и государственные деятели и др.[13] Президент АН СССР академик В. Л. Комаров в своем выступлении сказал: «Грохот пушек не заглушит в нашей стране голоса науки, напротив, наука вдохновляет наших ученых на патриотизм и служение социалистической Родине. Киргизский филиал может стать центром научной мысли республики, а вклад киргизских ученых в дальнейшее развитие экономического и культурного уровня, а также

в обогащение научной сокровищницы Советского Союза в целом будет увеличен»[14]. Открытие Киргизского филиала АН СССР явилось ярким проявлением заботы советского правительства по развитию науки в национальных республиках.

С целью укрепления филиала отделение биологии АН СССР в полном составе было направлено в Киргизию. В него влились все структурные подразделения КирФАНа: институты геологии, биологии, химии, языка, литературы и истории, восемь отдельных секторов, 17 лабораторий, экономико-географическая группа, Ботанический сад, Национальный музей культуры и научная библиотека[15]. Внутри Института геологии были группы по изучению ртути, сурьмы и минеральных кормов, в Институте биологии — отделы по ботанике и зоологии, в Институте химии — лаборатории неорганической, органической, аналитической, физической химии, в Институт языка, литературы и истории — секторы истории, языка, литературы и фольклора[16]. Ученые центра совместно с киргизскими исследователями за короткий срок провели важные исследования в различных областях науки.

В момент открытия в филиале работали 158 научных сотрудников, в том числе один академик, один член-корреспондент АН СССР, 12 докторов наук, 22 кандидата наук и 50 младших научных сотрудников[17]. Их силы и научно-исследовательские проекты были нацелены на решение задач военного времени. Для претворения в жизнь поставленных задач в течение года Киргизским филиалом было организовано 19 научных экспедиций, в том числе семь геологических, восемь биологических, одна химическая, две археологические и одна фольклорная.

Вскоре научные изыскания начали давать первые результаты. В 1944 г. геологи создали геологическую и гидрогеологическую карты Киргизстана и приступили к составлению геологического учета южной части территории республики. Под руководством В. И. Смирнова были завершены исследования по определению запасов ртути, имеющей стратегическое значение в условиях войны. К геологическим изысканием привлекались студенты со старших курсов Киргизского педагогического института[18]. В 1941–1944 гг. под руководством известного ученого В. А. Николаева была организована 321 экспедиция в Киргизстан, выявлено 110 месторождений цветных металлов, 71 — угля и нефти, а также 8 — металлов. В целом в стране были обнаружены залежи 20 полезных ископаемых в том числе ртути, сурьмы, вольфрама и др., которые имели огромное стратегическое значение для страны[19].

Во время войны люди страдали от различных заболеваний из-за нехватки белков и жиров. Особенно была высока потребность в витамине С (аскорбиновой кислоте). Для решения проблемы группа под руководством академика Института биохимии и микробиологии А. Н. Баха разработала предложение о получении витамина из грецких орехов. За короткое время введен в строй завод, который ежегодно выпускали продукцию на 500 млн человек. Для обеспечения завода сырьем ежегодно собирались орех и шиповник. Продукция, произведенная на заводе, широко использовалась в военных госпиталях, поликлиниках, а также в домашних условиях — для повышения иммунитета детей и укрепления здоровья взрослого населения[20].

Институт химии во главе Н. Сытым, изучив физические и химические свойства минералов, солей, угля и редких металлов, разработал новый метод взрывных работ.

В Институте биологии проводились работы по расширению Ботанического сада, а также по подготовке материалов для создания обобщающего труда «Флора Киргизской ССР». Зоологический сектор института проводил экспериментальные работы по борьбе с сельскохозяйственными вредителями и по содержанию овец и коров в высокогорных условиях. Также сотрудники института осуществили мониторинг более 2 млн га горных пастбищ и создали карту геоботанического обследования[21].

Представители общественных наук вели исследовательские работы, направленные на повышение патриотизма, любви к Родине и укрепление пролетарского интернационализма в стране. Активно проводили агитационную работу среди населения.

Институт языка, литературы и истории сосредоточил внимание на изучении орфографии и синтаксиса киргизского языка, анализе содержания эпоса «Манас» и написании учебников и монографий по истории Киргизстана. Была создана специальная комиссия по сбору и подготовке к публикации документов и материалов по истории Великой Отечественной войны. В 1943 г. опубликована брошюра А. Н. Бернштама «Материалы по истории Киргизии в дни Великой Отечественной войны». В 1944 г. К. Х. Карасаев, Д. Ш. Шукуров и К. Юдахин совместно издали первый русско-киргизский словарь. Под руководством И. А. Батманова была разработана научная грамматика киргизского языка. В 1945 г. под руководством К. Карасаева началась работа по написанию толкового словаря киргизского языка. Успешно продолжалась работа по сбору и изучению различных версий эпоса «Манас»[22].

В последние годы Великой Отечественной войны в Киргизском филиале АН СССР были проведены важные исследования. Так, масштабные работы по строительству гидроэлектростанций выполнены сотрудниками лаборатории взрывных технологий Института химии. Под руководством И. В. Выходцевой составлена карта пастбищ Восточной Ферганы и Западного Тянь-Шаня, проведены геоботанические исследования кормов.

Председатель Киргизского отделения АН СССР К. И. Скрябин, обобщая результаты научных исследований, проведенных до 1946 г., отметил, что геологические исследования дали большие результаты. Обширные геологические исследования показывают, что в то время Киргизстан был крупнейшим производителем сурьмы и ртути в Союзе. К. И. Скрябин отметил, что историки также провели важные исследования. На основе письменных и материальных источников, собранных до 1946 г., коллектив приступил к написанию четырехтомного труда «История Киргизии», подготовлен к изданию однотомный труд «История Киргизской ССР» и впервые разработан историко-географический атлас.

Киргизские лингвисты также проделали значительную работу, подготовив к изданию учебники киргизского языка[23].

Таким образом, открытие Киргизского филиала АН СССР открыло новые возможности для дальнейшего развития науки в республике. Он внес существенный вклад в подготовку отечественных ученых в различных

областях науки, проводил обширные исследования, направленные на выполнение заказов военного времени, а также, являясь главным научным центром, сыграл большую роль в становлении национальной интеллигенции в послевоенное время.

Ныне Национальная академия наук Кыргызстана многими нитями связана со всей системой научных исследований и высшего образования страны. За 80 лет республика сумела взрастить мощное, уникальное древо академической науки, которая принесла замечательные плоды для народа, изменила облик нашей страны и остается опорой для Кыргызстана во всех основополагающих делах.

Примечания

[1] Каракеев К. К. Великий Октябрь и наука Киргизстана. Фрунзе, 1977 ; Он же. Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1974.

[2] Керимбаев С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Фрунзе, 1980.

[3] Нурманбетов Б. Н. Трудящиеся города Фрунзе в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1990.

[4] Петровец В. М. Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Фрунзе, 1969.

[5] Керимбаев С. К. Указ. соч. С. 163.

[6] Петровец В. М. Указ. соч. С. 65.

[7] Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[8] Каракеев К. К. Академия наук Киргизской ССР. С. 29–30.

[9] Национальной акамедии наук Кыргызской Республики — 50 лет / под ред. Ж. Ж. Жээнбаева ; НАН КР. Бишкек : Илим, 2005. С. 5.

[10] Петровец В. М. Указ. соч. С. 67–68.

[11] Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–28.

[12] Национальной акамедии наук Кыргызской Республики — 50 лет. С. 6.

[13] Каракеев К. К. Академия наук Киргизской ССР. С. 32.

[14] Речь президента Академия наук СССР академика В. Л. Комарова // Известия Киргизского филала Академия наук СССР. Вып. 1. Фрунзе, 1945. С. 16.

[15] Керимбаев С. К. Указ. соч. С. 163.

[16] Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

[17] Нурманбетов Б. Н. Указ. соч. С. 103.

[18] Каракеев К. К. Великий Октябрь и наука Киргизстана. С. 34.

[19] Известия Киргизского филала Академия наук СССР. Вып. 2–3. Фрунзе, 1945. С. 115–116.

[20] Керимбаев С. К. Указ. соч. С. 162.

[21] История Киргизской ССР : в 2 т. Т. 2. Фрунзе, 1973. С. 555.

[22] Петровец В. М. Указ. соч. С. 90–91.

[23] Каракеев К. К. Академия наук Киргизской ССР. С. 36–37.

Р. Абулхаев

Наука Таджикистана в годы Великой Отечественной войны

На основе достоверных материалов рассматривается процесс развития всех отраслей науки в Таджикистане в годы войны. Анализируется вклад научных учреждений республики в переустройство народного хозяйства в соответствии с нуждами тыла и действующего фронта. Подробно рассматривается деятельность Таджикского филиала АН СССР в годы Великой Отечественной войны, приводятся конкретные результаты работы ученых.

Ключевые слова: *наука, Таджикистан, Таджикский филиал АН СССР, естественные науки, гуманитарные науки, медицина, подготовка кадров, ученый, научные учреждения*.

В начале 1940-х гг. возникла весьма важная проблема — реорганизация Таджикской базы в филиал Академии наук СССР. Совет народных комиссаров Таджикской ССР после всестороннего анализа деятельности базы в мае 1940 г. принял специальное постановление «О работе Таджикской базы Академии наук СССР». В нем, в частности, отмечалось следующее: «Учитывая значительный рост научных работ, реорганизовать Таджикскую базу в Таджикский филиал Академии наук»[1]. Для ознакомления с работой Таджикской базы Комитет по филиалам и базам АН СССР направил в Таджикистан специальную комиссию. В июне 1940 г. на заседании комитета был заслушан доклад председателя комиссии академика С. Г. Струмилина о результатах изучения работы Таджикской базы. Было решено: «…просить Президиум АН СССР удовлетворить ходатайство СНК Таджикской ССР о реорганизации Таджикской базы в Таджикский филиал АН; поручить директору базы академику Е. Н. Павловскому подготовить вопрос о направлении научной деятельности Таджикского филиала АН с учетом потребностей народного хозяйства и культуры Таджикской ССР»[2]. В состав организованного в 1941 г. Таджикского филиала вошли первые научно-исследовательские институты (геологии, ботаники, зоологии и паразитологии, истории, языка и литературы), а также Сталинабадская астрономическая обсерватория, Вахшская почвенно-мелиоративная станция и ряд других учреждений. В дальнейшем были созданы институты животноводства (1944) и химии (1945)[3]. В трудное для страны время советская наука перестраива-

лась в соответствии с нуждами тыла и фронта, подчиняя всю свою работу основной цели — максимально содействовать быстрейшему разгрому врага. Решая эту трудную задачу, ученые Таджикистана внесли посильный вклад в советскую науку в условиях того периода.

Программой деятельности научных коллективов республики в годы войны стало Постановление СНК Таджикской ССР от 1 сентября 1941 г. «О перестройке работы Таджикского филиала Академии наук СССР». В нем отмечалось, что Таджикский филиал АН СССР проделал значительную работу по реорганизации научно-исследовательских учреждений, завершению ряда важных в народнохозяйственном отношении работ (изучение Челатинского месторождения, Рамитского горнорудного района, освоение засоленных перелогов, издание учебников таджикского языка и т. д.). Намечая конкретные задачи для научных учреждений филиала, правительство республики нацеливало их на необходимость внедрения в производство результатов деятельности. Особое внимание уделялось развертыванию поисковых работ на молибден, вольфрам и других руд, выявление месторождений нефти. Были также определены задачи в области зоологии и паразитологии, ботаники и хлопководства[4]. Специализация в изучении производительных сил республики с целью их эффективного использования вызывала необходимость организации новых научных учреждений. Так, созданный в 1944 г. на базе соответствующего отдела Института зоологии и паразитологии Таджикского филиала АН СССР (ТФ АН СССР) Институт животноводства должен был заниматься вопросами повышения продуктивности местного скота и улучшения кормовой базы. Организация в 1945 г. Института химии была вызвана необходимостью углубленного изучения сырьевых ресурсов Таджикистана и их использования в промышленности.

Число научных учреждений в республике возросло также за счет эвакуированных из Ленинграда Зоологического института, Мурманской и Севастопольской биологических станций АН СССР[5]. Таджикской ССР с ее богатейшими природными ресурсами в дни войны отводилась важная роль в снабжении промышленности цветными металлами, углем, нефтью, а армии и населения — продовольствием, что заставляло интенсифицировать исследования во всех отраслях науки. Решению новых задач, вызванных военной обстановкой, и посвящали свои знания и опыт ученые ТФ АН СССР[6].

В годы войны научно-исследовательская деятельность ученых ТФ АН СССР велась в двух направлениях — по естественным и общественным наукам. Научно-исследовательская работа представителей естественных наук была направлена на поиск новых месторождений полезных ископаемых, мобилизацию сырьевых ресурсов для нужд промышленности, а также выявление способов и путей повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, борьбу с сельхозвредителями и т. д. Для скорейшего решения этих задач устанавливались тесные контакты научных учреждений с соответствующими наркоматами и предприятиями, организовывались квалифицированные консультации для работников сельского хозяйства, силами ученых и производственников проводились совместные научно-технические работы[7]. Ученые-обществоведы посвящали свои научные труды воспитанию у людей чувства патриотизма,

всестороннему анализу героического прошлого таджикского народа, разоблачению фашистской идеологии.

Уже в первые годы войны были пересмотрены общие планы и методы научно-исследовательских работ всех институтов, отделов ТФ АН СССР, и главные силы и средства направлены на исследования, которые имели оборонное значение. На первый план были выдвинуты задачи поиска стратегического сырья, новых лекарственных растений, обогащения витаминами продуктов питания, разработки рекомендаций научно обоснованных практических предложений по увеличению производства растительного, животного сырья в помощь работникам сельского хозяйства. В условиях войны все эти проблемы решались совместными усилиями ученых республики и эвакуированных сюда научных учреждений при ведущей роли последних. Материальные и финансовые возможности для осуществления всего комплекса научных поисков в этот период были значительно ограничены. Однако сокращение финансирования не повлияло отрицательно на тематику научных исследований. Так, если план исследовательских работ филиала на 1941 г. включал 73 проблемы, то план 1942 г. охватывал уже 81 тему[8]. В разгар войны, при максимально ограниченных финансовых возможностях, важнейшие вопросы развития науки и подготовки научных кадров в республике постоянно были в центре внимания партийной организации и правительства Таджикистана. Успехи в этом деле в условиях военного времени способствовали укреплению оборонной и наступательной мощи Красной армии, развитию военной и других отраслей промышленности, открывали перспективы послевоенного развертывания научно-исследовательских работ по главным направлениям науки.

В феврале и апреле 1944 г. на бюро ЦК КП(б) Таджикистана обсуждался вопрос «О командировании товарищей в докторантуру и аспирантуру при АН СССР» и было выдвинуто 15 кандидатур, в том числе в докторантуру — 3 человека, в аспирантуру — 12. За четыре года, с 1941 по 1944-й, доля докторов и кандидатов наук в общем числе научных работников филиала возросла с 34 до 42 %. В то же время численность научных работников за эти же годы практически не изменилась. Практически стабильной оставалась численность младших научных сотрудников[9].

С учетом военного времени перестраивали свою работу кафедры Таджикского медицинского института, Душанбинского и Ленинабадского пединститутов, Таджикского сельскохозяйственного института. К концу 1941 г. определились основные направления исследований научных учреждений и вузов республики. Один из главных научных учреждений ТФ АН СССР — Институт геологии, перестраивая свою работу на военный лад, вел поиски месторождений редких металлов, топлива, соли и изыскивал возможности их разработки и эксплуатации. Институт ботаники акцентировал внимание на поиске новых видов растительного сырья. Институт зоологии и паразитологии направлял усилия на изучение вредителей культурных растений республики. Вахшская почвенно-мелиоративная станция изучала способы использования местных удобрений. Начиная с сентября 1941 г. тематический план научных исследований и ежегодные отчеты о их выполнении рассматривались и утверждались Совнаркомом республики[10].

В первые же месяцы войны в Таджикистане начались усиленные поиски свинца и сурьмы, а также месторождений редких металлов — вольфрама, молибдена. В целях координации работ по выявлению сырьевых ресурсов для предприятий оборонной промышленности Президиумом АН СССР в 1942 г. была создана специальная комиссия по редким металлам. В 1941 г. В. М. Бирюковым была определена промышленная ценность известного вольфрамового месторождения Чорух-Дайрон в горах Моголтау. В 1943 г. И. К. Никитин (Институт геологии) установил рудные точки железа, вольфрама, меди, свинца и цинка в Хаитском и Джиргитальском районах. Усилиями ученых были определены новые промышленные запасы цветных и редких металлов. Это обеспечило «большой рост добывающей промышленности в течение войны»[11].

В годы войны резко сократился завоз в Таджикистан топлива и особенно угля из других районов Союза ССР. Для обеспечения топливом промышленных предприятий республики и населения геологи активно вели работу по выявлению и вводу в эксплуатацию новых месторождений угля, нефти, горючих сланцев и торфа. Началась разработка Зиддинского, Ташкутанского и других угольных месторождений. Новые шахты были заложены в Шурабе. Выявлены крупные Раватское, Киштут-Завранское и Захматабадское (ныне Айнинское) месторождения угля. К 1945 г. объем угледобычи в Таджикистане достиг 243,6 тыс. т — почти на 40 тыс. т, больше, чем в 1940 г., и в 15 раз больше, чем в 1928 г.[12]

Ученые-геологи направляли свои усилия на поиск молибдена, вольфрама, свинца, олова и других известных и редких руд и металлов, остро необходимых оборонной промышленности, на установление новых топливных месторождений, апробацию соляных месторождений, поиск минеральных удобрений, местных глин и др. Геологи И. К. Никитин, Е. Д. Карпов, В. М. Бюроков, В. П. Пнёв, А. П. Недзвецкий, П. Д. Виноградов, С. А. Захаров, А. Б. Коровников и другие открывали новые месторождения, определяя промышленные запасы различных руд и металлов, устанавливая рудные точки железа, свинца, меди, цинка в Хаитском и Джиргитальском районах[13]. Благодаря плодотворной работе геологов, их изысканиям рудники Чорух-Дайрон, Масриф, Табошары, Такели, Кансой, Такоб стали поставлять важное сырье для оборонной промышленности во все возрастающих объемах. Так, добыча вольфрама и олова в 1944 г. по сравнению с 1940 г. увеличилась в десять раз. Кроме того, были получены хорошие результаты на Памире по добыче пьезокварца, был найден флюорит[14]. В результате геологических работ в районе р. Сардаи-Миёна на южном склоне Гиссарского хребта в течение 1940–1941 гг. были открыты ряд перспективных залежей меди, мышьяка, свинца и цинка, медно-мышьяковое месторождение Дашти-Мазор, мышьяковое месторождение Дараи-Сарой, свинцово-цинковое месторождение в ущелье Хунукхона.

Геологическим институтом был проведен ряд работ по разрешению топливной проблемы. В частности, в 1941 г. были проведены предварительная разведка Каратауского месторождения горючих сланцев, поиск новых месторождений в Фархарском, Кангуртском и Бальджуанском районах. В Фархарском районе (Кара-Тау) был прослежен пласт горючих сланцев толщиной 25–40 см на расстоянии 18 км. В Кангуртском районе разведан

пласт протяженностью около 2 км при толщине 32 см. Ввиду острого недостатка топлива в Южном Таджикистане и сравнительной легкости разработки горючего сланца результаты этой разведки были весьма ценными для местной промышленности[15].

Серьезные исследования проводились сотрудниками Душанбинской обсерватории. За годы войны ими был собран материал по метеорной астрономии, составлен единственный в мире каталог телескопических метеоров. Сотрудники Института геологии изучили ряд важных научных проблем по геологическому строению и месторождениям полезных ископаемых Таджикистана. Ценные исследования были проведены С. И. Ильиным в 1937–1944 гг. по вопросам генезиса нефти и нефтегазоносности мезо-кайнозойских комплексов Средней Азии. Важные исследования в годы войны проводил Институт ботаники ТФ АН СССР, созданный в 1941 г. на базе ботанического сектора бывшей Таджикской базы АН СССР в составе 26 научных сотрудников (среди них были пять кандидатов наук). Основными направлениями в работе Института ботаники в годы войны были изучение растительности Таджикистана и определение новых видов лекарственных растений, путей развития плодоводства и овощеводства, хлопчатника, садоводства и лесоводства, создания естественной кормовой базы животноводства. Сотрудники Памирского ботанического сада успешно трудились над проблемой выявления источников витаминного сырья. Была доказана эффективность возделывания ряда сортов персика, абрикоса, винограда. Сотрудники сада занимались исследованиями новых растительных красителей, необходимых для нужд текстильной промышленности. Проблемы развития плодоводства в горных районах Таджикистана разрабатывались, помимо Памирского ботанического сада, и на Варзобской горно-ботанической станции. Опытные работы А. В. Гурского на Западном Памире способствовали выращиванию винограда и ряда других ценных культур в высокогорье. Энтомолог А. Е. Семенов проводил в Гиссарской долине исследования вредителей плодовых насаждений и разрабатывал меры борьбы с ними. Грибковые заболевания плодовых и овощных культур изучали профессор В. Ф. Купревич и научный сотрудник А. П. Синицина. А. И. Карпова была занята в Пахтаабадском районе изучением вредителей новой для республики культуры — герани[16].

Задел, созданный в зоологической науке республики ко времени реорганизации Таджикской базы в филиал АН СССР в 1941 г., свидетельствовал о том, что сектор зоологии и паразитологии превратился во вполне созревшее научное учреждение. В январе того года сектор был преобразован в самостоятельный Институт зоологии и паразитологии. В годы войны расширились зоологические исследования, в которых приняли активное участие научные сотрудники Зоологического института АН СССР, эвакуированного в республику весной 1942 г. Совместно с Наркомздравом и Наркомземом Таджикской ССР, Институтом зоологии и паразитологии ТФ АН СССР, Институтом малярии и медицинской паразитологии республики Зоологический институт АН СССР успешно сочетал решение научных вопросов с оказанием конкретной помощи производству в здравоохранении, земледелии, животноводстве и ветеринарии. Коллектив Зоологического института АН СССР под руководством академика Е. Н. Павловского в трудных

условиях эвакуации выполнял важные научные исследования в области специфических вопросов сельского хозяйства, здравоохранения, животноводства Таджикистана, результаты которых были переданы заинтересованным организациям и частично внедрены в производство. Зоологический институт АН СССР оказывал конкретную помощь в работе Институту зоологии и паразитологии ТФ АН, Институту малярии и медицинской паразитологии Таджикской ССР и др., консультировал по ряду научных и производственных вопросов Наркомзем, Наркомздрав, Наркомпищепром и другие учреждения и ведомства республики[17]. Учеными-зоологами и паразитологами ТФ АН СССР были организованы в 1941–1943 гг. экспедиции в Иран и Ирак для изучения эпидемических болезней и их особенностей в этих странах и оказания практической помощи специалистам в лечении больных. Обобщая результаты этих экспедиций и сопоставляя их с материалами экспедиционных исследований в Таджикистане, Е. Н. Павловский издал книгу «Ядовитые животные Средней Азии и Ирана» и другие работы по этому направлению, в которых большое внимание уделялось вопросам профилактики и лечения больных, пострадавших от ядовитых животных[18].

Научные сотрудники сектора животноводства Института зоологии и паразитологии Таджикского филиала АН СССР оказывали научную помощь колхозам и совхозам в увеличении поголовья скота и повышении его продуктивности, в создании прочной кормовой базы. В 1944 г. с увеличением масштабов работ, а также в связи с большими задачами по изучению местного рогатого скота, кормодобывания, развития транспортного животноводства и племенной работы на базе сектора животноводства Института зоологии и паразитологии ТФ АН СССР в республике был создан Институт животноводства[19].

В годы войны значительную исследовательскую работу вели ученые-медики Таджикистана по изысканию новых способов, средств и методов лечения. В мае 1942 г. в республике было создано научно-медицинское общество, которое помогало органам здравоохранения в осуществлении лечебной и профилактической работы. Оно организовывало популярные медицинские лекции для населения городов и кишлаков, проводило научные и практические конференции врачей, разнообразные мероприятия по повышению квалификации сельских медработников[20].

Военная обстановка изменила направление научных исследований обществоведов, которые посвящали свои труды воспитанию патриотизма, показу героического прошлого таджикского народа, разоблачению фашистской идеологии. В изданной в 1944 г. книге Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины» ученые ярко отразили исторические этапы освободительной борьбы таджикского народа с иноземными захватчиками. Был издан сборник статей «Материалы по истории таджиков и Таджикистана» (1945), в котором освещались отдельные вопросы исторического прошлого таджикского народа. Литературоведы Таджикистана публиковали материалы, в которых приводились крылатые фразы классиков таджикско-персидской литературы о любви к Родине, своему краю, самоотверженной борьбе с захватчиками[21]. Крупнейший ученый-востоковед, известный литератор С. Айни написал два исторических очерка — «Восстание Муканны» и «Тимур-Малик — герой

таджикского народа», — в которых воссоздал образы сыновей таджикского народа, боровшихся против арабских и монгольских завоевателей. Большое воспитательное значение имел подготовленный в Институте истории языка и литературы ТФ АН СССР сборник фольклорных материалов «Отражение борьбы таджикского народа и ненависти к врагам Родины в устном народном творчестве»[22]. В 1941 г. вышла из печати работа Л. Бузург-заде и О. Джалолова «Отражение восстания Восе в таджикском фольклоре». В 1943 г. в Институте истории языка и литературы выполнялись работы по следующим темам: «Героические предки таджикского народа» (исполнители Б. Гафуров и Н. Прохоров), «Таджикский народ в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» (Н. Прохоров и Н. Черняховский), «Образ героя Отечественной войны в таджикской литературе» (Б. Сирус). В первые годы войны научные сотрудники того же института Н. Ершов, Х. Юсуфи, А. Розенфельд и Дж. Икроми подготовили к изданию «Военный русско-таджикский словарь», в который вошло около 4000 слов[23].

В сложный военный период в Таджикистане не были приостановлены экспедиционные работы. Научные экспедиции поискового характера проводили геологи, биологи, специалисты сельского хозяйства. Во время экспедиций изучались возможности получения растительного сырья для фармакологии, различных отраслей промышленности. Ряд экспедиций посвящались вопросам медицинской и ветеринарной паразитологии. Велись исследования и по сбору этнографического и фольклорного материала. В экспедициях принимали участие институты АН СССР и ТФ АН СССР, среднеазиатские комитеты и ведомства, научные учреждения, эвакуированные в Таджикистан из временно оккупированных врагом западных областей страны. В 1943 г. М. С. Андреев возглавил этнографическую экспедицию в Горно-Бадахшанскую автономную область[24]. Результаты этой и предыдущих этнографических экспедиций академика были обобщены в двухтомном труде «Таджики долины Хуф».

В Таджикистане велась целенаправленная работа по подготовке научных кадров. К 1941 г. в республике уже работали пять докторов и 22 кандидата наук. В их числе были кандидат исторических наук З. Раджабов, доцент А. Богоутдинов, кандидат химических наук Л. Раджабов, кандидаты филологических наук Б. Ниезмухамедов и О. Джалолов. Сорок восемь человек в это время проходили научную подготовку в аспирантуре. Ряды научных работников Таджикистана пополнялись видными учеными Союза ССР, прибывшими в Сталинабад в составе эвакуированных исследовательских учреждений. Об интенсивной работе ученых в годы войны свидетельствует то, что с 1942 по 1945 гг. на материалах Таджикистана были защищены 16 докторских и 32 кандидатские диссертации, в том числе шесть докторских и восемь кандидатских — по биологическим наукам.

Важным культурным, научным и политическим событием в республике в годы войны явилось проведение первой научной сессии ТФ АН СССР, посвященной 15-летию Таджикской ССР. На сессии были подведены итоги научной деятельности в республике, особенно в годы Великой Отечественной войны. Сессия проходила в Сталинабаде с 20 по 25 апреля 1944 г. Было заслушано 69 докладов, посвященных достижениям в области естественных и гуманитарных наук, связям исследований с производством[25]. Юбилейная

научная сессия явилась своеобразным смотром научных сил Таджикистана, важным политическим и культурным событием в жизни республики.

Таким образом, даже в трудные годы войны специалисты из различных областей науки плодотворно разрабатывали важные проблемы. Были созданы новые центры науки, готовилась целая плеяда высококвалифицированных научных кадров. Оказывалась научно-техническая помощь народному хозяйству, укреплялись связи ученых Таджикистана с центральными научными учреждениями.

Примечания

[1] Наврузов Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924–1950 гг.). Душанбе : Дониш, 1992. С. 202.

[2] Там же. С. 203.

[3] Раджабов З. Ш. Развитие науки в Таджикистане : крат. очерк. М. : Наука, 1964.

[4] Из истории культурного строительства в Таджикистане 1941–1960 гг. : в 2 т. Т. 2. Душанбе : Ирфон, 1972. С. 231–232.

[5] Шагалов Е. С. Наука в Таджикистане в годы Великой Отечественной войны // Советский Таджикистан в Отечественной войне. Душанбе : Дониш, 1975. С. 103.

[6] Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Душанбе : Дониш, 1989. С. 160.

[7] Там же. С. 161.

[8] Шукуров М. Р. Культурная жизнь Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. Душанбе : Ирфон, 1985. С. 84.

[9] Там же. С. 84–85.

[10] История культурного строительства в Таджикистане (1917–1977 гг.) : в 2 т. Т. 2. Душанбе : Дониш, 1983. С. 83.

[11] Там же. С. 12.

[12] Очерки истории народного хозяйства Таджикистана (1917–1966 гг.). Душанбе, 1967. С. 317.

[13] Сечкина Л. П. Указ. соч. С. 161.

[14] Там же.

[15] Наврузов Т. Указ. соч. С. 221.

[16] Шукурова М. Р. Указ. соч. С. 89.

[17] История культурного строительства в Таджикистане (1917–1977 гг.). Т. 2. С. 8.

[18] Наврузов Т. Указ. соч. С. 228.

[19] Шукуров М. Р. Указ. соч. С. 90–91.

[20] Коммунист Таджикистана. 1942. 6 авг.

[21] Хусейн-заде Ш. Ненависть к врагам в произведениях Саади. Сталинабад, 1942 (на тадж. яз.).

[22] Сечкина Л. Я. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Вып. 25. Сталинабад, 1960. С. 136.

[23] Наврузов Г. Указ. соч. С. 230.

[24] Там же. С. 231–232.

[25] Шагалов Е. С. Указ. соч. С. 112.

А. М. Гафуров

Эвакогоспитали Таджикистана на службе фронту

Освещаются проблемы организации, обеспечения и функционирования эвакуационных госпиталей, образованных в Таджикистане в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов показаны работа госпиталей, забота о раненых, их лечение, обустройство и т. д. Рассматривается деятельность правительства Таджикистана по размещению и дальнейшему функционированию эвакогоспиталей.

Ключевые слова: *эвакогоспитали, воины, ранения, забота, лечение, обеспечение, здравоохранение, медицинские работники, тыл, фронт.*

С каждым годом возрастает значение Великой Победы Советского Союза над фашистской Германией. Достигнутая ценой многомиллионных жизней, неисчисляемого материального и морального ущерба, она воистину является незабываемой исторической вехой XX в., ибо избавила человечество от нашествия фашизма, от тотального порабощения людей на нашей планете. В ее достижении есть известная доля и таджикского народа, в частности органов здравоохранения и медицинских работников республики.

На основании постановления ГКО СССР республикой в исключительно короткий срок была развернута сеть эвакогоспиталей, под которые были отведены самые лучшие благоустроенные школы, гостиницы и учреждения. Там были устроены хорошие операционные, перевязочные, лечебные кабинеты, лаборатории, аптеки и т. д., созданы необходимые условия для приема и лечения раненых и больных защитников Родины. Это стало возможным благодаря тому, что организация помощи раненым и больным бойцам и командирам Красной армии явилась делом всей советской общественности Таджикистана.

Эвакогоспитали — тыловые лечебные учреждения — были созданы в период Великой Отечественной войны для оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи раненым и больным, прибывающим с фронта, первоочередной медицинской помощи рабочим предприятий, дислоцировавшихся в городах и населенных пунктах, а также женщинам, детям, инвалидам войны и труда, в том числе эвакуированным.

Перед органами здравоохранения Таджикистана были поставлены две важнейшие задачи: помощь раненым бойцам Красной Армии и предотвращение возникновения эпидемических заболеваний.

Уже в июле 1941 г. Народным комиссариатом здравоохранения Таджикской ССР в целях подготовки кадров для санитарной обороны и обеспечения эвакогоспиталей младшим медперсоналом были организованы курсы санинструкторов и дезинфекторов без отрыва от производства. К примеру, в Душанбе (тогда Сталинабад) были созданы краткосрочные курсы санинструкторов на 200 человек и дезинфекторов на 30 человек[1]. Такие курсы были открыты и в Ленинабаде (ныне Худжанд), Кулябе, Курган-Тюбе (Бохтар) и др.

По постановлению СНК СССР и приказу Наркомата здравоохранения СССР от 7 и 9 июля 1941 г. соответственно и при активном участии партийных, советских органов и широкой общественности в Таджикистане были развернуты 29 эвакогоспиталей на 10 170 коек[2]. Причем в республику, как в глубокий тыл, преимущественно поступали тяжелораненые и больные красноармейцы.

Эвакогоспитали были развернуты в Душанбе, Ленинабаде, Исфаре, Канибадаме, Чкаловске, Табошаре, Регаре, в пос. Гиссар, Чептура, Шахринау и других местах вблизи железнодорожных станций. Все эвакогоспитали после развертывания были разделены по профилям.

Предприятия, учреждения, колхозы и общественные организации Таджикистана, соревнуясь между собой, брали шефство по оборудованию госпиталей. За короткий срок эвакогоспиталям было передано «кроватей 870, матрацев 1242, ковров 715, пододеяльников 1200 шт., тапочек 777, штор разных 129, диванов 19, мануфактуры разной 328 метров, пианино 2, ваз под цветы 132, занавесок скотных 690, книг разных 1264, рубашек нательных 1981, халатов медицинских 994, одеял байковых 1608, картин разных 26, носовых платков 3441, салфеток 594, полотенец 2228, наволочек 2585, простыней 3269, дорожек 810 метров, кальсон 2085, носков 1210, цветов 496, подушек 1099, тумбочек 498»[3] и много других вещей.

Уже к концу 1941 г. прибыло свыше трех тысяч тяжелораненых бойцов и командиров Красной армии[4]. Согласно данным Народного комиссариата здравоохранения Таджикской ССР, уже к октябрю 1941 г. в республике были развернуты эвакогоспитали на 3000 коек[5]. К этому времени в Душанбе действовали восемь эвакогоспиталей (номера с 4444 по 4451) на 1860 коек, в Ленинабаде — два эвакогоспиталя на 500 коек, в Канибадаме — один госпиталь на 300 коек, в Исфаре — один госпиталь на 200 коек, в Пролетарске — один госпиталь на 200 коек и т. д.[6]

Для лучшей организации лечения была проведена специализация госпиталей и созданы отделения: психоневрологическое, челюстно-лицевой хирургии и травматологические. Все они работали под руководством крупных специалистов-профессоров. Эвакогоспитали были укомплектованы квалифицированными ведущими врачами (хирургами, невропатологами, ортопедами и т. д., в зависимости от профиля госпиталя). Во время войны в республику приезжали из районов немецкой оккупации известные ученые, среди них В. Д. Балкарей, Л. А. Бернштейн, С. И. Баренбой, С. М. Вайсблат, Л. Г. Гранов, Л. И. Лейзерман, Е. А. Мангейм, Г. А. Прокопчук, Г. Рейнберг, М. Я. Серейский, С. Я Шафтерейн, Б. И. Турсеевич, Г. В. Ясвоин и др.[7], которые подняли таджикскую медицину на новый уровень. За время работы в таджикских госпиталях и других медицинских учреждениях они

воспитали целую плеяду молодых энергичных хирургов, с успехом проводивших лечебно-хирургические мероприятия.

Большое оборонное значение имел удачный опыт применения арчового масла для лечения ран. В этой работе приняли участие сотрудники Всесоюзного института эфиромасличной промышленности и завода «Эфиронос». Ботанический институт, работники медицины, которые апробировали применение масла в клиниках, получили хорошие результаты[8]. В 1942 г. во исполнение директивных указаний Совнаркома республики Ботанический институт заключил договор с трестом «Эфиронос» на обследование зарослей эфироносов. В итоге по рекомендации института проводились заготовка арчи и выгонка арчового масла в районе Таш-Кутана[9]. Арчовое масло впервые было апробировано и применено в эвакогоспиталях Таджикистана.

Среди воинов, поступавших в эвакогоспитали республики на лечение, было много больных с серьезными ранениями и заболеваниями. Удельный вес тяжелораненых в 1942 г. составлял 61,3 %, в 1943 г. — 76,2 %, в 1944 г. — 81,7 %. Так, из 29 госпиталей на 1 января 1943 г., после отправки из республики на Сталинградский фронт 17 госпиталей и прибытия в республику только двух госпиталей, на территории Таджикистана функционировало 14 эвакогоспиталей. А после Курской битвы (с 5 июля по 23 августа 1943 г.) по решению ГКО СССР из указанного количества было передислоцировано на фронт еще пять госпиталей. Таким образом, к концу 1943 г. в Таджикистане оставались всего восемь эвакогоспиталей на 2335 коек — № 4445–4451, — размещавшихся до 1944 г. в Душанбе. Два эвакогоспиталя (№ 4444 в Сталинабаде и № 4452 в Худжанде) были реорганизованы в больницы восстановительной хирурги для инвалидов Великой Отечественной войны[10].

Продовольственное снабжение госпиталей было вполне удовлетворительным, за исключением небольших перебоев с поставкой сливочного масла и молочных продуктов, особенно в зимние месяцы.

В дальнейшем эвакогоспитали расширялись, увеличивалось число коек в них. Согласно приказу Наркомздрава Таджикской ССР и в соответствии с Постановлением СНК СССР с июля 1943 г. коечный фонд эвакогоспиталей был увеличен на 25 %[11].

Деятельность местных органов республики по оказанию помощи семьям военнослужащих находилась под постоянным контролем со стороны Президиума Верховного Совета и СНК Таджикской ССР. Шестая сессия Верховного Совета Таджикской ССР, состоявшаяся 17–18 июня 1943 г., специально обсудила вопрос о мерах улучшения работы советских органов по оказанию помощи семьям военнослужащих. Сессия обобщила первые итоги деятельности местных Советов республики по выполнению Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и наметила пути дальнейшего улучшения помощи семьям фронтовиков[12].

В суровые годы войны в Таджикистане был создан республиканский Комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. Он осуществлял значительную деятельность по усилению шефства над госпиталями, улучшению лечебной работы, трудоустройству и оказанию помощи инвалидам войны. К апрелю 1942 г. комитетом была оказана помощь 1008 бойцам на сумму 58 965 руб.[13] В течение войны

комитет и шефствующие организации оказывали необходимую помощь госпиталям в поставке оборудования и обеспечении продуктами питания раненых бойцов, в том числе овощами и фруктами.

В рамках мероприятий по оказанию помощи военнослужащим, получившим инвалидность и ранения на фронте, согласно Постановлению Совнаркома Таджикской ССР и ЦК КП(б) Таджикистана от 1 января 1942 г. Народный комиссариат здравоохранения республики и руководители эвакогоспиталей, находящихся на ее территории, были обязаны обеспечить определение групп инвалидности выписываемых из госпиталей раненых с немедленным оформлением и установлением пенсии, выдачу пенсионных книжек, предоставлять им общежития для временного проживания. В рамках этих мероприятий «к октябрю 1942 года в Душанбе (Сталинабаде) имелись уже 3 общежития для инвалидов Отечественной войны общей вместимостью 200 человек»[14].

Протезная мастерская, организованная в Сталинабаде в 1942 г., обеспечивала вылеченных раненых протезами. Работа протезной мастерской проходила под постоянным контролем Комитета помощи раненым, и в период отсутствия полуфабрикатов и материалов ей оказывалась практическая помощь, в результате которой раненые бесперебойно снабжались протезами и ортопедической обувью. Всего было изготовлено 3098 разных протезов, 2636 пар ортопедической обуви, 1704 костыля, 396 тростей, отремонтировано 1343 протеза[15].

Бюро ЦК КП(б) Таджикистана неоднократно обсуждало в 1943–1945 гг. вопрос о трудоустройстве инвалидов войны, а также об обучении их и оказании им материальной помощи. В рамках этих мероприятий были организованы курсы по освоению новых профессий: подготавливались счетоводы, бухгалтеры, киномеханики, швейники, шоферы, радисты и пр. Так, «только за первое полугодие 1943 г. в госпиталях было обучено новым профессиям 428 инвалидов Отечественной войны»[16].

Благодаря заботе местных Советов и широкой общественности только в Сталинабаде за 1944 г. были обучены новым профессиям 414 инвалидов, 560 человек получили помощь. Кроме того, инвалидам было выделено различных промтоваров на 421,7 тыс. руб. Свыше тысячи инвалидов получили топливо через органы соцобеспечения. К 1 января 1945 г. в Сталинабаде состояли на учете 2652 инвалида Великой Отечественной войны. Всего к концу войны в республике были устроены на работу свыше 20 тыс. человек[17].

Важной и сложной задачей, стоявшей перед советскими организациями республики, было жилищное устройство эвакуированных. Они размещались за счет уплотнения, а также временно в служебных и общественных помещениях, специально перестроенных под жилье. Вся работа по размещению эвакуированных за счет уплотнения осуществлялась в соответствии с директивными указаниями СНК Таджикской ССР. Было предусмотрено уплотнение на всей территории республики, во всех домах, независимо от их ведомственной принадлежности. Принимались меры для создания максимума бытовых условий и удобств для эвакуированных граждан.

В заботе таджикского народа о гражданах, эвакуированных из других республик, с полной силой проявились воспитанные у советских людей

чувства нерушимой дружбы и сотрудничества народов Советского Союза. По неполным данным, с 1941 по 1944 г. подшефными организациями республики эвакогоспиталям была оказана помощь деньгами (125 004 руб.), овощами (42 871 кг), фруктами (51 307 кг), мясом (10 162 кг), кондитерскими изделиями (2452 кг), рисом (3301 кг), яйцами (19 тыс. шт.), зерном, мукой (5249 кг), маслом (453 кг), мануфактурой (150 м), табаком (24 кг), вином (50 л). Было также доставлено баранов — 38 голов, предметов личной гигиены — 6290 шт., музыкальных инструментов — 88 шт.[18] Эти данные далеко неполные — без учета передачи раненым больным индивидуальных посылок.

В целом за период Отечественной войны в республике было организовано 29 госпиталей на 1765 коек. В феврале 1943 г. 16 эвакогоспиталей были передислоцированы, в республике остались 13 госпиталей (но госпиталь № 1034 был разукрупнен). Таким образом, в республике стало 14 госпиталей на 4550 штатных коек. В марте 1943 г. пять госпиталей на 1765 коек были передислоцированы, а в августе того же года госпиталь № 4444 на 200 коек был реорганизован в больницу восстановительной хирургии.

За время существования госпиталей в них поступили 27 868 раненых и больных, что составляло 80 % загрузки госпиталей. Это объясняется тем, что были периоды, когда в Сталинабаде, как в глубокий тыл, раненые и больные почти не поступали. Из поступивших вылечились и были выписаны 25 038 человек, из них в воинские части были направлены 8432, в отпуск ушли 3098 человек (через небольшой период они тоже поступили в распоряжения своих частей). Процент выписанных и отправленных в воинские части был небольшим. Это объяснялось тем, что в Таджикистан, как в глубокий тыл, направляли в большинстве своем тяжелораненых, которым требовалось длительное лечение или ампутация конечностей.

Руководство республики, население городов и сел Таджикистана на протяжении всей Великой Отечественной войны окружали заботой и вниманием раненых воинов и эвакуированных граждан, помогали им в лечении, обустройстве и предоставлении работы.

Примечания

[1] ЦГАРТ. Ф. 279. Оп. 13. Д. 1. Л. 139.

[2] Большемянников А. И. О работе эвакогоспиталей Наркомздрава Таджикистана в период Великой Отечественной войны // Труды Таджикского государственного медицинского института : в 2 т. Т. 2. Сталинабад, 1947. С. 3.

[3] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 87. Д. 12.

[4] Там же. Оп. 4. Д. 616. Л. 47.

[5] ЦГАРТ. Ф. 279. Оп. 13. Д. 1. Л. 146.

[6] Там же.

[7] Каримова М. Братская помощь таджикского народа воинам Советской армии в годы Великой Отечественной войны // Ученые зап. ХГУ им. акад. Б. Гафурова. 2013. № 2. С. 127–138.

[8] ЦГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

[9] Там же. Д. 105. Л. 15.

[10] Марченко М. А. Вклад здравоохранения Таджикистана в Победу в Великой Отечественной войне. Душанбе : Хумо, 2005. С. 52.

[11] ЦГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

[12] Усманов Дж. В годы великой битвы. Душанбе, 1963. С. 101.

[13] ЦГАРТ. Ф. 279. Оп. 13. Д. 6. Л. 31.

[14] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 87. Д. 12. Л. 123.
[15] Там же. Л. 134.
[16] Там же. Оп. 125. Д. 1. Л. 16.
[17] Коммунист Таджикистана. 1945. 5 окт.
[18] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 87. Д. 12. Л. 8.

Р. Я. Шарифов

Забота таджикистанцев об эвакуированных в годы Великой Отечественной войны

Раскрывается деятельность Республики Таджикистан по принятию и размещению эвакуированных граждан Советского Союза из фронтовых, прифронтовых территорий и оккупированных зон в период Великой Отечественной войны. Анализируются факты и архивные материалы, рассказывающие о людях, которые по воле судьбы оказались на территории Таджикистана. Освещается деятельность медицинских учреждений, госпиталей, детских домов и интернатов, которые проявили большую заботу о раненых бойцах, офицерах Красной армии и сотне детей, оставшихся сиротами.

Ключевые слова: *Таджикистан, эвакуация, раненые, дети, сироты, госпиталь, жизнь.*

Великое единение человеческих сердец происходит в переломные периоды истории, в особенности когда необходимо защищать Родину, семью и близких. Это очень ярко проявилось на фронтах Великой Отечественной войны и в ходе эвакуации промышленных предприятий и населения в восточные районы Советского Союза.

Уже к ноябрю 1941 г. к нам в республику были направлены первые раненые бойцы, командиры и политработники Красной Армии. Госпитали Таджикистана получили свыше 3 тыс. раненных. Срочно были подготовлены еще госпитали на 8 тыс. мест. Раненых бойцов, командиров и политработников окружили отеческой заботой. Их обеспечили достаточным числом хирургов и хорошей медицинской помощью[1]. Были также приняты срочные меры к тому, чтобы всех эвакуированных бойцов обеспечить жильем, одеждой, питанием. Им было дополнительно выделено здания нынешнего Душанбинского госпедуниверситета (главный корпус) и гостиницы «Вахш», а со студентами занятия проводились в здании, в котором до недавнего времени размещалось Министерство просвещения Таджикской ССР. В госпитали превратились гостиница «Памир», здание нынешней больницы, расположенное недалеко от поликлиники МВД Республики Таджикистан.

По данным Центрального статистического управления Госплана СССР, на 20 января 1942 г. в Таджикистане проживали 22 800 взятых на учет граждан, эвакуированных из прифронтовых районов[2]. А к началу 1945 г.

насчитывалось (с учетом раненых бойцов, офицеров и политработников), по неполным данным, 110 359 семей[3]. Причем основную массу эвакуированных представляли не рабочие, а их семьи и семьи военнослужащих. Партийные организации добились того, чтобы всех годных к труду обеспечили работой. Прибывших из прифронтовых регионов приняли радушно, заботливо. Здесь на практике проявились принципы советского патриотизма и социалистического интернационализма, дружбы между народами СССР, формирование которых коммунистическая партия неустанно проводила как в предвоенные годы, так и в течение Великой Отечественной войны.

В годы войны в Шахринавском детском доме (Шахринавский район, в 20 км от Душанбе) нашли приют более 700 осиротевших детей из Москвы, Киева, Ленинграда, Винницы, а также из Белоруссии и других республик. Директором детского дома был Гулям Джаббаров, которого после войны сменил Виктор Леонидович Щеглов. Г. Джаббаров, В. Л. Щеглов и воспитательница Нина Васильевна Ямова рассказывают, что многие из их подопечных впоследствии стали работниками сферы культуры и искусства, народного образования и техники. Среди них Курбон Холов (известный артист театра оперы и балета им. С. Айни, народный артист Таджикской ССР), Бозгуль Исаева (балерина этого театра, народная артистка Таджикской ССР), музыканты Кудус Ризоев, Санат Алимов, известный хореограф Зебо Мамаджанова, живописец Амин Ахмадов. Окончил ГИТИС Хаким Мамадзоиров, успешными медиками стали Мома Муминова, Людмила Тимофеева, Сара Бестина, Клавдия Серебрякова, Шамсуддин Сайфуддинов, Адель Бербенцев, которые впоследствии работали в Душанбе, Пархаре, Гиссаре, Москве. Нина Петровна Зодуля, которая была эвакуирована из Винницы, работала в школе-интернате в Душанбе, Пархаре и Гиссаре, долгие годы преподавала в школе. Манзура Махмадова — учительствовала в Гарме, Маджид Шайхов, Кудрат Махмудов — в г. Вахдате.

Вот как вспоминала об этом периоде жизни ветеран труда Адолат Исмаилова: «Война достала своей безжалостной рукой и далекий от фронта Таджикистан — в редкий дом не приходила похоронка. Из разных уголков страны в Таджикистан эвакуировали не только раненых солдат, офицеров, политработников и их семей. Отеческая забота партии была направлена на воспитание осиротевших от войны, оставшихся без отца и без матери детей. Среди темноволосых черноглазых питомцев городка Шахринау выделялась группа светлоглазых ребят. То были эвакуированные. В свои шесть-семь лет они уже видели бомбежки и пожары, гибель родных. Война застыла взрослой печалью в их глазах, жадным языком слизнула с лица краски детства»[4].

В годы войны тысячи патриоток-женщин приютили осиротевших детей разных национальностей, усыновили их, вырастили. Так, Мамлакат Худойбердыева из с. Ёри Пенджикентского района Ленинабадской области (ныне Согдийская область), жена фронтовика Бобомурода Худойбердыева, погибшего на фронте на польской земле, вырастила 26 детей, осиротевших во время войны. О своей приемной матери с теплотой вспоминали Туйчи, Бузурук, Хушвахт, Шариф, Бирохила, Курбон, Махкамой, Угулой, Раджаб, Карима, Муслима, Файзулло, Биби, Шарофат, Кумри, Буриннисо, Хасратой, Истад, Офтобой, Ревиль, Анатолий, Хакберды Худойбердыевы и др.

«Она назвала приемного сына Анатолием в честь русского красноармейца, сражавшегося в их краях с басмачами и сложившего голову от бандитской пули»[5]. Теперь у Анатолия пятеро, а у Махкамой 12 детей. Пятый по счету приемный сын Анатолий Худойбердыев живет в Москве, двадцать третий Хакберды Худойбердыев — с матерью. Сыновья разошлись по просторам нашей необъятной страны, но поддерживают связь друг с другом, часто навещают свою мать. Отрадно, что компартия и правительство братского Узбекистана в честь семьи Шоахмада и Бахри Шамахмудовых — патриотов Родины, воспитавших 14 детей, осиротевших в годы Великой Отечественной войны, — в центре Ташкента воздвигли композицию[6] — монумент «Дружба народов СССР». Эти дети — выходцы из разных уголков нашей, самых разных национальностей. Это яркий пример советского патриотизма и социалистического интернационализма. «Возвращение из 1941-го» — так озаглавлена в газете «Правда» статья о семье кузнеца Шамахмудова. В ней говорится, 14 усыновленных осиротевших детей имеют восемь национальностей: Сара Хусейнова оказалась Ларисой Луновой из Краснодара, Юлдош Шамахмудов — Федей Кульчаковским из Донбаса (спустя 45 лет 104-летняя колхозница Дарья Александровна наконец нашла своего внука Федора Григорьевича Кульчаковского[7]), а Луна Умедов оказался эстонцем Леонхардом Лауком и т. д.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны Бибиоиша Бобокалонова и ее муж Бобо Джураев воспитали 20 сыновей и дочерей, 11 из них были детьми, потерявшими своих родителей: Маруся, Фрося, Абдуахад, Нарзулло, Рахима, Нюся, Холбиби, Патти, Рафоат, Солеха, Мискол. Они являлись представителями нескольких национальностей: русский, украинец, узбек, таджик, немец, татарин, эстонец и др. Но все они, как родные, ели, спали и играли дружно, помогали во всем друг другу, как настоящие братья и сестры.

Когда у Нюси на Украине в семье появилась дочка, она письмом обратилась к приемной матери и попросила дать ей имя. Бибиоиша просила своего сына Давлята ответить на письмо сестры и назвать новорожденную Халимой (Нежной). Между родными сыновьями и дочерьми (Рустам, Ислом, Бибихадича, Давлят, Сайда, Саодат, Эркин, Сайёра, Тохир) и приемными поддерживается постоянная тесная связь, они регулярно пишут друг другу, приезжают в гости. Хотя Бибиоиша давно находится на заслуженном отдыхе, она всегда находит время помогать внукам в их повседневной будничной жизни[8].

Разумеется, всех таких патриоток Таджикистана в одной статье перечислить невозможно. В годы войны их были тысячи. Только в Сталинабаде 90 женщин[9] взяли на воспитание осиротевших детей разных национальностей, преимущественно эвакуированных из прифронтовых областей.

Государственные и общественные организации широко развернули разъяснительную работу среди трудящихся с просьбой оказывать материальную помощь детям эвакуированных семей фронтовиков. Так, по инициативе комсомольских организаций 29 декабря 1941 г. для эвакуированных детей была организована новогодняя елка с подарками трудящимися Железнодорожного района столицы Таджикистана. Население Душанбе откликнулось и широко развернуло работу по сбору средств и белья для детей.

В течение двух дней было собрано около тысячи детских вещей и 5192 руб. деньгами. Существенную помощь оказал и коллектив филиала АН Таджикской ССР, который собрал 838 руб., 111 платьев и предметов белья, подарили два ящика елочных игрушек и одну елку[10].

Руководство республики сочло целесообразным разместить прибывших раненых, семьи и детей бойцов по крупным городам Таджикистана. На 1 марта 1942 г. в Кулябскую область прибыли 449 человек, в том числе 124 ребенка. Им было выделено единовременное пособие в 510 тыс. руб., оказана помощь промышленными товарами за наличный расчет на сумму 39 711 руб. Все эвакуированные были обеспечены квартирами, общая площадь которых составила 787 кв. м; 263 человека из числа прибывших были устроены на работу[11]. А Совнарком республики в июле 1941 г. выделил из своего резервного фонда 25 тыс. руб. в распоряжение республиканской комиссии по делам эвакуированных.

Кроме республиканской комиссии по делам эвакуированных в начале войны по решению ЦК КП(б) Таджикистана был создан республиканский Комитет по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии. Он проводил значительную работу по улучшению лечебной работы, трудоустройству и оказанию помощи инвалидам войны. Председателем Всесоюзного комитета по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии был секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, а председателем республиканского комитета являлся первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Д. З. Протопопов, его заместителем — Ахроров, членами комитета — Б. Гафуров, Большемяников, Палий, Сияков, Штатов, Лукашин, Хорева и др.

В дальнейшем правительство республики предусмотрело в бюджете на 1942 г. ассигнования в 100 тыс. руб. на расходы по оказанию единовременной помощи эвакуированному населению: из них 90 тыс. руб. были переданы в распоряжение эвакопереселенотдела, 10 тыс. руб. — управляющему делами СНК Таджикской ССР[12].

Председатель республиканского Комитета помощи по обслуживанию больных, раненых бойцов и командиров Красной армии в период Великой Отечественной войны Д. З. Протопопов в своем отчете председателю Всесоюзного комитета помощи А. А. Андрееву писал, что на основании постановления ГКО СССР республикой в исключительно короткий срок была развернута сеть эвакогоспиталей, под которые были отведены самые лучшие благоустроенные школы, гостиницы и учреждения, устроены хорошие операционные, перевязочные, лечебные кабинеты, лаборатории, аптеки и т. д., созданы необходимые условия для приема и лечения раненых и больных защитников Родины. Это стало возможным благодаря тому, что организация помощи раненым и больным бойцам, командирам и политработникам Красной армии являлась делом всей общественности Таджикистана.

Все госпитали в короткий срок были укомплектованы лучшими медицинскими кадрами и обслуживающим персоналом. В целях лучшего лечения раненых госпиталям были приданы определенные профили (протезно-ортопедический, общехирургический и т. д.). Большинство госпиталей имели рентгеновские кабинеты. Отношение медработников и других

сотрудников к раненым, безусловно, было чутким и внимательным. Особенно квалифицированно обслуживали раненых Красильников, Ардашников, Реенберг (госпиталь № 4451), Хоруженко (№ 4447), Абкин, Вайсблат (№ 2024), Иванченко (№ 1034) и др.[13] Эти медики-ученые, как и многие другие, также были эвакуированы из центральных городов страны.

Для успешного проведения агитационно-массовой работы среди раненных бойцов, командиров и политработников в госпиталях были созданы агитколлективы, в состав которых входили лучшие агитаторы и пропагандисты. Они организовывали работу в отделениях, палатах, постоянно читали лекции и доклады, проводили беседы и политинформации, устраивали им концерты, тем самым поднимали дух и настроение раненых товарищей. Так, в госпитале № 4451 за период с 1 января по 1 июля 1942 г. было прочитано 30 лекций, проведено более сотни бесед, 15 вечеров самодеятельности, продемонстрировано 87 кинокартин, показано 48 концертов силами местных театров. В госпитале № 4446 в 1942 г. прочитано 40 лекций, проведено 159 политинформаций и 15 читок[14]. А с 1941 по 1944 гг. в эвакогоспиталях республики в общей сложности было прочитано 2246 лекций и докладов, проведено 4986 политбесед, 8200 киносеансов, 1000 концертов, 815 вечеров самодеятельности[15].

За 1942 г. этими эвакогоспиталями было принято 12 176 раненых и больных. Выписано за это же время 10 985 человек, из них возвращено в части в среднем за год 47 %, а по отдельным госпиталям — 65 %, что и характеризует состояние лечебной работы в них[16]. В госпиталях широко применялись все апробированные методы лечения, в частности активное хирургическое лечение, все виды физиотерапии, парафинотерапии, лечебная физкультура и т. д.

Из расположенных на территории Таджикской ССР 29 госпиталей на 10 170 штатных коек в феврале 1942 г. 16 эвакогоспиталей были передислоцированы. В республике осталось 13 госпиталей, один из которых был разукрупнен[17]. А на 1 января 1942 г. в Таджикистане имелось 14 госпиталей на 4300 коек[18]. В марте 1943 г. еще пять госпиталей были передислоцированы, в августе того же года один из девяти оставшихся госпиталей был реорганизован в больницу восстановительной хирургии. В республике осталось восемь госпиталей — шесть в Сталинабаде, два в Ленинабаде (ныне Худжанд) — с общим количеством коек 2585[19]. Пять эвакогоспиталей и больница восстановительной хирургии находились на территории железнодорожного района Сталинабада[20].

В течение 1943 г. в эвакуированных госпиталях республики лечились до полного выздоровления 7900 человек. Из них 37,2 % после выписки были направлены непосредственно в части, 1,4 % — в краткосрочные отпуска с последующим возвращением в часть. В общей сложности доля восстановленных бойцов и командиров равнялась 38,6 %[21]. А на начало 1944 г. в госпиталях республики находились 1999 человек. За первый квартал этого года в госпитали поступили 3115 раненых и больных, общее число их составило 5114 человек. За первый квартал 1944 г. закончили лечение и были выписаны 4095 человек, из них 42 % возвратились в свои части[22]. Из поступивших в госпитали были вылечены и выписаны 25 038 человек, из них 11 530 человек (46,1 %) возвратились в части[23].

Как было отмечено выше, забота об инвалидах Отечественной войны являлась частью заботы о Красной армии и оказывала непосредственное влияние на моральный дух защитников Родины и допризывников. Поэтому партия принимала все меры к тому, чтобы инвалиды войны всегда и повсеместно чувствовали заботу и внимание со стороны правительства и всего советского народа. Об этом свидетельствует постановление советского правительства от 20 января 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов войны»[24] и постановление СНК Таджикской ССР «О плане трудового устройства инвалидов войны». Согласно этим документам, все партийные и советские органы обязаны были «обеспечить первоочередной прием инвалидов Отечественной войны на все виды работ, которые ими могут выполняться»[25]. Всего за период Великой Отечественном войны по 1 января 1945 г. органами социального обеспечения Таджикской ССР было взято на учет 30 246 инвалидов войны, часть из них выбыли с территории республики, а часть прибыла, 14 408 человек из них работали, 18 833 человека получали 55 875 тыс. руб. пенсии и на 1,9 млн руб. им была оказана единовременная помощь[26].

Таким образом, Таджикистан внес достойный вклад в деятельность по принятию эвакуированных из прифронтовых районов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Впоследствии тысячи эвакуированных граждан остались жить и трудиться на этой земле.

Примечания

[1] ГАНИРТ. Ф. 3, оп 4. Д. 616. Л. 47.
[2] Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Т. 2. Душанбе; «Ирфон»,1964. С. 126.
[3] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 125. Д. 114. Л. 22.
[4] Коммунист Таджикистана. 1981. 7 июня.
[5] Там же. 1982. 9 сент.
[6] Там же. 1984. 23 окт.
[7] Правда. 1986. 30 апр.
[8] Комсомоли Точикистон (Комсомолец Таджикистана). 1985. 13 марта.
[9] Коммунист Таджикистана. 1984. 23 окт.
[10] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 109. Д. 149. Л. 57.
[11] Там же. Д. 178. Л. 12.
[12] История рабочего класса Таджикистана (1917–1945) : в 2 т. Т. 1. Душанбе : Дониш, 1972. С. 215.
[13] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 125. Д. 77. Л. 7.
[14] Там же. Оп. 109. Д. 178. Л. 16–17.
[15] Там же. Оп. 87. Д. 4. Л. 11.
[16] Там же. Оп. 125. Д. 77. Л. 7.
[17] Там же. Д. 142. Л. 54.
[18] Там же. Д. 115. Л. 17.
[19] Там же. Оп. 125. Д. 142. Л. 14.
[20] Там же. Оп. 4. Д. 213. Л. 40.
[21] Там же. Оп. 125. Д. 115. Л. 17.
[22] Там же. Д. 142. Л. 56.
[23] Там же. Д. 145. Л. 14.
[24] ЦГАРТ. Ф. 360. Оп. 11. Д. 104. Л. 100.
[25] Там же. Л. 88, 90.
[26] ГАНИРТ. Ф. 3. Оп. 125. Д. 144. Л. 20.

Б. Т. Кабилова

Таджикистан в судьбе и творчестве эвакуированных музыкальных и театральных коллективов в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена художественным коллективам из блокадного Ленинграда, Украины и других городов западных областей СССР, эвакуированным в Таджикистан в годы Великой Отечественной войны, которые были окружены заботой со стороны правительства республики, театров, филармонии и, конечно, населения Таджикистана. Творческая интеллигенция в эвакуации внесла свой вклад в помощь фронту от сбора средств, а также способствовала развитию культурной жизни Таджикистана в годы войны, выраженной в разнообразной музыкально-театральной и концертной деятельности, создании новых произведений, повышении исполнительского мастерства местных артистов.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Таджикистан, тыл, фронт, эвакуация, культурная жизнь, театр, музыка, концерт, Победа.*

> Искусство периода Великой Отечественной войны — феномен эстетический и социальный, такого никогда не было!.. В годы с фашизмом настрой творчества советских художников был иным. Искусство впрямую участвовало в борьбе народа с врагом. Оно не избегало страшной правды войны, однако в самые тяжелые дни в нем звучала героика, призыв, вера в грядущую победу. Наше искусство было наполнено беспредельной любовью к родине, это был его главный определяющий тон.
>
> *Д. Д. Шостакович*

В годы Великой Отечественной войны неоценимый вклад в победу над фашизмом внес тыл. Целые регионы, города, организации, люди проявили героизм и стойкость в выполнении намеченных задач. Как известно, Средняя Азия, наряду с Уралом и Западной Сибирью, была одним из важных тыловых регионов СССР и приняла значительное количество эвакуированных предприятий и граждан. Только в небольшой по площади и населению Таджикистан было эвакуировано приблизительно 100 тыс. человек из бло-

кадного Ленинграда, Москвы, Украины, Белоруссии, Прибалтики, многих других городов и сел западных областей СССР. В течение лета и осени 1941 г. в Таджикистан прибыл контингент 14 детских домов, включающий почти 20 тыс. детей, в том числе два детских дома с польскими детьми-сиротами. Для многих из них Таджикистан стал поистине вторым домом, и местное население по мере своих возможностей обеспечило их всем необходимым: жильем, едой, одеждой, обувью. Дети фронтовиков и эвакуированных были отправлены в санатории, детские лагеря и дома отдыха. Что касается детей-сирот, то всего за 1941–1943 гг. жителями столицы были усыновлены и взяты на воспитание и под опеку 639 осиротевших детей[1].

На деньги, собранные таджикистанцами, были сформированы танковые колонны «Колхозник Таджикистана», «Комсомолец Таджикистана», эскадрилья самолетов «Советский Таджикистан». На территории Таджикистана были сформированы четыре кавалерийские дивизии, по три стрелковых бригады, артиллерийских и авиационных подразделения. Всего в годы войны трудящиеся Таджикистана внесли в Фонд обороны и фонд строительства вооружений, включая займы и лотереи, свыше 1 млрд руб. То есть каждый житель миллионной республики, от младенца до старика, отправил по 81 355 711 руб. И это только займы и лотереи. За годы войны сотни эшелонов ушли на фронт, в помощь голодающему Ленинграду и другим городам. В столице Таджикистана Сталинабаде (ныне Душанбе) находились 29 эвакогоспиталей. Сталинабад входил в десятку самых насыщенных по количеству госпиталей городов СССР и по праву может считаться городом военно-медицинской славы[2].

В годы войны в ряды Красной армии встали свыше 290 тыс. жителей Таджикистана, 45 тыс. трудящихся были мобилизованы в трудовые колонны — на промышленные предприятия оборонного значения Сибири, Урала и другие предприятия прифронтовой полосы.

В те сложные годы, как никогда ранее, проявились патриотизм и интернационализм всех народов Советского Союза, вставших на защиту свободы и мира в борьбе с фашизмом, хотя, по мнению М. Н. Потемкиной, межнациональные отношения в тыловых районах СССР нельзя определить как однозначно позитивные: в них имелись сложности и противоречия. Согласно ее исследованию, «причинами негативных явлений в этой сфере являлись снижение уровня жизни людей, вызванное экстремальными условиями военного времени; невысокий уровень культуры населения; недостаточный учет в национальной политике интересов различных народностей»[3]. Как бы то ни было, в настоящей статье мы попытались показать культурную жизнь Таджикистана, обогатившуюся с приездом эвакуированных музыкальных и театральных коллективов в годы Великой Отечественной войны, не вдаваясь в подробности их трудоустройства, материально-бытовых условий, взаимоотношений и т. д.

Культурная жизнь Таджикистана, как и всей советской страны, в годы Великой Отечественной войны представляет собой область общественной жизни, основу которой составляет творческая деятельность, направленная на борьбу с врагом. Представители культуры работали в этот период как никогда монолитно, целеустремленно, создавая художественные документы эпохи. Возможно, никогда они не ощущали себя столь нужными своему

народу, никогда их творения не получали такой отдачи. И то искусство, которое они несли людям, поднимало и укрепляло их человеческое достоинство. Чрезвычайно активная работа профессиональных и многочисленных самодеятельных коллективов доказала крайнюю необходимость искусства в условиях войны и подтвердила возможность самых разнообразных форм ее проявления и использования.

Культурная жизнь Таджикистана военных лет интересна прежде всего тем, что большое воздействие на ее развитие оказали многие исполнительские коллективы, а вместе с ними и известные музыканты, деятели театрального искусства, творческие работники культурной сферы, эвакуированные из европейской части советской страны. Это Ленинградский театр комедии, цирк Ю. Дурова, Ворошиловградский театр юного зрителя, Воронежский театр музыкальной комедии, Украинский театр комедии им. Н. А. Щорса, Днепропетровский кукольный театр, Государственный симфонический оркестр Украинской ССР и др. Благодаря им в небольшом городе, каким, в сущности, был тогда Сталинабад, неожиданно собрались крупнейшие артистические силы советской страны. Нужно сказать, что богатый творческий опыт деятелей этих коллективов способствовал повышению профессионального мастерства местных представителей культуры Таджикистана, как известно, вставшего на путь современного искусства европейского типа незадолго до начала войны.

Приезжие артисты, активно выступая на сцене, одновременно проводили учебные и практические занятия с местными актерами, консультировали постановки новых пьес, различных театральных представлений, участвовали в совместных постановках спектаклей, в проведении творческих вечеров, концертов, в радиопередачах, оказывали помощь коллективам художественной самодеятельности военных организаций, промышленных предприятий, участвовали в деятельности фронтовых бригад и театров, составляли эскизы декораций. С первых дней исполнительская культура и мастерство эвакуированных коллективов были с воодушевлением восприняты многими таджикскими артистами.

Большую работу за время своего пребывания в Таджикистане проделал Ленинградский государственный театр комедии (ныне Санкт-Петербургский театр комедии им. Н. П. Акимова). Помимо того что коллектив театра восстановил десять пьес из своего репертуара, он также осуществил серию новых постановок, в том числе «Актриса» А. Файко, «Братишка» В. Дыховичного, «Дорога в Нью-Йорк» Л. Малюгина, «Пигмалион» Б. Шоу, «Каменный остров» Г. Флоринского, «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина и другие, которые явились подлинными образцами высокой исполнительской культуры, актерского мастерства, безукоризненной слаженности и четкости в творческой работе всего коллектива, получив высокую оценку зрителей.

Артисты Ленинградского театра неоднократно участвовали в подготовке постановок только что созданных спектаклей, к примеру музыкальной драмы С. Баласаняна «Песня гнева» и музыкальной комедии «Розия» С. Баласаняна и З. Шахиди в театре оперы и балета, пьесы «Фронт» А. Корнейчука в Русском драматическом театре им. В. Маяковского, в радиовещании, творческих вечерах, концертах, в театральной самодеятельности военных и общественных организаций. Пребывание театра в Сталинабаде

дало возможность таджикской киностудии, на базе которой была развернута деятельность эвакуированного «Союздетфильма», осуществить постановку целого ряда новых кинокартин[4]. Актеры театра комедии параллельно снимались в картинах и, по воспоминаниям актера, режиссера, автора пьес Глеба Флоринского, «по нечетным числам актеры репетировали и играли в театре, а по четным — репетировали и снимались в кино. Так были сняты картины "Швейк против Гитлера", "Лермонтов", "Принц и нищий", "Кащей Бессмертный", "Март — апрель" и многие другие»[5].

Важно отметить, что в 1943 г. в Таджикистан на должность заведующего литературной частью Ленинградского театра приехал писатель Евгений Шварц по просьбе его главного режиссера Н. П. Акимова. «За несколько месяцев работы в Душанбе, — вспоминал Акимов, — встретив очень радушный прием властей Таджикистана и большой интерес со стороны зрителей, среди которых оказалось немало наших старых ленинградцев, также эвакуированных сюда, наш театр настолько окреп после блокады и в физическом, и в творческом отношении, что я без колебаний послал вызов Шварцу. Вскоре он с женой прибыл к нам, почти такой же худой, каким мы его оставили в Ленинграде, но бодрый, радостный и горячо встреченный всем театром»[6].

В Сталинабаде Е. Шварц вновь вернулся к творчеству, почувствовав прилив сил после холодного блокадного Ленинграда. Именно здесь, в Таджикистане, он написал одно из самых многозначных и глубоких своих произведений — пьесу-сказку «Дракон», и прочитал ее перед зрителями театра, что находился в здании Дома дехканина, вызвав бурю оваций. На следующий день в сталинабадской газете была опубликована хвалебная заметка о новой пьесе, при этом сообщалось, что руководитель театра выехал в Москву для ее утверждения. Как известно, Акимову удалось договориться о постановке пьесы, первый показ которой состоялся в Москве 4 августа 1944 г., после чего она попала под запрет цензуры. И лишь через 18 лет Н. Акимов повторно осуществил ее постановку в Ленинградском театре комедии, уже после смерти автора. В письме к Л. Малюгину от 20 января 1944 г. Шварц писал: «Здесь много любопытного. Театр — интересен попрежнему. Акимов умен и блестящ больше прежнего. Только благодаря ему я дописал здесь "Дракона". Сейчас Акимов с пьесой в Москве, и я жду вестей. Пока что я не жалею, что повидал настоящую Азию. В настоящее время я занят пьесой под названием "Мушфики молчит". Мушфики — это таджикский Наср-Эддин»[7]. По-видимому, Шварц ограничился лишь сбором материала, поскольку никаких набросков к пьесе в его архиве не обнаружено. В Таджикистане у Е. Шварца родилась новая идея — сказка «Медведь» (ставшая со временем «Обыкновенным чудом»), дописанная им только в 1956 г.

Недолго пробыв в Сталинабаде, с лета 1943 по весну 1944 г. Е. Шварц успел привыкнуть к городу, к его природе, о чем свидетельствуют его воспоминания: «Господи, я, кажется, так полюбил этот город, что мне будет очень тяжело прощаться с ним. Его зиму, похожую на весну, крыши кибиток, где растет трава вперемежку с одуванчиками, снег, который тает уже через час и горы, манящие своими чудесными, почти сказочными вершинами… Когда я вспоминаю о Сталинабаде, то жалею, что мало вгляделся

в него. Уж очень жил там, как на станции, где пересадка… И не рассмотрел я в тумане и тревоге новую страну, не побывал в горах…»[8]

Возвращаясь к коллективу Ленинградского театра комедии, отметим, что он сыграл благотворную роль в культурной жизни республики, завоевав уважение и признательность таджикского зрителя. Его деятельность не ограничивалась выпуском спектаклей на стационарной площадке. Артисты вели огромную военно-шефскую работу. За все время пребывания в Таджикистане (1941–1943) Ленинградский театр под руководством Н. П. Акимова показал около 300 спектаклей, провел около 2500 выступлений для армии и раненых, дал 560 шефских концертов в госпиталях и воинских частях в столице и в близлежащих к ней районах. Примечательно и то, что работа в Таджикистане также способствовала росту творческого потенциала уже признанных мастеров театра.

Правительство Таджикской ССР с благодарностью отметило большой вклад театра в культурную жизнь республики. Значительная группа актеров во главе с Н. П. Акимовым была награждена почетными званиями народных и заслуженных артистов республики, в том числе Л. Сухаревская, И. Зарубина, Б. Тенин, К. Гурецкая, Л. Кровицкий, И. Ханзель, А. Севостьянов, Н. Волков, С. Аленников, Г. Флоринский, дирижер и композитор Л. Песков и др. Большая группа артистов была награждена почетными грамотами и грамотами Верховного Совета Таджикской ССР[9].

Эвакуированные художественные коллективы оказали не только моральную поддержку фронту, но и внесли свой вклад в материальную помощь советским войскам. Так, спустя много лет, в запасниках театра был найден документ 1943 г. В адрес Н. П. Акимова и сотрудников театра была направлена телеграмма с благодарностью от И. Сталина за сбор средств на танковую колонну «Колхозник Таджикистана» и на строительство боевого самолета «Ленинградский театр комедии»[10].

Ворошиловградский театр юного зрителя, эвакуированный летом 1942 г. в Ленинабад (ныне Ходжент), объединился с Ленинабадским русским театром и стал называться Театром русской драмы. Этот театральный коллектив поставил ряд пьес, отражающих героическую борьбу советского народа против фашизма, в том числе «Нашествие» Л. Леонова, «Русские люди» К. Симонова и др. После реэвакуации Театра юного зрителя в Краснодон в марте 1944 г. в редакцию газеты «Стахановец» поступило письмо, в котором говорилось о том, что коллектив театра с большим желанием готов вести культурную работу среди шахтеров. Уже первые спектакли театра продемонстрировали высокий уровень всего коллектива, который творчески и художественно окреп и вырос по сравнению с довоенным периодом. В письме было также написано: «За оказанную поддержку нашему Ворошиловградскому ТЮЗу в суровое время Отечественной войны, райком КП(б) Украины и райисполком от имени трудящихся Краснодона выражают глубокую благодарность партийным и советским организациям, а также трудящимся Ленинабадской области Таджикской ССР»[11].

Эвакуированный Днепропетровский театр кукол находился в Таджикистане с 1 июля 1943 г. по 15 мая 1944 г. и обслужил более 70 тыс. зрителей, сыграв 330 спектаклей. Главной его задачей было художественное и нравственное воспитание детей, поэтому в свой репертуар они включили

такие спектакли, как «Юные патриоты», «Антифашистский концерт», «Волшебная лампа Аладдина», «Трое поросят и серый волк», «Приключение в царстве лентяев» и др.[12] Концерты и спектакли театр показывал не только столичным детям, но и в целом в ряде городов и районов республики, обслуживая школы, детдома, детсады, пионерские лагеря. Кроме того, театр создавал специальные программы для обслуживания колхозного зрителя во время посевной и уборочной кампаний. По линии военно-шефской работы театр принимал активное участие в обслуживании госпиталей и воинских частей.

С 1941 по 1943 гг. в Таджикистане находилась труппа Воронежского театра оперетты в составе 120 человек. Театр за время пребывания в Сталинабаде восстановил свои репертуарные спектакли, такие как «Взаимная любовь» С. Каца, «Осенние маневры» И. Кальмана, «Сорочинская ярмарка» А. Рябова, «Честь мундира» Б. Белица, а также провел 20 музыкально-балетных концертов и спектаклей, сбор от которых шел в Фонд обороны. Кроме того, собирались деньги на подарки раненым бойцам и средства для оказания помощи эвакуированным детям семей военнослужащих.

Репетиции и выступления артистов проходили в сложной обстановке, но, несмотря на это, артисты театра дали более 700 шефских концертов. Большой вклад в постановку различных тематических театрализованных концертов внес главный режиссер Н. Ф. Жданов. За активную работу по культурному обслуживанию трудящихся Таджикистана и воинов Красной Армии многие работники театра были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета Таджикской ССР, а 61 человек — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[13]. Нужно сказать, что в трудных условиях эвакуации Воронежскому театру оперетты не только удалось сохранить свой репертуар, но и познакомить зрителей разных районов страны с лучшими произведениями тех лет, формируя, таким образом, патриотические чувства к Родине, готовность отдать гражданский долг стране в суровые годы войны.

В 1941 г. в Таджикистан прибыл Украинский симфонический оркестр под управлением А. Климова и Л. Брагинского, который, объединившись с симфоническим оркестром Таджикской филармонии, знакомил таджикского слушателя с мировой классикой — русской и зарубежной музыкой[14]. Знаменательным событием в культурной жизни республики стало исполнение здесь 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича при участии группы музыкантов Ленинградского театра комедии. Эта симфония, которой Анна Ахматова дала название «Ленинградская», — музыкальный символ стойкости и мужества защитников блокадного города, гениальный по силе обобщения художественный документ эпохи. И ее первое исполнение в Сталинабаде подтверждает тот факт, что «академическая» концертная жизнь превратилась в событие подлинно гражданского характера, вызвав новый подъем патриотизма со стороны слушателей.

Симфонический оркестр вдохновил и местных композиторов на собственное творчество. Среди крупных произведений, созданных в эти годы, отметим произведения на таджикские темы: сюиту «Таджикистан» М. Вольберга, кантату «Победа», сюиту «Дружба народов» А. Ленского, «Торжественный марш» Ф. Солиева. С другой стороны, новый музыкальный мир,

с которым столкнулись представители русской и украинской культур, открыл увлекательную перспективу использования национальных образов, мелодий и сюжетов. Таким образом, происходил процесс обмена творческим опытом между местными и приезжими деятелями культуры и искусства.

За время пребывания в Сталинабаде симфонический оркестр Украинской ССР провел сотни концертов, программа которых включала музыку к советским кинофильмам, произведения украинских композиторов и композиторов Таджикистана. В концерте, посвященном 25-летию Украинской ССР, были исполнены «Героическая увертюра» В. Косенко и сюита из балета «Аистенок» Д. Клебанова. Работая с симфоническим оркестром УССР, А. Климов одновременно являлся главным дирижером Таджикского театра оперы и балета. К слову сказать, строительство нового здания для оперного театра, начатого в 1940 г., было завершено в самые тяжелые годы войны, и 17 февраля 1942 г. состоялось торжественное открытие театра, что, безусловно, явилось важным событием в культурной жизни республики. Среди спектаклей, поставленных с участием А. Климова, — первое исполнение таджикской национальной оперы «Тахир и Зухра» А. Ленского.

В январе 1943 г. был дан большой концерт с участием артистов Таджикского театра оперы и балета, Украинского симфонического оркестра, Ленинградского театра комедии и Воронежского театра оперетты. Прощальный концерт оркестра состоялся 19 июля 1943 г.[15]

С 1941 г. в Таджикском театре оперы и балета сформировалась своя система учебных занятий. В воспитание местных кадров вокалистов огромный вклад внесли эвакуированные артисты-педагоги. Среди них был замечательный певец профессор Р. Чаров (1878–1964), записи которого и сейчас переиздаются в сборниках выдающихся голосов на компакт-дисках. Окончив в 1906 г. Санкт-Петербургскую консерваторию с большой серебряной медалью, он много гастролировал с разными оперными труппами по театрам российских городов, затем уехал в Италию, пел в крупных театрах, и не только этой страны, но и Швейцарии, Испании, Румынии. В 1925 г. Р. Чаров навсегда возвратился в СССР. В 1941 г. был эвакуирован в Ташкент, в 1943 г. переведен в Сталинабад в театр оперы и балета. В мае 1945 г. Р. Чарову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Таджикской ССР. В октябре 1945 г. он был отозван в Москву для концертной и педагогической работы во Всероссийском гастрольно-концертном объединении.

Р. Чаров приложил много усилий для освоения классического репертуара артистами Таджикского театра оперы и балета. Благодаря ему театр в 1943 г. впервые обратился к творчеству русских композиторов. Выбор пал на оперу Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». Р. Чаров вместе с педагогом Е. А. Прокофьевым, приехавшим в Таджикистан в конце 1930-х гг., обучал оперному пению местных певцов Т. Фозилову, Ш. Муллоджанову, А. Муллокандова, разучив с ними несколько партий. К сожалению, работа так и осталась учебной и не была показана зрителям[16].

В январе 1944 г. к 50-летию со дня смерти П. И. Чайковского педагоги решили поставить в театре несколько картин из оперы «Евгений Онегин». Отдельные сцены были объединены в художественное целое путем использования в спектакле конферансье (Л. К. Колесов, артист Ленинградского театра музыкальной комедии), который мастерски читал пушкинский текст,

удачно вплетенный в ткань спектакля и дополняющий отсутствующие сцены[17]. Сам Р. Чаров исполнял одну из главных партий — Ленского. Партию Онегина пел А. Муллокандов. Все исполнители проделали серьезную и большую работу под руководством Чарова, достигнув многого в раскрытии своих вокальных способностей. В 1944–1945 гг. таджикские певцы дали сольные концерты на своих творческих вечерах, включив в программы произведения русских и западных композиторов.

Р. Чаров сам тоже выступал с сольными концертами. Обладая легким, ровным голосом теплого тембра и широкого диапазона, высокой культурой исполнения, большим сценическим темпераментом, он свободно одолевал сложные технические пассажи. В его репертуаре было свыше 300 различных партий — от песенных до оперных. Не раз выступая перед таджикскими слушателями, он знакомил их с ариями из опер Дж. Верди, Г. Доницетти, Дж. Массне, Ж. Бизе и других композиторов.

В годы войны концертная жизнь столицы Таджикистана необычайно оживилась благодаря гастролям известных советских коллективов. Это Московский цыганский театр «Ромен», хор им. Пятницкого, Белорусский ансамбль песни и танца, джаз-оркестр Белоруссии, группа солистов Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Театр эстрады под руководством А. Райкина, ансамбль артистов Ленинградской оперетты, эстонский джаз, ансамбль песни и танца Эстонской филармонии, Украинский передвижной музыкально-драматический театр, украинская капелла «Думка», Киевский театр эстрады и интермедии, Ленинградский мюзик-холл, Армянский джаз-оркестр, Узбекский театр оперы и балета и др.

Кроме музыкальных коллективов в республику на гастроли приезжали певцы, пианисты, скрипачи, среди которых всемирно известные пианист Э. Гиллельс и скрипач Д. Ойстрах, исполнительница старинных цыганских романсов и таборных песен И. Юрьева, исполнительница песен народов СССР А. Загорская, певица К. Джапаридзе. Все они выступали с интересными разнообразными программами не только в столице Таджикистана, но и в других городах республики. У них появлялись свои поклонники в республике. Так постепенно повышался культурный уровень и городских жителей, и сельских. Все это было очень важно для развития музыкальной культуры Таджикистана.

Все эвакуированные и приехавшие на гастроли солисты и музыкальные коллективы были окружены заботой со стороны правительства республики, театров, филармонии и, конечно, населения Таджикистана. Они были обеспечены театральным помещением, жильем. Из фондов театров им выделялись материалы для декораций и костюмов[18].

Безусловно, работа эвакуированных коллективов была тесно связана с музыкальной и театральной жизнью столицы и других городов республики, при этом главной в их репертуаре была тема Великой Отечественной войны, героического прошлого страны и подвигов населения в тылу. Большой популярностью пользовались произведения малых форм — небольшие произведения, которые не требовали большой подготовительной работы, затрат времени и сил. Все артисты выступали в Таджикистане с концертами перед ранеными бойцами в эвакогоспиталях, воинских частях, перед

тружениками тыла — на предприятиях промышленности, в колхозах и совхозах, давая по несколько концертов в день, чтобы хоть как-то напомнить уставшим от войны людям о существовании мирной, счастливой жизни.

И эта наша общая история еще раз показывает, сколько людских судеб прошло сквозь огненное пламя Великой Отечественной войны! А сколько было тех, кто ковал Победу в тылу! И среди них — творческая интеллигенция, бóльшая часть которой пыталась не только выжить в сложившейся ситуации, но и всеми своими силами приблизить Победу.

Примечания

[1] Брескер И. Комсомольская забота о детях // Стахановец. 1942. 13 сент.

[2] См.: Ульмасов Р. Лживые измышления. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/lzhivye-izmyshleniya.

[3] Потемкина М. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечеств. история. 2002. № 3. С. 148–156.

[4] Сечкина Л. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой отечественной войны. Сталинабад : Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1960. С. 151.

[5] Дубовицкий В. Вплоть до «Дракона», приютил Таджикистан. URL: http://narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=1236:-qq-&Itemid=213.

[6] Акимов Н. Воспоминания «Встречи на грешной земле». URL: https://biography.wikireading.ru/230897.

[7] Дракон. Евгений Шварц. URL: https://www.kino-teatr.ru/teatr/art/history/4707.

[8] Цит. по: Дубовицкий В., Дубовицкая И., Шерматов Г. У врат Востока. Душанбе, 2019. С. 185–186.

[9] Сечкина Л. Указ. соч. С. 151.

[10] Вплоть до «Дракона», приютил Таджикистан.

[11] Цит. по: Сечкина Л. Указ. соч. С. 152.

[12] Там же.

[13] Паничева А. Воронежский театр оперетты в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы) // Изв. ВГПУ. 2019. № 4 (285). С. 166.

[14] Музыкальная жизнь Советского Таджикистана. Вып. 1. Душанбе : Дониш, 1974. С. 41.

[15] Коммунист Таджикистана. 1943. 15 янв.

[16] Нурджанов Н. Опера и балет Таджикистана. Душанбе, 2010. С. 95.

[17] Там же.

[18] Нурджанов Н. История таджикского советского театра (1941–1957). Душанбе : Дониш, 1990. С. 8.

С. Х. Акрамова

Таджикское кино накануне и в период Великой Отечественной войны

Кратко излагается история становления таджикского киноискусства в конце 1930-х гг. и отображается вклад советских и российских режиссеров, операторов, сценаристов и актеров в его дальнейшее развитие. Подробно описывается творчество русских мастеров театра и кино, эвакуированных в Великую Отечественную войну в Таджикистан. Отмечается, что в этот период в стенах Таджикской киностудии были сняты десятки художественных, документальных и хроникальных кинолент. Профессиональная деятельность советских мастеров кино и театра в Таджикистане в годы Великой Отечественной войны стала большой творческой школой для местных режиссеров и актеров. Жители Таджикистана с большим почтением относятся к памяти российских мастеров киноискусства, живших и работавших на таджикской земле.

Ключевые слова: *Таджикистан, кино, искусство, война, актеры, режиссеры, операторы, фильм.*

Создание и развитие таджикского киноискусства приходится на первую половину XX века. В становлении кино в Таджикистане огромная роль принадлежит советским и российским операторам и режиссерам. Первые документальные ленты, олицетворяющие коренные преобразования в Таджикской ССР, были сняты основоположником таджикского киноискусства оператором Евгением Кузиным. Документальные ленты Е. Кузина о прибытии в республику первых тракторов, первого поезда и об изменяющемся облике столицы — Сталинабада (ныне Душанбе) являются бесценными историческими реликвиями.

В 1930-е гг. в Таджикистане начинается создание уже звуковых художественных фильмов. И в этом деле необходимо отметить заслугу российских деятелей киноискусства: режиссеров Н. Досталя, Е. Брюнчугина, А. Константинова, Е. Некрасова, Н. Зелеранского; сценаристов Н. Кладо, М. Авербаха; операторов Е. Кузина, В. Чечеткина и др.

Первые таджикские звуковые игровые фильмы — «Сад» (режиссер Н. Досталь) и «Друзья встречаются вновь» (К. Ярматов) — были созданы только в 1939 г. В первых фильмах киностудии дебютировали и молодые

таджикские актеры. Выпуск и начало проката картины Таджикской киностудии «Друзья встречаются вновь» стала ключевой для таджикского киноискусства: в ней были задействованы таджикские актеры и звучала национальная таджикская музыка[1]. В картине «Сад» снялись актеры Таджикского государственного драматического театра имени А. Лахути — Ш. Джураев и Х. Сохиджонова. В 1940 г. на экраны вышла картина «На дальней заставе» режиссера Е. Брюнчугина, ставшая дебютом в кино актеров А. Бурхонова и Х. Бобохоновой.

В предвоенные годы в вузах Советского Союза стали организовываться «таджикские мастерские», которые прочно вошли в практику в послевоенный период. Так, в 1936–1937 гг. при Государственном институте театрального искусства имени Луначарского в Москве существовала первая «таджикская театральная мастерская». В 1937 г. правительство Таджикистана приняло постановление о наборе 30 человек для укомплектования этой студии, причем набор намечалось производить из числа работников районных театров и кружков художественной самодеятельности. Таким образом, в 1937 г. в ГИТИСе обучались 34 человека из Таджикистана. Среди них — известные в будущем деятели киноискусства Б. Акилов, Б. Алифбекова, Я. Ахроров, Х. Ахророва, М. Гиясов, А. Джураев, К. Джураев, Ш. Киямов, Х. Насибулина, Х. Нурматов, Е. Салиев, Ш. Сидикова и др. В 1938 г. на операторский факультет ВГИКа поступил Маматкул Арабов, известный и плодотворный деятель таджикского кино.

В 1939 г. Сталинабадская студия приступила к дублированию советских фильмов на таджикский язык. В 1940–1941 гг. были продублированы фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», «Великий гражданин», «Член правительства». Для руководства дубляжной группой в Сталинабад были направлены режиссер А. Константинов и звукооператор В. Чечеткин. Им ассистировали работники студии К. Олими, С. Таласова и В. Коробочкин. Переводом речи героев фильмов на таджикский язык занимались таджикские писатели М. Рахими, М. Турсунзаде и С. Улугзода. Начало Великой Отечественной войны остановило работу по дубляжу, которая возобновилась на киностудии только в 1946 г.

Накануне Великой Отечественной войны материально-техническое оснащение Таджикской киностудии находилось далеко не на высоком уровне. Об этом свидетельствовало и Постановление Совета народных комиссаров Таджикской ССР от 10 мая 1939 г. «О работе Сталинабадской киностудии», в котором указывалось на фактическое отсутствие производственно-технической базы, опытных технических и творческих руководителей, национальных специалистов, а также на то, что многие фильмы снимались с участием центральных студий. Было принято решение о выделении средств на строительство новой студии, подготовку режиссеров и сценаристов, составление нового тематического плана выпуска художественных фильмов. В предвоенный период на студии велась работа над такими полнометражными художественными фильмами, как «Пик молодости» Н. Кладо и М. Авербаха, «Вакт» К. Ярматова, «Один из нас» Е. Некрасова, «Письмо народа» Е. Акубжанова и Н. Зелеранского. Таджикские писатели активно включились в создание киносценариев. Литераторы М. Турсунзаде и А. Мстиславский написали сценарий фильма «В горах Памира», С. Улугзо-

да — «Крушение Ибрагим-бека», М. Миршакар — «Золотой кишлак», А. Дехоти и Х. Карим написали сценарий о революционном движении, Р. Навбари — о таджикской интеллигенции[2].

Начало Великой Отечественной войны явилось переломным этапом в истории киноискусства Таджикистана. Пришлось в срочном порядке внести коррективы в творческие планы киностудии.

Кинодеятели Таджикистана и эвакуированные в республику в годы Великой Отечественной войны художественные коллективы киностудий России внесли достойный вклад в приближение победы советского народа над фашистской Германией и освобождение народов Европы от нацизма и всеобщего порабощения. «Таджикфильм», как составная часть многонациональной системы киноискусства Советского Союза, с первых дней войны коренным образом перестроил свою творческую деятельность преимущественно в военно-патриотическом направлении.

Разгоревшаяся Великая Отечественная война стала причиной экстренной эвакуации наиболее крупных студий, киномеханических заводов и кинокопировальных фабрик из Москвы и Ленинграда на восток. Так, в Казахской ССР, в Алма-Ате, на базе местной студии художественных фильмов, а также оборудования «Ленфильма» и «Мосфильма» и с помощью их кадровых работников была образована Центральная объединенная киностудия. Киевская студия базировалась на площадках Ашхабадской и Ташкентской студий художественных фильмов, а Одесская — в Ташкентской киностудии. Центральная студия документальных фильмов временно обосновалась во Фрунзе (ныне Бишкек). Студия мультипликационных фильмов была вывезена в Самарканд. Эвакуация некоторых предприятий кинопромышленности на восток, в свою очередь, сыграла благоприятную роль в развитии киноотрасли союзных республик. В Самарканде на базе эвакуированного завода киноаппаратуры и его основного персонала было основано предприятие по производству киноаппаратуры[3]. Во время Великой Отечественной войны в Сталинабад были эвакуированы две советские киностудии и 17 театров. 13 ноября 1941 тогда ЦК КП(б) Таджикистана принял Постановление «Об организации производства художественных военно-оборонных фильмов в Сталинабадской киностудии», которым предусматривались создание полнометражных художественных фильмов, укрепление материально-технической базы киностудии и обеспечение жилой площадью прибывших в столицу большой группы киноработников.

Совместная творческая деятельность эвакуированных в Таджикистан деятелей киноискусства и начинающих таджикских режиссеров и актеров сыграла заметную роль в развитии киноматографии Таджикистана. Несмотря на тяжелую обстановку на фронте, киностудии страны продолжали работать — снимать, вдохновлять. Уже 5 декабря 1941 г. на экраны вышел боевой киносборник под названием «Новые похождения бравого солдата Швейка», который был снят именно в Таджикистане, в Сталинабадской киностудии.

Во время войны в Сталинабад были эвакуированы две киностудии — «Союздетфильм» (ныне киностудия имени Горького) и примерно 80 % мощностей и коллектива Одесской киностудии. На 18 эшелонах доставили артистов, декорации, кинооборудование. Все, что успели вывезти из Москвы,

было помещено в кинотеатр имени Горького (позже в здании размещалась Госфилармония, ныне студия телеканала «Сафина»). Работники Одесской студии, актеры, режиссеры и операторы пробыли в Сталинабаде с октября 1941 до августа 1944 г. За это время ими было снято 15 художественных и более 100 хроникально-документальных фильмов.

Совместно с московской киностудией «Союздетфильм» с 1941 по 1943 гг. было создано 12 фильмов[4]. В 1942–1943 гг. объединенная киностудия выпустила фильмы «Клятва Тимура» (режиссеры Л. Кулешов и А. Хохлова), «Лермонтов» (А. Гендельштейн), «Новые похождения бравого солдата Швейка» (С. Юткевич), «Бой под Соколом» (А. Разумный), «Март — апрель» (В. Пронин), «Венский шик» (К. Минц), «Лесные братья» (В. Журавлев). Совместно с Одесской студией велись работы по производству фильмов «Поединок» (В. Гончуков), «Буква В» (Н. Экк) и др.[5]

В 1942 г. вышел фильм «Сын Таджикистана» режиссера В. Пронина, в создании которого участвовал таджикский писатель М. Рахими вместе со сценаристами Е. Помещиковым и Н. Рожковым. Роли исполняли известный советский актер Б. Андреев и таджикский актер М. Касымов. В 1943 г. вышел фильм «Таджикский киноконцерт» режиссера К. Минца, который продолжил свое сотрудничество с киностудией «Таджикфильм» и в послевоенный период. В 1943 г., после реэвакуации «Союздетфильма», Сталинабадская киностудия была передана в ведение Главкинохроники, а создание художественных фильмов на ней было приостановлено, возобновлено только в середине 1950-х гг.[6]

В Сталинабаде жили и работали такие знаменитые актеры, как Фаина Раневская, Борис Тенин, Георгий Милляр, Рина Зеленая, Сергей Мартинсон, Сергей Филиппов, Борис Андреев, Алексей Консовский и др. На душанбинском кладбище ныне покоятся два народных артиста СССР — Борис Аркадин и Иван Чевелев. К сожалению, они не перенесли тяжести военного времени и скончались от тяжелой болезни в Таджикистане.

Совместная творческая деятельность таджикских актеров и режиссеров с эвакуированными российскими деятелями киноискусства явилась большим подспорьем для дальнейшего развития кино в Таджикистане. Русские режиссеры, операторы и актеры стали своего рода наставниками своих таджикских коллег. С большой теплотой о своей совместной работе над кинофильмом «Сын Таджикистана» вспоминал известный актер М. Касымов. Фильм рассказывал про дружбу двух бойцов — русского солдата (актер Б. Андреев) и таджикского бойца, — освобождавших Северный Кавказ от фашистских захватчиков. Актеры сохраняли дружбу и в послевоенной творческой жизни.

Вместе с киностудиями в Таджикистан были эвакуированы Ленинградский театр музыкальной комедии, Запорожский театр имени Щорса, Национальная академическая капелла Украины «Думка», Киевский симфонический оркестр, Днепропетровский кукольный театр, театр «Ромэн», Аркадий Райкин с театром эстрады и миниатюр, несколько театральных коллективов Украины, часть труппы музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и др. Театральные коллективы активно принимали участие в культурной жизни Таджикистана. Часто выступление артистов происходило на открытых площадках городов республики. Одним из цент-

ров культурной жизни стал городской парк культуры и отдыха города Сталинабада. Наряду с вечерними танцами здесь проходили выступления музыкальных коллективов. Звучали многонациональные песни и музыка народов Советского Союза. Их слушали не только местные жители, но и десятки раненых, проходивших реабилитацию в госпиталях города. Все работали. Сталинабад превратился в огромный «театрленд». Театральные коллективы ездили по всем городам. Такого никогда не было ни до, ни после войны.

Мало кто знает, что известный детский кинофильм «Кащей Бессмертный» с Георгием Милляром и Сергеем Столяровым в главных ролях снимали именно в Таджикистане.

В 1942 г. объединенная Сталинабадская киностудия выпустила 34 киножурнала «Советский Таджикистан в дни войны», 15 из которых были показаны по всему Советскому Союзу. В последующие годы были выпущены полнометражные фильмы «Ночь над Белградом», «Принц и нищий», «Март — апрель», «Таджикистан» и др. В начале 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны, в кинотеатрах показали «Сын Таджикистана». Большой успех выпал также на долю документального фильма «Таджикский концерт».

На причины прекращения производства художественных фильмов на Сталинабадской студии после реэвакуации «Союздетфильма» проливает свет докладная записка директора «Союздетфильма» К. Фролова и художественного руководителя студии С. Юткевича. В документе говорится о ситуации в коллективе Сталинабадской студии, сложившейся к 1942 г.[7] Во-первых, киностудия «Союздетфильм» была размещена не в выделенном постановлением Совнаркома и ЦК КП(б) Таджикистана кинотеатре и прилегающем к нему ресторане, а в «ателье игрушечных размеров (250 кв. м)». В итоге киностудия не имела возможности разместить все свои цеха. Из транспорта имелись лишь две легковые машины и один грузовой автомобиль.

Однако, несмотря на военное время, были предприняты попытки строительства новой съемочной площадки взамен «кустарной кинолаборатории с ручной проявкой и печатью кинопленки». Ввиду затрат древесины, дефицитной в Таджикистане, на строительство съемочной площадки и обустройство студии руководство «Союздетфильм» резко ограничило изготовление масштабных декораций для кинофильмов. Старые костюмы перешивались для очередного фильма. Кроме того, руководство «Союздетфильма» выполняло строгую директиву Государственного комитета по кинематографии СССР — привлекать к постановкам только режиссеров из утвержденного комитетом списка.

Необходимо отметить вклад таджикских кинематографистов, работавших не только в тылу, но и на фронте, в создание кинолетописи Великой Отечественной войны. Так, в 1943 г. в качестве единственного из Таджикистана фронтового кинооператора от Центральной студии документальных фильмов на 1-й Украинский фронт был направлен выпускник операторского факультета ВГИКа М. Арабов, чьи кадры вошли в документальные фильмы о Великой Отечественной войне: «В Верхней Силезии» (1945), «Берлин» (1945), «Парад Победы» (1945), «Великая Отечественная» (1965).

Достижения мастеров таджикского киноискусства в послевоенный период также были тесно связаны с их плодотворным сотрудничеством

с российскими коллегами. Таджикистанцы с большим почтением относятся к памяти российских мастеров киноискусства, живших и работавших на таджикской земле.

Примечания

[1] Ахроров А. Таджикское кино: 1929–1969 гг. Душанбе : Дониш, 1971. С. 46, 84, 52.

[2] Там же. С. 63, 65.

[3] Калистратов Ю. Экономика производства и обращения кинофильмов в СССР. М. : Искусство, 1958. С. 64–65.

[4] Информационная записка директора Сталинабадской студии кинохроники в ЦК КП(б) Таджикистана о деятельности киностудии с 1940 г. по 1948 г. от 27 октября 1948 г. // Из истории культурного строительства в Таджикистане : в 2 т. Т. 2. Душанбе : Ирфон, 1972. С. 348.

[5] Ахроров А. Указ. соч. С. 69.

[6] Советское кино в датах и фактах (1917–1969) : справочник. М. : Искусство, 1974. С. 158.

[7] Из докладной записки директора киностудии «Союздетфильм» К. П. Фролова и художественного руководителя студии С. И. Юткевича о ситуации в коллективе студии от 18 мая 1942 г. // Кино на войне : док. и свидетельства / авт.-сост. В. Фомин. М. : Материк, 2005. С. 309–316.

М. С. Имомзода, З. А. Сайфуллаева

В шаге от фронта: таджикская советская литература в тылу

Освещаются патриотические произведения таджикских советских писателей и поэтов, созданные в тылу в годы Великой Отечественной войны. Отмечается мобилизующая роль патриотических произведений в борьбе против немецкого фашизма.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, патриотизм, тыл, советская таджикская литература, фашизм.*

Великая Отечественная война стала тяжелым уроком и испытанием для всего советского народа, в том числе таджикского. В силу исторических обстоятельств таджикский народ тоже прошел трагические испытания и проверку Великой Отечественной войной. Поэтому День Победы является славной страницей истории и неповторимым примером подвига наших отцов и старших братьев в самой кровавой войне прошлого века[1].

Таджикистан географически был далек от фронта, но все лишения и тяжести таджикистанцы ощутили в полной мере, и война зашла в каждый дом в республике. С началом войны в соответствии с требованиями военного времени в республике была перестроена вся работа культурно-просветительных учреждений, народного образования, издательств, печати, литературы, искусства, науки, радио и кино. Труженики тыла — простые граждане, деятели культуры, искусства и науки объединились вокруг призыва «Все для фронта! Все для победы!».

Все звенья духовной культуры республики внесли заметный вклад в Великую Победу над фашизмом; 1418 дней и ночей оставили глубокий след в литературной жизни и произведениях литераторов Советского Таджикистана. С первых дней войны таджикская интеллигенция включилась в общенародную борьбу против общего врага — фашизма. Уже 24 июня 1941 г. творческая интеллигенция Таджикистана в своем письме заявила о своей готовности с оружием в руках и упорным творческим трудом бороться за свободу и независимость Родины: «Мы, советские писатели солнечного Таджикистана, все как один считаем себя в полной мобилизационной готовности. По первому зову партии и правительства можем встать с оружием в руках в ряды нашей славной Красной Армии на защиту Отчизны. Мы, писатели, будем работать, не считая дней и ночей, и создадим

новые произведения, воспевающие дорогую Родину и ее могучую Красную Армию»[2].

В первые дни войны военкоматы Таджикской ССР приняли более 10 тыс. заявлений от добровольцев. В их числе были и таджикские советские писатели и поэты. Поэт и критик Хабиб Юсуфи, писатели Хаким Каримзаде и Бузургзаде, драматург Абдушукур Пирмухаммад-заде, прозаик Фатех Ниязи, поэты Аширмат Назаров и Хабиб Ахрари пером и штыком сражались с фашистскими захватчиками. В огне битв за Родину зрел их талант. Фронтовые стихи Хабиба Юсуфи и Аширмата Назарова, очерки и рассказы Фатеха Ниязи и других таджикских писателей-фронтовиков печатались на фронте и в тылу[3]. Будучи воинами Красной армии, в активную творческую жизнь вступили молодые поэты и писатели А. Шукухи, М. Фархад, А. Кахори. Таджикские писатели-фронтовики С. Улуг-заде и Ф. Ниязи выступали со своими произведениями во фронтовых газетах и боевых листках, пропагандировали среди бойцов лучшие образцы таджикской классической и советской литературы[4]. Четверо таджикских литераторов пали смертью храбрых на поле брани: Хаким Карим (погиб в 1942), Лутфулло Бузургзаде (в 1943), Абдушукур Пирмухаммадзаде (в 1942), Хабиб Юсуфи (в феврале 1945).

Спустя неделю после начала войны, 29 июня 1941 г., на совещании в ЦК КП(б) Таджикистана с участием известных писателей, поэтов и творческих деятелей республики было принято постановление, согласно которому надлежало перестроить деятельность в области культуры и искусства. В новых произведениях, по постановлению военного времени, необходимо было воспевать героику настоящего, опираясь на историческое прошлое, в том числе таджикского народа: «Глубоко и образно раскрыть героику дней Великой Отечественной войны, Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны, трудовых будней первых советских пятилеток и трудных дней войны»[5].

Таджикские литераторы в тылу перестраивали свою работу, строго подчиняя ее требованиям войны. В годы войны популярным становится исторический жанр. Богатая событиями история борьбы таджикского народа с иноземными захватчиками помогла авторам создать произведения, так необходимые в то время для поднятия энтузиазма и патриотического духа бойцов. Обращение к героическому прошлому народа, к его национальным ценностям воодушевляло бойцов на ратные подвиги во имя спасения Родины, устремляло быть похожими на своих предков, доблестно боровшихся за свободу от иноземных захватчиков.

С первых дней войны известный выдающийся таджикский писатель и поэт, ученый-филолог Садриддин Айни, несмотря на почтенный возраст, каждый день приходил в военкомат, беседовал с призывниками. Его многолетний опыт владения живым словом, знание невероятной и благодатной силы слов, признанный авторитет обеспечивали неоспоримое влияние на молодое поколение. Знаменитый писатель призывал к самоотверженной защите Родины, мужеству и стойкости во имя достижения общей победы над врагом.

Уже в начале августа в газете «Точикистони сурх» («Красный Таджикистан») С. Айни публикует несколько назидательных статей, в том числе «Агония раненого хищника», «Всякого, кто вредит людям, надо уничто-

жать», направленных на скорейшее уничтожение «самых ужасных хищников земли». Чувством гнева буквально пропитано каждое слово С. Айни: «Чтобы быстрее разгромить этого злого врага, нам необходимо с каждой минутой все больше и лучше трудиться, отдавать все свои силы для укрепления фронта и тыла». В статье «Родина — мать» писатель проводит параллель кровной связи человека с родной землей и национальными корнями: «Родина — мать. Эти два понятия имеют между собой тесную связь и являются для человека самым близкими и драгоценными. Советский гражданин в уважении и любви не ставит разницы между "родиной" и "матерью", для него "мать" и "родина" являются неразделимыми понятиями. Каждый гражданин, каждый сын Родины должен их любить, уважать и защищать. Поистине настоящая мать — это Родина»[6].

В этот период регулярно в советской периодической печати появлялись материалы военно-патриотической направленности. Советский патриотизм ковался на героическом прошлом татарского, башкирского, грузинского, узбекского, таджикского, казахского, еврейского и других народов, авторы публикаций воскрешали национальную гордость этих народов. В тылу, в советских республиках, в том числе в Таджикистане, в пропагандистских и агитационных целях массовыми тиражами издавались брошюры, методички и литературные произведения. Так, в сентябре 1941 г. Таджикгосиздат выпустил 39 брошюр тиражом 213 тыс. экземпляров. За 1942 г. в республике было издано 200 книг и брошюр общим тиражом более 1,5 млн экземпляров, а с начала войны до 1943 г. в Таджикистане — 230 книг на военные и политические темы тиражом около 2 млн экземпляров. Кроме того, издано около 50 работ методического характера, преимущественно переведенных с русского на таджикский язык, имеющих военно-патриотическое значение[7].

В военное время в республике на передовых позициях остались только два печатных издания — газеты «Точикистони сурх» и «Коммунист Таджикистана». Таджикские писатели и поэты именно на страницах этих двух газет и в центральных периодических изданиях печатали свои произведения, находили все новые, особенные формы самовыражения в статьях, очерках, заметках, эпиграммах, фельетонах, памфлетах.

В середине августа 1941 г., когда немецкие войска уже прорывались к Ленинграду, в газете «Точикистони сурх» печатались острые памфлеты С. Айни «Чингиз XX века» и «Семиглавое чудовище». Автор неслучайно провел исторические параллели между кровожадными человеконенавистниками Чингиз-ханом и Гитлером. Описывая черные дела и преступления против человечества каждого, писатель обращается к древней истории таджикского народа. Таджики в начале XIII в. ощутили на себе весь трагизм монгольского нашествия, когда происходили «массовые, грандиозные, огромные избиения и угон населения, организованное уничтожение жителей густонаселенных городов и запустения целых районов». При взятии Бухары Чингиз-хан уничтожил 30 тыс. жителей, остальных обратил в рабство; монголы уничтожили Самарканд, вырезав большинство населения; для осады древнего таджикского города Худжанда Чингиз-хан направил 25-тысячное войско. Героическая оборона Худжандской крепости составляет одну из ярких страниц подлинного героизма освободительной борьбы таджикского народа с иноземцами.

Мастер слова С. Айни описывает эволюцию образа врага от Средневековья к современности. Писатель сравнивает средневекового Чингиз-хана и современного Гитлера, а полчища монгольских войск — с фашистскими захватчиками: «Каждый раз, когда мы вглядываемся в черные страницы политической жизни Гитлера и его последователей, перед нашими глазами появляется зловещий образ палача человечества и разрушителя культуры — кровавого Чингиз-хана. С первых дней своих завоеваний, он начал разрушать и грабить все города и села, стоящие перед его ордой. После этого выводил всех людей из своих домов, сосредоточивал на одной площади и сжигал на их глазах их дома, сады, дворцы вместе со всеми культурными ценностями. Из среды людей выбирал молодых и сильных и превращал их в рабов, а остальных — женщин, детей, стариков и больных зверски убивал. Также и Гитлер разрушает и грабит завоеванные регионы. После этого превращает в рабов сильных мужчин и угоняет их на тяжелейшие работы. Но женщин, детей, стариков, больных и раненых (даже тяжело раненых своих солдат) зверски уничтожает»[8].

Описывая зверства двух «палачей человечества», автор сознательно воздействовал через подсознание и эмоциональную сферу, чтобы более доступно донести до защитников Родины единственную цель — мобилизовать все силы на разгром врага. Айни мастерски сравнивает двух преступников в истории, указывая, что Гитлер намного опаснее Чингиз-хана: «Отличие Гитлера от Чингиз-хана в том, что, если Чингиз-хан проливал кровь и разрушал мир с помощью первобытного ружья, мечей, клинков и камнеметателей, то Гитлер осуществляет все свои зверства посредством автоматических пушек и снарядов, а также ядовитых бомб. Поэтому ясно, что жестокость, человекоубийство и уничтожение культуры со стороны Гитлера в тысячу раз больше и разрушительнее, чем все действия Чингиз-хана»[9].

В конце статьи, подытоживая, С. Айни констатирует, что Гитлер неминуемо должен быть повержен, дабы не повторилась трагическая судьба древнего народа. «Да, враг силен, но мы, имея Красную армию, двухсотмиллионный народ, при поддержке всего человечества победим», — с уверенностью пишет автор. Писатель сознательно подчеркивает, что близок крах «Чингиз-хана XX века», вселяя уверенность в души солдат — защитников Отечества, да и народа в целом: «В ближайшем будущем мы уничтожим этого Чингиз-хана XX века и похороним его на кладбище Чингиз-хана XIII века. Потому что, если бы не наступил смертный час Гитлера и гитлеризма, то он бы не напал на нашу священную советскую страну»[10].

В 1944 г. С. Айни еще раз обратился к историческому прошлому — к восстаниям против поработителей таджикского народа — Чингиз-хана и Аббасидского халифата. В двух исторических очерках — «Герой таджикского народа — Тимурмалик» и «Восстание Муканны» — великий Айни прославил народных героев — государственного деятеля Хорезмшахов Тимурмалика и хорасанского проповедника Хашима ибн Хакима (Муканну), которые до последнего сражались за свободу родного края.

Исторические образы предводителей восстаний против иноземных завоевателей были выбраны писателем неслучайно. В этот сложный для многонациональной советской страны период, возвращаясь к героическому

прошлому одного из ее народов, описывая непримиримую борьбу против иноземного ига, таджикский классик пропагандировал патриотизм и мобилизовал духовные силы для борьбы против фашистской нечисти. Народные герои воспринимались «прежде всего как образы, символизирующие несокрушимость народного духа, верность отчизне, ведущей кровопролитную справедливую войну с ненавистным врагом. Именно этим и объясняется популярность этих произведений в тяжелые для советского народа годы борьбы с фашизмом»[11].

По окончании войны С. Айни пишет оду «Сказание о войне и победе», которая звучит гимном всему советскому народу, победившему фашизм.

Аналогично С. Айни выдающийся таджикский советский поэт Мирзо Турсунзаде в поэме «Сын Родины» воскресил исторические образы предков таджикского народа — мужественного Фархада, кузнеца Ковы, лирические образы Лейли и Маджнуна и реальные — мирных жителей таджикского селения. Таджикские крестьяне в один миг превращаются в воинов — объявлена война.

Казалось, во все уголки кишлака
Волной из степи потянулись войска…[12]

Поэма была создана в трагическом 1942 г., когда шли бои на подступах к Сталинграду. В этом произведении М. Турсунзаде органично проводит тему пролетарского интернационализма и патриотизма. Так, герой поэмы Кодир во время боя спасает Миколу — украинца, а раненного Кодира спасает русский врач. Вся поэма пропитана единством исторических судеб всех народов Советского Союза, которые рука об руку с оружием защищают и отвоевывают у врага каждую пядь родной земли, как некогда их предки дрались за земли своих отцов.

Зовет взять клинок и скакать на врагов,
Ждет этого Родина-мать от сынов.
И ради победы готов я опять
За Родину жизнь, не жалея, отдать![13]

Некоторые свои произведения М. Турсунзаде сочинил по «горячим следам» военных событий. Подвигу летчика Николая Гастелло, который в самом начале войны, 26 июня 1941 г., ценой собственной жизни протаранил немецкую механизированную колонну, посвящено стихотворение «Памяти капитана Гастелло». Стихотворение «Таджикский богатырь» посвящено таджикскому снайперу Тешабою Одилову, которого немцы прозвали «Красный дьявол».

В период войны М. Турсунзаде создает большое количество поэтических произведений: «До свидания, дорогая мама», «Согласие матери», «Память капитана», «Медсестры», «На войну», «Никогда» и др. Поэт ездил в республики Средней Азии, где на вокзалах выступал с напутствиями перед воинами, отправлявшимися на фронт. В своих речах М. Турсунзаде опирался на межнациональные, общечеловеческие духовные богатства многонациональной Родины.

Мэтр советской таджикской поэзии Абулькасим Лахути выступил с разоблачением фашистской идеологии еще до нападения Гитлера на Советский Союз — когда шла война в Испании.

24 июня 1941 г. в столице Таджикистана Сталинабаде поэт А. Лахути, выступая на антивоенном митинге, четко обозначил безнравственность «диких фашистских собак», указал на традиционный патриотизм таджиков и духовную силу советского народа. А. Лахути вмиг откликнулся на героический подвиг комсомолки Зои Космодемьянской в ноябре 1941 г., создав эпическую поэму «Галабаи Таня» («Победа Тани»). Восславив первую женщину-легенду — Героя Советского Союза, поэт доподлинно изобразил солдата войны — мученика и героя. Поэма стала истинным гимном мужеству и отваге солдату-женщине, глубоко раскрыв характерные черты патриотизма советского человека. Громко прозвучал в гражданской лирике А. Лахути, в поэме «Сказание о Мардистане»[14], гимн подвигу 28 панфиловцев при обороне Москвы от фашистских захватчиков 16 ноября 1941 г.:

На нас однажды вражья рать напала,
Задумав край цветущий покорить,
Народ свободный в рабство обратить…
Никто колен склонить не пожелал,
Позором жизнь купить не пожелал…
И дорогой ценою жизнь свою
Все отдали в неслыханном бою…
Отчизна вскоре в яростных боях
Развеяла по ветру вражий прах…[15]

В эпическом стихотворении «Погасим огонь, сжигающий детей», написанном в аллегорической форме, А. Лахути взывает к всему человечеству:

Огнем фашизма охвачен весь мир,
Нависла угроза планете.
Всяк, кто может спасти этот мир,
Иди — потуши, спаси всех на свете![16]

Произведения А. Лахути, созданные в военные годы — стихотворения «Муравей и солнце», «Любимая, настало время…», «Наказ узбекской матери», «Я пойду на поле битвы», поэмы «Пахлаван Ошти» («Витязь Мир»), «Сказание о море и реках», «Сказание о счастье» и многие другие — пользовались большой популярностью на фронте и в тылу. В них магическая сила слова сумела оживить любовь к родному краю, к Родине и вселить уверенность в неизбежности победы над общим врагом — фашизмом.

Некоторые поэты и писатели в составе делегаций ездили на фронт, в блокадный Ленинград. Они стремились поднять боевой и трудовой дух народа[17].

В самый тяжелый военный период для советского народа — в Сталинградскую битву в периодической печати стали печататься письма-обращения из тыла — из всех национальных республик Советского Союза. Так, в январе 1943 г. было опубликовано письмо трудящихся Таджикистана вои-

нам-таджикам: «Где бы вы ни сражались — на берегах Дона, в степях Украины, в окрестностях Ленинграда, — вы защищаете Сталинабад, берега Пянджа, горы Памира, долины Вахша и Ленинабада… русские, украинцы, белорусы, грузины, узбеки, таджики, казахи, киргизы — все мы дети этой великой Родины. Наша страна СССР. Солнечный Таджикистан — ее неотъемлемая часть»[18].

Ответы с фронта на призывы из тыла постоянно печатались в газетах: «Я, сын таджикского народа, не опозорю звания офицера, поведу свой полк на бессмертные подвиги во имя народа, во имя многонационального Советского государства и братства народов Советского Союза…»[19]; «Мы верим, что недалеко то-время, когда советский народ, истребит оккупантов, снова заживет счастливой жизнью»[20].

Уверенность в победе над врагом все категоричнее звучит в произведениях таджикских советских поэтов и писателей. Ими созданы в этот период лучшие образцы литературных произведений — очерки и поэмы о воинах-таджиках, героях войны: «Герой Днепровского берега», «Сказание о сокрушителе танков» (автор Джалол Икрами); «Сынок», «Герой Исмоил из Самгара», «Герой Урунбек» (Рахим Джалил); «Кабир из Хоита», «Азим Снайпер», «Клятва и верность» (Фотех Ниязи); «Один и сто один», «Он защищает город Ленина», «Самоотверженность» (Сатим Улугзаде); «Смерть за смерть, кровь за кровь», «Будь беспощаден к врагу», «Победа» (Мухаммеджан Рахими); «Фирдоуси и защита Родины», «Саади — великий патриот» (Шарифджон Хусейнзаде); «Поэма об отважном Одиле» (Розия Озод) и многие другие. Таджикские литераторы как в публицистических статьях, так и в исторических и сатирических очерках призывали народ к мести, к ликвидации угрозы порабощения Родины фашизмом[21].

Можно уверенно сказать, что духовная битва в «сороковые роковые» была значимой силой и повлияла на ход войны. Неимоверная сила патриотического слова вызывала эмоциональный отклик и вдохновляла на героизм бойцов, вызывала ненависть к врагу.

Восемьдесят лет назад началась Великая Отечественная война, и мы должны помнить, говорить и чтить память о тех людях, которые подарили нам мир и Победу. «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего»[22], — утверждал историк В. О. Ключевский. В последнее время участились попытки освещать историю войны с искажением. Наша общая задача — не дать переписать историю войны в угоду времени, сохранить память о бойцах, ополченцах, тружениках тыла — обо всех, кто днем и ночью ковал Победу. Сегодня, когда в мире существует угроза фашизма в лице националистов, выстоять в этой борьбе нужно словом — сильным оружием, которым одержали грандиозную и сокрушительную победу над нацизмом в сороковые советские писатели и поэты.

Слово может у вечности мудрость добыть,
даже через судьбу может переступить.
У чужого меча острие затупить
может слово
Такая дана ему сила[23].

Примечания

[1] Рахмон Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации : в 6 т. Т. 6. Душанбе : Ирфон, 2007. С. 151.

[2] Советский Таджикистан в Отечественной войне (1941–1945 гг.). Душанбе : Дониш, 1975. С. 118.

[3] Замон ва наср : мизи мудаввар = Время и проза : круглый стол // Садои Шарк (Голос Востока). 1982. № 1. С. 56.

[4] Брагинский И. С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад : Таджикгосиздат, 1956. С. 118.

[5] Шукуров М. А. История культурной жизни Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. Душанбе : Ирфон, 1985. С. 56.

[6] Айни С. Модар — Ватан = Родина — Мать // Точикистони сурх (Красный Таджикистан). 1942. 26 сент.

[7] Гафуров Б. Из истории пропагандистской и агитационной работы в Таджикской ССР // Пропагандист. 1943. № 18. С. 43.

[8] Айни С. Чингизи асри XX = Чингиз XX века // Точикистони сурх (Красный Таджикистан). 1941. *10 авг.*

[9] Там же.

[10] Акобиров Ю., Харисов Ш. Садриддин Айни. М. : Молодая гвардия, 1968. С. 121.

[11] Турсунзаде М. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2: Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит., 1985. С. 21.

[12] Там же. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М. : Худож. лит., 1985. С. 227.

[13] Там же. С. 225.

[14] Мардистан — букв. «жилище мужчин, мужественных людей».

[15] Лахути А. Сказание о Мардистане : пер. Ц. Бону // Вечер. Москва. 1942. 23 февр.

[16] Перевод с таджикского З. А. Сайфуллаевой.

[17] Душанбе : энциклопедия. Душанбе : Гл. науч. ред. Таджик. нац. энцикл., 2004. С. 86.

[18] Секретов А. Н. Боевая слава Таджикистана. Душанбе : Ирфон, 1995. С. 84.

[19] Иркаев М. Очерк истории Советского Таджикистана: 1917–1957 гг. Сталинабад : Таджикгосиздат, 1957. С. 362.

[20] Таджикский народ в борьбе за Советскую Родину. Сталинабад : Таджикгосиздат, 1943. С. 46.

[21] Садуллоев А. Публицистика М. Турсунзаде. Душанбе : Адиб, 1988. С. 54.

[22] Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М. : Наука, 1983. С. 13.

[23] Каноат Мумин. Голоса Сталинграда. М. : Совет. писатель, 1973. С. 38.

Ш. В. Исуфов

Вклад тружеников Кулябской области в Фонд обороны в годы Великой Отечественной войны

Анализируется яркая страница военной истории Куляба — патриотическое движение по сбору средств в Фонд обороны, строительство танков, самолетов и кораблей.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Фонд обороны, Кулябская область, фронт, колхозы, масло, зерно, мясо, яйца, сухофрукты.*

С первых дней Великой Отечественной войны во всех населенных пунктах, колхозах и совхозах Таджикской ССР, в том числе в Кулябской области, проводились собрания с целью мобилизации всех имеющихся ресурсов для достижения победы. С началом войны одной из главных задач трудящихся стало оказание всесторонней помощи фронту. Поэтому сельчане постарались не только выполнить государственный план по своевременному производству, но и спланировать создание дополнительных запасов продовольствия.

В первые дни войны с инициативой создания Фонда обороны выступили жители различных регионов страны и разных этнических групп населения. Создание Фонда обороны поддержали все слои населения Таджикской ССР. Многолюдные собранные прошли в сельской местности республики, где колхозники с высоким чувством патриотизма жертвовали свои сбережения и продукты в Фонд обороны. Помощь фронту поддержали и труженики Кулябой области, в том числе Ховалингского района. Сначала секретарь комитета комсомола Ховалингского района Абдурахманова пожертвовал в Фонд обороны 5 тыс. руб. и поддержала создание этого фонда. В первых числах августа 1941 г. первый председатель исполкома Совета рабочих депутатов этого района Азимов внес в фонд 1200 руб. и пообещал ежегодно вносить еще по 100 руб. Колхозник Ходжизода внес 700 руб. наличными, Сафоев — 400 руб. и 80 кг мяса, Мукимов — 300 руб. и т. д. Председатель колхоза «Иттифок» Ховалингского района С. Рахимов пожертвовал 150 кг пшеницы, а члены колхоза Р. Аюбова, А. Кабирова и А. Сангов внесли в Фонд обороны по 100 кг пшеницы.

Для организации сбора средств в Фонд обороны в Таджикской ССР была усилена разъяснительная работа, для этого во всех колхозах Ховалингского района прошли митинги. Впечатляющая встреча состоялась

в начале августа 1941 г. в колхозах «Парижская коммуна» и «Маданият» (Чонбахтский сельский совет) Ховалингского района Кулябской области. На ней выступил председатель колхоза О. Музаффаров, который призвал народ к разгрому фашизма и рассказал о Фонде обороны. Он первым пожертвовал в фонд 1000 руб. и 50 кг мяса. Вслед за ним колхозник С. Олимов сдал в фонд две козы и 500 руб., К. Назимова — овцу и 350 руб. Перечислили деньги в Фонд обороны председатель колхоза «Маданият» Ховалингского района С. Абдуллхаев и секретарь комитета комсомола колхоза Сафар. Колхозники также решили немедленно собрать тонну пшеницы и передать ее в фонд. Члены колхоза «Рохи Ленина» во главе с его председателем Н. Аминовым передали в Фонд обороны 370 руб., три пары шерстяных носков, две нательные рубахи и пару брюк. Колхоз им. Ворошилова (председатель Ширин Холов) передал 50 руб., пару шерстяных носков, зимние перчатки, колхоз им. Папанина — 50 руб., кружку, пальто, пару брюк, а члены колхоза «Социализм» сдали 195 руб. С первых дней Великой Отечественной войны и по 20 декабря 1941 г. колхозники Ховалингского района внесли в Фонд обороны 52 677 руб. наличными, гособлигаций на сумму 1 750 605 руб., 50 ц пшеницы, 7 ц ячменя, 35 кг риса, 1758 кг мяса. В Фонд обороны также были переданы 1340 г масла, 237 кг шерсти, 158 кусков кожи и 301 кг металла[1].

К ноябрю 1941 г. колхозы Балчуванского района пожертвовали в Фонд обороны государственных облигаций на сумму 1883 руб., 20 364 руб. наличными и 310 г серебра. Активно участвовали в сборе средств члены колхозов им. К. Маркса и им. Кагановича. Они внесли в Фонд обороны 6082 руб.[2] В июле 1941 г. колхозники Фархорского района выкупили и передали в фонд 12,4 тыс. руб. наличными и 115,7 тыс. руб. государственными облигациями[3]. В целом до 1 декабря 1942 г. трудящиеся Кулябской области перечислили в Фонд обороны 1160 млн руб.[4]

Собирали трудящиеся Таджикистана и новогодние подарки для фронтовиков. Хотя социально-экономическое положение в республике было крайне тяжелым, ее жители за неделю, с 18 по 26 декабря 1941 г., смогли отправить на фронт новогодние подарки: 355 ящиков с подарками были высланы из Сталинабадского района, 81 — из Кулябского района, 457 — из Гармского района, 5 вагонов подарков — из Ленинабадского района. Всего в 1941 г. из республики на фронт отправили 3102 коробок с подарками общим весом 86,3 т[5].

12 апреля 1942 г. исполком Кулябского областного Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос о распределении военного займа среди районов области. Благодаря усилиям облисполкома приобретение билетов военных займов тружениками области дало значительные результаты. В течение двух недель колхозники, рабочие и служащие области подписались на военный заем на сумму 4220 тыс. руб.[6] В том же 1942 г. население Кулябской области отправило на фронт различных продуктов на 900 тыс. руб., а также масло, зерно, мясо, яйца, сухофрукты и другие продукты[7]. Вместе с тем в этом году колхозники области приобрели билеты денежно-вещевой лотереи на сумму 4 млн 290 тыс. руб. В 1942 г. очень активно снабжали фронт колхозники Кизилмазорского района. Они отправили на фронт 177 100 кг мяса, 7700 шкур, 10 362 кг масла[8].

Жители Фархорского района к маю 1942 г. внесли в Фонд обороны 1 млн 500 тыс. руб. Члены колхоза «Красный Таджикистан» Дехканарикского сельского совета отправили защитникам и воинам Ленинграда 1000 руб., пять пар носков, три пары перчаток, 8 кг шерсти, 20 кусков кожи и др. Ранее колхозники этого района отправили на фронт 345 ящиков подарков общим весом 4 т[9]. В 1942 г. колхозы района также своевременно выполняли обязательные поставки государству. Например, члены колхоза «Вторая пятилетка» Ховалингского района (председатель И. Умаров) досрочно выполнили государственные обязательства по сдаче мяса, шерсти, яиц, масла и другой сельскохозяйственной продукции[10]. Много подарков для бойцов Красной армии приготовили колхозники Муминободского района. Девочки из Муминободского района отправили на фронт 900 кг грецких орехов, 90 кг сухофруктов и 20 кг яблок[11].

В 1943 г. трудящиеся Кулябской области под руководством Коммунистической партии Таджикистана принимали активное участие в сборе средств и покупке лотерейных билетов. К 26 октября 1943 г. были собраны для фронта 31 578 тыс. руб.[12] Несмотря на военную обстановку в стране, процесс сбора средств в помощь фронту продолжался до конца Великой Отечественной войны. Всего трудящиеся Таджикистана внесли в Фонд обороны 30,5 млн руб. деньгами, 45,7 млн руб. облигациями государственного займа, сдали до 6491 ц зерна[13].

Жители Таджикистана, в том числе Кулябской области, также взяли на себя обязательство содействовать восстановлению экономики освобожденных районов страны. На всех промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, школах и учреждениях были проведены собрания и митинги, собраны средства в помощь населению этих районов. Например, работница Кулябского нефтеперерабатывающего завода О. Курбанова, выступившая на митинге 23 августа 1943 г., говорила: «Мой единственный сын героически погиб, защищая Ленинград от рук кровожадных нацистов. Я отдаю все, что имею, Красной армии и тем, кто пострадал от фашизма. Я жертвую свою ежемесячную зарплату в Фонд реконструкции ферм, освобожденных от нацистской оккупации, и призываю вас, мои коллеги, присоединиться к этой инициативе». К инициативе О. Курбановой присоединились 16 рабочих нефтеперерабатывающего завода, 19 рабочих Кулябского комбината и 73 рабочих других предприятий и учреждений Куляба[14].

В годы Великой Отечественной войны жители Кулябской области не щадили сил для защиты Родины и разгрома фашизма и до конца войны собирали необходимые для победы Красной армии средства, а также покупали на них военную технику. Например, во время войны колхозы Колхозабадского района собрали 635 тыс. руб. на строительство танка «Колхозник Таджикистана», 97,3 тыс. руб. на постройку танка «Комсомол Таджикистана» и авиаотряда «Советский Таджикистан»[15].

Таким образом, вышеизложенные факты свидетельствуют о высоком патриотизме крестьян Кулябской области, понимавших потребности страны. В условиях военного времени труженики Кулябской области проявили высокий патриотизм и внесли немалый вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Примечания

[1] Амир Сайиди Мунки. Яхсу : науч.-популяр. очерки. Душанбе, 2014. С. 256–259.

[2] Коммунист Балчувана. 1941. 10 дек.

[3] Хлопкоробы. 1941. 11 авг.

[4] Шарифов Д. Сборник историко-литературных трактатов. Душанбе, 2013. С. 260.

[5] Рахимов С. А. Деятельность Компартии Таджикистана по мобилизации всех материальных и духовных сил республики на разгром немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 1991. С. 237.

[6] Государственный архив Хатлонской области в Кулябском регионе. Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 41–42.

[7] Областной архив КП(б) Таджикистана в Кулябском регионе. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 17.

[8] Шарифов Д., Шарифов З. За слова и честь страны. Куляб, 1990. С. 10–12.

[9] Хлопкоробы.1942. 11 авг.

[10] Бегов М. Сданные государственные обязательства // Большевик Ховалинг. 1942. 31 мая.

[11] Алимов Д. Х. Хатлонская область Республики Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Душанбе, 2012. С. 15.

[12] Шарифов Д. Указ. соч. С. 260.

[13] Караев Ф. К. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы историографии : дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2018. С. 226.

[14] Шарифов Д. Указ. соч. С. 260.

[15] Ёдгори Н., Хафизов Д., Рахмат П., Холзода М. Жить у подножия двух соляных гор (Восейский район: история, развитие, люди, настоящее и будущее). Душанбе, 1994. С. 40.

Часть VI

Историография и источниковедение Великой Отечественной войны

Т. В. Вербицкая

Документы об эвакуации в годы Великой Отечественной войны как основа политики памяти (на примере материалов Государственного архива Свердловской области)*

Работа посвящена исследованию материалов Государственного архива Свердловской области, касающихся эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Изученные документы содержат результаты переписи семей, эвакуированных в Свердловскую область в годы Великой Отечественной войны. Исходя из исследования имеющихся материалов, архивных документов, автор приходит к выводу о значительном вкладе Свердловской области в победу в Великой Отечественной войне посредством обеспечения надежного тыла, сохранения духовных и материальных богатств и людских ресурсов государства.

Ключевые слова: *эвакуация, перепись населения, Книга памяти, мемориальные документы, архивные документы*.

Ежегодное обнародование документов, содержащихся в военных архивах и рассказывающих о событиях Великой Отечественной войны, включая изложение очевидцами своего восприятия этих событий, позволяет исследователям углубиться в осмысление роли и значения каждого из этапов войны, его влияния на достижение победы над фашизмом. Важность изучения материалов указанного периода для развития национального самосознания, патриотического воспитания российской молодежи тем более возрастает в контексте политических мер, осуществляемых государствами Восточной Европы в отношении памятников советским воинам. Как внутриполитические процессы, так и внешнеполитический контекст обусловливают значимость разработки стратегии памяти как на общегосударственном уровне, так и в рамках субъектов России. Одним из важных элементов этой стратегии является формирование Книг памяти, позволяющих установить судьбу людей, особенности перемещения населения в указанное тяжелое время, и соответственно, постоянное их дополнение. Однако пополнение Книг памяти невозможно без изучения архивных документов, в которых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-414-660001 «История развития и эволюция формирования международной субъектности Свердловской области».

содержатся списки людей, переместившихся из зон боевых действий. Поскольку война затронула большинство российских семей, потомки которых хотят узнать судьбу своих родственников, в архивы постоянно поступают запросы. Для их выполнения нередко происходит изучение списков эвакуированных. Несмотря на то что указанные документы являются ценным источником информации, при их изучении возникают трудности, с которыми сталкиваются исследователи[1].

Первая проблема — достоверность и полнота изучаемых данных. Поскольку сведения фиксировались переписчиками на слух, нередки искажения фамилий, неточность сведений о людях[2].

Вторая трудность, которую подчеркивают исследователи, — исключение из переписных листов большой группы населения, а именно: репрессированных, людей, ограниченных в гражданских правах, выселенных в административном порядке с мест постоянного проживания в ходе массовых принудительных перемещений в 1930–1950-е гг.[3]

Третья трудность — отсутствие единообразия в методике сбора сведений о прибывающих семьях.

Четвертая проблема — различное время поступления переписных листов из административно-территориальных единиц региона в зависимости от их удаленности от центра, что обусловливает формирование дел в нескольких фондах[4].

Пятая проблема — возможность дублирования данных, когда люди сообщали о своем прибытии в один район, а затем перемещались и вставали на учет в другом месте[5].

Следует также подчеркнуть, что зарубежные исследователи, признавая значимую роль архивов в обеспечении политики памяти[6], национальной идентичности[7] посредством изучения документов о важных для государства исторических событиях, сталкиваются со всеми перечисленными трудностями[8]. В качестве средства решения этих проблем ими предлагается межархивное сотрудничество — не только в рамках территориальных единиц одной страны, но и между государствами[9].

Решение указанных проблем имеет весомое значение для Свердловской области. В годы Великой Отечественной войны Свердловская область, как опорный край державы, принимала большое количество эвакуированных с разных территорий СССР, о чем свидетельствуют документы ГАСО, в которых содержатся итоги переписи прибывших в Свердловскую область жителей СССР.

В ГАСО имеются фонды Р-233, Р-540 и Р-2508, содержащие дела с переписными списками эвакуированных семей. Каждое из дел объединяет списки людей, которые после прибытия в Свердловскую область были распределены по административным единицам региона. В ходе переписи эвакуированных были получены данные об их месте работы, профессии, семейном положении, национальности, месте рождения. Так, установлено, что в Свердловскую область были эвакуированы в полном составе работники заводов № 16, 77, 380, 381, 3000, Государственного оптико-механического завода, механико-обрабатывающего завода, типографии Госфиниздата, ЦПКиО из Ленинграда, патронного завода № 17 из Подольска Московской области, завода № 46 из Кунцево Московской области, завода № 219, КИМ,

фабрики им. Ногина, хлебокомбината, фабрики № 14, Кировского завода (Московская область), Перовского вагоноремонтного завода (Московская область), НИИ № 3 из Москвы.

Анализ архивных дел позволяет увидеть обширность географии прибывающих. За 1941–1942 гг. в Свердловскую область приехали жители Украины (значительная часть их была из Киева, Одессы, Харькова, Мариуполя), Белоруссии (Минск, Гомель), Грузии, Москвы и Московской области, Ленинграда и Ленинградской области, Беломора, Сталинграда, Таганрога. Исходя из изучения материалов дел, содержащих списки эвакуированных, можно определить, что семьи из одного географического региона, как правило, направлялись в одну административную единицу Свердловской области. Так, анализ архивного дела со списками эвакуированных жителей Беломора позволяет отметить, что они по большей части были эвакуированы в Манчажский район. Жители Ленинграда и Ленинградской области были расселены в Нижнем Тагиле (в соответствии с данными фонда Р-540, там было размещено 1910 ленинградцев) и Нижнетагильском районе (по материалам фонда Р-2508 — 9474 жителя Ленинграда[10], еще 1478 человек, поселенные в Нижнетагильском районе, отражены в фонде Р-540[11]); 1283 эвакуированных из Ленинграда поступили в Егошинский район[12]; 1056 ленинградцев были распределены в Верхнюю Салду, Нижнюю Салду и Нижнесалдинский район[13], 988 ленинградцев разместились в Невьянском районе[14]; 921 житель Ленинграда размещен в Березовском районе[15]. По материалам фонда Р-540[16], более 2 тыс. ленинградцев поступили в Кушвинский, Манчажский, Махневский, Нижнесергинский, Новолялинский, Туринский районы, Серов и Серовский район. Еще 6232 ленинградца в совокупности приняли Асбестовский, Ачитский, Буткинский, Верхотурский, Висимский, Гаринский, Егоршинский, Еланский, Заяковский, Ивдельский, Исовский, Карпинский, Кировградский, Красноуральский, Краснополянский, Красноуфимский, Махневский, Невьянский, Нижнесалдинский, Нижнесергинский, Новолялинский, Петрокаменский, Покровский, Полевской, Слободо-Туринский, Сухоложский, Сысертский, Талицкий, Тугулымский районы, а также г. Билимбай, Верхняя Салда, Нижняя Салда и Нижнесалдинский район, Дегтярка, Ирбит, Каменск-Уральский (город и район), Нижний Тагил и Нижнетагильский районы, г. Первоуральск, Серов и Серовский район, г. Тавда[17].

Жители Украинской ССР были направлены преимущественно в Новолялинский район; при этом жители Киева и Харькова поступили в Свердловск; также большое количество киевлян поступило в Сухоложский район[18]. В Свердловск поступили также жители Москвы и Московской области и Ленинграда (больше 7 тыс. ленинградцев были размещены в Свердловске, согласно данным фондов Р-2508[19] и Р-540[20]). Жители Белорусской СССР (особенно Минска, Витебска, Гомеля и Рогачева) разместились в Туринском районе[21].

Кроме того, фонд Р-233 ГАСО посвящен детям, эвакуированным в Свердловскую область из детских домов. Всего, по материалам этого фонда, только из Ленинграда в Свердловскую область было направлено 3875 детей, оставшихся без попечения родителей из 31 учреждения. Так, в 1941–1945 гг. в Красноуральск было направлено 108 маленьких ленинградцев,

510 детей было размещено в Верхотурье, 210 — в Нижнем Тагиле, 180 — в Свердловске, 150 — в Сысертском районе, 134 — в Колчедане, 130 — в поселке Нижняя Сарана, 120 — в Нижне-Исетске, 116 — в Ачитском районе, 106 — в Полевском районе, 102 — в Петрокаменском районе и столько же в Тугулыме[22].

Следует отметить сложности при определении населенного пункта, из которого приехал эвакуированный и члены его семьи, и соответственно, общего количества прибывших с конкретной территории. Так, например, при составлении списков прибывших из Сталинградской области нередко в разделе «Область» указывалось просто «Сталинград», что могло означать и саму область, и ее центр. При составлении списка эвакуированных мог быть сделан пробел, после которого указывался населенный пункт, село или деревня, из которой прибыл эвакуированный. Раздел «Область» при этом мог оставаться пустым, или там делалась пометка «"—"», что могло означать продолжение списка эвакуированных из Сталинградской области. Но установить достоверность этого достаточно трудно, поскольку в одном деле подшивались подписные листы из разных административных единиц Свердловской области. Кроме того, отдельные материалы переписи не сохранились, а перерывы в нумерации списка прибывших позволяют предполагать, что не удалось получить данные о некоторых эвакуированных, особенно если они прибывали по одному. Более того, как правило, отсутствует сквозная нумерация (в рамках некоторых списков подсчеты велись по семья в других списках указано количество человек на одном листе), в то время как в рамках одного архивного дела подшито от пяти до десяти списков эвакуированных. В случае, если во всех разделах «Место работы» (включая республику, район и конкретный населенный пункт) до эвакуации главы семьи был указан Сталинград, то можно отнести эту семью к эвакуированным из Сталинграда. Труднее, но возможно, отнести к эвакуированным из Сталинграда семью, в месте рождения всех членов которой указан Сталинград, без отражения места работы главы семьи. Между тем решение этого вопроса имело бы ключевое значение для составления мемориальных справочников с алфавитными указателями, содержащих сведения о перемещениях людей из конкретных населенных пунктов. Также эти сведения позволили бы составить карты движения миграционных потоков, установить особенности эвакуации предприятий, заводов, выполнявших важнейшие государственные заказы.

За годы войны Свердловская область мобилизовалась в качестве единого промышленного комплекса по производству оружия и боевой техники для Красной (Советской) армии. Основой для этого послужила эвакуация в регион около 200 оборонных заводов. Например, на территории Уралвагонзавода разместился Харьковский завод им. Коминтерна. Совместной разработкой украинских и уральских конструкторов является легендарный танк Т-34. Благодаря научно-исследовательским разработкам специалистов в области военного дела была подготовлена основа для испытания первого отечественного ядерного оружия.

Эвакуация в Свердловскую область десятков научно-исследовательских, учебных, проектно-конструкторских учреждений, академических коллективов, включая МХАТ, Московский театр сатиры, Московский театр

Красной Армии, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, а также 50 госпиталей позволила сохранить культурные богатства страны. Более того, в июле 1941 г. в Свердловск поступили сокровища Эрмитажа.

Судьба иностранных военнопленных, которые поступили в Свердловскую область в годы Великой Отечественной войны (всего более 80 тыс. человек), в дальнейшем явилась предметом международного сотрудничества Свердловской области по получению сведений о них и оформлению документов. Так, например, в 1991–1995 гг. Свердловской областью осуществлялась переписка о сотрудничестве с правительственными архивами Департамента Эстонской Республики по выявлению документов о гражданах Эстонии, репрессированных в 1941–1945 гг. 3 апреля 2016 г. Национальный архив Финляндии передал главе Управления архивами Свердловской области А. А. Капустину копии документов о 259 уральцах, числящихся пропавшими без вести во время Второй мировой войны (данные о советских военнопленных — общий список, учетные карточки, сведения о месте и дате захоронения). В свою очередь представителям Финляндии были вручены копии документов и фотографий, связанных с визитами в 1960-е гг. в Свердловск делегаций из Финляндии, в том числе возглавлявшихся популярным финским государственным деятелем, восьмым главой Финляндии Урхо Калева Кекконеном.

Изучение материалов переписи эвакуированных семей, содержащихся в ГАСО, позволяет установить, что Свердловская область принимала большое количество семей, прибывающих с подвергшихся атакам врага территорий СССР. Именно поэтому изучение архивных дел со списками эвакуированных в Свердловскую область позволит составить карты перемещения лиц из разных регионов СССР, что внесет весомый вклад в осуществление политики памяти в России. Для того чтобы восполнить в максимально возможной степени пробелы, неточности, возникшие при составлении списков эвакуированных, необходим обмен между архивами данными об эвакуированных лицах, что позволит дополнить и уточнить сведения в мемориальных справочниках как субъектов России, так и в Книге памяти Российской Федерации. Люди смогут найти более точные сведения о своих родственниках, которыми они гордятся, что станет важным шагом в развитии патриотизма и будет способствовать успеху реализации стратегии памяти в Российской Федерации.

Примечания

[1] Шпанцева С. М. Инновационные подходы к формированию фондов РГБ // Информ. бюл. РБА. 2005. № 35. С. 65.

[2] Тетуев А. И. Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии) // Вопр. истории. 2019. № 7. С. 159.

[3] Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : ист.-демогр. очерки. Новосибирск, 2000. С. 140.

[4] Копылова О. Н. Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1991. С. 12.

[5] Игнатова Н. М. Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми Республике в 1941–1945 годах // Ист. демография. 2013. № 1 (11). С. 50.

[6] Caritey J. Archives et memoire de la nation: pour une politique des archives orales // La Revue administrative. 2009. № 246. P. 564.

[77] Garcia P. Politiques de la memoire. Hachette, 2005. P. 15.
[88] Sarra-Bournet M. La politique de la mémoire // Bul. d'histoire politique. 2016. № 2 (2). P. 168.
[99] Traverso E. Le passé: modes d'emploi. Histoire, mémoire, politique. Paris, 2005. P. 71.
[10] ГАСО. Ф. Р-2508. Оп. 1. Д. 40–44.
[11] Там же. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 75 (а). Л. 1–100.
[12] Там же. Ф. Р-2508. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–78.
[13] Там же. Д. 38. Л. 1–66.
[14] Там же. Д. 37. Л. 1–73.
[15] Там же. Л. 1–45.
[16] Там же. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 42–102.
[17] Там же. Ф. Р-2508. Оп. 1. Д. 28–31, 33–36, 39, 45–48, 50, 51, 58–67, 71, 85.
[18] Там же. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–89.
[19] Там же. Ф. Р-2508. Оп. 1. Д. 51–57.
[20] Там же. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–93.
[21] Там же. Д. 102. Л. 1–123.
[22] Там же Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 25, 28, 57, 68, 70, 71, 74, 75, 81, 88, 94, 104, 105, 107, 114, 116, 126.

А. В. Герасимова

Партийные документы о работе промышленных предприятий в Тюменском крае в годы Великой Отечественной войны

Статья представляет собой обзор состава и содержания документов партийных органов и организаций Тюменской области о работе местных и эвакуированных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

Ключевые слова: *Тюменская область, партийные органы и организации, промышленность, промышленные предприятия, эвакуация, военное производство*.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — госархив) хранит документы органов, организаций и учреждений КПСС (РКП(б) — ВКП(б) и ВЛКСМ (РКСМ)), региональных отделений политических партий, движений, общественных объединений, документы по личному составу ликвидированных организаций, учреждений, предприятий, документы личного происхождения тюменцев — известных государственных и общественных деятелей, ученых, деятелей культуры, фото- и видеодокументы с 1887 г. по настоящее время, которые отражают общественно-политическую жизнь, экономическое, социальное, культурное развитие Тюменской области.

В связи с 75-летием победы в Великой Отечественной войне и во исполнение послания Президента Российской Федерации с 2020 г. на официальном сайте Управления по делам архивов Тюменской области (archiv.72to.ru) на странице госархива в рубрике «Великая Отечественная война в документах» открыт доступ к электронным образам документов партийных и комсомольских органов Тюменской области периода 1941–1945 гг. Любой желающий, не выходя из дома, может ознакомиться с тематическими подборками и сборниками архивных документов, посмотреть виртуальные выставки, публикации, подготовленные архивистами. Более 150 тыс. электронных образов документов и справочно-поисковых средств к ним уже доступны для работы в АИС «Электронный архив Тюменской области» через гостевой вход или регистрацию в системе на бесплатной основе.

В архивных фондах госархива отложился большой массив документальных источников, отражающих жизнь края в период Великой Отечественной

войны, которые представляют особую значимость. К ним относятся документы партийных органов и организаций, которые позволяют оценить состояние промышленности в регионе в целом. Более подробно с финансово-хозяйственной деятельностью тюменских предприятий, выпускавших продукцию для фронта, знакомят конъюнктурные обзоры, отчеты об основных показателях деятельности: в данных документах представлена информация о выполняемой производственной программе, численном составе персонала и производительности труда, обеспечении основными и вспомогательными материалами и их реализации, технологической подготовке производства и качестве выпускаемой продукции, участии в соцсоревнованиях.

Среди документов партийных органов (областного, окружных, районных, городских комитетов ВКП(б) — КПСС) представлены:

– протоколы и стенограммы конференций (о подготовке к приему эвакуированных предприятий из прифронтовой полосы; об итогах выполнения планов поставки государству вооружения и обмундирования, добычи рыбы и пушнины, заготовки леса);

– совместные постановления партийных органов и органов исполнительной власти (о готовности к приему и размещению эвакуированных из прифронтовой полосы промышленных предприятий);

– протоколы пленумов, заседаний бюро, собраний и совещаний партийных и партийно-хозяйственных активов и документы к ним (отчеты, справки, докладные записки, информации, конъюнктурные обзоры заводов, предприятий промышленности и артелей о производстве вооружения, выпуске оборонной продукции и обмундирования; выполнении планов и программ, работе предприятий местной промышленности);

– докладные записки в Государственный комитет обороны, вышестоящие партийные органы о выполнении планов;

– письма, телеграммы (о размещении оборудования эвакуированных предприятий и вводе их в эксплуатацию).

Архивы партийных организаций представлены протоколами заседаний бюро, собраний и совещаний первичных партийных организаций и документами к ним (планами и отчетами о подготовке кадров, об укреплении трудовой дисциплины на производстве, о проведении агитационно-массовой работы, состоянии подсобного хозяйства, списками членов и кандидатов в члены).

Наиболее значимые и интересные документы были опубликованы в сборнике «Тюменцы — фронту», подготовленном совместно с архивами области к 60-летию победы в Великой Отечественной войне.

В первые месяцы войны в Тюменский, в большей степени сельскохозяйственный, край из таких городов, как Москва, Ленинград, Киев, Таганрог, Одесса, Херсон, Керчь, Подольск было эвакуировано 22 промышленных предприятия[1], которые уже к марту — апрелю 1942 г. вошли в число действующих. Если в довоенное время местные предприятия работали только на удовлетворение нужд сельского хозяйства и населения, то после размещения эвакуированных промышленных предприятий и в связи с перестройкой работы местной промышленности на военный лад в основном стали выполняться заказы для фронта. Увеличился выпуск военной продукции и обмундирования, а также продукции для промышленности и сельского хозяйства других областей и республик Советского Союза[2].

Поменял свой профиль на оборонный тюменский завод «Механик», выпускающий деревообрабатывающие станки и ширпотреб[3]. На его базе был размещен эвакуированный из Киева завод «Красный экскаватор»[4], который производил строительные машины и механизмы (экскаваторы многоковшовые, бетономешалки, автогудронаторы и др.[5]). В производственную программу объединенного завода, получившего название «Завод № 762 Главного управления № 2 Наркомата минометного вооружения СССР» входило производство минометов калибра 82 мм, 82-мм мин, 120-мм осколочных и осколочно-фугасных мин, шпалорезок, фуговочных и токарных станков[6]. Производством минометов калибра 50 мм, мин 50 и 82 мм[7], а также строительных машин[8] занимался завод № 766 Наркомата минометного вооружения СССР — бывший завод строительных механизмов им. 10-летия Октября из Одессы[9], размещенный на площадке тюменского завода «Механик»[10].

На базе Тюменской судоверфи и эвакуированных заводов № 363 (Ленинград), 445 (Москва), 341 (Рыбинск), 532 (Керчь) и завода им. Коминтерна (Херсон) был организован завод № 639 Наркомата судостроительной промышленности СССР[11], который выпускал торпедные и буксирные катера, баржи 250 и 500 т[12], гребные винты, редукторы, насосы («Гарда»), болты, гайки и т. д.[13]

Эвакуированный в пос. Заводоуковский из Воронежа Государственный авиационный завод № 499[14] производил планеры ДК, А-2[15], А-7[16], АМ-14[17]. Материалом для планеров служила авиафанера, выпускаемая Тюменским фанерокомбинатом. Завод № 636 Наркомата химической промышленности СССР, образованный на базе оборудования завода № 94 (Москва) и бывшего Тюменского спиртоводочного завода[18], производил этиловую жидкость для авиации. В 1944 г. производственная программа завода была расширена — начался выпуск смол СБС-1 и СКС-1, жидкого бакелита, лака бакелитового и др.[19]

Тюменский овчинно-шубный завод им. С. М. Кирова Наркомата легкой промышленности РСФСР и артели тюменского Многопромсоюза занимались пошивом обмундирования, бекеш, жилетов, тулупов, рукавиц[20], выработкой валяной обуви, кожсырья (юфти), ремонтом кожаной обуви[21].

Заводом № 14 Наркомздрава СССР производились столы Юдина[22], хирургические столы, шины Дитерихса, костыли, гидропульты, камеры С-1, ширпотреб (таганки, тазы, ведра)[23]. Завод № 39 Главхимфармпрома Наркомздрава СССР, организованный на базе эвакуированного из Москвы завода им. Карпова, производил йод сублимированный, хлористый натрий, соли кофеина, желтую окись ртути, каломель промытую, соли йода, щелочи и т. д.[24]

В отчетном докладе Тюменского горкома ВКП(б) о работе за 1943 — первый квартал 1944 г. отмечается, что в городе были размещены 13 предприятий союзного подчинения, 7 предприятий республиканского подчинения, 13 предприятий областного подчинения, 5 предприятий местной промышленности, 11 артелей Многопромсоюза, 6 артелей Коопинсоюза и ряд других предприятий[25].

Выросли темпы развития промышленности и в Ишиме. Если в марте 1941 г. в городе имелись две машинно-тракторные мастерские, мясокомбинат,

мельзавод, артели «Объединение», им. Крупской, им. Ильича, им. Пушкина, то к августу 1943 г. появились предприятия союзного подчинения: на базе машинно-тракторных мастерских разместились механический завод (Куйбышев) и завод автоприцепов (г. Лодейное Поле, Ленинградская область), на базе водочного завода — машиностроительный завод (Ленинград). На месте бывших складов Омторга разместилось предприятие республиканского подчинения — обувная фабрика. В два раза увеличилось количество промартелей Многопромсоюза[26]. Расширился ассортимент товаров широкого потребления, вырабатываемых артелями: шубные овчины, меховые шапки и рукавицы, мыло, спички, сани, телеги, костный бульон и т. д.[27]

Тобольск принял Всесоюзный НИИ озерного и рыбного хозяйства из Ленинграда, оборудование Одесского консервного комбината им. Ленина[28].

Всего, согласно Паспорта Тюменской области за 1945 г., к концу Великой Отечественной войны на территории области значились промышленные предприятия системы различных ведомств и наркоматов, из которых 288 — с количеством рабочих менее 200 человек, 43 — с количеством рабочих более 200 человек[29].

При рассмотрении на I областной партийной конференции в феврале 1945 г. итогов работы отмечалось, что за военный период промышленность области, и особенно Тюмени, выросла более чем в три раза: «…если в 1940 году было выпущено продукции на сумму 137 миллионов рублей, то в 1944 году — на 413 миллионов рублей…»[30] Значительный удельный вес заняли рыбная и лесная промышленности. В отчетном докладе Тюменского обкома ВКП(б) отмечалось, что выпуск рыбной продукции в 1944 г. по сравнению с 1940 г. увеличился более чем в три раза, для страны и фронта изготовлено более 1,5 млн банок рыбных консервов[31]. Вырос объем заготовок и производства оборонной лесной продукции, особенно авиадревесины и ложевой болванки: в 1944 г. объем этой продукции увеличился в 5,5 раза по сравнению с 1941 г.[32]

Приведенные факты — лишь малая часть того, что было сделано на самом деле. «В труде — как в бою!» — один из лозунгов Великой Отечественной войны. И действительно, труженики тыла считали себя мобилизованными на войну с фашизмом. Вместо ушедших на фронт мужчин трудились их жены и дети, становясь слесарями, сборщиками, токарями, трактористами. Благодаря самоотверженной работе тружеников тыла, тюменские предприятия поставляли на фронт крайне необходимую продукцию на протяжении всех военных лет и внесли ощутимый вклад для достижения Великой Победы.

Примечания

[1] Тюменцы — фронту : сб. док. / отв. ред. В. П. Петрова. Изд. 2-е, доп. Тюмень : Тюмен. дом печати, 2005. С. 8.

[2] ГАСПИТО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 97. Л. 78.

[3] Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 576. Л. 40.

[4] Там же. Л. 38.

[5] Там же. Л. 40.

[6] Там же. Д. 635. Л. 86.

[7] Там же. Д. 613. Л. 36.

[8] Там же. Д. 625. Л. 86.

[9] Тюменцы — фронту. С. 331.
[10] ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 613. Л. 36.
[11] Там же. Д. 581. Л. 43.
[12] Там же. Л. 43 об.
[13] Там же. Л. 59.
[14] Там же. Ф. П-1311. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
[15] Там же. Л. 81.
[16] Там же. Д. 2. Л. 69.
[17] Там же. Л. 71.
[18] Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 612. Л. 4.
[19] Там же. Д. 673. Л. 42.
[20] Там же. Д. 580. Л. 110,119.
[21] Там же. Д. 576. Л. 59–60.
[22] Там же. Д. 673. Л. 1.
[23] Там же. Д. 581. Л. 37.
[24] Там же. Д. 612. Л. 55.
[25] Там же. Д. 625. Л. 68,86.
[26] Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 97. Л. 76–80.
[27] Там же. Л. 78.
[28] Тюменцы — фронту. С. 334.
[29] ГАСПИТО. Ф. П-3894. Оп. 2. Д. 3. Л. 5, 6.
[30] Там же. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 120. Л. 8.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 8, 9.

В. Н. Мамяченков

Воспоминания В. Н. Новикова о работе Наркомата вооружения СССР в годы Великой Отечественной войны: взгляд «красного директора»

Статья посвящена воспоминаниям В. Н. Новикова, бывшего в годы Великой Отечественной войны заместителем наркома вооружений СССР. Констатируется, что воспоминания этого автора привлекают к себе внимание своей насыщенностью информацией, полнотой и откровенностью. Отмечается, что главное место в воспоминаниях занимают люди, с которыми работал их автор. Акцентируется внимание на том, что автор воспоминаний вольно или невольно умолчал о таком важном событии прошедшей войны, как ленд-лиз.

Ключевые слова: *В. Н. Новиков, воспоминания, Великая Отечественная война, вооружение.*

Всю мемуаристику, в которой так или иначе затрагивается тема Великой Отечественной войны, можно, на наш взгляд, разделить на два временных периода: советский (по 1991 г. включительно) и российский (1992 г. — настоящее время). Первый из указанных периодов характерен тем, что в эти годы среди публикаций, посвященных той великой войне, абсолютно преобладали воспоминания маршалов, генералов и старших офицеров, а также начальников разного уровня, наконец, просто известных людей. Что же касается солдат и сержантов, то их среди мемуаристов было, прямо скажем, немного: излагать (и то строго в рамках цензуры) «окопную» правду могли только авторы художественных произведений. И эта картина стала меняться только с наступлением 1990-х гг., с вторжением в нашу жизнь новых информационных технологий, прежде всего — Интернета.

В то же время на фоне всего упомянутого нами советского этапа военной мемуаристики воспоминания деятелей *государственного* масштаба составляли тоже сравнительно небольшую часть. Как известно, И. В. Сталин — самый значительный персонаж Великой Отечественной войны — никаких мемуаров после себя не оставил. Но теперь также известно, что несколько лиц из его ближайшего окружения в глубокой тайне записывали свои воспоминания, хотя и понимали, что при их жизни рассчитывать на публика-

цию подобных мемуаров вряд ли стоило. Мы имеем в виду воспоминания Л. М. Кагановича, А. И. Микояна и Н. С. Хрущева, которые стали доступны российскому читателю только после распада СССР. В отличие от них Л. И. Брежнев без труда опубликовал целый ряд мемуаров, в том числе посвященных Великой Отечественной войне, практически ничего не давших исторической науке и в создании которых он, судя по всему, принял лишь косвенное участие[1].

Бывший в годы войны послом СССР в США А. А. Громыко, в дальнейшем ставший формальным главой Советского государства (председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988), в конце жизни успел все-таки дописать свои мемуары. Они вышли в свет двумя изданиями, но, по большому счету, лишь глубоко разочаровали читателей: как и положено «истинному» дипломату, А. А. Громыко в них о многом написал, но ничего конкретного не сообщил, так и унеся с собой множество тайн и загадок советской внешней политики, в том числе и в годы войны[2].

Что касается мемуаров государственных деятелей более низшего ранга, опубликованных в советский период и посвященных в том числе Великой Отечественной войне, то мы бы выделили воспоминания таких известных государственно-хозяйственных и военных деятелей, как Б. Л. Ванников (нарком боеприпасов СССР в 1942–1946)[3], В. С. Емельянов (председатель Государственного комитета Совета министров СССР по использованию атомной энергии в 1960–1962)[4], Г. К. Жуков (министр обороны СССР в 1955–1957)[5], А. Г. Зверев (министр финансов СССР в 1948–1960)[6], Н. Г. Кузнецов (министр Военно-морского флота в 1951–1953)[7], А. С. Яковлев (авиаконструктор, заместитель наркома авиационной промышленности в 1940–1946)[8] и некоторых других.

К числу перечисленных авторов мемуаров может быть отнесен и В. Н. Новиков[9], на пике своей карьеры занимавший должность заместителя председателя Совета министров СССР целых полтора десятилетия — с 1965 по 1980 гг. Его воспоминания о военных годах отражены в двух источниках: собственных мемуарах[10] и пространном интервью[11], данном им во время проведения круглого стола в Институте военной истории Министерства обороны СССР в марте 1989 г. Воспоминания Новикова привлекают к себе внимание прежде всего тем, что они выгодно отличаются от многих других источников такого рода насыщенностью информацией, полнотой, откровенностью, наконец, хорошим литературным языком. Кроме того, в ряде случаев автор приводит ряд весьма интересных сведений исторического характера.

Так, например, он приводит впечатляющую цифру потерь РККА в самом начале войны в основном виде стрелкового оружия — винтовках. Новиков утверждает, что, по его подсчетам, в первые же месяцы войны их было утрачено около 10 млн единиц[12], причем в основном из-за того, что оружейные склады были расположены слишком близко от государственной границы. Естественно, в массе своей они стали трофеями германской армии, которая в первые недели войны продвигалась по территории СССР темпами до нескольких десятков километров в день. В связи с этим он пишет: «Надо прямо сказать, что, пожалуй, самым неожиданным для нас было то, что в начале войны мы оказались без стрелкового вооружения. Не прошло

и двух недель после фашистского нападения на Советский Союз, как вдруг выясняется, что винтовок нет»[13].

Другой, не менее впечатляющий пример недальновидности отдельных советских высших военных руководителей, о котором упоминает Новиков, — это прекращение накануне войны производства двух пушек: противотанковой калибра 45 мм и дивизионной калибра 76 мм. Такое решение было принято по инициативе начальника ГАУ РККА маршала Советского Союза Г. И. Кулика[14], абсолютно неверно оценившего состояние бронетанковых войск ведущих европейских стран и настаивавшего на организации производства орудий более крупных калибров. В результате в первые месяцы войны в РККА ощущался острейший дефицит противотанковой артиллерии.

Говоря о потерях 1941 г., Новиков приводит еще ряд интересных фактов и цифр: «Эвакуация промышленности из прифронтовых районов сильно ударила и по предприятиям, выпускавшим боеприпасы. Из строя выбыло более 300 заводов. До войны они давали в месяц свыше 8 миллионов снарядов, 2,5 миллиона ручных гранат, около 8 миллионов взрывателей, 3 миллиона мин, 2 миллиона корпусов авиабомб, около 8 миллионов килограммов пороха. Особенно тяжелое положение сложилось в пороховой промышленности, где пять из восьми заводов двинулись на восток. В подобном положении оказались и заводы, производившие взрывчатые вещества. А что значит остаться в войну без пороха, тротила?»[15]

Кстати, грандиозному процессу эвакуации сотен предприятий оборонной промышленности на Урал и в Сибирь Новиков уделил в своих воспоминаниях значительное место. Описывая начало эвакуации, например, одного из оружейных заводов Тулы, он приводит слова первого секретаря ее Центрального райкома партии А. Н. Малыгина: «Тяжело было на душе… Хотелось чем-то помочь людям, облегчить их страдания. Нужно было всех усадить, успокоить, выдать продовольствие и топливо хотя бы на первые дни. Но продуктов не хватало <…> В Туле оставались лишь пожилые рабочие, которые заняли место уехавших и сутками, без сна и отдыха, при скудном питании, в холодных цехах, ремонтировали оружие и боевую технику, поступавшую с переднего края. Подходишь, бывало, к группе рабочих и спрашиваешь: как дела? Они отвечают: Все ничего, товарищ секретарь райкома, только вот кипяточку нет… Прихожу в другой раз, у рабочих небольшая пауза. Они здесь же в цехе поели хлеба с солью, запивая кипяточком, а потом взялись за дело»[16].

Возникает естественный вопрос: как же питалось в это время население Тулы, если рабочие важнейших оборонных предприятий ели просто хлеб с солью, запивая его кипятком? И все же, несмотря на такие тяжкие условия, в ходе обороны своего города (а осада с него была снята 16 декабря 1941) заводские рабочие восстановили 70 поврежденных танков, 1000 артиллерийских орудий, собрали из оставшихся деталей 423 пулемета, 1764 винтовки, более тысячи пистолетов и револьверов, изготовили 40 минометов[17].

Но и в глубоком тылу (и этого не отрицает Новиков) обеспечение питанием было немногим лучше: «В первую зиму, да и по весне в столовой давали одно блюдо — затируху, или болтушку, как его называли рабочие. Это была заваренная в воде мука. “Трудно? Не то слово. Проще и вернее ска-

зать — голодали мы, — вспоминает жена механика А. И. Подъемщикова. — Весной крапива, дикая морковь, конский щавель как-то пополняли наше меню. И этих даров природы было мало”»[18].

Сложнейшей задачей, по словам Новикова, было размещение эвакуированных людей. Для этого строили бараки, достраивали незаконченные частные дома, приспосабливали под жилье здания самых различных организаций. В общежитиях ставили двойные нары, а часть рабочих подселяли в коммунальные квартиры с разрешения местных властей и с согласия жильцов. Немало людей расселяли в ближайших деревнях на достаточном удалении от предприятий. Но жилья все равно не хватало[19].

Остается только удивляться тому, что в таких тяжелейших условиях люди работали изо всех сил, совершая, казалось, невозможное. Вот только один эпизод из жизни одного из эвакуированных заводов, который приводит Новиков: «Куда прибыл завод в октябре 1941 года? Бывшая шпульная фабрика имела производственные площади, которые можно было использовать лишь после доделок и переделок; еще один строящийся корпус далек от завершения <…> К цехам и жилым домам водопровод проведен не был. Канализация отсутствовала. Центральное отопление — только в сушильных камерах. Ни одной мощеной дороги. Жилой фонд — скуднее некуда»[20].

Но люди творили буквально чудеса: «Достроили и переоборудовали здание, где когда-то располагались заготовительный и раскроенный цехи шпульной фабрики, помещение утеплили и приспособили под ремонтно-механический цех. Шел монтаж, ремонт и восстановление привезенного оборудования. Реконструировали главный корпус, переделав, по сути, все здание, да еще сделали хорошую каменную пристройку площадью свыше тысячи квадратных метров. В главном корпусе, еще окончательно не готовом, разместили механический, штамповочный, термический и полировочный цехи, аксидировочное и сварочное отделения <…> В целом переоборудовали и построили с учетом имевшихся производственных зданий двенадцать тысяч квадратных метров. И ведь все это сделали за каких-то два неполных месяца!»[21]

Рассказывая об эвакуации и вообще о работе оборонной промышленности в годы войны, Новиков постоянно говорит о небывалом патриотизме советского народа, в том числе работников вверенных ему предприятий. При этом он не скупится на примеры, особенно отмечая трудовой героизм, проявленный женщинами и даже детьми. Вот как он рассказывает об этом: «Как и на других заводах патронного производства, здесь в основном работали женщины и подростки 14–16 лет. На рабочих местах вместо ушедших на фронт мужей стояли их жены, отцов заменили дети <…> Откуда только брались такие силы, стойкость, выносливость и терпение юных рабочих! Почти все комсомольцы, несмотря на усталость, недоедание, работали по 12 часов основного времени. Отдохнув 3–4 часа, снова приходили к станкам, занимали свободные станки и работали по нескольку часов. После этого здесь же, в красном уголке и в подсобных помещениях, засыпали, а к началу смены снова становились к станкам»[22].

Между тем и условия труда на предприятиях были порой весьма далеки от нормальных, чего, собственно, Новиков и не скрывает, а даже подчеркивает. Например, он подробно описывает условия труда на заводе, где

он был директором, причем делает это как будто с позиции стороннего наблюдателя. По его словам, цех, где изготовлялись ложи для винтовок, «и до войны, и в ходе ее доставлял особенно много хлопот <…> Даже вентиляционная вытяжка, оборудованная у каждого станка, не могла сладить с тем количеством древесной пыли, что витала в воздухе. Толстым слоем она лежала на стенах и трубах. Куда ни глянешь, везде эта пыль. Выходишь из цеха — как в муке вымазанный. Ничто не избавляло от пыли. А работали здесь опять в основном женщины. В халатах, волосы туго завязаны платком, но все они — в древесной пыли. И дышат ею. Рабочий день здесь, правда, короче, семь часов, но ведь пыли и за час наглотаешься с лихвой»[23].

На почве условий труда случались и трагикомические случаи. Например, однажды на личном приеме одна молодая женщина категорически попросила Новикова перевести ее из сверлильно-токарного цеха в любой другой, хотя у нее были хорошая зарплата и дополнительное питание. При этом она долго мялась, краснела и упорно не хотела называть причину такой просьбы. Наконец, решившись, сказала: «Товарищ Новиков, муж от меня уходить хочет. Говорит, спать с тобой не могу, вся чем-то пропитана, дышать нечем». Тогда, пишет В. Н. Новиков, он без дальнейших расспросов написал ее начальнику, чтобы тот перевел женщину на другую работу[24].

На одной из страниц своих воспоминаний Новиков приводит рассказ своего шефа — наркома вооружений Д. Ф. Устинова. Нарком рассказал, как однажды, прибыв на завод, он вместе с директором зашел в одну из мастерских, где увидел спавшего на лавке человека, совершенно обросшего, в мятом засаленном костюме. Директор пояснил опешившему наркому, что это начальник мастерской Самойлов, который вот уже две недели не покидает рабочего места, так как готовит детали для новой пушки. Разбуженный и растерянный Самойлов стоял перед наркомом, краснея за свой внешний вид. Но нарком, обычно очень нетерпимый к любой неряшливости, как пишет В. Н. Новиков, просто отправил работника домой, посоветовав ему умыться, побриться и выспаться[25].

Но трагических случаев было гораздо больше. Сам Новиков с горечью пишет о главном энергетике своего завода Рязанове, который, будучи по натуре человеком совестливым и ответственным, не считал для себя возможным проситься перейти на менее ответственную работу, хотя и имел слабое здоровье. В результате однажды он просто упал и умер прямо у входа в заводоуправление. Рассказ об этом печальном событии Новиков завершает так: «Наш самоотверженный труженик умер от “разрыва сердца”, как тогда говорили. Было бесконечно жаль этого замечательного человека, на плечах которого лежала огромная ответственность за обеспечение заводов и города Ижевска электроэнергией. А ведь Рязанову не исполнилось и сорока лет. Преждевременная потеря трудоспособности как среди рабочих, так и руководящего состава в годы войны была не так уж редка. Люди умирали на своих рабочих местах от перенапряжения и других невзгод. Призыв “Все для фронта! Все для победы!” не только жил в сердцах тружеников тыла, но и воплощался в реальные дела»[26]. Все же, если под «реальными делами» понимать смерть на рабочем месте от переутомления, то мы вряд ли можем разделить подобную пафосность автора мемуаров…

Вообще Новиков, постоянно, к месту и не к месту, говоря о «небывалом патриотизме» советских людей, старается не упоминать ни в своих мемуарах, ни в интервью о том, что труд в СССР и в годы войны, и в мирное время носил принудительный характер. Так, он нигде не упоминает о том, что в годы войны действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Этот указ еще за год до начала войны фактически узаконивал для рабочих и служащих Советской страны элементы крепостной зависимости. Он запрещал самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое под угрозой уголовного наказания — тюремного заключения на срок от двух до четырех месяцев. Прогулы без уважительных причин карались исправительно-трудовыми работами на своем месте на срок до шести месяцев с удержанием до 25 % заработка[27].

Но, что удивительно, упомянутые драконовские меры властей давали минимальный эффект, хотя наказания за «нарушения трудовой дисциплины» стали, по сути, массовыми. В одной из своих работ мы уже приводили слова прокурора СССР В. М. Бочкова[28], который в апреле 1943 г., сообщая в Совнарком гигантскую цифру осужденных по указу за нарушение трудовой дисциплины и дезертирство с предприятий по состоянию на 1 января 1943 г. (5 121 840 человек), написал следующее: «Эти данные свидетельствуют о неудовлетворительном состоянии трудовой дисциплины в промышленности и не снижающемся количестве прогулов и случаев самовольного ухода с предприятий в 1942 году по сравнению с 1941 годом, несмотря на применение к дезорганизаторам производства установленных законом мер уголовного наказания. На отдельных промышленных предприятиях за прогулы без уважительных причин осуждено весьма большое число рабочих по отношению к общему количеству рабочих, занятых на этих предприятиях <…> На заводе № 183 Наркомата танковой промышленности (знаменитый Уралвагонзавод — крупнейший производитель танков в стране. — *В. М.*) осуждено за то же время 6965 чел., или 21,8 % к общему числу рабочих на этом заводе <…> При таком положении судимость за уголовное преступление, в свете столь больших цифр, теряет свое значение и *становится по существу бытовым явлением* (выделено мной. — *В. М.*)»[29].

Для недостаточно осведомленного читателя отметим, что упомянутые выше миллионы «осужденных» людей, конечно, не были отправлены в тюрьмы и лагеря — иначе просто-напросто некому было бы работать на многочисленных заводах и фабриках. В большинстве случаев дело ограничивалось приговором к исправительно-трудовым работам… по месту работы на срок до шести месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %. Другими словами, людям просто уменьшали и без того невысокую их зарплату.

Тот же Бочков вынужден был признать, что главными причинами, вынуждавшими рабочих и служащих нарушать закон, было «бездеятельное и халатное отношение работников ряда предприятий к созданию надлежащих бытовых условий для рабочих». В одном из своих сообщений в Совнарком

СССР он писал, что на нижнетагильском заводе № 183 «около 5000 рабочих живут в неблагоустроенных общежитиях, спят на голых топчанах, многие не имеют белья, обуви, общественное питание на заводе организовано неудовлетворительно. 180 000 рабочих дней потеряно на этом заводе в связи с болезнями, которые имели место главным образом среди бывших бойцов рабочих колонн в результате крайне неудовлетворительных жилищно-бытовых условий и плохого питания. Около 500 случаев заболеваний окончились смертельным исходом (! — *В. М.*)»[30].

При всем нашем уважении к личности Новикова как автора воспоминаний, поверить в то, что на курируемых им в Ижевске тридцати заводах Наркомата вооружения положение было совсем другим, мы не можем. Здесь он, несомненно, лукавит и, видимо, о многом умалчивает.

Пожалуй, главное место в воспоминаниях Новикова занимают люди, с которыми он работал в годы войны и делил все радости, горести, победы и неудачи военного лихолетья. Это прежде всего руководители оборонной отрасли промышленности: Л. П. Берия[31], Д. Ф. Устинов[32], Б. Л. Ванников[33], В. А. Малышев[34], В. М. Рябиков[35], П. И. Паршин[36], И. А. Барсуков[37] и др. Каждого из них Новиков характеризует, как правило, только с положительной стороны, даже такую одиозную фигуру, как Л. П. Берия. Последнее остается только оставить на совести автора мемуаров. Кроме того, интересно, что, сравнивая деловые качества таких выдающихся наркомов, как Ванников и Устинов, он гораздо выше оценивал Ванникова, прежде всего за его человеческие достоинства[38].

На страницах воспоминаний Новикова часто встречаются имена и его коллег — директоров военных предприятий, талантливых организаторов оборонного производства: например, А. И. Быховского[39], А. С. Еляна[40], Л. Р. Гонора[41], М. А. Иванова[42], Б. А. Хазанова[43], К. Н. Руднева[44], В. И. Фомина[45], Ф. К. Чеботарева[46], П. А. Сысоева[47] и др. Для каждого из них Новиков находит добрые слова, что неудивительно — любой директор из приведенного списка является, без преувеличения, легендой советской оборонной промышленности.

Наконец, не меньшее (если не большее) внимание в своих воспоминаниях Новиков уделил конструкторам отечественного оружия. В своих мемуарах и интервью Новиков упоминает такие фамилии, как В. А. Дегтярев[48], Ф. Ф. Петров[49], В. Г. Грабин[50], А. Э. Нудельман[51], М. Е. Березин[52], С. В. Владимиров[53], Г. С. Шпагин[54], А. И. Судаев[55], П. М. Горюнов[56], Б. И. Шавырин[57], Б. Г. Шпитальный[58], С. Г. Симонов[59], Л. А. Локтев[60], Я. Г. Таубин[61] и др. Новиков подробно и обстоятельно описывает встречи и совместную работу с конструкторами, приводя при этом массу интереснейших сведений. При этом слова критики он нашел только для двоих из упомянутого списка — Шпитального и Таубина.

Не секрет, что современные историки при прочтении мемуаров государственных деятелей так называемой сталинской эпохи с особым пристрастием исследуют то, как интересующий их автор пишет о главной фигуре упомянутого периода нашей истории — Сталине. Воспоминания Новикова в этом плане весьма ценны, так как он, на наш взгляд, постарался дать последнему объективную оценку. Но, что интересно и неслучайно, Новиков сделал это только в упомянутом нами интервью 1989 г. В своих

же мемуарах он не дает Сталину никакой оценки и вообще о нем почти не упоминает.

Вот что Новиков, в частности, сказал о Сталине в своем интервью: «Я считаю, что человек он был во многих вопросах весьма компетентным, обладал редкостной памятью, налицо и организаторский талант, но как руководитель очень властный. Правда, это особенно не проявлялось на заседаниях. Но настолько к нему все прислушивались, настолько был высок его авторитет, что слово было решающим, мнение — последним <…> Сталин всегда очень внимательно всех выслушивал, очень внимательно. Я, конечно, понимаю — почему. Ведь Сталин не был специалистом, скажем, по боеприпасам, по пушкам, по всем делам военного производства. Поэтому надо было слушать людей: и военных, и гражданских, и наркомов <…> У меня в целом не сложилось отрицательного впечатления»[62].

Далее по ходу интервью Новиков снова вернулся к характеристике Сталина, озвучив при этом интересную версию о психической болезни последнего. Дословно он сказал следующее: «…я спросил Микояна, почему Сталин расстрелял Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова. Вернее, почему он позволил их расстрелять? Вознесенский бывал у него каждый день, почти его правая рука, Кузнецова он собирался сделать вторым лицом в ЦК, в партии. Микоян ответил, что Сталин уже последние 7 лет был совершенно больным человеком. Знаете ли или не знаете, что лечился он у коновала, которого он держал при себе дома. Он боялся пускать к себе докторов. Почему дело врачей создали? Здоровый во всех отношениях человек будет при себе держать дома коновала в качестве лечащего врача? Наверно, не будет. По словам Микояна, Сталин болел манией преследования. Для руководителя государства это страшная болезнь. Кто-то чего-то ляпнул, и человека уже нет. Как у нас все получается? Сталин ушел из жизни больной, Брежнев ушел тоже дай бог. А во время войны он (Сталин. — *В. М.*) очень часто обходился без арестов. Под моим кураторством в Ижевске было 30 заводов. Не был посажен ни один человек. Так что разные оценки могут быть. Я не оправдываю целиком Сталина. Думаю, что он создал излишне подозрительную обстановку, обстановку недоверия со всеми вытекающими отсюда трагическими и драматическими последствиями. Много было необоснованно, т. е. по надуманному, лживому предлогу арестовано»[63].

Но, хотя «отрицательного впечатления» у Новикова о Сталине в целом не сложилось, тем не менее он в своих мемуарах приводит и отдельные примеры, характеризующие Сталина как очень непорядочного, лицемерного и двуличного человека. Так, Новиков рассказывает эпизод с освобождением Ванникова из тюрьмы, куда он был посажен по абсолютно абсурдному обвинению и, конечно, с санкции Сталина. К счастью, Ванникова «выручила» война, с началом которой он сразу же понадобился как крупнейший руководитель оборонной промышленности. Признав, что Ванников был арестован «по ошибке», Сталин в свое оправдание сказал: «Я ведь тоже сидел в тюрьме». На что Ванников ответил ему: «Вы, товарищ Сталин, сидели как народный герой, а я как враг народа, германский шпион». Лживость позиции Сталина в этой сцене видна со всей очевидностью[64].

Весьма характерной в этом плане явилась и уже упомянутая выше история со снятием с производства накануне войны очень нужных для РККА

двух типов пушек. Сталин прекрасно знал, что такое решение было «продавлено» маршалом Куликом при помощи трех комиссий под председательством Молотова, Маленкова и Жданова, а он сам лично утвердил его. Тем не менее Верховный Главнокомандующий попытался все-таки всю ответственность за случившееся взвалить на руководство Наркомата вооружения (а оно-то как раз выступало категорически против такого решения!). Сталин вызвал заместителя наркома Мирзаханова и заявил ему буквально следующее: «Товарищ Мирзаханов, вы же коммунист. Как вы могли допустить, что с производства сняли 45- и 76-миллиметровые пушки — самые сейчас нужные и ходовые?» А когда услышал от удивленного замнаркома вполне аргументированный ответ, то поспешил ретироваться, сказав: «Знаете, сейчас идет война, виновных искать некогда, давайте принимать меры, чтобы быстро возобновить выпуск 45- и 76-миллиметровых пушек»[65].

Описанная история очень напоминает другую, аналогичную, случившуюся тоже во время войны и рассказанную в мемуарах наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина. Она касалась прекращения производства только что запущенного в серию нового перспективного бомбардировщика Ту-2, что было сделано опять-таки по прямому указанию Сталина. Тем не менее Сталин обвинил в этом… Шахурина. Последний так написал об этом в своих мемуарах: «Примерно часов в пять-шесть вечера меня вызвали к Сталину. Вхожу в кабинет. Сталин один. На длинном столе, покрытом синим сукном, лежит экземпляр акта испытаний Ту-2. Оказывается, хвалят машину. — Вы читали? — Да, читал. Зря сняли самолет с производства. И сколько я упреков от вас получил. — И все-таки вы неправильно поступили, — вдруг сказал Сталин. — В чем? — Вы должны были жаловаться на меня в ЦК. Сказал и пошел дальше по кабинету, попыхивая трубкой». Эту сцену Шахурин завершает многозначительной фразой: «В ЦК на Сталина, как нетрудно догадаться, не жаловался никто»[66].

Надо отдать должное Новикову: о сталинских репрессиях он, в отличие от большинства других государственных деятелей, в своем интервью и мемуарах сказал достаточно откровенно. Но, по нашему мнению, постарался при этом все же по возможности приуменьшить персональную вину Сталина. При этом Новиков привел впечатляющие примеры. Вот один из них: «Однажды прихожу к начальнику облуправления НКВД, а он пьяный. Молодой человек, бывший секретарь московского райкома комсомола. 28 лет. Сидит распахнутый. — Ты что, Миша, задумался? — спрашиваю его. — В чем дело? — Да вот послали на утверждение в Москву список из 36 человек, приговоренных к расстрелу. Пришел оттуда список с четырьмя вычеркнутыми, а мы их уже расстреляли. Вот, какие порядки были на местах. Ну, причем тут Сталин? А Мишке хотя бы выговор дали за такое дело! Даже замечание никто не сделал. Так что валить на одного Сталина не совсем правильно. Другое дело — в первую очередь он создал в стране такую атмосферу с нарушениями социалистической законности»[67].

Удивительно, но и свою стремительную производственную карьеру В. Н. Новиков никоим образом не связывает с процессом репрессий: он как будто искренне считает, что просто так сложились обстоятельства. Вот как он пишет об этом: «Наступил 1937 г., и мне неожиданно (! — *В. М.*) предложили возглавить технический отдел завода <…> Осенью 1937 года пра-

вительство созвало совещание, на которое пригласили главных инженеров оборонных заводов и начальников технических отделов <…> А спустя несколько дней распоряжением из Москвы меня назначили главным технологом завода. Был назначен на завод и новый главный конструктор. А в самом начале 1938 года вместо прежнего главного инженера завода назначили меня (шел мне в ту пору только тридцать первый год). Вот такое неожиданное (опять неожиданное! — *В. М.*) событие произошло в моей жизни. И стал бы я главным инженером просто какого-либо, а тут — Ижевского завода-гиганта, где 50 тысяч работающих. Среди оборонных заводов он был одним из первых»[68].

Но вот чего уж точно нельзя понять и простить автору мемуаров, так это того, что он ни в своей книге, ни в пространном интервью ни словом не обмолвился о роли зарубежной помощи — ленд-лиза — в достижении Победы. Действительно, подводя итоги своих воспоминаний, Новиков, как и все авторы подобных мемуаров, воспроизводит обязательно-ритуальный набор славословий в адрес советского режима: «Советский социалистический общественный и государственный строй обеспечил неизмеримо лучшую мобилизацию материальных средств страны и духовных сил народа на достижение победы. Превосходство нашей экономической системы и другие факторы позволили сосредоточить главные усилия экономики и производства именно там, где это было необходимо. Достижение военно-технического превосходства над немецко-фашистским вермахтом ярко свидетельствовало о неоспоримых преимуществах социалистического метода хозяйствования над буржуазным, об огромных резервах, заложенных в социалистической плановой организации, значительных дополнительных внутренних источниках. Социалистические экономические силы имеют такой побудительный стимул, обусловленный общностью интересов и единством целей всех трудящихся, какого не знала, не могла и не может знать капиталистическая система»[69].

В доказательство Новиков приводит цифры, характеризующие гигантскую работу оборонной промышленности Советского Союза в годы войны. За эти четыре года ее предприятия произвели 333,3 млн снарядов для полевой и корабельной артиллерии, 242,8 млн мин, около 14,5 млн реактивных снарядов для «катюш», более 200 млн авиационных патронов, около 200 млн ручных и противотанковых гранат, 40,4 млн авиационных бомб, более 66,7 млн инженерных мин заграждения, в том числе около 26 млн противотанковых мин, 40 тыс. морских мин и боевых зарядных отделений торпед, 161,3 тыс. глубинных бомб, 21,4 млрд комплектов элементов для стрелковых патронов, более 128 млн зажигательных шашек для комплектации 20-мм и 23-мм бронебойно-зажигательных и осколочно-зажигательных авиационных выстрелов, более 834 тыс. зажигательных авиабомб весом 50 кг и более, около 500 тыс. осветительных авиабомб, более 22 млн различных дымовых шашек, многие десятки миллионов различных сигнальных патронов, сотни миллионов различных пиротехнических боеприпасов, миллионы тонн взрывчатых веществ и порохов[70].

Это все, конечно, так, но Новиков мог бы привести и другие цифры, характеризующие объемы помощи США, Великобритании и Канады нашей стране в годы войны (пусть не все известные нам сегодня). Помощи,

которая, возможно, и не стала решающим фактором в достижении Победы, но, несомненно, значительно приблизила ее. Например, известный зарубежный автор — исследователь ленд-лиза Э. Стеттиниус в своей книге приводит множество данных о размерах зарубежной помощи СССР в годы войны. Так, по его оценкам (с которыми согласны большинство исследователей), поставки по ленд-лизу составляли: автомобилей — 150 % от объемов советского производства, алюминия — 125 %, меди рафинированной — 82 %, взрывчатых веществ — 53 %, покрышек автомобильных — 43 %, пороха — 25 %, металлорежущих станков — 23 %[71]. При этом мы намеренно выбрали только некоторые позиции из громадной номенклатуры ленд-лизовских поставок, достаточно важные для предприятий Наркомата вооружения. Комментарии здесь, как говорится, излишни: любой непредвзятый исследователь безоговорочно должен признать роль ленд-лиза весьма и весьма важной.

Сошлемся также на мнение самого известного советского военачальника — Г. К. Жукова, который как-то изложил в беседе с близкими ему лицами свое отношение к ленд-лизу (не зная, что его дача прослушивается, а отчеты о его разговорах кладутся на стол председателя КГБ). В своей книге о Жукове писатель В. В. Карпов приводит подлинные слова маршала, зафиксированные в записке председателя КГБ В. Е. Семичастного в ЦК КПСС от 27 мая 1963 г. № 1447-с): «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали… Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну. Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин! У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой»[72].

То, что Новиков вообще никак не упомянул значение ленд-лизовских поставок для подведомственной ему промышленности вооружений, конечно, в значительной мере обесценивает его воспоминания, так как ставит под сомнение его объективность и неангажированность. Тот аргумент, что он, возможно, умолчал о ленд-лизе по требованию цензуры, на наш взгляд, несостоятелен: ведь мемуары Новикова вышли в свет в 1988 г., а его интервью состоялось в 1989-м. В указанные «перестроечные» годы печатались уже труды самого скандального характера, а роль ленд-лиза открыто обсуждалась историками.

Наконец, к упомянутым недостаткам мемуаров Новикова мы бы добавили еще присутствующую в них сверх всякой меры идеологическую зашоренность, если не сказать хуже — заскорузлый идеологический догматизм, свойственный, впрочем, воспоминаниям всех без исключения известных деятелей той эпохи, которую принято называть «сталинской».

Примечания

[1] См., например: Брежнев Л. И. Малая земля. М. : Политиздат, 1982. 135 с.

[2] См., например: Громыко А. А. Памятное : в 2 кн. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1990.

[3] Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1, 2.

[4] Емельянов В. С. О времени, о товарищах, о себе.М. : Сов. Россия, 1968. 361 с.

[5] См., например: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 т. 5-е изд. М. : Изд-во агентства печати «Новости», 1983.

[6] Зверев А. Г. Записки министра / лит. запись А. Я. Шевеленко ; предисл. чл.-кор. АН СССР К. Н. Плотникова. М. : Политиздат, 1973. 270 с.

[7] См., например: Кузнецов Н. Г. Курсом к Победе. 3-е изд. М. : Воениздат, 1989. 494 с.

[8] Яковлев А. С. Цель жизни (записки авиаконструктора). 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1972. 608 с.

[9] Новиков В. Н. (1907–2000), советский государственный и хозяйственный деятель, член ЦК КПСС (1961–1981), генерал-майор инженерно-артиллерийской службы. В оборонной промышленности с 1928 г. В 1939–1941 гг. директор завода № 74 Наркомата вооружений в Ижевске, в 1941–1948 гг. заместитель наркома (министра) вооружения СССР, в 1965–1980 гг. заместитель Председателя Совмина СССР. Герой Социалистического Труда. Награжден шестью орденами Ленина, орденами Кутузова I и II степеней, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

[10] Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний. М. : Политиздат, 1988. 397 с.

[11] Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск : Русич, 2005. С. 511–550.

[12] Там же. С. 547.

[13] Там же. С. 526.

[14] Кулик Г. И. (1890–1950), советский военачальник, Маршал Советского Союза. В 1950 г. осужден по обвинению в «организации заговорщической группы для борьбы с советской властью» и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

[15] Новиков В. Н. Указ. соч. С. 285–286.

[16] Там же. С. 84–85.

[17] Там же. С. 97.

[18] Там же. С. 94.

[19] Там же. 145.

[20] Там же. С. 143.

[21] Там же. С. 144.

[22] Там же. С. 284.

[23] Там же. С. 121–122.

[24] Там же. С. 154–155.

[25] Там же. С. 192.

[26] Там же. С. 173–174.

[27] Вед. Верхов. Совета Союза Совет. Социалист. Республик. 1940. 5 июля.

[28] Бочков В. М. (1900–1981), советский военный и государственный деятель, Прокурор СССР в 1940–1943 гг., генерал-лейтенант. Неоднократно санкционировал бессудные расстрелы советских граждан. В 1944–1951 гг. начальник Управления конвойных войск НКВД и МВД СССР. В 1951–1955 гг. заместитель начальника ГУЛАГа. Один из организаторов подавления восстания политзаключенных в пос. Кенгир (Казахстан) в июне 1954 г. С мая 1959 г. в отставке. Награжден двумя орденами Ленина, другими орденами и медалями.

[29] Мамяченков В. Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х — начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Науч. диалог. 2017. № 4. С. 168–187.

[30] Там же.

[31] Берия Л. П. (1899–1953), советский государственный и партийный деятель, генеральный комиссар государственной безопасности, Маршал Советского Союза. Герой Советского Союза. В годы войны — нарком внутренних дел, заместитель председателя СНК, член ГКО.

[32] Устинов Д. Ф. (1908–1984), советский военачальник и государственный деятель. Маршал Советского Союза. Дважды Герой Социалистического Труда. Герой Советского Союза. В годы войны — нарком вооружения.

[33] Ванников Б. Л. (1897–1962), советский государственный и военный деятель, генерал-полковник инженерно-технической службы. Трижды Герой Социалистического Труда. В годы войны — заместитель наркома вооружения, нарком боеприпасов.

[34] Малышев В. А. (1902–1957), генерал-полковник инженерно-технической службы. Герой Социалистического Труда. Нарком танковой промышленности в 1941–1942 и 1943–1945 гг.

[35] Рябиков В. М. (1907–1974), советский государственный деятель, генерал-полковник-инженер. Герой Социалистического Труда. В годы войны — первый заместитель наркома вооружения.

[36] Паршин П. И. (1899–1970), советский государственный деятель, генерал-полковник инженерно-технической службы. В годы войны — нарком минометного вооружения. Лауреат Сталинской премии.

[37] Барсуков И. А. (1898–1957), советский государственный деятель, генерал-майор инженерно-артиллерийской службы. В годы войны — заместитель наркома вооружения.

[38] Куманев Г. А. Указ. соч. С. 522.

[39] Быховский А. И. (1895–1972), советский организатор военного производства. В 1929–1956 гг. директор ряда крупных предприятий ВПК СССР, генерал-майор инженерно-артиллерийской службы. Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями.

[40] Елян А. С. (1903–1965), советский организатор военного производства. В 1931–1951 гг. директор ряда крупных предприятий ВПК СССР, генерал-майор инженерно-технической службы. Герой Социалистического Труда. Награжден четырьмя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат четырех Сталинских премий.

[41] Гонор Л. Р. (1906–1969), советский организатор военного производства. В 1939–1953 гг. директор ряда крупных предприятий ВПК СССР, генерал-майор-инженер. Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Сталинской и Государственной премий.

[42] Иванов М. А. (1906–1958), советский организатор военного производства. В 1941–1958 гг. директор завода № 74 (Ижевский машиностроительный завод, производство стрелкового вооружения) и завода им. Орджоникидзе (Сарапул). Инженер-полковник. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями.

[43] Хазанов Б. А. (1903–1995), советский организатор военного производства. В 1932–1942 гг. — на различных должностях в оборонной промышленности. В 1942–1945 гг. директор артиллерийского завода им. Ворошилова. Инженер-генерал-майор. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями.

[44] Руднев К. Н. (1911–1980), советский государственный деятель, организатор военного производства. В 1935–1947 гг. конструктор, главный инженер, директор Тульского оружейного завода. В 1958–1961 гг. председатель Госкомитета Совмина СССР по оборонной технике — министр СССР. В 1961–1965 гг. заместитель председателя Совмина СССР. Председатель Государственной комиссии во время первого полета человека в космос. Герой Социалистического Труда. Награжден шестью орденами Ленина, другими орденами и медалями.

[45] Фомин В. И. (1899–1960), советский организатор военного производства, инженер-конструктор. В 1941–1960 гг. директор Ковровского оружейного завода и Ижевского мотозавода. Генерал-майор инженерно-артиллерийской службы. Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями.

[46] Чеботарев Ф. К. (1904–1985), советский партийно-хозяйственный деятель, организатор военного производства. В 1934–1937, 1937–1939 и 1944–1946 гг. директор завода «Арсенал». В 1939–1943 гг. директор заводов № 106 (Хабаровск), 79 (Коломна) и 235 (Воткинск). В 1946–1947 гг. — председатель исполкома Киевского городского совета депутатов трудящихся. В 1947–1949 гг. заместитель министра местной промышленности РСФСР. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями.

[47] Сысоев П. А. (1911–1991), советский организатор военного производства. В 1942–1966 гг. директор ряда крупных предприятий ВПК СССР. С 1966 г. и до пенсии — начальник Первого Главного управления Министерства общего машиностроения СССР. Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями.

[48] Дегтярев В. А. (1880–1949), российский и советский конструктор стрелкового оружия. Генерал-майор инженерно-артиллерийской службы. Доктор технических наук. Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат четырех Сталинских премий.

[49] Петров Ф. Ф. (1902–1978), советский конструктор артиллерийского вооружения. Генерал-лейтенант — инженер. Доктор технических наук. Герой Социалистического

Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Ленинской и четырех Сталинских премий.

[50] Грабин В. Г. (1900–1980), советский конструктор и организатор производства артиллерийского вооружения. Генерал-полковник технических войск. Герой Социалистического Труда. Награжден четырьмя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат четырех Сталинских премий.

[51] Нудельман А. Э. (1912–1996), советский конструктор, ученый и организатор в области вооружений и военной техники. Доктор технических наук, профессор. Дважды Герой Социалистического Труда. Награжден четырьмя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Ленинской и пяти Сталинских премий.

[52] Березин М. Е. (1906–1950), советский конструктор авиационного вооружения. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат двух Сталинских премий.

[53] Владимиров С. В. (1895–1956), советский конструктор стрелкового оружия. Погиб 12 июля 1956 г., получив смертельную травму при разборке подпружиненных частей пулемета собственной конструкции. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Сталинской премии первой степени.

[54] Шпагин Г. С. (1897–1952), советский конструктор стрелкового оружия. Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Сталинской премии.

[55] Судаев А. И. (1912–1946), советский конструктор стрелкового оружия, инженер-майор. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Сталинской премии второй степени.

[56] Горюнов П. М. (1902–1943), советский конструктор стрелкового оружия. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета. Лауреат Сталинской премии первой степени (посмертно).

[57] Шавырин Б. И. (1902–1965), советский конструктор минометного и реактивного вооружения. Герой Социалистического Труда. Награжден двумя орденом Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Ленинской и трех Сталинских премий.

[58] Шпитальный Б. Г. (1902–1972), советский конструктор артиллерийского вооружения. Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Сталинских премий первой степени. Награжден двумя орденами Ленина, другими орденами и медалями.

[59] Симонов С. Г. (1894–1986), советский конструктор стрелкового оружия. Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Сталинских премий первой степени. Награжден тремя орденами Ленина, имел другие награды.

[60] Локтев Л. А. (1908–1981), советский конструктор артиллерийского вооружения. Награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями. Лауреат Ленинской и трех Сталинских премий.

[61] Таубин Я. Г. (1900–1941), советский конструктор артиллерийского вооружения. Награжден орденом Ленина. В 1941 г. по обвинению в «консервировании недоработанных образцов вооружения и в запуске в валовое производство технически недоработанных систем: 23-миллиметровой авиапушки, 12,7-мм пулемета и других» был арестован и расстрелян. В 1955 г. реабилитирован.

[62] Куманев Г. А. Указ. соч. С. 542, 544.

[63] Там же. С. 546–547.

[64] Там же. С. 521.

[65] Там же. С. 543.

[66] Шахурин А. И. Крылья Победы. М. : Политиздат, 1983. С. 225.

[67] Куманев Г. А. Указ. соч. С. 546.

[68] Новиков В. Н. Указ. соч. С. 18–20.

[69] Там же. С. 390.

[70] Там же. С. 305, 318–319.

[71] Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М. : Вече, 2000. URL: http://militera.lib.ru/memo/usa/stettinius/06.html.

[72] Карпов В. В. Маршал Жуков : Опала. М. : Вече, 1994. С. 336–337.

Б. Д. Шмыров

Образы трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 годах (по результатам научных исследований)

В статье на основе широкого круга источников исследуются образы трудмобилизованных из Среднеазиатского военного округа, призванных на работы в советскую промышленность и экономику, в частности на Южный Урал — в Челябинскую и Чкаловскую (Оренбургскую) области, в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *трудмобилизованные, Среднеазиатский военный округ, промышленные предприятия, образы.*

Начиная исследования по проблеме использования трудовых ресурсов в годы войны Советского Союза с нацистской Германией в период с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г., необходимо учитывать, по мнению автора, что советским и российским историкам, а также исследователям удалось в полном объеме показать использование значительной части всех категорий советских трудовых кадровых рабочих, подростков, женщин, людей пожилого возраста, мобилизованных для работы в промышленности и строительстве в годы Великой Отечественной войны. При этом конкретные указания и установки, созданные в недрах идеологического отдела ЦК КПСС и оказавшие влияние на работы советских историков, посвященные вопросам деятельности тыла в годы Великой Отечественной войны, характеризовались замалчиванием ряда вопросов из области трудовых отношений. Это относится и к теме использования трудмобилизованных САВО как рабочей силы, как в советской экономике военного периода, так и в ГУЛАГ НКВД СССР.

В изучении темы использования трудмобилизованных САВО для нужд экономики Южного Урала можно выделить два этапа. Первый продолжался с конца 1942 — начала 1943 г. до начала 1990-х гг., то есть до развала Советского Союза, и был мало информативным с позиции подготовки ответов на вопросы по изучению озвученной темы из-за недостаточного объема материала. Одна из главных причин сложившейся ситуации с информацией по теме использования трудмобилизованных САВО для нужд советской экономики военного периода — отсутствие разрешения на работу в архивах Союза ССР у широкого круга исследователей и историков.

Второй этап можно отнести к постсоветскому периоду (начало 1990-х гг. — настоящее время). В ходе изучения большого объема архивных данных, источников личного характера историки смогли получить ответы на поставленные вопросы, что позволило значительно уменьшить, а в отдельных случаях и устранить информационные лакуны по ряду позиций в основном вопросе озвученной темы.

Вкратце о первом этапе изучения темы использования трудмобилизованных САВО для нужд экономики Южного Урала надо, по мнению автора, отметить следующее. Публикации о строительстве и пуске в эксплуатацию новых промышленных объектов в восточных районах СССР появились в советской печати в конце 1942 — начале 1943 г.[1] Авторами первых публикаций о советской экономике в годы Великой Отечественной войны, в том числе на Урале, были Б. М. Сухаревской и К. И. Клименко[2]. Подробный анализ военной экономики СССР и данные об объемах промышленного производства в восточных районах страны, включая уральский, приведены в работе Н. А. Вознесенского[3]. При этом авторы всех публикаций о советской экономике в годы войны не указывали на различные категории работников, в том числе и на трудмобилизованных или заключенных, занятых в промышленности, строительстве и на железной дороге. Широкое применение нашли обобщающие термины: «строители», «монтажники», «работники»[4].

Этапы строительства и работы объектов металлургической промышленности уральского региона в годы войны были исследованы Н. П. Липатовым[5]. Отдельные вопросы, такие как условия труда, проживания работников производства и строителей, указанный автор осветил без указания категории рабочей силы — трудмобилизованных немцев и жителей САВО, заключенных. По мнению автора, это было вызвано тем, что все три указанные категории входили в структуру рабочей силы НКВД СССР — частично (как трудмобилизованные САВО) или полностью (как трудмобилизованные немцы и заключенные). Ситуация с отсутствием всякого упоминания о трех указанных категориях рабочей силы наблюдалась в трудах многих авторов, посвятивших свои работы строительству и пуску в эксплуатацию промышленных предприятий Южного Урала[6].

Тенденция умолчания о производственной деятельности трудмобилизованных САВО прослеживается в многочисленных трудах, выходивших в СССР с конца 1940-х до середины 1990-х гг. Подобное замечание относится и к энциклопедическим изданиям советского периода[7]. Отсутствует информация о работе трудмобилизованных САВО в военной советской экономике в воспоминаниях руководителей различного уровня. Среди них нарком по строительству С. З. Гинзбург, директора металлургического производства Челябинской области Г. И. Носов и Я. И. Сокол, первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев[8]. Схожая ситуация отразилась в работах, посвященных истории промышленных предприятий Челябинской области[9].

О спецконтингенте, в том числе из Казахстана и республик Средней Азии, не писали в своих книгах и те, кто непосредственно руководил данной категорией рабочей силы в годы войны. Генерал армии А. Н. Комаровский[10] в своих воспоминаниях не указал на лагерный контингент из числа

трудмобилизованных немцев, трудмобилизованных САВО и заключенных на строительстве Челябинского металлургического завода в 1942–1944 гг. Но генерал кратко отметил наличие в составе коллектива строителей лиц, имевших статус «трудармеец»[11].

Автор работы считает нужным указать на положение документа коллегии Министерства юстиции СССР от 26 сентября 1990 г., в котором говорилось, что «вести речь о статусе “трудармейцев” как особой категории работников не представляется возможным»[12].

В научных работах советского периода можно встретить лишь отдельные упоминания о производственной деятельности, быте трудмобилизованных САВО на объектах промышленности и строительства[13]. Одним из первых авторов, осветивших более подробно работу трудмобилизованных САВО в Челябинской области, стала М. Ф. Парчина[14]. В ее публикации был указан примерный численный состав по национальному признаку трудмобилизованных САВО — республик Средней Азии и Казахстана, трудившихся осенью 1943 г. в Челябинской области на объектах строительства и промышленности; частично освещены вопросы технического обучения, быта и агитационно-пропагандистской работы. Остались вне рамок указанной работы такие вопросы, как условия работы и проживания, вещевого и продовольственного снабжения трудмобилизованных САВО, всякое упоминание о Постановлении ГКО № 2414с. Как следствие этого, не был указан правовой статус рабочих из республик Средней Азии и Казахстана, присланных на Южный Урал — «трудмобилизованные», — который был указан во всех архивных документах военного периода, касавшихся данного контингента рабочей силы.

Известно, что примеры и образы самоотверженного труда советских людей в тылу как в период войны, так и позже, нашли отражение в многочисленных произведениях писателей, поэтов, художников, деятелей кинематографии. При этом в указанный хронологический отрезок среди героев трудового фронта практически отсутствовали заключенные, бывшие военнопленные РККА, трудмобилизованные жители Средней Азии, советские немцы, депортированные представители коренных народов Крыма и Северного Кавказа. Упоминания о трудовых отношениях в годы Великой Отечественной войны с указанной категорией отсутствовали во многих работах до конца 1990-х гг., равно как обширная информация о трудмобилизованных САВО в системе НКВД Союза ССР, где трудился многотысячный коллектив уроженцев Казахстана и республик Средней Азии. Такой подход, создававший информационный вакуум, касался не только научных работ — негласный запрет идеологического отдела ЦК КПСС по озвученному вопросу, неоднократно продублированный аналогичными отделами республиканских компартий Союза ССР, был распространен на все виды творческой деятельности в советском обществе.

В советской художественной литературе только один автор — Фатех Ниязи — рассказал о своих земляках, трудмобилизованных САВО, которые в составе трудовых батальонов, сформированных из уроженцев Таджикистана, были отправлены на Урал во время Великой Отечественной войны. Там посланцы горной республики приняли участие в строительстве и пуске в работу металлургического предприятия. Во время работы автор исполь-

зовал архивные данные и собранные им воспоминания бывших трудмобилизованных САВО, их переписку с родными, обращения жителей кишлаков, поселков и городов республики к своим землякам, трудившимся на уральской земле[15]. Автору на страницах своей книги на основе изучения большого объема архивных документов удалось подробно осветить ряд вопросов, связанных с доставкой рабочих из Таджикистана на Урал, с их содержанием в длительной, более чем тридцатисуточной, железнодорожной поездке на Урал[16], с организацией их размещения на новом месте проживания, с вещевым снабжением, с отношением к ним представителей местных советских и партийных организаций, руководителей строительства.

Но кроме прозы автор статьи хотел бы обратить внимание и на цитируемые ниже поэтические строчки. В ходе работы с литературным наследием известного российского поэта Освальда Плебейского ценители его мастерства, а также историки смогли ознакомиться с краткой авторской характеристикой отдельных социальных групп трудового коллектива Кировского тракторного завода в Челябинске в годы войны:

В цех доходных нагнали зеков,
Заныла проволкой душа.
Они в курилках, как в сусеках,
Все шарят, мусор вороша.
Ищи-свищи! Да за окурок
Мы сами продали б себя!
Они дрожат в лохмотьях курток,
Лопаты жалко теребя.

В углах узбеки жмутся кучей.
Им снится солнце, знойный сад.
Глаза слезливы, нос текучий,
Вниз пальцы синие скользят.
Как инструменты адской муки,
Звенят им гайки и болты.
И мрут, и мрут они, как мухи.
Голодно отверзая рты[17].

Еще, красуясь блеском граций,
Сверканьем фрез и молотков,
Играют бойко ленинградцы
На кнопках голубых станков.

И самый старший — царь успехов —
Под тяжкий грохот, свист и вой
Глядит на зеков, на узбеков
И плачет белой головой[18].

Поиски по озвученной теме позволили ознакомится с творчеством работника НКПС А. А. Крюкова, который принимал участие в работах на вновь возводимых железнодорожных объектах в окрестностях Челябинска

совместно с трудмобилизованными САВО, уроженцами республик Средней Азии и Казахстана.

Необходимо отметить, что за последние несколько лет в Челябинске были изданы учебники и учебные пособия для учащихся школ и студентов вузов, в которых были опубликованы материалы о трудовой деятельности трудмобилизованных САВО в годы войны на объектах промышленности и строительства Южного Урала[19].

Автором статьи также изучались различные аспекты использования трудмобилизованных САВО[20]. Были рассмотрены вопросы историографии, дан краткий анализ исследований отдельных авторов по данной теме[21]. Освещен ряд вопросов, связанных с нахождением трудмобилизованных САВО на Южном Урале в 1942–1944 гг., таких как профессиональная подготовка, вещевое и продовольственное снабжение, производственно-бытовые условия[22]. Была дана оценка политико-массовой работе, которую проводили организации ВКП(б) Челябинской и Чкаловской областей с трудмобилизованными САВО[23]. Комплексному рассмотрению всех вопросов, связанных с работой трудмобилизованных САВО на Южном Урале, посвящены две работы автора и работа таджикского исследователя С. Мухамеддова[24].

Кроме того, именно С. Мухамеддов стал автором документального фильма «Солдаты без оружия», снятом в Таджикистане и на Урале: в Челябинске, Екатеринбурге, Челябинской и Свердловской областях. Автор фильма посетил со съемочной группой места проживания и работы таджикских трудмобилизованных, провел ряд бесед с уральскими историками по теме фильма. Научным руководителем работ по фильму был академик Рахим Масов из Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Первая премьера фильма за пределами республики состоялась 22 июня 2015 г. в Челябинске.

Таким образом, в ходе продолжающихся работ с различными источниками появляется реальная возможность воссоздания более полных образов трудмобилизованных САВО, работавших на Южном Урале — в Челябинской и Чкаловской (Оренбургской) областях, в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

[1] Правда. 1943. 8 февр. ; Орс. рабочий. 1944. 22 янв. ; Гвардеец труда. 1944. 18 марта.

[2] Сухаревский Б. Советская экономика в годы Великой Отечественной войны. М., 1945. С. 29, 30 ; Клименко К. Уральский промышленный район. М., 1945. С. 25–68.

[3] Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

[4] Белов П. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне // Вопр. экономики. 1950. № 5. С. 14 ; Губарева О. Рост квалификации рабочих в промышленности СССР // Там же. 1952. № 12. С. 26 ; Коммунист Таджикистана. 1943. 7 нояб. ; Челяб. рабочий. 1943. 22 авг.

[5] Липатов Н. П. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Очерки истории строительства. М., 1960.

[6] Бычков В. С. Сталь для Победы. М., 1983 ; Гравишкис В. Заметки к истории Уральского автомобильного завода имени Сталина. Челябинск, 1947. С. 5–48 ; Челябинская область за 40 лет советской власти. Челябинск, 1957. С. 227–318 ; Колесник А. Н. Советские военные строители. М., 1988. С. 168–170 ; Комаров Н. Я. Государственный Комитет постановляет. М., 1990. С. 161–164.

[7] Казахская ССР // Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. М., 1985. С. 313–314, 338–340 ; Таджикская ССР // Большая советская энциклопедия : в 55 т. 2-е изд. Т. 41. М., 1956. С. 466–499 ; Туркменская ССР // Там же. Т. 43. С. 444–475 ; Узбекская ССР // Там же. Т. 44. С. 6–42.

[8] Гинзбург С. З. О прошлом — для будущего. М., 1984 ; Носов Г. И. Металл для фронта // ОГАЧО. Ф. К-288. Оп. 3. Д. 11. Л. 1–12 ; Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., 1977 ; Сокол Я. И. Рождение флагмана качественной стали // ОГАЧО. Ф. К-288. Оп. 3. Д. 10. Л. 1–13 ; Год рождения — 1943-й // Великий подвиг труда. Челябинск, 1970.

[9] Галигузов И. Ф. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина. М., 1978 ; Челябинский ордена Трудового Красного Знамени металлургический завод. М., 1974 и др.

[10] В 1942–1944 гг. бригинженер, полковник, генерал-майор, начальник исправительно-трудового лагеря «Бакаллаг» («Челяблаг») и управления строительства «Бакалстрой» («Челябметаллургстрой») НКВД СССР.

[11] Комаровский А. Н. Записки строителя. М., 1973. С. 124.

[12] История российских немцев в документах. М., 1993. С. 333.

[13] Советский тыл в Великой Отечественной войне : в 2 кн. Кн. 2: Трудовой подвиг народа. М., 1974 ; Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Ташкент, 1966 и др.

[14] Парчина М. Ф. Партийная организация Челябинской области — организатор трудового подъема рабочих из Средней Азии в годы Великой Отечественной войны // Сборник трудов кафедры истории КПСС. Вып. 4. Челябинск : ЧПИ, 1961. С. 3–20.

[15] Ниязи Ф. Солдаты без оружия. М., 1988.

[16] АОАКГО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 73. Л. 34.

[17] Из 31 599 трудмобилизованных САВО, работавших в Челябинской и Чкаловской областях, к 31 декабря 1943 г. убыли 10 668 человек, из них по причине смерти — 1557 трудмобилизованных. Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 гг. : монография. Челябинск : Цицеро, 2018. С. 47, 50.

[18] Плебейский О. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Челябинск : Цицеро, 2018. С. 15.

[19] История России (март 1917 г. — начало XXI века) : хрестоматия / сост. В. Д. Павленко, Г. К. Павленко. Челябинск, 2010. С. 130–133 ; Салмина, М. С. История Южного Урала. XX — начало XXI века : учеб. пособие. Челябинск, 2004. С. 133–134 ; Челябинск. История моего города : учебник. Челябинск, 1999. С. 203–206.

[20] Шмыров Б. Д. Металл Победы — мы за ценой не постоим?! // Страницы истории. Челябинск, 2009. С. 47–96 ; Металл Победы: Начальник строительства : в 2 ч. Ч. 2: Першинская площадка // Воен.-ист. архив. 2012. № 3. С. 36–65.

[21] Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные из числа жителей Узбекистана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Урале // Воен.-ист. архив. 2010. № 11. С. 134–147 ; Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа как контингент ресурсов на предприятиях Челябинской области в 1942–1945 гг. в работах челябинских исследователей // Архивы и история Южного Урала. Челябинск, 2013. С. 161–165.

[22] Шмыров Б. Д. Численность трудмобилизованных Средне-Азиатского военного округа на промышленных предприятиях Южного Урала в 1943–1945 годах // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 16. История. Вып. 51. С. 69–72 ; Он же. Трудмобилизованные из Средне-Азиатского военного округа в Челябинской области в 1942–1945 гг. (социально-бытовые условия проживания и работы) // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2010. С. 100–104 и др.

[23] Шмыров Б. Д. Донести слово партии до каждого работающего // Воен.-ист. архив. 2011. № 11. С. 71–77 ; Он же. Политико-массовая работа среди трудмобилизованных Средне-Азиатского военного округа на Южном Урале в 1943–1944 годах // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 18. История. Вып. 56. С. 45–50.

[24] Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на трудовом фронте Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. С. 50–65 ; Мухамеддов С. Посланцы Таджикистана на предприятиях Урала в годы Великой Отечественной

войны // Таджикистан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Душанбе, 2015. С. 226–230 ; Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 гг. : монография. Челябинск : Цицеро, 2018.

Н. К. Убайдулло

К вопросу о периодизации историографии Таджикистана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Статья посвящена историографическому анализу истории Таджикистана в годы Великой Отечественной войны, степени ее изученности и ее основных периодов. Отмечается, что среди исследователей-историографов отсутствует единый подход к периодизации историографии военного периода республики, что независимо от заметного достижения в изучении данного вопроса, издание многочисленных монографических исследований и научных сборников, а также другие публикации, все-таки некоторые стороны жизни республики и проблемные вопросы остались нерешенным.

Ключевые слова: *Таджикистан, Великая Отечественная война, история военного периода, историография Великой Отечественной войны, таджикистанцы, эвакуация, историческая наука.*

Со дня победы советского народа над фашизмом прошло уже 75 лет. Для народов Советского Союза Великая Отечественная война была самым тяжелым и жестоким испытанием. Несомненно, одним из главных источников Победы явилась невиданная сплоченность советских народов, которые единодушно поднялись на защиту Отчизны и с честью выдержали суровые испытания военных лет, отстояли свою свободу. Выступая на торжествах в честь 74-й годовщины Победы, президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил: «Праздник Победы для всех народов планеты, в том числе и таджикского народа, действительно является очень важной, поистине судьбоносной и исторической датой. Ибо в те страшные годы фашистский режим создал серьезную угрозу свободе и независимости большинства государств и народов мира[1].

В те суровые годы и период тяжелых испытаний таджикский народ наравне с другими народами страны с честью выполнил свой долг и внес достойный вклад в борьбу с фашизмом. В годы войны из Таджикистана на фронт было направлено более 300 тыс. человек, 253 957 человек приняли участие в сражениях, 45 тыс. мобилизованы на военные предприятия. Свыше 50 тыс. посланцев Таджикистана были награждены орденами и медалями, 63 человек стали Героями Советского Союза, 15 — полными кавалерами ордена Славы[2]. В годы войны около 28 тыс. раненых лечились в местных

и эвакуированных в Таджикистан госпиталях. Большинство из них, восстановив здоровье, вернулись на фронт.

За самоотверженный труд в те суровые годы 993 жителя республики были награждены орденами, 102 тыс. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[3]. Эти статистические данные свидетельствуют о достойном вкладе народов Таджикистана в защиту страны и борьбу против фашизма. Так, население республики накануне войны (перепись 1939 г.) составляло всего 1484,9 тыс. человек (в том числе 769,4 тыс. мужчин, или 51,8 %)[4], причем общая численность трудоспособного населения (мужчины 16–59, женщины 16–54 лет) была всего 763 772 человека[5]. При этом почти 40 % населения трудоспособного возраста республики непосредственно были отправлены на фронт и на тыловые работы.

Великая победа советского народа над фашизмом, бессмертный подвиг советских людей на фронтах и в тылу навсегда остается в народной памяти. Отсюда освещение и отражение всенародной борьбы советского народа против фашизма всегда занимало доминирующее положение в исторической науке Таджикистана. И сегодня, в годы независимости, данная проблема, особенно вклад Таджикистана в победу над фашизмом, считается одним из приоритетных направлений в отечественной исторической науке. Об этом свидетельствуют многочисленные труды, научные статьи, научно-популярные работы и документальные сборники, изданные непосредственно в годы войны и в послевоенный период. Преобладающими в этих работах являлись темы ратных подвигов посланцев Таджикистана на фронтах, трудовых подвигов жителей республики в тылу и вклада Таджикской ССР в победу над фашизмом[6].

Историография проблемы также не осталась вне поля зрения специалистов. Первый историографический анализ источников и литературы, посвященных истории периода войны, вышедший до 1965 г., принадлежит исследователям истории советского периода Ю. А. Николаеву и К. П. Марсакову[7]. Анализируя основные источники и литературу по истории периода строительства социализма для второй книги третьего тома «Истории таджикского народа», они более подробно осветили процесс изучения истории Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. Согласно их анализу, по сравнению с другими периодами истории советского времени данный этап являлся наиболее изученным[8].

Хотя первые обзорные статьи, подводящие некоторые итоги изучения советского периода в истории таджикского народа, появились еще в 1940–1950-е гг., а во второй половине 1950-х гг. были предприняты первые попытки более глубоких историографических обобщений существующей научной литературы, интерес к таким исследованиям заметно возрос в 1960-е гг. К таким работам можно отнести прежде всего статью А. А. Семенова и В. А. Козачковского и историографический обзор Х. Дриккера[9], в которых авторы наряду с другими работами анализировали и труды, относящиеся к истории военных лет республики.

Весомый вклад в изучение историографии данного вопроса принадлежит академику Р. М. Масову, который не только проанализировал вышедшую в республике до 1975 г. историческую литературу, но и впервые предложил основные этапы историографии военных лет Таджикистана[10]. Со-

гласно его периодизации, первый этап, охватывающий 1945–1960 гг., характеризуется периодом усиления сборов документов, прежде всего архивных и опросных материалов, а также материалов периодической печати. Второй этап — 1960–1975 гг. — является периодом расширенного изучения истории военных лет[11].

Известный исследователь истории периода войны Л. П. Сечкина, также выделяя два основных этапа в историографии вопроса, отмечает, что для авторов, изучавших военный период в 1950-е гг., было характерно упрощенное воссоздание событий, а в их работах отсутствовал научный анализ фактов и теоретических обобщений[12].

Существует и другая периодизация историографии вопроса. Исследователь С. Рахимов выделяет три периода в изучении истории военных лет: первый — годы войны, второй — 1946 — середина 1950-х гг., третий — с середины 1960-х гг. по настоящее время[13]. С небольшим изменением данную позицию поддерживают и некоторые другие исследователи, которые в основном выделяют следующие этапы: первый — 1941–1956 гг., второй — 1956–1990 гг., третий — с 1991 г. по настоящее время[14].

Периодизация историографии военного периода непременно связана с развитием само́й исторической науки в целом, с объемом вышедших исследовательских работ, уровнем охваченности и методологического подхода к изучению проблемы, а также степенью их освещения. Кроме того, при определении основных этапов изучения истории республики в годы войны следует также сконцентрировать внимание и на процессе накопления знаний по историографии вопроса, степени доступности и использования архивных материалов и иных первоисточников.

При определении периодизации истории исторической науки ученые в целом учитывают такие важные вопросы развития науки, как складывание системы организации ее на различных этапах, труды историков как историографический объект, материалы по истории этих трудов, анализ всей атмосферы, «климата» развития науки, политики функционирования в этой области научных центров, периодики, система подготовки кадров, влияние формы и структуры организации науки на процесс создания исторических исследований[15].

Опираясь на эти критерии, а также на общепринятые принципы советской историографии, Р. М. Масов в развитии исторической науки Таджикистана выделяет три больших периода: первый — становление и развитие исторической науки в республике, — который охватывает 1917–1937 гг.; второй, включающий эпоху строительства и упрочения социалистического общества (1938 г. — конец 1950-х и начало 1960-х гг.; третий период — с середины 1960-х до конца 1980-х гг.[16] Утверждая приемлемость данной периодизации в развитии исторической науки Таджикистана, ученый с учетом специфики и особенности ее развития в республике выделяет более детальные, промежуточные, внутренние этапы, характерные для развития историографии Таджикистана. Первый период (1917–1937) делится на три отдельных этапа: с 1917 до середины 1920-х гг.; с середины 1920-х до начала 1930-х гг.; с начала 1930-х до второй половины 1930-х гг. Второй период (1938 — начало 1960-х гг.) разделяется на два этапа: со второй половины 1930-х гг. до конца Великой Отечественной

войны; с 1946 г. до первой половины 1960-х гг.[17] Хотя у академика Р. М. Масова третий период (середина 1960-х — конец 1980-х гг.) не разделяется, мы можем на основании уже перечисленных критериев разделить его на два отдельных этапа: первый — с середины 1960-х до середины 1980-х гг., то есть до начала перестройки; второй — с середины 1980-х гг. до 1991 г., то есть до распада Советского Союза. Естественно, с приобретением государственной независимости республики начался совершенно новый период (четвертый) в развитии отечественной исторической науки.

Таким образом, на основании вышеизложенного и в соответствии с основными периодами развития отечественной исторической науки, а также с помощью всестороннего историографического анализа можно определить четыре основных этапа изучения истории республики в годы войны: 1941–1945 гг., 1946 — середина 1960-х гг., середина 1960-х — 1991 г. (то есть до распада СССР), с 1991 г. до настоящего времени (годы независимости).

Начальный этап историографии вопроса соответствует второму периоду развития исторической науки в республике. Историческая литература периода войны, которую в основном составляют несколько брошюр[18] и статей, отражала роль партийных организаций республики в выполнении насущных хозяйственно-организационных и других задач военного времени. Особое место среди опубликованных работ военного времени занимают брошюра «Таджикский народ в борьбе за Советскую Родину»[19] и книга Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины»[20]. Научная значимость работы Б. Г. Гафурова и Н. Прохорова заключается не только в том, что в ней впервые показана история борьбы таджикского народа за свободу и независимость Родины, отражен героический подвиг таджикистанцев на фронтах Отечественной войны и трудовые свершения в тылу, но и в том, что она, по сути, является первым и серьезным шагом на пути к комплексному и обобщенному изучению истории таджикского народа. Прежде всего авторы дали решительный отпор тем, кто считал, что не нужно выделять историю среднеазиатских народов в отдельности, а следует писать общую историю для всех народов региона[21].

Естественно, для исторических работ первого периода важнейшим критерием послужила объективная необходимость исторического обоснования краха фашизма и непобедимости советского народа, несокрушимости советского общественного строя. Главная задача и содержание работ историков за весь период войны прежде всего определялись в занятии активной позиции на общем фронте борьбы против фашизма, патриотическом воспитании и поднятии боевого духа советских граждан. Исторические работы этого периода в основном выполнялись в форме (жанре) очерков, историко-публицистических статей о боевых подвигах солдат и офицеров и небольших документальных публикаций.

Непосредственно научное изучение истории военных лет начинается в 1950-е гг., и особую роль в этом процессе сыграла специальная Комиссия по истории Великой Отечественной войны, созданная при Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР с целью сбора материалов[22]. Именно в этот период были опубликованы первые научные статьи и защищены кандидатские диссертации по истории военного пери-

ода республики[23]. Особое место среди них занимают обобщающие коллективные исторические труды, где истории военного периода посвящены специальные главы[24]. Анализируя эти работы, академик Р. М. Масов отмечал, что они содержат ценный фактический материал о деятельности партийных, государственных органов и общественных организаций по мобилизации сил и средств на борьбу с фашизмом, о героизме воинов-таджиков на фронтах и трудящихся Таджикистана в тылу[25].

Для специалистов, изучавших историю военного периода в 1950-е гг., было характерно упрощенное изображение событий, ибо узкой была документальная база, доступ к архивам был ограничен. Поэтому в работах этого периода не отражались в достаточной степени объективные трудности и лишения суровой военной поры, отсутствовали научный анализ фактов и теоретические обобщения[26].

Последовательное научное исследование истории таджикского народа периода Великой Отечественной войны начинается в 1960-е гг. В этот период наряду с отдельными статьями и диссертационными работами появляются первые монографические исследования. Среди них прежде всего следует отметить монографии Л. П. Сечкиной и Дж. Усманова[27]. Освещение истории периода Великой Отечественной войны занимало доминирующее место в историко-партийных работах и диссертационных исследованиях, основной задачей которых являлся анализ руководящей и организующей роли республиканских партийных организаций[28]. Однако в результате всестороннего анализа этих работ Л. П. Сечкина пришла к выводу, что хотя в них в разной степени освещена военно-хозяйственная, организаторская и идеологическая работа партийной организации республики, тем не менее авторам не удалось в полной мере проанализировать и обобщить доступные материалы[29].

История республики периода Великой Отечественной войны и в 1970–1980-е гг. занимала приоритетное место в отечественной историографии. В этот период исследователи обращались прежде всего к социально-экономическим проблемам, трудовому участию рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции республики в разгроме врага, деятельности представительных органов власти Таджикистана, особенно к освещению роли Советов в военный период и организации оказания помощи фронту. Было защищено несколько кандидатских диссертаций, которые были посвящены в основном социально-экономическому положению республики в годы Великой Отечественной войны.

В целом третий период оказался самым плодотворным по сравнению с предыдущими периодами в развитии всех областей исторических знаний, в том числе и в изучении истории военного времени. За этот период историография Таджикистана в годы Великой Отечественной войны обогатилась большим количеством монографических исследований, коллективных обобщающих трудов, сборников статьей, документальных и статистических сборников. Заметные успехи были достигнуты и в подготовке историков: образовывались новые исторические факультеты, увеличился прием в аспирантуру по направлению исторических наук. Развитию исторической науки, особенно процесса освещения истории периода войны, способствовали и празднование юбилейных дат, в частности Дня Победы, и издание

юбилейных сборников. Кроме того, характерным явлением для данного периода была публикация документов и материалов по проблемам истории советского периода республики, которые охватывали и многочисленные архивные документы, и материалы, освещающие историю периода войны.

Подробный историографический анализ научной литературы, касающейся истории Таджикистана военного периода, вышедшей в период с 1960-х до конца 1980-х гг., дается в работах академика Р. М. Масова[30], а также в многочисленных публикациях исследователя истории военной поры А. П. Сечкиной[31], историография народного образования — в работах Н. К. Убайдуллоева[32], проблемы историографии — в статьях и диссертационной работе Ф. К. Караева[33]. Подробное библиографическое описание истории Таджикистана периода Великой Отечественной войны составлено научными сотрудниками Центральной научной библиотеки АН Таджикистана Л. В. Турсуновым и И. В. Батуровой[34]. Библиография охватывает все книги, статьи из сборников, периодических изданий на русском и таджикском языках, без учета газетных статей, а также диссертации и авторефераты диссертаций за 1942–1975 гг.

Историографический анализ литературы показывает, что благодаря многочисленным публикациям о подвигах таджикистанцев на фронтах Великой Отечественной войны расширилось представление читателей о героизме посланцев республики, выявились новые грани самоотверженности, стойкости и мужества фронтовиков. Действительно, в этот период в республике были исследованы многие аспекты военной тематики, в научный оборот введен большой и разнообразный фактический материал, подтверждающий огромный вклад Таджикистана в победу над фашизмом и героизм его посланцев. Но вместе с тем следует отметить, что опубликованная литература полностью не отражает всего многообразия, всех сложностей истории республики периода войны, не раскрывает всех изменений, которые происходили во всех сферах жизни Таджикистана в эти годы.

После распада Советского Союза, в первые годы независимости, отечественная наука не достигла заметных результатов в освещении историографии периода войны. Это связано прежде всего с политическими событиями и довольно глубоким кризисом в отечественной науке, уходом многих специалистов в другие сферы деятельности, отчасти с отъездом их за пределы страны. В том числе некоторые специалисты по новейшей истории покинули республику, многие переквалифицировались.

Тем не менее независимо от имеющихся проблем государственная независимость поставила новые задачи перед специалистами-историками — прежде всего объективное освещение истории советского периода без какого-либо идеологического давления, исследование тех событий, изучению которых препятствовали цензура и ограниченность доступа к архивным материалам. Наряду с другими проблемами 70-летней истории советской эпохи история военного периода, особенно вклад Таджикистана в победу над фашизмом, в годы независимости становится еще более актуальной.

В годы независимости история военного периода Таджикистана в целом, а также отдельные ее проблемы нашли свое освещение прежде всего в статьях и выступлениях президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, шестом томе фундаментального труда «История таджикского

народа»[35], монографических исследованиях, сборниках статьей и материалов республиканских и международных конференций. Вопросам военной поры посвящены работы таких исследователей, как Л. П. Сечкина, А. Секретов, Р. Б. Хотамов, Г. Хайдаров, У. Гаффоров, Р. Набиева, А. Гафуров, В. Дубовицкий, Л. Д. Додхудоева, С. Мухиддинов, М. Зикриеева, В. Набиев, М. Бобоханов, Д. Алимов, Ю. Саидасанов, Н. Назаршоев, О. Кановен, М. Иброхимов, С. Рахимов, М. Морченко, Ф. Караев и др.[36] Также следует отметить отдельные статьи ряда известных ученых-историков республики, в частности академика Р. Масова, Х. Пирумшоева, Р. Абулхаева, В. Дубовицкого, С. Мухиддинова, Б. Кобиловой, Р. Каримовой, М. Иброхимова, М. Марченко, Г. Шерматова и других, которые посвящены отдельным, не освещенным доселе сторонам истории военной поры республики. В работах Г. Шерматова (в основном научных и научно-популярных статьях) чаще всего наблюдается использование новых архивных документов, материалов из других источников и иллюстраций. Многие работы, вышедшие в период с 1991 по 2010 гг., не считая нескольких диссертационных исследований, в целом носят научно-популярный характер[37].

В последние годы А. М. Гафуров часто обращается к теме участия таджикистанцев в Великой Отечественной войне[38]. Впервые в его работах исследуются проблемы эвакуации населения, предприятий и организаций с европейской части СССР в Таджикистан в начале войны.

Достаточно подробный анализ истории военного периода излагается в шестом томе «Истории таджикского народа», где первая глава, автором которой является Л. П. Сечкина, полностью посвящена освещению истории Таджикистана в годы Отечественной войны. Научная ценность данной главы заключается в том, что автор, который является одним из крупнейших специалистов по истории данного периода, на основе новых дополняющих источников без каких-либо идеологических давлений и с новым подходом освещает историю республики в те суровые годы. Она прежде всего обращает внимание на мобилизацию трудящихся на разгром врага, отвагу воинов республики на всех этапах войны и в крупных сражениях, вклад таджикистанцев в освобождение страны и европейских государств от фашистов, состояние народного хозяйства республики в годы войны, помощь жителей республики фронту и районам, освобожденным от захватчиков, и на культуру республики в этот период. Подытоживая главу, Л. П. Сечкина констатирует, что в победе над фашизмом большая заслуга принадлежит наряду с другими народами Советского Союза и таджикскому народу. «Таджикский народ, — пишет она, — проявил на фронтах войны и в трудовом тылу высокую организованность и стойкость»[39].

Еще в феврале 1989 г. по решению ЦК КПТ в рамках общесоюзного проекта «Всесоюзная Книга памяти» началась подготовка и издание республиканской Книги памяти, а 25 июля того же года был утвержден состав ее редакционной коллегии. Планировалось путем организации редколлегий в областях, комиссий в районах и городах, поисковых групп в трудовых коллективах, школах, средних и высших учебных заведениях провести их силами тщательный отбор, розыск, уточнения, проверки и перепроверки конкретных фамилий погибших воинов Таджикистана. Предполагалось каждой области республики посвящать отдельную книгу, включающуюв

себя списки воинов, партизан, подпольщиков, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Завершение проекта и выход книг предусматривалось приурочить к 50-летию победы в Великой Отечественной войне, то есть к 1995 г. Но, к сожалению, по объективным и субъективным причинам, прежде всего из-за распада Советского Союза, политических событий в первые годы независимости и гражданской войны проект не был закончен. Хотя усилиями редколлегии во главе с И. Каландаровым и участниками проекта было собрано более 5,5 млн документов. Только в 1997 г. при поддержке исполнительных органов республики и г. Душанбе удалось издать сводный том «Книга памяти Республики Таджикистан»[40]. Это научная, историческая и энциклопедическая работа, которая готовилась на общественных началах, по единой форме и структуре на всей территории бывшего Советского Союза с целью увековечить память погибших на поле боя воинов, призванных только из Таджикистана. Но так и остались неизданными Книги памяти областей республики.

Следует также отметить и плодотворную работу Рахмона Сафара, который, изучив более четырех тысяч наградных листов, смог собрать конкретные данные о 30 тыс. воинов из Таджикистана. И на основании этих и других материалов он написал трехтомную книгу «1001 подвиг»[41].

Таким образом, историографический анализ научной литературы периода независимости, показывает, что история Таджикистана в годы Великой Отечественной войны наряду с другими проблемами является одним из приоритетных направлений в отечественной исторической науке. В монографических исследованиях, научных статьях, докладах на республиканских и международных конференциях ученые республики освещали почти все стороны военно-хозяйственной, социально-экономической и общественно-культурной жизни республики в годы войны. Особое место в этих исследованиях занимает военный подвиг таджикистанцев на фронтах, их героические поступки и патриотизм при защите Отчизны, освобождение страны и ряда европейских государств от фашизма. Отдельные статьи посвящены вкладу некоторых регионов республики в борьбу против фашизма, деятельности местных и эвакуированных госпиталей и других учреждений в годы войны. Новым направлением в изучении истории войны можно считать статьи об участии таджикистанцев в движении Сопротивления, о партизанских отрядах на территории европейских стран, о деятельности эвакуированных учреждений на территории республики, собрания архивных и других материалов об участниках войны.

Несмотря на заметные достижения в изучении вопроса, издание многочисленных монографических исследований, научных сборников и других публикаций все-таки некоторые стороны жизни республики военного периода и проблемные вопросы остались нерешенным. Например, среди ученых-историков нет единой позиций в вопросе о точном количестве воинов, ушедших на фронт из республики и погибших в действующей армии, количестве людей, отправленных из Таджикистана на восстановительные работы. Остались неосвещенными также темы работы посланцев Таджикистана на промышленных предприятиях и участия их в процессе восстановления городов и других населенных пунктов, освобожденных от оккупации, повседневной жизни республики в годы войны; до конца не определено

общее количество таджикистанцев в составе партизанских отрядов и движении Сопротивления. Следует обратить внимание и на судьбы тех людей, которые оказались в плену или в концентрационных лагерях, военных формированиях, организованных немцами.

Историкам, и прежде всего специалистам по истории военного периода республики, следует восстановить личность каждого, кто был призван или ушел добровольцем на фронт, кто сражался на фронте. И тем самым завершить работу над Книгами памяти каждой из областей республики. Сегодня, в годы независимости, специалистам, прежде всего историкам и архивистам, следует направить силы на подготовку многотомного сборника документов, посвященных истории республики в годы Великой Отечественной войны, исследовать биографии и деятельность Героев Советского Союза и других орденоносцев республики, широко рекламировать подвиг каждого участника войны.

Остаются до конца не исследованными и вопросы национальной политики в годы войны на примере Таджикской ССР, расчетов и способов эвакуации промышленных предприятий в среднеазиатские республики, в том числе в Таджикистан, и отношения первых руководителей республики к таким учреждениям. Отсюда перед исследователями истории таджикского народа периода Великой Отечественной войны и научными центрами республики стоят большие и ответственные задачи по освещению истории Таджикистана в годы войны.

Примечания

[1] Эмомали Рахмон. Речь по случаю Дня Победы, 9 мая 2019 г. URL: http://president.tj/ru/node.

[2] Сечкина Л. П. Твои герои, Таджикистан (об участниках Великой Отечественной войны из Таджикистана, удостоенных звания Героя Советского Союза). Душанбе : Маориф, 1985. С. 6–7.

[3] Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад, 1960. С. 193.

[4] Таджикистан за годы советской власти : сб. стат. материалов. Душанбе, 1967. С. 11.

[5] Советский Таджикистан за 50 лет : сб. ст. материалов. Душанбе, 1975. С. 12.

[6] История таджикского народа : в 6 т. Душанбе : Дониш, 1998–2010. Т. 5. С. 10.

[7] Там же. Т. 3, кн. 2. С. 5–8.

[8] Там же. С. 6.

[9] Семенов А. А., Козачковский В. А. Историческая наука в Таджикистане за 25 лет // Доклады АН ТаджССР. Вып. 12. Душанбе, 1954. С. 9–14 ; Дрикерр Х. Работы по истории Таджикистана современной эпохи // Совет. востоковедение. 1956. № 5. С. 242–243.

[10] Масов Р. М. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // Советский Таджикистан в Отечественной войне (1941–1945 гг.). Душанбе, 1975. С. 21–36.

[11] Там же. С. 21.

[12] Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Душанбе, 1989. С. 7.

[13] Рахимов С. Все для фронта, все для победы. Душанбе, 1990. С. 8.

[14] Зикриёева М. Ф. Историография проблемы женщин Таджикистана. Душанбе, 2001. С. 14 ; Караев Ф. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны в исторической литературе 60–80-е годов XX века. Душанбе, 2005. С. 4–6.

[15] Масов Р. М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. Душанбе : Дониш, 1988. С. 53.

[16] Там же. С. 53.

[17] Масов Р. М. История исторической науки… С. 53–54.

[18] Наше дело правое, враг будет разбит. Сталинабад, 1942 ; Стоцкий В. Н. Колхоз им. Ленина в дни Отечественной войны (Шахринавский район). Сталинабад, 1943.

[19] Таджикский народ в борьбе за Советскую Родину. Сталинабад, 1943.

[20] Гафуров Б. Г., Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины. Сталинабад, 1944 ; Гафуров Б. Г. Точикон ва талошхои таърихии онхо барои озодии Ватан = Таджики и их борьба за независимости своей Родины. Душанбе, 2012.

[21] Гафуров Б., Прохоров Н. Точикон ва талошхои таърихии онхо барои озодии ватан. Душанбе, 2012. С. 3.

[22] Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 6.

[23] Кабилов А. Партийная организация Таджикистана в годы Великой Отечественной войны : дис. … канд. ист. наук. Душанбе, 1953 ; Искандаров Б. И., Рустамов А. Подвиги воинов Таджикистана на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза // Материалы к истории таджикского народа в советский период. Сталинабад, 1954 ; Сечкина Л. П. Промышленность и сельское хозяйство Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Там же ; Рустамов А. Таджикский народ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сталинабад, 1954. 277 с. ; Усманов Дж. Героический труд таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад, 1955 ; Турсунов А. Комсомол Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Сталинабад, 1956.

[24] Таджикская ССР за двадцать лет. Сталинабад, 1949 ; Таджикская ССР за 25 лет. Сталинабад, 1956 ; Иркаев М., Николаев Ю. А., Шарапов Я. Очерки истории Советского Таджикистана (1917–1957). Сталинабад, 1957.

[25] Масов Р. М. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор). С. 21–22.

[26] Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 7.

[27] Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны // Тр. Ин-та истории археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1960 ; Она же. Овеянные славой (о героях Советского Союза — посланцах Таджикской ССР). Сталинабад, 1960 ; Усманов Д. Героический труд таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад, 1960 (на тадж. яз.) ; Он же. Печать Таджикской ССР в период Великой Отечественной войны. Душанбе, 1962 ; Он же. В годы Великой битвы. Очерк о деятельности Коммунистической партии Таджикистана в период Великой Отечественной войны. Душанбе, 1963.

[28] Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, 1964 ; Там же. Изд. 2-е. Душанбе, 1968. Подробно о диссертациях см.: Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 7.

[29] Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 7–8.

[30] Масов Р. М. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор). С. 21–36 ; Он же. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. С. 51–93.

[31] Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны // Тр. Ин-та истории археологии и этнографии АН Тадж.ССР. Сталинабад, 1960; Она же. Овеянные славой (о героях Советского Союза — посланцах Таджикской ССР) ; Она же. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 3–17.

[32] Убайдуллоев Н. Становление советской системы народного образования Таджикистана в отечественной историографии. Душанбе, 2014. С. 108–129 ; Он же. Историография народного образования Таджикистана (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Душанбе, 2016. С. 266–284 ; Он же. Народное образование Таджикистана в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Вклад регионов Урала

и стран Центральной Азии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : сб. науч. ст. Челябинск, 2020. С. 479–488.

[33] Караев Ф. К. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (библиографическая монография). Душанбе, 2015. 326 с. ; Он же. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы историографии : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2019.

[34] Турсунова Л. В., Батурова И. В. Таджикистан в период Великой Отечественной войны (библиография) // Советский Таджикистан в Отечественной войне (1941–1945 гг.). Душанбе, 1975. С. 152–189.

[35] История таджикского народа. Т. 6: Новейшая история (1941–2010 гг.). Душанбе, 2011. С. 31–105.

[36] Сечкина Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История таджикского народа. Т. 6. С. 31–105 ; Секретов А. Боевая слава Таджикистана. Душанбе : Ирфон, 1995 ; Хотамов Н. Б. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны и послевоенных лет (1941–1950 гг.). Душанбе, 2010 ; Хайдаров Г. Годы громовые (1941–1945): О вкладе согдийцев в победу в Великой Отечественной войне. Худжанд, 2005 ; Гаффаров У. Ходи Кенджаев. Худжанд, 2014 ; Набиева Р. В. Занони Тоҷикистон. Душанбе, 1991 ; Додхудоева Л. Н. Гражданская вовлеченность художников Таджикистана в победу в Великой Отечественной войне. Душанбе, 2015 ; Зикриёева М. Указ. соч. ; Бабаханов М. Трудовые и ратные подвиги учителей Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Душанбе, 1993 ; Алимов Д. Хатлонская область Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Душанбе : Ирфон, 2014 ; Саидасанова Ю. Горно-Бадахшанская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Хорог, 2010 ; Назаршоев Н. М. Военная история Таджикистана. Душанбе, 2002 ; Назаршоев Н., Бониёзов И. Военная история Таджикистана : в 2 т. Т. 2. Душанбе, 2019 ; Кановен О. В. Военно-организаторская деятельность Компартии Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Душанбе, 1995 ; Ашрапова С. Освещение вклада женщин Таджикистана в победу в Великой Отечественной войне на страницах периодических изданий. Душанбе, 1973 ; Караев Ф. К. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (библиографическая монография) ; Он же. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945гг.): проблемы историографии…

[37] См.: Китобхои Чумхурии Точикистон. Фењрасти библиографї (1991–2010) = Книги Республики Таджикистан (1991–2010 гг.). Душанбе : Хонаи китоб, 2011. 679 с.

[38] Гафуров А. М. Герои Прохоровки из Таджикистана // Курская битва. Год 1943-й : материалы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2013. С. 140–144 ; Он же. Эвакуация в Таджикистан людей, предприятий и организаций в годы Великой Отечественной войны // Вклад таджикистанцев в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945гг. Душанбе, 2017. С. 31–40 ; Он же. Таджикистанцы в сражениях Второй мировой войны // Танковые сражения в мировой истории : материалы междунар. науч.-практ. конф. Белгород : Константа, 2014. С. 67–72 ; Он же. Деятельность Советов Ленинабадской (Согдийской) области по оказанию помощи эвакуированным, инвалидам и семьям участников Великой Отечественной войны // Муаррих. 2020. № 2 (22). С. 59–64 и др.

[39] История таджикского народа. Т. 6. С. 105.

[40] Книга памяти Республики Таджикистан (сводный том) / под общ. ред. канд. ист. наук И. К. Каландарова. Душанбе, 1997. 424 с.

[41] Сафар Раҳмон. Ҳазору як корнома (1001 подвиг). Кит. 1. Душанбе, 1995 ; Кит. 2. Душанбе, 2000 ; Кит. 3. Душанбе, 2010.

З. М. Сулейманова

Трудовой подвиг народа Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (по кино- и фотодокументам Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана)

На основании документов Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана показан вклад народа республики в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне. Внимание акцентируется на трудовом героизме жителей Узбекистана, работавших на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, на строительстве ирригационных и промышленных объектов. Показан коллективный портрет труженика тыла Узбекистана в годы войны.

Ключевые слова: *гуманизм, эвакуация, мужество, самоотверженный труд, вера в победу, трудовой героизм.*

Неоценим вклад народа Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне. Болью в сердце каждого жителя республики отозвалось известие о начале войны. С первых же дней узбекистанцы стали записываться добровольцами на фронт, героически сражались с врагом, не жалея своих жизней. Не меньший героизм проявил народ Узбекистана в тылу. Сегодня весь мир знает о том, как узбекистанцы спасали жизни людей, заменяли эвакуированным детям родителей, взрослым — сестер и братьев, делились кровом и хлебом, дарили тепло своей души.

Узбекистан ковал победу над фашизмом и своим героическим трудом. С первых же дней войны экономика страны перестроилась на военный лад, приобрела оборонное значение. Перед трудящимися республики встала задача — в кратчайшие сроки принять более сотни эвакуированных предприятий, монтировать их оборудование, переквалифицировать собственные предприятия, наладить производство продукции оборонного значения. Выполнение этой сложнейшей задачи требовало мобилизации всех сил в условиях ухода на фронт основного трудоспособного населения, сверхурочной работы без отдыха. И народ Узбекистана справился с этой задачей. Об этом свидетельствуют сегодня архивные документы.

Наиболее ярко, зримо передан трудовой героизм народа Узбекистана в годы Великой Отечественной войны в кинофильмах и фотографиях, хранящихся в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана.

Например, документальный фильм «Годы братства и испытаний» рассказывает об организации на территории текстильного комбината эвакуированного завода «Ростсельмаш».

Промышленность Узбекистана поставляла на фронт вооружение, самолеты, танки, гранаты, бомбы, кабель, парашюты. В срочном порядке был эвакуирован в Ташкент авиационный завод. Всего лишь за месяц был осуществлен его монтаж на узбекской земле. Еще не было закончено строительство завода, а фронту уже требовалась его продукция. Незамедлительно. Поэтому первые два самолета собирались под открытым небом. Они сразу отправились на фронт. Изготовленные в Узбекистане самолеты доставляли в осажденные земли хлеб, медикаменты, кровь для раненых. Первые тысячи мин были собраны через две недели после переезда эвакуированного военного завода. Кадры кинохроники зафиксировали строительство бронепоезда «Узбекистан» Ташкентскими железнодорожными мастерскими. Парашюты шили из узбекского шелка. На фотографиях мы видим, как тонкая материя, предназначенная по своей природе совсем не на военные цели, а для украшения женщин, в годы войны руками этих же женщин превращалась в парашюты для бойцов, для Победы. Был создан целый парашютный завод. Аудиовизуальные документы архива ярко показывают его деятельность. Кинолетопись архива показывает героический труд работниц Ташкентского текстильного комбината в годы Второй мировой войны. Ведь уже в 1941 г. для нужд фронта предприятие дало сотни тысяч метров тканей сверх нормы. Хранящиеся в Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана документальные фильмы рассказывают о том, например, как Ташкентский завод сельскохозяйственного машиностроения перешел на производство снаряжений для армии.

На большинстве фотографий за станками — женщины. В те суровые годы они заменили мужей, отцов и братьев, встали к тяжелым станкам, освоили неженские профессии. И не только освоили, а выполняли норму на 200–300 и даже на 1000 %, обслуживали по 80–100 станков. У огромных станков, для управления которыми в то время требовалась мужская сила, стояли хрупкие женщины и девушки. Силы для работы давало им неистребимое желание помочь в борьбе с фашизмом, вернуть мир и счастье людям. На документальных фотографиях над станками, где работают в три смены женщины, видны лозунги «Крепче ударим по врагу!». Женщины на заводах именно так и воспринимали свой труд: как удар по врагу, по фашизму. И это был ощутимый удар.

В тяжелые годы войны женщинам помогали дети. Подростки после учебы вставали за станки. Кинокадры показывают детей за изготовлением мин. Один из архивных фотодокументов запечатлел двух мальчишек, которые с трудом справляются с тяжелым механизмом на заводе. На их лицах — напряжение, решимость и вера. Вера в Победу.

В годы Великой Отечественной войны в Узбекистане возросла добыча угля для фронта и тыла. Для эвакуированных в Узбекистан заводов и фабрик, а также для построенных в республике для нужд обороны новых предприятий необходима была топливно-энергетическая база. С этой целью в первые годы войны было инициировано строительство семи гидроэлектростанций, таких как Фархадская и Актепинская ГЭС. Их строительство также велось самоотверженным трудом жителей республики.

Своим трудом труженики тыла укрепляли оборонную мощь страны, кормили и одевали воинов. На одной из фотографий 1941 г. мы видим женщин, изготавливающих резиновые сапоги для фронта. Кадры кинохроники показывают, как сотрудники хлебозавода готовят сухари для отправки на фронт, укладывают их в мешки. Спасала от голода советских воинов и молочная продукция Узбекистана. Документальные кадры запечатлели и отправку на фронт кондитерских изделий. Продовольствием обеспечивал фронт и Муйнакский консервный комбинат.

На фотографиях мы видим, как в одной из артелей в Ташкенте из отходов оборонной промышленности было начато производство ложек для армии. То есть по максимуму использовалось все сырье, все было подчинено лозунгу «Все для Победы!». Видно, с какой любовью и заботой женщины изготавливали ложки для сражавшихся на горячих фронтах бойцов.

В архиве хранятся кино- и фотодокументы, отражающие перестройку транспорта Узбекистана. Необходимо было обеспечить быстрое и бесперебойное движение транспорта с военным грузом. Трамваи превратились в грузовой транспорт. Они перевозили оборудование эвакуированных предприятий от вокзала до места размещения и монтажа, а также грузы для перестроившихся на военное производство предприятий республики. Кроме того, трамваи перевозили раненых воинов к госпиталям. Эта работа шла и днем, и ночью. Документы архива показывают прокладку новых трамвайных путей, движение трамваев по ночному Ташкенту.

Десятки тысяч вагонов с эвакуированными предприятиями, оборудованием перевозила в годы войны Ташкентская железная дорога.

Необходимо отметить и вклад сельского хозяйства Узбекистана в победу над фашизмом. Труженики сельского хозяйства готовили продовольствие для сражавшихся на фронте бойцов, а также для населения в прифронтовой полосе, для освобожденных районов. На фотографиях — старики и женщины. Кадры кинохроники показывают, как с первых же дней войны девушки записывались на тракторные курсы, а после обучения решительно вели свои машины на полевые работы. Вернулись на поля колхозов и старики, чтобы своим трудом помогать армии. Земледельцы увеличили и ускорили сбор для нужд прифронтовых районов овощей и фруктов, орехов. Кинодокументы зафиксировали изготовление хлеба из кукурузы. Для обеспечения нужд фронта сахаром в Узбекистане в годы войны было освоено выращивание сахарной свеклы. Активно шел и лов рыбы.

С целью обеспечения текстильной промышленности шелком, столь необходимым для производства парашютов, быстрыми темпами шла подготовка коконов.

Увеличение посевных площадей требовало строительства новых оросительных каналов. Так, в трудные годы войны был сооружен Северный Ташкентский канал. Это была грандиозная стройка. К работам были привлечены люди разных профессий. В Национальном архиве кинофотофонодокументов Узбекистана собран фотоочерк о строительстве Северного Ташкентского канала. Мы видим, как на стройке трудятся студенты, работники хлебокомбината, пищевой промышленности, хлопкового завода, торговых и многих других предприятий. То есть, выполняя на своем основном рабо-

чем месте норму и работая сверхурочно, они считали необходимым внести посильный вклад и в строительство важнейшего объекта.

Кинофотодокументы архива с документальной достоверностью отразили непосильный труд народа Узбекистана на стройках гидроэлектростанций и оросительных каналов. Мы видим, как люди на спине выносят тяжелые мешки с грунтом высоко на отвалы. Орудия труда — не механизированные. В руках людей — обычные кетмени. Однако собранный в архиве фотоочерк показывает не усталость народа от непосильного труда, а, напротив, энергичность, слаженность, решимость идти до конца, делать все возможное и невозможное для Победы. На одной из фотографий мы видим женщину, которая впряглась в арбу (тележку) с тяжелым грузом и рвется вперед, одержимая верой в Победу. На другой фотографии — группа девушек с воодушевленными лицами, орудующих кетменями.

Кинофотофонодокументы архива, являясь документальными свидетельствами эпохи, показывают героизм народа Узбекистана не только на полях боевых сражений, но и в тылу, в каждодневном труде.

Изучая архивные кинофотодокументы, убеждаешься в том, что победа в Великой Отечественной войне была одержана благодаря героизму народа, сплоченности, гуманизму. Благодаря подвигу тружеников на фронте и в тылу, на заводах и фабриках, на полях и строительных площадках, в госпиталях, труду деятелей культуры, поднимающих дух народа и укрепляющих своим творчеством веру в скорую победу, ученых в поисках путей решения новых задач, работников образования, которые находили в себе силы и понимали необходимость в суровые годы войны учить детей, воспитывать в них благородные качества, развивать культуру. Благодаря подвигу мужчин и женщин, которые, не деля людей на национальности, дарили всем свет и тепло своей души.

Архивные кинофотофонодокументы — это аудиовизуальные памятники мужеству, гуманизму и трудовому героизму народа.

Сведения об авторах

Абдрахманова Кымбат Казалиевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Археология, этнология и отечественная история», Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова (Казахстан, г. Караганда). E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Абраров Саидмухтар Ахбарович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана», Ташкентский государственный технический университет им. Ислама Каримова (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: abrarov.saidmuxtar@yandex.ru

Абулхаев Ракиб Абулхаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история», Российско-Таджикский (Славянский) университет (Таджикистан, г. Душанбе)

Акрамов Амонуллохон Закирьёевич — старший научный сотрудник отдела реального сектора экономики, Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: a.z.akramov@mail.ru

Акрамова Санавбар Хайруллоевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела общественно-гуманитарных и экономических наук, Научно-исследовательский институт Таджикского национального университета (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: sh.akramova@gmail.com

Акрамова Умида Асамовна — главный хранитель фондов Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: kinofotofono.uz@yandex.ru

Алимбаев Тургай Амирханович — доктор исторических наук, профессор кафедры «История Казахстана», Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова (Казахстан, г. Караганда). E-mail: alimbaev45@mail.ru

Алымкулов Нарынбек Ашыралиевич — кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: narynbek2003@yandex.ru

Амирбек кызы Гулбарчын — аспирант, лаборант кафедры «История Кыргызстана», Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: amirbekkyzy92@mail.ru

Аннаоразов Джумадурды Сейтекович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «Всемирная история», Туркменский государственный университет им. Махтумкули (Туркменистан, г. Ашхабад). E-mail: j.annaorazow@gmail.com

Антипин Николай Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная и зарубежная история», Южно-Уральский

государственный университет (Россия, г. Челябинск). E-mail: antipin87@mail.ru

Арзыгулова Сууракан Арзыгуловна — кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: arzygulova@gmail.com

Асатова Гульсара Рашидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Организация спортивных мероприятий», Узбекский государственный университет физической культуры и спорта (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: grasat@mail.ru

Атаев Агаджан — старший преподаватель кафедры «Общественные науки», Туркменский государственный институт финансов (Туркменистан, г. Ашхабад)

Бабаджанов Хасан Бахтиёрович — PhD, ведущий научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: bhasanb@inbox.ru

Бекбоева Алайгул Карабаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Всеобщая история», Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: alai0104@mail.ru

Белоногов Юрий Геннадьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное управление и история», Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Россия, г. Пермь). E-mail: ugb78@mail.ru

Буданов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Политология, история и философия», Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Челябинск). E-mail: andreybudanov@yandex.ru

Ваисова Нодирабегим Авазовна — преподаватель кафедры «История Узбекистана», Ташкентский государственный технический университет им. И. Каримова (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: nodiraxon868@gmail.com

Вербицкая Татьяна Владимировна — научный сотрудник отдела методической и научно-исследовательской работы, Государственный архив Свердловской области (Россия, г. Екатеринбург). E-mail: aquitania-17@yandex.ru

Волков Артем Владимирович — аспирант кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (Россия, г. Курган). E-mail: volkov4545@mail.ru

Гафуров Абдулло Мутиллоевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: falgar@mail.ru

Герасимова Анна Васильевна — начальник отдела использования документов и оказания государственных услуг, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (Россия, г. Тюмень). E-mail: gaspito@mail.ru

Джунушалиева Гульнара Дженишовна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой «Философия и социально-гуманитарные науки», Кыргызский экономический университет (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: nachikyan@mail.ru

Дурдыклычев Парахат Хыдырклычевич — аспирант Института истории, Академия наук Туркменистана (Туркменистан, г. Ашхабад). E-mail: parmyonyc@gmail.com

Емельянов Александр Михайлович — главный архивист отдела научно-публикаторской деятельности, Пермский государственный архив социально-политической истории (Россия, г. Пермь). E-mail: npd@permgaspi.ru

Жанакеева Анаркуль Тологоновна — кандидат исторических наук, профессор кафедры «История Кыргызстана», Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: zhanakeeva@list.ru

Жумабаева Камчат Сайфуллаевна — преподаватель кафедры «Педагогика и образовательный менеджмент», Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы). E-mail: zhumabaeva1995@list.ru

Завьялова Лидия Михайловна — главный методист отдела использования и публикации документов, Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Россия, г. Ханты-Мансийск). E-mail: ZavialovaLM@gahmao.ru

Ивлев Никита Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки», Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского (Россия, г. Челябинск). E-mail: ivleven.n.n@mail.ru

Имомзода Мухаммадюсуф Саидали — доктор филологических наук, профессор кафедры «Мировая литература», Российско-Таджикский (Славянский) университет (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: mort@maorif.tj

Иноятов Сулейман Иноятович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Идея национальной независимости», Бухарский государственный университет (Узбекистан, г. Бухара). E-mail: s.i.inoyatov@mail.ru

Искаков Ильяс Сейтжанович — магистрант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан). E-mail: i_ilyas_s@mail.ru

Исуфов Шердил Втанович — докторант (PhD) кафедры «История таджикского народа», Кулябский государственный университет им. А. Рудаки (Таджикистан, г. Куляб). E-mail: , sherdil.isufov@mail.ru

Кабилова Бахринисо Туйчиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Национальная академия наук Таджикистана (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: bahri60@mail.ru

Калинина Елена Александровна — магистрант кафедры «История Республики Казахстан», Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (Казахстан, г. Уральск). E-mail: eka782010@mail.ru

Карпухина Анна Александровна — архивист высшей категории отдела использования и публикации документов, Государственный архив Костанайской области (Казахстан, г. Костанай). E-mail: 77infiniti@mail.ru

Кладова Ксения Юрьевна — старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (Россия, г. Курган) . E-mail: ks-klad@mail.ru

Кулуева Флора Гайнутдиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и национальная идея», Ташкентский государственный технический университет им. И. Каримова (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: ruslan-kuluyev@mail.ru

Курбанова Назира Умаровна — доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история», Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева (Кыргызстан, г. Бишкек)

Кусков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов, Объединенный государственный архив Челябинской области (Россия, г. Челябинск). E-mail: kuskov_1981@mail.ru

Мамяченков Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет (Россия, г. Екатеринбург). E-mail: mamyachenkov@mail.ru

Менщиков Владимир Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (Россия, г. Курган). E-mail: vmen1@yandex.ru

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры «История государства и права», Уральский государственный юридический университет (Россия, г. Екатеринбург). E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Ниязмухаммедов Ниязмухаммед Рахманниязович — старший преподаватель кафедры «Всемирная история», Туркменский государственный университет им. Махтумкули (Туркменистан, г. Ашхабад). E-mail: parmyonyc@gmail.com

Нурсаидова Мохиа Шахриддин кизи — докторант, координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан. г. Ташкент). E-mail: mohinanursaidova@gmail.com

Овлякулиев Мереткули — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Общественные науки», Туркменский государственный институт финансов (Туркменистан, г. Ашхабад). E-mail: m.owlyakuli@gmail.com

Павленко Владимир Денисович — кандидат исторических наук (Россия, г. Челябинск). E-mail: pavlenkov77@mail.ru

Павлова Оксана Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Отечества и методика преподавания истории», Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (Россия, г. Стерлитамак). E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Палецких Надежда Петровна — доктор исторических наук, заведующая научно-исследовательским отделом, Государственный исторический музей Южного Урала (Россия, г. Челябинск). E-mail: palenad@mail.ru

Раджабов Кахрамон Кенджаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдела новой истории, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: kahramon-62@mail.ru

Рахимбекова Ажар Кабдуловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Казахстана», Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан). E-mail: ajar_60@mail.ru

Рудометова Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры «Отечественная и зарубежная история», Южно-Ураль-

ский государственный университет (Россия, г. Челябинск). E-mail: irudik@mail.ru

Саидов Ильхомжон Мухиддинович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Историография и источниковедение», Самаркандский государственный университет (Узбекистан, г. Самарканд). E-mail: i-saidov@mail.ru

Сайфуллаева Зулайхо Абдулхамидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Таджикский язык», Российско-Таджикский (Славянский) университет (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: mix0107@inbox.ru

Сапанов Сайпулла Жумабаевич — доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института «Истории, археологии и этнографии Прикаспийского региона имени Х. Б. Табылдиева», Атырауский университет им. Х. Досмухамедова (Казахстан, г. Атырау). E-mail: cefosh1@gmail.com

Сапанова Маржан Сайфуллаевна — эксперт, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Казахстан, г. Алматы). E-mail: sapanovamarzhan2@gmail.com

Сарабеев Виталий Юрьевич — главный археограф научно-исследовательского отдела, Государственный архив Пермского края (Россия, г. Пермь). E-mail: baader88@gmail.com

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Отечественная и зарубежная история», Южно-Уральский государственный университет (Россия, г. Челябинск). E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Старусева Тамара Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, Национальная академия наук Кыргызской Республики (Кыргызстан, г. Бишкек)

Сулейманова Зульфия Минмнировна — заведующая отделом научно-справочного аппарата и методической работы, Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: kinofotofono.uz@yandex.ru

Сырдыбаев Туратбек Токтобекович — кандидат исторических наук, декан факультета истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: turatbek_77@mail.ru

Убайдулло Насрулло Каримзода — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологи и этнографии им. А. Дониша, Национальная академия наук Таджикистана (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

Уваров Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Отечественная история, социология и политология», Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, г. Ижевск). E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Усольцева Мария Вячеславовна — магистрант, Курганский государственный университет (Россия, г. Курган). E-mail: mariaus4545@gmail.com

Филимонова Ольга Александровна — заведующая отделом краеведческой информации, Центральная городская библиотека им. В. В. Маяковского (Россия, г. Курган). E-mail: filimonova2767@yandex.ru

Халикова Рахбар Эргашевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой «История Узбекистана», Ташкентский государственный технический университет им. И. Каримова (Узбекистан, г. Ташкент). E-mail: rahbarkholikova@mail.ru

Хотамов Намоз Басарович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Обществоведение», Институт туризма, предпринимательства и сервиса Таджикистана (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: hotamov46@bk.ru

Шарифов Рахмонали Ятимович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Таджикский национальный университет (Таджикистан, г. Душанбе). E-mail: rahmon6060@mail.ru

Шмыров Борис Даниилович — кандидат исторических наук (Россия, г. Челябинск). E-mail: borisdaniil_55@mail.ru

Ырысбеков Арген Ырысбекович — магистрант, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: argen.noruzbaev@mail.ru

Эшимбекова Нурсулуу Сарыбаевна — кандидат исторических наук, доцент, Кыргызско-Российский славянский университет им. Б. Н. Ельцина (Кыргызстан, г. Бишкек). E-mail: nursuluu@mail.ru

Список сокращений

ААПРУз — Архив администрации Президента Республики Узбекистан
АИС — автоматизированная информационная система
АН — Академия наук
АОАКГО — Архивный отдел администрации Карабашского городского округа
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
БАССР — Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БГТО — «Будь готов к труду и обороне»
БЧК — Большой Чуйский канал
ВВС — Военно-воздушные силы
ВГИК — Всероссийский государственный институт кинематографии
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВНИТО — Всесоюзное научное инженерно-техническое общество
ВОГ — Всесоюзное общество глухих
ВОС — Всесоюзное общество слепых
ВПК — военно-промышленный комплекс
всевобуч — всеобщее военное обучение
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
вуз — высшее учебное заведение
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
г. р. — год рождения
г., гг. — год, годы; город, города
га — гектар
ГАЗКОРК — Государственный архив Западно-Казахстанской области Республики Казахстан
ГАИ — Государственная автоинспекция
ГАКО — Государственный архив Карагандинской области; Государственный архив Костанайской области; Государственный архив Курганской области
ГАНИРТ — Государственный архив новейшей истории Республики Таджикистан
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАОПДКО — Государственный архив общественно-политической документации Курганской области
ГАПК — Государственный архив Пермского края

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСИРТ — Государственный архив современной истории Республики Таджикистан
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИКО — Государственный архив социально-политической истории Курганской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАУ — Главное артиллерийское управление
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства им. Луначарского
ГКО — Государственный комитет обороны
гортоп — топливный отдел горисполкома
ГРЭС — государственная районная электростанция
ГСО — «Готов к санитарной обороне»
ГТО — «Готов к труду и обороне»
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГЭС — гидроэлектростанция
дер. — деревня
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
КарГРЭС — Карагандинская государственная районная электростанция
кг — килограмм
КГБ — Комитет государственной безопасности
КиргФАН — Киргизский филиал Академии наук
Киркоопинсоюз — Киргизский краевой союз кооперативных объединений инвалидов
Кирпромсовет — Киргизский промысловый совет
КирТАГ — Киргизское телеграфное агентство
КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
КП(б)К — Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана
КП(б)Т — Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана
КП(б)Уз — Коммунистическая партия (большевиков) Узбекистана
КПК — комитет партийного контроля
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПТ — Коммунистическая партия Таджикистана
л. с. — лошадиная сила
ЛКСМ — Ленинский коммунистический союз молодежи
ЛКСМУз — Ленинский коммунистический союз молодежи Узбекистана
МВД — Министерство внутренних дел
ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
МТМ — машинно-тракторная мастерская
МТС — машинно-тракторная станция
МХАТ — Малый художественный академический театр
МЭП — местный эвакуационный пункт
НАНКР — Национальная академия наук Кыргызской Республики
НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения

Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркомлегпром — Народный комиссариат легкой промышленности
Наркомместпром — Народный комиссариат местной промышленности
Наркомпищепром — Народный комиссариат пищевой промышленности
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомсобес — Народный комиссариат социального обеспечения
Наркомфин — Народный комиссариат финансов
НАРУз — Национальный архив Республики Узбекистан
НАУз — Национальный архив Узбекистана
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКЛП — Народный комиссариат легкой промышленности
НКО СССР — Народный комиссариат обороны СССР
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКРП — Народный комиссариат рыбной промышленности
НКСО — Народный комиссариат социального обеспечения
НКТ — Народный комиссариат труда
НКЦМ — Народный комиссариат цветной металлургии
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
ОГАСПИ — Оренбургский государственный архив социально-политической истории
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОСМЧ — особая строительно-монтажная часть
Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона
ПермГАСПИ — Пермский государственный архив социально-политической истории
пог. м — погонный метр
райзо — районный земельный отдел
райфо — районный финансовый отдел
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГВА — Российский государственный военный архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РОКК — Российское общество Красного Креста
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
с. г. — сего года
с/х — сельскохозяйственный
САВО — Среднеазиатский военный округ
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САИИ — Среднеазиатский индустриальный институт
СНК — Совет народных комиссаров
СОКК и КП — Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца
Средазбюро — Среднеазиатское бюро

СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ССХ — Союз советских художников
ст. — станция, статья
США — Соединенные Штаты Америки
т — тонна
ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли
ТССР — Туркменская Советская Социалистическая Республика
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
ТЮЗ — Театр юного зрителя
УАССР — Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УзССР — Узбекская ССР
УИТЛ — Управление исправительно-трудовых лагерей
УЛП — Управление легкой промышленности
УНКГБ — Управление Народного комиссариата государственной безопасности
УралВО — Уральский военный округ
ФЗО — фабрично-заводское обучение
ц — центнер
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦГАКР — Центральный государственный архив Кыргызской Республики
ЦГАОПДКР — Центральный государственный архив общественно-политической документации Киргизской Республики
ЦГАПДКР — Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики
ЦГАРТ — Центральный государственный архив Республики Таджикистан
ЦГАРУ — Центральный Государственный архив Республики Узбекистан
ЦГАРУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦГАУР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦДНИУР — Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКБ — центральная клиническая больница; центральное конструкторское бюро
ЦПКиО — Центральный парк культуры и отдыха
ЦСУ — Центральное статистическое управление
ЧГРЭС — Челябинская государственная районная электростанция
ЧелГУ — Челябинский государственный университет
ЧИМСХ — Челябинский институт механизации сельского хозяйства
ЧМЗ — Челябинский металлургический завод

ЧММИ — Челябинский механико-машиностроительный институт
ЮУЖД — Южно-Уральская железная дорога

Summary

Part I. Rear – to the Front

S. A. Abrarov, R. E. Kholikova, N. A. Vaisova. **Contribution of home front workers-natives of the Urals and the working men of Uzbekistan to the victory over fascism in the Great Patriotic War**

The article reflects the contribution of the home front workers-the natives of the Urals and the working men of Uzbekistan to the victory over fascism in the Great Patriotic War. Such forms of labour activities during the war years as the movement of the workers who fulfilled their production norm by two-hundred and three-hundred percent, the creation of front-line brigades, the movement for austerity and the expedient use of local resources, etc. are reflected. Such form of work of the party and the Soviet bodies to strengthen the connection of the rear with the front, as the correspondence of the men serving in the rear with the soldiers of the Red Army is revealed in the article. The article also shows the contribution of scientists of Uzbekistan in supplying the front and a country with the necessities, as well as issues of training of teaching staff; the facts that characterize the creative community and co-creation of intellectuals of various peoples of the USSR.

Keywords: *rear, war, labour, Uzbekistan, working men*.

F. G. Kulueva, R. E. Khalikova. **Uzbekistan during the Great Patriotic War**

The article shows how, in the harsh years of the war, Uzbekistan turned into a reliable rear in providing the front with military equipment and ammunition, food, clothing, and medicines. How, thanks to the selfless work of the multinational people, the enterprises of the republic began to manufacture military products. How factories were relocated from the front-line territories to Uzbekistan and put into operation within a short period of time. It is noted that people were evacuated to the republic from those territories where the war was raging. The Uzbek people gave them shelter, surrounded them with love and care, showing their inherent high humanism. The people of Uzbekistan worked with a single goal: "Everything for the front! Everything for the Victory!"

Keywords: *Uzbekistan, multinational people, selfless labor, humanism, reliable rear*.

N. R. Niyazmuhammedov, P. H. Durdykylychev. **Contribution by the working people of Turkmenistan to the victory in the Great Patriotic War during the years of 1941–1945**

The article deals with various aspects of Turkmenistan's participation in the Great Patriotic War: production of industrial goods for the needs of the front, supply of agricultural products, organization of transportation, reception of the evacuated population, collection of donations, and aid to the liberated areas of the USSR.

Keywords: *military industry, armament and ammunition, fuel, transport, agriculture, culture and art, assistance to the frontline and liberated regions*.

A. K. Rakhimbekova, I.S. Iskakov. **Kazakhstan's contribution to the Victory**

Article is devoted to the transformation of Kazakhstan into an arsenal of the front during the years of the Great Patriotic War. The authors focus on the restructuring of the economy on a war footing revealing the contribution of Kazakhstan to the Victory. The article highlights the problem of evacuation of large industrial enterprises and millions of people.

Keywords: *Great Patriotic War, economic restructuring, arsenal of the front, evacuation, deportation*.

K. K. Abdrakhmanova. **Karaganda during the Great Patriotic War**

The article is devoted to the study of the role of Karaganda city and the region during the Great Patriotic Analyzing the development of industrial facilities and evacuation hospitals, and the dynamics of the fast growth of population, the author tries to conduct a comprehensive analysis of the formation of Karaganda as a rear base. The author comes to the conclusion that Karaganda has become a powerful arsenal of the front, providing with coal, food, clothing, and cash consistently. Everyday life in the rear during the war years reveals new pages of history, and also shows the significance of heroism and sacrifice of the Soviet people.

Keywords: *Great Patriotic War, rear, Karaganda, Karaganda coal basin, evacuation hospitals, industrial evacuation*.

E. A. Kalinina. **Labor feat of residents of the West Kazakhstan region, including evacuees, in victory in the Second World War**

The whole country, as soon as the bloody Great Patriotic War began, gave away for the needs of the front not only what it could spare, but also what was essential to itself. Victories at the fronts were ensured not only by the heroism of the soldiers, the tactics and strategy of the commanders, but also by the labor feat of the people in the rear. Overfulfillment of production standards occurred so often that it became the norm and routine. Some of the Stakhanovites were later awarded by the government; for the rest, the highest award was the defeat of the fascist troops and the surrender of Germany.

Keywords: *defense fund, collection of warm clothes, high yield, number of workdays, cost of workdays, above-planned norms, collective farmer*.

S. J. Sapanov, K. S. Jumabaeva, M. S. Sapanova. **Guryev Region during the Great Patriotic War: evacuation zone**

The article deals with the issues of participation of Kazakhstanis in hastening the victory and the contribution of Kazakhstanis (Atyrau residents) to the victory and to the labor resources of Atyrau during the Great Patriotic War.

Keywords: *home front workers, Atyrau, evacuation, labor resources, industry.*

Part II. Industry of the Urals and Central Asia during the War

V. V. Menschikov, O. A. Filimonova. **Specific features of the industrial development of Kurgan during the Great Patriotic War**

By the beginning of the Great Patriotic War, Kurgan was a small city in the Chelyabinsk Region with an undeveloped industrial production. At the beginning of the war, industrial enterprises were evacuated to the city, which became the basis of the industrial potential of the Kurgan in the future. In 1943, the Kurgan Region was created. The most important role in the development of military production was played by the labor heroism and enthusiasm of employees of enterprises and various forms of socialist competition. Already in 1944, a gradual return to peaceful production began.

Keywords: *Kurgan, evacuation, industrial production, socialist competition, historical memory.*

O. S. Pavlova. **Placement and commissioning of the evacuated industrial enterprises on the territory of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War**

The article deals with the issues related to the placement and commissioning of industrial enterprises evacuated to the Bashkir ASSR from the western frontline territories during the Great Patriotic War. The issues of their placement and commissioning, industry specifics, which were determined by the tasks of wartime and the needs of the defense industry, are considered. Also, based on the study of statistics, records management, sources of personal origin, etc., the activities of the evacuated enterprises in the cities of the republic (Ufa, Sterlitamak, Birsk, Beloretsk, Blagoveshchensk) were studied.

Keywords: *Great Patriotic War, evacuation, Bashkir ASSR, industry, production.*

A. M. Emelyanov. **Leningrad Aviation Equipment Plant in evacuation (according to the documents of the Molotov City Committee of the All-Union Communist Party Bolsheviks)**

The article deals with the allocation of the plant No. 470 evacuated from Leningrad in Molotov and its activities during the Great Patriotic War. The main production aspects in different time periods and the factors influencing them are analyzed. The article contributes to the presentation of the role and place of the plant in the Soviet aircraft industry of the war period. It can be called a basis, and a starting point for further research both of the history of the Plant No. 470, and a number of related, interrelated topics.

Keywords*: plant No. 470, aircraft equipment plant, aviation industry, evacuation, workers, production plan, Great Patriotic War.*

Kh. B. Babadjanov. **Tashkent Railway in 1941–1945**

Based on scientific literature, materials from periodicals and archival documents, the article highlights the life and labor exploits of railway workers of Uzbekistan in 1941–1945. The Tashkent railway has had a great contribution restructuring the economy of Uzbekistan and other republics of the Central Asia to a military mobilization model since it has served almost 4 republics of the region. In 1941–1945, the Tashkent railway transported hundreds of factories and millions of evacuated citizens from the west of the USSR to the Central Asia.

Keywords: *railway, transport, transportation, war*

N. B. Khotamov. **Industry of Tajikistan during the Great Patriotic War**

During the Great Patriotic War, Tajikistan was part of the Soviet Union, which was considered a common home for all the peoples of the Union. Therefore, although Tajikistan was far from the front line, from the first days of the war, it mobilized its human and economic resources for the defense of the Soviet country. In particular, the industry of the republic in a short time, already by 1942, was rebuilt for demand of the front. At the beginning of the war, about 30 industrial enterprises were evacuated to Tajikistan from the front line, which contributed to the acceleration of the transformation and arrangement of many industrial facilities of the republic. As a result, Tajikistan, although it was many thousands of kilometers off the front line, turned into one of the bases of the Soviet Red Army, a supplier of various industrial products, thereby contributing to the victory of the Soviet peoples over the Nazi Germany and its allies.

Keywords: *Soviet Union, Tajikistan, Red Army, industry, industrial goods, people, economy, raw materials, evacuation of industrial enterprises, mobilization*.

A. Z. Akramov. **Specific character of restructuring of industrial production in Tajikistan under the conditions of the Great Patriotic War**

The article examines the state and ways of refocusing the industrial production in the Republic of Tajikistan in conditions of the Great Patriotic War of 1941–1945. On the basis of archival materials, statistical collections and scientific literature, the author covers the process of restructuring the industrial production taking into account the needs of the Soviet state in the course of defending the country and defeating Nazi Germany. It is stated that with the outbreak of the war, Tajikistan has not only switched to a mode of self-sufficiency in basic industrial products, but also rendered significant assistance to the front in the supply of industrial products and, primarily, food and textile provisions. The participation and contribution of Tajik women, children and youth in the process of industrial production under war conditions is highlighted.

Keywords: *Tajikistan, industry, women, transport, resources, front, feat.*

A. T. Janakeeva. **Restructuring of industry of Kirgizstan to war-footing during the Great Patriotic War**

The article reviews the restructuring of the industry of the Kyrgyz SSR (Kyrgyz Soviet Socialist Republic) on a war footing at the beginning of the Great Patriotic War. The author shows the conversion of enterprises to produce defense products, allocation and commissioning of the evacuated factories and plants, the problem of ensuring supply of workers. The opinion is given the completion

of the restructuring of industry in the republic on a war footing by the summer of 1942.

Keywords: *war economy, mobilization, evacuation, restructuring, reconstruction*.

G. D. Djunushalieva. **Conversion of the Mining Industry on a War Footing**

The article is devoted to the formation and growth of the Kyrgyz SSR's (Kyrgyz Soviet Socialist Republic) mining industry, which began in the pre-war years coinciding with the industrial revolution, as well as large-scale industrial construction, which significantly changed the sectoral structure of the mining industry during the Great Patriotic War.

Keywords: *metal mining industry, uranium minerals, radium mining, nonferrous metals, rare-earth elements*.

N. A. Alymkulov. **Khaydarkan Mercury-Antimony Plant (Plant No. 5) during the Great trials**

The article is devoted to the activities of one of the leading enterprises of the People's Commissariat of Nonferrous Metallurgy of the USSR that is the Khaydarkan Mercury-Antimony Plant, which became the only enterprise in the country providing with an important strategic raw material mercury in 1941–1945. The dynamics of production growth, the success of the team, scientists, innovators and inventors in the production of mercury are shown.

Keywords: *World War II, Kyrgyzstan, nonferrous metallurgy industry, Khaydarkan Mercury-Antimony Plant*.

Part III. Agriculture of the Urals and Central Asia during the War

K. Yu. Kladova, M. V. Usoltseva. **"Everyone should work for two!": rural home-front everyday life of residents of Mokrousovskiy District of Kurgan Region during Great Patriotic War**

The extraordinarily hard work of rural people led to high rates of grain procurement in the Mokrousovskiy District of the Kurgan Region during the war years. Very few men, who remained on the home front, including management workers, took up the restructuring of agricultural production in the wartime conditions. Women, adolescents and the elderly replaced able-bodied men on the home front. They did hard and skilled jobs as well. Moreover, they did not stop taking care about their own families.

Keywords: *Great Patriotic War, rural home-front everyday life, Mokrousovskiy District, agriculture, personal farm household*.

L. M. Zavyalova. **Contribution of the residents of the Khanty-Mansiysk National District to the development of the fishing industry during the Great Patriotic War 1941–1945**

Based on archival materials, the article analyzes the stages of development of the fishing industry of the Khanty-Mansiysk National District during the Great Patriotic War, reconstructs the organizational structure, and analyzes the production volumes and working conditions of workers.

Keywords: *Khanty-Mansiysk National District, fishing industry, Great Patriotic War*.

V. P. Motrevich, Sh. V. Isufov. **State farms of the Soviet Republics of the Central Asia at the beginning of the Great Patriotic War**

Based on the analysis of the consolidated annual reports of the farms of the Central Asian republics, the material-technical base and results of development of agricultural production in the Soviet economy in 1941 are investigated, and the range and quantity of the agricultural products delivered to the state are determined. The conclusion is substantiated on the fact that in the first six months of the war, state farms in the Central Asia successfully coped with the difficulties of wartime and even surpassed the level of the pre-war 1940 in a number of indicators.

Keywords: *Great Patriotic War, Central Asia, state farms, agriculture, acreage, livestock raising, gross production, procurement.*

I. M. Saidov. **Agriculture of Uzbekistan during the Great Patriotic War**

The article deals with the agricultural workers of Uzbekistan, who through overcoming the difficulties and selflessly working throughout the hard wartime, stoutly forged the victory over the enemy. This paper also narrates about the labor feat of the villagers, which led to the transformation of the republic into a reliable arsenal of the front and was an integral part of the global struggle against fascism.

Keywords: *farming, agriculture, food products, cotton monoculture, war, human resources, material and technical base, political departments, labor discipline, channels, labor feat.*

M. Ovlyakuliyev, A. Atayev. **Labor deeds of agricultural workers of Turkmenistan during the Great Patriotic War**

The Great Patriotic War posed big and complex tasks for the country's agriculture. The collective farmers of Turkmenistan worked selflessly to provide the front with food, and industry with raw materials. The article tells about the labor exploits of the members collective farms in Turkmenistan, who made an important contribution to the common cause of defeating the enemy.

Keywords: *Turkmenistan, agriculture, collective farm, cotton growers, grain, harvest, tractor, plan, pastures, animal husbandry, sericulture.*

N. S. Eschimbekova. **Socio-economic changes in the agriculture of the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War**

The article examines the activities of political departments, the restructuring of agriculture in a military manner, the average annual output of workdays per one able-bodied collective farmer; there are also problems associated with the expansion of cultivated lands, an increase in crop yields, an increase in livestock and livestock productivity, and the supply of agricultural products to the state. The patriotism of the members of collective farms, and their assistance to the working class inside the republic and abroad are shown.

Keywords: *Great Patriotic War, Kyrgyzstan, agriculture, party organizations, collective farms, state farms, members of collective farms, labor feat, patriotism.*

N. A. Alymkulov, S. A. Arzygulova. **Development of beet growing in the Frunze region during the Great Patriotic War of 1941–1945**

The article is devoted to the labor feat of beet growing women in Kyrgyzstan during the Great Patriotic War. Our republic has become the main supplier of sugar, glucose, alcohol to the front, hospitals, orphanages, etc. The article lists the names of well-known beet growing women in the republic, as well as dozens of new names, which have been hardly mentioned in historical literature before.

Keywords: *Great Patriotic War, the heroism of the home front workers, beet growing, the labor feat of the beet growers in the republic in 1940–1946.*

N. B. Khotamov. **Agriculture in Tajikistan during the Great Patriotic War**

During the war years, our republic was given the task of expanding the cultivated lands for grain crops and increasing their yield. It was proposed to increase the cultivated lands for grain crops not only due to additional development of rainfed lands, but also due to a decrease in the area of cotton crops. Thanks to the heroic work of collective farmers, in the difficult year of 1943 the republic not only fulfilled the state plan for grain procurement ahead of schedule, but also provided itself for the first time with its own grain, and also supported the front with bread. In addition to all this, throughout the years of the war, Tajikistan continuously supplied the country and the active army with all types of livestock products.

Keywords: *Soviet Union, Tajikistan, agriculture, collective farms, grain growing, cotton growing, livestock raising, front, Red Army, Victory.*

Part IV. Labor Force

Yu. G. Belonogov. **Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of June 26, 1940 as a legal factor regulating labor mobility during the Great Patriotic War (based on the materials of the Perm Region)**

Based on the materials of Perm State Archives of Socio-Political History, the author studies the law enforcement practice of implementing the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of 26.6.1940 on the territory of the Molotov (Perm) Region during the Great Patriotic War. The wide application of this law has allowed the management of enterprises to leave convicted workers directly in the workplace in conditions of a shortage of personnel. The evolution of the legal norms of the Decree and law enforcement practices during the military period is analyzed.

Keywords: *Decree of June 26, 1940, unauthorized absence, unauthorized leave of the workplace, Molotov Region.*

N. A. Antipin. **Evacuation of the population to the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War: socio-demographic characteristics of the forced migration**

The article is devoted to the analysis of the database “People evacuated to the territory of the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War”, prepared by the Unified State Archive of the Chelyabinsk Region in 2020. The database includes information about 350 thousand people. On the basis of this

resource, the article analyzes the composition of the evacuated population by age, nationality, profession, place of origin, and location in the region, as well as by other parameters.

Keywords: *Great Patriotic War, evacuation, forced migration, archival documents.*

I. V. Sibiryakov. **Intellectual migration as a factor of the Victory: some specific features of engineering personnel training in the universities of the Southern Urals during the Great Patriotic War**

The article discusses some important aspects of training engineering personnel in the universities of the South Urals during the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the role of the Stalingrad Mechanical Institute and the Chelyabinsk Mechanical Engineering Institute (CMEI) in the formation of the Chelyabinsk Engineering Scientific and Production School. The active participation in this process by the graduates of Leningrad and Ukrainian universities, some of whom found themselves in Chelyabinsk within the framework of the so-called "intellectual migration", was noted.

Keywords: *Great Patriotic War, engineers, intellectual migration, CMEI.*

I. V. Rudometova. **Personnel situation at the enterprises of the consumer-goods and food industries in the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War of 1941–1945**

The article contains information about the solution of the personnel issues in the consumer-goods and food industries of the Chelyabinsk Region in 1941–1945. Changes in the age and gender composition of employees are considered, sources of replenishment of the labor force are investigated, and the solution of such issues as personnel training and professional development is analyzed.

Keywords: *consumer-goods and food industries, Great Patriotic War, training of personnel.*

A. V. Budanov. **Karabash Copper Smelting Plant in 1941–1945: personnel potential and crisis management**

The article analyzes the production problems of the State Union Karabash Copper Smelting Plant in 1941–1945. The main methods of crisis management in the conditions of the mobilization planned Soviet economy are described. During the war years, the management of the enterprise sought to rationalize the production process, adapt equipment to work in conditions of a shortage of resources, solved personnel problems, and sought local resources.

Keywords: *mobilization economy, crisis management, copper smelting, war.*

N. N. Ivlev. **Activity of Financial and Economic Technical Schools of the USSR People's Commissariat of Finance in the South Urals during the Great Patriotic War**

The article is devoted to the work of the system of secondary-special educational institutions under the authority of the People's Commissariat of Finance of the USSR during the Great Patriotic War on the territory of the South Urals. It highlights the issues of enrollment of applicants and allotment of graduates. It has been proved that prior to the Great Patriotic War the system of educa-

tional institutions of the People's Commissariat of Finance of the USSR has been in the process of formation but the war has led to its deepest crisis. The institutions have been able to establish work only after 1943 but the main burden on training of financial specialists has been carried by training and retraining courses under the authority of the regional financial departments.

Keywords: *Great Patriotic War, USSR, finance, financial education, educational institutions, training of personnel.*

V. D. Pavlenko. **Labor battalions of Kazakhstan and the Central Asia at industrial enterprises and construction sites in the Urals in 1941–1945**

The article reveals one of the most difficult and complex problems of the military economy — the provision of labor resources for industrial enterprises and construction sites in the Urals at the expense of the mobilized population from Kazakhstan and the Central Asia. The specifics of the use of labor resources, their personnel training for the performance of defense tasks in war conditions, as well as handling domestic problems that correspond to national traditions are shown.

Keywords: *Great Patriotic War, defense enterprises, mobilization of labor resources, barracks, food system, teahouse, labor feat.*

T. A. Alimbaev. **Contribution of the youth of Kazakhstan to the economy of the Victory of the USSR in the Great Patriotic War 1941–1945**

The article highlights the issues of labor heroism of the youth of Kazakhstan in the years of the Great Patriotic War. From the first day of the war, Kazakhstan has become one of the arsenals of the front. At the cost of great effort and hardship the economy of Kazakhstan has been able to ensure the victory of the USSR in the World War II, which is a great merit of the youth of the Republic. The article reveals the topic of training of the youth for factories, plants, mines and crafts, as well as the role of industrial training and the contribution of young people of the village to the victory. During the war propaganda, cultural, ideological and educational work of Komsomol organizations has been rebuilt.

Keywords: *World War II, Kazakhstan, arsenal, the youth, human resources, industry, agriculture, initiatives and start.*

S. I. Inoyatov, K. K. Rajabov. **Contribution of the labor army of Uzbekistan to the production of weapons at industrial enterprises of the Urals**

The article reveals the participation of the labor army of Uzbekistan in the production of weapons at industrial enterprises of the Urals. The victory in the Great Patriotic War has been achieved thanks to the combined efforts of the front and the rear. The regions of the USSR, located in the deep rear, have become the base for the production of weapons, equipment and food for the Red Army, they have received and housed the production and population evacuated from the western regions. During the World War II, in the country of the Soviets, along with soldiers on the fronts of the Great Patriotic War, participants of the labor front — labor army men, who were popularly called "Soldiers without weapons", have worked behind enemy lines.

Keywords: *labor army, labor soldiers, rear, front, production, weapons, equipment, food, region, Urals, Central Asia.*

M. N. Nursaidova. **Labor mobilization in the Urals in 1942–1944 (on the example of the Uzbek SSR)**

The article highlights the causes and difficulties of the mobilization of labor forces from the Central Asia, in particular from the Uzbek SSR (Soviet Socialist Republic). The contribution of labor-mobilized workers from the Uzbek SSR to the victory over fascism is analyzed.

Keywords: *Ural, war, labor mobilization, labor, homeland, memory*.

D. S. Annaorazov. **Contribution of labor mobilized from Turkmenistan to the achievement of Victory in the Great Patriotic War**

The labor merit of the Soviet people during the Great Patriotic War has been an important factor in the Victory over the Nazi Germany and their allies. During the war, along with military, labor mobilization has also been carried out throughout the entire territory of the USSR. The mobilization has also affected the representatives of the Turkmen people, who, from the beginning of the war to its end, in spite of the incredibly harsh climatic and living conditions, worked at military enterprises and construction sites in the Urals, Siberia and the central regions of the RSFSR. The article describes the everyday work of a separate, specific category of Turkmen workers, far from their small homeland, named in the post-Soviet historical literature as "labor-mobilized" and about their contribution to the achievement of the Great Victory.

Keywords: *Urals, Siberia, labor mobilized, military enterprise, military construction, labor merit, culture and everyday life of workers*.

T. I. Staruseva. **Labor heroism as an important factor during the Great Patriotic War (on the example of Kyrgyzstan)**

Kyrgyzstan promptly developed and took organizational and economic measures. The patriotic movement took on a truly popular and heroic character. Effective assistance was provided not only to the front, but also to the wounded, disabled and to families of front-line soldiers. The country made an effective contribution to the victory.

Keywords: *Kyrgyzstan, events, front, help, contribution*.

Part V. Military Daily Life of the Rear

N. P. Paletskikh. **Collective farmers' community mutual-aid funds in the Urals on the eve of and during the Great Patriotic War**

For the first time in regional historiography the article uses the materials of the Big Urals (2 autonomous republics and 5 regions) to attempt to study the activities of the collective farmers' community mutual-aid funds (KOVK) on the eve of and during the Great Patriotic War. The source base of the study was mainly archival materials. The topic is revealed by showing the dynamics of the KOVK network, and the main directions of their work. The study made it possible to draw the main conclusion: despite the unfavorable conditions of the existence of the KOVK during the war, they were not destroyed as a social institution and continued to perform their functions.

Keywords: *collective farmers' community mutual-aid funds, social security agencies (sobes), the Urals, Great Patriotic War*.

S. A. Kuskov. **Solution of the fuel problem by evacuation hospitals during the Second World War (based on the materials of the Chelyabinsk Region)**

Using the example of the Chelyabinsk Region, the article analyzes the experience of independent provision of evacuation hospitals with local fuels over the period of 1940–1945, shows the participation of local authorities, sponsoring enterprises, collective farms, ordinary townspeople, and the recovering wounded people in the preparation and transportation of firewood and peat.

Keywords: *evacuation hospitals, Great Patriotic War, Chelyabinsk Region, public assistance to military medical institutions, heat supply to military hospitals, fuel extraction, committees for assistance to wounded soldiers and invalids of war.*

V. Yu. Sarabeev. **"Using all the forces of the visual language to fight the enemy": the Union of Soviet Artists of the Molotov Region during the Great Patriotic War (according to the documents of the State Archive of the Perm Region)**

The article, based on archival documents, describes the specifics of the activities of the Union of Soviet Artists of the Molotov Region in the wartime conditions of 1941–1945. The main attention is paid to the work directly related to the tasks of victory in the war: to the creation of posters, "agitokno" campaign windows, and other products of propaganda art, as well as to the working conditions of artists in the extreme situation of those years. The sources of the article are documents stored in the archival fund P-1130 "Perm organization of the Union of Artists of the RSFSR" of the State Archives of the Perm Territory.

Keywords: *Union of Soviet Artists, propaganda art, posters, supplies during the war, archival fund, State Archives of the Perm Territory.*

S. N. Uvarov. **The state and problems of healthcare in Udmurtia before and at the beginning of the Great Patriotic War**

Based on unpublished archival materials, the article examines the state of healthcare in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1939–1941 and identifies the problems that existed in this sector. Such problems as the lack of doctors and nurses, their low qualifications, as well as insufficient funding, which caused a shortage of necessary equipment and medicines, are analyzed.

Keywords: *healthcare, Udmurtia, Great Patriotic War, population, epidemic diseases.*

A. V. Volkov. **War and holidays: holding public holidays during the Great Patriotic War in Kurgan (based on the materials of the "Krasny Kurgan" newspaper)**

The article focuses on the problem of holidays functioning during the Great Patriotic War in the city of Kurgan. Based on the materials of the "Krasny Kurgan" newspaper, the author examines the features of the holidays' preparation and organization, and their role and significance for the state and society. This article depicts the transformation of holidays that took place during the period of war and how celebrations were covered on the pages of the newspaper.

Keywords: *Great Patriotic War, New Year, "Krasny Kurgan", Kurgan, holiday, celebration, Red Army.*

A. A. Karpukhina. **Fund raising for the needs of the front, sending wagons with gifts and assistance to the liberated areas by workers and young people of the Kostanay Region**

The article reconstructs the process of collecting money and gifts for the needs of the front based on the documents of the State Archive of Kostanay Region. Special attention is paid to the issue of providing assistance to the liberated areas of the USSR.

Keywords: *defense fund, attack aircraft, tank column, contribution by children and youth, national formation, voluntary Sunday work, cash and prize lottery, assistance to disabled war veterans.*

U. A. Akramova. **Public life of Uzbek Citizens during the Great Patriotic War (based on the materials of the National Archive of Film, Photo and Audio Documents of Uzbekistan)**

Based on the documents of the National Archives of Films, Photographic and Audio Documents of Uzbekistan the author of the article describes the social life of Uzbekistan during the Second World War. With the help of archival documents, the author shows the demand in the development of science, culture, and social events during difficult years of the war.

Keywords: *kindness, humanism, children, evacuation, courage, belief in victory, kinder gardens, hospitals.*

G. R. Asatova. **In the name of victory: physical culture and sports organizations of Uzbekistan during the War of 1941–1945**

The article analyzes the activities of physical culture and sports organizations in Uzbekistan in 1941–1945, determines their socio-historical significance for mass military-physical training, considers the tendency of the development of physical culture and sports in the period covered. Selfless labor, heroism, self-neglect of physical culture workers, athletes, and coaches are reflected on the basis of archival evidence. It is noted that the physical training of the population and youth during this period has contributed to the improvement of the fighting qualities of soldiers.

Keywords: *Military physical training, sport, physical culture and sports activities, competition, GTO Complex (Ready for Labor and Defense), "Be Ready for Labor and Defense", sports associations.*

T. T. Syrdybaev, A. Y. Yrysbekov. **Specific features of mobilization activity in the pre-war and war-time periods in Kyrgyzstan**

The article deals with mobilization activities in the pre-war and war-time periods in Kyrgyzstan. The specific features of mobilization among national formations are analyzed. The fate of the participants of the Great Patriotic War, called up in the pre-war period, is considered.

Keywords: *mobilization, Great Patriotic War, Kyrgyzstan, conscripts, military formations, participants of the Great Patriotic War.*

A. K. Bekboeva, N. U. Kurbanova. **Social protection of military families during the Great Patriotic War (on the example of Kyrgyzstan)**

This article analyzes the role of public authorities, as well as society as a whole, in providing social protection and support to the families of front-line soldiers and children. It is noted that the awareness of the degree of protection of their families in the rear has given the soldiers courage on the fields of a military battle. The attempts have been made to comprehend the practical assistance to each family, which is in dire need of social security. The specifics of social assistance, forms of social support, benefits provided, and the organization of patronage assistance are indicated. According to the authors the normative legal documents adopted in wartime conditions have contributed to the expansion and efficiency of the activities of social security bodies.

Keywords: *state, society, war, home front, social protection, family, allowances, benefits*.

G. Amirbek kyzy. **Significance of opening a branch of the USSR Academy of Sciences in Kyrgyzstan**

The article highlights the background causes for the opening of the Kyrgyz branch of the USSR Academy of Sciences in Kyrgyzstan during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the organizational work of the Kyrgyz branch of the USSR Academy of Sciences, as well as the study of its contribution to the development of Kyrgyz science and the formation of scientific personnel.

Keywords: *USSR Academy of Sciences, Kyrgyz branch, Council of People's Commissars, Presidium, Council of People's Commissars, Central Committee of Communist Party, Great Patriotic War, decree, science, scientist, academician*.

R. Abulkhaev. **Science in Tajikistan during the years of the Great Patriotic War**

In this article based on reliable materials, the development of all branches of science in Tajikistan during the war is considered. The contribution of the scientific institutions of the republic to the reconstruction of the national economy in accordance with the needs of the rear and the existing front in the conditions of war is analyzed. The author examines in detail the activities of the Tajik Branch of the Academy of Sciences of the USSR during the Great Patriotic War, and gives concrete results of the work by scientists.

Keywords: *science, Tajikistan, Tajik Branch of the Academy of Sciences of the USSR, natural sciences, humanities, medicine, training, scientist, scientific institutions*.

A. M. Gafurov. **Evacuation hospitals of Tajikistan in the service of the front**

The problems of organization, maintenance and functioning of the evacuation hospitals formed in Tajikistan during the Great Patriotic War are highlighted. On the basis of archival materials, the work of hospitals, care for the wounded, their treatment, accommodation, etc. is shown. The activities of the Government of Tajikistan on the placement and further functioning of evacuation hospitals are considered.

Keywords: *evacuation hospitals, soldiers, injuries, care, treatment, provision, healthcare, medical workers, rear, front*.

R. Ya. Sharifov. **The care that residents of Tajikistan took of those evacuated during the Great Patriotic War**

This article reveals the contribution of the Republic of Tajikistan to the acceptance and placement of evacuated citizens of the Soviet Union from the front-line territories and occupied zones of the territory of the Soviet Union during the Great Patriotic War. Facts and archival materials telling about the fate of people who, by the will of fate, found themselves on the territory of Tajikistan are analyzed. The activity of medical institutions, hospitals, orphanages and boarding schools, which showed great concern for the wounded soldiers, officers of the Red Army, and hundreds of children orphaned as a result of the enemy aggression, are covered.

Keywords: *Tajikistan, evacuation, wounded, children, orphans, hospital, life.*

B. T. Kabilova. **Tajikistan in the fate and creative work of the evacuated musical and theatrical groups during the Great Patriotic War**

The article is devoted to the art groups evacuated to Tajikistan from the besieged Leningrad, Ukraine, and various cities of the western regions of the USSR during the Great Patriotic War, that became surrounded with the care by the republic's government, theaters, philharmonic society and, of course, the population of Tajikistan. The creative intelligentsia in the evacuation contributed to helping the front by raising funds, and also contributed to the development of the cultural life of Tajikistan during the war, expressed in a variety of musical, theatrical and concert activities, the creation of new works, and the improvement of the performing skills of local artists.

Keywords: *Great Patriotic War, Tajikistan, rear, front, evacuation, cultural life, theater, music, concert, Victory.*

S. Kh. Akramova. **Tajik cinema on the eve and during the Great Patriotic War**

The article briefly describes the history of the formation of Tajik cinema at the end of the 30s of the twentieth century and displays the contribution of the Soviet and Russian directors, cameramen, screenwriters and actors in its further development. The author reveals the creative activity of the Russian theater and cinema masters, evacuated to Tajikistan during the Great Patriotic War in detail. It is noted that during this period dozens of feature, documentary and newsreels have been shot within the walls of the Tajik film studio. The professional activity of Soviet masters in cinema and theater in Tajikistan during the Great Patriotic War has become a great creative school for local directors and actors. The residents of Tajikistan have a great respect to the memory of Russian film masters who lived and worked on Tajik land.

Keywords: *Tajikistan, cinema, art, war, actors, directors, cameramen, film.*

M. S. Imomzoda, Z. A. Saifullaeva. **A Footstep away from the front: Soviet Tajik literature in the rear**

The article highlights the patriotic works of the Soviet Tajik writers and poets created in the rear during the Great Patriotic War. The mobilizing role of patriotic works is noted in the struggle against German fascism.

Keywords: *Great Patriotic War, patriotism, rear, Soviet Tajik literature, fascism.*

Sh. V. Isufov. **Contribution of Kulyab Region workers to the Defense Fund in the years of the Great Patriotic War**

The author of the article analyzes a bright page in the military history of Kulyab that is a patriotic movement to raise funds for the defense fund, the construction of tanks, aircraft and ships.

Keywords: *Great Patriotic War, Defense Fund, Kulyab Region, front, collective farms, oil, grain, meat, eggs, dried fruit*.

Part VI. Historiography and Source Study of the Great Patriotic War

T. V. Verbitskaya. **Documents on evacuation during the Great Patriotic War as a memory policy basis (on the materials of the State Archives of Sverdlovsk Region)**

The work is devoted to study of the materials of the State Archives of the Sverdlovsk Region, dedicated to the evacuation during the Great Patriotic War. The studied documents contain the results of the census of evacuated families and allow determining information about the enterprises evacuated to the Sverdlovsk Region. Based on the study of available materials, archival documents, the author comes to the conclusion on the significant contribution of the Sverdlovsk Region to the victory in the Great Patriotic War.

Keywords: *evacuation, population census, Memory Book, memorial, archival documents*.

A. V. Gerasimova. **Party documents on the work of industrial enterprises in the Tyumen Region during the Great Patriotic War**

The article present a review of the composition and content of the documents of party bodies and organizations of the Tyumen Region on the work from local and evacuated industrial enterprises during the Great Patriotic War (1941–1945).

Keywords: *Tyumen Region, party bodies and organizations, evacuation, industry, industrial enterprises, military production*.

V. N. Mamyachenkov. **Memoirs of V.N. Novikov about the work of the People's Commissariat of Armaments of the USSR during the Great Patriotic War: the view of the "red director"**

The article is dedicated to the memoirs of V.N. Novikov, who was Deputy People's Commissar of Armaments of the USSR during the Great Patriotic War. It is stated that the memories of this author attract attention by their richness of information, completeness and frankness. It is noted that the main place in the memoirs is given to the people with whom the author worked. Attention is focused on the fact that the author of the memoirs, willingly or unwillingly, kept silent about such an important event of the last war as Lend-Lease.

Keywords: *V.N. Novikov, memories, Great Patriotic War, weapons*.

B. D. Shmyrov. **Images of the labor-mobilized from the Central Asian Military District in the South Urals in 1942–1945 (based on the results of scientific research)**

Based on a wide range of sources, the article examines the images of the labor-mobilized from the Central Asian Military District, called up to work in the Soviet industry and economy, in particular in the South Urals – in the Chelyabinsk and Chkalov (Orenburg) regions, during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: *labor-mobilized, Central Asian Military District, industrial enterprises, images.*

N. K. Ubaydullo. **To the question of the periodization of historiography of Tajikistan during the Great Patriotic War 1941–1945**

The article is devoted to historiographical analysis of the history of Tajikistan during world war, the degree of its study and its main periods. It is noted that among the historiographer-researchers there is no single approach to the periodization of historiography of the history of the war period of the republic. It is highlighted that regardless of the notable achievement in the study of this issue, and the publication of numerous monographic studies and scientific collections, as well as other publications, some aspects of the life of the republic and problematic issues still remained unresolved.

Keywords: *Tajikistan, Great Patriotic War, history of the war period, historiography of the Great Patriotic War, residents of Tajikistan, evacuation, historical science.*

Z. M. Suleymanova. **Labor feat of the people of Uzbekistan during the Great Patriotic War (according to the film and photo documents of the National Archive of Film and Photo Documents of Uzbekistan)**

The article, on the basis of documents of the National Archives of Films, Photographic and Sound Documents of Uzbekistan, shows the contribution of the people of Uzbekistan to the Victory over fascism in the Great Patriotic War. In this article, the author especially focused on the labor heroism of the residents of Uzbekistan during their work in industrial enterprises, agriculture, and the construction of irrigation and industrial facilities. A collective portrait of a home front worker of Uzbekistan during the war years is shown.

Keywords: *humanism, evacuation, courage, selfless work, belief in victory, labor heroism.*

Content

Preface 11

Part I. Rear – to the Front 15
S. A. Abrarov, R. E. Kholikova, N. A. Vaisova. Contribution of home front workers-natives of the Urals and the working men of Uzbekistan to the victory over fascism in the Great Patriotic War 16
F. G. Kulueva, R. E. Khalikova. Uzbekistan during the Great Patriotic War 32
N. R. Niyazmuhammedov, P. H. Durdykylychev. Contribution by the working people of Turkmenistan to the victory in the Great Patriotic War during the years of 1941–1945 39
A. K. Rakhimbekova, I.S. Iskakov. Kazakhstan's contribution to the Victory 46
K. K. Abdrakhmanova. Karaganda during the Great Patriotic War 52
E. A. Kalinina. Labor feat of residents of the West Kazakhstan region, including evacuees, in victory in the Second World War 60
S. J. Sapanov, K. S. Jumabaeva, M. S. Sapanova. Guryev Region during the Great Patriotic War: evacuation zone 69

Part II. Industry of the Urals and Central Asia during the War 75
V. V. Menschikov, O. A. Filimonova. Specific features of the industrial development of Kurgan during the Great Patriotic War 76
O. S. Pavlova. Placement and commissioning of the evacuated industrial enterprises on the territory of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War 85
A. M. Emelyanov. Leningrad Aviation Equipment Plant in evacuation (according to the documents of the Molotov City Committee of the All-Union Communist Party Bolsheviks) 95
Kh. B. Babadjanov. Tashkent Railway in 1941–1945 104
N. B. Khotamov. Industry of Tajikistan during the Great Patriotic War 108
A. Z. Akramov. Specific character of restructuring of industrial production in Tajikistan under the conditions of the Great Patriotic War 117
A. T. Janakeeva. Restructuring of industry of Kirgizstan to war-footing during the Great Patriotic War 124
G. D. Djunushalieva. Conversion of the Mining Industry on a War Footing 130
N. A. Alymkulov. Khaydarkan Mercury-Antimony Plant (Plant No. 5) during the Great trials 146

Part III. Agriculture of the Urals and Central Asia during the War 153
K. Yu. Kladova, M. V. Usol¢tseva. "Everyone should work for two!": rural home-front everyday life of residents of Mokrousovskiy District of Kurgan Region during Great Patriotic War 154
L. M. Zavyalova. Contribution of the residents of the Khanty-Mansiysk National District to the development of the fishing industry during the Great Patriotic War 1941–1945 164
V. P. Motrevich, Sh. V. Isufov. State farms of the Soviet Republics of the Central Asia at the beginning of the Great Patriotic War 172
I. M. Saidov. Agriculture of Uzbekistan during the Great Patriotic War 182
M. Ovlyakuliyev, A. Atayev. Labor deeds of agricultural workers of Turkmenistan during the Great Patriotic War 198
N. S. Eschimbekova. Socio-economic changes in the agriculture of the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War 205
N. A. Alymkulov, S. A. Arzygulova. Development of beet growing in the Frunze region during the Great Patriotic War of 1941–1945 215
N. B. Khotamov. Agriculture in Tajikistan during the Great Patriotic War 226

Part IV. Labor Force 233
Yu. G. Belonogov. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of June 26, 1940 as a legal factor regulating labor mobility during the Great Patriotic War (based on the materials of the Perm Region) 234
N. A. Antipin. Evacuation of the population to the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War: socio-demographic characteristics of the forced migration 244
I. V. Sibiryakov. Intellectual migration as a factor of the Victory: some specific features of engineering personnel training in the universities of the Southern Urals during the Great Patriotic War 259
I. V. Rudometova. Personnel situation at the enterprises of the consumer-goods and food industries in the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War of 1941–1945 269
A. V. Budanov. Karabash Copper Smelting Plant in 1941–1945: personnel potential and crisis management 278
N. N. Ivlev. Activity of Financial and Economic Technical Schools of the USSR People's Commissariat of Finance in the South Urals during the Great Patriotic War 296
V. D. Pavlenko. Labor battalions of Kazakhstan and the Central Asia at industrial enterprises and construction sites in the Urals in 1941–1945 303
T. A. Alimbaev. Contribution of the youth of Kazakhstan to the economy of the Victory of the USSR in the Great Patriotic War 1941–1945 312
S. I. Inoyatov, K. K. Rajabov. Contribution of the labor army of Uzbekistan

to the production of weapons at industrial enterprises of the Urals..... 318
M. N. Nursaidova. Labor mobilization in the Urals in 1942–1944
(on the example of the Uzbek SSR) 324
D. S. Annaorazov. Contribution of labor mobilized from Turkmenistan
to the achievement of Victory in the Great Patriotic War 329
T. I. Staruseva. Labor heroism as an important factor during
the Great Patriotic War (on the example of Kyrgyzstan) 340

Part V. Military Daily Life of the Rear..... 349
N. P. Paletskikh. Collective farmers' community mutual-aid funds
in the Urals on the eve of and during the Great Patriotic War..... 350
S. A. Kuskov. Solution of the fuel problem by evacuation hospitals during
the Second World War (based on the materials of the Chelyabinsk Region).... 363
V. Yu. Sarabeev. "Using all the forces of the visual language to fight
the enemy": the Union of Soviet Artists of the Molotov Region during
the Great Patriotic War (according to the documents of the State Archive
of the Perm Region) 385
S. N. Uvarov. The state and problems of healthcare in Udmurtia before
and at the beginning of the Great Patriotic War 393
A. V. Volkov. War and holidays: holding public holidays during
the Great Patriotic War in Kurgan (based on the materials
of the "Krasny Kurgan" newspaper)..... 401
A. A. Karpukhina. Fund raising for the needs of the front, sending wagons
with gifts and assistance to the liberated areas by workers and young people
of the Kostanay Region 410
U. A. Akramova. Public life of Uzbek Citizens during the Great Patriotic War
(based on the materials of the National Archive of Film, Photo
and Audio Documents of Uzbekistan)..... 416
G. R. Asatova. In the name of victory: physical culture and sports
organizations of Uzbekistan during the War of 1941–1945..... 419
T. T. Syrdybaev, A. Y. Yrysbekov. Specific features of mobilization activity
in the pre-war and war-time periods in Kyrgyzstan..... 429
A. K. Bekboeva, N. U. Kurbanova. Social protection of military
families during the Great Patriotic War (on the example of Kyrgyzstan)..... 435
G. Amirbek kyzy. Significance of opening a branch of the USSR Academy
of Sciences in Kyrgyzstan 443
R. Abulkhaev. Science in Tajikistan during the years
of the Great Patriotic War..... 448
A. M. Gafurov. Evacuation hospitals of Tajikistan in the service of the front..... 456
R. Ya. Sharifov. The care that residents of Tajikistan took
of those evacuated during the Great Patriotic War 462
B. T. Kabilova. Tajikistan in the fate and creative work
of the evacuated musical and theatrical groups during

the Great Patriotic War 468
S. Kh. Akramova. Tajik cinema on the eve and during
the Great Patriotic War 477
M. S. Imomzoda, Z. A. Saifullaeva. A Footstep away from the front:
Soviet Tajik literature in the rear..... 483
Sh. V. Isufov. Contribution of Kulyab Region workers
to the Defense Fund in the years of the Great Patriotic War 491

Part VI. Historiography and Source Study of the Great Patriotic War 495
T. V. Verbitskaya. Documents on evacuation during the Great Patriotic War
as a memory policy basis (on the materials of the State Archives
of Sverdlovsk Region)..... 496
A. V. Gerasimova. Party documents on the work of industrial enterprises
in the Tyumen Region during the Great Patriotic War 502
V. N. Mamyachenkov. Memoirs of V.N. Novikov about the work
of the People's Commissariat of Armaments of the USSR during
the Great Patriotic War: the view of the "red director"..... 507
B. D. Shmyrov. Images of the labor-mobilized from the Central Asian
Military District in the South Urals in 1942–1945
(based on the results of scientific research)..... 521
N. K. Ubaydullo. To the question of the periodization of historiography
of Tajikistan during the Great Patriotic War 1941–1945 528
Z. M. Suleymanova. Labor feat of the people of Uzbekistan during
the Great Patriotic War (according to the film and photo documents
of the National Archive of Film and Photo Documents of Uzbekistan) 539

Information about the authors 543

List of abbreviations..... 549

Summary..... 554

Научное издание

Труд во имя Победы:
трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии
в годы Великой Отечественной войны

Сборник научных статей

Редактор, корректор *Н. А. Антипин*
Верстка *В. Б. Феркель*

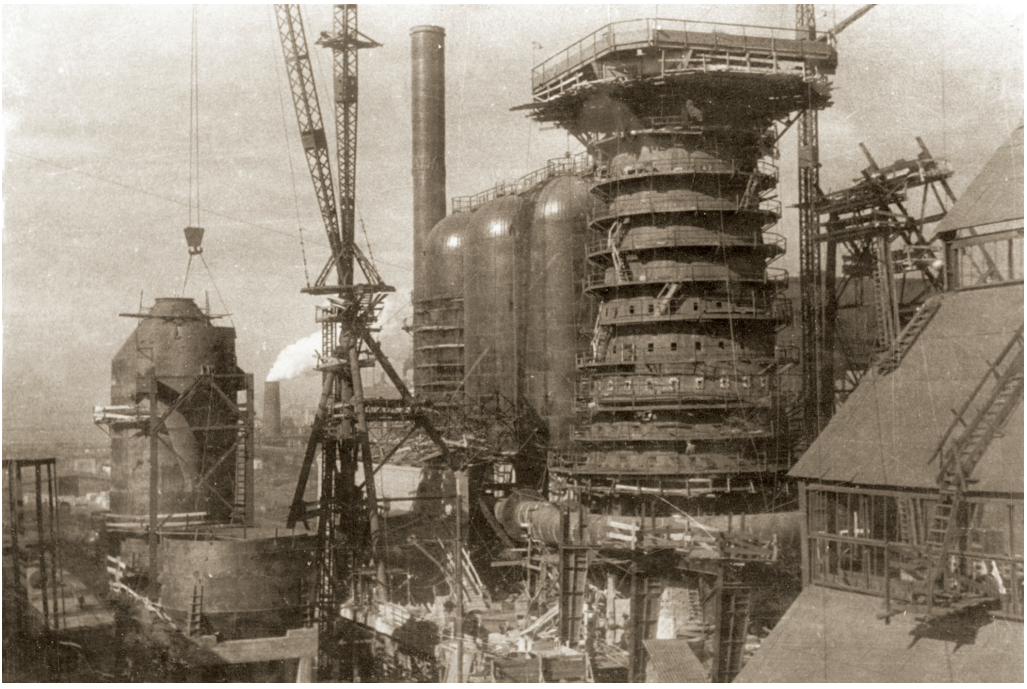
Подписано в печать 01.04.2021 г.
Гарнитура BaskervilleWin95BT
Бумага офсетная. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 48,10 +1,30
Заказ №____
Тираж 200 экз.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76

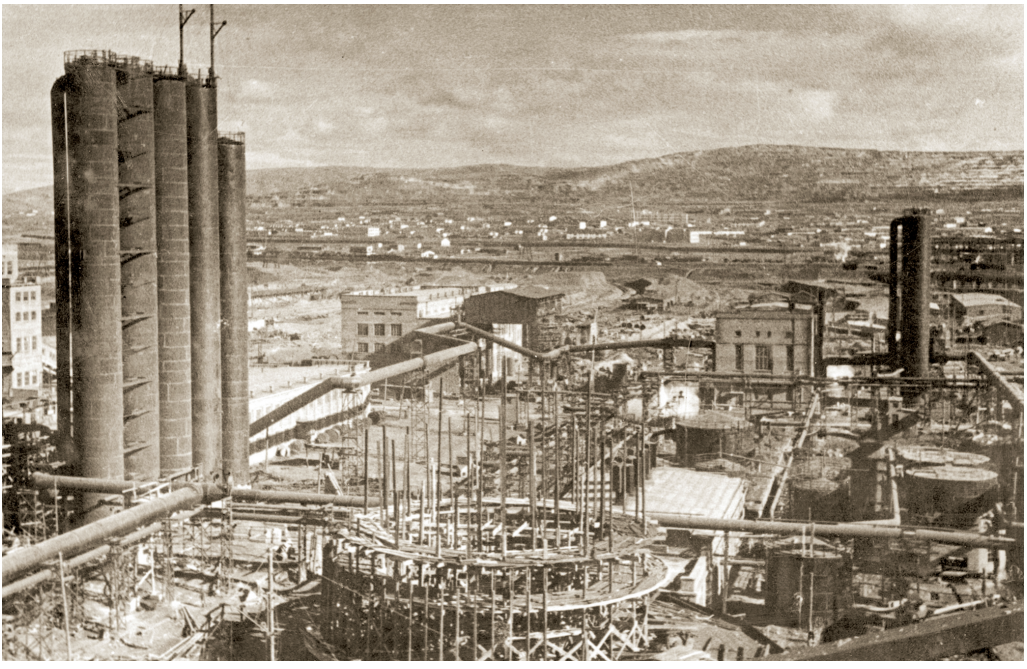
Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в АО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60

Для заметок

Для заметок

Строительство комсомольской доменной печи № 6 на Магнитогорском металлургическом комбинате. Челябинская область, 1943 г.

Строительство коксохимцеха на Магнитогорском металлургическом комбинате. Челябинская область, 1943 г.

Сборка самоходных установок на Кировском заводе. Челябинск, 1944 г.

Монтаж башни танка в сборочном цехе Кировского завода. Челябинск, 1942 г.

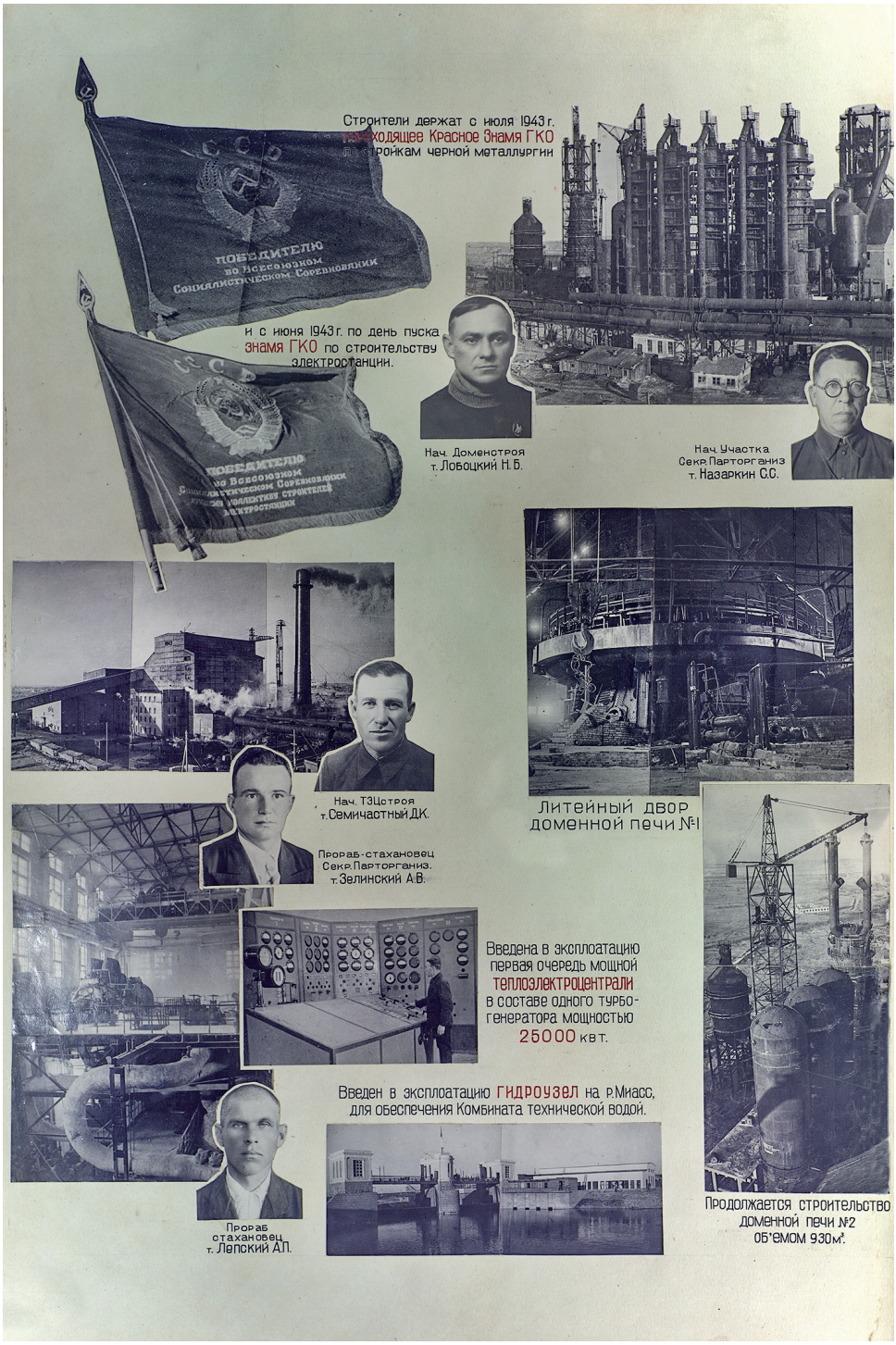
Установка мотора на танк в сборочном цехе Кировского завода. Челябинск, 1945 г.

Сборка танков на Кировском заводе. Челябинск, 1942 г.

Танк ИС-2 перед военной приемкой на Кировском заводе. Челябинск, 1945 г.

Челябметаллургстрой. Из «Рапорта товарищу Сталину

от большевиков Челябинской области». 1944 г.

Стахановец Р. Джураев
на строительстве Челябинского
металлургического завода.
Рисунок А. А. Крюкова. 1942–1944 гг.

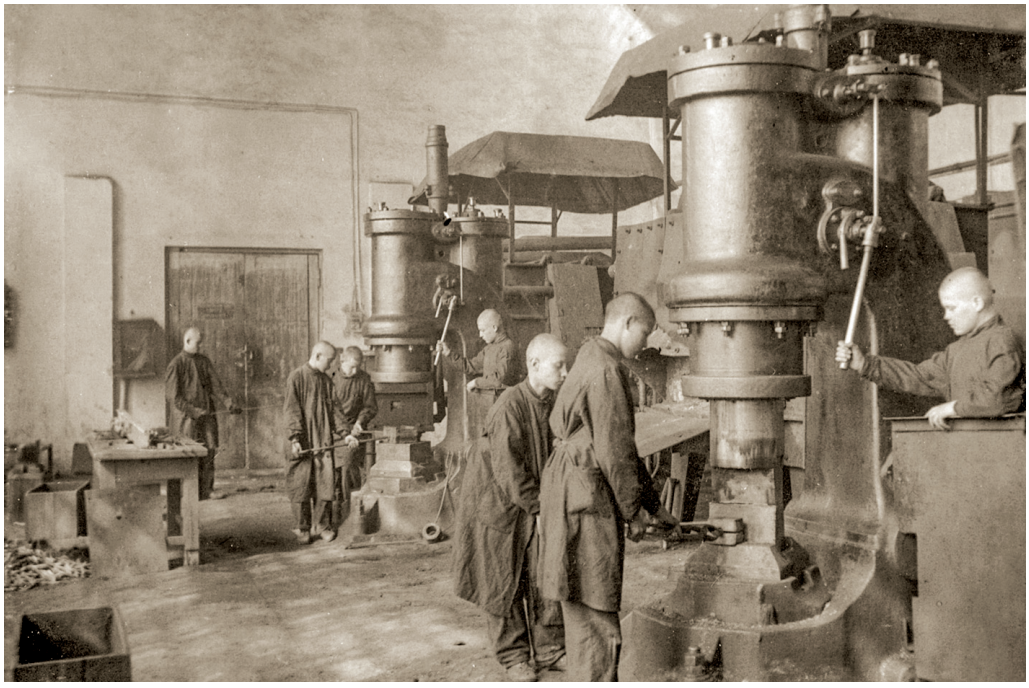
Трудмобилизованные из Киргизской
ССР на строительстве Челябинского
металлургического завода.
Рисунок А. А. Крюкова. 1942–1944 гг.

Подготовка посылок на фронт. Рисунок А. А. Крюкова. Челябинск, 1943 г.

Ремесленное училище № 2 г. Челябинска. Учащиеся группы № 46 на практике. 1941 г.

Ремесленное училище № 2 г. Челябинска. Учащиеся группы № 46 на производственном участке. 1941 г.

Комсомольско-молодежная бригада А. Бахарева цеха № 7
Усть-Катавского вагоностроительного завода. Челябинская область, 1943 г.

Комсомольско-молодежные бригады Понтявиной и Вишнякова цеха № 25
Усть-Катавского вагоностроительного завода. Челябинская область, 1943 г.

Готовый танк выходит из цеха Кировского завода. Челябинск, 1944 г.

Эшелон с автомобилями Уральского автозавода отправляется на фронт.
Миасс, 1944 г.

На одном из заводов в Узбекистане. Ташкент, 1943 г.

Бригадир Маргиланской шелкомотальной фабрики имени В. В. Куйбышева А. С. Джахонова. Маргилан, 1944 г.

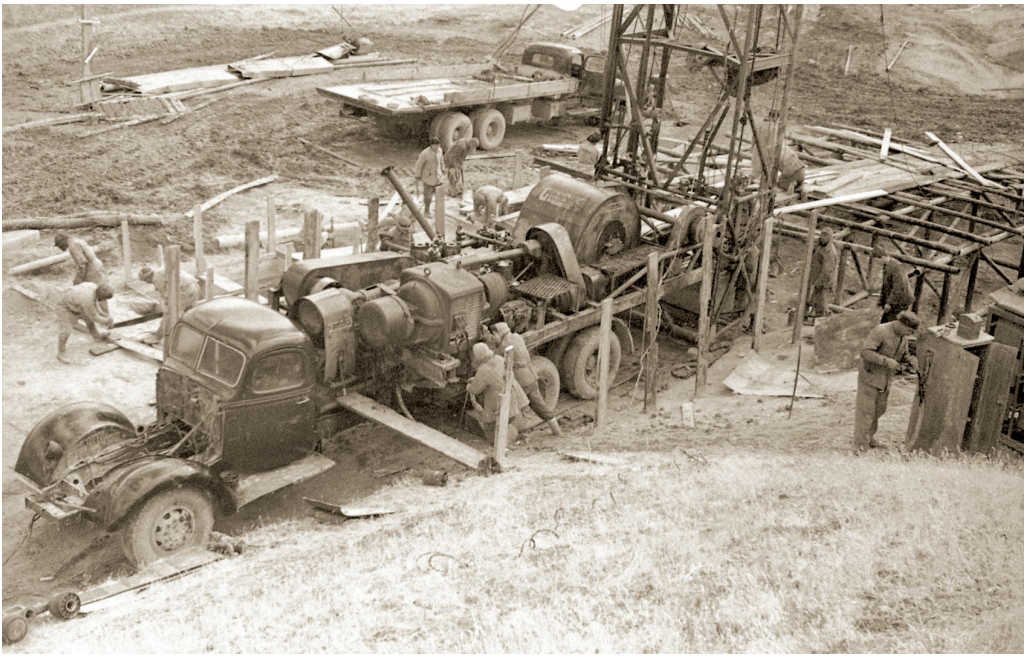
Стахановка Мадина Абдурафинова на пошиве теплого обмундирования для Красной Армии. Наманган, 1944 г.

Пошив одежды для фронта в годы Великой Отечественной войны. Свердловская область, 1941–1945 гг.

Помощник мастера Ташкентского текстильного комбината Курашов перед уходом на фронт обучает свою жену и ее подруг. 1942 г.

Буровая № 58 нефтепромысла в Андижане. 1943 г.

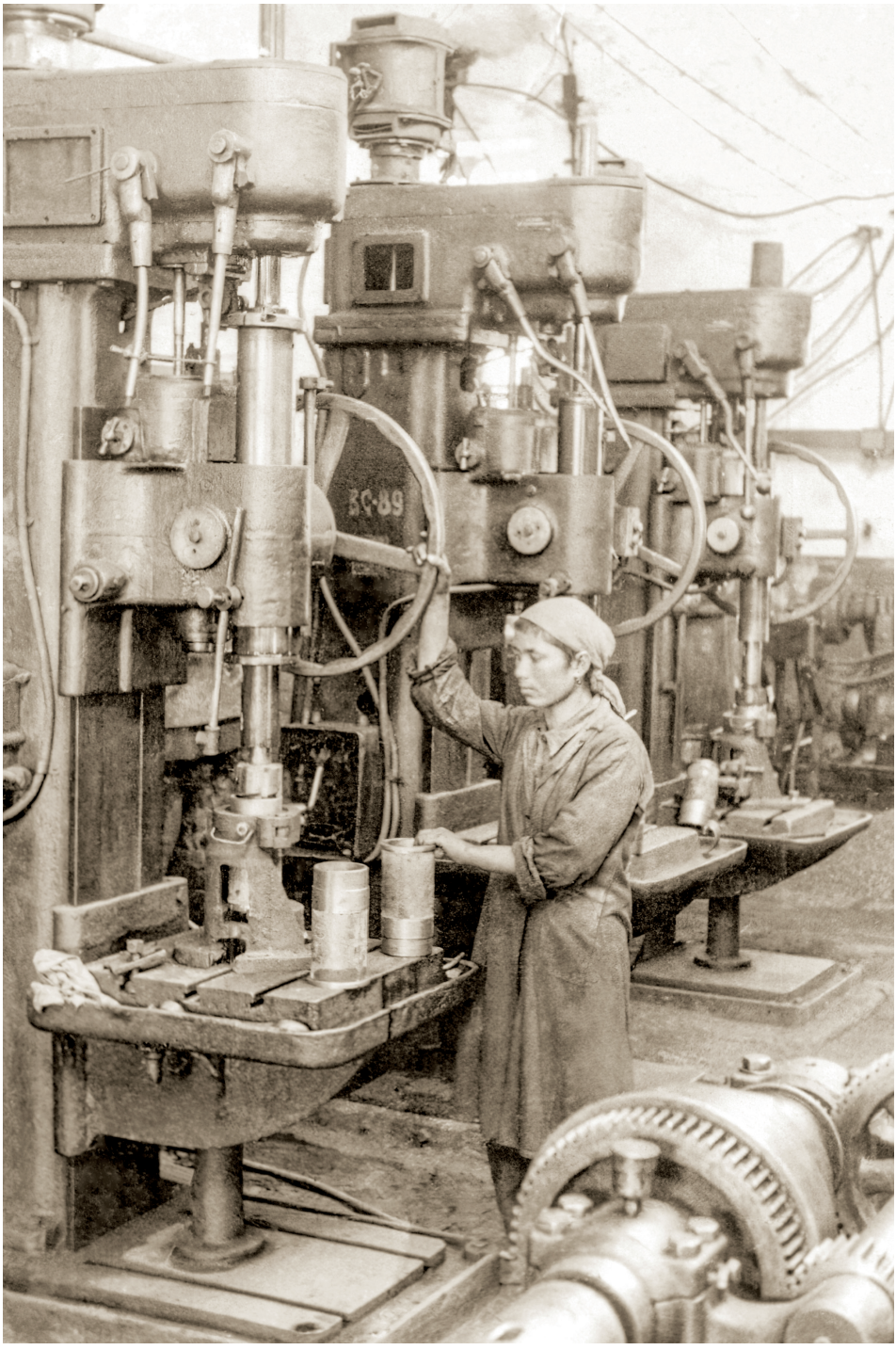
Отправка посылки на фронт. 1941 г.

Сбор теплых вещей для семей фронтовиков. Узбекистан, 1943 г.

Хлопковый завод № 1. Упаковка посылок на фронт. Наманган, 1941 г.

Многостаночница завода «Красный двигатель» М. Махмудова за работой. Самарканд, 1943 г.